

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

4

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 4

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 4

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Редакционная коллегия:
О. И. Богуславский, В. А. Завьялов, В. А. Лапшин, Е. Н. Носов,
Н. Ф. Соловьева (ответственный редактор, составитель)

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьев
Корректор Е. С. Молчанова

Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 4
(охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьева ;
ИИМК РАН. – СПб. Изд-во ООО «Периферия», 2014. – 412 с.: ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS. [№] 4
(rescue archaeology) / ed. by N. F. Solovyova ;
IHMC RAS. – SPb. Publishing House OOO «Periphery», 2014. – 412 pp.: ill.

ISBN 9-785-906168-11-5

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Четвертый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, осуществленных Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2012–2013 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The fourth number of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St.-Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2012–2013 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 9-785-906168-11-5

УДК 902/904
ББК 63.4

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2014
© Отдел охранной археологии ИИМК РАН. 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Археологические исследования на ул. Кропоткина, д. 1, лит. А, в Петроградском районе Санкт-Петербурга 13
И. А. Гарбуз, М. А. Медведева, Р. В. Филиппенко

Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, Аптекарский пер., д. 6, лит. Б 49
И. А. Гарбуз, С. Л. Соловьев

Охранные археологические исследования близ лютеранской церкви Св. Марии в ур. Козье Болото на Петроградской стороне 65
И. И. Еремеев, С. Л. Соловьев

Архитектурно-археологическое обследование Служебного корпуса в петергофской Александрии (сезон 2012 г.) 87
С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых

Поиски фундамента недостроенного монастыря Св. Харлампия в Гатчине (сезон 2012 г.) 97
С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых

Археологические исследования на углу Баскова пер. и ул. Короленко 109
А. А. Лазарев

Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 102, лит. А, в 2013 г. 127
К. А. Михайлов, С. Л. Соловьев

Архитектурно-археологические исследования Скорбящей церкви в Санкт-Петербурге 133
Н. В. Новоселов, К. А. Михайлов

Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной). Исследования 2013 г. 145
С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева, Ст. А. Васильев, А. Г. Фурасьев

Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 3, лит. А 171
А. М. Смирнов, С. Л. Соловьев

Работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. 181
И. А. Федоров, Д. Н. Мурзенков, В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев, Е. Р. Михайлова

Археологические исследования на Северо-Западе России

Никольский раскоп в северо-восточной части Рюрикова городища 233
И. И. Еремеев, Е. Н. Носов

Ранние оборонительные сооружения Ивангородской крепости. Археологические исследования Крепости 1492 г. в 1980–2012 гг. 251
А. В. Курбатов

Обследование погребений семейства Демидовых в церкви Св. Александра Невского в дер. Александровка 271
С. Г. Попов, З. Р. Румянцева, С. А. Семенов, А. Г. Боровиков, Л. С. Вершинина

Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка 287
А. И. Сакса

Памятники Бокситогорского района. Грунтовый (?) могильник в д. Осиновка 293
С. А. Семенов, К. А. Михайлов, Ст. А. Васильев

Археологические исследования в регионах России

Краткий обзор охранных работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2013 г. 303
С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков

Исследование поселения Черноусово-3 в Ермаковском районе Красноярского края 319
Н. А. Боковенко, А. А. Городилов

Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. 327
Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, В. О. Глухов, В. А. Завьялов, Т. Р. Садыков, Н. Ю. Смирнов

Подводные археологические исследования древнегреческого города Акра в 2011–2013 гг. 367
С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев

Междисциплинарные исследования

Монетные находки в контексте раскопок по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 379
А. Ю. Городилов, В. Н. Седых

Результаты антропологического исследования скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской ул. 387
А. А. Казарницкий, И. Г. Широбоков

Изучение нумизматического материала в процессе реставрации 397
Н. С. Курганов, К. В. Горлов

Соотношение дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения на материалах раскопа в квартале между Тульской ул. и Смольным пр. (2012 г.) 405
В. А. Лапшин, О. А. Тарабардина

Список сокращений 409

Список авторов 410

CONTENTS

Preface **9**

Archaeological Investigations in St. Petersburg and its Suburbs

Archaeological Investigations in 1-A Kropotkin Street in the Petrograd District of St. Petersburg **13**
I. A. Garbuz, M. A. Medvedeva, R. V. Filippenko

Rescue Archaeological Investigations in St. Petersburg, 6-B Aptekarsky Lane **49**
I. A. Garbuz, S. L. Solovyev

Rescue Archaeological Investigations near the Lutheran Church of St. Mary in the Tract of Kozye Boloto in the Petrograd Side **65**
I. I. Eremeev, S. L. Solovyev

Architectural and Archaeological Surveys of Sluzhebny Korpus in Peterhof's Alexandria (Season of 2012) **87**
S. Yu. Kargapoltsev, M. Yu. Kargapoltsev, V. N. Sedykh

Search for the Foundation of the Unfinished Monastery of St. Harlampios in Gatchina (2012) **97**
S. Yu. Kargopoltsev, M. Yu. Kargopoltsev, V. N. Sedykh

Archaeological Investigations at the Corner of Baskov Lane and Korolenko Street **109**
A. A. Lazarev

Rescue Archaeological Investigations in St. Petersburg, 102-A Moyka River Emb. (2013) **127**
K. A. Mikhaylov, S. L. Solovyev

Architectural and Archaeological Investigations of the Mourning Church in St. Petersburg **133**
N. V. Novoselov, K. A. Mikhaylov

Church of the Dormition of Our Lady (Saviour Church in Sennaya Square). Investigations of 2013 ..... **145**
S. A. Semenov, N. F. Solovyeva, St. A. Vasilyev, A. G. Furasyev

Rescue Archaeological Investigations in St. Petersburg: 3-A Fontanka River Emb. **171**
A. M. Smirnov, S. L. Solovyev

Works of Prof. G. S. Lebedev, Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage Laboratory of the St. Petersburg State University in the Territory of St. Petersburg in 2012–2013 ..... **181**
I. A. Fedorov, D. N. Murzenkov, V. Yu. Sobolev, K. V. Shmelev, E. R. Mikhaylova

Archaeological Investigations in Northwestern Russia

Nikolsky Excavation in the Northeastern Section of Ryurik Gorodishche **233**
I. I. Eremeev, E. N. Nosov

Early Fortifications of the Ivangorod Fortress of 1492. Archaeological Investigations in 1980–2012 251
A. V. Kurbatov

Investigation of Burials of the Demidov's Family in the Church Devoted to St. Alexander Nevsky in the Village of Aleksandrovka 271
S. G. Popov, Z. R. Rumyantseva, S. A. Semenov, A. G. Borovikov, L. S. Vershinina

Islands in the Eastern Part of the Gulf of Finland in the Context of Archaeological Sites of Estonia, Finland and the Karelian Isthmus 287
A. I. Saksa

Archaeological Sites in Boksitogorsk District. Flatgrave (?) Cemetery in the Village of Osinovka 293
S. A. Semenov, K. A. Mikhaiylov, St. A. Vasilyev

Archaeological Investigations in Russia

Brief Review of Rescue Works of the Sayan Archaeological Expedition of IHMC RAS in the Valley of the Idzhim River in 2013 303
S. V. Aleksandrov, N. A. Bokovenko, I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov

Investigation of the Settlement-site of Chernousovo-3 in the Yermakov District of Krasnoyarsk Kray 319
N. A. Bokovenko, A. A. Gorodilov

Preliminary Results of Investigations of the Tuva Archaeological Expedition in 2013 327
Vl. A. Semenov, M. E. Kilunovskaya, V. O. Glukhov, V. A. Zav'yalov, T. R. Sadykov, N. Yu. Smirnov

Underwater Archaeological Investigations of the Ancient Greek City of Akra in 2011–2013 367
S. L. Solovyev, V. V. Vakhoniev

Interdisciplinary Studies

Coin Finds from Excavations in St. Petersburg, 12 Bolshaya Posadskaya Street 379
A. Yu. Gorodilov, V. N. Sedykh

Results of Anthropologic Studies of Skeletal Remains from Excavations of a Cemetery of the Early 18th Century in Bolshaya Posadskaya Street 387
A. A. Kazarnitskiy, I. G. Shirobokov

Studies of Numismatic Finds during the Process of Restoration 397
N. S. Kurganov, K. V. Gorlov

Comparison of Dendrodates of Buildings and Dates of Minting of the Coins Retrieved from their Fills on the Basis of Finds from Excavation in the Living Block between the Tulskaya Street and Smolny Avenue (2012) 405
V. A. Lapshin, O. A. Tarabardina

List of Abbreviations 409

List of Authors 410

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мероприятия по спасению и сохранению объектов археологического наследия, которым грозит частичное или полное разрушение в результате хозяйственной деятельности человека, принято называть новостроечной, контрактной, коммерческой, хоздоговорной, охранной, спасательной или охранно-спасательной деятельностью. Основной ее задачей являются сохранение археологического наследия и формирование у населения исторического сознания и уважительного отношения к прошлому.

Велико значение охранно-спасательных раскопок и как археологического и исторического источника. Так, например, почти все научные построения по археологии Сибири за последние полвека были сделаны на базе новостроечных работ, а в условиях мегаполисов практически нет иной возможности получения новых данных, кроме проведения археологических исследований на участках, отводимых под реконструкцию или новую застройку. Это налагает особую ответственность на специалистов, работающих в спасательной археологии в жестких условиях графика и объемов работ застройщика. Археологи обязаны обладать богатым опытом полевых работ и владеть всеми современными методами их проведения. Непременным условием успешного завершения археологических исследований на новостройках должны быть публикации их результатов, чему в ИИМК РАН служат ежегодные выпуски Бюллетеня.

Настоящий выпуск в основном посвящен охранно-спасательной археологической деятельности ИИМК РАН в 2013 г. В институте весь комплекс задач, связанных с проведением и обеспечением новостроечных археологических работ, выполняет Отдел охранной археологии. Сотрудники отдела плодотворно работают с государственными органами охраны памятников истории и культуры, музеями, общественными организациями, ведут просветительскую работу среди застройщиков, проводят обучающие семинары по методике охранных раскопок и фиксации археологических объектов.

Залогом успешной деятельности по физическому сохранению памятников является развитие связей с отраслевыми проектирующими организациями. Отдел осуществляет разработку проектно-сметной документации на проведение охранно-спасательных мероприятий на различных этапах проектирования строительных объектов, создает разделы по обеспечению сохранности объектов культурного наследия для проектной документации заказчиков.

Кроме проведения археологических исследований своими силами, отдел ведет переговоры, разрабатывает договорную документацию, оказывает помощь в планировании и составлении финансовой отчетности, снабжает необходимым точным оборудованием и специалистами другие подразделения института, сотрудники которых, наряду со специалистами различных научно-исследовательских, учебных и музейных организаций Санкт-Петербурга и других городов России, традиционно участвуют в экспедиционных исследованиях отдела. В 2013 г. 95 % проектов, выполненных ИИМК РАН по хоздоговорам, были заключены Отделом охранной археологии, а выполнены смешанным коллективом сотрудников. В свою очередь, сотрудники отдела принимают участие в аналогичных работах научных учреждений России и ближнего зарубежья. Набирают силы и опыт Лаборатория консервации и реставрации и Камеральная лаборатория Отдела охранной археологии ИИМК РАН.

В 2013 г., как и в предыдущие годы, ИИМК РАН выполнил большой объем охранно-спасательных археологических работ на территории Санкт-Петербурга и пригородов (информация об этих работах представлена в статьях, объединенных в первом разделе настоящего Бюллетеня – «Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах»).

Значительная часть этих работ носила разведочный характер. Большое количество археологических шурфов, заложенных в разных районах города, позволили уточнить исторические сведения о городской застройке, характер и насыщенность культурного слоя раннего Петербурга, выявить остатки деревянных и каменных строений, дренажных конструкций и мостовых и получить вещевой материал XVIII–XIX вв.

Район Петроградской стороны после перемещения официального центра города на левый берег Невы на полтора столетия превратился в провинциальную

окраину с деревянной застройкой и небольшими кривыми улочками, что подтверждается проводимыми археологическими исследованиями.

В результате разведочных работ на ул. Кропоткина (И. А. Гарбуз, М. А. Медведева, Р. В. Филиппенко) выявлены участки погребенной почвы XIX в. с остатками деревянных конструкций и слоем щепы, характерными для исторической части Санкт-Петербурга времен активного деревянного строительства. Обнаруженные конструкции и дренажная система были построены не позднее начала XIX в. и функционировали до строительства бань Шорохова, что, наряду с коллекцией археологических находок, позволяет судить об активном использовании территории на всем протяжении XIX–XX вв.

В статье «Охранные археологические исследования близ лютеранской церкви Св. Марии в ур. Козье Болото на Петроградской стороне» (И. И. Еремеев, С. Л. Соловьев) представлены результаты разведочных работ на пересечении ул. Сытнинская и Кронверкская на Петроградской стороне. Их главной задачей являлось обследование территории к юго-западу от стоявшей здесь лютеранской церкви Св. Марии второй половины XIX в. Итогом разведок стали полномасштабные комплексные археологические раскопки всего участка строительства, давшие уникальные материалы по истории раннего Петербурга. Ко времени верстки Бюллетеня № 4 раскопки еще не были завершены.

Интересные результаты получены на Аптекарском пер. в районе Марсова поля на территории объекта культурного наследия регионального значения «Особняк С. П. Ягужинского» (И. А. Гарбуз, С. Л. Соловьев). Впервые за время археологических исследований в центральной части Санкт-Петербурга обнаружено булыжное мощение второй половины XVIII в., лежавшее на слое одного из пожаров, нередко случавшихся в этой части города в 30–40-е гг. XVIII в.

В ходе археологических разведочных работ на Басковом пер. выявлены культурные слои середины XVIII – начала XX в., связанные со строительством и перестройкой слободы Преображенского полка и хозяйственного двора Лейб-гвардии 1-ой Артиллерийской бригады (А. А. Лазарев).

Разведки на наб. р. Фонтанки во дворе исторического здания тяговой подстанции № 11 показали, что строительство окружающих зданий почти не затронуло городские исторические слои, а собранные находки указывают на наличие в этом месте культурного слоя XVIII – начала XX в. (А. М. Смирнов и С. Л. Соловьев).

Масштабным раскопкам на наб. р. Мойки предшествовали археологические разведки (К. А. Михайлов, С. Л. Соловьев). Участок исследования расположен на землях, входивших в состав шведских угодий XVII в. С 1710-х гг. в этом районе располагались дачи известнейших государственных деятелей, сподвижников Петра I. Однако известен участок в связи со стоявшим здесь тюремным замком, получившим название Литовский, в котором располагалась Санкт-Петербургская градская тюрьма. В 1917 г. Литовский замок был сожжен, а в 1929 г. принято решение о его сносе. В ходе разведочных работ в пределах изучаемого участка были обнаружены фрагменты фундаментов северной части замка.

В 2013 г. проведено археологическое вскрытие остатков церкви Иконы Божьей Матери Всех Скорбящих Радости (Скорбящая церковь) на пр. Обуховской Обороны неподалеку от Финляндского железнодорожного моста (Н. В. Новоселов, К. А. Михайлов). Исследования проводились под планируемое воссоздание утраченного храма. В процессе раскопок были выявлены особенности строительной техники, условия строительства храма, собрана большая коллекция находок: фрагменты монументальной живописи, архитектурные детали и предметы интерьера, дающие представление о внешнем облике храма и о его внутреннем убранстве.

В связи с идеей воссоздания церкви Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной) ИИМК РАН провел архитектурно-археологические исследования сохранившихся фрагментов архитектуры храма (С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева, Ст. А. Васильев, А. Г. Фурасьев). Церковь простояла на Сенной площади с 1765 г. по 1961 г. В момент своего расцвета храм обладал богатым внутренним убранством, а его колокольня была второй по высоте в городе, уступая лишь колокольне Петропавловского собора. В 2012 г. сотрудники института осуществляли археологический надзор за земляными работами, целью которых было уточнение границ объекта культурного наследия «Фундамент Церкви Успения Пресвятой Богородицы». В 2013 г. на месте нахождения фундамента церкви были проведены полномасштабные раскопки. В ходе работ удалось проследить внешние границы храма и детали внутренней архитектуры. Сохранность отдельных участков позволяет музеефицировать их при воссоздании Спаса на Сенной. Среди немногочисленных находок особый интерес представляет закладной серебряный рубль времени Екатерины II чеканки 1776 г.

Статья «Работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг.» (И. А. Федоров, Д. Н. Мурзенков, В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев, Е. Р. Михайлова) посвящена охранным археологическим мероприятиям, проведенным археологами СПбГУ в историческом центре города в 2012–2013 гг. Работы затронули несколько микрорайонов: историческую Колтовскую слободу на северо-западе Петроградского острова, южную окраину Покровского острова, несколько участков на Васильевском острове, на современном Лиговском пр. и близ Таврического сада. Проведенные исследования позволили получить новые данные как об отдельных объектах и земельных участках на территории города, так и о развитии материальной культуры Петербурга в целом.

Охранные археологические исследования ИИМК РАН охватывали и пригороды – территорию Большого Санкт-Петербурга.

Архитектурно-археологические изыскания на территории ГМЗ «Петергоф» традиционно предваряют комплексную реставрацию ряда объектов. Обследованию фундамента и территории, прилегающей к зданию Служебного корпуса дворца Коттедж в парке Александрия посвящена статья «Архитектурно-археологическое обследование Служебного корпуса в петергофской Александрии (сезон 2012 г.)» (С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых).

Исследования на юго-западной окраине Гатчинского парка с целью поиска фундамента корпусов монастыря Св. Харлампия, который должен был быть построен в 1800–1801 гг., не выявили остатков строений (С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых). Из полученных данных можно предположить, что монастырь так и не успели возвести. При этом нельзя исключать, что на каких-то участках фундамент все же мог быть заложен.

Продолжались археологические исследования охранно-спасательного характера в Ленинградской области и на Северо-Западе России, чему посвящены статьи второго раздела настоящего Бюллетеня – «Археологические исследования на Северо-Западе России».

В статье «Никольский раскоп в северо-восточной части Рюрикова городища» (И. И. Еремеев, Е. Н. Носов) уделено внимание необходимости более полного исследования столь значимого объекта, что позволит получить полноценную научную информацию и, возможно, приведет к обнаружению не только новых погребений, но и двух Никольских храмов, что, в свою очередь, потребует новых усилий по их изучению и сохранению. Планированию любых инженерных работ на этом участке, по мнению авторов, должны предшествовать широкомасштабные археологические исследования.

В Ивангороде продолжаются охранно-спасательные археологические мероприятия, связанные с реставрацией крепости (А. В. Курбатов). Археологические исследования на территории архитектурного пространства Крепости 1492 г. позволили открыть неизвестные ранее слои, дополнившие исторические сведения о всемирно известном объекте культурного наследия.

Политически значимым проектом, привлекшим внимание первых лиц государства, стали начатые в 2013 г. в рамках гранта РГО археологические исследования ИИМК РАН по изучению острова Гогланд и соседних островов Финского залива. История островов, их археологическое изучение и значение получения новых данных для всей истории заселения человеком берегов и островов Финского залива раскрыты в статье «Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка» (А. И. Сакса). Особый интерес представляет процесс сложения своеобразных островных культур с их экономическими и культурными связями с населением обоих берегов залива, включая Карельский перешеек, определение их истоков и исходного места первых переселенцев. В более крупном плане этот материал вписывается в общий культурно-исторический контекст, дает новые возможности в раскрытии картины развития населения и его культуры не только на южном и северном берегах Финского залива, но и во всем регионе Балтийского моря.

Проведенные археологические исследования погребений семейства Демидовых имеют значение для воссоздания истории рода Демидовых, истории самого храма, привносят новые сведения о владельцах усадьбы Большие Тайцы (С. Г. Попов, З. Р. Румянцева, С. А. Семенов, А. Г. Боровиков, Л. С. Вершинина).

Большое значение для учета и мониторинга выявленных объектов культурного наследия имеют работы по определению границ и обследованию современного состояния каждого конкретного памятника (С. А. Семенов, К. А. Михайлов, Ст. А. Васильев).

ИИМК РАН традиционно проводит масштабные охранные раскопки в других регионах России и ближнего зарубежья, чему посвящены четыре статьи соответствующего раздела Бюллетеня.

Самым крупным новостроечным проектом института по-прежнему остается проект «Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино», целью которого является проведение охранно-спасательных мероприятий в рамках Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» в зоне строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино. В 2011 г. Русским географическим обществом был дан старт многолетнему международному проекту «Открой тайну Долины царей», предназначенному для молодежи и студентов, желающих принять участие в археологических экспедициях на трассе будущей железной дороги в качестве волонтеров. Специалисты ИИМК РАН в рамках этого проекта проводят раскопки археологических памятников различных эпох и осуществляют научное руководство волонтерами. В 2013 г. основные работы проводились в долине р. Иджим в Ермаковском районе Красноярского края (С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков; Н. А. Боковенко, А. А. Городилов) и в Долине царей (Турано-Уюкская котловина) Республики Тыва (Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, В. О. Глухов, В. А. Завьялов, Т. Р. Садыков, Н. Ю. Смирнов).

Второй год совместно с Государственным Эрмитажем и Черноморским центром подводных исследований ведутся подводные археологические исследования античного города Акра в Крыму. Итогам и перспективам этих исследований посвящена статья «Подводные археологические исследования древнегреческого города Акра в 2011–2013 гг.» (С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев). Уникальная для Черного моря ситуация, когда почти весь античный город оказался под водой, почти не утратив своей целостности, выводит Акру на одно из первых мест в регионе по степени значимости для подводной археологии, а ее исследования приобретают первостепенное значение не только для изучения античной истории и культуры Причерноморья, но и для совершенствования методов подводной археологии.

Четыре статьи настоящего Бюллетеня посвящены междисциплинарным исследованиям.

В ходе археологических раскопок на Большой Посадской ул. на Петроградской стороне Санкт-Петербурга были исследованы погребения начала XVIII в., культурные слои XVIII–XIX вв. и архитектурные остатки дома Риппаса. В процессе работ было собрано более 7000 археологических находок. Нумизматическая выборка составила 125 экз. монет различных номиналов. Результаты их изучения представлены в статье А. А. Городилова и В. Н. Седых.

На основании проведенных исследований скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской ул., где вскрыто более 30 индивидуальных и коллективных могил, авторы выдвигают предположения об исторических корнях людей, захороненных на кладбище Большой Посадской ул., их схожести с группами населения Ижорского плато и Южной Карелии, прежде всего с ижорой XVII–XVIII вв. (А. А. Казарницкий, И. Г. Широбоков).

Сотрудники Лаборатории консервации и реставрации Отдела охранной археологии ИИМК РАН Н. С. Курганов и К. В. Горлов касаются вопросов необходимости реставрации нумизматического материала и значения получаемой в процессе реставрации информации.

Анализ сопоставления дендродат раскопанных построек и дат чеканки монет из их заполнения представлен в статье В. А. Лапшина и О. А. Тарабардиной. В ходе масштабных раскопок указанного участка были выявлены остатки деревянных построек XVIII–XIX вв., на которые были получены дендродаты, и собрана большая коллекция нумизматического материала, относящегося к XVIII – началу XX в. Сравнение дат с годами чеканки монет из заполнения построек показывает, что монеты находились в обращении более длительное время и не могут датировать постройки, что заставляет с осторожностью относиться к датирующим возможностям монет этого периода.

Солидный объем настоящего выпуска, появление в нем тематических разделов свидетельствуют, с одной стороны, – об увеличении количества охранно-спасательных работ ИИМК РАН и качества их проведения, с другой – о росте популярности издания среди исследователей (доказательством чему может служить и растущее число статей, авторами которых являются специалисты сторонних организаций).

Н. Ф. Соловьева

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Археологические исследования на ул. Кропоткина, д. 1, лит. А, в Петроградском районе Санкт-Петербурга

И. А. Гарбуз, М. А. Медведева, Р. В. Филиппенко

В ноябре 2012 г. и в апреле – октябре 2013 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук были проведены археологические работы по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Кропоткина, д. 1, лит. А. Участок исследования находится в Петроградском районе Санкт-Петербурга, в квартале, ограниченном с запада и востока ул. Ленина и Кронверкской, а с юга и севера ул. Кропоткина и Пушкарским пер. Южная часть квартала занята зданием бизнес-центра «Сенатор» (бывшие Белозерские бани П. И. Шорохова, 1882 г. постройки, архитектор П. Ю. Сюзор). Его северная часть, свободная от застройки, использовалась как автостоянка, в пределах которой были произведены разведочные раскопки в трех шурфах (шурфы 1–3) общей площадью 18 кв. м (2012 г.) и осуществлено археологическое наблюдение за земляными работами по сооружению новых фундаментных конструкций (2013 г.).

1. История названий улиц, ограничивающих исследуемый участок

Современный Петроградский остров находится между реками Большой и Малой Невой, Большой и Малой Невками, Ждановкой и Карповкой. Еще в XIV в. существовало название «Фомин остров», происходившее от имени владевшего им новгородского посадника. На шведских картах, начиная с 1643 г., остров обозначался как «Койвусаари». Существовал и русский перевод этого топонима – «Березовый остров». В указе Петра I от 4 апреля 1714 г. впервые появляется наименование «Городской остров», связанное с тем, что Петербург начал строиться именно здесь, у Петропавловской крепости. В 1725 г. возникло название «Петербургский остров». На протяжении всего XVIII в. употреблялся вариант «Санкт-Петербургский остров». В описании Петербурга Обри де ла Мотре (1726 г.) упоминается еще одно название – «Троицкий остров», по несохранившейся церкви Святой Троицы на Троицкой площади. В 1914 г. в связи с переименованием города Петербургский остров стал называться Петроградским.

Улицы, ограничивающие исследованный земельный участок, несколько раз меняли свои названия. Часть ул. Ленина, проходящая рядом с ним, в дореволюционный период называлась Матвеевской, название которой, а до нее Большой Матвеевской, как и существующего поныне Матвеевского пер., пошло от деревянной церкви Св. Апостола Матфея. Позже в память о разобранной Матвеевской церкви был освящен предел построенной на ее месте церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая также не сохранилась: ее снесли в 1932 г. Сейчас на месте церкви, на углу Большой Пушкарской ул. находится Калининский (Матвеевский) сад. Границы Матвеевской ул. несколько раз менялись. Первоначально она проходила от Большой Пушкарской до будущего Матвеевского переулка, в начале XIX в. ее удлинили до Малой Белозерской (ул. Кропоткина), а 16 апреля 1887 г. – до Сытнинской улицы. Некоторое время она продолжалась и дальше, до Кронверкского пр., но позже этот участок был закрыт. 6 октября 1923 г. улице дали имя Калинина в честь рабочего обувной фабрики «Скороход» Я. А. Калинина (1880–1919) – участника революционного движения. 3 декабря 1956 г. ул. Калинина вошла в состав ул. Ленина (Владимирович, Ерофеев, 2009).

Кронверкская ул. проходит от Кронверкского пр. до Большой Пушкарской ул. Название известно с 1771 г. и связано с тем, что проезд ориентирован на Кронверк – внешнее вспомогательное укрепление Петропавловской крепости, которая никогда не выполняла своего прямого назначения – защиты от внешнего врага. В 1822–1828 гг. Кронверкская улица иногда именовалась проспектом. В этом

случае Кронверкский пр. называли Эспланадным, поскольку до закладки Александровского парка в 1845 г. он шел по краю открытого пространства с северной стороны крепости – эспланады. На плане 1829 г. Кронверкская ул. обозначена как Большая Матвеевская – по приделу Св. Матфея церкви Покрова Пресвятой Богородицы. В 1930-е гг. улицу попытались переименовать в ул. Кингисеппа в честь деятеля революции, организатора коммунистической партии Эстонии В. Кингисеппа (1888–1922), но название не прижилось. Не потребовалось даже никаких постановлений о возвращении Кронверкской ул. исконного имени (Владимирович, Ерофеев, 2009).

Пушкарский пер. проходит от Малой Пушкарской до Кронверкской ул. В 1738 г. «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» полагала назвать участок от Малой Пушкарской до современной ул. Ленина Съезжим пер. По-видимому, здесь предполагалось поместить съезжий двор Петербургской стороны, который в итоге был размещен в другом месте, в районе Съезжинской ул. Название Съезжий пер. фактически не употреблялось. Проезд просуществовал как безымянный до 6 октября 1975 г., когда он стал Пушкарским, по соседним Большой и Малой Пушкарским ул. (Владимирович, Ерофеев, 2009).

Нынешняя ул. Кропоткина в XVIII – начале XX в. носила название Малой Белозерской. По рассуждениям «Комиссии о Санкт-Петербургском строении», проезд, существовавший на ее месте, с 1738 г. должен был именоваться 1-й Пушкарской ул., по находившейся здесь Пушкарской слободе. На самом деле это название не употреблялось. В действительности улица называлась Малой Белозерской еще с 1759 г., по квартировавшему в этом районе Белозерскому полку. Большой Белозерской именовалась современная ул. Воскова. Свое нынешнее название улица получила 1 августа 1927 г. в честь П. А. Кропоткина (1842–1921).

2. Исследованная территория в допетровское время

2.1. Исторические сведения

Заселение и хозяйственное освоение Петроградского острова началось задолго до строительства Санкт-Петербурга. Сведения об этом немногочисленны и в основном содержатся в переписных книгах рубежа XV–XVI вв. В переписной книге Водской пятины 1500 г. в дельте Невы упоминаются три острова, в том числе и Петроградский, который в то время назывался Фоминым (Столпянский, 1918. С. 14–17). В переписи 1498–1501 гг. названо «Село на Фомине Острову на Неве у Моря» на 32 двора, 35 хозяев и пять непашенных крестьян. В этом селе также был двор тиуна «на проезд». По приведенным там же данным «старого письма» (т. е. по данным, отразившим ситуацию примерно между 1470-ми и 1490-ми гг.), это поселение еще не было столь большим и не имело административного статуса села, а было записано деревней. Село входило в великокняжескую волость Лахту и управлялось ореховскими наместниками (Семенцов, 2006).

Одним из итогов Смутного времени стало отторжение от русского государства части северо-западных территорий, отошедших к шведской короне. Столбовский мир 1617 г. был самым выгодным в истории Швеции: русским пришлось отказаться от карельской земли (Kexholms Ian) и Ингерманландии. После этого Швеция господствовала над всем побережьем Финского залива: от Нарвы до Карельского перешейка, а Россия оказалась отрезанной от Балтийского моря. Установление новых границ фактически превратило Балтийское море в шведское внутреннее море.

Сведений о населении и владельцах этих земель первой четверти XVII в. не сохранилось, однако известно, что русское православное население покидало эти территории. В ответ, предотвращая запустение земель, шведские власти переселяли на эти земли финских крестьян из Восточной Финляндии. В 1622 г. шведское правительство короля Густава II Адольфа (1594–1632) предприняло попытку привлечь к новому заселению Ингерманландии дворян и богатых жителей Северной Германии из Мекленбурга, Дитмаршена, Бремена. Всем пожелавшим переехать сюда предоставлялись льготы, а по специальному «ингерманландскому ландсакту» переселившиеся немецкие дворяне должны были получить все права дворян Швеции.

Во второй четверти XVII в., по одним данным в 1638 г., по другим – не ранее 1642 г., земли в нижнем течении Невы были подарены королевой Кристиной Бернхарду (Берну) Стену фон Стенхузену (von Stenhausen). В ряде источников он назван немецким коммерсантом, род которого происходил из прибалтийских провинций (Семенцов, 1998. С. 133–135), а в некоторых других – генеральным аудитором, голландцем, поступившим на шведскую службу и получившим шведское дворянство и огромные земельные участки в Спасском приходе (Bagrow, Kohlin, 1953). Фон Стенхузен прожил здесь до своей смерти в 1648 (или 1649) г. и имел две усадьбы. Одна из усадеб под названием Бьеркенгольм Хоф располагалась в юго-восточной

части Петроградского острова, называвшегося в это время Койвисари (Койвусаари). Усадьба считалась большой, ее обслуга насчитывала более 15 человек; после смерти владельца в ней проживала его вдова (Семенцов, 1998. С. 133–135).

2.2. Картографические данные

Данные о раннем заселении, освоении, застройке исследованной территории можно получить из картографических материалов второй половины XVII – начала XVIII в. Одной из самых ранних является карта города Ниена и его окрестностей 1643 г., на которой, кроме нескольких строений на южном берегу Березового острова, нанесена усадьба в его юго-восточной части. Территория усадьбы огорожена, показаны ворота, обращенные на восток и на север (Bagrow, Kohlin, 1953).

Еще одна карта, отражающая заселение Приневья в XVII в., составлена в 1825 г. штабс-капитаном Бергенгеймом по материалам, переданным шведским правительством России. Чертежи, выполненные шведскими землемерами в середине и конце XVII в., дали возможность воссоздать картину заселения Приневских земель в 1676 г. На этой карте, в восточной части острова Койвусаари (Koifwu-Saari), почти на берегу Большой Невки, также показана усадьба Бьеркенгольм Хоф (Bjorkenholms Hoff), небольшое поселение отмечено в северо-восточной части острова, на берегу современной реки Карповки, а два других − в юго-западной части острова, на берегу современной Ждановки. Центральная часть острова оставалась незастроенной.

Ситуацию, сложившуюся к 1678 г., отражает карта, созданная под руководством Э. Белинга и уточненная А. Андерсином в 1703–1704 гг., ныне хранящаяся в Шведской королевской библиотеке. Важно подчеркнуть, что эта карта создавалась на основе землемерных (1678–1688 гг.), военно-топографических и гидрографических работ. На ней также отмечены усадьба Бьеркенгольм Хоф (Biorkcholm by) в восточной части острова Койвусаари (Koiwo Sari), небольшое поселение в северо-восточной части острова, одно – в западной части, на берегу современной Ждановки, и два неизвестных ранее поселения на южном берегу острова, напротив Янисари (Jarvu Sa<ari>) – современного Заячьего острова. На этой карте застройка в центральной части Петроградского острова также отсутствует.

Особо следует отметить «План местности, занимаемой ныне Ст-Петербургом, снятый в 1698 г., до завоевания ее Петром Великим, с показанием существовавших на ней шведских укреплений», скопированный в конце XIX в. со шведского чертежа 1737 г., на котором поселения на Петроградском острове вообще отсутствуют, за исключением «хутора Ладугерда», расположенного в северо-западной части острова, между усадьбой Бьеркенгольм и одним из поселений на берегу Карповки. Центральная и южная части острова показаны заросшими лесом. Эта карта интересна еще и тем, что на ней отмечены две дороги, проходящие по острову, начинавшиеся от устья невской протоки, называемой ныне рекой Карповкой. Одна из дорог шла вдоль протоки на запад, а вторая – на юго-запад, проходя через исследованный участок и выходя на берег Невы западнее западной оконечности Заячьего острова.

Около 1705 г. голландским мастером на русской службе Адрианом Шхонебеком был составлен «Географический чертеж Ижорской земли», на котором на острове Березовом показана лишь усадьба, а все отмечавшиеся ранее мелкие поселения отсутствовали. После завоевания этих земель в ходе Северной войны и закрепления Российского государства в приневских землях Петербургский (Городской) остров стал центром формирования нового города (Семенцов и др., 2004. С. 25).

3. Исследованная территория в период от основания Санкт-Петербурга до начала XIX в.

3.1. Белозерский полк и полковая слобода

После завоевания невского устья Петром I и основания Санкт-Петербурга южная часть Городского острова стала центральной частью строящегося города. Рядом с Петропавловской крепостью, в юго-восточной части острова, располагались первый дворец (домик) Петра I, Троицкая площадь с Троицким собором, жилые, административные и торговые здания. В западной части Петербургского острова в первой половине XVIII в. было расквартировано несколько полков. Каждый полк имел свое поселение – слободу с центром: полковым двором, полковой церковью, складами, лазаретами и разными службами. Вокруг полковой слободы начинало концентрироваться население; кроме казарм, солдатских и офицерских домов, формировалась инфраструктура – кузницы, оружейные мастерские, дома обувных и иных дел мастеров, кабаки. Слобода − место постоянной дислокации полка петровской армии – состояла из одной или нескольких улиц однотипных домов, в которых селились солдаты с семьями, часто по две семьи в доме. В слободе также располагались офицерские дома.

На месте этих слобод, по-видимому, первоначально были полевые лагеря, в которых стояли прибывшие из-под Ниеншанца полки. Позже

лагеря превратились в солдатские слободы, распадавшиеся на улицы и переулки, названия которых происходили от названия полков. Обычное расположение полка охватывало несколько улиц и переулков, поэтому в названии присутствовали уточнения: «Большая», «Малая», «1-я...», «2-я...». Так, было несколько Белозерских улиц, заселенных солдатами Белозерского полка. Этот и другие полки (Выборгский, Пермский) должны были защищать крепость от неприятеля, составляя ее гарнизон. Поблизости от них жили гарнизонные артиллеристы – пушкари, отсюда название современных Пушкарских улиц. Застроенные деревянными зданиями слободы при угрозе нападения неприятеля сами же оборонявшиеся уничтожали, при удачном направлении ветра сжигали с целью не дать противнику закрепиться неподалеку от крепостных укреплений.

Самая крупная из полковых слобод – Белозерская. Она располагалась к западу от Посадской слободы, смыкалась с Татарской слободой, где жили полки татар и калмыков. Принято считать, что ближе других к Кронверку подходила Татарская слобода. Запорожские казаки ставили свои таборы дальше – у Карповки. История 13-го Белозерского пехотного полка началась 6 декабря 1708 г., когда из гренадерских рот Шлиссельбургского, Бутырского, Ярославского, Нижегородского, Белгородского, Невского, Ямбургского и Тверского полков был сформирован новый полк и назван по имени командира Гренадерским Тейлера, а в 1709 г. по имени другого командира – Гренадерским Лассия. В 1725 г. полк был переименован в Пехотный Лассия, в 1727 г. – в Белозерский пехотный. В течение XVIII–XIX вв. полк еще неоднократно менял название по имени своего шефа. В 1864 г. ему присвоили 13-й номер. Полковой герб был утвержден 8 марта 1730 г. В золотом щитке на голубом поле помещено изображение белого озера с двумя желтыми крест-накрест расположенными стерлядями, под ними – белый месяц и желтый крест. Личный состав полка почти до начала XX в. комплектовался из уроженцев Белозерского и близлежащих от него уездов.

Белозерский полк принимал участие во многих известных военных походах и исторических сражениях. Во время Северной войны он участвовал в боях у Опошни и под Полтавой, во время русско-турецкой войны был при взятии Очакова. В 1812–1814 гг. Белозерский полк сражался при Красном, Смоленске, Валутиной Горе, Бородине, Вязьме, Бауцене, Кацбахе, Лейпциге, был при осаде Данцига и Суассона и под Парижем. В 1831 г. полк отличился при подавлении польского восстания, за что ему были пожалованы знаки на головные уборы с надписью «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года». Во время Крымской войны в августе 1855 г. находился в Севастополе, где участвовал в отражении атак противника на втором бастионе и Малаховом кургане и понес значительные потери в личном составе. В 1954 г. к 100-летию обороны Севастополя имя Белозерского полка было увековечено в названии одной из улиц города (Военная энциклопедия, 1911. С. 190, 191; Ваганов, 2010).

Белозерский полк дислоцировался на Городском острове в первой половине XVIII в., позднее он был переведен в другое место, оставив свое имя в названии улиц. Полковая слобода стала районом Санкт-Петербурга, близким к Сытному рынку. По общему мнению исследователей, в XVIII в. и вплоть до середины XIX в. Сытный рынок представлял собой трущобный район с деревянной застройкой, соседствовавший с большой рыночной площадью. Большую территорию занимали огороды и сады.

Один из видных историков Санкт-Петербурга П. Н. Столпянский так реконструировал процесс формирования городской застройки Петроградской стороны в ранний период: «Заселение Петербургской части началось на месте шведской мызы только потому, что здесь местность была более отработана, затем заселение шло, как оно обычно идет, по берегам рек, которые более или менее возвышены и дают или, вернее, давали с меньшими затратами производить постройки. Но эти постройки велись без какого-либо плана, а так, как Бог на душу положит, – вследствие этого Петербургская сторона и является самой неблагоустроенной, без системной в смысле и улиц, и дворовых участков. Петр Великий пытался, как имеются некоторые указания, позаботиться о регулировании улиц на Петербургской стороне, по крайней мере, 20 октября 1715 г. он размеривал здесь улицы, так занесено в камер-фурьерский журнал. Но, видимо, [регулировка] не могла быть сделанной и в 1765 г., в царствование Екатерины II, Петербургская сторона почиталась предместьем у городского выгона, которым должен был служить Аптекарский остров – какая же может быть забота о предместье и выгоне? Далее, паче чаяния, Петербургская сторона, несмотря на то, что она была сплошь деревянной, что ограничение деревянных построек началось на ней сравнительно очень недавно, не сильно страдала от пожаров; таких пожаров, как на Адмиралтейском или Васильевском острове, когда уничтожались целые кварталы, не было. Не было также естественных причин и для [регулировки] русских городов: после пожаров русские города,

обыкновенно, заводились новыми, более тщательно и разумно составленными планами. Исправление плана Петербургской стороны производилось частично и только в тех случаях, когда поправка была более чем необходима, поэтому Петербургская сторона – французы зовут ее Старый Петербург – пожалуй, более других местностей сохранила свою первоначальную ситуацию» (Столпянский, 1909. С. 105, 106).

3.2. Картографические данные

При анализе планов Санкт-Петербурга, созданных в XVIII в., следует помнить, что они отражают как реальную, так и проектную застройку города. Многие из них недостаточно точны для привязки к современной топографической основе, поэтому место, которое соответствует исследуемому участку, может быть определено приблизительно.

В 1898 г. в Берлине русским купцом Михаилом Палибиным был куплен план, содержавший наиболее полные данные о застройке Санкт-Петербурга к 1716 г. (гравюра Палибина). Этот экземпляр ныне хранится в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, два других отпечатка гравюры находятся в Стокгольме – в Королевском военном архиве. На плане показана обширная, практически незастроенная площадь, располагающаяся перед Кронверком, к северо-востоку и востоку от которой расположены Троицкая церковь, Сенат, первый Гостиный двор, другие общественные и жилые здания интенсивно строящегося города. К западу от площади отмечена так называемая Татарская слобода, где, по преданию, Петром I были размещены части иррегулярной конницы, набиравшейся из татар, калмыков и башкир. Здесь же в это время стали селиться и торговцы – выходцы из азиатских регионов, возникли «татарский ветошный», или «тряпичный», и «Сытный рынок» – старейшие из торговых мест столицы, которому, по всей вероятности, и принадлежит часть строений, обозначенных на площади перед Кронверком. Городская застройка в центральной части Петербургского острова на плане М. Палибина разделена на большие кварталы трассами пока еще не имеющих названия улиц. Направление одной из улиц, проходящей к востоку от исследуемого участка, совпадает или почти совпадает с трассой современной Кронверкской ул., а улица к югу от участка может быть соотнесена с Малой или Большой Белозерской ул. (рис. 1). Внутреннее пространство кварталов занято единым, неразделенным на отдельные участки огородом, вдоль улиц показаны усадебные участки различных размеров, по всей вероятности, с жилыми и хозяйственными постройками.

Один из наиболее известных планов раннего Санкт-Петербурга – план К. Ф. Койета 1722 г. (Семенцов и др., 2004. С. 110–125). На нем отображена совершенно другая относительно предыдущего плана конфигурация застройки, разбивка на кварталы и их размеры, иное направление проложенных улиц. Территория перед Кронверком и к северо-востоку от него (Посадская слобода) размежевана на небольшие прямоугольные участки, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток, а часть острова к западу от Кронверка – место размещения полковых слобод – поделена на небольшие прямоугольные участки. Основная масса участков отмечена застроенными деревянными домами, каменная застройка обозначена в восточной части острова, на участках, ближайших к Кронверку, также изображена каменная застройка в виде неширокой полосы вдоль западной оконечности острова по берегу р. Ждановки (рис. 2). К северу от Кронверка, как и на предыдущем плане, есть большая площадь, вероятно рыночная, с редкой хаотичной деревянной застройкой. При всей достоверности указанного плана трудно сказать, была ли застроена вся размежеванная площадь или часть его носит проектный характер.

Похожую разбивку на участки и кварталы демонстрирует и «План нового города Петербурга», составленный в 1717 г. известным картографом Н. де Фером (Nicolas de Fer; 1646–1720) – автором более 600 географических карт, в том числе планов и описаний городов Франции и ее провинций, а также морских путей. Его издали в Париже по заказу находившегося там в то время Петра I. На этом плане здания на площади перед Кронверком отсутствуют, а в районе участка исследования имеется поквартальная деревянная застройка, однако следует помнить, что информация, содержащаяся на этой карте, также носила проектный характер.

Еще один план, изображающий освоение территории и городскую застройку Санкт-Петербурга во второй половине 1710-х гг., – план Хоманна – появился после посещения Иоанном Хоманном (Johann Baptist Homann; 1663–1724) новой русской столицы в 1717–1718 гг. Его полное название: «Топографическое изображение новой русской столицы и морского города Санкт-Петербурга вместе с его первоначально возведенной крепостью, которая основана Его Царским Величеством Петром Алексеевичем, Всея Руси самодержцем, и пр., и пр., и пр., в 1703 году построенного у оконечности Восточного моря на нескольких островах при устье Невы и ставшего для русской нации с мощным флотом вместилищем торговли и судоходства. Издано Иоанном Баптистом Хоманном, Римского

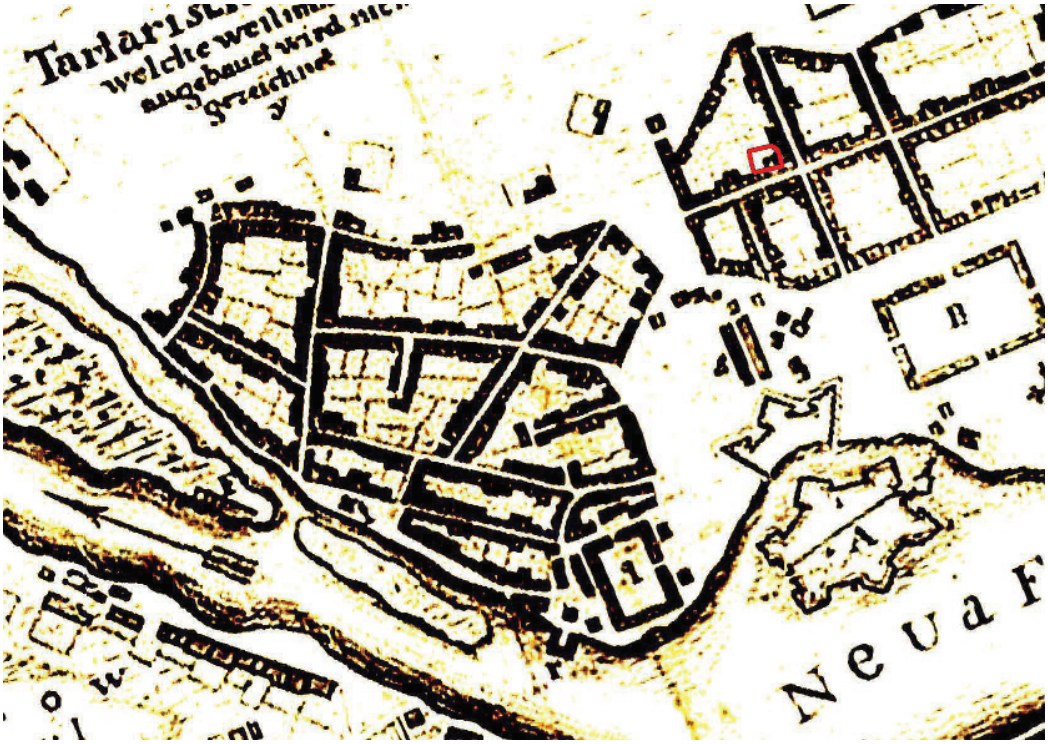

Рис. 1. Кропоткина (2012–2013 гг.). Гравюра М. Палибина. 1716 г. Фрагмент. План застройки южной части Петербургского острова с нанесенной границей исследуемого участка

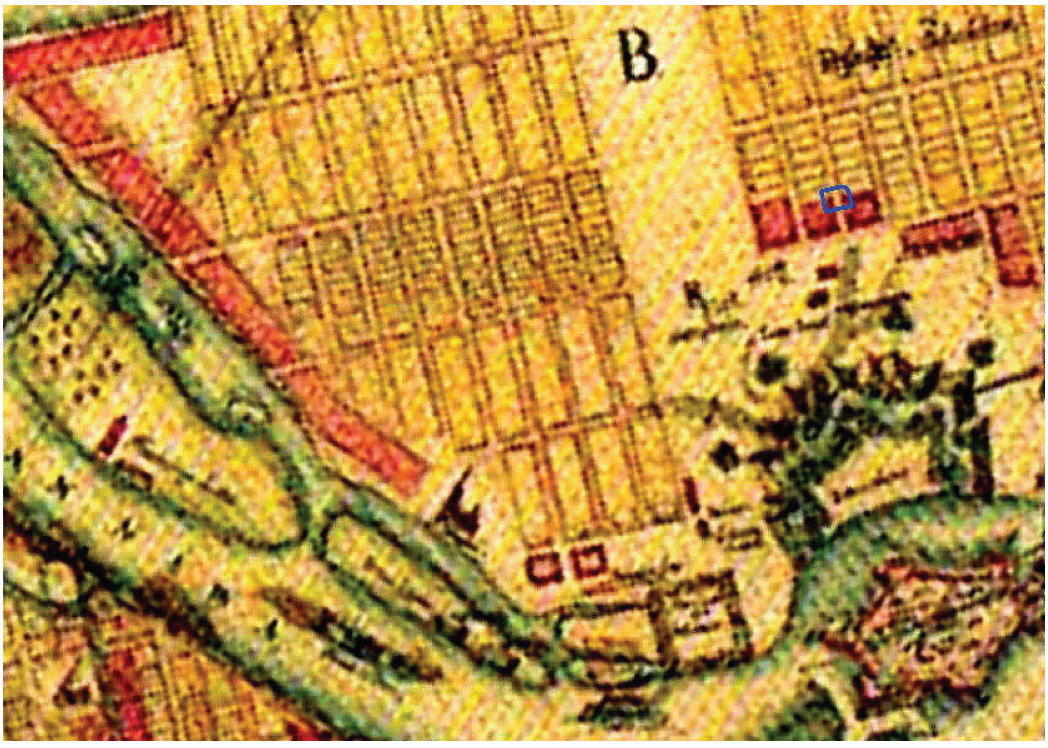

Рис. 2. Кропоткина (2012–2013 гг.). План К. Ф. Койета. 1722 г. Фрагмент. Застройка южной части Петербургского острова с нанесенной границей исследуемого участка

Величества географом в Нюрнберге». Известнейший Нюрнбергский издательский дом, выпустивший в XVIII в. ряд фундаментальных атласов мира, был основан И. Хоманном и неоднократно выполнял карты России по поручению Петра I. На плане Хоманна застройка Санкт-Петербурга к северу от Кронверка показана так же, как и на плане Палибина, – большими кварталами с постройками по периметру и садами и огородами в центре кварталов.

Аналогично представлена городская планировка и на карте, изданной в 1725 г. амстердамским картографом и издателем Рейнером Оттенсом. Градостроительная ситуация отличается от изображенной на планах К. Ф. Койета и Н. де Фера, в целом повторяя изображение плана Палибина 1716 г. Север Петербургского острова показан пустым и неразмежеванным, основная застройка острова отмечена на юге (ближе к крепости), причем наибольшая плотность приходится на ее восточную и западную части, в центре она более разреженная. Городская территория так же, как и на плане 1716 г., разделена на большие кварталы с постройками по периметру, внутреннее пространство которых занято садами и огородами (рис. 3).

Следует отметить, что, несмотря на некоторую разницу в отражении топографической ситуации и относительность точности совмещения исторических, особенно ранних, планов с современной картой города, на всех приведенных планах начала XVIII в. обследуемый участок приходится на освоенные, застроенные участки. Картографические данные о существовании городской застройки на Петербургском острове с 30-х гг. и до конца XVIII в. чаще всего фиксируют почти полное отсутствие строений на месте интересующего нас квартала.

Близкими по времени являются академический план 1737 г. и план Зихгейма 1738 г. План 1737 г. был создан на основе топографической съемки, проводившейся Петербургской академией наук с 1729 г., что позволило весьма точно отобразить фактическую застройку города. План 1738 г. составлен капитаном-бомбардиром И. Б. фон Зихгеймом при использовании данных той же топосъемки по поручению Комиссии о Санкт-Петербургском строении и воспроизведен в репродукции П. Н. Петрова в конце XIX в. На нем показана реальная ситуация после пожаров 1736–1737 гг., нанесших значительный ущерб столице. Оба плана отобразили изменение направления городских магистралей, более дробное деление на участки и кварталы, значительные по размерам пустующие участки в центральной части острова.

Академический план стал одним из первых, где, кроме кардинального изменения градостроительной ситуации на Петербургском острове, можно увидеть место расположения церквей Св. Апостола Матвея и Спаса Преображения Господня, находившихся к северу и западу от объекта исследования. Сам исследованный участок и на академическом плане, и на плане фон Зихгейма приходится на пустующую территорию, лишь его западная граница затрагивает застроенные участки, однако этот вывод должен также приниматься с осторожностью, обусловленной сложностью совмещения современных карт и исторических планов.

Схожая топографическая ситуация наблюдается и на других картах второй половины XIX в.: «Новый план Столичного города и крепости Санкт-Петербурга» (план Роша), изданный в 1776 г.; план Санкт-Петербурга 1796 г. из атласов, собранных под руководством А. Л. Майера. Эти источники также свидетельствуют об отсутствии построек на месте интересующего нас участка.

Впервые трассы улиц и конфигурация исследуемого квартала, аналогичные сохранившимся до настоящего времени, показаны на плане А. Савинкова, изданном в 1804 г. Основная часть территории участка отмечена как свободная от застройки. На ней видно два деревянных строения: одно в юго-западном углу квартала, другое в его северной части. Застройка этой территории детально обозначена на плане Шуберта (рис. 4) – самом крупномасштабном историческом плане города, который был составлен на основании топографических съемок 20-х гг. XIX в. под руководством генерал-майора Федора Федоровича Шуберта, возглавлявшего также топографические съемки территории Санкт-Петербургской губернии и являвшегося начальником российского Корпуса военных топографов. Обозначенная на месте исследуемого участка застройка подтверждается более поздними сохранившимися архивными планами дворовых построек. Границы указанных на его территории домовладений также полностью совпадают с их последующими точными чертежами и печатными планами середины – второй половины XIX в. Деревянная застройка неясного характера на территории квартала показана на раскрашенной гравюре, изданной в 1834 г. в Лондоне Обществом по распространению полезных знаний (Society for the Diffusion of Useful Knowledge); а также на плане Петербургской части 1861 г., сделанном на основании работ по урегулированию застройки Петербурга. По всей видимости, в начале – первой половине XIX в. на участке существовали деревянные строения, что подтверждается и рядом

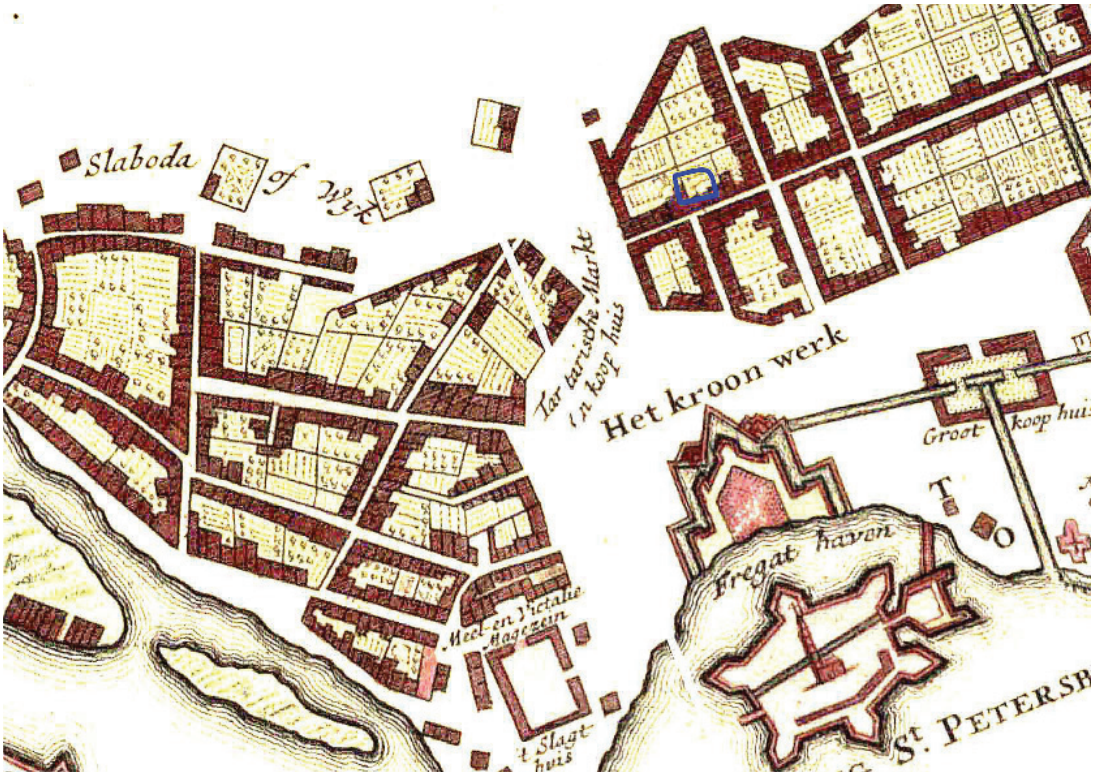

Рис. 3. Кропоткина (2012–2013 гг.). План Р. Оттенса. 1725 г. Фрагмент. Застройка южной части Петербургского острова с нанесенной границей исследуемого участка

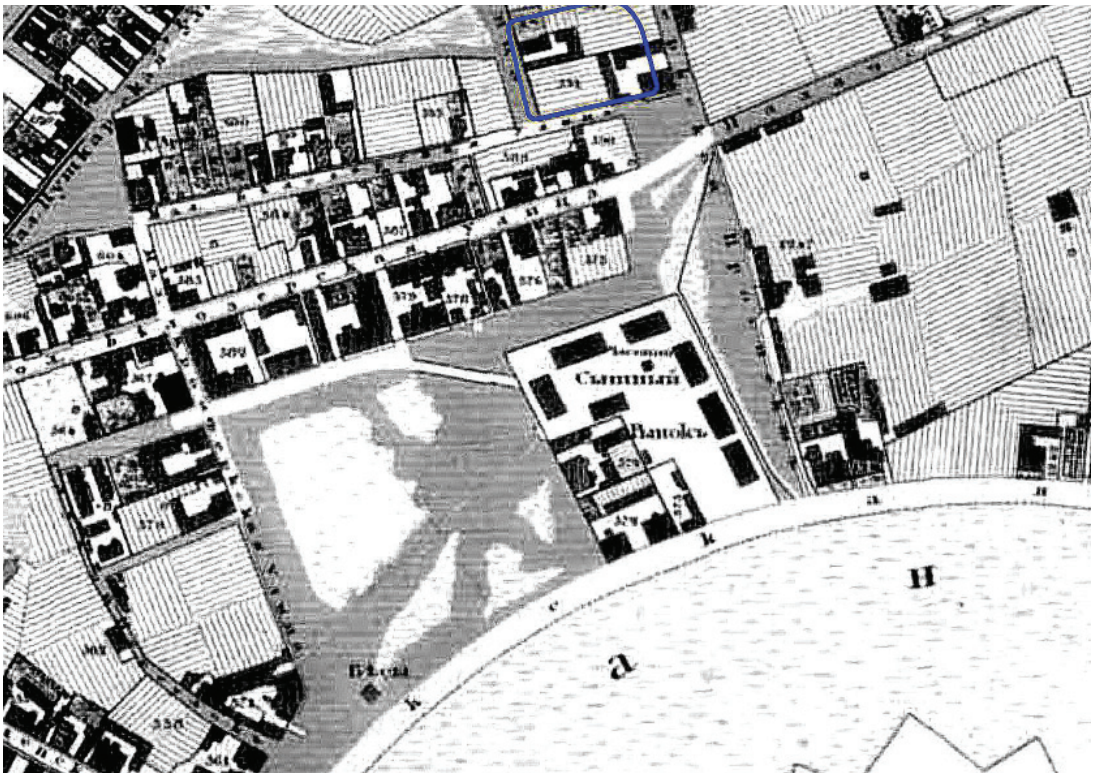

Рис. 4. Кропоткина (2012–2013 гг.). План Ф. Ф. Шуберта. 1828 г. Фрагмент. Застройка южной части Санкт-Петербургского острова. Частные домовладения и хозяйственные постройки на территории исследуемого участка

других планов этого же периода (например, план Н. Оверченко 1853 г.; план Д. Майера 1844 г.), где изображена хаотическая деревянная застройка исследуемого квартала.

4. Застройка в квартале между ул. Малой Белозерской, Матвеевской и Кронверкской в 1840–1910-е гг.

Согласно адресным книгам Санкт-Петербурга и плану Шуберта в 1820-е гг. на территории исследуемого земельного участка располагались два домовладения. Известно, что двор по Матвеевской ул. № 591 принадлежал купцу Горшникову, а № 592 – титулярному советнику Дм. Селивачеву (Аллер, 1823. С. 196). К середине XIX в. собственником участка № 591 являлся купеческий сын Наумов, а участка № 592 – губернский секретарь Костомаров (Цылов, 2003. С. 285, 290, 291). В атласе Санкт-Петербурга Н. И. Цылова, составленном в 1849 г., отчетливо видно, что южная граница участка № 591 примыкала непосредственно к ул. Малой Белозерской (ныне – ул. Кропоткина), а с севера к нему прилегал участок № 592 (рис. 5; 6).

Начиная с 1840-х гг., сохранились подробные планы застройки участка обследования (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105). Самый ранний из них относится к 1847 г. и показывает застройку двора Костомарова (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 69а) (рис. 7). В 1856 г. был сделан чертеж застройки дворовой территории купеческого сына Наумова, а также планы фасада и разрезы дома Наумова (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 1–4а об.) (рис. 8). Проектные чертежи были подготовлены архитектором для утверждения и «разрешения к постройке» деревянного одноэтажного дома «на подвалах на каменных фундаментах». Заштрихованные на плане деревянные сооружения «по пришествии в ветхость» должны были быть снесены по требованию городского регламента из-за готовившейся прокладки новой улицы (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 4а). Отраженное на плане переустройство улиц прослеживается и на более поздних картах этого и соседних участков, но, судя по имеющимся картографическим материалам, она так и не была реализована.

В 1860-х гг. изменился порядок нумерации домов по улицам, однако границы дворов остались прежними. Наумов (хозяин бывшего участка № 591) указан в качестве домовладельца по адресам: Малая Белозерская ул., д. 1, 3; Матвеевская ул., д. 14 (Цылов, 1862. С. 25, 208; Всеобщая адресная книга. С. 54). Еще несколько сохранившихся планов этого же участка связаны с различными проектами переоборудования территории. План 1862 г. был сделан для получения разрешения на подведение каменного фундамента под деревянное строение, обозначенное под лит. А (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 9) (рис. 9). В 1873 г. в Городской управе рассматривалось прошение новых хозяев участка Кузьмичевых о «возможности покрытия кровельным толем» одноэтажного дома с мезонином, о разрешении вырыть колодец (на плане – А) и помойную яму (В) во дворе и оставить самовольно построенное «отхожее место» (С) (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 8об.) (рис. 10). В Табеле домов Санкт-Петербурга за 1875 г. владельцами этого участка значатся Козьмины (Табель домов, 1875. С. 68), в одном из источников, скорее всего, ошибка в написании фамилии.

У примыкавшего с севера домовладения № 592 к 1860-м гг. также поменялся владелец. По данным адресных книг, в эти годы он принадлежал Прасковье Ивановне Абрамовой – купчихе 2-й гильдии, 1811 г. рождения. В купечестве П. И. Абрамова состояла с 1850 г. и содержала на Сытном рынке овощные лавки № 1 и 10 и лабазы № 30 и 57. Купчиха проживала в собственном деревянном доме № 592 по Матвеевской ул. вместе с сыном (Справочная книга о лицах, 1867. С. 53; Всеобщая адресная книга, 1867–1868. С. 3). Видимо, участок отошел ей во владение еще в 1850-е гг. В 1854 г. местожительство купчихи Абрамовой указано как Матвеевская ул., дом Костопорова (вероятно, ошибочное написание фамилии Костомаров: Путеводитель 60 000 адресов. С. 1). Сохранился план двора купчихи П. И. Абрамовой 1857 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 76) (рис. 11), составленный при подготовке проекта для постройки «деревянной прачечной с гладильною» (№ 1 на плане), деревянных конюшен (№ 2, 3) и деревянного навеса (№ 4). Здесь также отражена предполагаемая трасса новой улицы, пересекающая участок почти по диагонали. Еще один подробный чертеж двора П. И. Абрамовой датируется 1873 г., когда планировались очередные строительные работы по переустройству участка (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 83 об.) (рис. 12). Участок принадлежал семье Абрамовых до 1900-х гг. По данным справочных изданий, в 1872 г. его владелицей стала купчиха Ольга Матвеевна Абрамова, 25 лет. Она же содержала вышеупомянутые лавки и лабазы в Сытном рынке и мелочную лавку в Новой деревне в доме графини Строгановой (Справочная книга о лицах, 1872. С. 79). На 1877 г. сведения о владельце участка следующие: «Абрамов, по приватной фамилии, Иван Васильевич», 42 года, вероисповедания православного, получил домашнее образование. В купечестве состоит с 1872 г. Проживает в Петербургской части, на 1-м участке,

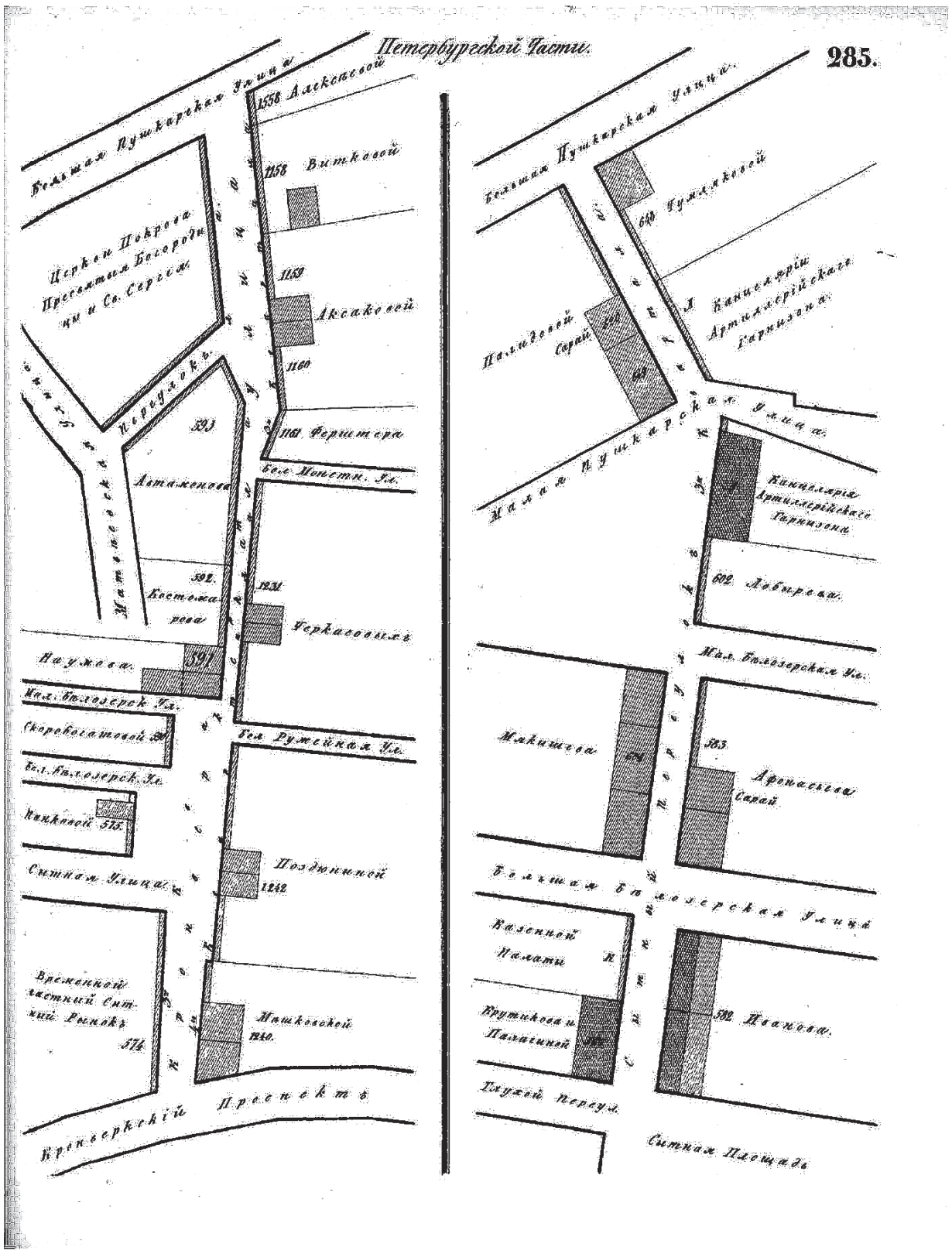

Рис. 5. План застройки в районе ул. Малой Белозерской, Матвеевской и Кронверкской из «Атласа тринадцати частей С.Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов», составленного Н. И. Цыловым в 1849 г. (Цылов, 2003. С. 285).
На плане нанесены границы и постройки домовладений № 591, 592

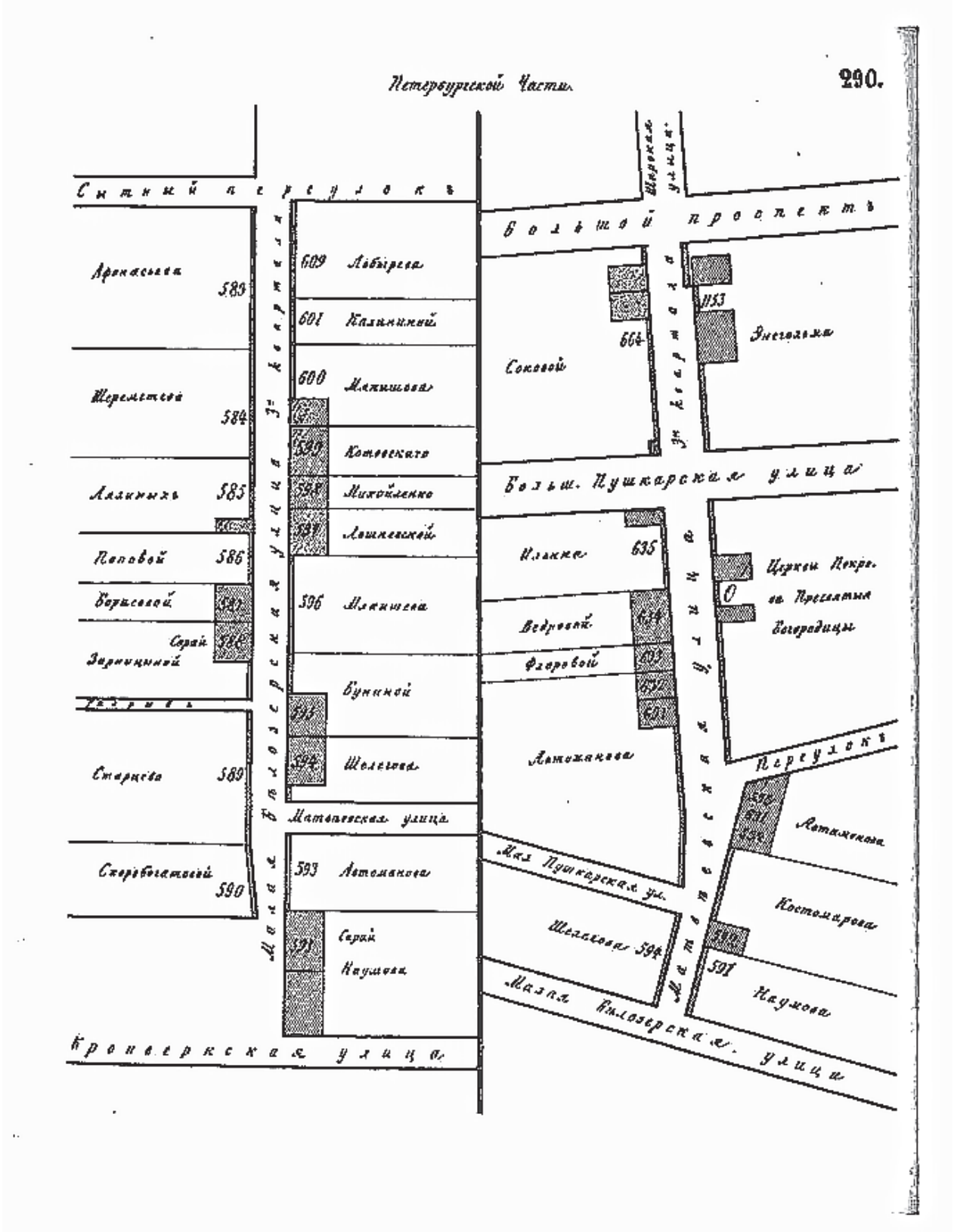

Рис. 6. План застройки в районе ул. Малой Белозерской, Матвеевской и Кронверкской из «Атласа тринадцати частей С.Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов», составленного Н. И. Цыловым в 1849 г. (Цылов, 2003. С. 285).
На плане нанесены границы и постройки домовладений № 591, 592

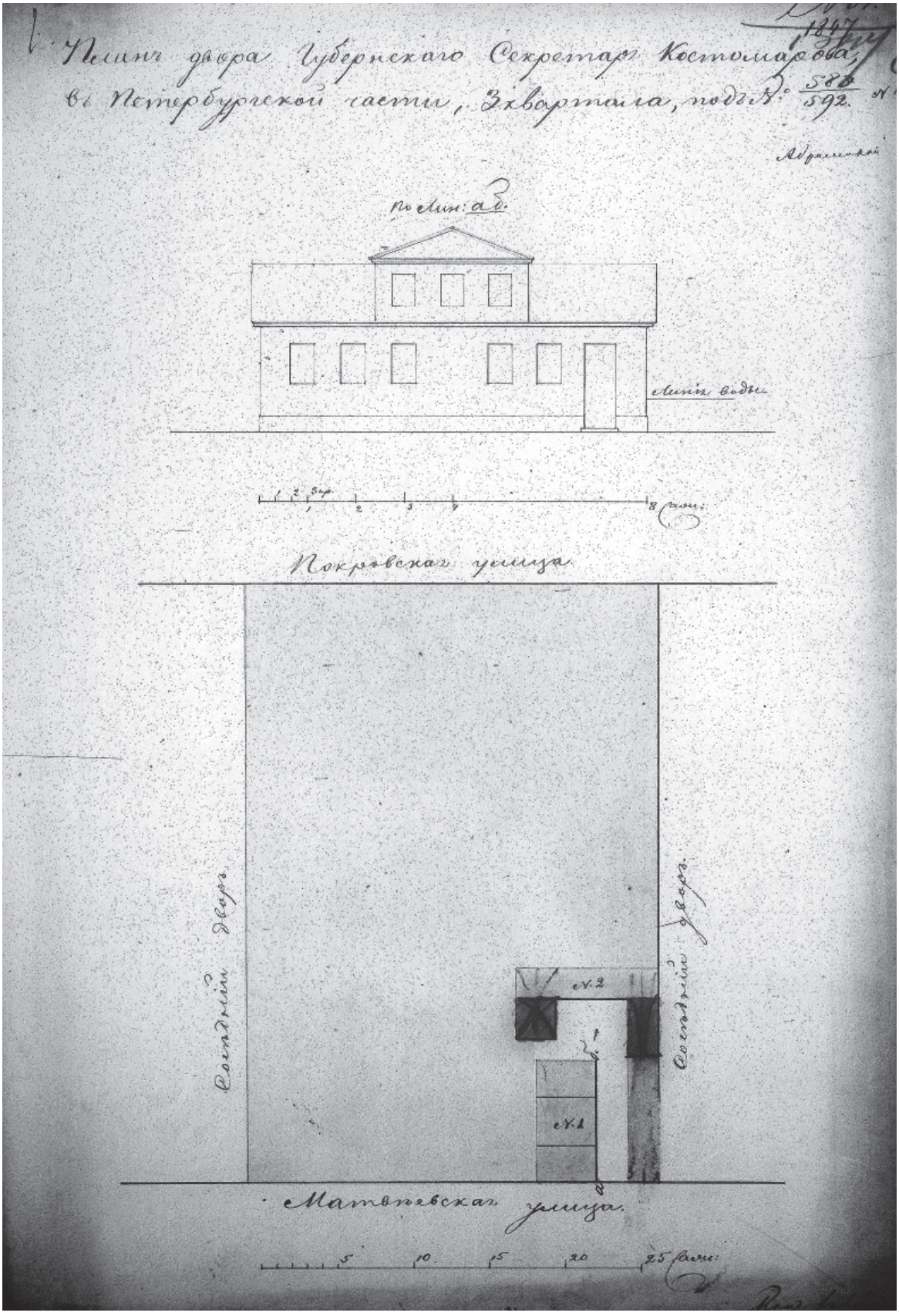

Рис. 7. План дворовой застройки участка Костомарова № 592 по Матвеевской ул., 1847 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 69а)

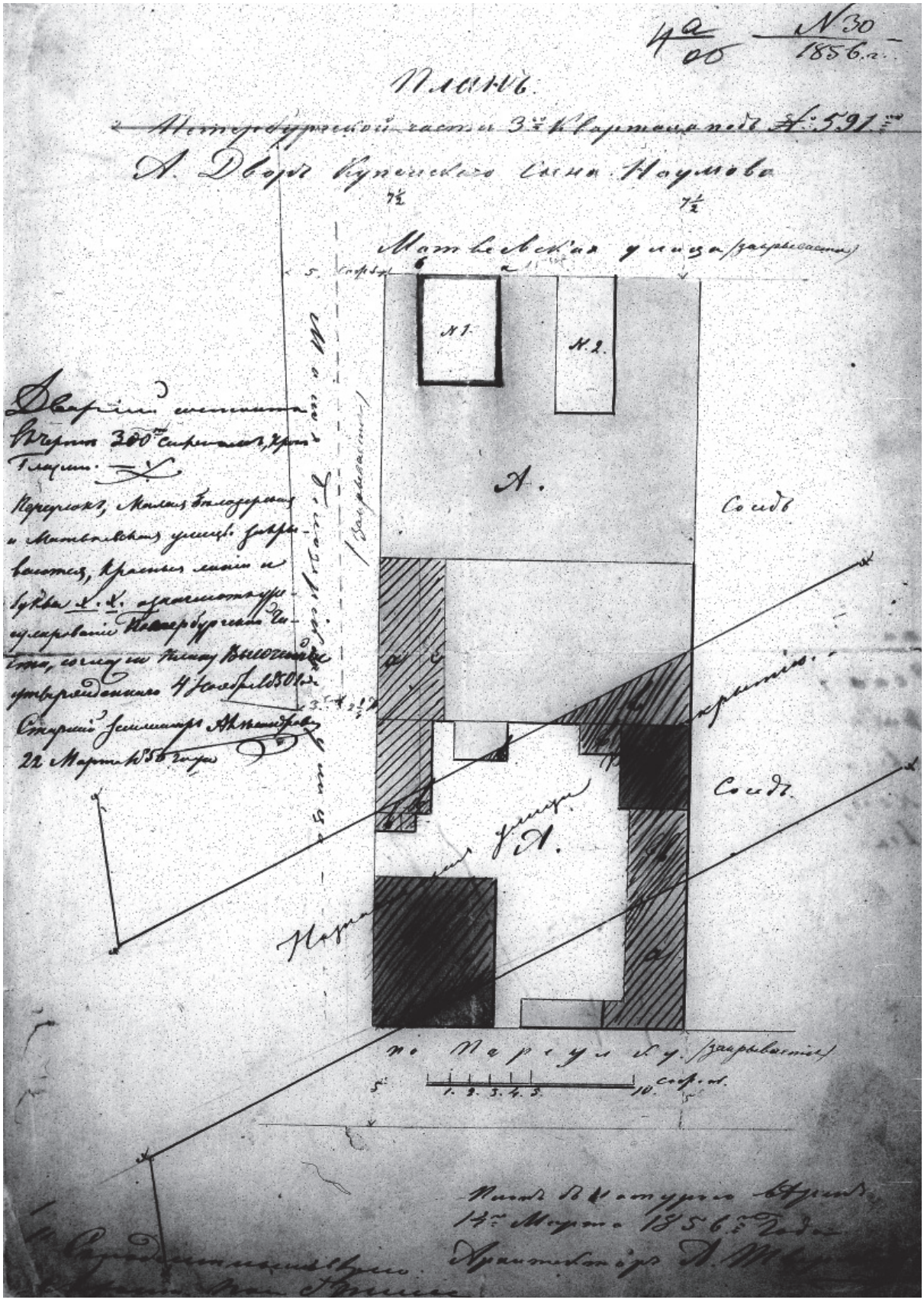

Рис. 8. План дворовой застройки участка Наумова № 591 по Матвеевской ул. 1856 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 4а об.)

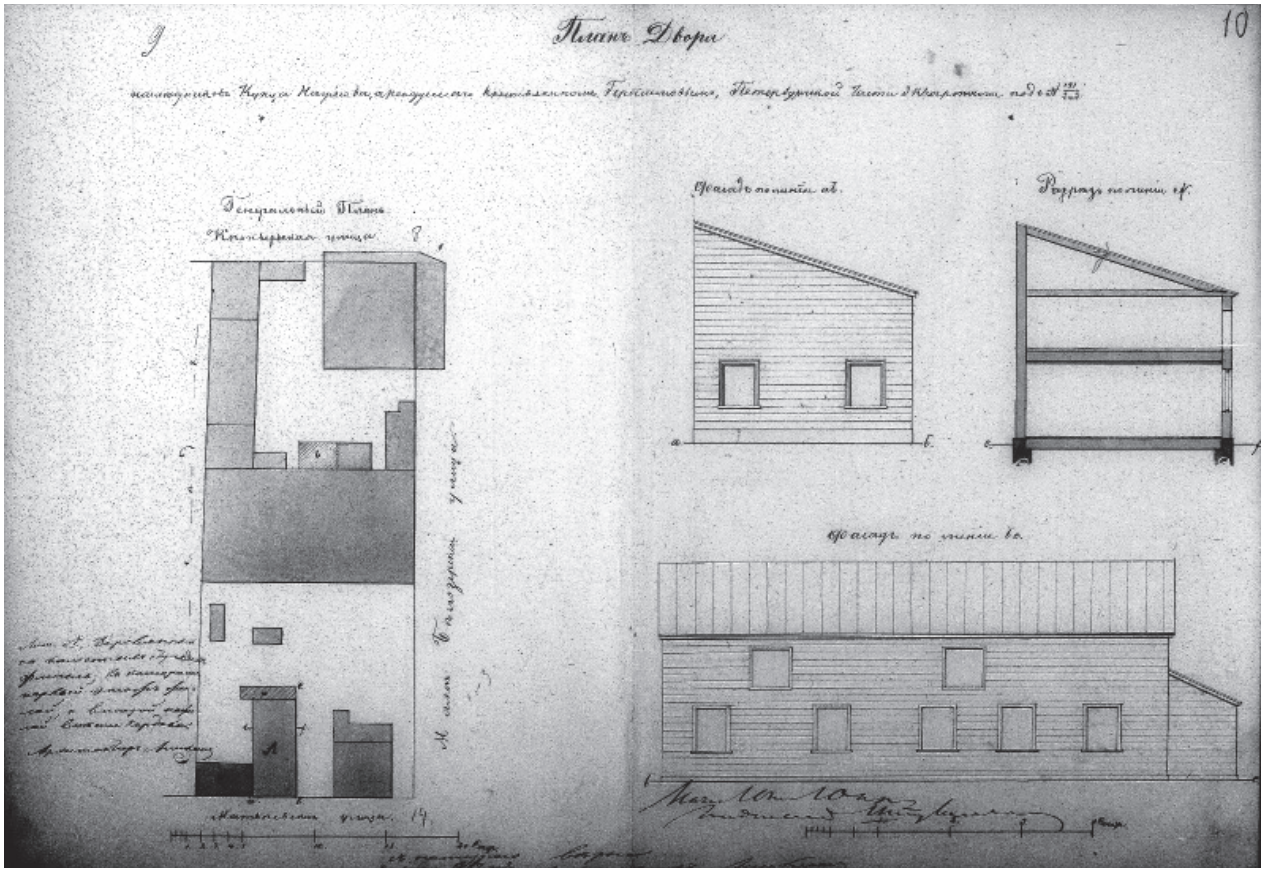

Рис. 9. План двора наследников купца Наумова № 191 по Матвеевской ул. 1862 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 9–10)

в доме Абрамова по Матвеевской ул. «Содержит торговлю мучным товаром. При нем состоят: от 1 брака сын Александр 11 лет, дочь Анна 10 лет и от 2 брака сын Алексей 3 лет 9 мес.» (Справочная книга о лицах, 1877. С. 116). В 1901 г. незадолго до перехода землевладения в другие руки участок по адресу ул. Кронверкская, д. 18, – ул. Матвеевская, д. 14, принадлежал «наследникам Абрамовой: Абрамову Ивану Васильевичу и Алексею Ивановичу» (Адресная книга Санкт-Петербурга, 1901. С. 207). Юго-восточная часть участка № 592 в 1870-х гг. принадлежала Марии Матвеевне Беляевой, жене ремесленника. Вероятно, Анна Матвеевна Абрамова и Мария Матвеевна Беляева были дочерьми купчихи П. И. Абрамовой и в начале 1870-х гг. получили участок по наследству, а затем поделили на отдельные дворы. По данным Табеля домов Санкт-Петербурга за 1875 г., М. М. Беляева являлась владелицей дома и проживала по адресу ул. Кронверкская, д. 14 (Табель домов, 1875. С. 51). Сохранился подробный чертеж этого двора, сделанный в 1872 г. для получения разрешения у городских властей «о постройке жилого помещения» и помойной ямы (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 67–67 об.) (рис. 13).

27 октября 1881 г. состоялась продажа «дворового места между Малой Белозерской, Матвеевской и Кронверкской» ул. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 44), предопределившая дальнейшее развитие и использование всего квартала более чем на 100 лет. С этого момента весь дореволюционный период владельцами этого участка являлись Шороховы – Петр Иванович и его сын Петр Петрович. В 1882 г. городские власти разрешили П. И. Шорохову «постройку каменных 3-х этажного, на нижнем подвале дома лит. А для помещений в оном торговых бань, в связи с этим 2 таких же флигелей лит. Б и В и прокладку сточной подземельной трубы согласно детальным чертежам, при уничтожении ряда строений» (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 12–13) (рис. 14). Из сохранившихся архивных планов застройки этого участка следует, что здание торговых бань перекрыло практически целиком все строения предыдущего периода на бывшем наумовском дворе.

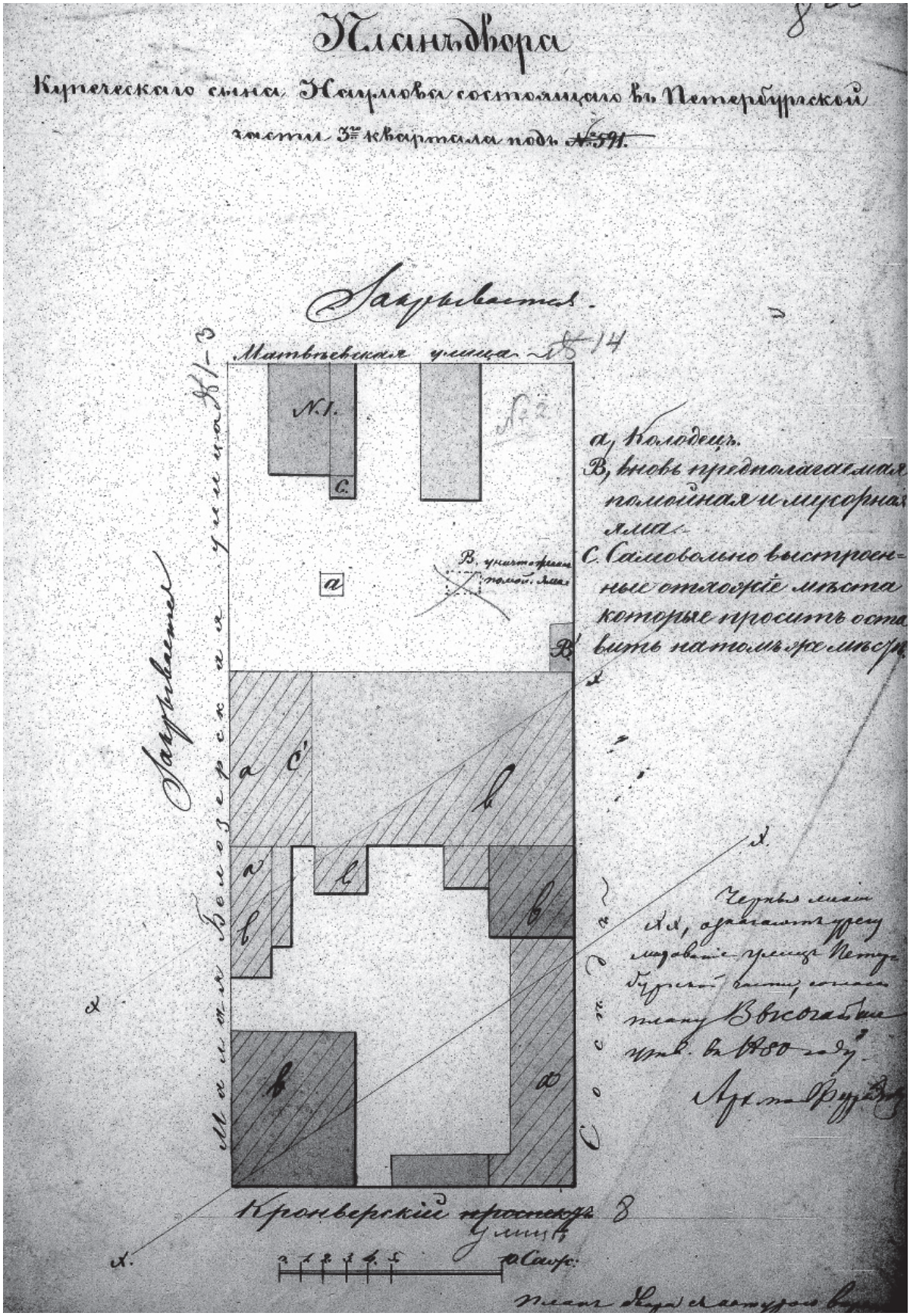

Рис. 10. План двора Наумова по Матвеевской ул, 1872 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 8)

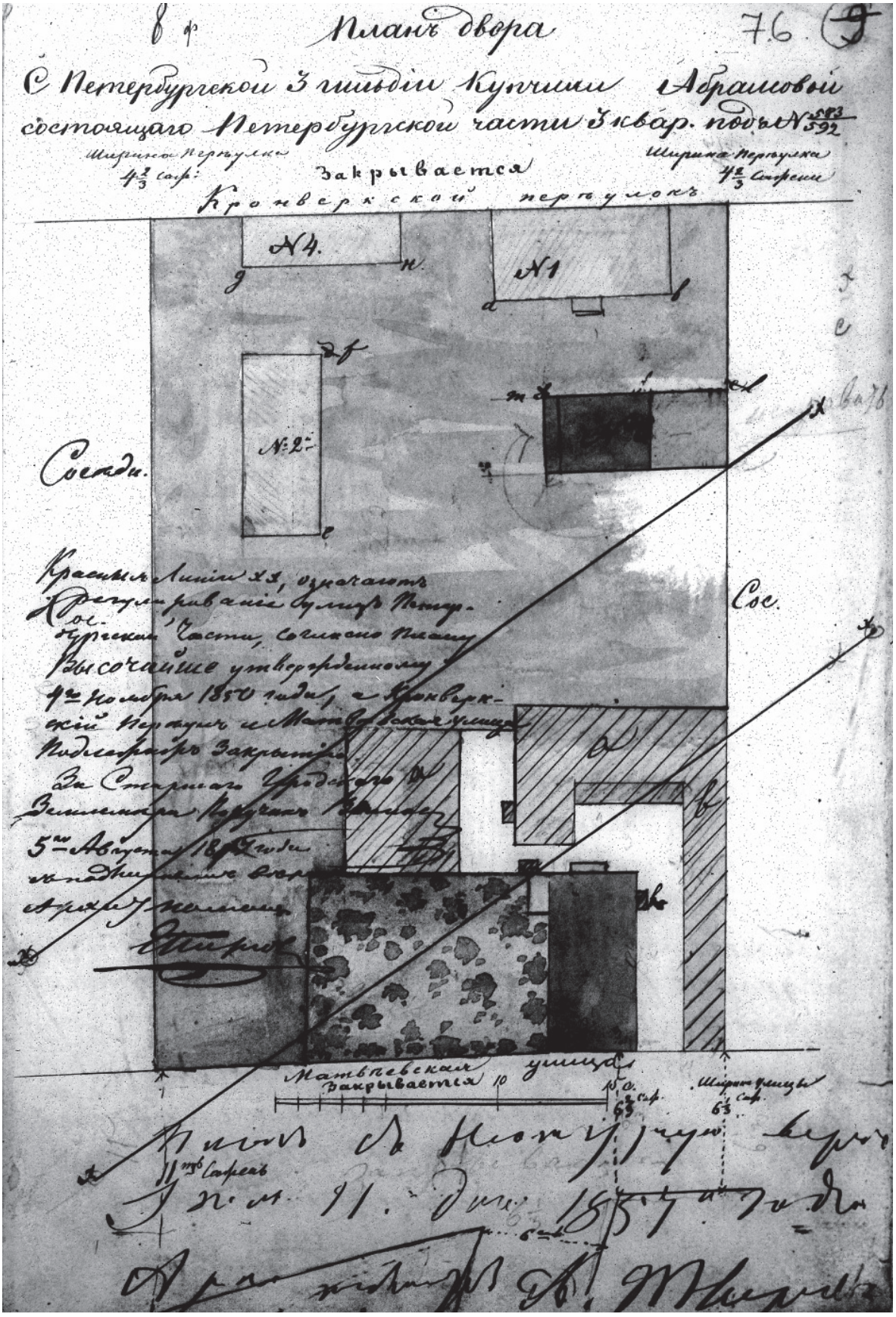

Рис. 11. План двора купчихи П. И. Абрамовой по Матвеевской ул. 1857 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 76)

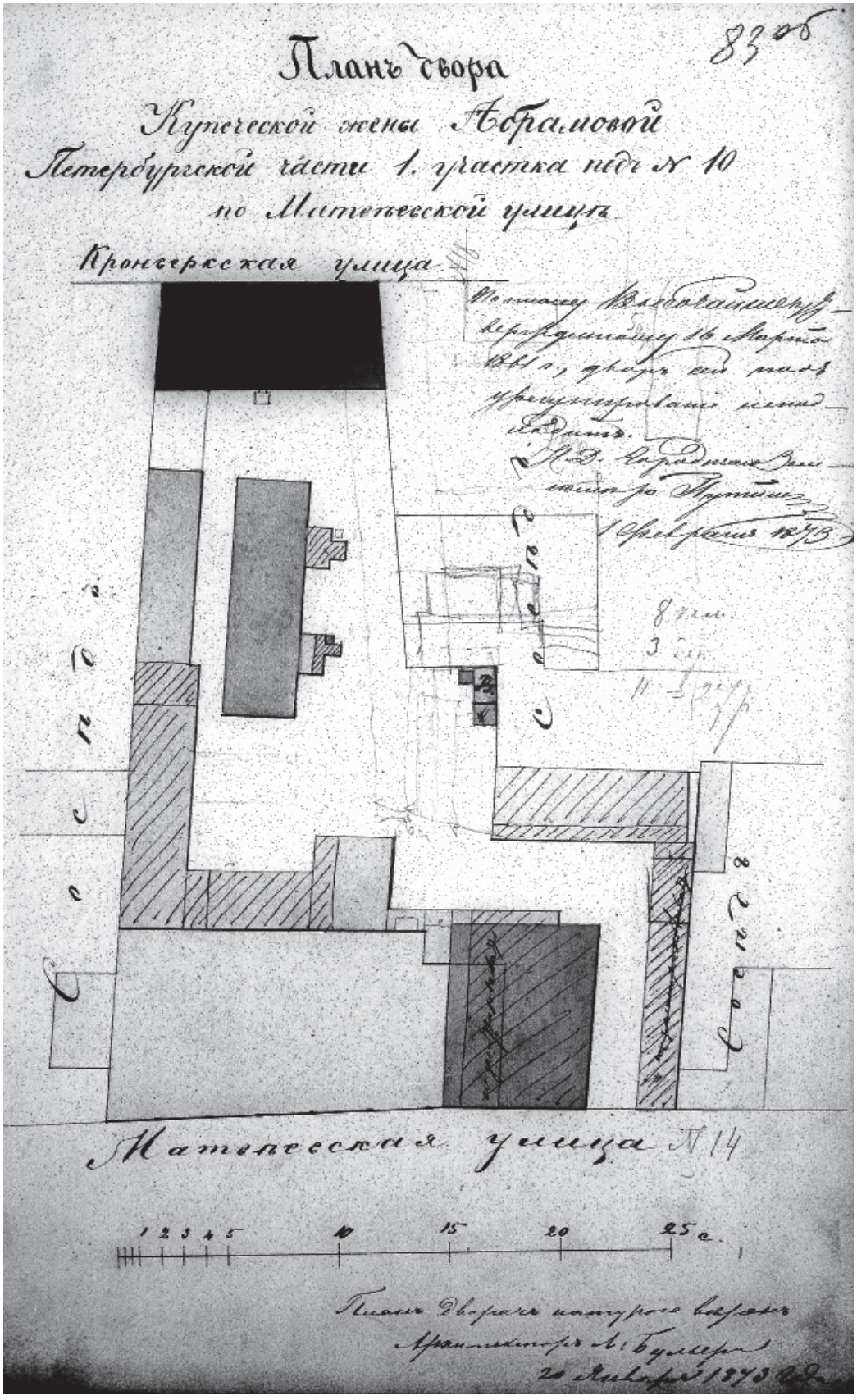

Рис. 12. План двора О. М. Абрамовой по Матвеевской ул. 1873 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 83об.)

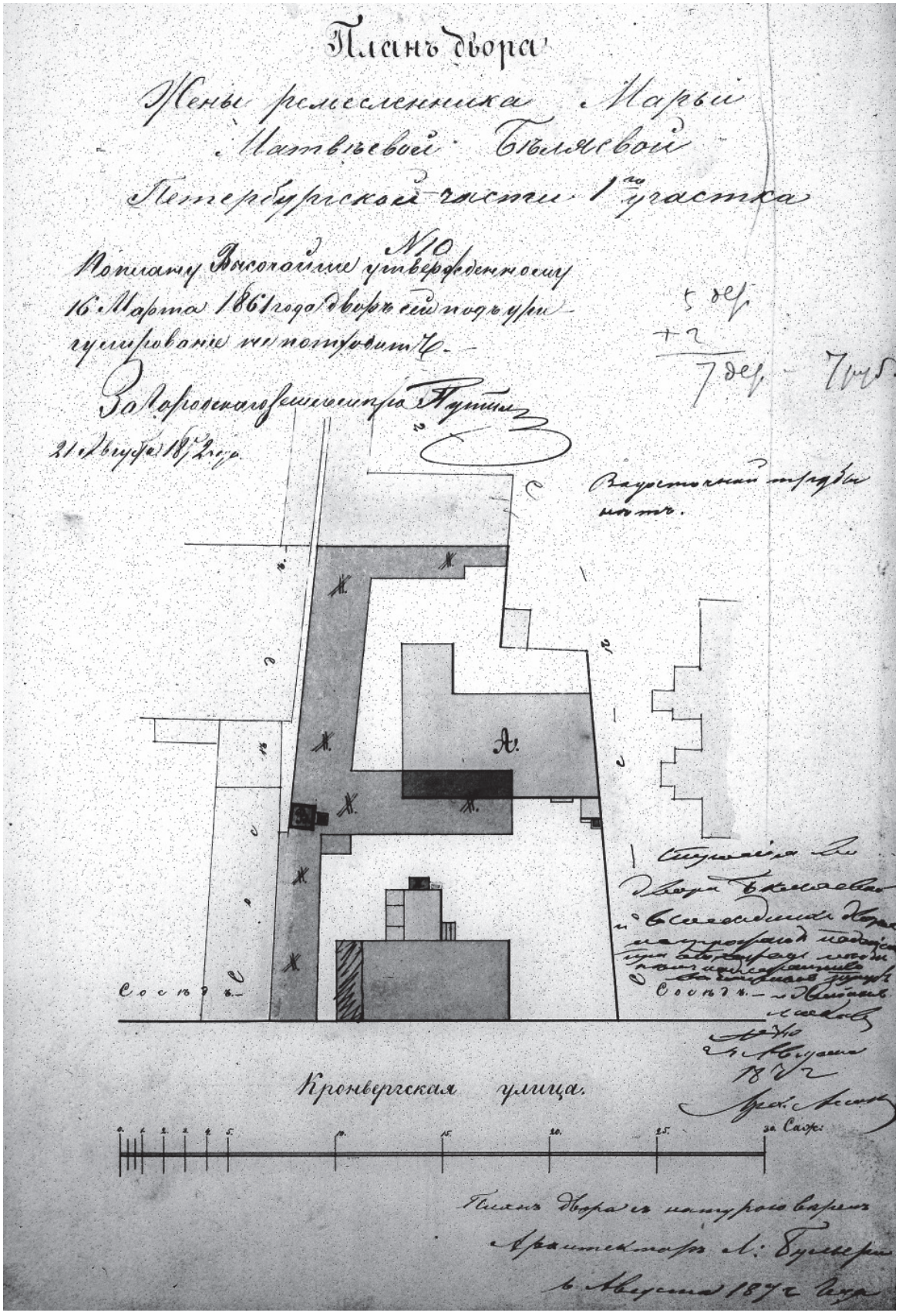

Рис. 13. План двора жены ремесленника М. М. Беляевой. 1872 г.
(ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 67об.)

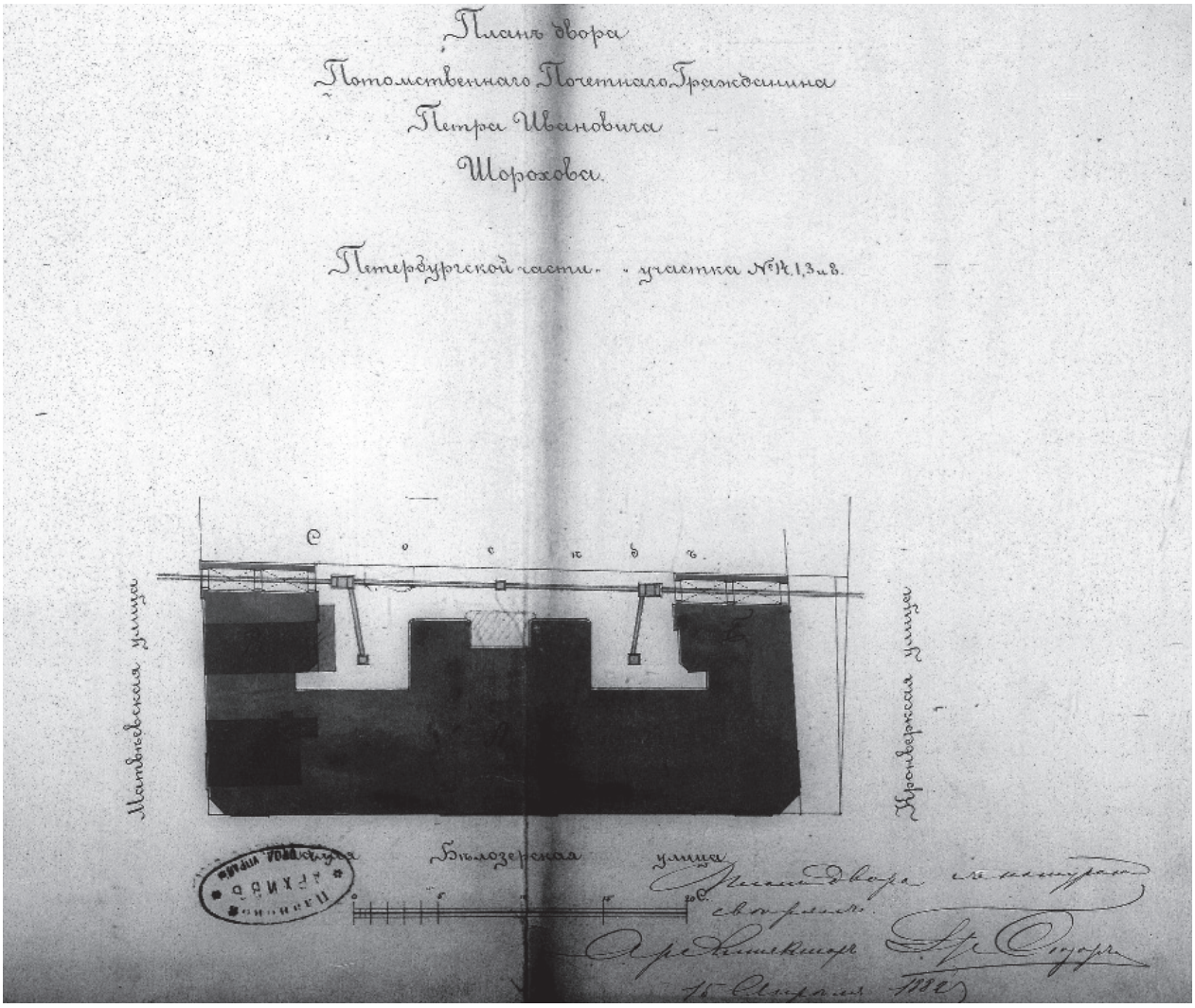

Рис. 14. План двора П. И. Шорохова. 1882 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 12–13)

Здание Белозерских, или Шороховских, торговых бань было построено в 1882 г. по проекту архитектора П. Ю. Сюзора (1844–1919). Несмотря на утрату ряда его работ, до сих пор сохранилось более 80 построенных им зданий. Самая известная работа П. Ю. Сюзора – Дом Зингера. Архитектор активно занимался вопросами сантехники и гигиены жилых помещений, читал курс «Санитарное зодчество» в Институте гражданских инженеров (Дмитриев, 2007. С. 289–293). После того как в 1860-х гг. в Санкт-Петербурге заработал водопровод, значительно возросло строительство бань. К началу 1860-х гг. в Санкт-Петербурге было 40 торговых бань, в 1868 г. – уже 46 бань, с 1870-х гг. каждый год появлялось по одной-две новых бани. В отчете петербургской медицинской полиции за 1897 г. посетители бань были разделены на три категории: приказчики, кучера, извозчики, дворники, уличные торговцы, почтальоны, сторожа, городовые, кондукторы, чернорабочие, прислуга и т.д., которые посещали дешевые 5–10-копеечные классы; мелкие чиновники, конторщики и прочие лица среднего достатка, предпочитавшие 20-копеечные бани; «30–40-копеечные» клиенты, которые сами не парились, а вверяли заботу о себе банщикам. Для торговых бань существовал показатель вместимости: минимум 50 человек, максимум – 120. Нормы складывались из санитарно-гигиенических расчетов с учетом требований клиентов, накопленного банного опыта, географического положения бани в городе, пола посетителей. Время работы бань также регламентировалось: не разрешалось открывать бани ранее 4 часов утра, а закрывали их не позднее 2 часов ночи. 29 июля 1879 г. были изданы постановления, обязывавшие при строительстве бань учитывать определенные требования (стены

должны быть в 2,5 кирпича, высота потолков не менее 5 аршин, рамы должны быть двойные, притом стекла непрозрачные и т. д.) (Три века Санкт-Петербурга, 2003. С. 234–237).

По проектам П. Ю. Сюзора был построен целый ряд общественных бань (12) в Санкт-Петербурге. Архитектор не ограничивался рамками стоявшей перед ним задачи, а задумывал крупные культурно-оздоровительные комплексы с бассейнами, прачечными, столовыми и читальнями, среди которых были бани М. С. Воронина на Фонарном пер., бани Целибеевых, бани Е. Ф. Овчинникова, Белозерские бани П. И. Шорохова (Дмитриев, 2007. С. 289–293; Три века Санкт-Петербурга, 2003. С. 236). В настоящее время здание Белозерских бань П. И. Шорохова входит в перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную ценность для исторической застройки Санкт-Петербурга (Историческая застройка, 2001. С. 211. № 1278).

В 1880–1890-е гг. территорию современного квартала, ограниченного улицами Кропоткина (бывшая Малая Белозерская), Ленина (бывшая Матвеевская), Кронверкской и Пушкарским пер., занимали участки дворов трех землевладельцев. В южной части находились торговые бани П. И. Шорохова; прилегающие непосредственно с севера участки, где и располагается исследуемый объект, принадлежали купеческой семье Абрамовых и М. М. Беляевой. Двор Абрамовых примыкал с запада, двор М. М. Беляевой – с востока. На архивных планах участка П. И. Шорохова 1896 г. возле северной границы указаны «двор Абрамовой» и «двор Беляевой» (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 43), в 1901 г. – «соседи», на более поздних планах эта территория обозначена как «его же» (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 50об., 62об.).

В начале XX в. П. П. Шорохов присоединяет к своему участку оба двора, граничащие с ним с севера. Сначала к нему отходит владение М. М. Беляевой, а затем – семьи Абрамовых. На плане двора П. П. Шорохова 1905 г. в северной части видны постройки обоих присоединенных участков (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 47об.) (рис. 15); там же указано, что «дворы объединены в одно общее место по плану, утвержденному Санкт-Петербургской Городской Управой 13 марта 1903 г.». В итоге П. П. Шорохов становится единовластным хозяином квартала, на территории которого находится исследуемый участок, что также подтверждается и адресными книгами Санкт-Петербурга (Весь Петербург, 1897. С. 128, 172; Адресная книга города С.-Петербурга за 1901 г. С. 207, 281; Весь Петербург, 1904. С. 164, 220). В адресной книге за 1913 г. о П. П. Шорохове сообщается следующее: потомственный почетный гражданин, гласный Петроградской городской думы, директор 2-го Санкт-Петербургского общества взаимного кредита, председатель благотворительного общества взаимного кредита, товарищ председателя благотворительного общества в приходе Матвеевской церкви на Петроградской стороне, попечитель 4-го мужского Петербургского городского училища, 4-го городского сиротского дома, член комиссии по народному образованию, комиссии по благотворительности, член коммерческого суда, председатель 18-го городского общества попечительства о бедных; владелец торговых бань, крупный домовладелец (Весь Петербург, 1913. С. 716). В годы Первой мировой войны П. П. Шорохов также состоял в Совете Всероссийского общества помощи военнопленным, созданного для материальной поддержки российских солдат и офицеров, оказавшихся в плену.

В течение 1910-х гг. П. П. Шорохов еще несколько раз перестраивал здание бань. В 1913 г. были произведены незначительные расширения внешних границ флигелей, а также надстройка этажей в надворном флигеле с целью открытия новых помещений для посетителей бань (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 50об.). В октябре 1917 г. Петроградская городская управа одобрила проект на переоборудование части первого этажа бань под помещение кинематографа с эстрадой (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 62–62об.) Сведений о каких-либо проектах новых построек по инициативе П. П. Шорохова на присоединенных территориях к северу от здания бань не сохранилось. Белозерские Шороховские бани пережили революционные события, тяжелые годы Великой Отечественной войны и блокады. Все это время бани оставались действующими и были окончательно закрыты лишь в 1990-е гг.

5. Археологические исследования

Археологические исследования территории к северу от здания бывших Белозерских Шороховских тороговых бань проводились в два этапа: 1 археологические разведки 2012 г.; 2 археологические наблюдения 2013 г.

5.1. Археологические разведки

К моменту начала археологических работ территория исследования представляла собой площадку, огороженную чугунной решеткой, занятую зданием бизнес-центра и автостоянкой, покрытой тротуарной плиткой, общей площадью 2000 кв. м. Исследования проводились в пределах автостоянки, обращенной «во внутренний двор» здания бывших Белозерских бань, где на момент начала

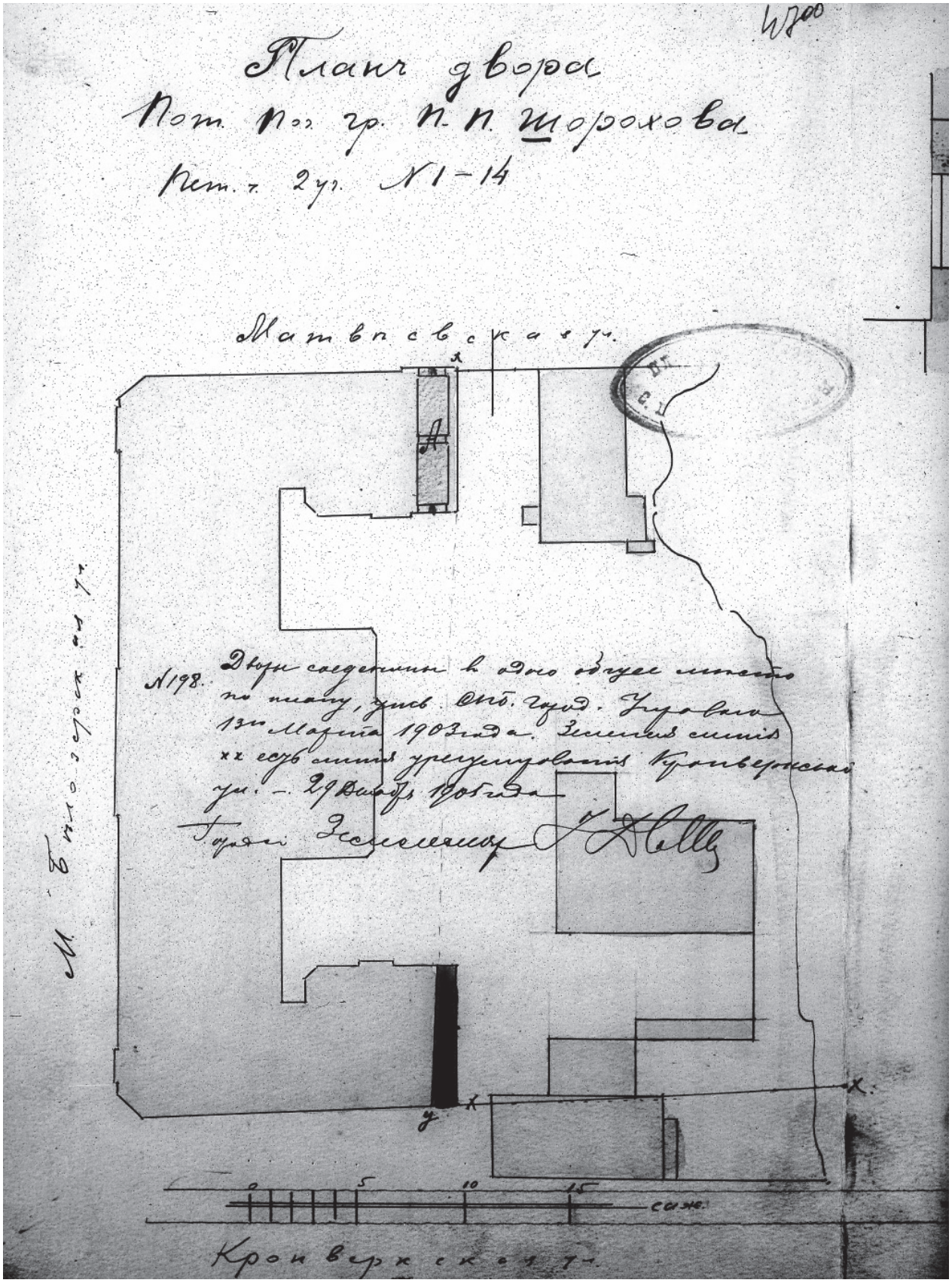

Рис. 15. План двора П. П. Шорохова. 1905 г. (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Л. 47об.)

исследований находился главный вход в бизнес-центр «Сенатор» с пристройками современных технических помещений.

Археологические шурфы были заложены в максимально возможной удаленности от действующих коммуникаций в западной (шурф 1), центральной (шурф 2) и восточной (шурф 3) частях исследуемой территории. Средние значения уровня современной дневной поверхности в пределах территории работ составляли 3,17–3,08 м БС (рис. 16).

Общая характеристика культурных напластований археологических шурфов

В археологических шурфах зафиксировано пять стратиграфических слоев (слои 1–5), связанных с культурными напластованиями, постройками и сооружениями XIX–XX вв.: слой 1 – строительный мусор XX в., слой 2 – строительный мусор XIX в., слой 3 – погребенная почва XIX в., слой 4 – мешаная погребенная почва, слой 5 – мелкозернистый угольный шлак. В ходе проведения археологических разведок выявлено два условных горизонта культурных напластований и несколько связанных с ними прослоек и слоев разных контекстов, залегающих между условными горизонтами.

Горизонт 1. Уровень строительного мусора второй половины XX в. (2,15–2,18 м БС) зафиксирован под уровнем современного мощения и технологических песчаных подсыпок в западной части территории исследования (шурф 1) в виде мешаных засыпок со скоплением булыжников и залегающей поверх сломанной бетонной сваей. В центральной и восточной частях площадки горизонт соответствует слою строительного мусора и засыпок из отработанного угля из котельной, не сохранившейся до настоящего времени (шурфы 2, 3).

Горизонт 2. Уровень распространения слоя погребенной почвы XIX в. (2,22–2,13–1,78 м БС) выявлен в центральной части территории исследования (шурф 2). Слой не потревожен поздними строительными перекопами и содержит в себе следы сооружений из дерева в виде остатков полностью истлевших столбовых конструкций и щепы, характерных для исторической части Санкт-Петербурга времен активного деревянного строительства.

Под уровнем погребенной почвы на глубине 1,86–1,58 м БС залегает материковая поверхность – крупно- и мелкозернистый песок разных оттенков серого с включениями ожелезнений. Непотревоженный уровень материковой поверхности зафиксирован лишь в центральной части территории исследования (шурф 2). На западе (шурф 1) и востоке (шурф 2) площадки материковая поверхность прорезана строительными котлованами, дно которых часто определить невозможно из-за обильно поступающих грунтовых вод и перекрывающих деревянных коммуникаций. Максимальная глубина исследованных строительных котлованов достигала 2 м (1,21 м БС). Средняя мощность культурных напластований составила 1,50–1,70 м.

Шурф 1 (рис. 16), размерами 2 × 4 м, заложен в западной части территории исследования на расстоянии 15 м к северо-востоку от угла западного корпуса здания бизнес-центра. Верх современной дневной поверхности лежит на отметках 3,10–3,12 м БС, исследования завершены на отметках 1,21–1,42 м БС. Глубина шурфа составила 1,90 м. В пределах шурфа обнаружена поломанная бетонная фундаментная свая, состоящая из двух частей размерами 2,00 × 0,35 м, соединенных арматурными прутьями. Свая залегала на досках поверх слоя строительного мусора XX в., частично перекрывая завал из булыжников площадью 2 кв. м, видимо, от остатков уличного мощения. Под булыжным завалом и слоем строительного мусора XX в. найдены остатки деревянной коммуникации в виде деревянного желоба, врубленного в прямоугольный деревянный колодец размерами 2,10 × 1,20 м. Подобная система водоотведения была широко распространена в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX в. После фиксации деревянных конструкций, лежавших ниже уровня материковой поверхности, дальнейшие исследования в шурфе были прекращены.

Археологический материал из шурфа представлен красноглиняной посудой, фарфором, фаянсом, изделиями из стекла. Интересна находка кирпича с клеймом Поршнева и фрагментов столовой посуды с клеймами Гарднера, братьев Корниловых и братьев Кузнецовых, датирующихся XIX в.

Шурф 2 (рис. 16), размерами 2 × 4 м, заложен в центральной части территории исследования на расстоянии 18 м к северо-востоку от шурфа 1. Верх современной дневной поверхности лежит на отметках 3,12–3,16 м БС, исследования завершены на уровне материка, на отметках 1,58–1,89 м БС. Глубина шурфа достигала 1,50 м. Под слоем строительного мусора XX в. прослежен участок погребенной почвы XIX в. со следами деревянного строительства раннего периода в виде четырех столбовых ям диаметром 0,30 м, фрагмент деревянной доски размерами 0,65 × 0,10 м и слой с включениями щепы площадью 0,70 кв. м. Три столбовые

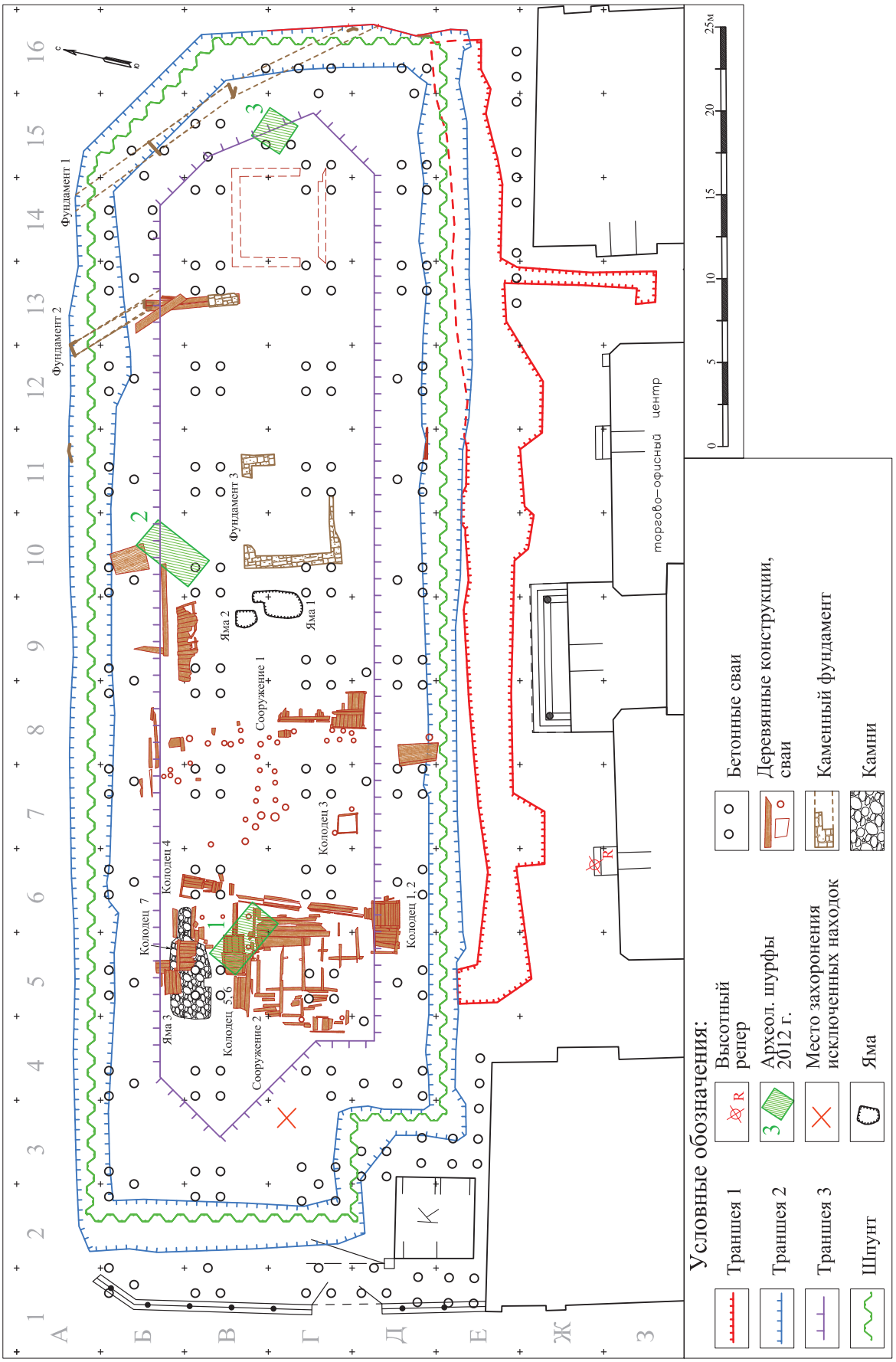

Рис. 16. Кропоткина (2012–2013 гг.). План выявленных объектов

ямы в западной части шурфа были впущены в овальную яму, диаметром 1,00 м и глубиной 0,50 м. Заполнение ямы состояло из переотложенного слоя погребенной почвы. Исследование шурфа было закончено на уровне материка (рис. 17).

Археологические материалы из шурфа представлены красноглиняной посудой, фарфором, фаянсом, изделиями из стекла. Следует особо отметить находку кирпича с клеймом владельца Белозерских бань Шорохова, фрагмента фарфоровой чашки с ранним клеймением Гарднера (начала XIX в.) и печного изразеца с белой поливой.

Шурф 3 (рис. 16), размерами 2 × 2 м, заложен в восточной части территории исследования на расстоянии 20 м к востоку от шурфа 2. Верх современной дневной поверхности лежит на отметках 3,10–3,11 м БС, исследования завершены на отметках 1,80–1,87 м БС. Глубина шурфа достигала 1,30 м. Под слоем строительного мусора XX в. открыта бетонная фундаментная конструкция от разобранной котельной или вспомогательного технического помещения, сооруженного не ранее середины – второй половины XX в.

Археологический материал из шурфа представлен разнообразными кирпичами из красной и белой глины, обломками изделий из металла, фрагментами чугунных печных заслонок, изделиями из стекла. К характерным находкам можно отнести кирпич с клеймом КМИ, верхнюю часть горла бутылки из зеленого стекла и нижнюю часть граненого стакана XX в.

Общая характеристика археологического материала из археологических шурфов

Коллекция археологических находок из археологических шурфов представлена фрагментами керамической и стеклянной посуды, строительной керамикой, изделиями из металла и органических материалов в количестве 169 экземпляров.

Кухонная и столовая керамическая посуда (70 экземпляров) – наиболее массовая категория находок, представленная обломками венчиков, донцев, ручек и стенок красноглиняных, сероглиняных

Рис. 17. Кропоткина (2012–2013 гг.). Археологический шурф 2. Зачистка на уровне материковой поверхности. Вид с востока

Рис. 18. Кропоткина (2012–2013 гг.). Строительная керамика: 1 – КР-12-Ш1-24; 2 – КР-12-Ш1-26; 3 – КР-12-Ш3-7

и светлоглинянных сосудов с белой, желтой, коричневой и зеленой поливами, отдельными фрагментами сельтерских бутылок.

Строительная керамика (30 экземпляров) представлена фрагментами печных изразцов с белой поливой, строительными красноглиняными и силикатными кирпичами, красноглиняными кирпичами с клеймами, среди которых зафиксированы клейма «ПОРШНЕВЪ», «ШОРОХОВ», «КМИ» (рис. 18).

Кирпичи с клеймом «ПОРШНЕВЪ» производились на заводе потомственного почетного гражданина Ивана Павловича Поршнева в селе Усть-Ижора с 1881 г. После 1903 г. завод перешел к его наследникам. Кирпичи с клеймом «ШОРОХОВ» могли производиться по заказу владельца бывших Белозерских бань в Санкт-Петербурге П. И. Шорохова для перестройки здания. Кирпичи с клеймами «КМИ» датируются второй половиной XIX в.

Фаянсовая посуда (9 экземпляров) представлена обломками столовых сосудов с геометрическим и растительным орнаментом, с полихромной росписью и росписью синей краской, с клеймами братьев Кузнецовых и фабрики Гарднера.

Фарфоровые изделия (13 экземпляров) представлены фрагментами аптечных банок, различной посуды из столовых и чайных сервизов, фрагментами расписных тарелок, блюдец, бокалов, чашек, украшенных геометрическим или растительным орнаментом с клеймом заводов братьев Корниловых и фабрики Гарднера.

Стеклянные изделия (30 экземпляров) представлены в основном фрагментами бутылок разнообразных геометрических форм и размеров, а также обломками и целыми экземплярами флаконов и детских мерных бутылочек, выполненных из зеленого, коричневого и прозрачного стекла, часто с орнаментом, клеймами и надписями с информацией о производителе и предназначении изделия – например: «STADTISCHE SAUGIINGS FURSORGESTELLE» (Муниципальный центр помощи детям).

Изделия из металла (6 экземпляров) представлены предметами из железа, чугуна и цветных металлов: коваными железными четырехгранными гвоздями и костылями, фрагментами скобяных изделий, заслонок и решеток для печи, подковой.

Изделия из органических материалов (3 экземпляра) представлены кожаным ботинком и двумя предметами из дерева.

Основные датирующие категории археологического материала (клейма на столовой посуде и кирпичах) позволяют определить хронологический диапазон изученного культурного слоя на территории исследования в пределах XIX–XX вв.

В результате проведенных разведочных археологических работ были выявлены остатки деревянных коммуникаций, связанных с ранним периодом деревянной застройки до начала функционирования Белозерских бань (1882 г.) (шурф 1), и участок погребенной почвы XIX в. с остатками деревянных столбовых конструкций (шурф 2), изучен культурный слой Санкт-Петербурга и археологический материал, представленный предметами городской бытовой культуры. В западной и восточной частях исследованной территории культурный слой нарушен поздними перекопами и котлованами под бетонные сооружения второй половины XX в.

5.2. Археологическое наблюдение

Археологическое наблюдение велось на участке строительства паркинга бизнес-центра площадью 1457,7 кв. м, где методом бурения были подготовлены места для установки 205 железобетонных свай, выкопаны три траншеи и котлован под фундамент.

Траншея 1 (рис. 16), шириной 0,99–4,65 м, выкопана вдоль северной стены бизнес-центра по линии запад–восток длиной 57,37 м, по линии север–юг длиной 9,05 м. Ее верх находился на отметках 2,00–2,16 м БС. Дно траншеи устроено на отметках 2,72–2,83 м БС.

Траншея 2 (рис. 16) выкопана для установки шпунтованного ограждения котлована. Северный участок траншеи имел длину 67,93 м, ширину 1,99–3,62 м и глубину 0,62–0,88 м. Его верх находился на отметках 3,12–3,35 м БС, дно устроено на отметках 2,04–2,52 м БС. Южный участок траншеи имел длину 65,87 м, ширину 1,90–2,89 м и глубину 0,46–1,51 м. Его верх находился на отметках 3,01–3,17 м БС, дно устроено на отметках 1,64–2,33 м БС. Восточный участок траншеи имел длину 25,47 м, ширину 1,03–3,68 м и глубину 0,71–0,79 м. Его верх находился на отметках 3,01–3,21 м БС, дно устроено на отметках 2,33–2,58 м БС. Западный участок траншеи имел длину 27,31 м, ширину 1,90–2,16 м и глубину 0,95–1,20 м. Его верх находился на отметках 3,01–3,21 м БС, дно устроено на отметках 2,04–2,34 м БС.

Траншея 3 (рис. 16) выкопана для укрепления шпунтованного ограждения котлована. Северный участок траншеи имел длину 67,93 м, ширину

5,24–5,30 м, его верх находился на отметках 3,12–3,35 м БС, дно устроено на отметках 1,33–1,40 м БС. Южный участок траншеи имел длину 65,85 м, ширину 4,90–5,93 м, его верх находился на отметках 3,07–3,15 м БС, дно устроено на отметках 1,24–1,88 м БС. Западный участок траншеи имел длину 23,47 м, ширину 6,75–12,14 м, его верх находился на отметках 3,10−3,17 м БС, дно устроено на отметках 1,82−1,83 м БС. Восточный участок траншеи имел длину 23,99 м, ширину 5,06–8,90 м, его верх находился на отметках 3,12–3,18 м БС, дно устроено на отметках 1,88−1,90 м БС.

Котлован (рис. 16) выкопан внутри шпунтованного ограждения до отметок -1,34 − -1,50 м БС. Культурный слой состоял из строительного мусора XIX–XX вв., многократно перемещенный в результате прокладки многочисленных траншей, технологических коммуникаций. Открыты заглубленные части каменных фундаментов и деревянных сооружений, а также участок деревянной дренажной системы.

Фундамент 1 (рис. 16) прослежен в траншеях 1–3 и в котловане, в значительной части нарушен современными траншеями. Фундамент вытянут по линии северо-запад−юго-восток, его длина составляла 19,46 м, ширина 0,73 м, высота 0,50−1,10 м. Верх фундамента лежал на отметках 2,50−2,88 м БС, его отдельные участки использованы в качестве основания современного ограждения бизнес-центра. Фундамент сложен из двух рядов красного кирпича, уложенных на известняковые блоки, скрепленные раствором из извести, опиравшиеся на деревянные балки диаметром 0,18−0,20 м на отметках 2,02−2,05 м БС.

Фундамент 2 (рис. 16), длиной 10,08 м, высотой 0,55 м, проложен по линии северо-запад−юго-восток в 7,30 м к западу от фундамента 1, прослежен в траншеях 1–3 и котловане, нарушен при строительстве современного железобетонного коллектора. По своей конструкции сходен с фундаментом 1. Нижний ряд известняковых блоков также опирался на два бревна диаметром 0,20 м, уложенных на материковый песок на отметках 2,02−2,05 м БС.

Фундамент 3 (рис. 16), высотой 0,30−0,75 м, шириной 0,80 м, обнаружен на отметках 1,86−2,40 м БС, значительно разрушен современными перекопами. Фундамент сложен из известняковых блоков, нижний ряд которых на уровне 1,24 м БС опирался на два бревна диаметром 0,20 м. При зачистке фундамента найдены обломки красноглиняной и белоглиняной керамики, обломки фаянсовой посуды и стеклянных сосудов, кованые железные гвозди, фрагмент красноглиняного изразца.

К северо-востоку от фундамента 3 на отметках 1,62−1,95 м БС обнаружен дощатый настил площадью 7,74 кв. м из 15 досок шириной 0,25 м, толщиной 0,02 м, уложенных на две поперечные лаги. При зачистке настила найдены обломки красноглиняной керамики, чашка красноглиняной курительной трубки, два фрагмента сосудов из каменной массы, обломки фаянсовой и фарфоровой посуды, стеклянных бутылей и бутылочек и изделий, железная набойка.

К востоку от фундамента 3 на отметках 1,80−1,82 м БС открыта яма 1 (рис. 16) овальной формы, размерами 2,92 × 1,60 м, заполненная темно-серой супесью с включением строительного мусора. Дно ямы устроено на отметках 1,62−1,72 м БС, ее глубина составила 0,10−0,18 м. В заполнении найдены обломки красноглиняной и белоглиняной керамики, фрагмент сосуда из фарфора, фрагмент красноглиняного изразца, кованные железные гвозди.

Яма 2 (рис. 16) обнаружена к северу от ямы 1 на отметках 1,80−1,82 м БС, имела овальную форму размерами 1,30 × 1,05 м. Заполнение состояло из темно-серой супеси с включением строительного мусора. Дно ямы устроено на отметках 1,48−1,50 м БС, ее глубина составила 0,10−0,32 м. В заполнении найдены фрагменты изделий из фаянса, фарфора и стекла.

В центральной части участка на отметках 1,92−2,36 м БС обнаружены 36 деревянных свай округлой и подпрямоугольной в сечении формы, диаметром 0,15−0,30 м, длиной 1,10 м, расположенных бессистемно (рис. 16).

Деревянное сооружение 1 (рис. 16), площадью 8,83 кв. м, открыто в южной половине участка на отметках 1,73−2,14 м БС при выкапывании котлована. Сооружение состояло из двух балок длиной 3,02 м и шириной 0,12–0,30 м, уложенных по линии северо-запад−юго-восток. Рядом с балками находился дощатый настил, площадью 0,26 кв. м, из пяти досок шириной 0,25 м, толщиной 0,02 м и длиной 0,35−0,40 м. Балки примыкали к колодцу, размерами 2,10 × 2,20 м, с дощатыми стенками и дном. В заполнении сооружения найдены обломки красноглиняной и белоглиняной керамики, фрагменты фаянсовой посуды и изделий из фарфора, фрагмент сосуда из каменной массы, обломки стеклянных бутылей и бутылочек.

Колодец 3 (рис. 16), размерами 1,07 × 1,14 м, глубиной 0,90 м, открыт в южной половине участка

на отметках 1,95–2,17 м БС при выкапывании котлована. Стенки колодца сделаны из досок, шириной 0,20–0,25 м и толщиной 0,05 м, соединенных по углам при помощи вырезанных по краям пазов. Заполнение колодца состояло из темно-серой супеси с включением строительного мусора и щепы. Дно колодца устроено в материковом песке на отметках 1,05–2,27 м БС. В заполнении колодца найден фрагмент красноглиняного изразца, обломок сосуда из фарфора, фрагмент сероглиняной керамики, два обломка стеклянных бутылей.

Деревянное сооружение 2 (рис. 16), площадью 64,65 кв. м, открыто в западной части участка на отметках 1,73–2,14 м БС при выкапывании котлована. В основании сооружения располагались балки, длиной 4,21 м и шириной 0,14 м. На них были уложены лаги, длиной 4,18 м и шириной 0,15 м, на которые крепился дощатый пол на площади 6,97 кв. м, состоявший из досок шириной 0,25–0,41 м, толщиной 0,05 м и длиной 4,24 м. В северо-западной части сооружения на отметках 1,96–2,04 м БС обнаружен дощатый настил площадью 2,13 кв. м. Еще один дощатый настил площадью 1,39 кв. м открыт в юго-западной части сооружения на отметках 1,96–2,00 м БС. В западной части участка обнаружены деревянные дренажные колодцы, соединенные между собой системой деревянных коробов.

Колодец 1 (рис. 16), размерами 1,49 × 1,63 м, обнаруженный в траншее 3 на отметках 1,57–1,99 м БС, сооружен из бревен диаметром 0,19–0,25 м, соединенных по углам «в лапу». В двух противоположных стенках имелись прямоугольные отверстия для установки дренажного короба. Дно колодца выложено досками шириной 0,17–0,25 м. Заполнение колодца состояло из слоя строительного мусора.

С востока к колодцу 1 на отметках 1,32–2,05 м БС примыкал *колодец 2* (рис. 16), размерами 1,48 × 1,59 м. Колодец был сооружен из бревен, соединенных по углам «в лапу», имел отверстие для установки дренажного короба, его дно выложено досками. Заполнение колодца состояло из слоя строительного мусора.

В заполнении колодцев найдены обломки красноглиняной и белоглиняной керамики, фрагменты красноглиняных изразцов, обломки фаянсовой посуды и изделий из фарфора, костяные зубные щетки, железная подкова, обломки стеклянных бутылей и бутылочек. Особо следует отметить российскую медную монету 1899 г. достоинством в 2 копейки.

Колодец 4 (рис. 16), размерами 1,35 × 1,32 м, обнаруженный на отметках 1,89–2,03 м БС в северной половине участка при выкапывании котлована, сооружен из бревен диаметром 0,19–0,25 м, соединенных по углам «в лапу». В его южной стенке имелось прямоугольное отверстие для устройства дренажного короба. Дно колодца выложено досками. Заполнение колодца состояло из слоя строительного мусора, нарушенного вбитой по центру железобетонной сваей.

Колодец 5 (рис. 16), размерами 1,23 × 1,22 м, обнаруженный на отметках 1,82–1,84 м БС в центре участка при выкапывании котлована, был сооружен из бревен диаметром 0,19–0,25 м, соединенных по углам «в лапу», частично перекрывался деревянным сооружением 2. В восточной стенке колодца имелось прямоугольное отверстие для устройства дренажного короба. Дно колодца выложено досками шириной 0,17–0,25 м. Заполнение колодца состояло из темно-серой супеси и слоя строительного мусора.

К западной стенке колодца 5 примыкал *колодец 6* (рис. 16), размерами 1,45 х 1,41 м, обнаружен на отметках 1,94–1,99 м БС, сооружен из бревен, соединенных по углам «в лапу», имел прямоугольное отверстие для устройства дренажного короба, дно колодца выложено досками. Заполнение колодца состояло из темно-серой супеси и слоя строительного мусора.

Колодцы 1 и 4 были соединены деревянным дренажным коробом, устроенном на отметках 1,68–2,10 м БС из досок шириной 0,25 м, длиной около 3,00 м, толщиной 0,05 м. Конструкция удерживалась вбитыми с внешней стороны стенок колами. Верхняя часть короба перекрывалась досками и поперечными плахами.

В заполнении колодцев найдены обломки красноглиняной, сероглиняной и белоглиняной керамики, фрагмент красноглиняного изразца, обломки фаянсовой посуды и изделий из фарфора, два фрагмента сосудов из каменной массы, кованые железные гвозди, две чашки красноглиняных курительных трубок, изделия из стекла. Особо следует отметить российскую медную монету 1840 г. номиналом 3 копейки серебром.

В северной половине исследованного участка на отметках 1,91–2,03 м БС обнаружена *яма 3* (рис. 16) овальной формы, размерами 2,46 × 6,58 м, глубиной 0,40–0,39 м. Заполнение ямы состояло из темно-серой супеси и окатанных камней. На дне ямы на отметках 1,51–1,52 м БС открыты нижние венцы разрушенного дренажного колодца. *Колодец 7* (рис. 16), размерами 1,45 × 1,41 м, был сооружен из бревен диаметром 0,12–0,16 м, соединенных по

углам «в лапу». Дно колодца выложено досками шириной 0,18–0,23 м.

В заполнении ямы 3 найдены обломки красноглиняной и белоглиняной керамики, фрагмента фаянсовой посуды и изделий из фарфора, бутылочка из каменной массы, изделия из цветного металла, дерева и стекла. Особо следует отметить российскую медную монету 1910 г. номиналом 2 копейки.

Коллекция археологических находок в количестве 723 экземпляров представлена фрагментами керамической и стеклянной посуды, сосудов из каменной массы, строительной керамикой, изделиями из металла и органических материалов.

Кухонная, столовая и садовая керамическая посуда (209 экземпляров) – наиболее массовая категория находок, представленная обломками венчиков, донцев, ручек и стенок красноглиняных, сероглиняных, светлоглинянных и белоглиняных сосудов с белой, желтой, коричневой и зеленой поливами и фрагментами сосудов из каменной массы (рис. 19).

Сосуды из каменной массы (7 экземпляров) представлены фрагментами сосудов для сельтерской воды с клеймом «SELTERS» и «ZOGTHUM NASSAU» и бутылью из-под рижского бальзама с клеймом «КЕРКОВІУСЪ и КОМ…», «*РИГЪ*».

Строительная керамика (12 экземпляров) представлена фрагментами печных изразцов с белой поливой, красноглиняными кирпичами с клеймами «ПОРШНЕВЪ», «ШОРОХОВ», «ЛЬВОВЪ», керамической плиткой и фрагментами красноглиняной черепицы.

Фаянсовая посуда (56 экземпляров) представлена фрагментами столовых сосудов с геометрическим и растительным орнаментом, с полихромной росписью и росписью синей краской, с клеймами братьев Кузнецовых и завода им. Калинина в Конаково. Особо следует отметить донца сосудов с клеймом «…ГИНТЕРЪ», «С.П.Б.», принадлежавшим фабрике в Петербурге, не позднее второй половины XIX в., а также с клеймом в виде коронованного герба, который держат по сторонам лев в короне и олень, стоящие на надписи «TEICHELD & ASTERBLUM», принадлежавшем фабрике в Польше, не позднее начала XX в.

Фарфоровые изделия (107 экземпляров) (рис. 20) представлены фрагментами аптечных банок, сосудов из столовых и чайных сервизов, обломками расписных тарелок, блюдец, бокалов, чашек, украшенных геометрическим или растительным орнаментом с клеймами заводов братьев Кузнецовых, братьев Корниловых, заводов РСФСР первой половины XX в. Особо следует отметить донце сосуда с клеймом на китайском языке в две строчки «...瑾大» «...正清», что означало «Сделано в годы (правления) Юнчжэна (из) Великой (династии) Цин», т. е. во время правления пятого императора династии Цин Айсиногеро Иньчжэна в 1723–1735 гг.

Стеклянные изделия (98 экземпляров) (рис. 21) в основном представлены целыми экземплярами и обломками бутылок разнообразных геометрических форм и размеров, а также фрагментами и целыми экземплярами флаконов и аптечных мерных бутылочек, сделанных из зеленого, коричневого и прозрачного стекла, часто с орнаментом, клеймами и надписями с информацией о производителе – например: «И.К. КОХЪ ВЪ РИГѢ», «БАВАРІЯ С. ПЕТЕРБУРГЪ», «ПЕРУИНЪ – ПЕТО» (средство для «ращения волос» продавалось на Невском пр. в д. 20, кв. 8, в начале XX в.).

Монеты (3 экземпляра) представлены медной монетой 1840 г., времени правления Николая I, номиналом 3 копейки серебром; двумя медными монетами времени правления Николая II: 1899 г. номиналом 2 копейки и 1910 г. номиналом 2 копейки (рис. 22: 1, 2).

Изделия из металла (10 экземпляров) представлены коваными железными четырехгранными гвоздями и костылями, обувной набойкой, ключом, табличкой на дверь в виде цифры «2», подковой (рис. 22: 3–5).

Изделия из органических материалов (5 экземпляров) представлены лаптем, двумя костяными зубными щетками, деревянной ручкой зеркальца и фрагментом деревянного предмета (рис. 23).

Основные датирующие категории археологического материала (монеты, клейма на столовой посуде и кирпичах) позволяют определить хронологический диапазон культурного слоя на исследованном участке в пределах XIX–XX вв.

В ходе проведения археологических разведок и осуществления археологического наблюдения за ходом земляных работ было установлено, что культурный слой в значительной степени поврежден современными коммуникациями, однако отдельные участки фундаментов (фундамент 1–3) все же сохранились. Фундаменты имели похожую конструкцию и служили, по всей видимости, основой для деревянных сооружений XIX в. Найденная монета времени правления Николая I позволяет датировать их функционирование первой половиной XIX в.

Рис. 19. Кропоткина (2012–2013 гг.). Красноглиняная керамика: 1 – Кроп-2013-203; 2 – Кроп-2013-204

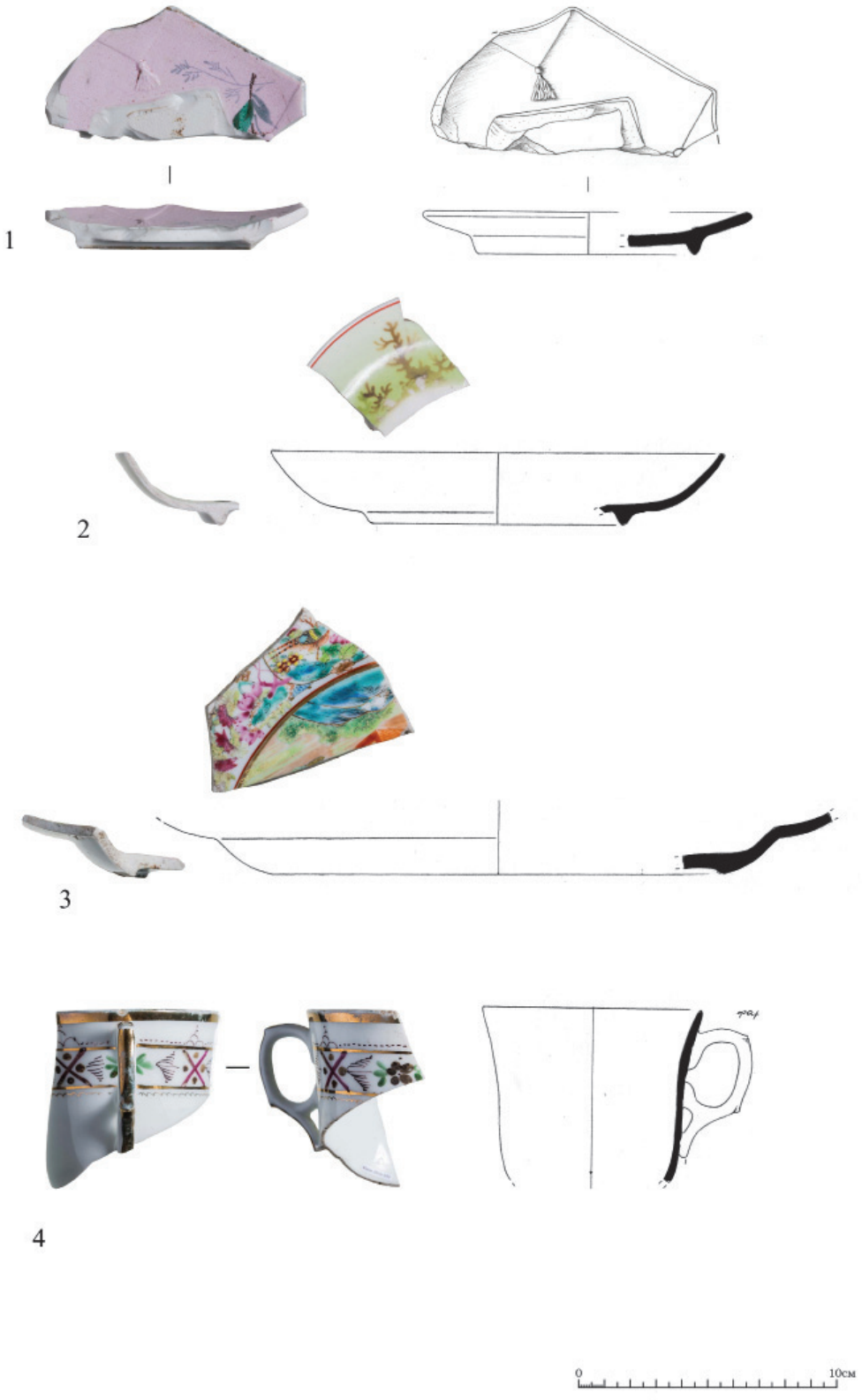

Рис. 20. Кропоткина (2012-2013 гг.). Изделия из фарфора: 1 – Кроп-2013-149; 2 – Кроп-2013-151; 3 – Кроп-2013-152; 4 – Кроп-2013-1538

Рис. 21. Кропоткина (2012–2013 гг.). Изделия из стекла: 1 – Кроп-2013-253; 2 – Кроп-2013-289; 3 – Кроп-2013-152; 4 – Кроп-2013-153

Рис. 22. Кропоткина (2012–2013 гг.). Монеты: 1 – Кроп-2013-524; 2 – Кроп-2013-523.
Изделия из цветного металла: 3 – Кроп-2013-522; 4 – Кроп-2013-473. Изделия из черного металла: 5 – Кроп-2013-316

Рис. 23. Кропоткина (2012–2013 гг.). Изделия из дерева: 1 – Кроп-2013-472; 2 – Кроп-2013-271; 3 – Кроп-2013-572

и отнести к строениям, принадлежавшим некогда Абрамовым и Беляевым. Открыт участок дренажной системы, состоящий из шести колодцев и соединявшего их деревянного короба, построенных не позднее начала XIX в. Также установлено, что дренажная система функционировала до момента строительства бань Шорохова, когда была проложена новая чугунная канализация, а колодцы стали использоваться в качестве хозяйственных ям. Открытые исторические строительные объекты и собранная коллекция археологических находок свидетельствуют об активном использовании этой территории в XIX–XX вв.

Источники и литература

Адресная книга города С.-Петербурга за 1901 г. СПб., 1901.

Аллер С. И., 1823. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге или адресная книга с планом и таблицею пожарных сигналов. СПб.

Ваганов И. 2010. 300 лет Белозерскому полку. Электронная версия. URL:proza.ru/2010/01/15/735

Весь Петербург за 1897 г. СПб., 1897.

Весь Петербург за 1904 г. СПб., 1904.

Весь Петербург за 1913 г. СПб., 1913.

Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д., 2009. Петербург в названиях улиц. М.; СПб.

Военная энциклопедия. СПб., 1911.

Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою. СПб., 1867–1868.

Дмитриев В. К., 2007. Архитекторы Санкт-Петербурга. СПб.

Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий). Справочник. СПб., 2001.

Путеводитель 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Гатчины и пр. СПб., 1854.

Семенцов С. В., 1998. Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм.

Семенцов С. В., 2006. Развитие Приневья и Приладожья в VIII–XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации // Елагинские чтения. СПб. № 2.

Семенцов С. В., Красникова О. А, Мазур Т. П., Шрадер Т. А., 2004. Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века. СПб.

Справочная книга о лицах, получивших на 1867 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1867.

Справочная книга о лицах, получивших на 1872 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1872.

Справочная книга о лицах, получивших на 1877 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб, 1877.

Столпянский П. Н. 1909. Петербург 50 лет тому назад. СПб.

Столпянский П. Н., 1918. Как возник, основался и рос Санкт-Питербурх. Пг.

Табель домов гор. Санкт-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгскою сторонами и Охтою. СПб., 1875.

Табель домов города Санкт-Петербурга: С показанием новой и старой полиц. нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных, с наименованием оных и переименованием некоторых из ныне существующих. СПб., 1889.

Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. СПб., 2003.

Цылов Н. И., 1862. Описание улиц С-Петербурга и фамилий домовладельцев к 1863 году. СПб.

Цылов Н. И., 2003. Атлас тринадцати частей С. Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. 1849. М. (Репринт 2003).

ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 8105. Чертежи дома и здания общественных бань на участке,

принадлежавшем Костомарову, Абрамовой, Наумову, М. М. Беляевой, П. И. Шорохову, П. П. Шорохову по Матвеевской ул., 14–16, Кронверкскому, 14, 16, 18, и М. Белозерской ул., 1. 1847–1917 гг. на 96 л.

Bagrow L., Köhlin H., 1953. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö.

Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, Аптекарский пер., д. 6, лит. Б

И. А. Гарбуз, С. Л. Соловьев

В августе–сентябре 2013 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук были проведены надзорные археологические научно-исследовательские работы на территории объекта культурного наследия регионального значения «Особняк С. П. Ягужинского», расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Центральный район, Аптекарский пер., д. 6, лит. Б (рис. 1; 2).

Объект культурного наследия «Особняк С. П. Ягужинского» включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в категории объекта культурного наследия регионального значения распоряжением КГИОП № 10–31 от 14 октября 2009 г. Памятник расположен в охранной зоне ЗА1 согласно закону Санкт-Петербурга № 820-7.

Работы были направлены на комплексное историко-культурное научное археологическое обследование территории в пределах памятника культурного наследия, изучение первоначальной исторической застройки в границах памятника в центральной части Санкт-Петербурга, выявление возможных остатков архитектурных конструкций раннего строительного горизонта и связанных с ними участков городского культурного слоя XVIII–XIX вв.

Территория археологических исследований расположена в центральной части исторического Санкт-Петербурга на одном из участков первоначальной застройки будущей столицы. Согласно историческим и картографическим данным эта местность была традиционно заселена восточно-финскими племенами и освоена новгородскими и скандинавскими купцами уже в древнерусское время. Особенностью участка исследований является ранняя каменная городская застройка (первая треть XVIII в.), произведенная на месте первоначальных деревянных строений Греческой слободы, возникшей рядом с заболоченным лугом (будущим Царицыным лугом, или Марсовым полем), для осушения которого в 1716–1718 гг. был прокопан Красный канал, соединивший Мойку с Невой. В источниках отмечаются многочисленные пожары в этой части Санкт-Петербурга, наиболее масштабный из которых, бушевавший в Греческой слободе в 1737 г., практически полностью уничтожил большую часть деревянных построек. Набережная Красного канала активно застраивалась каменными домами богатых вельмож, в числе которых был С. П. Ягужинский, в 1730-х гг. приступивший к строительству своего особняка. По историческим источникам известно о нескольких этапах перепланировки здания особняка, изначально ориентированного парадным фасадом на набережную Красного канала, и пристройки к нему каретных сараев, конюшен и служебных помещений, которые располагались во внутренних корпусах, образовавших внутренний двор главного здания.

После засыпки Красного канала в 1781 г. были проведены работы по осушению Царицына луга и осуществлена подсыпка грунтом подвальных этажей расположенных поблизости зданий, в том числе и особняка С. П. Ягужинского, подвал дома которого оказался засыпан полностью.

Анализ исторических карт XVIII – начала XX в., фиксирующих различные этапы застройки исследуемой части территории Санкт-Петербурга, позволяет проследить основные этапы формирования городской исторической топографии, которые могут быть отражены в соответствующих строительных горизонтах и культурных напластованиях в пределах здания особняка.

В пределах изучаемой территории действуют режимы охраны культурного слоя согласно закону

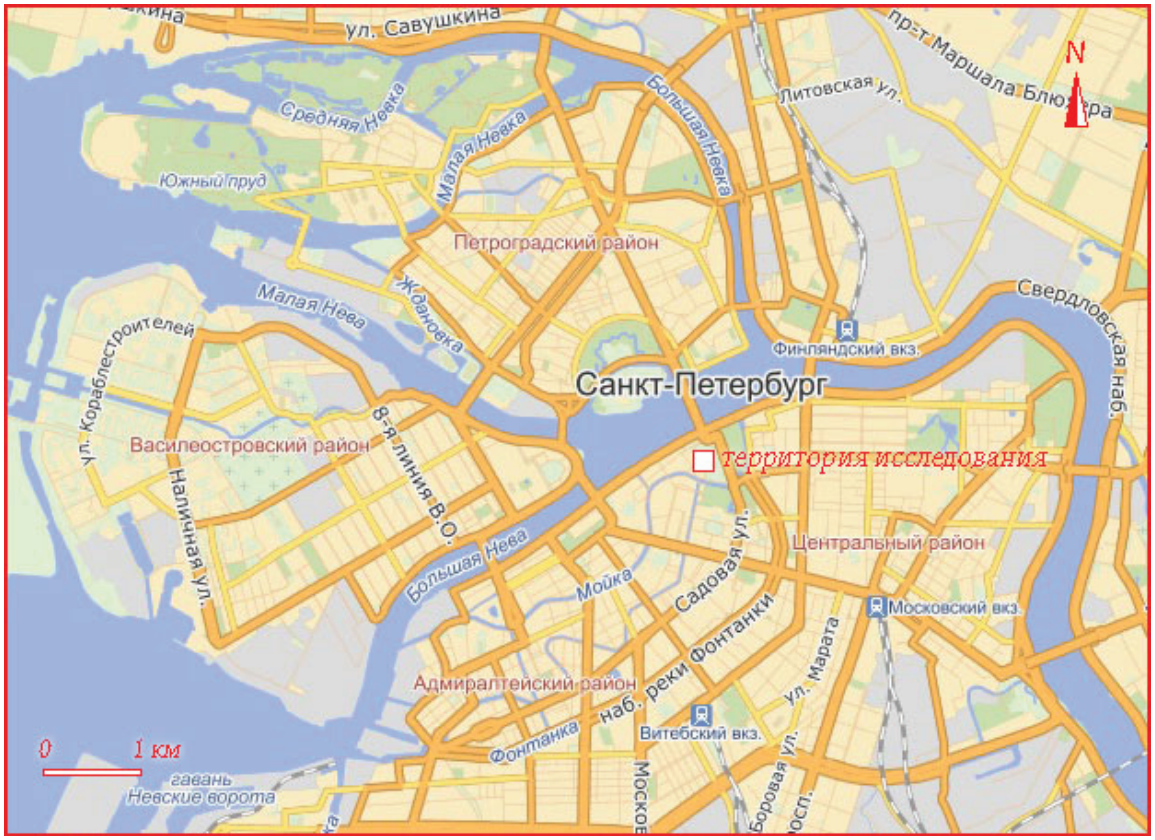

Рис. 1. Территория исследования на карте Санкт-Петербурга (Яндекс-карты, 2013). Объект культурного наследия регионального значения «Особняк С. П. Ягужинского», Центральный район, Аптекарский пер., д. 6, лит. Б

Российской Федерации № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 29 июня 2002 г. и закону Санкт-Петербурга № 820-7 «О генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» от 24 декабря 2008 г. Работы проведены согласно принятой научной полевой методике археологических исследований, включая архивно-библиографические исследования, касающиеся сведений о наличии археологических памятников в обследуемой зоне; составление исторической записки по результатам историко-архивных и библиографических исследований; создание опорного плана участка работ, перевод исторических планов в современный масштаб; визуальное обследование территории; археологическое обследование участка; выявление памятников археологии на основании наличия подъемного материала, особенностей рельефа и иных данных; привязка обнаруженных памятников к территории исследований; описание ландшафтной характеристики расположения обнаруженных памятников и фиксируемых нарушений поверхности объекта.

Археологические исследования включали в себя надзор за механической, ручной разборкой техногенного, стерильного и переотложенного слоев с целью выявления археологического слоя, исследования его характера и мощности, определения его культурно-хронологических характеристик, а также раскопки участка территории внутри отдельных помещений бокового флигеля, примыкающего к главному зданию особняка С. П. Ягужинского с северо-западной стороны (раскоп 1), и внутри подвального помещения особняка (помещение № 16), где в результате археологического наблюдения были зафиксированы остатки кирпичной напольной выкладки (раскоп 2). Одной из задач являлись выявление и фиксация возможных архитектурно-археологических объектов и сооружений предшествующих строительных горизонтов, определение степени их сохранности и выработка рекомендаций о проведении дальнейших охранно-спасательных мероприятий.

Рис. 2. Территория археологических исследований на современной карте Санкт-Петербурга

В пределах территории объекта культурного наследия регионального значения «Особняк С. П. Ягужинского» были проведены надзорные археологические работы за вскрытием асфальтовых и бетонных напольных покрытий и снятием мешанных подсыпок в подвальных помещениях основного здания особняка, ориентированного фасадом на Марсово поле (помещения № 1–17), а также фиксация строительных траншей в двух помещениях внутреннего корпуса, примыкающего к особняку с северо-западной стороны (помещения № 18, 19) (рис. 3; 4). Площадь археологического наблюдения в главном здании особняка в помещениях № 1–17 составила 350 кв. м с глубиной вскрытия слоев 0,40–0,80–1 м. Площадь надзора во внутреннем корпусе в помещениях № 18, 19 составила 132 кв. м с глубиной вскрытия в пределах отдельных строительных траншей до 1,90–2,00 м. Общая площадь надзорных археологических исследований составила 482 кв. м. В итоге были выявлены ямы хозяйственного назначения, заполненные преимущественно стеклянной посудой, фрагментами изразцов и изделий из бронзы (помещение № 3, ямы 1–4) (рис. 5), остатки кирпичных напольных выкладок раннего строительного горизонта с известняковыми базами колонн (помещение № 16) (рис. 6), прослежен уровень булыжной мостовой XIX в. (помещения № 18, 19) и особенности каменных фундаментных конструкций здания. Кроме того, был собран и изучен археологический материал XVIII–XIX вв. в количестве 695 находок (221 номер согласно описи) (рис. 7–9). Отдельные участки с выявленным культурным слоем (помещение № 16) были переведены в режим археологических раскопок.

В пределах территории объекта культурного наследия регионального значения «Особняк С. П. Ягужинского» были проведены археологические раскопки в отдельных помещениях внутреннего корпуса (рис. 10), примыкающего к особняку с северо-западной стороны (раскоп 1) и в одном из подвальных помещений основного здания особняка, ориентированного фасадом на Марсово поле (раскоп 2). Площадь археологических раскопок во внутреннем корпусе особняка составила 97 кв. м

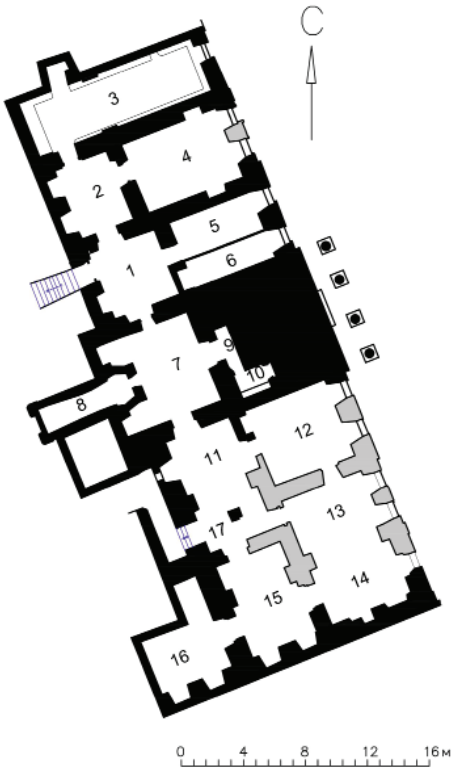

Рис. 3. Марсово поле (2013 г.). Археологическое наблюдение. Общий план археологических исследований (помещения № 1–17)

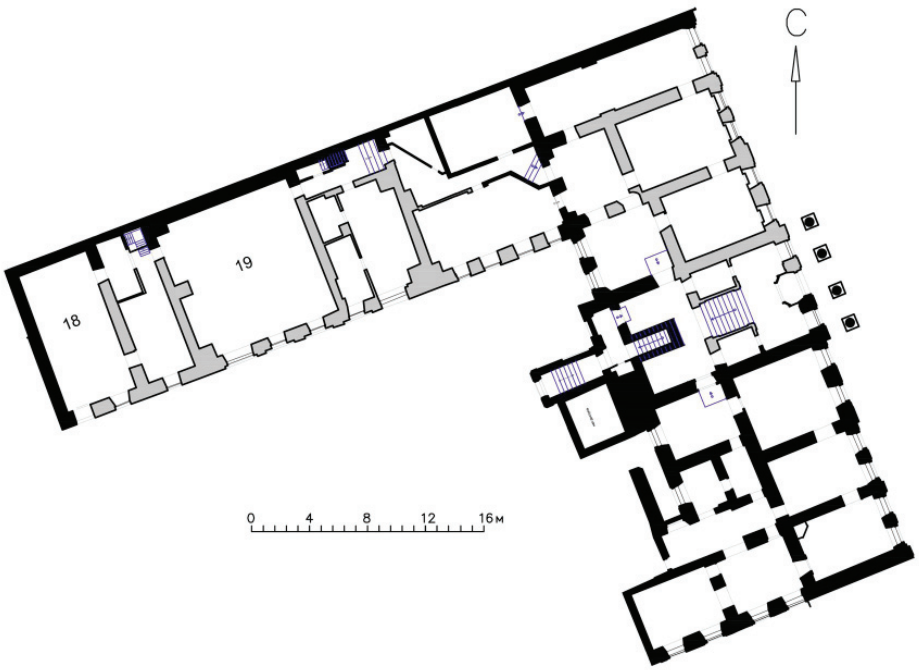

Рис. 4. Марсово поле (2013 г.). Археологическое наблюдение. Общий план археологических исследований (помещения № 18, 19)

Рис. 5. Марсово поле (2013 г.). Археологическое наблюдение. Помещение № 3. Горизонт 4. Ямы. Вид с северо-востока

Рис. 6. Марсово поле (2013 г.). Археологическое наблюдение. Помещение № 16. Горизонт 4. Вид с юго-востока

Рис. 7. Марсово поле (2013 г.). Помещение № 3. Яма 1. Находки: 1–3 – фрагменты стеклянных сосудов

Рис. 8. Марсово поле (2013 г.). Помещение № 12. Находки: 1 – фрагмент донца фаянсового сосуда с кобальтовой росписью; 2, 3 – фрагменты красноглиняных изразцов с белой поливой и кобальтовой росписью

Рис. 9. Марсово поле (2013 г.). Помещение № 18: 1, 2 – фрагменты стеклянных бутылок

с глубиной вскрытия слоев до 3,00 м (раскоп 1, кв. А–Е1–5: участок 1 площадью 50 кв. м, участок 2 площадью 47 кв. м). Площадь раскопок в главном здании особняка составила 8 кв. м с глубиной вскрытия 1,00–1,10 м (раскоп 2). Общая площадь археологических раскопок составила 105 кв. м. В итоге были выявлены участки с сохранившимся булыжным мощением XVIII–XIX вв. (рис. 11), основания фундаментных кирпичных конструкций одного из ранних строительных горизонтов (рис. 12), ямы хозяйственного назначения, заполненные строительной керамикой (раскоп 1), остатки кирпичных напольных выкладок с известняковыми базами колонн (раскоп 2) и прослежены особенности каменных фундаментных конструкций здания (рис. 13). Кроме того, был собран и изучен археологический материал XVIII–XIX вв. в количестве 783 находок (409 номеров согласно описи) (рис. 14–18).

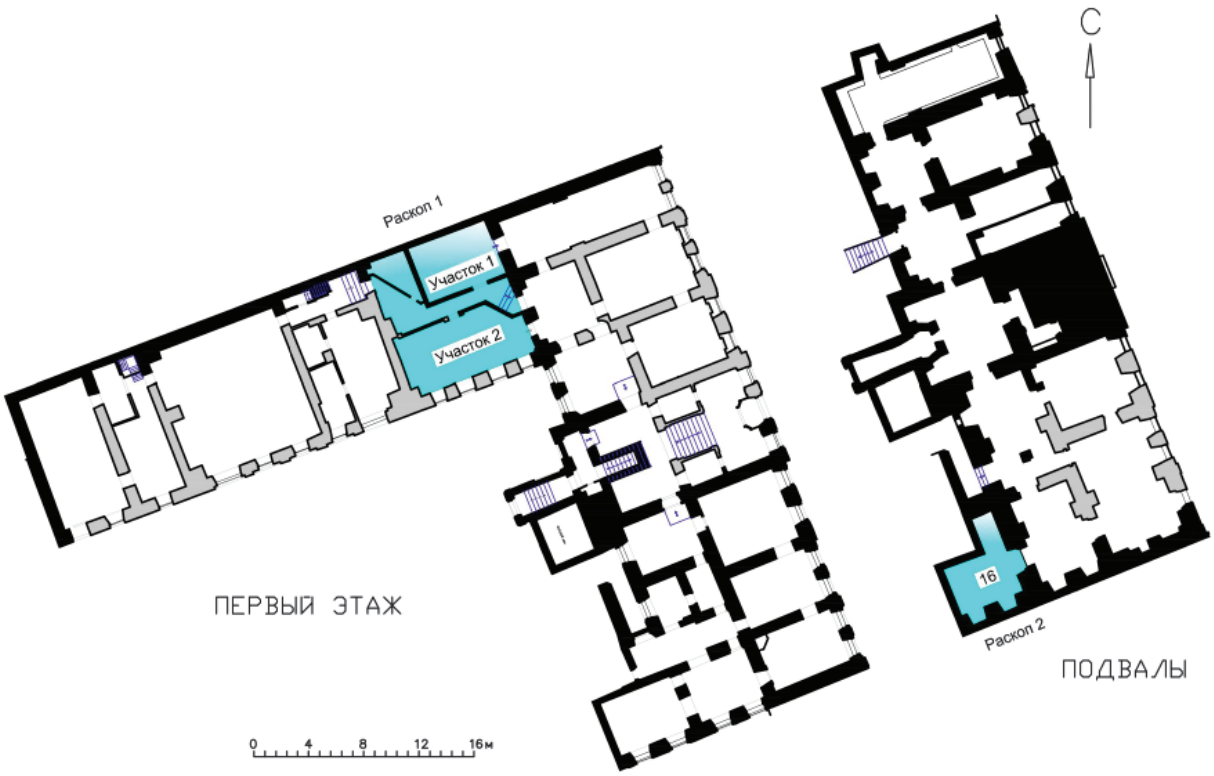

Рис. 10. Марсово поле (2013 г.). Раскопы 1, 2. План археологических исследований

Рис. 11. Марсово поле (2013 г.). Раскоп 1. Горизонт 3. Участок 2 (кв. Г–Е1–5). Вид с северо-востока

Рис. 12. Марсово поле (2013 г.). Раскоп 1. Горизонт 5. Кирпичные фундаметы. Вид с юго-востока

Рис. 13. Марсово поле (2013 г.). Раскоп 2. Помещение № 16. Напольная кирпичная выкладка. Вид с юго-юго-востока

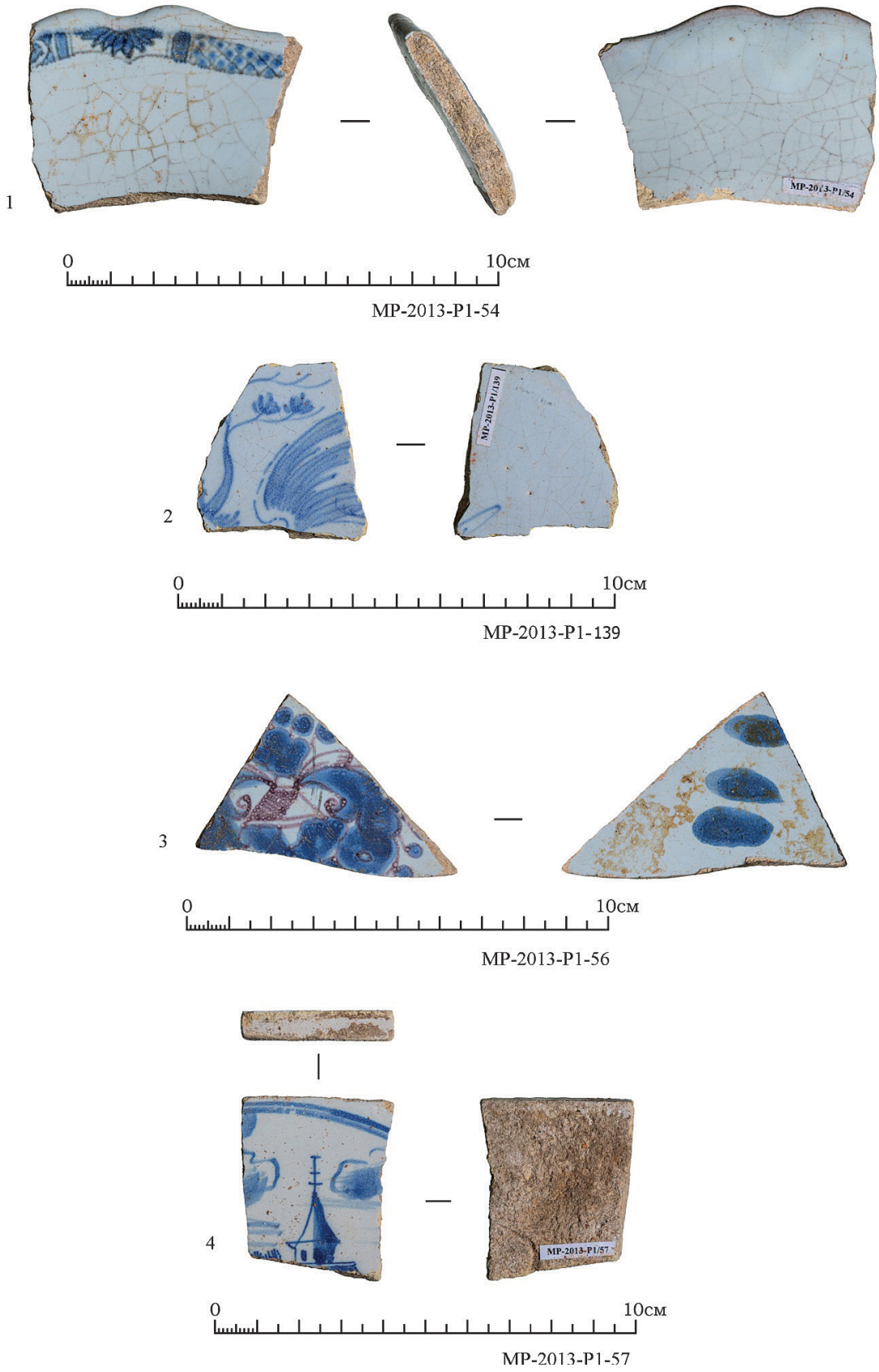

Рис. 14. Марсово поле (2013 г.). Горизонт 1. Участок 1. Находки: 1–3 – фрагменты фаянсовой столовой посуды с кобальтовой росписью; 4 – фрагмент светлоглиняной плитки с белой поливой и кобальтовой росписью

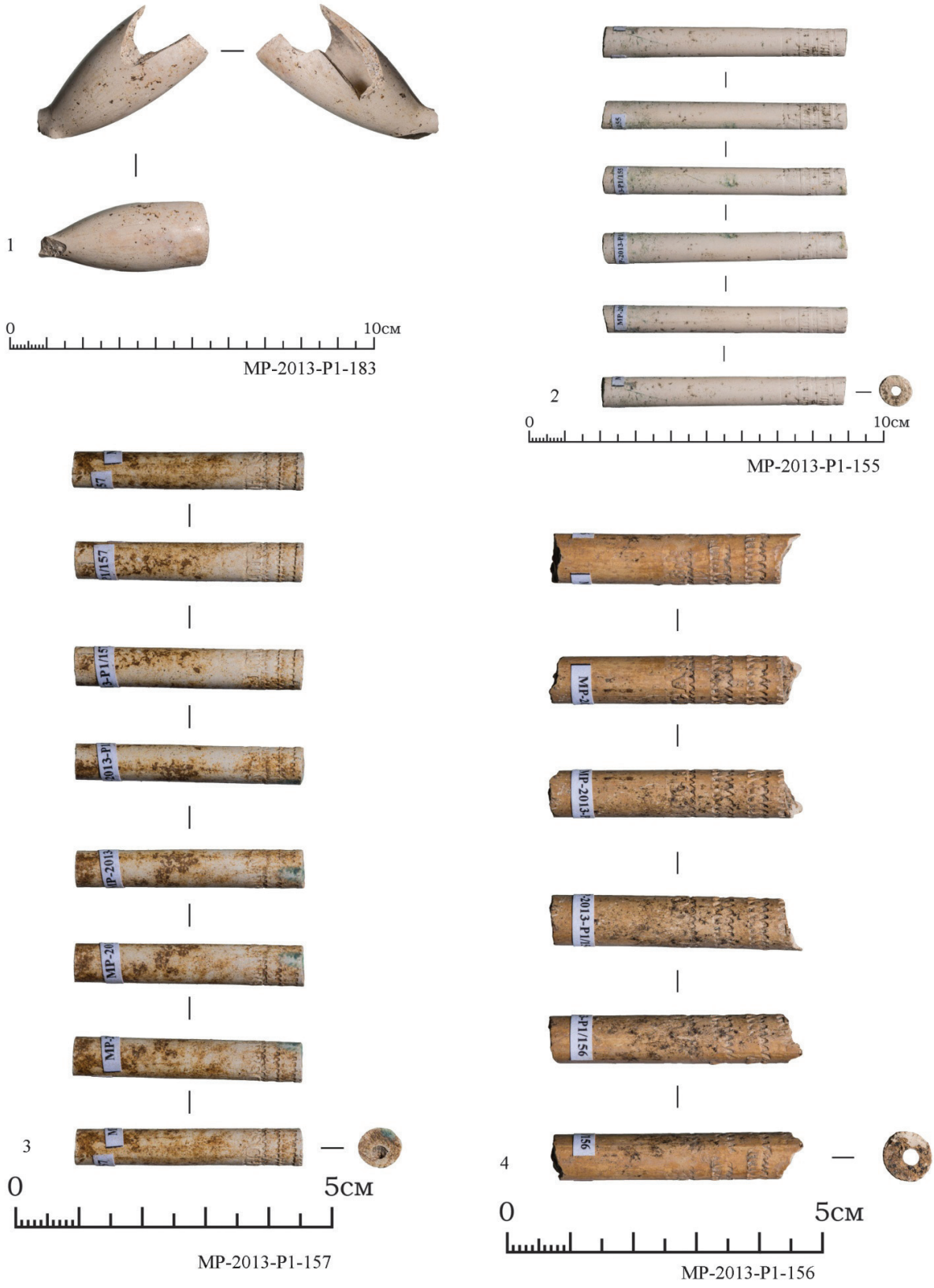

Рис. 15. Марсово поле (2013 г.). Горизонт 3. Участок 1. Находки: 1–4 – фрагменты белоглиняных курительных трубок голландского типа

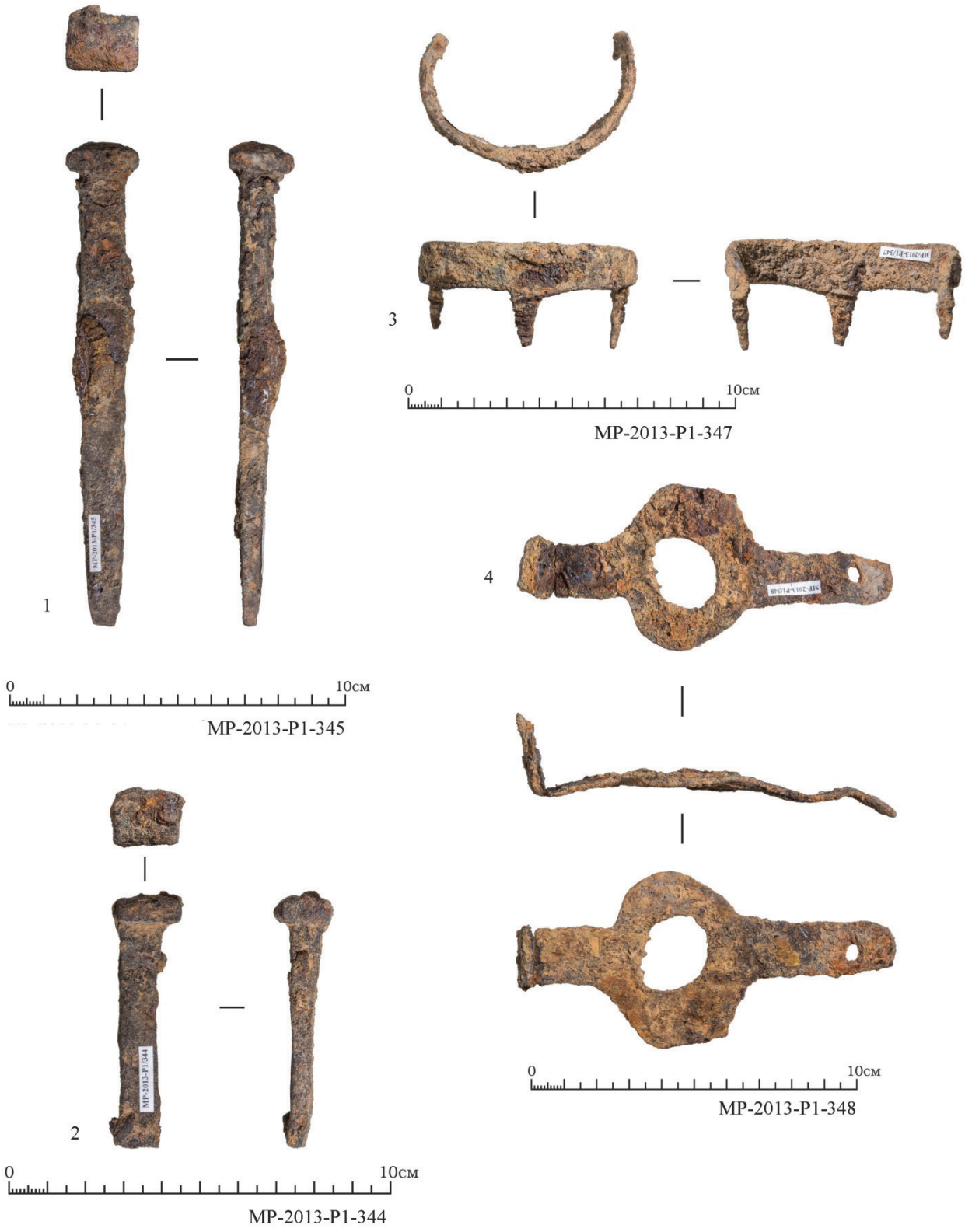

Рис. 16. Марсово поле (2013 г.). Горизонт 4. Участок 1. Находки из железа: 1, 2 – кованые гвозди; 3 – кованое изделие с шипами; 4 – фрагмент изделия

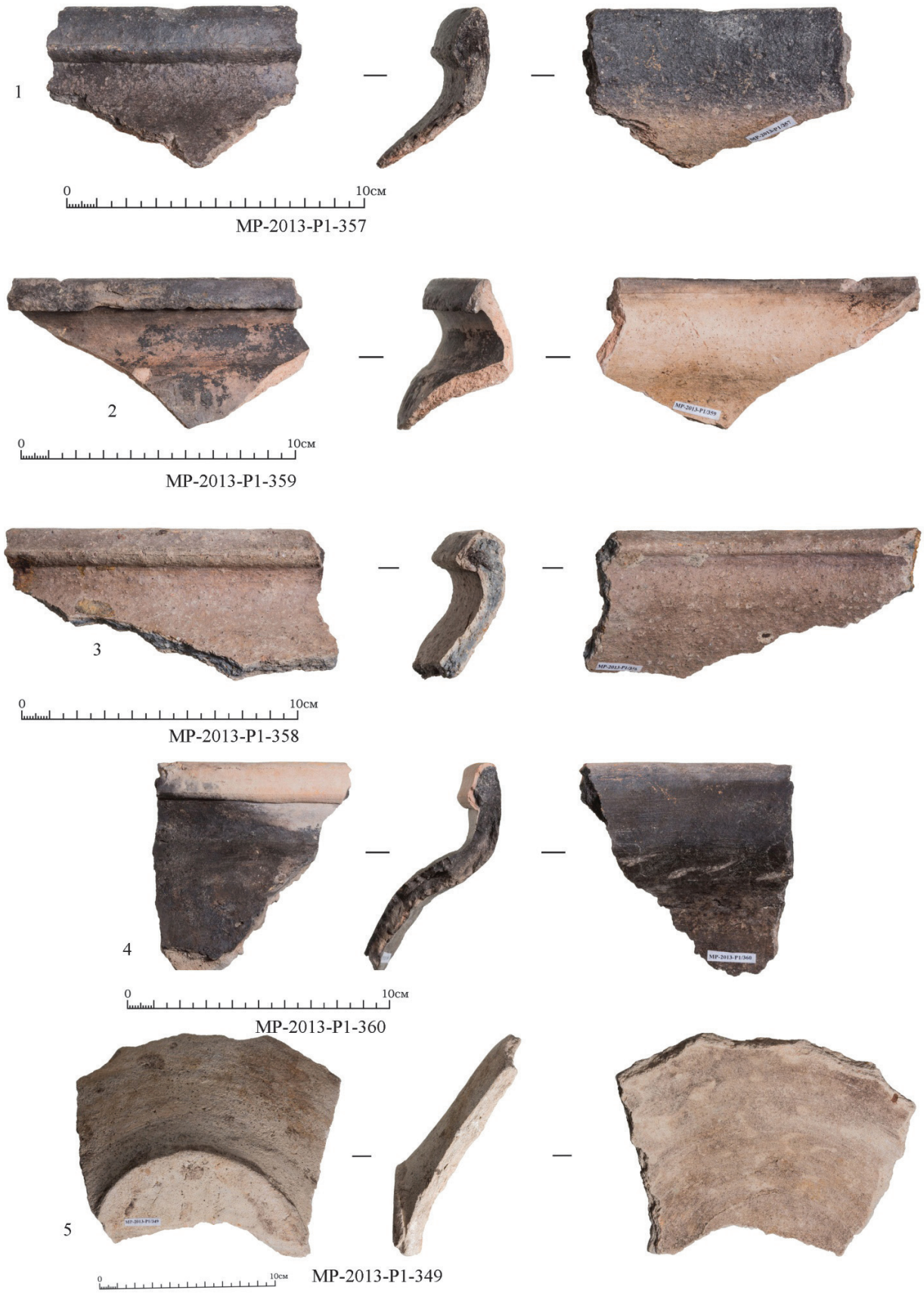

Рис. 17. Марсово поле (2013 г.). Горизонт 4. Участок 1. Находки: 1–5 – фрагменты сероглиняных кухонных горшков

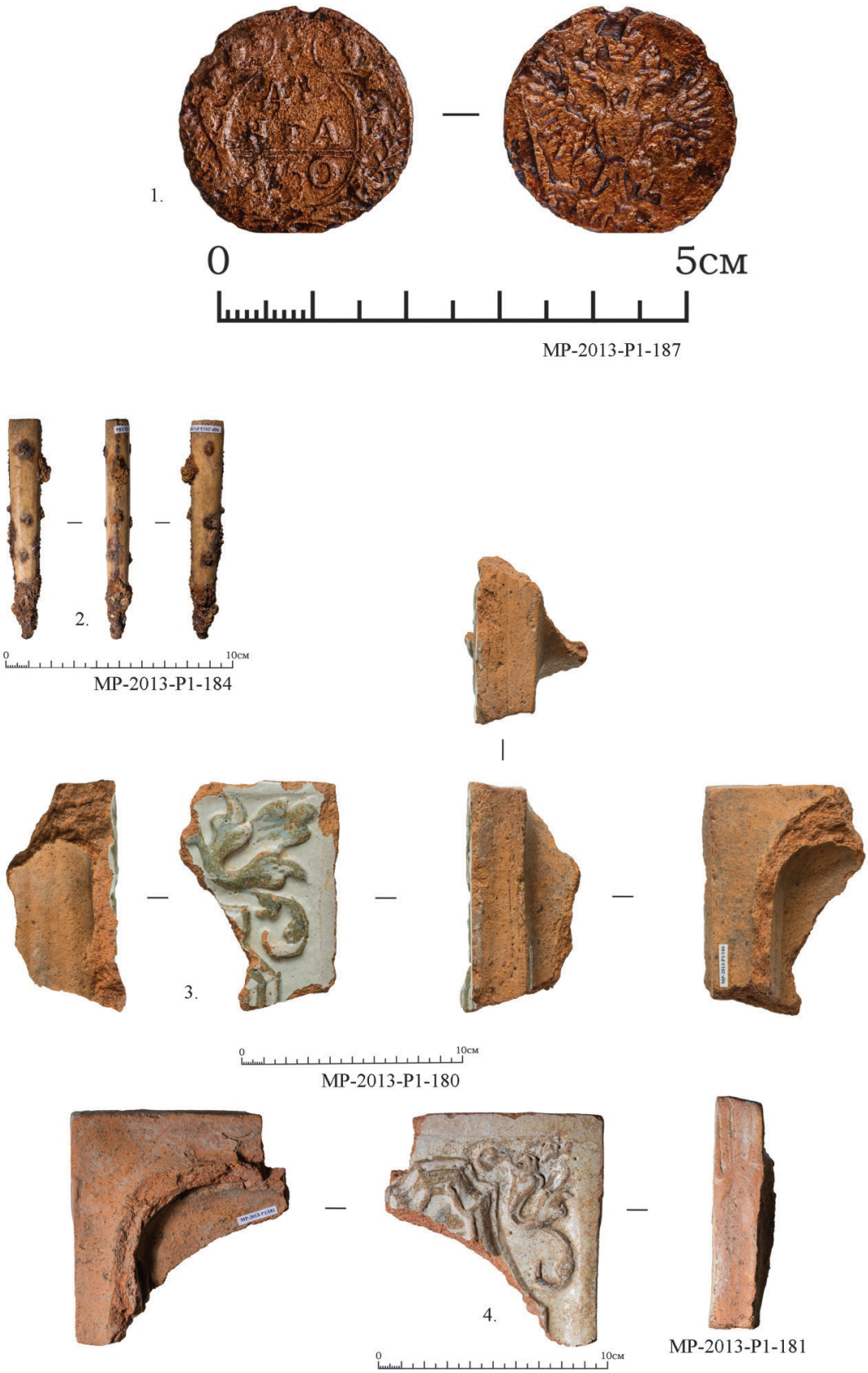

Рис. 18. Марсово поле (2013 г.). Горизонт 4. Участок 1. Находки: 1 – денга 1750 г.; 2 – изделие из кости; 3, 4 – фрагменты красноглиняных печных изразцов с рельефной кобальтовой росписью

Особо следует отметить, что в пределах раскопа 1 впервые за время археологических исследований в центральной части Санкт-Петербурга было обнаружено булыжное мощение второй половины XVIII в., лежавшее на слое одного из пожаров, судя по письменным источникам, нередко случавшихся в этой части города в 30–40-е гг. XVIII в., что подтверждается археологическим вещественным материалом, представленным исключительно ранними типами печных изразцов, нехарактерных для XIX в., и медной монетой 1750 г.

Охранные археологические исследования близ лютеранской церкви Св. Марии в ур. Козье Болото на Петроградской стороне

И. И. Еремеев, С. Л. Соловьев

В мае 2013 г. ООА ИИМК РАН по договору с ЗАО «Унисто» проводил работы на Петроградской стороне Санкт-Петербурга, в ур. Козье Болото на пересечении ул. Сытнинской и Кронверкской (рис. 1; 2). Главной задачей являлось обследование территории к юго-западу от стоявшей здесь до 1942 г. лютеранской церкви Св. Марии второй половины XIX в. Полевые работы преследовали три цели: исследование кладбища, обнаруженного на участке при прокладке коммуникаций; локализация фундамента жилого дома, относившегося к церкви; оценка мощности и характера культурных напластований на участке, а также перспектив их дальнейших исследований. В результате в пяти разведочных шурфах общей площадью 24 кв. м были обнаружены остатки сооружений XIX в., в основном фундамента дома второй половины этого столетия.

Согласно архивным источникам местность вокруг Сытного рынка к северу от кронверка Петропавловской крепости издавна получила у петербуржцев прозвание «Козье Болото». Название это было весьма распространенным в старых русских городах. Обычно так называли места окраинные, нежилые, мусорные, связанные с жизнью городских низов, торговлей и казнями.

В XVII в. территория в глубине Петровского острова не была заселена. Немногочисленное местное население проживало близ северного берега Невы, где на шведском плане 1643 г. показано несколько строений (рис. 3). Неподалеку от берега проходила дорога, ведшая из Ниена в сторону стрелки Васильевского острова (рис. 4).

Судьба городских территорий, с севера примыкавших к кронверку Петропавловской крепости, тесно связана с историей фортификационных сооружений Петербурга. Укрепления кронверка, как известно, начали возводиться в 1705 г. Тогда же обширная территория к северу от него была расчищена от леса для создания открытого пространства и обеспечения зоны обстрела. Эту пустошь можно видеть на шведском плане городских укреплений 1706–1707 гг. (рис. 5) и на оперативной карте шведского генерала Любеккера, составленной в 1708 г. на основе показаний русских пленных и дезертиров (рис. 6).

Статус стратегического участка близ центрального укрепления Петербурга на полторы сотни лет определил характер застройки и освоения Козьего Болота. Несмотря на его расположение в самом центре столицы, регламент застройки здесь долгие годы определялся военными соображениями. Поэтому каменное строительство здесь долгое время было запрещено. Запрет был снят только в 1863 г., после чего началась интенсивная застройка пустырей кирпичными домами.

В начале XVIII в. этот район Сытнинской ул. также получил название «Татарская» слобода, возникшее, по преданию, после размещения здесь Петром I частей иррегулярной конницы, набиравшейся из татар, калмыков и башкир. Позднее здесь стали селиться и торговцы – выходцы из азиатских регионов. Границы Татарской слободы определялись весьма приблизительно (рис. 7). Здесь же при Петре I возник и «татарский ветошный», или «тряпичный», рынок. В Татарской слободе во время Северной войны были размещены многочисленные пленные шведы, имевшие тут свою церковь и, возможно, кладбище. По условиям Ништадтского мира в 1721 г. шведы были отпущены на родину, и община прекратила свое существование (Реймерс, 2007. С. 72).

В 1710 г. пожар уничтожил рынок, располагавшийся к востоку от Козьего Болота на

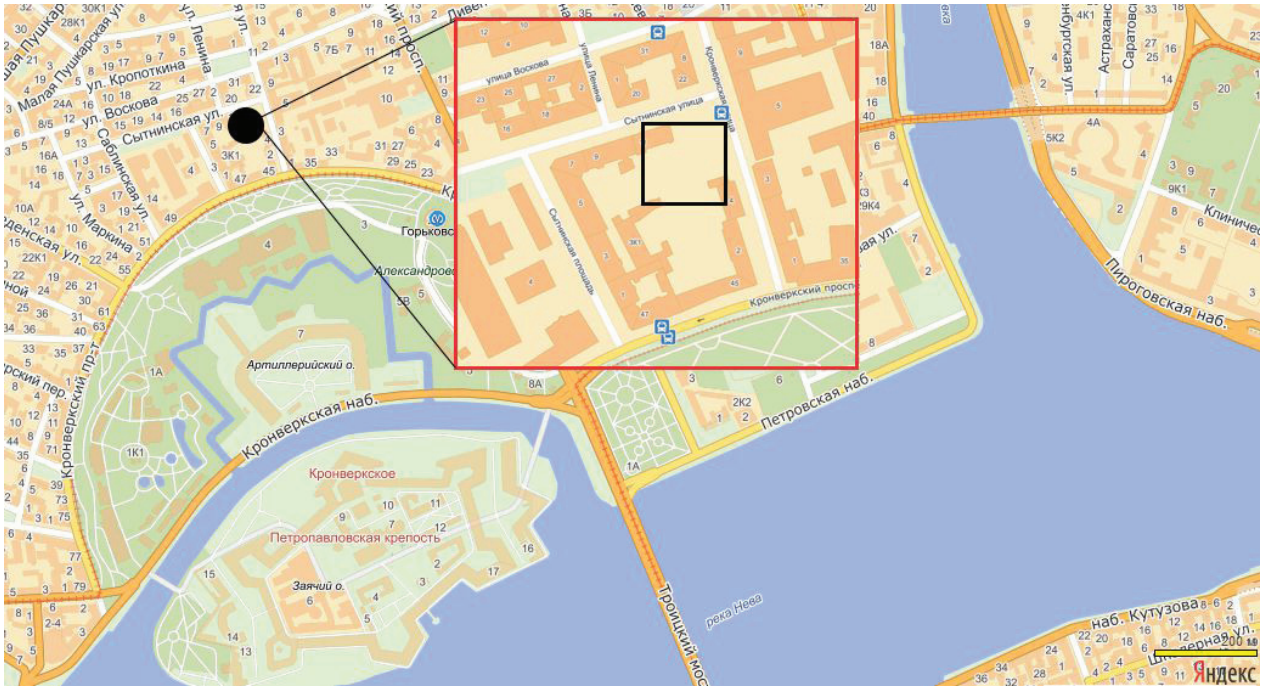

Рис. 1. Карта Санкт-Петербурга с указанием места исследований

Рис. 2. Козье Болото (2013 г.). Угол ул. Сытнинской и Кронверкской

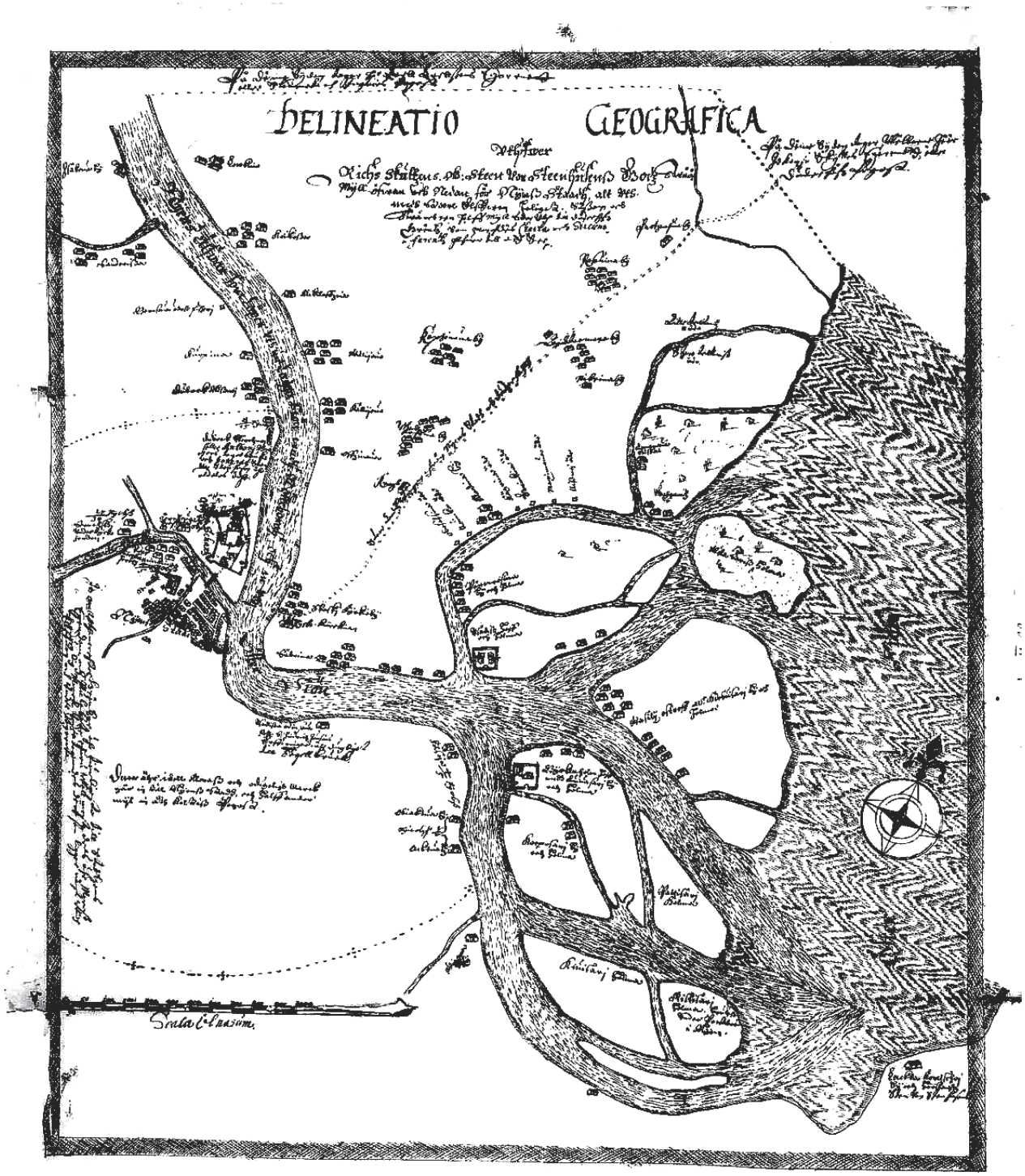

Рис. 3. Территория южной части Петроградской стороны на шведской карте Ниена и Невской дельты 1643 г. (Bagrow, Köhlin, 1953)

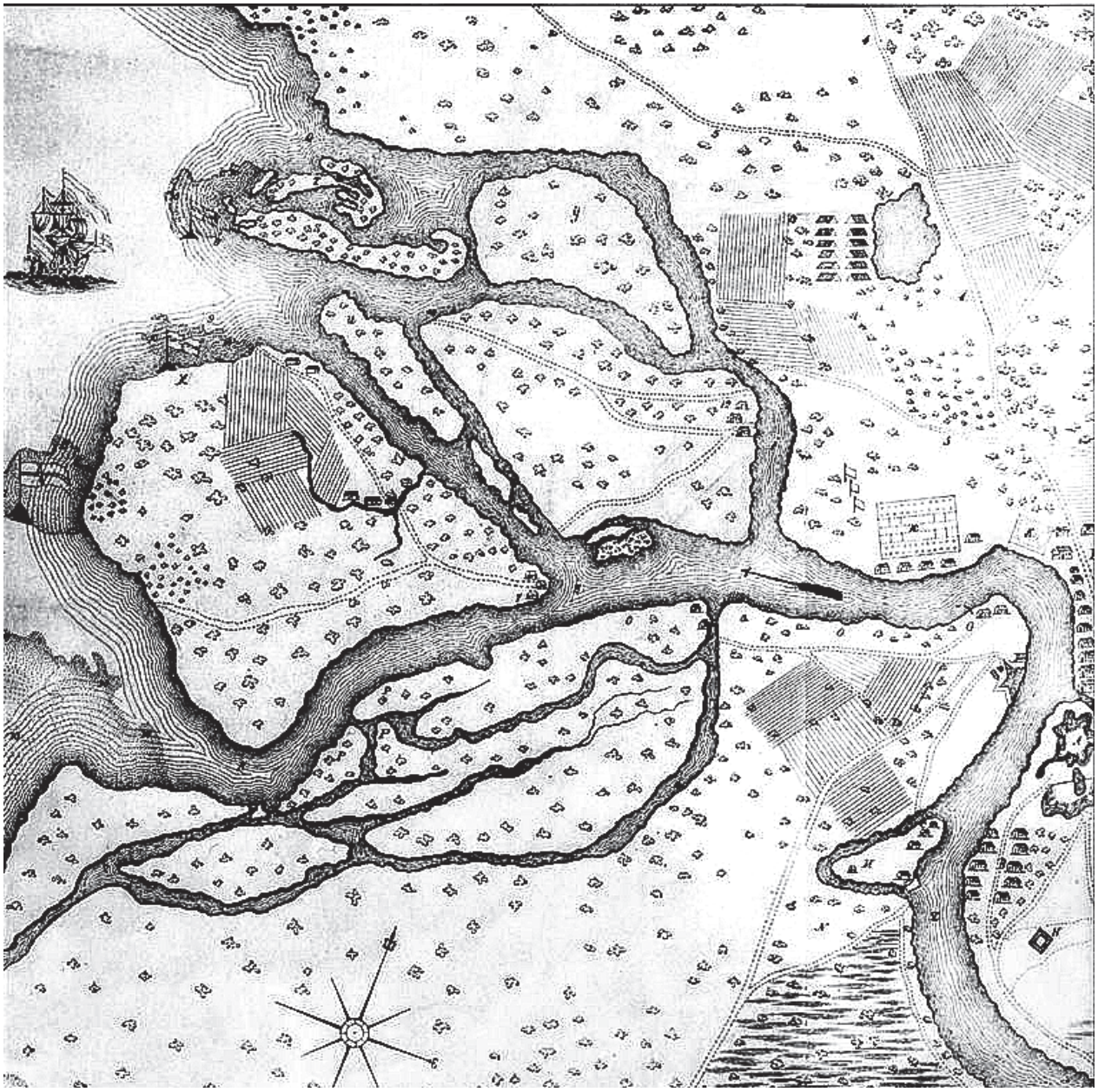

Рис. 4. План города Ниена и его окрестностей А. Кронъйорта. 1698 г. Фрагмент

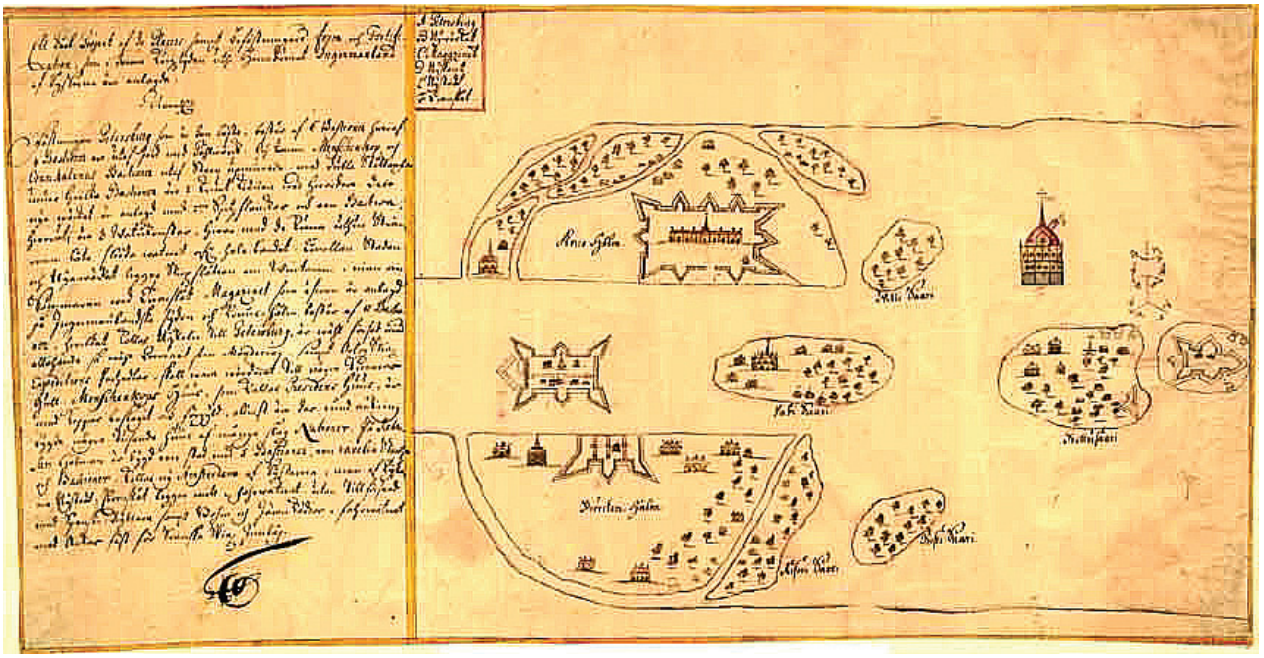

Рис. 5. Краткий проект мест, а также формы укреплений и местности, которые в военное время основаны русскими в провинции Ингерманланд. 1706–1707 гг. Шведский королевский военный архив

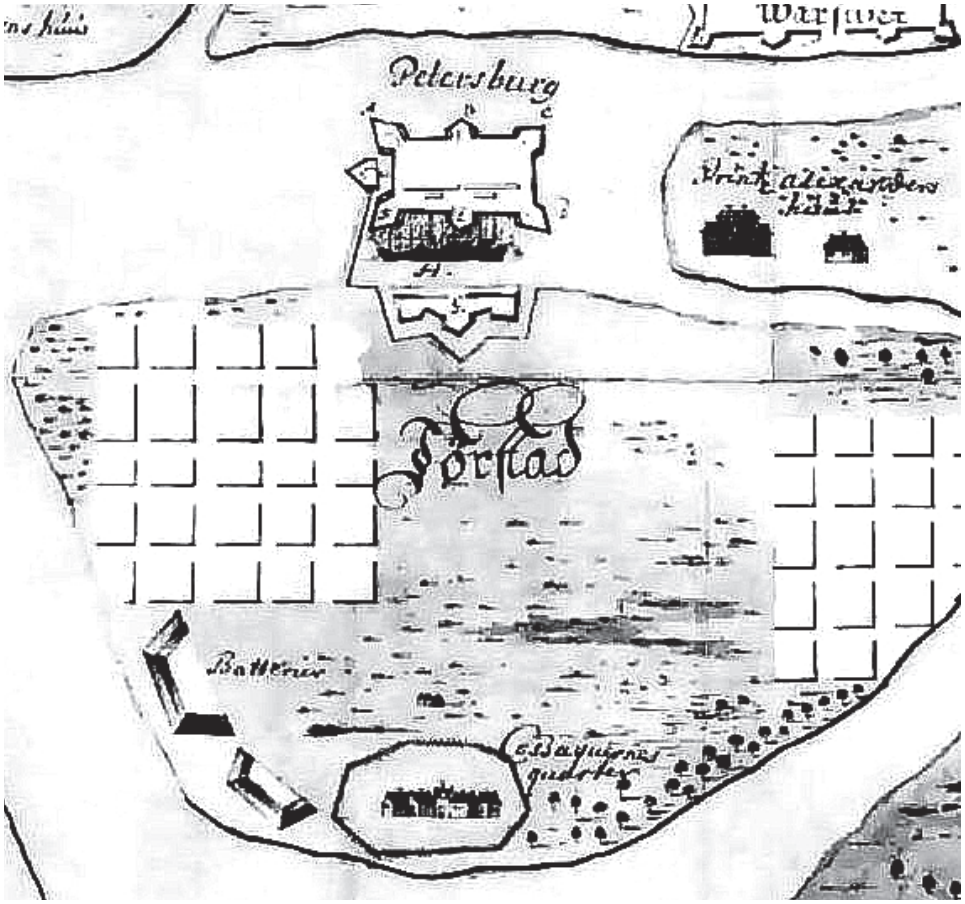

Рис. 6. Карта Санкт-Петербурга генерала Любеннера. 1708 г. Фрагмент. Петроградская сторона (Bagrow, Köhlin, 1953)

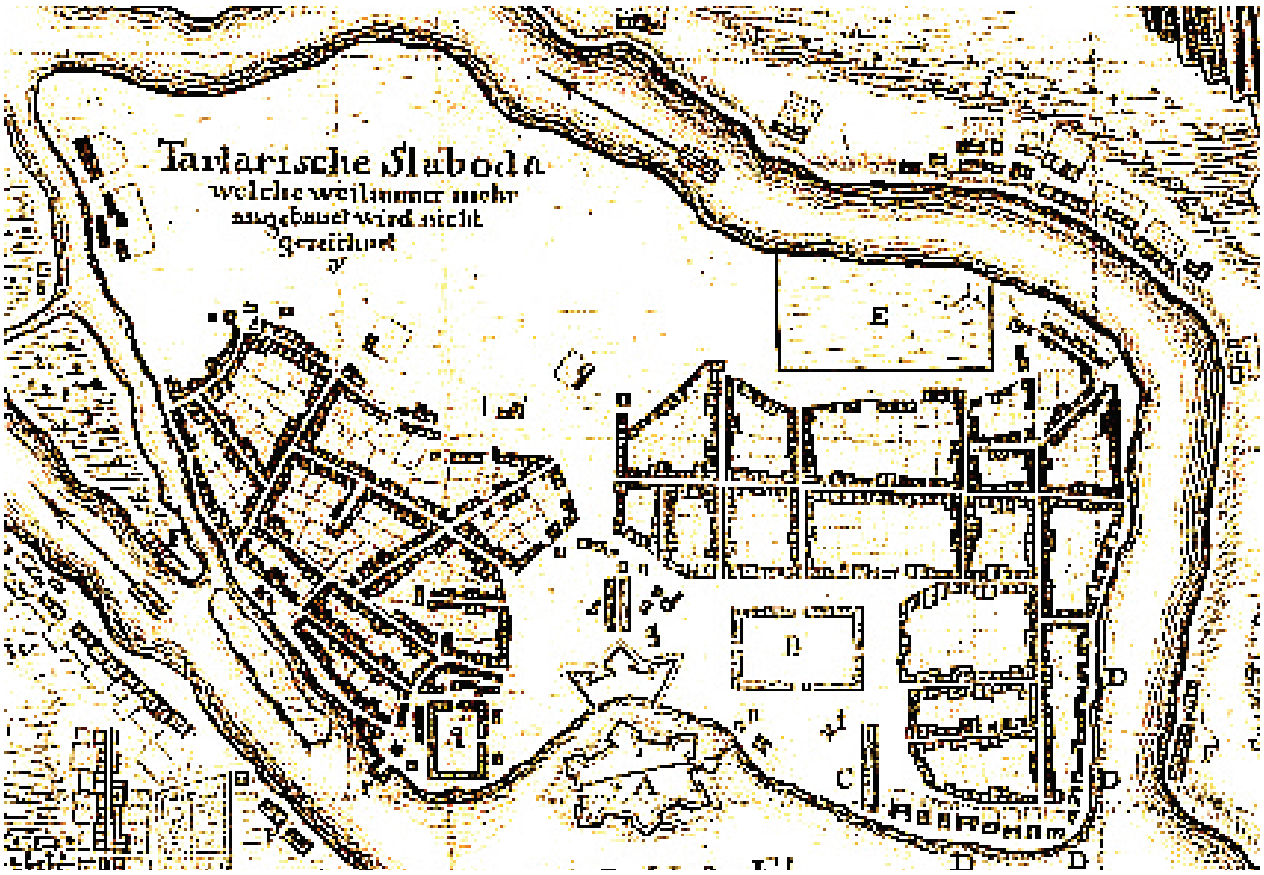

Рис. 7. План Санкт-Петербурга» М. Палибина. 1716 г. Фрагмент

Троицкой площади. Чтобы обезопасить городскую застройку в административном центре Петербурга от пожаров, рынок был перенесен на пустырь близ кронверка. Так на Козьем Болоте возникла знаменитая Обжорка, или Сытный рынок, – старейшее из дошедших до наших дней торговых мест столицы.

О планировке этого участка в XVIII в. известно мало. Антиох Кантемир в сочинении 1730-х гг. описывает его следующим образом: «Налево – Татарская слобода, где находятся татарский рынок и торговые ряды этого народа, дома шелковой и шерстяной мануфактур, склад муки и съестных припасов и наконец бойня» (Беспятых, 1997. С. 460). На плане Койета 1722 г., считающемся самым точным планом Санкт-Петербурга петровского времени, в соответствии с описанием А. Кантемира, отмечен Лоскутный двор, располагавшийся где-то в районе нынешнего пересечения Сытнинской и Кронверкской ул. (Семенцов и др., 2004. С. 111). Название «Татарский рынок» (Tartarishe Markt) закреплено за этим участком и на плане Р. Оттенса 1725–1729 гг. (рис. 8). Далее от кронверка за рынком располагались солдатские слободы, где размещались квартировавшие в городе полки. Здесь же находились лазареты и прочие необходимые учреждения.

В XVIII в. и вплоть до середины XIX в. Сытный рынок представлял собой трущобный район с деревянной застройкой, соседствовавший с большой рыночной площадью (рис. 9–13). Большие территории занимали огороды и сады. Из существовавших тут архитектурных достопримечательностей следует упомянуть деревянную часовню, располагавшуюся в северо-восточной части рынка. Точное расположение ее неизвестно, но изображение на карте Шуберта 1828 г. (рис. 14) позволяет локализовать ее неподалеку, к юго-западу, от построенной во времена Александра II лютеранской церкви Св. Марии. В 1879 г. по проекту Г. А. Соловьева на Сытном рынке была построена каменная часовня Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, которая была закрыта в 1923 г. Во второй половине XIX в. территория Сытного рынка сократилась, а к востоку от него образовался жилой квартал, доминантой которого стала деревянная лютеранская церковь Св. Марии.

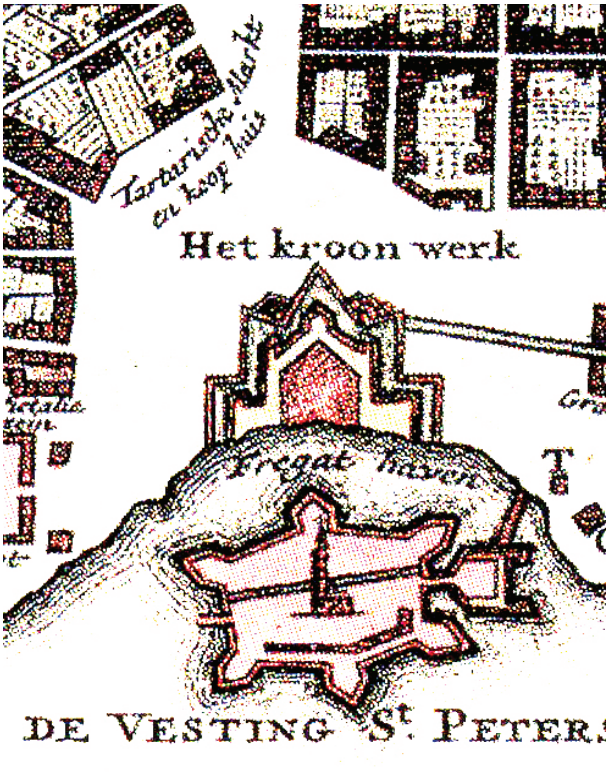

Рис. 8. План Р. Оттенса. 1725–1729 гг. Фрагмент. Район будущей Кронверкской ул. (Санкт-Петербург, 2004)

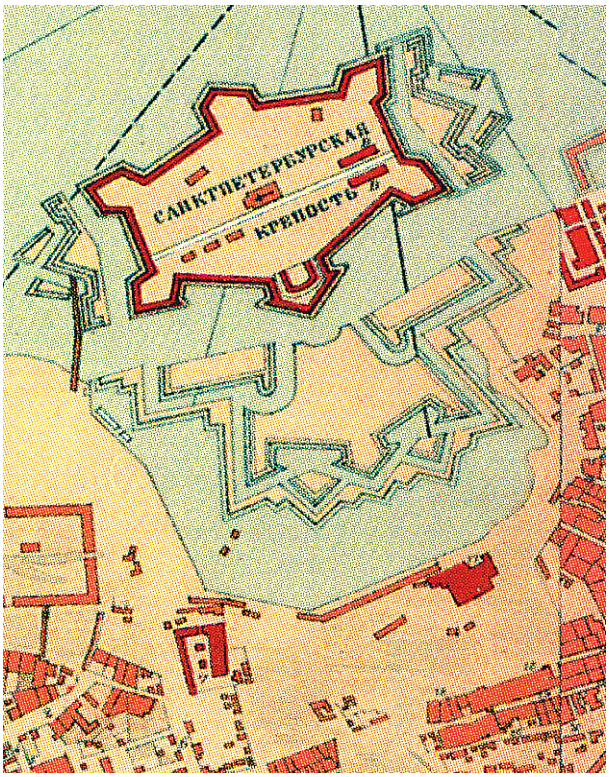

Рис. 9. Академический план Санкт-Петербурга. 1737–1738 гг. Фрагмент. Район будущей Кронверкской ул. (Санкт-Петербург, 2004)

Рис. 10. План Санкт-Петербурга Г. И. Унферцахт. 1737 г. Фрагмент

Рис. 11. План Санкт-Петербурга М. Зойтера. 1744 г. Фрагмент

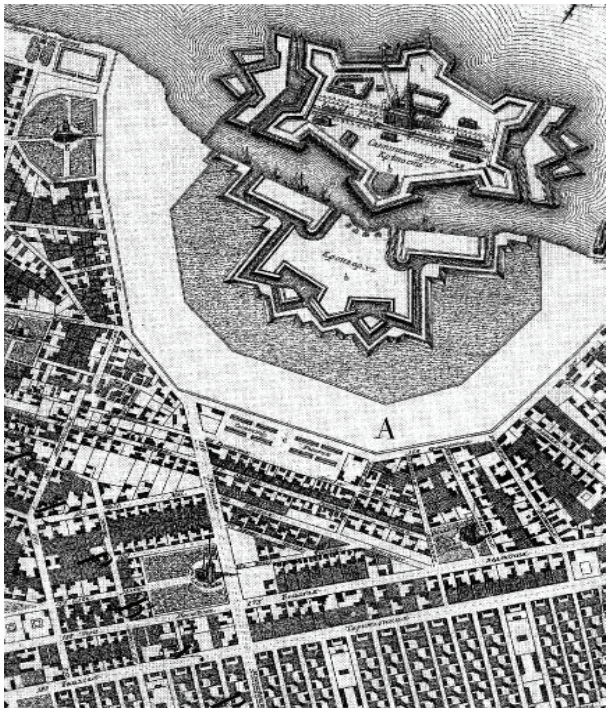

Рис. 12. План Санкт-Петербурга. 1753 г. Фрагмент. Территории к северу от кронверка Петропавловской крепости (Санкт-Петербург, 2004)

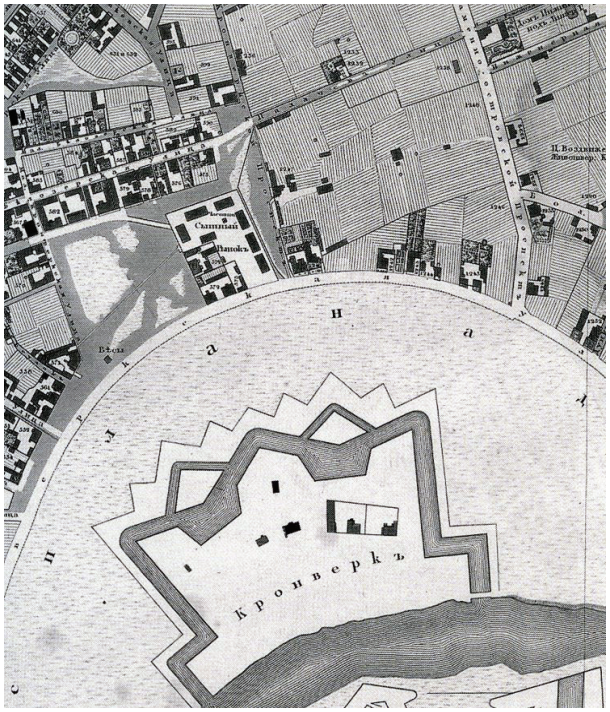

Рис. 14. План Санкт-Петербурга Ф. Ф. Шуберта. 1828 г. Фрагмент. Район Сытного рынка (Санкт-Петербург, 2004)

Рис. 13. План Санкт-Петербурга. 1834 г. (Society for the Diffusion of Useful Knowledge, Great Britain). Фрагмент. Район Сытного рынка

Церковь Св. Марии (рис. 15) является первой самостоятельной работой архитектора И. С. Китнера (1839–1929); выполнена она была в соавторстве с другим архитектором и единомышленником В. А. Шрётером (1839–1901) (Николаева, 2007). Инициатива строительства принадлежала князю Барклаю-де-Толли-Веймарн и полковнику Р. фон Риттеру. Деревянную церковь предполагалось построить недалеко от школьного здания Св. Марии (ныне утрачено), которую В. А. Шрётер также проектировал совместно с И. С. Китнером. В мае 1872 г. были начаты строительные работы, в ходе которых к августу следующего года была завершена школа и вчерне церковь, заложенная 14 сентября 1872 г. Церковь выполнена по мотивам деревянных средневековых построек, вычурность форм ее такова, что обратила на себя внимание А. Н. Бенуа, запечатлевшего ее в акварели (1881 г.) (рис. 16).

Осенью 1912 г. кирха пострадала от пожара, но была быстро отремонтирована. После 1917 г. советскими властями храм был отдан адвентистам, а 31 августа 1935 г. был закрыт и передан под детский клуб. Во время блокады церковь разделила участь почти всех деревянных домов Петроградской стороны – горожане разобрали здание на дрова. После войны здесь располагался сквер. В настоящее

Рис. 15. Лютеранская церковь Св. Марии на Петроградской стороне. XIX в. Гравюра

Рис. 16. А. Н. Бенуа Лютеранская церковь Св. Марии на Петроградской стороне. 1881 г. Акварель. Инв. № 18838 Музей Академии художеств

время на его месте находится огороженная автостоянка, где в 2010 г. были заложены два археологических шурфа. Работы 2013 г. продолжили исследование этой территории.

Шурф 1 (рис. 17; 18), размерами 2 × 2 м, расположен в юго-западной части участка. На отметках 2,16–2,34 м БС в шурфе были выявлены остатки срубной деревянной конструкции. Открыт угол сруба, рубленного «в лапу». С внутренней стороны бревна подтесаны и образуют ровную стену. С внешней стороны сруба сохранился фрагмент бревенчатой обноски, образовывавшей, по-видимому, внешнюю стену сооружения. От нее сохранилось бревно с чашкой и угловой деревянной нивелирующей подкладкой. В заполнении сруба найдены фрагменты фарфоровых блюдец, поливной керамики, бутылочного стекла (рис. 19, 20). Особенно следует выделить фрагменты фаянсовой ночной вазы (рис. 19: 3). Комплекс находок позволяет датировать сооружение концом XIX – началом XX в.

Сопоставляя план шурфа со старыми схемами территории, можно с высокой долей вероятности соотнести обнаруженный нами объект с ледником, существовавшим на этом участке со времени не ранее 1872 г. Ледник был засыпан, судя по имеющимся планам местности, между 1911 и 1914 гг., поскольку на плане 1914 г. он уже не отмечен. Сделанные в срубе находки не противоречат этой датировке.

Сруб лежит на глиняной подушке мощностью 0,20–0,25 м. Ниже ее отмечен культурный слой с кирпичной крошкой, который не удалось исследовать из-за высокого стояния грунтовых вод. Находка фрагмента белоглиняной курительной трубки (рис. 19: 1), происходящей из верхних переотложенных напластований, позволяет предположить наличие культурного слоя XVIII в.

Шурф 2 (рис. 17; 21), размерами 2 × 2 м, расположен в северо-западной части участка. Непосредственно под гравийной подсыпкой в южной части шурфа открыта вымостка из известняковых плит и небрежно уложенного кирпича. Сверху вымостка залита слоем цементного раствора толщиной 0,03–0,04 м. Известняковые плиты, толщиной 0,05 м, имеют полукруглый в разрезе край. Очевидно, это вторично использованные ступени какой-то лестницы. Вымостка, по всей видимости, является фрагментом дорожки, которая вела к крыльцу гимнастического зала. Она может быть датирована, исходя из стратиграфии, второй половиной XX в. Для ее обустройства использованы кирпичи более раннего времени, в частности с клеймом «Самарка ВР» (рис. 22: 1). Особо следует отметить наличие культурного слоя, насыщенного органикой, щепой и навозом. Из-за отсутствия датирующих находок слой может быть отнесен к середине XIX в. (в любом случае – до 1872 г.). Нижние напластования остались неисследованными из-за высокого уровня грунтовых вод.

Шурф 3 (рис. 17; 23), размерами 4 × 2 м, расположен в восточной части участка, где, по сообщениям местных жителей, встречались человеческие погребения. В южной части шурфа в слое битого кирпича прослежена линза серо-голубой глины толщиной 0,20 м. Среди обломков кирпичей

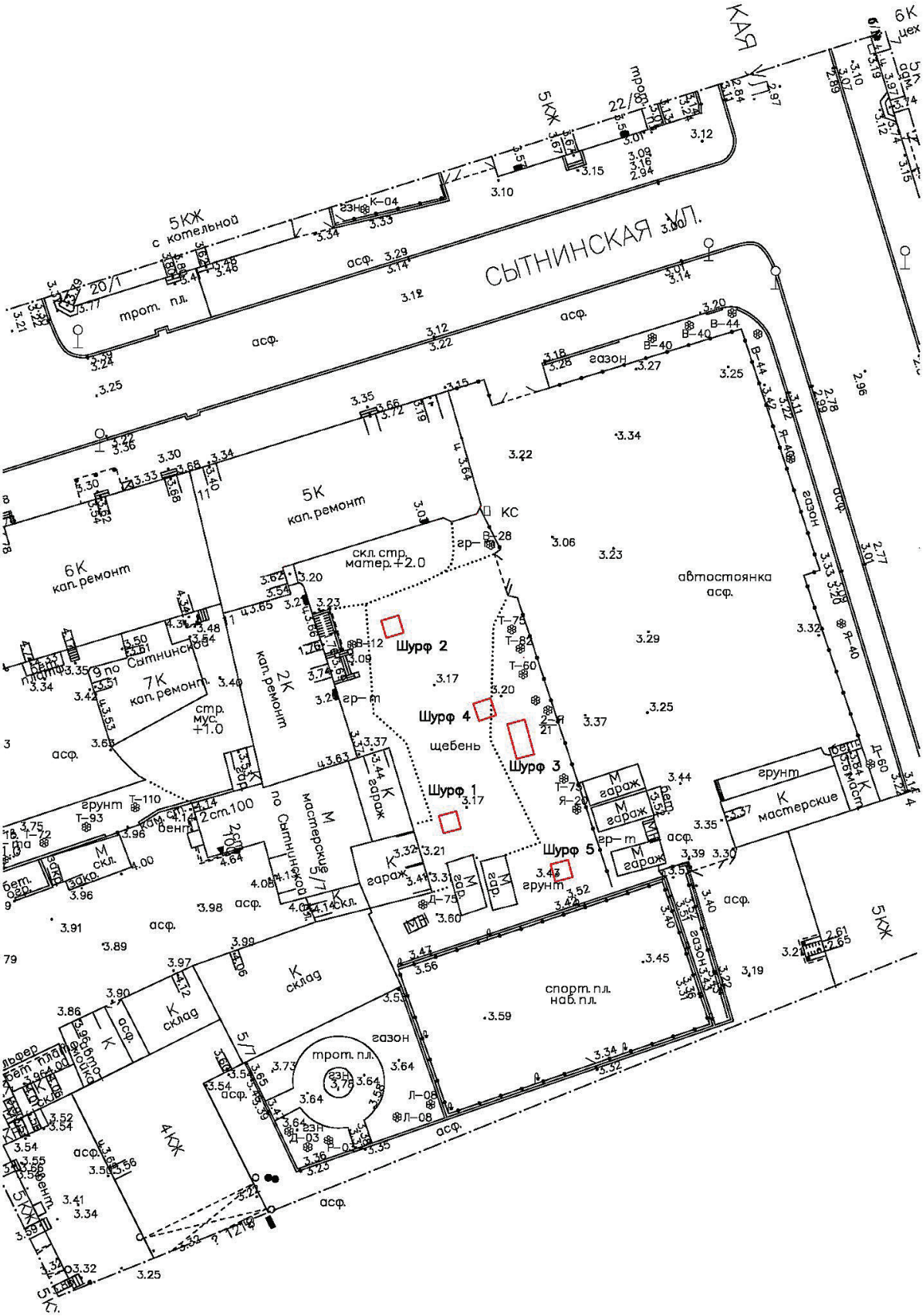

Рис. 17. Козье Болото (2013 г.). Схема расположения шурфов

Рис. 18. Козье Болото (2013 г.). Шурф 1 на уровне грунтовых вод. Основание сруба ледника (?). Вид с востока

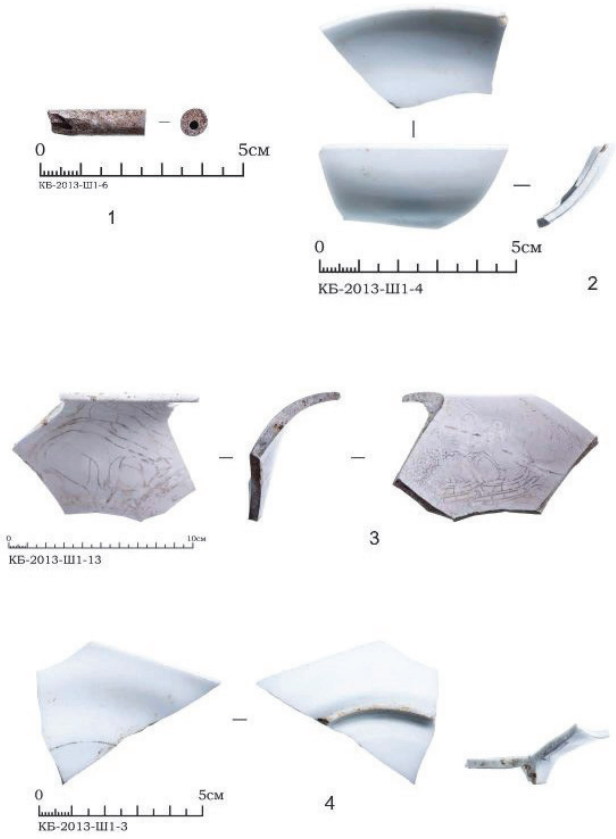

Рис. 19. Козье Болото (2013 г.). Шурф 1. Находки: 1 – фрагмент стебля белоглиняной курительной трубки; 2 – фрагмент фарфорового сосуда; 3 – фрагмент фаянсового сосуда (ночной вазы?); 4 – фрагмент фарфорового сосуда

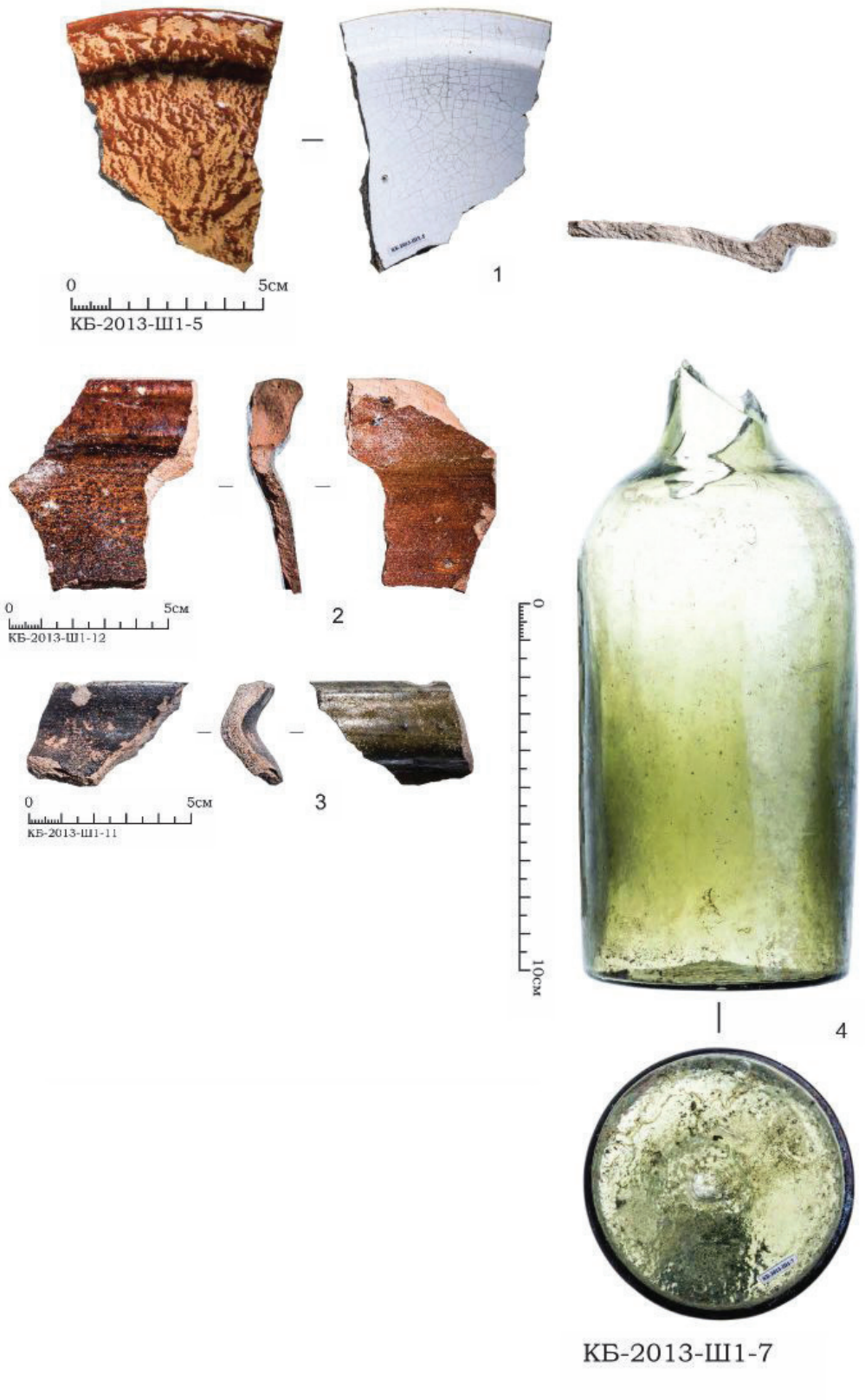

Рис. 20. Козье Болото (2013 г.). Шурф 1. Находки: 1 – фрагмент фаянсового сосуда; 2, 3 – фрагменты красноглиняных сосудов; 4 – фрагментированная бутылка зеленого стекла

Рис. 21. Козье Болото (2013 г.). Шурф 2. Кладка дорожки к крыльцу гимнастического зала и западная стенка шурфа. Зачистка выполнена по поверхности слоя пожара на уровне грунтовых вод. Вид с востока

Рис. 22. Козье Болото (2013 г.). Шурф 2. Находки: 1 – красноглиняный кирпич с клеймом; 2 – фрагмент красноглиняного горшка; 3 – дно бутылки зеленого стекла

Рис. 23. Козье Болото (2013 г.). Шурф 3 после выборки слоя пожара. Восточная стенка шурфа. Вид с запада

найдено большое количество красноглиняных печных изразцов с белой поливой XIX – начала XX в. (рис. 24). Среди находок следует отметить фрагменты двух фаянсовых тарелок с белой поливой с клеймами в виде монограмм Николая I и Александра II (рис. 25), которые датируют слой серединой – второй половиной XIX в. На глубине 0,40–1,50 м в шурфе найдено большое количество костей крупного рогатого скота. Судя по стратиграфии культурных напластований, строительству лютеранской кирхи, по-видимому, предшествовал крупный пожар.

Шурф 4 (рис. 17; 26), размерами 2 × 2 м, расположен в центральной части участка.. В слое коричневого гумуса с большим количеством угольного шлака обнаружен фундамент постройки, отмеченной на планах 1892–1914 гг. Слой содержит большое количество находок середины–второй половины XX в.: обломки металлических предметов и радиодеталей, фрагмент пластмассовой расчески с граффити «…иша» (рис. 27: 1) и т. п. В южной части шурфа залегала прослойка битого кирпича, из которой происходит медная монета 1840 г. достоинством 1/4 копейки серебром (рис. 27: 2). Впрочем, слой, в котором она найдена, явно относится к более позднему времени – не ранее последней четверти XIX в. Среди находок из слоя битого кирпича следует отметить фрагменты красноглиняных изразцов с белой поливой (рис. 28: 2) и фрагмент мраморной (напольной?) плитки (рис. 28: 1). Дальнейшее углубление на небольшой площади, свободной от фундамента, признано нецелесообразным.

В шурфе 4 следует отметить находки, сделанные в слое шлака в верхней части напластований, где среди разнообразного мусора XX в. найдены компактно лежавшие: эфес офицерской сабли образца 1881 г., детали затвора винтовки Мосина образца 1891 г. и 13 винтовочных патронов калибра 7,62 мм (рис. 29). Хорошо сохранившиеся патронные клейма указывают на то, что боеприпасы были изготовлены на заводах Австро-Венгрии в 1908, 1909 и 1913 гг. По-видимому, это трофейные боеприпасы, доставшиеся русской армии при одном из наступлений на Галицийском фронте в 1914–1917 гг. Компактное расположение находок в слое не оставляет сомнений, что перед нами единый комплекс, хотя, очевидно, переотложенный.

При училище, существовавшем на участке в 1910-х гг., по-видимому, имелась котельная, отапливавшаяся углем. В кучу шлаков, располагавшуюся где-нибудь в углу двора, и были кем-то (скорее всего, офицером русской армии или полицейским)

Рис. 24. Козье Болото (2013 г.). Шурф 3. Находки: фрагменты красноглиняных изразцов

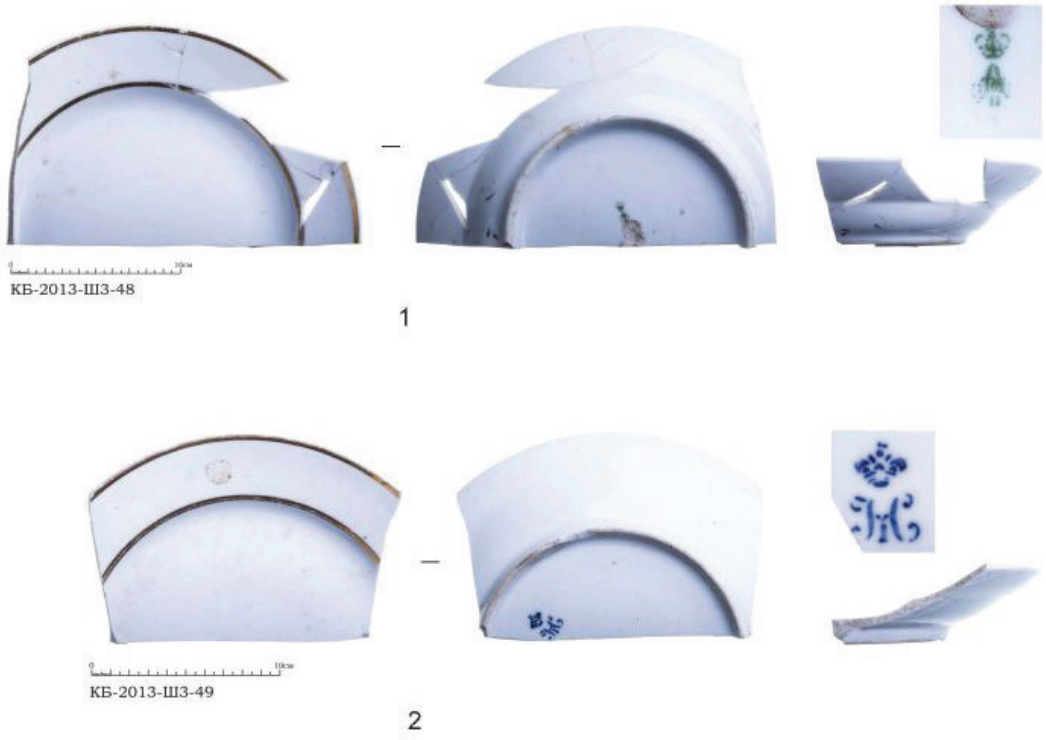

Рис. 25. Козье Болото (2013 г.). Шурф 3. Находки: фрагменты фаянсовых тарелок

Рис. 26. Козье Болото (2013 г.). Шурф 4. Фундаментная кладка после расчистки. Вид с юго-запада

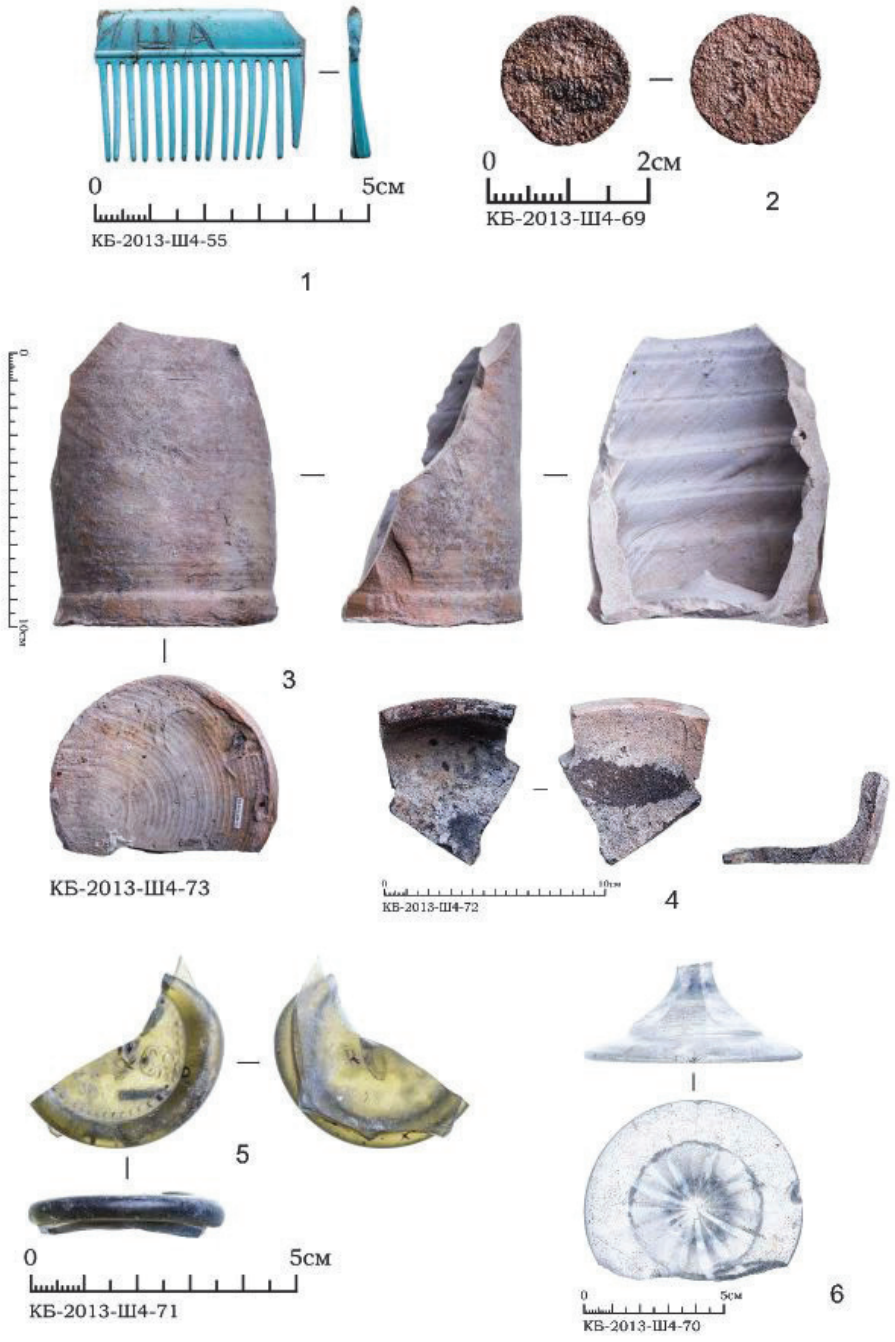

Рис. 27. Козье Болото (2013 г.). Шурф 4. Находки: 1 – пластмассовая расческа; 2 – медная монета; 3 – фрагмент бутылки из каменной массы; 4 – фрагмент красноглиняного сосуда; 5 – фрагмент бутылки зеленого стекла; 6 – ножка стеклянного фужера

Рис. 28. Козье Болото (2013 г.). Шурф 4. Находки: 1 – мраморная плитка; 2 – красноглиняный изразец

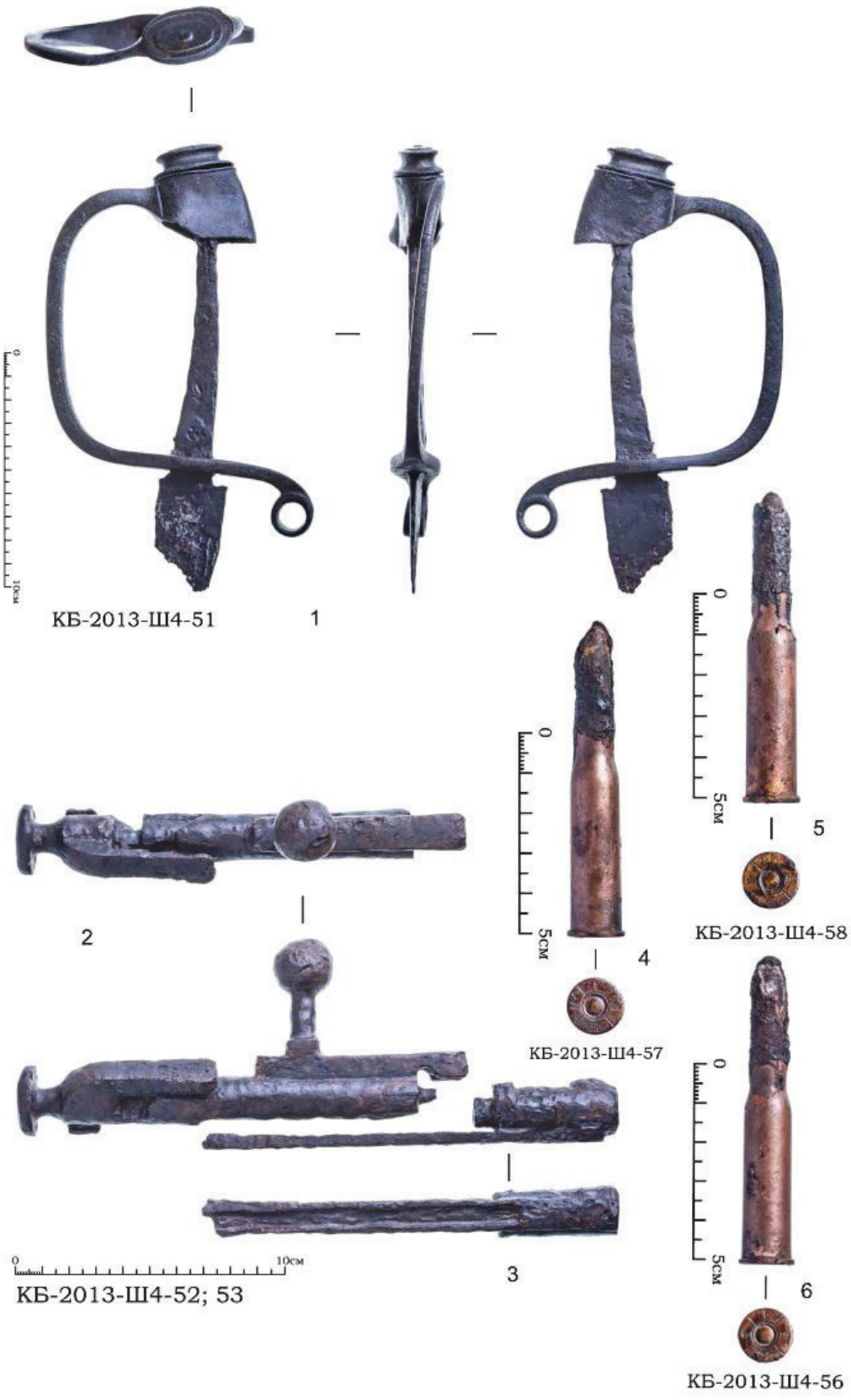

Рис. 29. Козье Болото (2013 г.). Шурф 4. Находки: 1 – эфес сабли; 2 – затвор винтовки; 3 – деталь винтовки; 4–6 – винтовочные патроны

спрятаны детали разобранного и сломанного оружия и боеприпасы, хранение которых было связано с большим риском. Произошло это не ранее 1913 г., скорее всего, в 1917–1918 гг., во время революции. По-видимому, вещи были во что-то завернуты. В середине XX в. шлак был использован для мощения площадки перед ПТУ, располагавшимся в здании бывшего училища.

Открытый ниже, сразу же под слоем шлака, цоколь деревянного дома, зафиксированный на отметке 2,93 м БС, представлял собой кладку из плит известняка размерами 0,32 × 0,35 × 0,15 м, облицованную изнутри кирпичами, уложенными в один ряд (рис. 26). Плитняковая кладка выполнена на плотном известково-песчаном растворе светло-бежевого цвета. Толщина горизонтальных швов между блоками цоколя составляет 0,02–0,03 м. Раскопан незначительный участок внутреннего пространства цоколя, заполненный строительным мусором и битым кирпичом. Цоколь открыт на высоту четырех рядов известняковых блоков, после чего работы были прекращены из-за очевидной необходимости исследования постройки на более широкой площади. Судя по расположению и ориентации стен цоколя, он относился к зданию, существовавшему как минимум до 1914 г., изображенному на известной акварели 1881 г., приписываемой А. Н. Бенуа (рис. 16).

Шурф 5 (рис. 17; 30), размерами 2 × 2 м, расположен в юго-восточной части участка, намеченного для исследования. В слое серой супеси с битым кирпичом в верхней части напластований найдены три мебельные накладки из медного сплава (рис. 31: 1–3), деталь подсвечника токарной работы (рис. 31: 5) и жетон с отверстием и монограммой «ФТ» (вероятно, бирка с номером класса от дверного ключа, принадлежавшего училищу) (рис. 31: 4). Наибольший интерес представляет накладка с геральдически расположенными фигурками грифонов (рис. 31: 1). В подстилающих напластованиях обнаружено несколько невыразительных обломков хозяйственной керамики XIX – начала XX в.

В заключение отметим, что на исследованном участке хорошо сохранились культурные напластования середины – второй половины XIX в. с остатками жилых и хозяйственных построек. Между тем в нижней части культурного слоя, оставшейся

Рис. 30. Козье Болото (2013 г.). Шурф 5. Зачистка на уровне материка. Вид с севера

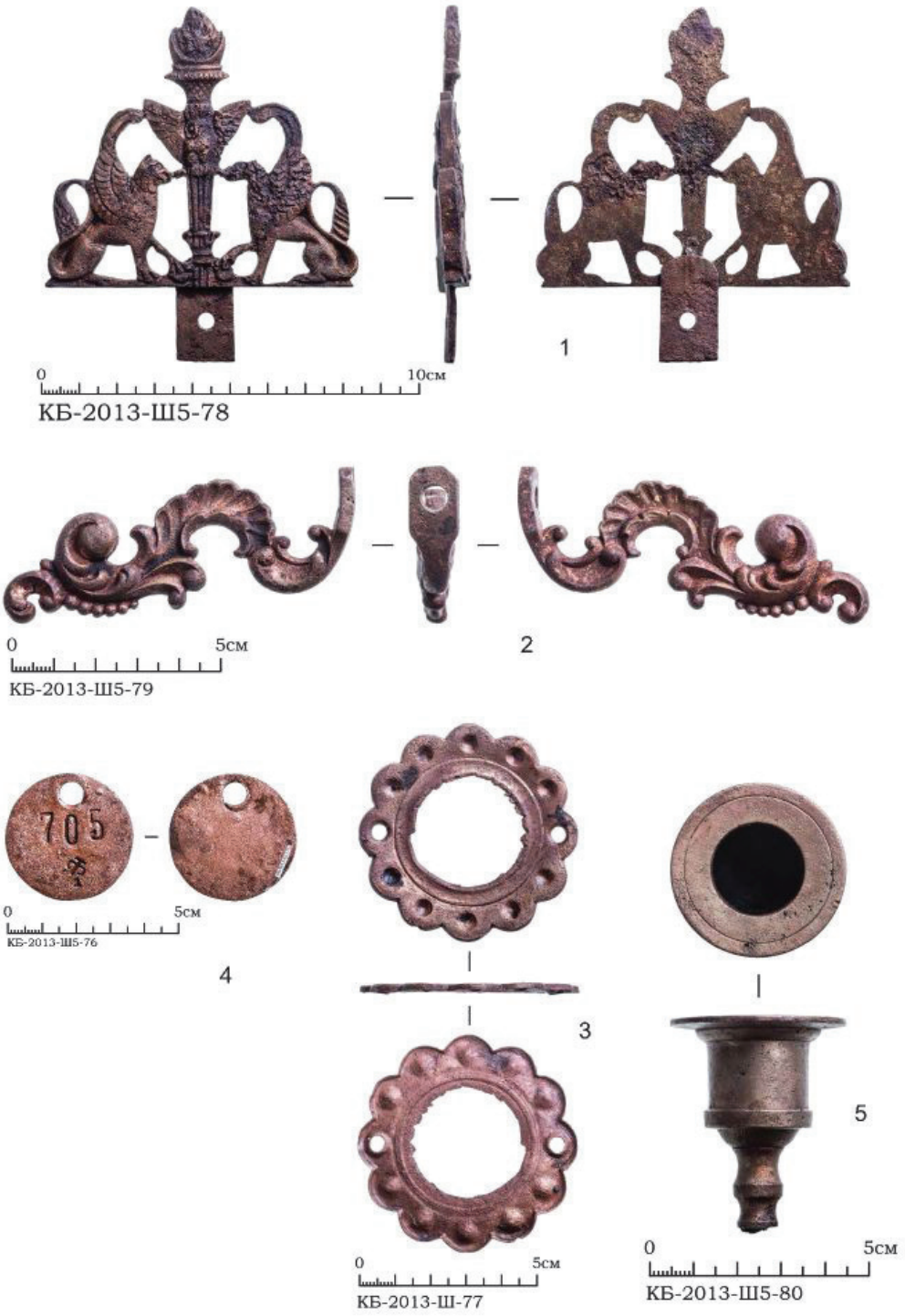

Рис. 31. Козье Болото (2013 г.). Шурф 5. Находки из меди: 1–3 – рельефные накладки намебель; 4 – жетон; 5 – фрагмент подсвечника

неизученной из-за высокого уровня грунтовых вод, также могли сохраниться остатки культурного слоя более раннего времени, вплоть до XVIII в. Сведения жителей соседних домов о наличии здесь кладбища пока не подтвердились. Скорее всего, за могильные плиты жителями были приняты фрагменты цоколя, обнаруженного в шурфе 4, а за разрушенные погребения – многочисленные кости животных, зафиксированные в шурфе 3. Между тем, учитывая, что раскопки не удалось довести до материка, полностью отрицать существование в этом месте кладбища не представляется возможным. Для того чтобы прояснить этот вопрос, необходимы более масштабные исследования с использованием механизмов для откачки грунтовых вод.

Источники и литература

Беспятых Ю. Н., 1997. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб.

Николаева Т. И., 2007. Виктор Шретер. Иероним Китнер. СПб.

Реймерс Г. фон, 2007. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.

Санкт-Петербург, 2004. Карты и планы. СПб.

Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А., 2004. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб.

Bagrow L., Köhlin H., 1953. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö.

Архитектурно-археологическое обследование Служебного корпуса в петергофской Александрии (сезон 2012 г.)

С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых

Архитектурно-археологическое обследование фундамента и прилегающей к зданию территории Служебного корпуса дворца Коттедж в парке Александрия (Петродворец, парк Александрия, д. 1) составило объем работ, выполненных авторами статьи в сентябре 2012 г. по заказу ЗАО «Первые Петергофские Реставрационные Мастерские»[1]. К основным задачам исследований относились изучение и диагностика конструкций фундамента здания и крылец, отмосток здания и исторических элементов благоустройства прилегающей территории, соотнесение исторических планов и чертежей, как между собой, так и с современной ситуацией. С этой целью заложено 10 шурфов общей площадью 17 кв. м. Нумерация шурфов сквозная, от западного фасада здания по линии север–восток–юг. Поскольку раскопки в Александрии являются продолжением сезонов 2003–2010 гг., во избежание путаницы при совмещении чертежей нумерация шурфов на объекте начата с номера CCXXVI. С учетом результатов раскопок 2012 г. число шурфов в Александрии достигло 235 общей площадью 1000,50 кв. м. Кроме того, в 2004 г. был обследован колодец, расположенный в 22 м к северу от северо-западного угла здания (шурфы CXXI–CXXIII)[2], а в 2005 г. – пешеходный мостик через дренажную канаву, расположенный в 44,50 м к западу от здания (шурф CXXVIII)[3]. При раскопках использовалась методика ручного послойного снятия грунта с промежуточными зачистками и фиксацией.

Возведенное в 1826–1829 гг. по проекту А. А. Менеласа здание каменной конюшни на десять собственных лошадей императорской семьи было частью первоначальной инфраструктуры дворца Коттедж и находилось южнее Кухонного корпуса, построенного по проекту А. А. Менеласа в те же годы. Кухонный корпус в 1838–1840 гг. был перестроен А. И. Штакеншнейдером для нужд великих князей Николая и Михаила – сыновей императора Николая I – и далее именовался Княжеским, или Кавалерским, домом. Конюшенный дом был одноэтажным и имел прямоугольную планировку. Главный фасад выделяло трехчастное деление. В доме располагались стойла для лошадей, экипажное помещение и кучерская. Дом имел два крыльца, расположенных симметрично по разные стороны южной части здания. В чердачном помещении, куда вела лестница из коридора, были устроены две комнаты для служащих: конюха и фельдъегерей. Территория вокруг дома была вымощена валунами, образуя замкнутый периметр с твердым покрытием. Напротив конюшни, через аллею, располагался участок детских гимнастических игр и детский огород с прудиком[4] (рис. 1). Эти объекты также обследовались в 2004 г.: шурфы XCVIII–CVII[5] (Каргапольцев и др., 2005. С. 136–201).

[1] После назначения Е. Я. Кальницкой на должность генерального директора ГМЗ «Петергоф» администрация музея-заповедника потеряла всякий интерес к археологическим исследованиям на подведомственной ей территории. Эпизодические заказы на проведение археологических работ в ГМЗ «Петергоф» нам поступали исключительно от фирм-подрядчиков, осуществляющих там производственную или реставрационную деятельность. Для сравнения отметим, что в бытность руководителем музея В. В. Знаменова за период 2001–2006 гг. на территории ГМЗ «Петергоф» было обследовано 72 объекта, в 2009–2012 гг. их число пополнилось еще лишь на три. В 2007, 2008, 2011 и 2013 гг. археологических исследований в ГМЗ «Петергоф» не проводилось вовсе.

[2] Архив ФГУК ГМЗ «Петергоф». № 15044/1, 15044/6, 16174/4.

[3] Там же. № 13559.

[4] Там же. ПДМП 760, 826.

[5] Там же. № 15044/1, 15044/2.

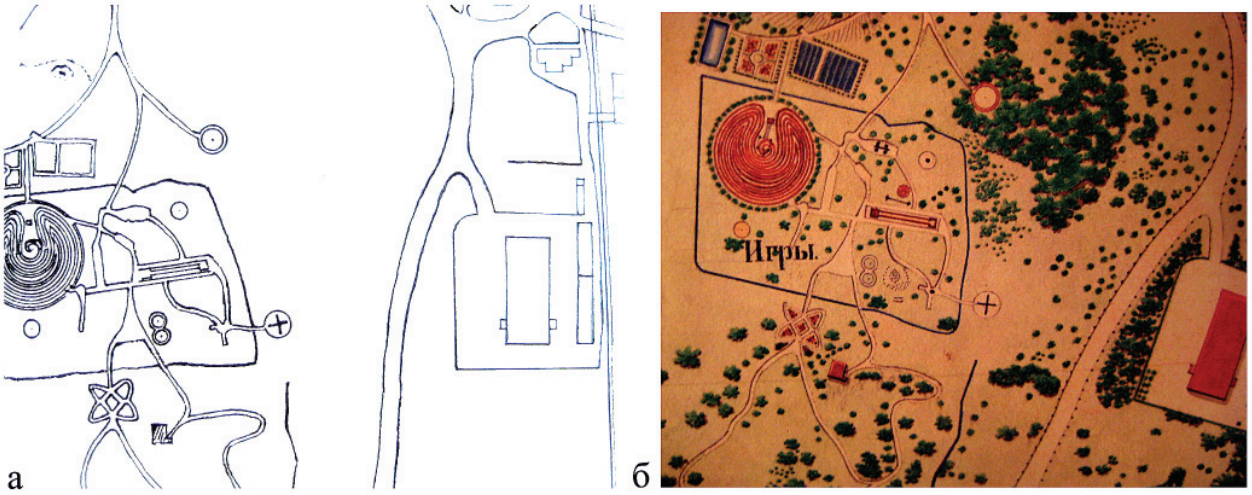

Рис. 1. Конюшенный дом на фрагментах планов 1840-х гг.: а – Архив ФГУК ГМЗ «Петергоф». ПДМП 760, 826; б – по Белов, 2012. Рис. 3

В 1884 г. архитектор Э. Л. Ган осуществил комплексную перепланировку здания бывшей конюшни под жилые помещения прислуги. В ходе работ был надстроен мансардный этаж, изменена планировка окон и внутреннего пространства. В центре восточного фасада, со стороны двора, сооружено дополнительное крыльцо со ступеньками. Каменная площадка вокруг здания была сохранена. В таком виде Конюшенный дом, или – по более позднему названию – Служебный корпус, простоял до Великой Отечественной войны. В период немецкой оккупации Петергофа (1941–1944) здание сильно пострадало от обстрелов. В 1957 г. дошла очередь до его ремонта и комплексной перестройки. Главными изменениями стали надстройка второго этажа вместо мансарды и его использование в качестве жилого здания (подобным образом эксплуатировались и другие постройки Александрии: Княжеский дом, Фермерский дворец, Телеграфная станция).

После передачи здания на баланс ГМЗ «Петергоф» в 1970-х гг., оно было отремонтировано и вновь стало служебным. Очередной масштабный ремонт с перепланировкой помещений, зашивкой стен и потолков гипсокартонными листами, а также заменой электро- и водокоммуникаций был произведен в конце 1990-х гг. Частичный ремонт здания производился и в 2000-е гг. Неоднократные перестройки и перепланировки сильно изменили первоначальный облик Служебного корпуса, однако такие отличительные архитектурные элементы, как трехчастное деление главного фасада, продольный руст, лопатки на углах, конфигурация оконных проемов с готическими переплетами и сандриками, ряд дверных проемов, а также другие детали экстерьера, выполненные еще по проектам А. А. Менеласа и Э. Л. Гана, сохранились до настоящего времени. Принятое в 2011 г. решение о необходимости капитального ремонта с элементами реконструкции и реставрации Служебного корпуса дворца Коттедж – объекта культурного наследия федерального значения, – а также воссоздания исторической планировки прилегающей к нему территории потребовало археологических изысканий для верификации исходной информации.

Для обследования технического состояния и конструкции фундамента здания и крылец Служебного корпуса было заложено девять шурфов: четыре у западного фасада, три у восточного и по одному у северного и южного фасадов (рис. 2).

Шурф CCXXVI, размерами 1,00 × 2,35 м, заложен в юго-западной части здания, между входом (крыльцом) и юго-западным углом (рис. 2: 1). Максимальная глубина выборки слоя 1,85 м от уровня современной дневной поверхности (далее УСДП). Раскрытый стык фундамента здания (профиль В–С) и крыльца (профиль А–В) показал сопряженную кладку, т. е. сооруженную синхронно, в один прием (рис. 3). Фундамент хорошо сохранился, сложен из валунных камней, диаметром 0,20–0,40 м, на растворе. Глубина залегания фундамента 1,75 м (14,08 м БС). Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составляет 0,10 м. Подцоколье выполнено из одного

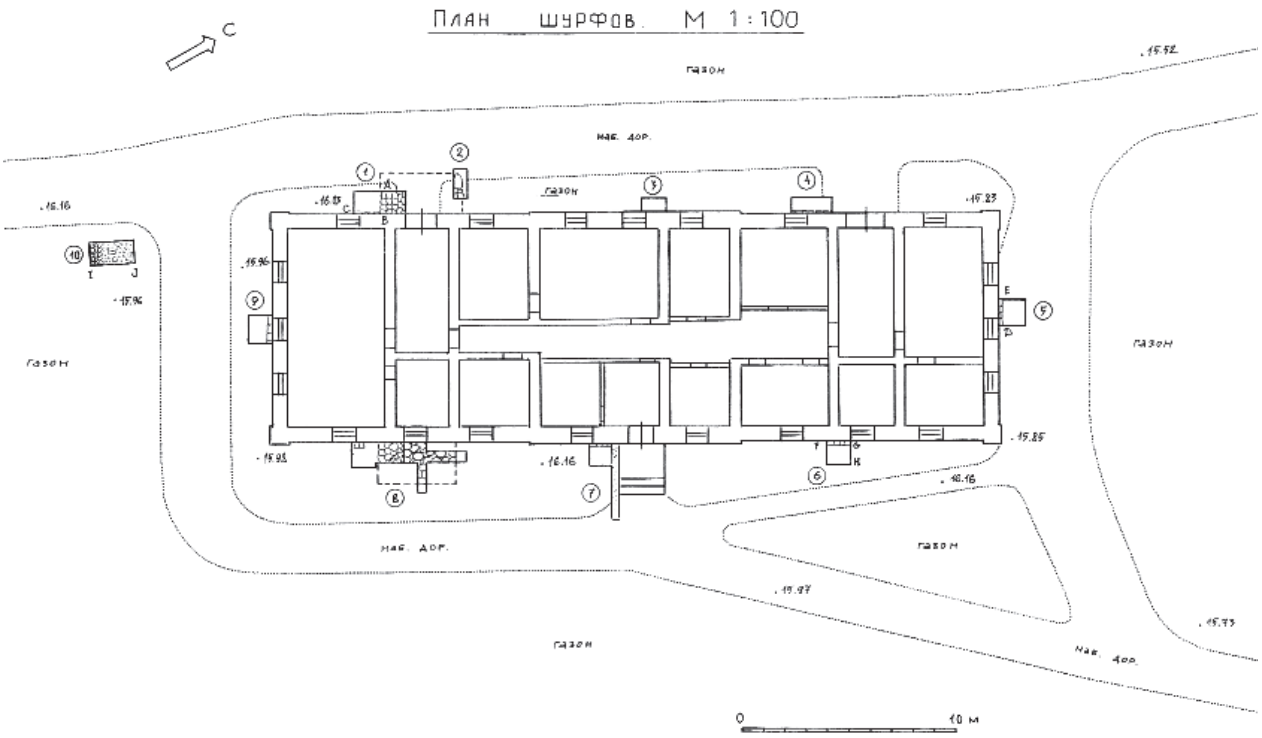

Рис. 2. Александрия (2012 г.). Обследование Служебного корпуса дворца Коттедж. План: 1 – шурф CCXXVI; 2 – шурф CCXXVII; 3 – шурф CCXXVIII; 4 – CCXXIX; 5 – CCXXX; 6 – CCXXXI; 7 – CCXXXII; 8 – CCXXXIII; 9 – CCXXXIV; 10 – CCXXXV

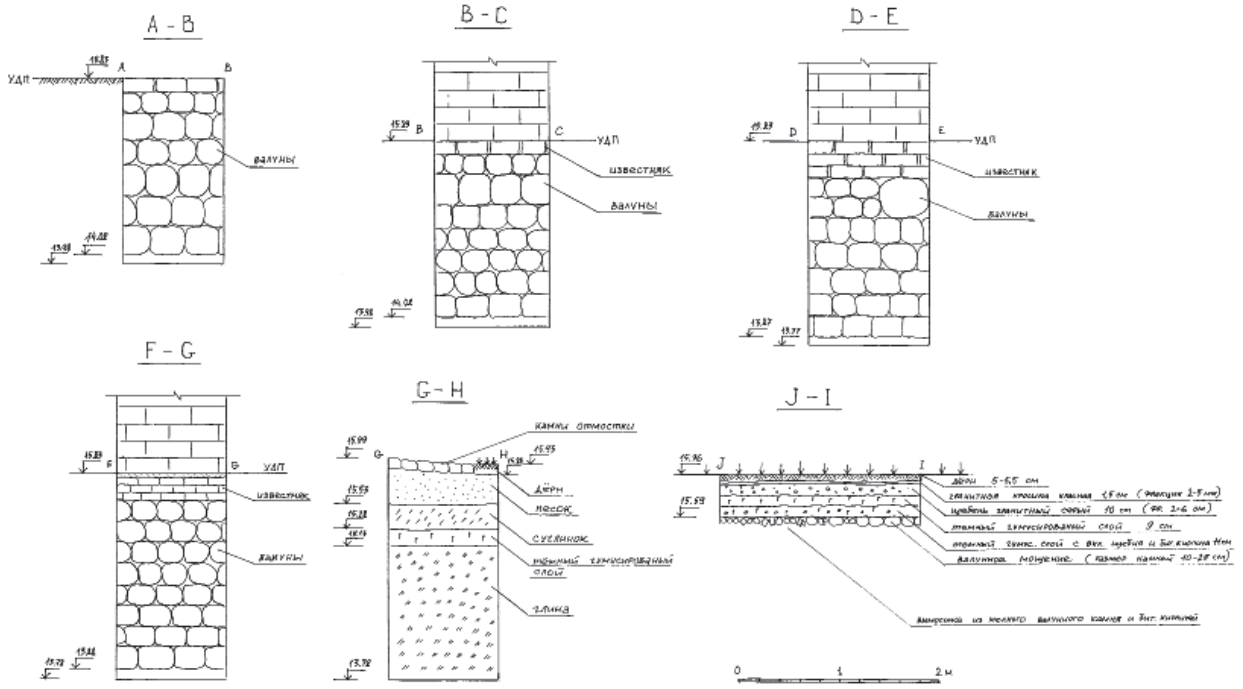

Рис. 3. Александрия (2012 г.). Обследование Служебного корпуса дворца Коттедж. Профили стенок шурфов

ряда известняковых плит высотой 0,13 м. Функцию внешней гидроизоляции выполняет замок из мятой кембрийской глины с включениями гравия и битых кирпичей. Цоколь из четырех рядов известняковой скобы (высотой 0,67 м) в удовлетворительном состоянии, нижний ряд блоков частично скрыт примыкающей булыжной отмосткой. Подпорожная часть дверного проема имеет два ряда кирпичной кладки.

Шурф CCXXVII, размерами 0,60 × 1,35 м, заложен с противоположной (северной) стороны юго-западного крыльца здания (рис. 2: 2) с целью определения размеров его фундамента, которые составили 3,85 × 1,90 м.

Шурф CCXXVIII, размерами 0,55 × 1,10 м, заложен в центральной части западного фасада здания (рис. 2: 3) с целью изучения его фундамента, конструкция которого оказалась аналогична раскрытому участку в шурфе CCXXVI. Слой под булыжной отмосткой образует примыкающую к фундаменту смесь мятой глины, битых кирпичей и гравия. Ниже, на глубине 0,30 м, начинался слой чистой кембрийской глины. Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания не зафиксировано.

Шурф CCXXIX, размерами 0,65 × 1,85 м, заложен у западного фасада здания между шурфом CCXXVIII и северо-западным крыльцом (рис. 2: 4) с целью исследования верхней части фундамента здания и слоя, подстилающего булыжную отмостку. Конструкция фундамента аналогична раскрытому участку в шурфах CCXXVI и CCXXVIII, слой под булыжной отмосткой образует примыкающую к фундаменту смесь мятой глины, битых кирпичей и гравия. Ниже, на глубине 0,30 м, также начинался слой чистой кембрийской глины. Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составляет 0,10 м.

Шурф CCXXX, размерами 1,20 × 1,20 м, заложен у северного фасада здания, в центральной его части (рис. 2: 5). Глубина выборки слоя составила 2,06 м от УСДП. Раскрыта хорошо сохранившаяся валунная кладка фундамента здания (профиль D–E), на растворе (рис. 3; 4). Диаметр камней до 0,50 м. Глубина залегания фундамента достигала 1,96 м (13,87 м БС). Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составило 0,15 м. Цоколь, высотой 0,35 м, состоял из трех рядов известняковых плит, нижний ряд которых был частично скрыт примыкавшей булыжной отмосткой. Функцию гидроизоляции выполнял замок из мятой кембрийской глины с включениями гравия и битых кирпичей.

Шурф CCXXXI, размерами 1,10 × 1,10 м, заложен у восточного фасада здания, в северной его части (рис. 2: 6). Глубина выборки слоя достигала 2,05 м от УСДП. Раскрыта хорошо сохранившаяся валунная кладка фундамента здания (профиль F–G), на растворе (рис. 3). Диаметр камней до 0,10–0,15 м. Глубина залегания фундамента достигала 1,96 м (13,88 м БС). Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составило 0,20 м. Цоколь, высотой 0,22 м, сложен из трех рядов известняковых плит с прослойкой известкового раствора толщиной около 0,05 м (рис. 5). Функцию гидроизоляции выполнял замок из мятой кембрийской глины с включениями гравия и битых кирпичей. Нижний ряд цоколя скрыт примыкающей булыжной отмосткой.

Северная стенка шурфа отражала следующую стратиграфию (профиль G–H): однорядную кладку валунной отмостки здания подстилала прослойка песка толщиной 0,30 м, ниже лежала прослойка суглинка толщиной 0,25 м, под которой залегал темный гумусированный слой толщиной 0,15 м, переходящий в слой глины (рис. 3). Уровень булыжной отмостки понижается в сторону от здания.

Шурф CCXXXII, Г-образной формы, площадью 1,72 кв. м, заложен у стыка южного края крыльца и восточной стенки здания (рис. 2: 7). Глубина выборки слоя достигала 1,35 м от УСДП. Как было установлено, фундамент восточного крыльца неплотно примыкал к фундаменту здания (рис. 6; 7). Следует отметить более низкое качество кладки крыльца, выполненной из валунных камней с включениями битых кирпичей почти без раствора. Верхняя часть фундамента полностью перекрыта слоем раствора с включением гравия. Фундамент здания хорошо сохранился, сложен из валунных камней на растворе. Диаметр камней 0,20–0,40 м. Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составило 0,05 м. Подцоколье, высотой 0,30–0,35 м, сложено из двух рядов известняковых плит на растворе. Функцию гидроизоляции выполнял замок из мятой кембрийской глины с включением гравия и битых кирпичей. Цоколь сложен из четырех рядов известняковых плит, нижний ряд которых частично скрыт примыкающей булыжной отмосткой (рис. 7).

Шурф CCXXXIII, сложной формы, площадью 4,30 кв. м, заложен у юго-восточного угла здания, со стороны восточного его фасада (рис. 2: 8; 8), с целью определения размеров фундамента крыльца, утраченного юго-восточного входа в здание. В ходе работ удалось определить границы кладки по всем направлениям и установить

Рис. 4. Александрия (2012 г.). Шурф ССХХХ. Фрагмент фундамента северного фасада здания. Вид с севера

Рис. 5. Александрия (2012 г.). Шурф ССХХХI. Фрагмент фундамента восточного фасада здания. Вид с юго-востока

Рис. 6. Александрия (2012 г.). Шурф ССХХХII. Восточное крыльцо здания, пристроенное в 1884 г. Вид с юго-востока

Рис. 7. Александрия (2012 г.). Шурф ССХХХII. Примыкание фундамента здания и крыльца. Вид с юга

Рис. 8. Александрия (2012 г.). Шурф CCXXXIII. Фрагмент верхней части фундамента восточного фасада здания. Вид с юго-востока

размеры фундамента крыльца, которые составили 3,70 × 1,95 м (рис. 9; 10). Кроме этого, в качестве доказательства существования заложенного дверного проема была обнаружена сложенная под порогом хорошо сохранившаяся кирпичная кладка в три ряда, а также вставка известняковых блоков в цоколь здания (рис. 10). Кладку фундамента прорезали водопроводные трубы, по-видимому, советского времени (рис. 8; 9).

Фундамент здания хорошо сохранился, сложен из валунных камней на растворе. Диаметр камней 0,20–0,40 м. Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составило 0,20 м. Подцоколье, высотой 0,30 м, сложено из двух рядов известняковых плит на растворе. Функцию гидроизоляции выполняет замок из мятой кембрийской глины с включением гравия и битых кирпичей. Цоколь из четырех рядов известняковых плит в нижней части скрыт примыкающей булыжной отмосткой (рис. 8).

Шурф CCXXXIV, размерами 1,10 × 1,20 м, заложен у южного фасада здания, в центральной его части (рис. 2: 9), с целью исследования южного участка фундамента. Глубина выборки слоя достигала 1,70 м от УСДП. Раскрыта хорошо сохранившаяся валунная кладка фундамента здания на растворе. Диаметр камней до 0,30 м. Выпирание кладки фундамента относительно внешней стены здания составило 0,25 м. Подцоколье, высотой 0,35 м, сложено из двух рядов известняковых плит. Функцию гидроизоляции выполнял замок из мятой глины с включением гравия и битых кирпичей. Цоколь из четырех рядов известняковых плит в нижней части скрыт примыкающей булыжной отмосткой (рис. 11).

Шурф CCXXXV, размерами 1,00 × 2,00 м, заложен в 6,50 м от юго-западного угла здания (рис. 2: 10; 12) с целью определения уровня дневной поверхности времени строительства и советского периода, а также раскрытия булыжного мощения прилегающей к зданию площадки. На первом этапе исследования удалось соотнести горизонт мощения площадки с аллейным покрытием советского времени, также ушедшим в грунт. На втором этапе выяснена стратиграфия культурных напластований (рис. 3; профиль J–I). Следует отметить, что уровень дневной поверхности времени строительства лежал ниже современного на 0,37 м на отметке 15,59 м БС. Стратиграфия выглядела следующим образом:

Рис. 9. Александрия (2012 г.). Шурф CCXXXIII. Фундамент утраченного юго-восточного крыльца (отмечен стрелками). Вид с юга

Рис. 10. Александрия (2012 г.). Шурф CCXXXIII. Кирпичная кладка утраченного дверного проема юго-западного входа и фундамент крыльца (отмечен стрелкой). Вид с юго-востока

Рис. 11. Александрия (2012 г.). Шурф CCXXXIV. Фрагмент фундамента южного фасада здания. Вид с юга

Рис. 12. Александрия (2012 г.). Шурф CCXXXV и юго-западный угол здания. Вид с юга

слой дерна толщиной 0,05 м подстилала прослойка красной гранитной крошки толщиной не более 0,02 м, ниже которой залегал слой серого щебня толщиной около 0,10 м, связанный с покрытием аллеи советского времени. Ниже этого слоя лежал темный гумусированный слой толщиной 0,09 м, который перекрывал слой темного гумуса с включением щебня и битых кирпичей толщиной 0,11 м, покрывавший булыжное мощение, некогда окружавшее здание (рис. 3; 13).

Рис. 13. Александрия (2012 г.). Шурф CCXXXV. Профиль западной стенки шурфа. Вид с востока

В ходе архитектурно-археологических обследований Служебного корпуса были выяснены особенности исторической планировки здания, устройства его цокольной части и прилегающей к ней отмостки, крылец, а также гидроизоляции фундамента.

Источники и литература

Белов А. А., 2012. Августейшие заказчики и создание Собственной Ее Императорского Величества дачи Александрия в Петергофе // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций: Материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2012 г.). СПб.

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н., 2005. Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб. (Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Т. 1).

Поиски фундамента непостроенного монастыря Св. Харлампия в Гатчине (сезон 2012 г.)

С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых

Так и непостроенный монастырь Св. Харлампия[1] тем не менее является знаковым местом на юго-западной окраине Гатчинского парка. Поклонный крест, воздвигнутый в 2006 г. местной православной общиной (рис. 1), не только обозначает участок, выделенный для строительства монастыря, но и является символическим мемориалом Павлу I (1754–1801) – императору, убитому своими приближенными в ночь на 12 марта 1801 г. Как известно, именно Павлу I принадлежала идея возвести монастырский комплекс в память о своем отце, также убитом в ходе заговора, – императоре Петре III (1728–1762)[2].

Согласно имеющимся данным, указ о строительстве монастыря на участке между парком Сильвия и Пильной мельницей был подписан Павлом 19 ноября 1800 г. (рис. 2). Еще ранее, 29 октября того же года, произошло высочайшее утверждение проектных чертежей (фасады и планы нижнего и верхнего этажей) с резолюцией «Быть по сему» (рис. 3; 4). Автором проекта монастыря являлся А. Д. Захаров (1761–1811). Сохранились проектные чертежи, на одном из которых имеется подпись «Архи: Захаровъ» (Петрова, 2006. С. 9, 65–67). Кроме того, имеется чертеж иконостаса церкви, который тоже подписан: «Сочи: Архи: Захаровъ». Он опубликован Г. Г. Гриммом в 1940 г. и с полным основанием был отнесен автором к проекту монастыря (Гримм, 1940. С. 14, 15, 48, 54. Ил. 3–5).

А. Д. Захаровым также была составлена смета на строительство монастыря. Данные факты хорошо освещены и в дополнительных комментариях не нуждаются. Впервые в литературе монастырь упоминается в 1882 г. (Материалы о городах, 1882. С. 26; Яцук, 2012. С. 295–311). Следует отметить недавно высказанную гипотезу В. А. Коренцвита о том, что автором проекта был вовсе не архитектор А. Д. Захаров, а лично император Павел I (Коренцвит, 2011. С. 214–233; 2012. С. 5). При всей оригинальности данной версии, подкупающей непосвященного читателя логикой и романтизмом, пространные рассуждения известного краеведа «о главной загадке» непостроенного монастыря основаны исключительно на предположениях, грешат фактологическими ошибками и не имеют никаких документальных подтверждений. Более корректно в этом направлении высказывался Н. Лансере, отметивший, что Харлампиев монастырь создавался «по мысли Павла», что, собственно, итак всем понятно (Лансере, 1995. С. 24). Наибольший интерес для нас представляет информация о том, что на начальный этап строительных работ (подготовка территории, подвоз материалов, прокладка фундаментных рвов и пр.) было затрачено 64 848 руб. и что «с кончиной императора прекратились все работы» (Столетие города Гатчины. С. 51)[3].

Таким образом, исходя из имеющихся данных, получается, что в распоряжении строителей был

[1] Епископ города Магнезия в Фессалии Харлампий жил в конце I – начале III в. (казнен в 202 г. в возрасте 113 лет). Канонизирован как священномученик за отказ поклониться языческим идолам и твердую веру в учение Иисуса Христа. Епископ Харлампий был умерщвлен после длительных истязаний по личному распоряжению римского императора Септимия Севера. День памяти св. Харлампия отмечается 10(23) февраля. Почитается христианами как хранитель от внезапной смерти без покаяния.

[2] Император Петр III Федорович (Карл Петр Ульрих) родился 10 февраля 1728 г., в день памяти св. Харлампия (по Юлианскому календарю).

[3] Более подробно о финансовой составляющей так и нереализованной постройки см.: Яцук, 2012. С. 298–311.

Рис. 1. Гатчина (2012 г.). Поклонный крест у границы участка непостроенного монастыря Св. Харлампия. Вид с юга

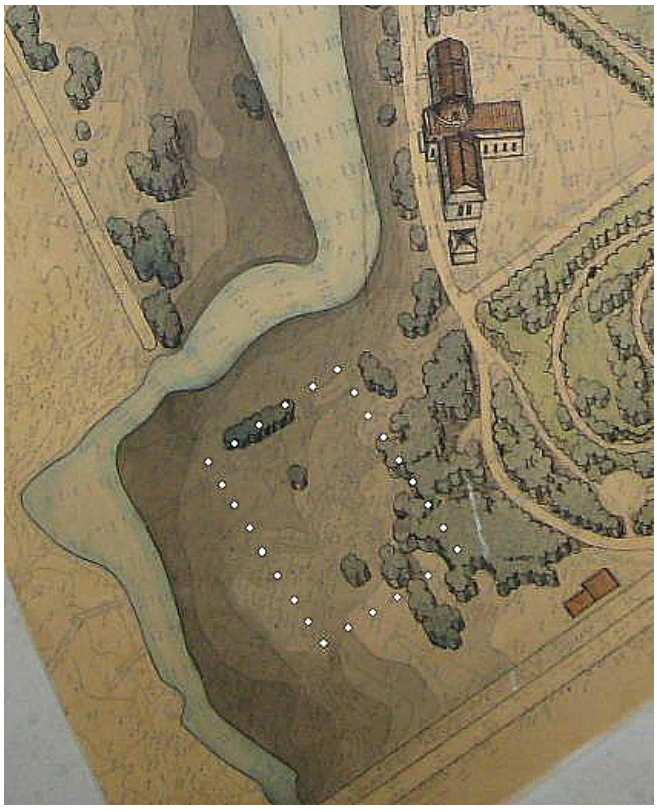

Рис. 2. Гатчина (2012 г.). Ориентировочные границы территории, выделенной в 1800 г. для постройки монастыря Св. Харлампия (отмечена пунктиром)

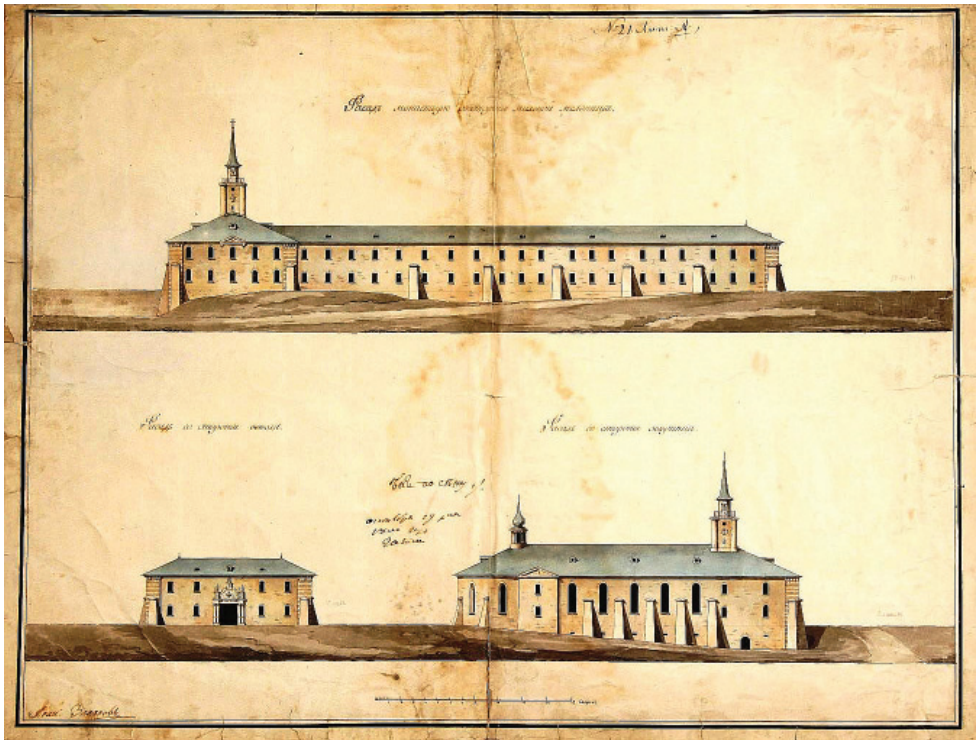

Рис. 3. А. Д. Захаров. Проект фасадов монастыря Св. Харлампия. 1800 г.
Инв. № ГДМ-393-XII. Фонд чертежей ГМЗ «Гатчина»

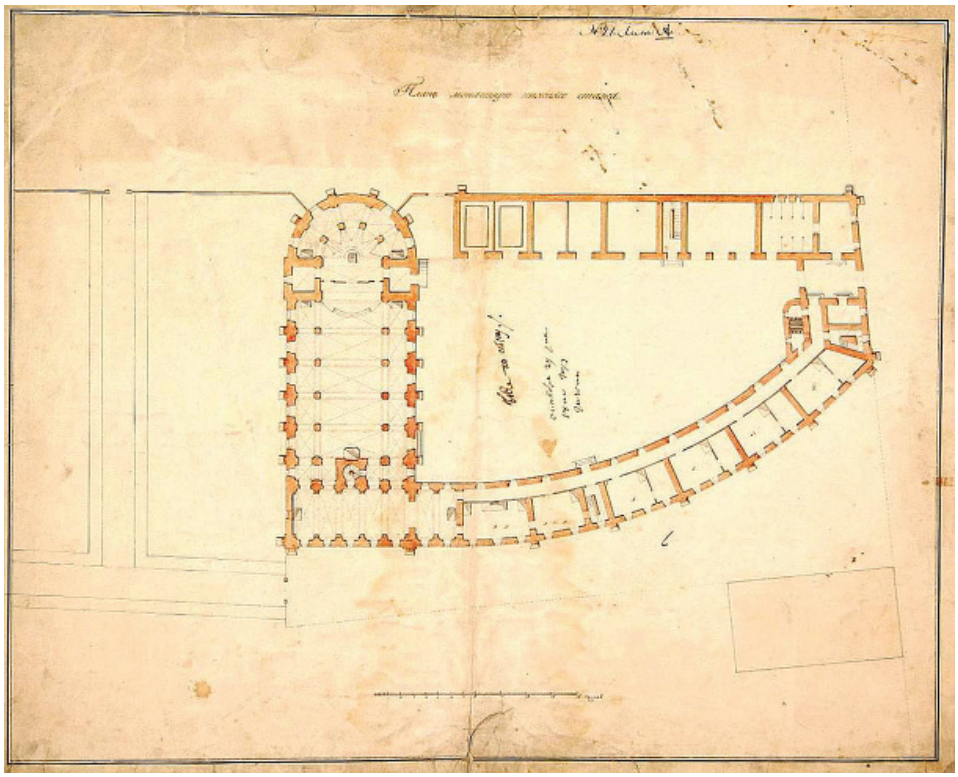

Рис. 4. А. Д. Захаров (?). Проектный план нижнего этажа монастыря Св. Харлампия. 1800 г.
Инв. № ГДМ-394-XII. Фонд чертежей ГМЗ «Гатчина»

лишь небольшой период между ноябрем 1800 г. и мартом 1801 г. Реально ли было в те времена провести весь нулевой цикл работ за одну зиму, да еще параллельно со строительством Михайловского замка в Петербурге, как известно, потребовавшего колоссальных усилий всех строительных артелей с 1797 по 1801 г.? Кроме того, именно в марте 1801 г. были начаты масштабные работы по возведению собора в честь Казанской иконы Божией Матери в Петербурге (Каргапольцев, 2011. С. 180–188).

Учитывая вышеуказанные факты, несложно сформулировать и главный вопрос, поставленный самим временем: успели ли строители заложить фундамент монастыря Св. Харлампия до распоряжения Александра I о прекращении работ по его строительству? Ответ на него могли дать только археологические исследования, которые и были проведены по заказу дирекции музея-заповедника «Гатчина» авторами статьи в июле–августе 2012 г. Освещению основных результатов этих изысканий и посвящен публикуемый материал[4].

Судя по картам 1960–1970-х гг., которые использовались в качестве топоосновы, значительная часть территории непостроенного монастыря – надпойменная терраса южного (правого) берега р. Колпанской, которая в послевоенное время была занята огородами, просуществовавшими, по данным местных жителей, до конца 1970-х гг. Тогда же были сооружены и подсобные домики из лещадных плит пудостского известняка, предназначенные для хранения огородного инвентаря и овощей (сооружения также отмечены на картах послевоенного периода). Одна из таких построек полностью сохранилась, другие прослеживаются лишь по фрагментам нижних венцов кладки (шурф V). Данное обстоятельство, на наш взгляд, весьма примечательно, так как плиты известняка, в обилии встречающиеся на этом участке местности, и есть остатки некогда завезенного сюда материала для закладки фундамента и цокольной части монастырских корпусов. Отметим также, что именно этот камень пошел и на сооружение ступеней и основания вышеупомянутого поклонного креста. Нигде более на территории Гатчинского парка таких «залежей» известняка не встречается.

После серии диагностических зондажей для обследования был выбран южный сектор предполагаемой территории монастырского комплекса. Другие участки местности либо обильно заросли деревьями, либо основательно перекрыты складированным мусором и срезанной растительностью. Общий объем выполненных нами работ составил 15 шурфов общей площадью 60 кв. м (рис. 5; 6)[5].

Необходимо отметить, что на территории обследования имелось несколько незасыпанных шурфов и зондажных ям, выполненных кем-то ранее. Отличительной их особенностью, указывающей на непрофессионализм исполнителей, была незначительная глубина выборки слоя и отсутствие бровок между краями линии шурфов и отвалами вынутого грунта, не говоря уже об отсутствии правильной формы самих шурфов. Судя по фотографии шурфа, показанной В. А. Коренцвитом 23 ноября 2012 г. на конференции в Гатчинском дворце, а также изложенным результатам «археологической разведки» (Коренцвит, 2011. С. 214–233), авторство этого несанкционированного обследования принадлежит В. А. Коренцвиту[6].

Под слоем дерна во всех заложенных нами шурфах четко прослеживались следы выравнивания местности – лещадные плитки пудостского известняка, битые кирпичи и камни. Однако ниже снова залегал темный гумусированный слой при отсутствии следов строительных работ (рис. 7). Данный факт говорит о том, что зафиксированная нивелировка относится к послевоенному времени. Лишь еще ниже, на глубине 0,50–0,70 м от уровня дневной поверхности (далее УДП), отмечен плотный слой суглинка, содержавший навалы камней и лещадных плит (рис. 8). В профилях западной и восточной стенок шурфов I–III, соединенных в раскоп площадью 12,25 кв. м, четко прослеживается понижение уровня старой дневной поверхности, перекрытой впоследствии темным гумусированным слоем (рис. 6; 9). Отсюда следует,

[4] Координатор археологических исследований со стороны музея-заповедника «Гатчина» – заместитель директора по научной работе В. А. Семенов. Предварительные результаты изысканий см.: Каргапольцев и др., 2012. С. 100–106; Каргапольцев, 2012. С. 365–370.

[5] Отчет о проведенных работах хранится в НВА ГМЗ «Гатчина».

[6] Фотография с изображением нескольких камней в слое, определенных В. А. Коренцвитом как фрагмент бутовой кладки фундамента, не имела никаких ориентиров и измерительной рейки. Также присутствующим в зале не было предъявлено сопроводительных карт, планов и чертежей произведенных работ. Сообщение В. А. Коренцвита о применении им стального щупа и закладке одного шурфа (одного ли?) с точки зрения методики не выдерживает критики: в условиях массового присутствия камней под дерновым слоем диагностика грунта щупом бесполезна, а одного шурфа явно недостаточно для достоверных выводов.

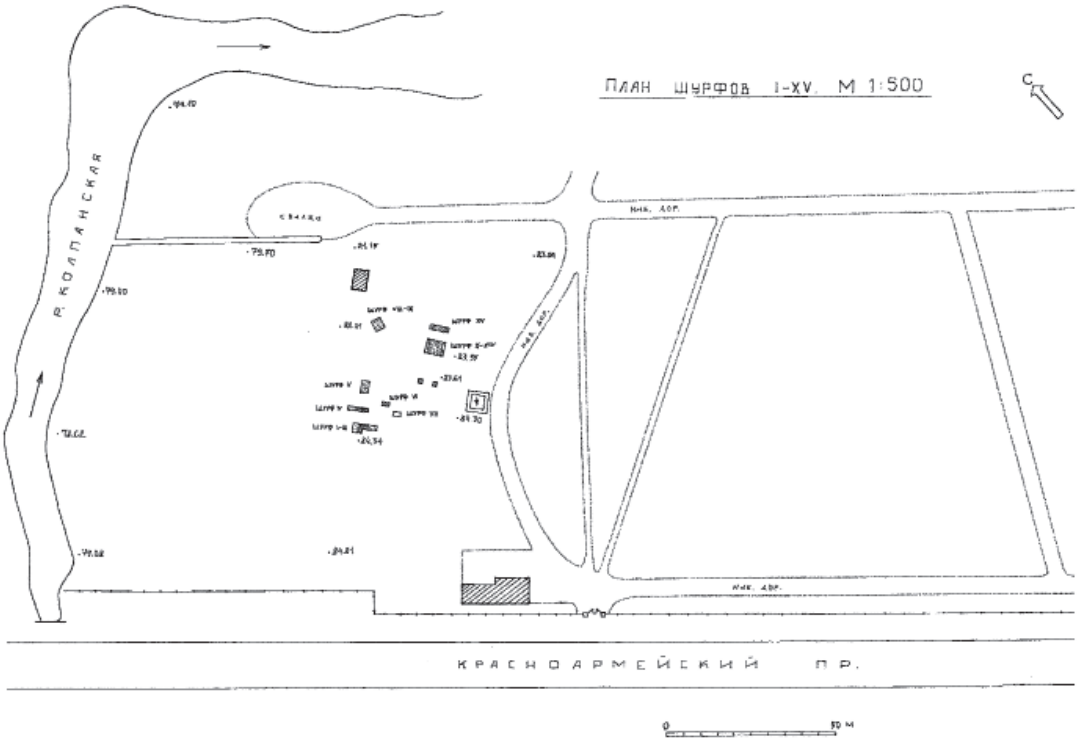

Рис. 5. Гатчина (2012 г.). Обследование территории под строительство монастыря Св. Харлампия. План шурфов

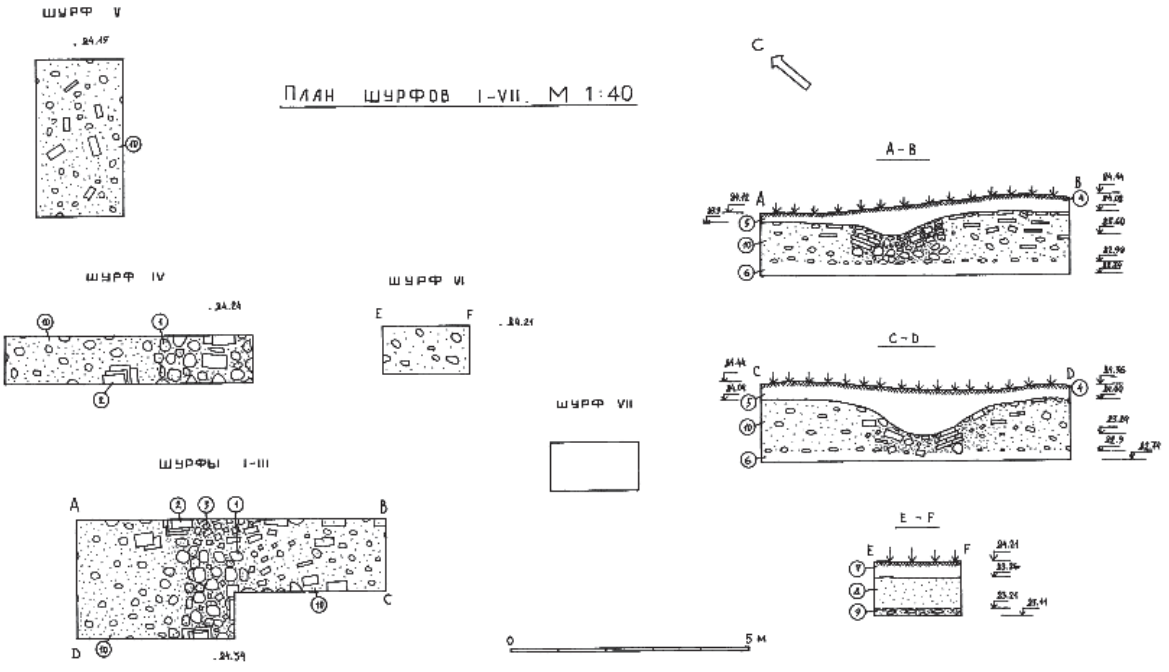

Рис. 6. Гатчина (2012 г.). Обследование территории под строительство монастыря Св. Харлампия. План и профили стенок шурфов: 1 – валунный камень; 2 – известняк; 3 – битые кирпичи; 4 – дерн; 5 – гумусированный слой; 6 – суглинок; 7 – гумус; 8 – светлая супесь; 9 – глина с камнями; 10 – плотный суглинок с включениями известняковых плит, валунов, битых кирпичей

Рис. 7. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–III. Следы выравнивания местности в гумусированном слое. Профиль юго-восточной стенки. Вид с северо-запада

Рис. 8. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–III. Камни и известняковые плиты из заполнения фундаментного рва. Профили юго-западной и южной стенок. Вид с севера

Рис. 9. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–III. Камни, известняковые плиты и битые кирпичи из заполнения фундаментного рва. Профиль северо-восточной стенки. Вид с юго-запада

что центральная часть фундаментного рва, по-видимому, не была первоначально засыпана до конца. Датировка плотной поверхности суглинка периодом строительных работ была установлена находкой медной двухкопеечной монеты 1759 г. – времени царствования Елизаветы Петровны (рис. 10)[7]. Таким образом, глубина залегания этой монеты – 0,55 м (указана на фотографии стрелкой) – определяет УДП 1801 г. (рис. 11). Все, что находилось выше, отложилось за последующий более чем двухвековой период.

После зачистки (шурфы I–III) навалы булыжного камня и плит известняка производили впечатление потревоженной верхней части фундамента (рис. 6; 12). Однако опыт исследования других объектов конца XVIII – начала XIX в. в Петербурге и его окрестностях (например, прорезка фундамента Воронихинской ограды у Казанского собора под линию высоковольтной электромагистрали) помог преодолеть соблазн «открытия» и подсказал решение копать глубже. Регулярная кладка фундамента в ту эпоху сооружалась с большим запасом прочности и на глубину как минимум 2,00–2,50 м от УДП, а ее демонтаж был бы возможен лишь с использованием пневматических отбойных молотков (Каргапольцев, 2011. С. 185–188; Каргапольцев и др., 2013. С. 47–62). В нашем же случае камни и плиты легко изымались и никакой кладки не образовывали, залегая на глубину до 1,70 м от УДП вперемешку с грунтом (рис. 8). Подобная ситуация была отмечена и в шурфах IV, V, VI, VIII, IX (рис. 6; 13). Диагностический шурф VII, расположенный ближе других к парковой дороге и поклонному кресту, никаких камней в

Рис. 10. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–III. Монета 1759 г.

[7] До финансовой реформы Александра I, завершенной в 1810 г., в обращении были медные монеты, чеканенные при Елизавете Петровне, Петре III, Екатерине II и Павле I.

Рис. 11. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–III. Зачистка на уровне дневной поверхности 1801 г. (монета 1759 г. обозначена стрелкой). Вид с востока

Рис. 12. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–III. Расчистка верхнего слоя заполнения фундаментного рва. Вид с северо-востока

Рис. 13. Гатчина (2012 г.). Шурф IV. Расчистка верхнего слоя заполнения фундаментного рва. Вид с юго-востока

слое уже не содержал. Таким образом, удалось определить южную границу фундаментного рва, находившуюся между шурфами VI и VII, примерно в 30 м севернее парковой набивной дороги. Северо-западная стенка шурфа IV также маркировала в профиле выбранный грунт фундаментного рва, обозначая его ширину как минимум в 12,50 м (рис. 13). Более точной фиксации противоположного края исследуемого участка фундаментного рва и его общей ширины мешали плотно стоящие деревья и пересеченный характер местности, выходящей за пределы «обитаемой» зоны парка.

К интересному результату привело обследование территории между траншеей (фундаментным рвом) и парковой дорогой, ведущей от Караулки к Ферме. Здесь, под слоем дерна в шурфах X–XV, на глубине 0,10–0,30 м от УДП раскрыто мощение подъездной строительной дороги, проходившей параллельно фундаментному рву в 5 м от его южного края (рис. 5; 14). Расстояние между заброшенной дорогой и парковой аллеей составляет около 18 м. Прорезка дороги шириной покрытия 3,30–3,80 м выявила ее стратиграфию: плиты известняка подстилала подушка из смеси песка, глины и мелкого валунного камня толщиной около 0,30 м. При помощи зондажей и шурфов (объединенные в раскоп шурфы X–XIV площадью 20,80 кв. м и шурф XV площадью 5,20 кв. м) удалось проследить общее направление строительной дороги по линии юго-запад – северо-восток, или, как уже было отмечено, вдоль зафиксированного фундаментного рва (рис. 5).

В заключение подведем итоги сезона 2012 г. с попыткой реконструкции событий последней зимы павловского времени. Считаем необходимым отметить, что сделанные выводы основаны исключительно на анализе конкретного археологического материала.

Сразу после указа императора Павла I о строительстве монастыря Св. Харлампия (проект архитектора А. Д. Захарова) были начаты работы нулевого цикла: расчистка и выравнивание территории, прокладка строительной дороги для подвоза стройматериалов и инструментов, доставка валунного камня и плит известняка для сооружения фундамента. Для выемки грунта при рытье фундаментных рвов приходилось прогревать почву кострами. Их следы прослеживаются в переотложенном слое и стенках шурфов в виде зольно-угольных прослоек через каждые 0,20–0,30 м. Однако обнаруженные рвы под фундамент и завезенные материалы – это все, что, по-видимому, успели сделать за зимний период 1800–1801 гг. После убийства Павла I и вскоре последовавшего решения новой власти о прекращении работ основную часть заготовленных стройматериалов переместили на другие объекты[8], а уже отрытые фундаментные рвы засыпали оставшимися камнями, плитами и подвезенным строительным мусором, в составе которого были битые кирпичи, штукатурка, куски

[8] Н. М. Яцук отметил, что, согласно архивным данным, перемещение строительных материалов (камней, песка, кирпичей, извести и др.) продолжалось с июля 1801 вплоть до 1804 г. (Яцук, 2012. С. 310).

Рис. 14. Гатчина (2012 г.). Участок мощения строительной дороги в шурфах X–XIV, XV. Вид с северо-востока

известкового раствора, каминная облицовка, осколки фарфоровой посуды и оконного стекла, кованые гвозди и прочие предметы, обнаруженные в слое засыпки (рис. 15). Поскольку вынутый при рытье рвов и траншей грунт, во избежание образования отвалов, сразу вывозился или перемещался на низкие участки (крупные валообразные насыпи прослежены вдоль берега р. Колпанской), то для их заполнения был использован строительный мусор с других объектов. Судя по вещественным находкам, этот процесс мог растянуться на длительное время. Однако, несмотря на принятые меры по первичному благоустройству территории, слой засыпки постепенно проседал, что делало границы прежнего котлована заметными. Образовавшееся углубление постепенно заполнил почвенный слой. Характерной особенностью местности на этом участке парка стало большое количество плиток из пудостского известняка, которые перемещать на другие объекты, очевидно, уже не стали. Что касается строительной дороги, то, утратив свое первоначальное значение, она постепенно покрылась дерновым слоем.

Предположение В. А. Коренцвита о том, что фундамент стен монастыря был все же сооружен, но позднее выбран (Коренцвит, 2011. С. 222), считаем необоснованным. На наш взгляд, было бы бессмысленным тратить силы и средства на демонтаж уже ненужного фундамента, если его можно было просто засыпать, выровняв весь участок местности. Также представляется лишенным смысла разрушение фундамента, когда основная часть камней так и осталась лежать на месте или была разбросана по всей территории.

Анализ архивных материалов по Харлампиеву монастырю (Яцук, 2012) выявил еще одно немаловажное обстоятельство, имеющее прямое отношение к интересующему нас вопросу: в ходе финансовой ревизии, начатой 16 марта 1801 г. по распоряжению восшедшего на престол императора Александра I (1777–1825) и проводившейся под руководством «Главноуправляющего Кабинетом Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера» графа И. А. Тизенгаузена (1745–1815), были выявлены значительные расхождения между отпущенными из казны и реально освоенными средствами, что стало одной из причин прекращения работ по возведению монастыря Св. Харлампия (Яцук, 2012. С. 304–311). Можно

Рис. 15. Гатчина (2012 г.). Шурфы I–IV. Находки XVIII–XIX вв. из слоя засыпки фундаментного рва: 1 – монета; 2 – обломки фарфоровой посуды; 3 – осколки бутылочного стекла; 4 – обломки каминной облицовки; 5 – керамические заглушки; 6 – кованые гвозди; 7 – осколки оконных стекол

также предположить, что внимание Александра I в большей мере занимало начатое строительство Казанского собора, а замысел Павла I почтить память своего отца строительством монастыря быстро утратил политическую и духовную актуальность. Впрочем, данные рассуждения выходят за рамки сугубо археологических задач.

Необходимость засыпки неровностей и воронок от снарядов в послевоенный период также вполне понятна. Как известно, Гатчина (Красногвардейск)[9] упорно оборонялась от немецких войск в августе–сентябре 1941 г., и следы войны в этом районе встречались в изобилии. Нивелировочные подсыпки отмечены повсеместно под дерновым слоем, а осколки бомб и снарядов, куски колючей проволоки и другие свидетельства минувшей войны определенно указывают на датировку этого слоя. В данном случае не имеет значения, кто осуществлял выравнивание местности – парковые рабочие или местные огородники. Близлежащую территорию между р. Колпанской и дорогой у Фермы и по сей день используют в качестве свалки. Присутствие ее в этом месте отмечено и на картах 1960-х гг., что опять же указывает на традиционную заброшенность этого участка парка.

Подводя итоги, отметим, что наши исследования не выявили конструкций фундамента стен монастыря Св. Харлампия, который должен был быть построен в 1800–1801 гг. Исходя из полученных в ходе раскопок данных, можно предположить, что, несмотря на начатые работы, возвести его так и не успели. При этом нельзя исключать, что на каких-то участках фундамент все же мог быть заложен. Однако, не имея возможности раскрыть весь участок планировавшегося строительства, к тому же ныне сильно заросший лесом, мы предпочитаем исходить из имеющихся в нашем распоряжении фактов. Подтвердить или опровергнуть наши предварительные выводы могут только дальнейшие исследования, причем в гораздо большем объеме.

[9] Гатчина, получив статус города в 1796 г., сохраняла свое название до 1923 г., когда была переименована большевиками в Троцк. С 1929 по 1944 г. город именовался Красногвардейском. В годы немецкой оккупации была предпринята непризнанная в СССР попытка его переименования в город Линдеманштадт. Возвращение первоначального названия – Гатчина – состоялось в 1944 г.

Источники и литература

Гримм Г. Г., 1940. Архитектор Андреян Захаров. Жизнь и творчество. М.

Каргапольцев С. Ю., 2011. Архитектурно-археологические изыскания на территории Казанской улицы в Санкт-Петербурге // Вестник гражданских инженеров. Научно-технический журнал. СПб. № 4 (29).

Каргапольцев С. Ю., 2012. Археологические исследования на месте непостроенного монастыря Св. Харлампия в Гатчине (сезон 2012) // Вестник гражданских инженеров. Научно-технический журнал. СПб. № 6 (35).

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н., 2013. Архитектурно-археологические исследования у Казанского собора и в Воронихинском сквере (сезон 2011 года) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 3.

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Семенов В. А., 2012. Археологические исследования на месте начального этапа строительных работ монастыря Св. Харлампия в Гатчине // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2012 г.). СПб.

Коренцвит В. А., 2011. Павел I – автор проекта Харлампиева монастыря в Гатчине? // Архитектурное наследство. М. Вып. 54.

Коренцвит В. А., 2012. Загадка Харлампиева монастыря // Санкт-Петербургские ведомости. № 25 (1207).

Лансере Н., 1995. Архитектура и сады Гатчины // Гатчина при Павле Петровиче – цесаревиче и императоре. СПб.

Материалы о городах придворного ведомства. Город Гатчина. СПб., 1882.

Петрова О. В., 2006. Архитектурная графика XVIII века из собрания Гатчинского дворца: научный каталог. СПб.

Столетие города Гатчины. Гатчина, 1896.

Яцук Н. М., 2012. Харлампиев монастырь – нереализованный замысел Павла I // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2012 г.). СПб.

Археологические исследования на углу Баскова пер. и ул. Короленко

А. А. Лазарев

В октябре 2013 г. Отделом охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук было проведено разведывательное археологическое обследование на участке планируемого строительства в Санкт-Петербурге (рис. 1) по адресу: Басков пер., участок 3 (западнее д. 34, лит. А, по ул. Маяковского) и участок 4 (западнее д. 36–38, лит. А, по ул. Маяковского). Работа выполнялась в соответствии с договором №74/07/13 от 9 июля 2013 г., заключенного между Федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт истории материальной культуры РАН и ЗАО «ГлавПетербургСтрой». Археологические исследования проводились на основании Открытого листа № 1445, выданного на имя Н. В. Хвощинской.

На исследованной территории в настоящее время находится пустырь с остатками полов снесенных построек и заасфальтированными дорогами. В доступных для проведения археологических научно-изыскательских работ местах было заложено пять шурфов, размерами 2 х 2 м каждый, общей площадью 20 кв. м. Все шурфы ориентированы по сторонам света (рис. 2).

Территория, на которой проводились археологические работы, располагается в Центральном районе Санкт-Петербурга и занимает юго-западную часть квартала, образованного Басковым пер., ул. Короленко, Артиллерийской ул. и ул. Маяковского. Сам участок находится на пересечении Баскова пер. и ул. Короленко.

Согласно исторической справке, в 1730–1740-е гг. на месте участка был незастроенный пустырь (рис. 3), с южной стороны которого, с юго-востока на северо-запад, проложен водопровод, подававший воду из Лиговского бассейна в Летний сад для фонтанов. Заболоченные места видны южнее нашего участка и восточнее Лиговского канала, между ним и Песками (район, расположенный на Лигово-Рождественской гряде).

Еще в 1723 г. из Москвы в Санкт-Петербург был переведен Лейб-гвардии Преображенский полк. В постановлении Сената от 1724 г. было указано устраивать слободы, в которых «сделать каждому сержанту по избе, прочим унтер-офицерам одну на двоих, а рядовым – одну на троих; также в середине полка сделать штабу двор на восемь изб и при том дворе госпиталь». Под его размещение выделили обширную территорию между Литейным пр. и Лиговским каналом.

Преображенский полк был основан в 1683 г. царем Петром Алексеевичем. Принимал участие практически во всех походах Петра I, как на суше, так на море. В 1726 г. императрица Екатерина I приказала застроить местность деревянными казармами «для лучшего», как сказано в указе, «плезира в першпективе Литейной и для всякого случая в нужде в солдатах». Район же к востоку от Литейного пр., ограниченный с севера и юга будущими ул. Кирочной и Итальянской (Жуковского) и до Знаменской (Восстания) и Парадной на востоке, стали именовать «Преображенскими слободами». Как было показано на основе картографического материала, освоение территории шло не так быстро. Застроены были участки, прилегающие к Литейному пр. и к будущей Кирочной ул.

В ноябре 1741 г. силами гвардейцев полка, в частности Гренадерской роты, Елизавета Петровна, дочь Петра I, взошла на престол, сместив правительницу Анну Леопольдовну. Там, где ныне стоит Спасо-Преображенский собор, располагался полковой двор или съезжая изба Гренадерской роты полка, куда в ночь с 24 на 25 ноября

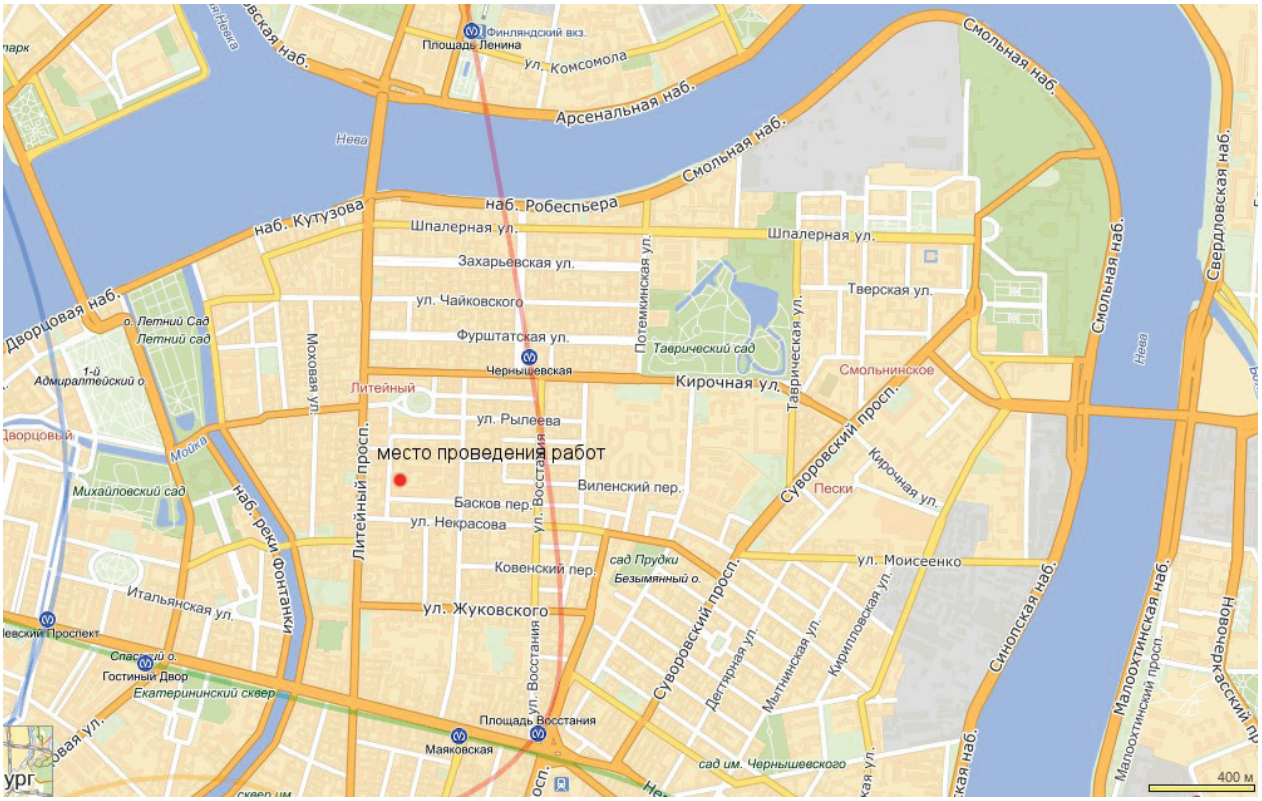

Рис. 1. Карта Санкт-Петербурга с указанием места проведения работ

прибыла Елизавета Петровна и призвала на поддержку гвардейцев, с которыми она прибыла во дворец и арестовала Анну Леопольдовну и ее окружение. В честь этого события уже в декабре 1741 г. Елизавета повелела построить собор на месте съезжей избы, а в 1743 г. сама заложила первый камень в основание собора. В августе 1754 г. в присутствии императрицы собор был освящен. В 1825 г. собор сильно пострадал от пожара – остались лишь стены. В 1825–1829 гг. он был восстановлен и в таком виде сохранился до наших дней. В середине 30-х гг. XIX в. из захваченных в Измаиле, Варне, Селистрии турецких пушек в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. была сооружена ограда собора.

В 30–40-е гг. XVIII в. Преображенская слобода застраивалась в южном и восточном направлениях от Спасо-Преображенского собора. По распланированным участкам, в той или иной степени соответствуя разметкам, постепенно весь район между Литейным пр. и Лиговским каналом с запада и востока, между трассой будущих Кирочной и Итальянской ул. с севера и юга, оказался занятым «светлицами» Преображенского полка (рис. 4). Интересующий нас участок оказался в границах этой застройки. Слобода была фактически деревней внутри города. Она состояла из одной полковой и нескольких ротных улиц. Для каждой роты строилось по 20 деревянных изб (их называли «связями») на каменных фундаментах. Посреди связи находились большие сени, а по сторонам – солдатские комнаты («светлицы»). Возле каждой связи были свой двор и небольшой садовый участок. Каждая рота имела свой двор и свой плац. В Преображенском полку насчитывалось 192 связи. За пределами жилой зоны находились цейхгауз (помещение для хранения боеприпасов), конюшни, полковой двор и дома штаб-офицеров (кстати, они гарантированно приобретались в казну в случае отставки или перевода владельца в другой полк). За пределами слободы – огороды. Один из огородов сохранился до начала XX в. (д. 5–13 по Таврической ул.).

На протяжении второй половины XVIII в. положение практически не менялось и каких-либо существенных перепланировок местности не производилось. Перемены наступили в царствование императора Павла I. Он ввел положение, по которому гвардейские соединения, как и другие армейские подразделения, переходили на

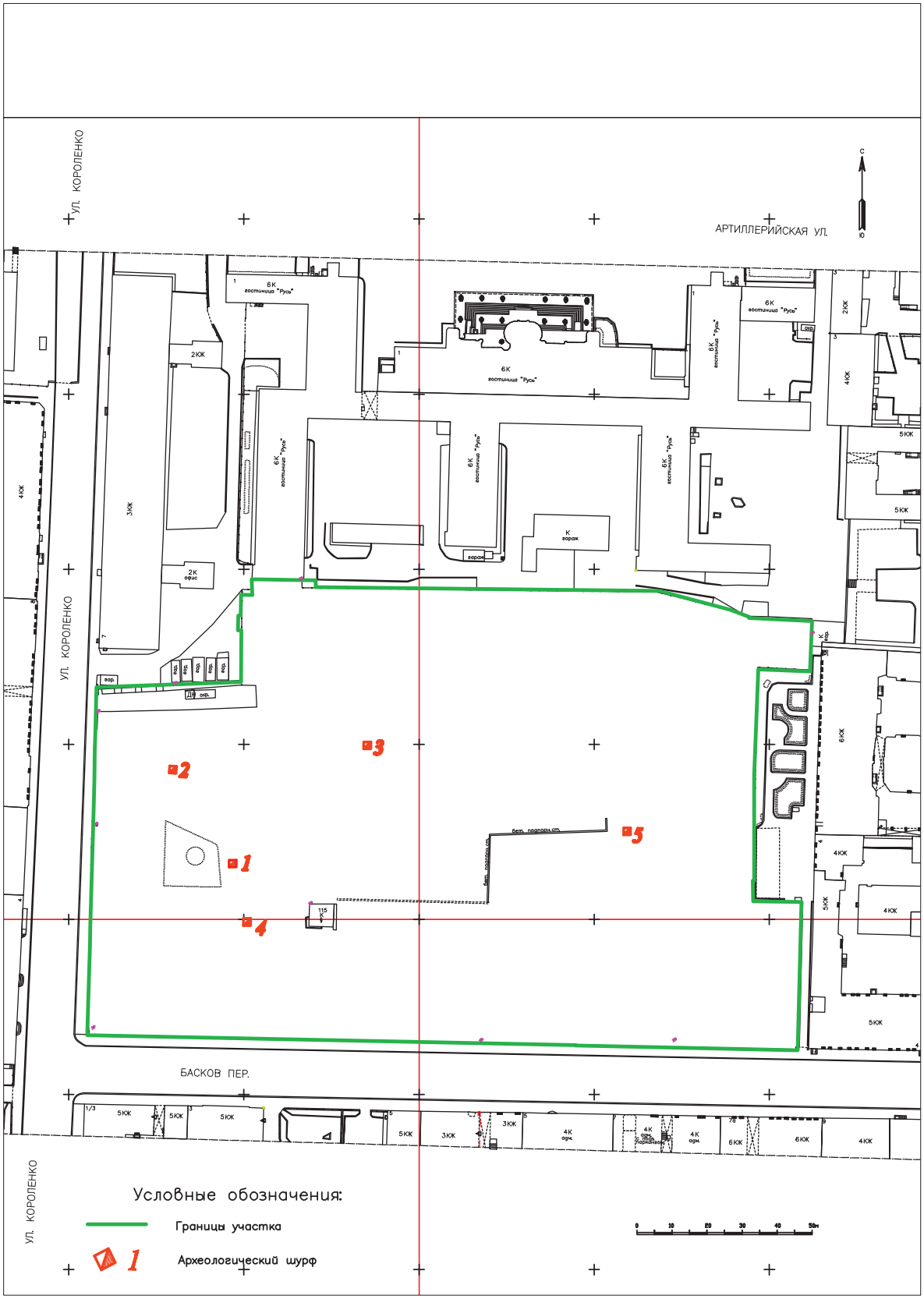

Рис. 2. Басков пер. (2013 г.). Положение шурфов на участке исследования

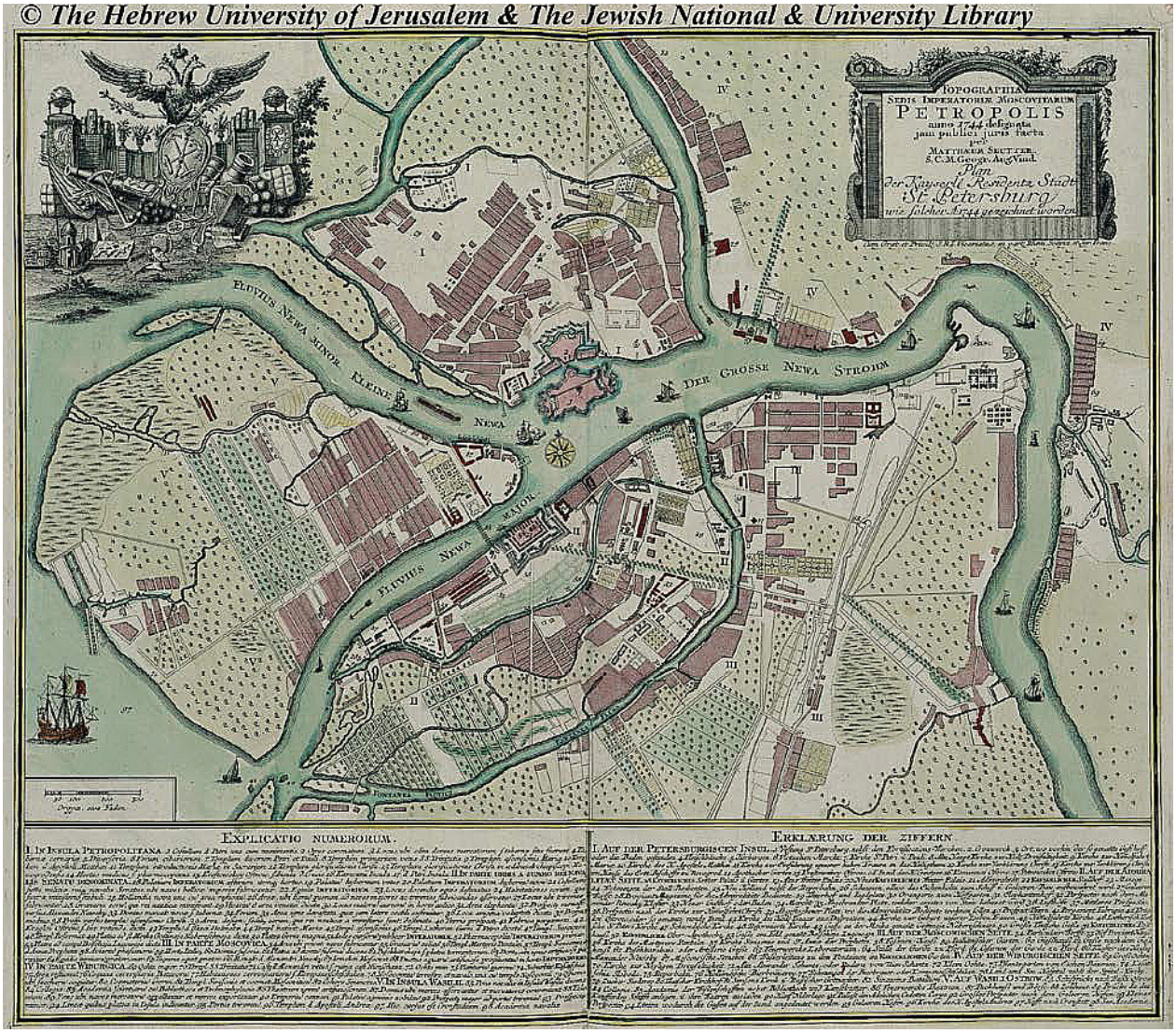

Рис. 3. План Санкт-Петербурга 1744 г. Опубликован в Нюрнберге под авторством М. Зойтера. Дополненная копия русского плана Г. И. Унферцахта 1737 г.

казарменное положение. Это коснулось непосредственно и нашего участка, поскольку большая часть личного состава Лейб-гвардии Преображенского полка оставляла «светлицы» и переводилась во вновь построенные казармы на участок южнее Таврического сада, ограниченный Кирочной, Парадной, Госпитальной ул. и Госпитальным пер. На старом месте остался созданный по указу императора Павла I от 9 ноября 1796 г. Лейб-гвардии 1-й Артиллерийский батальон, переименованный впоследствии Александром I в бригаду. Более века район будет связан с этой воинской частью. Вкратце его история такова.

Из Бомбардирской роты Преображенского полка, команды пушкарей Семеновского и Измайловского полков и артиллерии гатчинских войск формируется Артиллерийский батальон. С февраля 1811 г. подразделение переформировывают в Лейб-гвардии артиллерийскую бригаду. В 1816 г. бригаду делят на две: 1-ю и 2-ю гвардейские артиллерийские бригады, из которых 1-я бригада по-прежнему базируется на старом месте, на пересечении Басковой ул. и Баскова пер. В ее состав в то время входили батарейная Великого Князя Михаила Павловича, батарейная № 2, легкая № 1 и учебная роты; в каждой роте по 12 орудий.

Бригада вела боевые действия в русско-турецкую войну 1828–1829 гг.: принимала участие в осаде и занятии крепости Варна. Бригада участвовала в подавлении Польского восстания 1830–

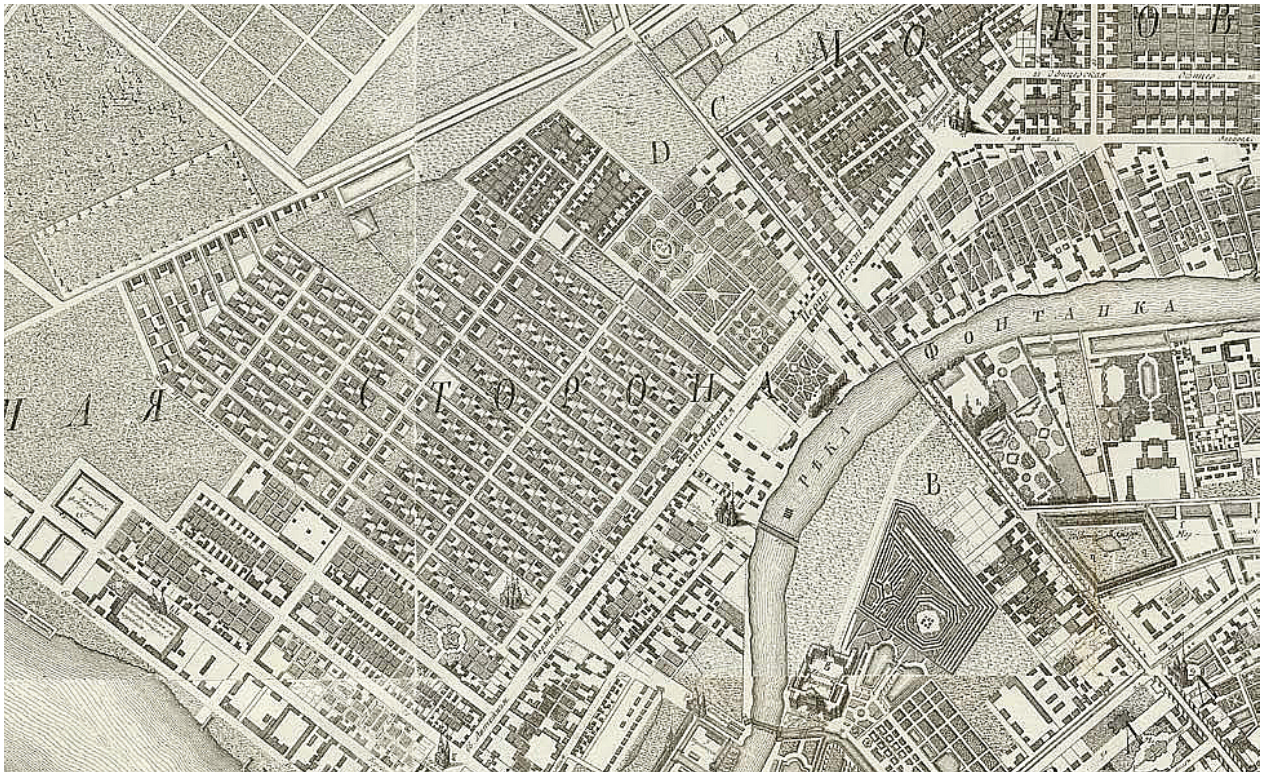

Рис. 4. План Санкт-Петербурга И. Ф. Трускотта. 1753 г. Фрагмент

Рис. 5. План Санкт-Петербурга А. В. Савенкова. 1804 г. Фрагмент

1831 гг. вплоть до боев при взятии Варшавы. Отдельные батареи участвовали в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С августа 1914 г. до самого конца войны в 1918 г. Артиллерийская бригада принимала самое активное участие в боях. Летом 1917 г. бригада получила новое наименование – Петровская бомбардирская бригада. Приказом № 68 Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны от 11 мая 1918 г. бригада была расформирована.

В связи со сменой рода войск, занимавших данную территорию, и образованием новой самостоятельной единицы изменялся и вид этой территории. К 1804 г. еще сохранялась общая планировка от «светлиц» Преображенского полка, но была выделена под плац площадь размерами 90 × 90 саженей (1 сажень = 2,134 м) – парадное место или полковой двор. Плац, служивший местом построений, строевых смотров и учений бригады, находился в северо-западной части участка (рис. 5), ограниченного с запада и юга улицей и переулком, впоследствии названными Басковыми, с востока улицей, называвшейся до 1800 г. Шестилавочной, позже Средним пр. или першпективой (до 1817 г.), затем Надеждинской ул., а с 1936 г. ул. Маяковского, с севера тогдашней ул. Пустой (одно время ул. Широкая, с 80-х гг. XIX в. Артиллерийская ул.). На участке, общие размеры которого составили 120 × 110 саженей, к 1806 г. в юго-западном углу, вдоль ул. Баскова, существовали три небольших строения на каменном фундаменте, размерами 15 × 15 саженей, образующие свой изолированный небольшой двор с забором по Басковой ул. Казармы Артиллерийского батальона располагались в доме по Литейному пр., на месте нынешнего д. 26.

К 1812–1814 гг. территория участка была частично застроена (рис. 6). Размеры плаца несколько уменьшились до 70 × 85 саженей по линии север–юг. Вдоль плаца, с восточной его стороны, от северо-восточного угла строится манеж длиной в 25 саженей Южнее, в одной линии с ним, – небольшой цейхгауз. Территория между плацем и Басковым пер. застраивается деревянными конюшнями – четырьмя длинными параллельными строениями, ориентированными по линии юг–север, длиной 35 саженей каждое. Еще одна конюшня, длиной 40 саженей, располагалась перпендикулярно предыдущим, вдоль Баскова пер., от угла с ул. Баскова. Вдоль северных торцов первых четырех конюшен было построено каменное здание длиной 50 саженей, ориентированное по линии запад–восток, вероятно, служившее боксами или гаражами для орудий. Два небольших квадратных здания еще с рубежа веков находились вдоль Басковой ул. в 20 саженей от угла с переулком. Большой прямоугольный участок между манежем и Средней ул. оставался свободным от застройки.

На плане генерал-майора Шуберта 1828 г. (рис. 7) видно, что значительных изменений на участке Артиллерийской бригады не происходило. Парадное место названо Артиллерийской площадью, а около конюшен указан пруд (или бассейн) овальной формы. Пустовавший участок между манежем, цейхгаузом и конюшнями с одной стороны и Средней ул. с другой был застроен обывательскими строениями под № 435–437, 439–441, задние дворы которых образовывали восточную границу территории бригады.

Большие изменения произошли в 1849–1850 гг., когда под руководством архитектора Департамента военных поселений А. П. Мельникова проводилась значительная реконструкция зданий Преображенского полка и 1-й Артиллерийской бригады (рис. 8). Вместо длинных конюшен были построены три каменно-кирпичных здания прямоугольной формы, размерами 20 × 10 саженей, вдоль Баскова пер., по одному от его западного угла, с промежутком в 15 саженей. Плац увеличился до 110 × 100 саженей. На месте длинных деревянных казарм построено несколько небольших строений размерами 7–8 × 3 саженей. Между южной частью территории с конюшнями и плацем появилось строение во всю длину участка – от обывательских домов по Средней ул. до Басковой ул. Манеж и цейхгауз сохранили свою конфигурацию. Таким образом, на месте одной территории образовалось два участка: плац с манежем и цейхгаузом с одной стороны, конюшни с гаражами и хозяйственными постройками – с другой. Такое разделение участка сохранилось вплоть до советского времени. Частичной внутренней перестройке также подверглась казарма бригады на Литейном пр. (ЦГИА. Ф. 513. Д. 3921).

В 80-е гг. XIX в. на территории Артиллерийской бригады были проложены два переулка: Батарейный между Артиллерийской ул. и Басковым пер., отделяя обывательский участок на Надеждинской ул., и Бригадный, расположенный перпендикулярно Батарейному в направлении Басковой ул. и отделивший парадный плац от участка с конюшнями и другими хозяйственными постройками. Длинное здание, делившее территорию бригады и выходившее на Бригадный пер., показано на фотографиях 1913 г. (рис. 9; 10), на одной из которых всадники запечатлены на фоне этого здания. На фотографиях также видно, что вместо манежа и цейхгауза в восточной части

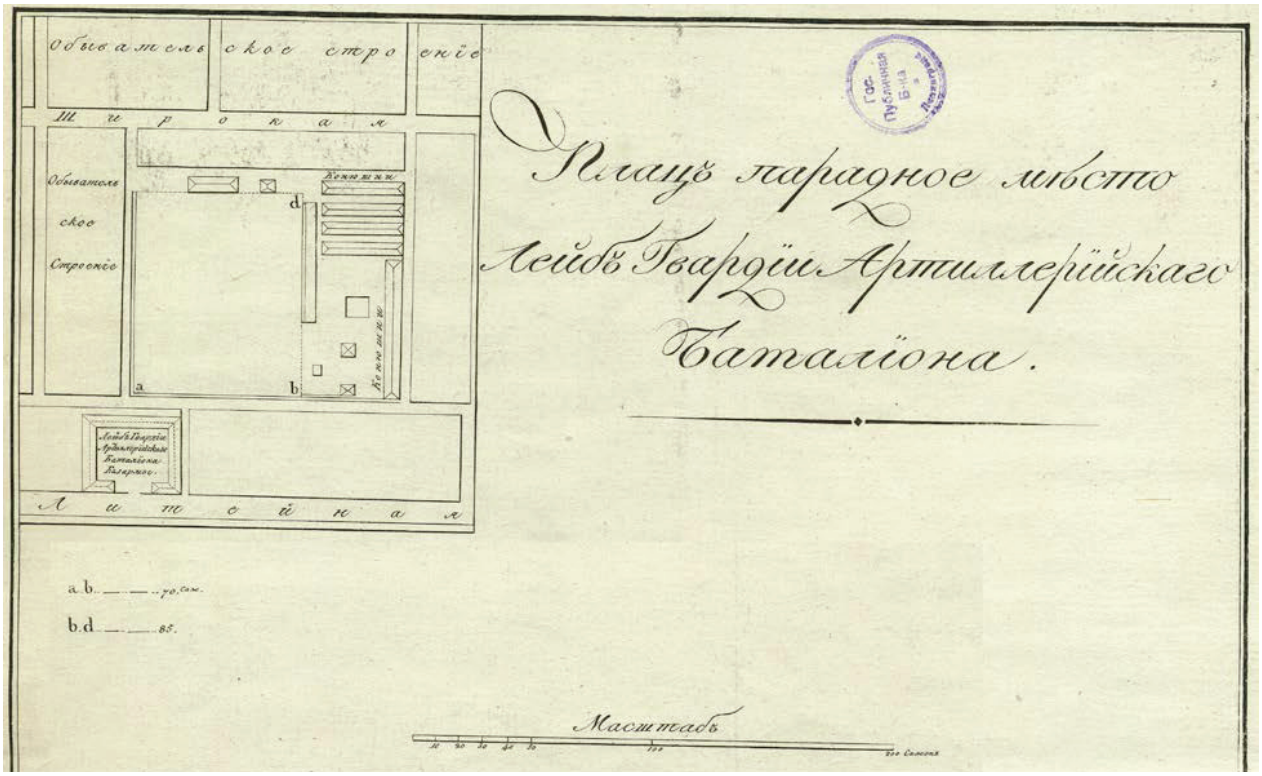

Рис. 6. План плаца Артиллерийского батальона. 1812–1814 гг.

плаца стоят ряд невысоких, скорее всего деревянных, строений, возможно конюшен. В свою очередь здания конюшен по Баскову пер. не изменили своего местоположения; к ним лишь были сделаны пристройки в глубине территории, выходившие на Батарейный пер. и соединившие восточную конюшню с поперечным длинным зданием, находящимся уже на Бригадном пер. Таким образом, южный участок стал замкнутым, опоясанным со всех сторон строениями; остались лишь широкие проезды. Дополнительные помещения для конюшен и орудий были построены на территории плаца и со стороны Артиллерийской и Басковой ул., что также сделало территорию парадного плаца замкнутой.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что исследованная территория с конца первой половины XVIII в. была застроена армейскими «светлицами» – солдатскими избами, вначале – деревянными, впоследствии деревянными с погребами на каменной основе. Отсюда на этом участке можно ожидать сохранившиеся строительные остатки (каменные фундаменты с кирпичной кладкой) и культурные слои с бытовыми предметами и фрагментами армейской амуниции и вооружения XVIII в. В его юго-западном углу могут быть обнаружены остатки водопровода, соединявшего Лиговский бассейн с фонтанами Летнего сада.

Археологические исследования

Шурф 1 (рис. 11; 12) заложен в западной части исследуемого участка. Поверхность шурфа представляла собой асфальтовое покрытие, уложенное в несколько слоев на отметках 5,88–5,91 м БС. Основой для укладки асфальта служил слой подсыпки из крупного щебня и желтой супеси с включениями строительного мусора. Ниже была обнаружена брусчатка, уложенная на песчаное основание, вероятно, во второй четверти XX в. В западной части шурфа на уровне брусчатки прослежена столбовая яма с остатками деревянного столба. Еще ниже залегала тонкая прослойка мешаной черной супеси с остатками золы и угля, в которой найдено большое количество фурнитуры от армейской формы конца XIX – начала XX в. (пуговицы, накладки, штампованная Андреевская звезда), выполненной из цветного металла (предположительно, из меди). Под этой прослойкой лежал слой основания вымостки, в котором замечены углубления от разобранного мощения, перекрывавшего слой серо-коричневого цвета с кусками битых кирпичей. Ниже обнаружен слой

Рис. 7. План Санкт-Петербурга Ф. Ф. Шуберта. 1828 г. Фрагмент

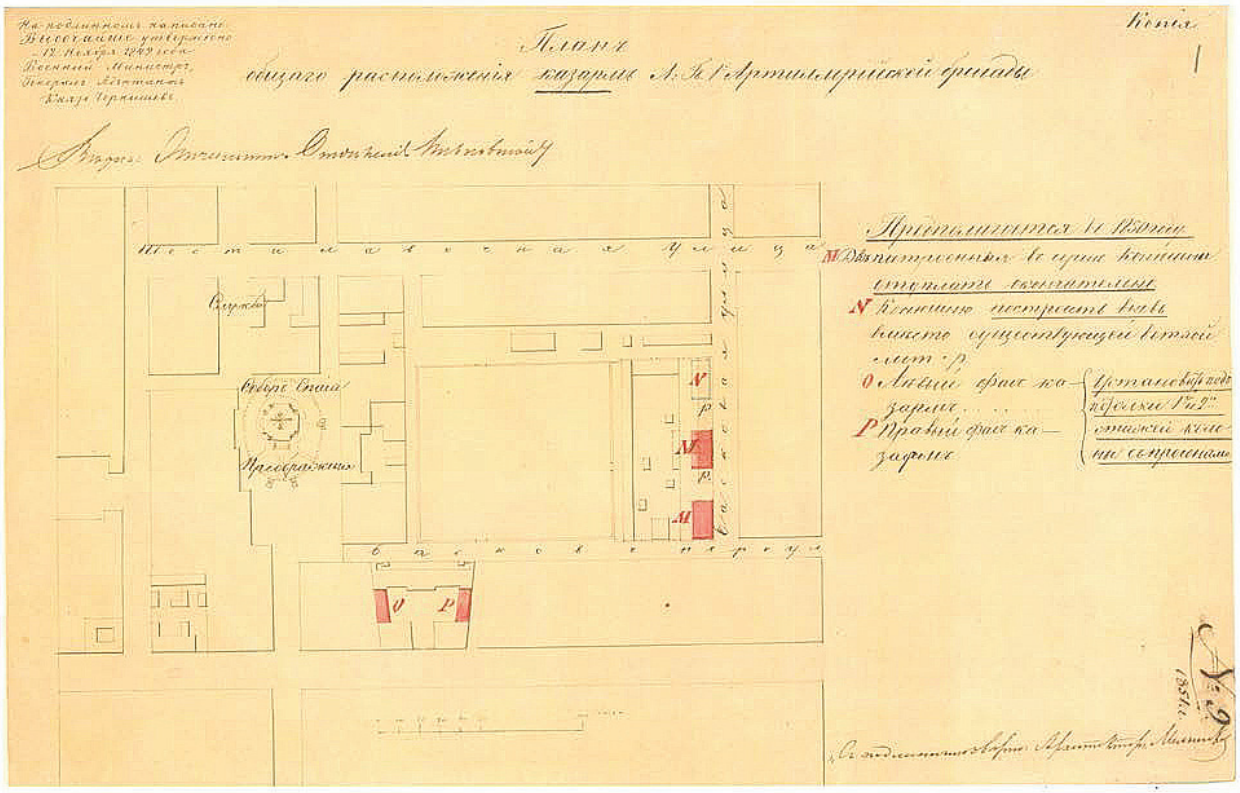

Рис. 8. План А. П. Мельникова по реконструкции зданий Артиллерийской бригады. 1849–1851 гг.

Рис. 9. Офицеры 1-й Артиллерийской бригады на плацу. Фотография 1913 г.

Рис. 10. Плац Артиллерийской бригады. Вид с запада. Фотография 1913 г.

Рис. 11. Басков пер. (2013 г.). Шурф 1. Вид с востока

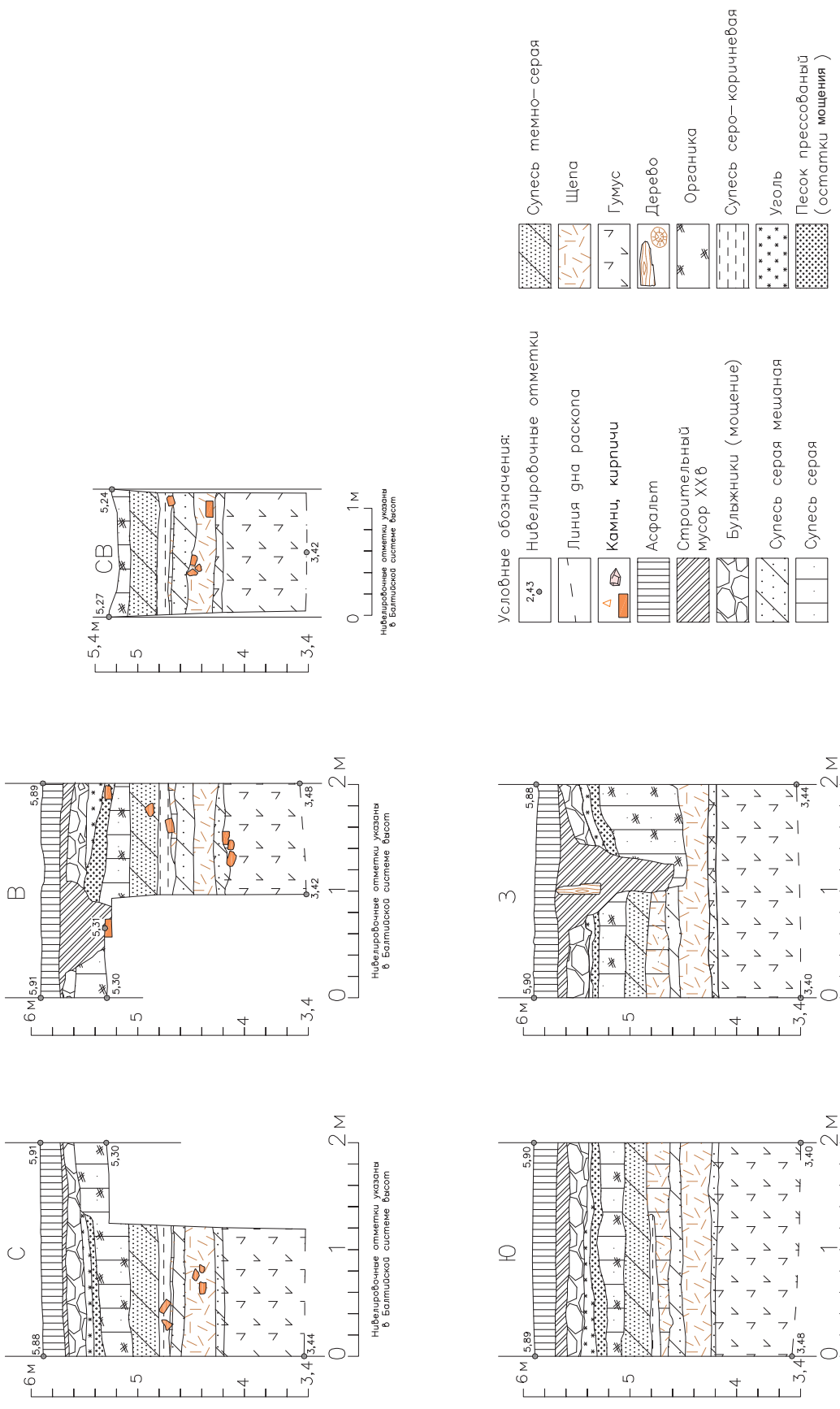

Рис. 12. Басков пер. (2013 г.). Стратиграфия стенок шурфа 1

щепы, в котором найдено большое количество остатков кожевенного производства – обрезки кожи (прошитые и не прошитые) и изделия из кожи – обувь, ремни, плетеные шнуры, остатки рукавицы и другие изделия. Также обнаружены деревянные рукояти инструментов, подковные и обувные гвозди, металлическая пряжка и много обломков керамики. Внутри слоя щепы прослежена прослойка мешаной серой супеси. Ниже залегал слой коричневой супеси, в котором найден медный наградной знак в виде ленты с надписью «За Ташкисенъ 19 декабря 1877 года». Таким знаком награждались рядовые солдаты полков, принимавших участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Работы были остановлены на отметках 3,40–3,48 м БС из-за высокого уровня грунтовых вод.

Шурф 2 (рис. 13; 14) заложен в западной части исследуемого участка. Поверхность шурфа представляла собой асфальтовое покрытие, уложенное на щебеночно-песчаное основание в несколько слоев на отметках 5,79–5,89 м БС. Под асфальтом залегал слой мешаной серо-желтой супеси с остатками строительного мусора, в котором найдены фрагменты битых кирпичей, фрагментированные печные изразцы, большое количество обломков керамики и более полутора десятков лошадиных подков. Ниже залегал слой гумусированной коричневой супеси, также насыщенный археологическими находками, продолжавшийся до уровня грунтовых вод, на отметках 3,53–3,68 м БС. В северо-восточном углу шурфа обнаружены остатки деревянного сооружения.

Шурф 3 (рис. 15) заложен в центральной части исследуемого участка. Поверхность шурфа на отметках 5,76–5,80 м БС представляла собой асфальтовое покрытие на щебеночно-песчаной основе. Ниже залегал слой строительного мусора XX в., перекрывавший цементный пол, устроенный на сером мешаном слое с остатками строительного мусора, под которым лежал слой щепы с остатками двух деревянных свай (?). В этом слое найдены обрезки кожи, кожаные ремни и обувь, а также многочисленные обломки керамики и другие археологические находки. Работы в шурфе были остановлены на уровне грунтовых вод, на отметках 3,58–3,73 м БС.

Рис. 13. Басков пер. (2013 г.). Шурф 2. Вид с севера

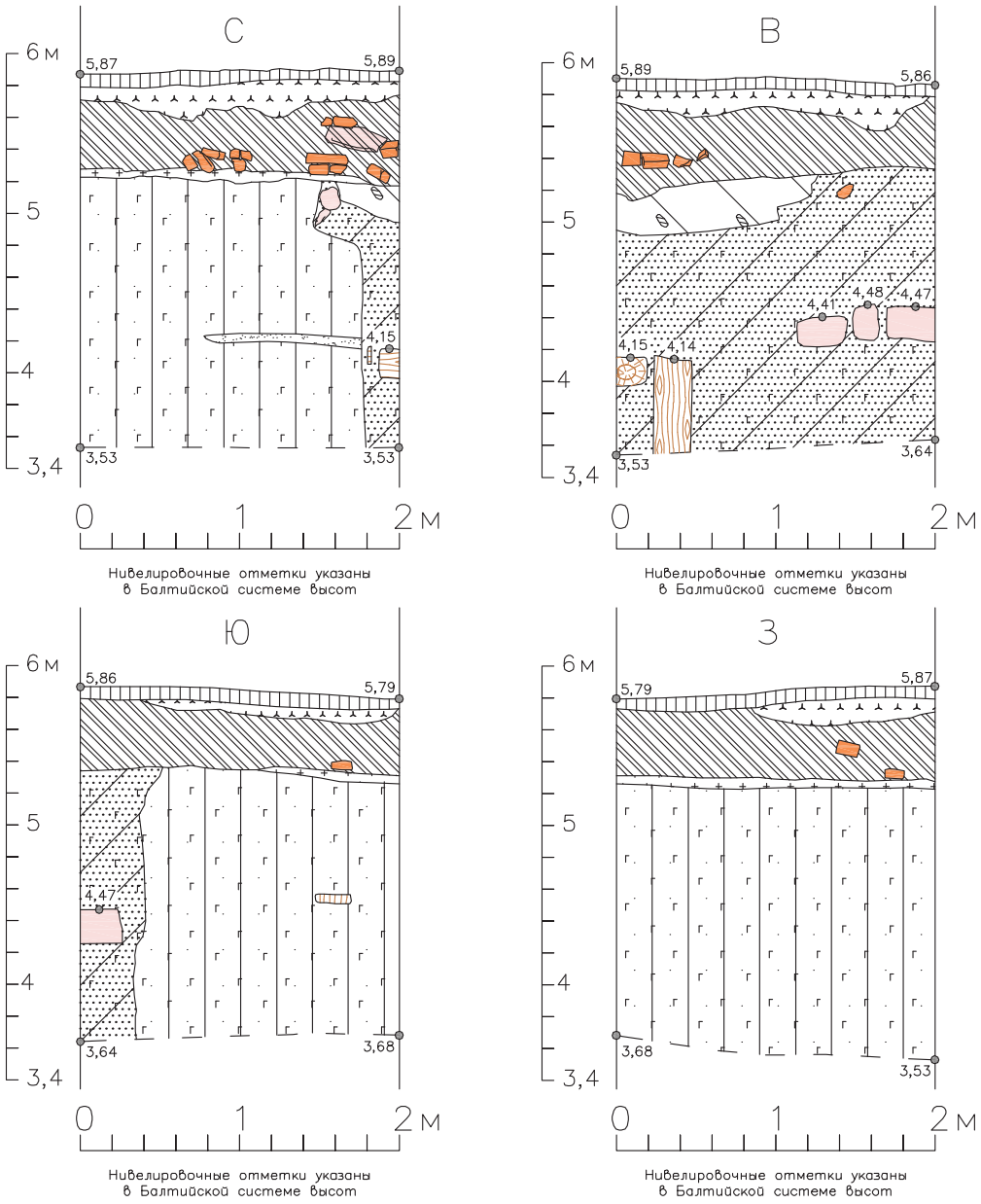

Рис. 14. Басков пер. (2013 г.). Стратиграфия стенок шурфа 2

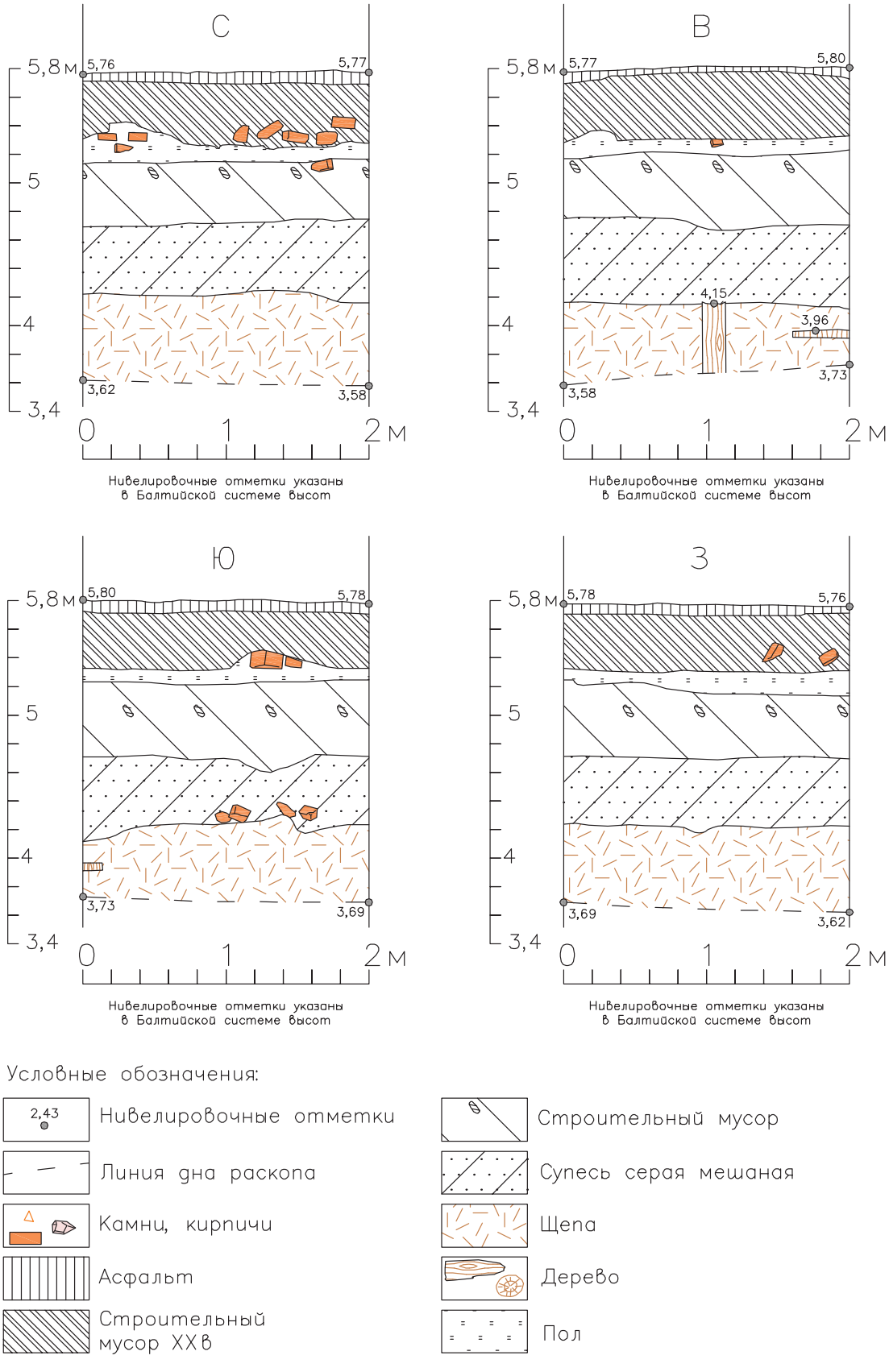

Рис. 15. Басков пер. (2013 г.). Стратиграфия стенок шурфа 3

Шурф 4 (рис. 16; 17) заложен в западной части участка. Поверхность шурфа на отметках 5,51–5,60 м БС представляла собой асфальтовое покрытие, устроенное на слое брусчатки, ниже которого прослежен мешаный слой серо-желтой супеси с фрагментами битых кирпичей. Ближе к восточному борту по линии север–юг через шурф проложена металлическая труба. Ниже залегала черно-коричневая дерновая прослойка, перекрывавшая слой щепы, под которым лежал коричневый слой с включениями переотложенного материка. Его подстилал слой погребенной почвы, заполнившей комплекс № 1, в котором обнаружены части шести бревен разного диаметра, лежавших параллельно друг другу, являвшихся остатками какого-то деревянного сооружения, устроенного на уровне материкового слоя на отметках 3,65–3,71 м БС. В юго-восточном углу шурфа прослежен комплекс № 2, исследования которого были остановлены на уровне грунтовых вод, на отметках 3,37–3,48 м БС.

Шурф 5 (рис. 18) расположен в восточной части участка. Поверхность шурфа на отметках 3,67–3,88 м БС представляла собой асфальтовое покрытие, уложенное на слой строительного мусора, ниже которого залегал слой светло-коричневой мешаной супеси с фрагментами битых кирпичей. Его подстилал темно-коричневый гумусированный слой, перекрывавший слой плотной светло-коричневой супеси со следами разложения органики и с небольшими включениями переотложенного материка, в котором прослежена канава, проложенная вдоль восточного борта шурфа. Материковый слой открыт на отметках 3,82–3,88 м БС.

Рис. 16. Басков пер. (2013 г.). Шурф 4. Вид с юга

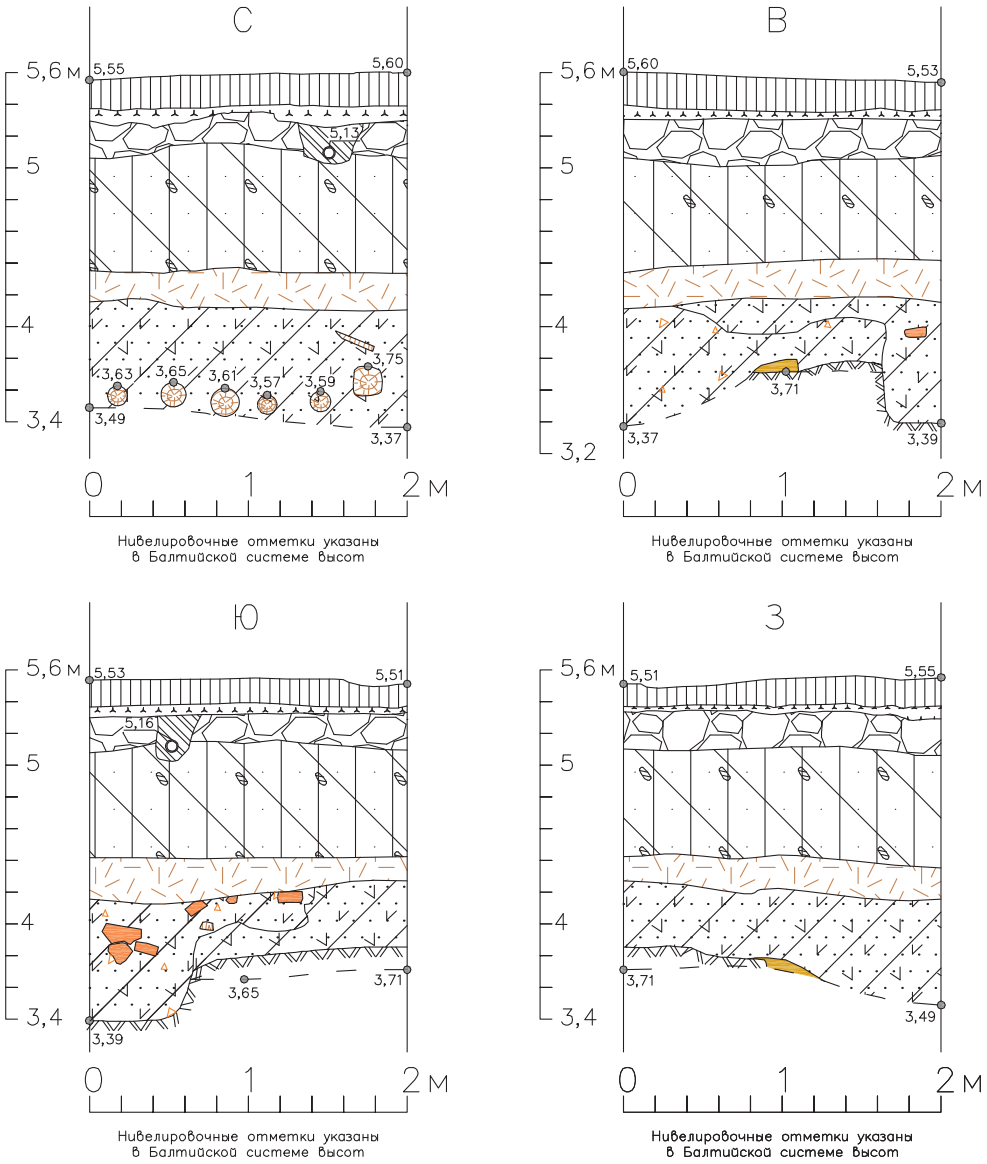

Рис. 17. Басков пер. (2013 г.). Стратиграфия стенок шурфа 4

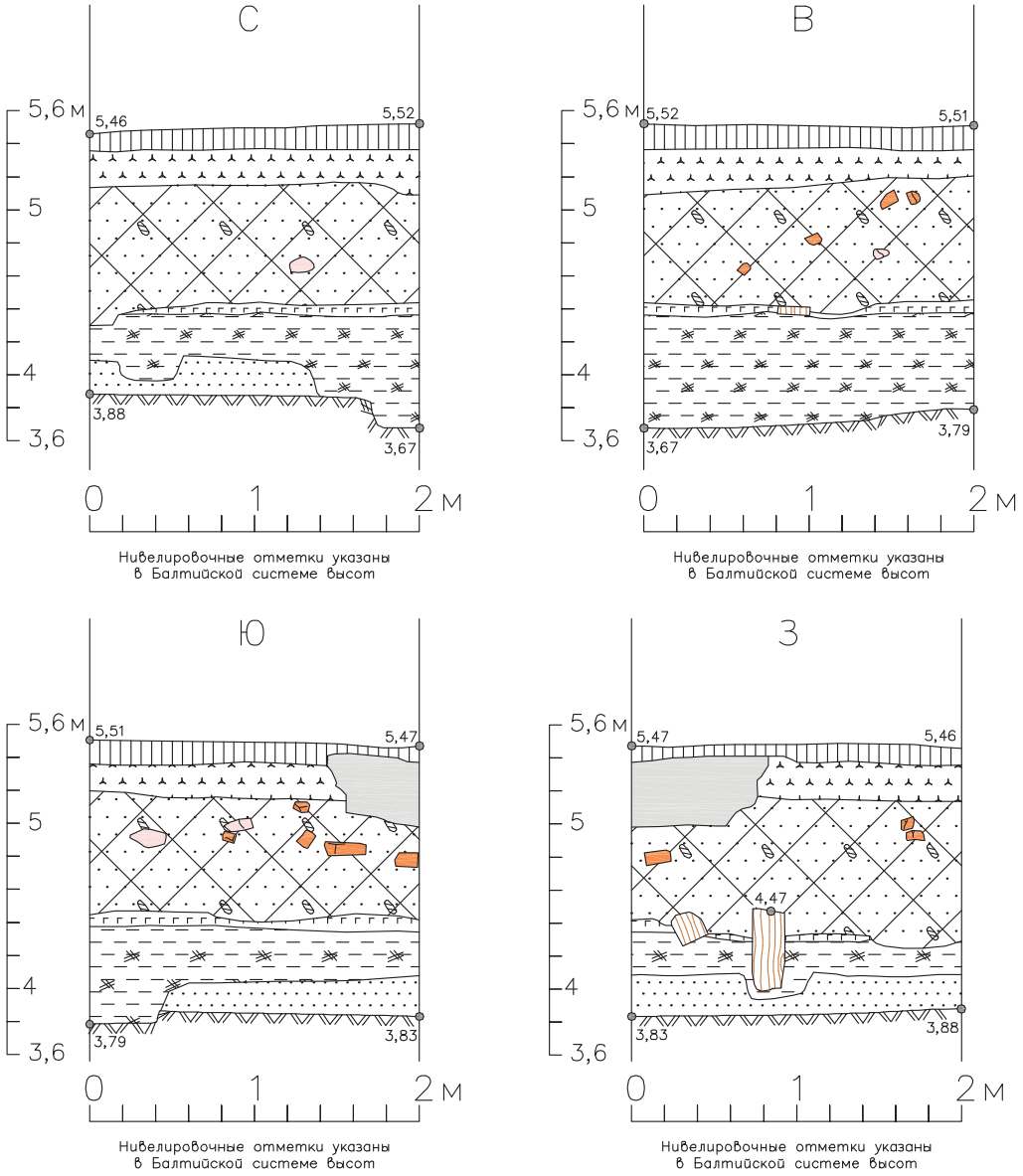

Рис. 18. Басков пер. (2013 г.). Стратиграфия стенок шурфа 5

Проведенные археологические изыскания на углу Баскова пер. и ул. Короленко выявили культурные слои середины XVIII – начала XX в., связанные со строительством и перестройкой слободы Преображенского полка, а также с созданием и перестройкой хозяйственного двора Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. В шурфах 2–5 обнаружены остатки деревянных конструкций – сваи и часть бревенчатого настила. Несмотря на отсутствие в шурфе 1 конструкций, найденный в нем вещественный археологический материал указывает на существование здесь кожевенной мастерской, что не противоречит результатам анализа картографических источников. В целом комплекс вещественных находок относится к середине XVIII – началу XX в.

Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 102, лит. А, в 2013 г.

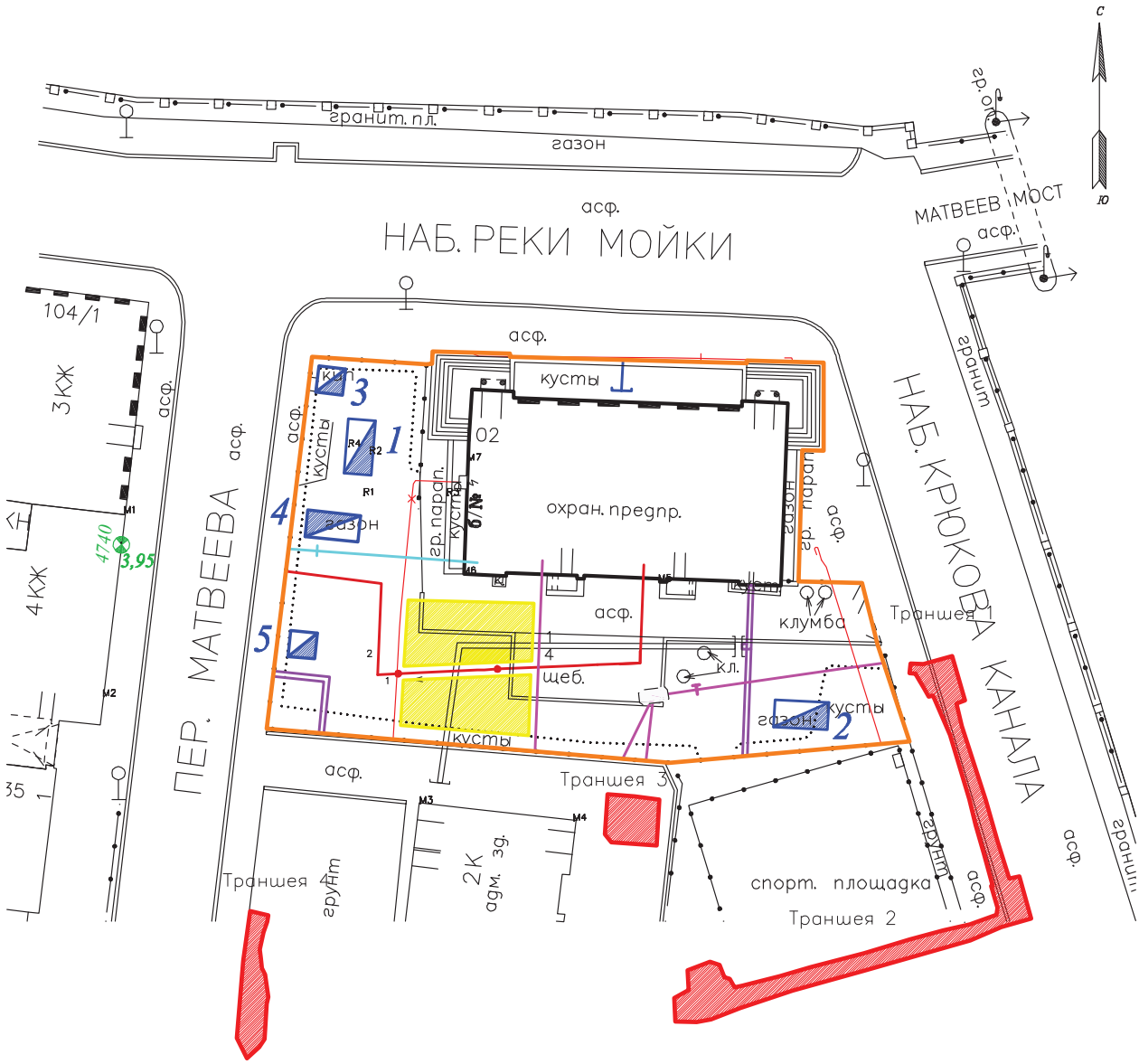
К. А. Михайлов, С. Л. Соловьев

В октябре 2013 г. отрядом Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук было проведено разведывательное археологическое обследование на участке планируемого строительства в муниципальном округе Коломна Адмиралтейского района Санкт-Петербурга по адресу: наб. р. Мойки, д. 102, лит. А (рис. 1; 2). На территории планируемого строительства на площади около 1000 кв. м проводилась замена старых коммуникаций на новые.

Работа выполнялась в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (Федеральный за-кон №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации от 25 июня 2002 г.), закона Санкт-Петербурга о границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в закон Санкт-Петербурга «О генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» от 19 января 2009 г. № 820-7, Договором № 45/05/13 от 20 мая 2013 г. и Дополнительным соглашением от 1 марта 2012 г. к Договору № 45/05/13, заключенному между Институтом истории материальной культуры РАН и ООО «Особняк».

Задача проведения археологических исследований на участке планируемого строительства заключалась в надзоре за земляными работами и выявлении, фиксации и исследовании остатков археологических (исторических) памятников, культурных слоев, конструкций и сооружений, массовых и индивидуальных находок (артефактов).

Участок, ставший объектом исследования, расположен на землях, которые входили в состав шведских поместий и угодий XVII в., однако данных о непосредственной застройке этого места в допетербургский период нет. Начиная с 1710-х гг., в этом районе располагались дачи известнейших государственных деятелей, сподвижников Петра I. Район примыкал к динамично развивающемуся вокруг Адмиралтейства участку города (Адмиралтейскому острову). Совмещение планов первой четверти XVIII в. с современной топоосновой показывает, что на месте участка обследования могли располагаться дачи или, как следует из плана Оттенса 1725 г., церковь. В 1715–1717 гг. началось обустройство набережной Мойки, по ее берегам забивались сваи и сооружались деревянные набережные. В ходе этих работ производилось изменение очертания береговой линии. После крупных пожаров 1737–1738 гг. в результате деятельности Комиссии о Санкт-Петербургском строении в рассматриваемом районе было запланировано строительство нового жилого массива для служащих Адмиралтейства. Однако эти изменения практически не коснулись домов на набережной Мойки. В этот период владельцем дома на месте исследуемого участка была Анна Гавриловна Ягужинская (?–1751), вдова сподвижника Петра I графа Павла Ивановича Ягужинского (1683–1736). Известно, что в 1779 г. дачей владел И. П. Елагин. В 1780-х гг. складываются современные очертания рассматриваемого квартала. Это связано с прорытием Никольского канала, соединяющего Мойку и Фонтанку (современный Крюков канал) и строительством тюремного замка, получившего позднее название «Литовский», построенного в 1783–1787 гг. по проекту И. Е. Старова. В 1822–1823 гг. здание было перестроено по проекту И. И. Шарлеманя (рис. 3). В 1823 г. Литовский замок был переименован в Санкт-Петербургскую градскую тюрьму и назначался тюрьмой общего

Условные обозначения:

Границы участков работ 2013 г.

Границы участка работ 2012 г.

1 Археологический шурф 2012 г.

4740 3,95 Геодезический репер

Раскоп 2012 г.

Границы археологического надзора 2013 г.

Общая площадь земляных работ 2013 г. – 107,63 м кв.

0 25м

Рис. 1. Наб. р. Мойки (2013 г.). Схема расположения объектов археологического наблюдения

Рис. 2. Наб. р. Мойки (2013 г.). Участок исследования. Вид с северо-востока

Рис. 3. Литовский замок. 1900-е гг. Фотография Н. Г. Матвеева. Фотоархив ИИМК РАН

устройства (рис. 4). Здесь предполагалось содержать следственных и подсудных, несовершеннолетних, мужчин, женщин и следующих с ними детей, а также могли содержаться осужденные, пересыльные и ссыльные, подвергшиеся административному аресту и неисправные должники. В 1841–1849 гг. замок был отремонтирован и перестроен по проекту Ф. И. Габерцетеля. В пределах изучаемого участка располагалась северная часть замка: две угловые башни, флигель, выходивший на Мойку, и северные части флигелей, выходивших на Крюков канал и Тюремный пер. (пер. Матвеева) (рис. 4; 5). В феврале 1917 г. Литовский замок был сожжен, а в 1929 г. принято решение о его сносе. На месте замка выстроены современные дома, среди которых дом, расположенный по адресу наб. р. Мойки, 102, лит. А, построен в 1961 г. по типовому проекту детского сада. Таким образом, на территории изучаемого участка могут быть обнаружены культурные напластования и остатки строений разных этапов застройки Петербурга, начиная с 1710-х гг.

В четырех траншеях, прорытых на территории планируемого строительства, прослежена стратиграфия городских культурных напластований XVIII–XX вв. Период, связанный со строительством тюремного замка по проекту И. Е. Старова в 1783–1787 гг. и дальнейшими его перестройками в XIX в., отмечен в траншеях 1 и 2, где найдены остатки каменной и бутовой кладки восточного корпуса Литовского замка и подстилающие их слои XVIII в. К остаткам разрушения Литовского замка следует относить слой кирпичного боя, которым в траншее 2 перекрыты остатки стен (рис. 6; 7). Обнаруженные остатки архитектурных сооружений требуют дальнейшего изучения.

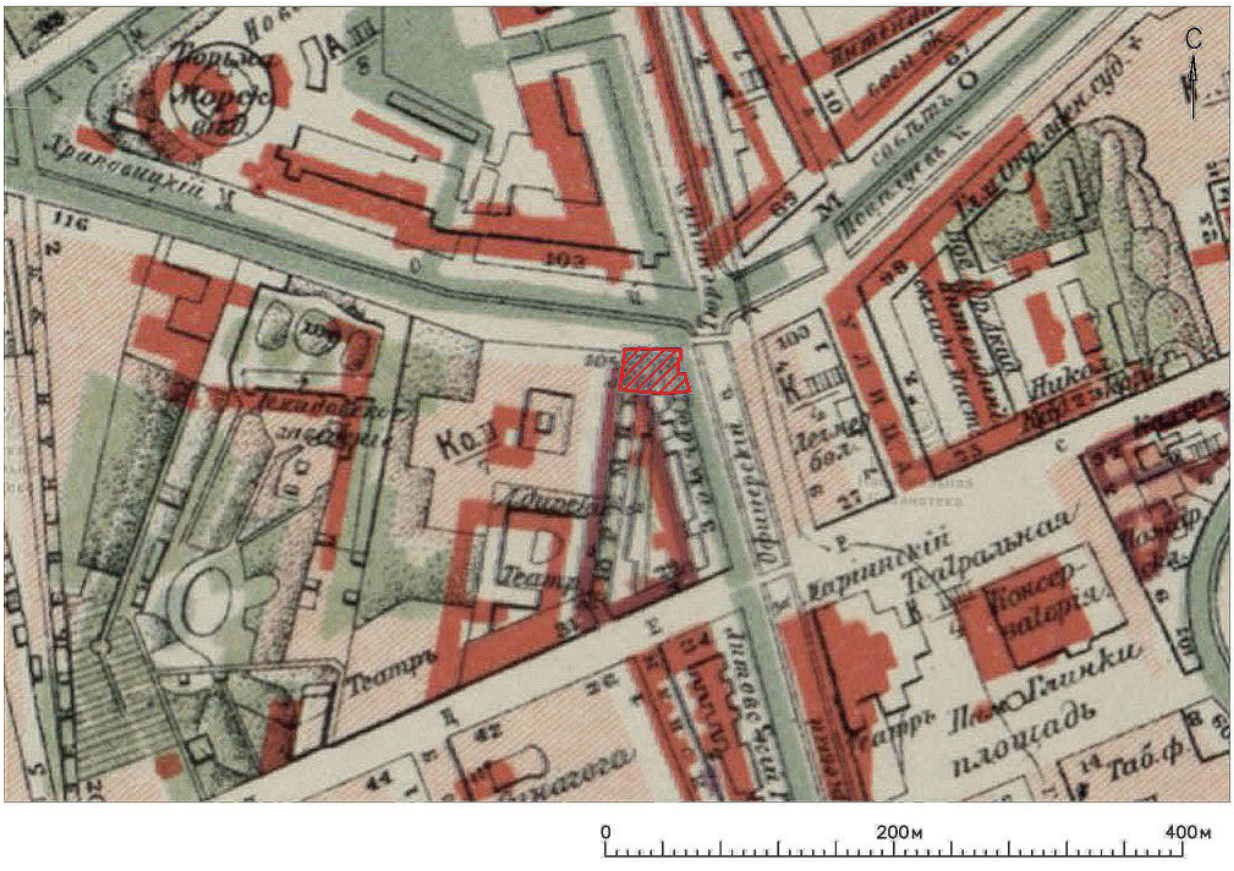

Рис. 4. План Санкт-Петербурга. 1904 г. Фрагмент.
Исследуемый участок указан красной штриховкой

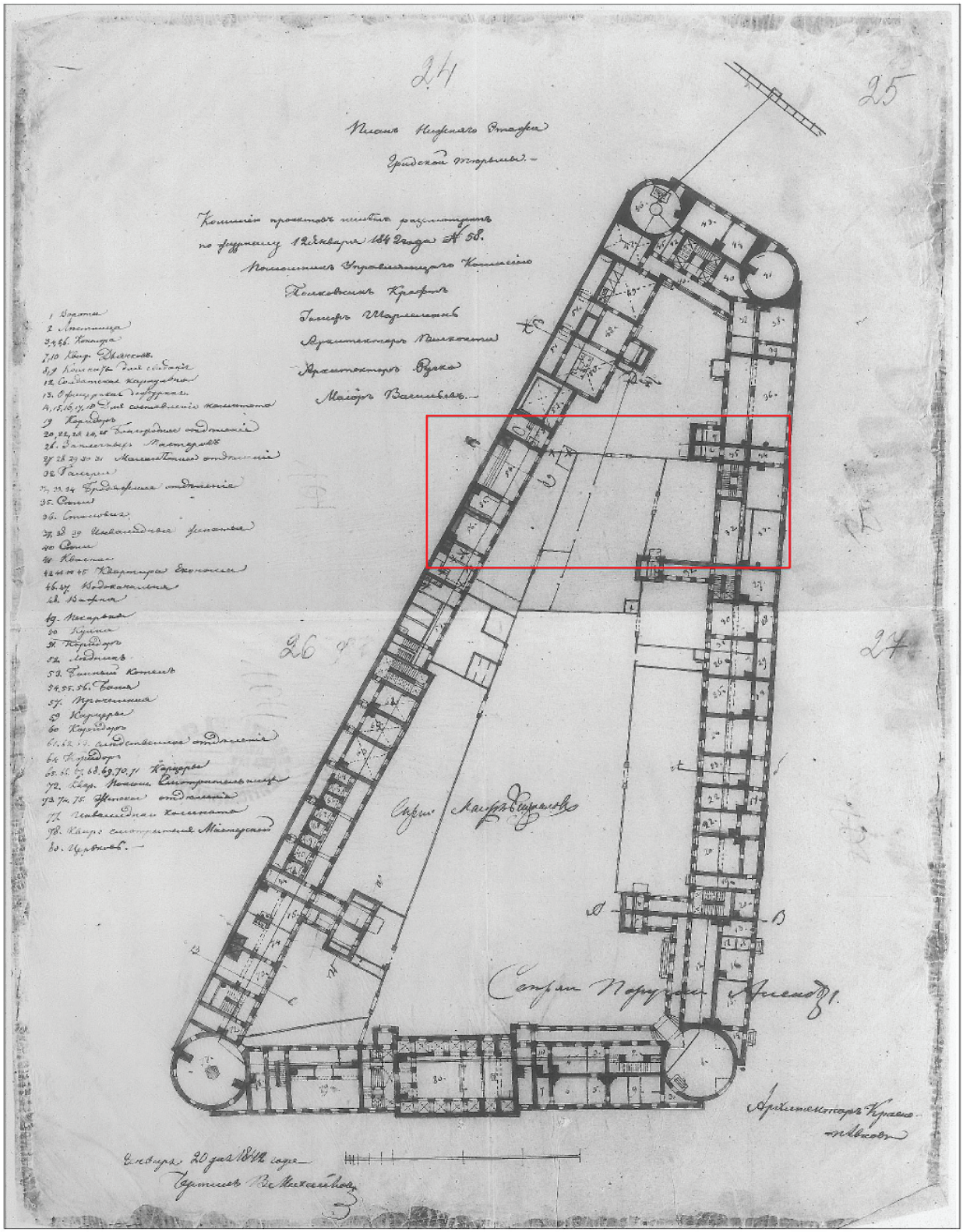

Рис. 5. План нижнего этажа Санкт-Петербургской градской тюрьмы. 1842 г.

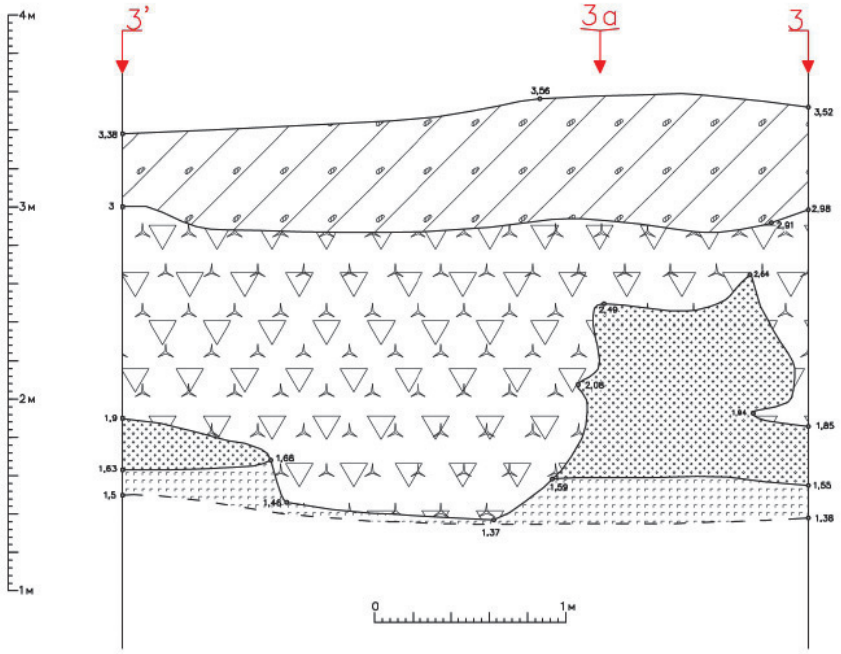

Рис. 6. Наб. р. Мойки (2013 г.). Стратиграфия южного борта траншеи 2

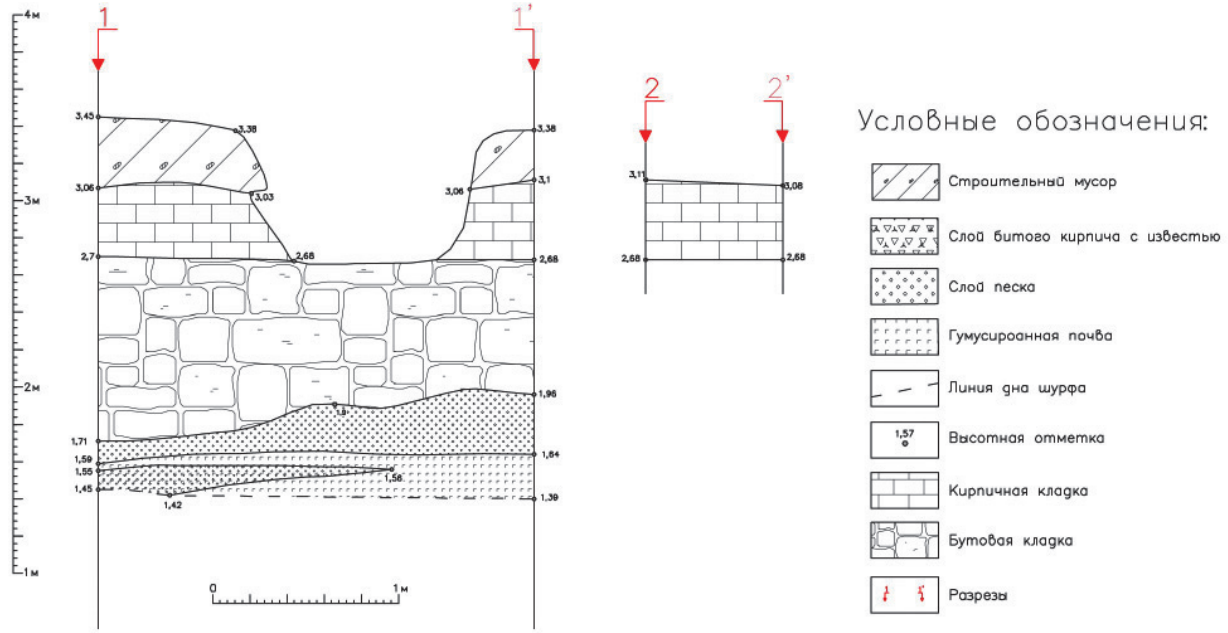

Рис. 7. Наб. р. Мойки (2013 г.). Стратиграфия западного борта траншеи 2

Архитектурно-археологические исследования Скорбящей церкви в Санкт-Петербурге

Н. В. Новоселов, К. А. Михайлов

Церковь Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости (Скорбящая церковь) находилась в Санкт-Петербурге на Шлиссельбургском пр. (ныне пр. Обуховской Обороны) неподалеку от Финляндского железнодорожного моста. Вероятно, уже с конца XVIII в. на этом месте существовала деревянная часовня Тихвинской Иконы Божией Матери, созданная в слободе Стеклянного завода (Шульц, 1994. С. 177).

Согласно церковному преданию, 23 июля 1888 г. в часовне случилось чудо, прославившее хранящуюся здесь икону Божией Матери Всех Скорбящих Радости. От удара молнии из кружки для пожертвований, стоявшей рядом с этой иконой, выпали мелкие деньги, «грошики». Они прочно прилипли к иконе, которая одновременно чудесным образом обновилась (Антонов, Кобак, 1994. С. 154). Икона с тех пор стала именоваться Петербургской иконой Божией Матери «с грошиками», а случившееся чудо явилось толчком к строительству на этом месте нового каменного храма.

К 1891 г. была сформирована комиссия для организации предстоящего строительства, на нужды которого поступали многочисленные пожертвования. В конкурсе проектов нового храма, организованном комиссией в 1891 г., победил проект архитекторов А. И. фон Гогена и А. В. Иванова (Русский паломник. С. 271). К 1893 г. проект был переработан авторами и высочайше утвержден в новой редакции 11 августа 1893 г. (ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 142. Д. 318. Л. 10–11). Еще до утверждения проекта, в июле 1893 г., были начаты работы по укреплению береговой линии на участке строительства, а уже 3 августа 1893 г. заложен первый камень фундамента нового храма. До конца этого же года был завершен нулевой цикл строительных работ: полностью выведено подвальное помещение – подцерковье – и начата кладка стен. Торжественная закладка церкви состоялась 12 июня 1894 г. К осени этого года ее стены были выложены уже до купола, а летом 1895 г. кладка церкви и черновые работы были окончены. В 1896 г. на купола установлены «стеклянные» кресты, а в 1897 г. приступили к росписи храма. Роспись стен была поручена художнику декоративной живописи С. И. Садикову, а иконопись – Обществу вспоможения художников (Прибавления к Церковным Ведомостям. С. 185).

Имеющиеся исторические документы дают исчерпывающую информацию об объемно-пространственной структуре и декоративном оформлении Скорбящей церкви (рис. 1). Сооружение представляло собой одноапсидный храм, относящийся по своему архитектурному решению к храмам типа «четверик на четверике». Церковь имела динамичную композицию, которую образовывали увенчанный пятью главами повышенный основной объем и примыкающие к нему с четырех сторон пониженные галереи. В интерьере галереи открывались в центральную часть широкими арками, перекинутыми между четырьмя массивными пилонами, которые являлись единственными опорами бесстолпного основного объема. В плане церковь была несколько вытянута по продольной оси. Продольная ориентация сооружения усиливалась объемами притвора и колокольни, примыкающими с запада к основному пространству храма. Алтарь был ориентирован не строго на восток, а имел значительное отклонение к югу. Общие размеры церкви 39,30 × 23,20 м. (рис. 2). В храм вели четыре крыльца: три из них располагались перед западным фасадом (перед колокольней и северной и южной галереями) и одно – перед восточным фасадом, к югу от апсиды. По своему декоративному оформлению храм

Рис. 1. Скорбящая церковь. Внешний вид храма. 1898 г. Фотография ателье К. К. Буллы (Живописное обозрение. С. 668)

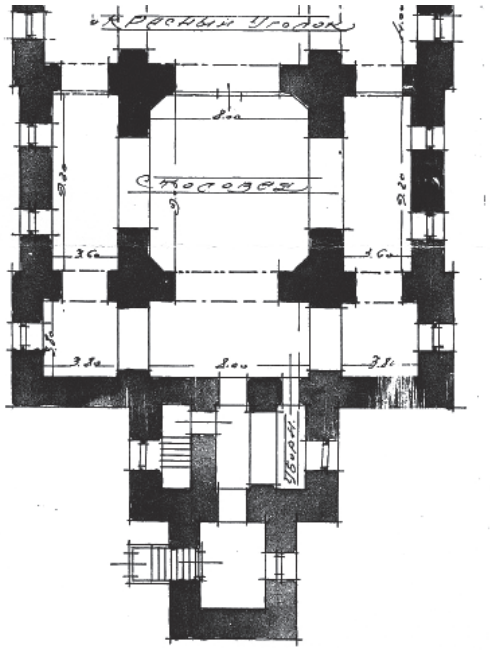

Рис. 2. Скорбящая церковь. Проект приспособления храма. План подвала. Между 1917 и 1933 гг. (Стеценко, 2006. Ил. 20)

являлся репликой московских церквей XVII в. Верхний четверик и основания барабанов венчали ряды кокошников. Колокольня имела шатровое завершение; шатрами с небольшими главками завершались и углы нижнего четверика. В систему декора были введены перспективные порталы, аркатура, гирьки и другие элементы древнерусского каменного зодчества.

В 1907–1909 гг. рядом с храмом была построена новая каменная часовня, заменившая раннюю деревянную постройку, расположенную на этом же месте. Историческую деревянную часовню установили внутри нового здания. Проект часовни был разработан одним из создателей церкви – архитектором А. И. фон Гогеном. Здание часовни сохранилось до нашего времени. Судьба Скорбящей церкви оказалась более трагичной. В 1932 г. она была закрыта, а в 1933 г. разобрана (Черепенина, Шкаровский, 1999. С. 25–26). В настоящее время остатки церкви Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости внесены в список выявленных объектов культурного наследия как памятник археологии.

Архитектурно-археологические исследования Скорбящей церкви проводились экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН в июле–октябре 2013 г. Работы велись по заказу местной Православной религиозной организации Свято-Троицкого Зеленецкого мужского монастыря, которая планирует воссоздать утраченный храм. Разбитый на месте исследуемого сооружения раскоп был ориентирован по продольной оси храма и имел в плане форму прямоугольника со срезанными юго-восточным и северо-восточным углами. Поскольку к моменту начала работ площадка раскопа не была полностью подготовлена, одновременно вести работы на всей площади не удалось. Площадь исследуемого храма вскрывалась участками. Вначале была полностью вскрыта северная часть раскопа, затем центральная и, наконец, южная. После завершения работ на основной площади раскопа для изучения колокольни храма с запада к раскопу была сделана прирезка (размерами 8 × 8 м). Общая площадь раскопа с учетом прирезки составила 892 кв. м.

В процессе раскопок были полностью выбраны слои разрушения храма, а также перекрывающие их подсыпки позднейшего времени. Более ранние культурные отложения (нивелировочные подсыпки периода строительства) были вскрыты в пределах трех шурфов, выполненных для изучения конструктивных особенностей нижних частей храма. Один из шурфов был заложен у апсиды храма, второй – у северо-западного угла основного объема и третий – у западной стены колокольни.

В ходе раскопок был полностью вскрыт подвальный этаж храма (рис. 3). Было установлено, что пространство подвала распространяется на все сооружение, включая притвор и колокольню. Пол подвала представлял собой бетонную стяжку, созданную на уровне 1,10 м по Балтийской системе высот (далее БС). Стены подвального этажа сохранились на высоту более 2 м от уровня пола (до пят сводов перекрытия). Максимальная высота внутреннего пространства подвала (с учетом высоты сводов) составляла около 3 м.

Планировка подвала оказалась более сложной, чем структура верхней части сооружения (собственно храма). В пределах апсиды на этом уровне было выделено два небольших дополнительных компартимента, имевших в плане форму секторов. Полы в этих компартиментах были на 0,30 м выше уровня пола остальной части апсиды. В помещения вели прямоугольные дверные проемы (размерами 1,40 × 0,80 м) без заполнений. Центральное пространство на уровне подвала имело дополнительную пятую опору – центральный столб квадратного сечения, развернутый под углом 45 градусов к основным осям постройки. Притвор был разделен на два изолированных прямоугольных помещения с коридором между ними.

Естественное освещение подвала осуществлялось через оконные проемы, расположенные в цокольной части постройки и выходившие в интерьер наклонными откосами. Сохранились нижние откосы окон этого яруса (рис. 4). Они заканчивались штукатурными подоконниками, расположенными на высоте 1,10 м от уровня пола. Помимо естественного освещения, в храме имелось и искусственное электрическое освещение. На стенах подвала сохранились следы крепления наружной проводки в виде роликовых изоляторов, а в слоях разрушения – электрические настенные светильники (рис. 5).

В ходе раскопок были раскрыты основания трех калориферных (так называемых амосовских) печей и элементы вентиляционно-отопительной системы – каналы дымоходов и воздуховодов, проложенные в толще стен и опорных пилонов. Одна из печей располагалась в центральной части подвала (рис. 6) и занимала пространство между центральным столбом и восточными пилонами. Две другие печи были расположены симметрично друг другу в западных частях северной и южной галерей. Каналы дымоходов были выполнены

Рис. 3. Скорбящая церковь (2013 г.). Восточная часть храма. Вид с запада

Рис. 4. Скорбящая церковь (2013 г.). Нижний откос оконного проема в восточной части храма. Вид с юго-запада

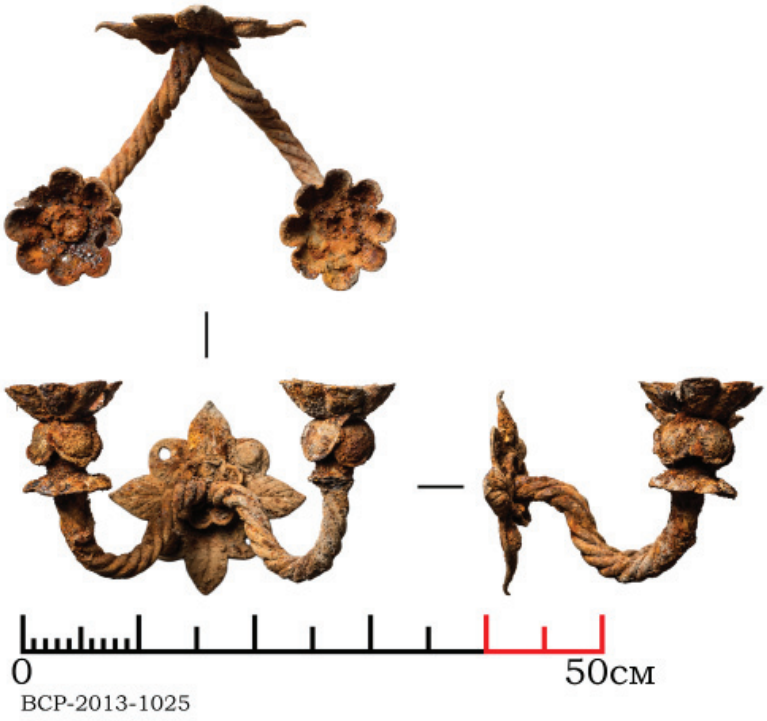

Рис. 5. Скорбящая церковь (2013 г.). Настенный электрический светильник (железо)

Рис. 6. Скорбящая церковь (2013 г.). Основание печи в центральной части подвала храма. Вид с северо-запада

из кирпича; воздуховоды представляли собой керамические трубы, проложенные в кладке.

В пространстве подвала было раскрыто несколько дверных проемов с сохранившимися in situ нижними частями двухстворчатых филенчатых дверей (рис. 7). Пространство подвала было заполнено строительным мусором, образовавшимся в результате разрушения храма в 1933 г. (рис. 8). При его разборке найдено большое количество фрагментов монументальной живописи, блоков кладки и архитектурных деталей. Среди архитектурных фрагментов имеются достаточно крупные: например, части малого барабана, гранитные блоки цоколя, отрезок ствола колонны, фрагменты кокошников, шипцов, угловых элементов. Наличие подобных деталей делает возможным применение при воссоздании памятника метода анастилоза: подлинные архитектурные детали могут быть включены в воссоздаваемую кладку и установлены на своих изначальных местах.

Рис. 7. Скорбящая церковь (2013 г.). Дверной проем с сохранившимся заполнением в восточной части храма. Вид с запада

При разборке слоя разрушения в апсидной части храма на уровне пола подвала обнаружены складированные здесь доски, полотно двухстворчатой двери с зарешеченным окошечком в верхней части, а также оконные рамы с полуциркульным завершением (вероятно, от окон цокольного яруса) (рис. 9). В ходе раскопок в слое разрушения найдено большое количество фрагментов штукатурки и блоков кладки с настенной живописью, дающих представление о живописном убранстве храма. В интерьере храм был оштукатурен цементным раствором. Живопись выполнена клеевыми, реже масляными красками по высохшему слою подготовки. Большинство найденных фрагментов относятся к фонам и орнаментальным композициям. Наиболее встречаемый мотив – композиция из стилизованных ветвей и цветов, выполненных золотом по красному («киноварному») фону. Особый интерес среди живописных находок представляет изображение лика Ангела, сохранившееся на блоке кладки (рис. 10). Большинство живописных фрагментов происходит из основного пространства храма. В заполнении подвальной части притвора и колокольни количество фрагментов минимально. Это дает основание полагать, что данные части храма были лишены живописного убранства. Не было расписано и подвальное пространство храма. В помещениях подвала штукатурка сохранилась практически полностью, однако следы шпатлевки и покраски на ней отсутствовали.

При разборке слоя разрушения найдены напольные плитки двух типов. Первый тип – это керамические метлахские плитки квадратной и прямоугольной формы. Плитки этого типа относятся к трем наборам. Второй тип – это бетонные плитки восьмиугольной и квадратной формы. Наличие разных наборов и типов плиток позволяет сделать вывод о разнообразных видах полов в пределах основного храмового пространства.

За пределами основного объема храма обнаружены остатки трех крылец (перед восточным фасадом, северной частью западного фасада и колокольней). Полностью открыты остатки лишь одного крыльца, располагавшегося перед северной частью западного фасада (рис. 11). Четвертое крыльцо, находившееся перед южной частью западного фасада, напротив южной галереи, не раскапывалось. Сохранившиеся конструкции всходов представляли собой фундаментные ленты щековых стенок крылец. Ширина лент около 1 м. Реконструируемая ширина лестничного марша 2 м. Длина крыльца, расположенного перед северной частью западного фасада, – 4 м.

Рис. 8. Скорбящая церковь (2013 г.). Разрез по продольной оси храма. Заполнение подвала. Вид с юго-востока

Рис. 9. Скорбящая церковь (2013 г.). Доски и деревянные изделия, складированные в восточной части подвала. Вид с севера

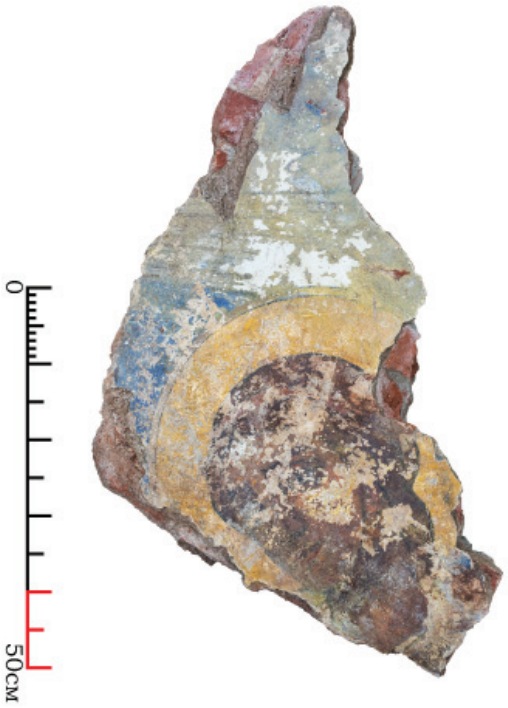

Рис. 10. Скорбящая церковь (2013 г.). Блок кладки с живописным изображением лика Ангела

Рис. 11. Скорбящая церковь (2013 г.). Основание северо-западного крыльца. Вид с северо-востока

Спуск в подвал храма был организован по одномаршевой лестнице, проложенной через проем в северной стене колокольни и выходящей из подвального помещения в приямок, расположенный с внешней стороны здания (рис. 12). Ширина приямка (с учетом толщины подпорных стенок) 2,30 м. Максимальная глубина от уровня дневной поверхности периода существования храма около 1 м. Верхние части подпорных стенок приямка, выполненные из гранитных блоков, а также ступени лестницы в пределах приямка были демонтированы при разборке храма. В слое раствора у восточной подпорной стенки приямка сохранились отпечатки ступеней, по которым можно реконструировать их ширину (около 0,25 м) и высоту (около 0,12 м). Ступени, расположенные в средней части лестницы (три ступени в проеме стены), были выполнены из известняковых плит. Ширина лестницы (длина ступеней) на этом участке была равна ширине проема – 1,20 м. Высота ступеней 0,12 м. Нижняя часть лестницы (четыре ступени высотой 0,12–0,14 м каждая) представляла собой бетонную конструкцию шириной 1,80 м.

В северо-западной части раскопа, за пределами храма, на отметках 3,29–3,21 м БС открыт участок бетонной стяжки, представляющий собой отмостку с внешней стороны здания. В процессе раскопок также выявлены особенности строительной техники и условия строительства храма.

Место, на котором был возведен храм, до начала строительства представляло собой береговой склон; северная часть постройки располагалась практически по линии кромки воды. На начальном этапе строительства площадка, на которой предполагалось возведение храма, была отсечена от Невы стенкой, сделанной из шпунтованного бруса сечением 0,20 × 0,20 м. Пазы и гребни брусьев имели треугольное сечение. Шпунтовая стенка была расположена параллельно северной стене храма на расстоянии 0,60–0,90 м от нее (примерно по линии северного борта раскопа). У северо-западного угла основного объема храма стенка поворачивала к юго-западу под углом около 45 градусов. Кладка фундаментов храма велась открытым способом. Пространство между

Рис. 12. Скорбящая церковь (2013 г.). Пространство подвала под колокольней храма. Лестница. Вид с запада

шпунтом и фундаментами в нижней части (ниже уровня пола подвала) было забутовано глиной, а в верхней части заполнено слоями мешаной супеси и строительного мусора (рис. 13).

Кладка фундаментов храма в нижней части (ниже уровня пола подвала) была выполнена из известняковых плит (прослежена только с внешней стороны здания). Из такого же материала и в такой же манере выполнена кладка внешней части фундаментов на уровне подвала. С внутренней стороны на уровне пространства подвала кладка фундаментов внешних стен выполнена из кирпича в цепной системе перевязки (на лицевой поверхности ряды тычков кирпичей чередуются с рядами ложков). Таким образом, кладка фундаментов внешних стен на уровне подвала состояла как бы из двух частей: внешней каменной и внутренней кирпичной. Граница каменной и кирпичной кладок проходила примерно посередине толщины стены (рис. 14).

Элементы внутренней структуры храма – опорные пилоны, центральный опорный столб, внутренние перегородки – были полностью кирпичными. Кладка всех элементов велась на цементном растворе. Известковый раствор не использовался. Все внешние стены храма, включая стены притвора и колокольни, перевязаны между собой. Фундаменты щековых стен крылец примыкали к стенам основного объема без перевязки, хотя, судя по характеру примыкания к кладкам слоев подсыпки, были созданы одновременно с ними.

В кладке стен и столбов храма использовались кирпичи с клеймами «А. П.» (кирпичи завода А. Правдина), «Д. З.» с цифрой справа от них (кирпичи завода Д. Захарова), «А. И. Ф.» (кирпичи завода А. Фукса). Кирпичи завода А. Правдина составляли более 80 % от общего количества кирпичей. При устройстве печей помимо этих же кирпичей использовались огнеупорные кирпичи с клеймом «RAMSAY» и огнеупорные плиты (размерами 0,46 × 0,36 × 0,065 м.).

В оформлении фасадов Скорбящая церковь подражала ряду древнерусских храмов XVI–XVII вв., характерной чертой которых являлось сочетание в фасадном декоре открытой кирпичной кладки и белокаменных деталей (профилированных карнизов, наличников, аркатуры и т. п.). Подобно этим храмам, петербургская церковь не имела фасадной штукатурки. Швы между кирпичами на фасадных поверхностях были аккуратно подрезаны. Принципиальным отличием петербургской церкви от ее прототипов стало отсутствие в фасадном декоре каменных деталей. Декоративные детали фасадов, которые в древнерусских храмах выполнены из камня, в Скорбящей церкви были заменены бетонными.

Разнообразные колонки, консоли, балясины, гирьки и другие детали отливались в формах и крепились на гвозди и цементный раствор (на приморозку). Из бетона отливались и достаточно большие детали, например малые барабаны. Крупные части одного из барабанов найдены при разборке слоя разрушения. Арматура при отливке бетонных деталей не использовалась. После монтажа бетонные детали окрашивались белой краской. Прямые и криволинейные профили карнизов (в том числе и карнизов кокошников) вытягивались по месту. Лекальный кирпич в оформлении фасадов не использовался. Крупные формы фасадной пластики (полуколонны, карнизы ярусов, перспективные порталы) выкладывались из стандартного кирпича (который иногда подтесывался) с последующей докомпановкой объемов и профилей штукатурной массой.

В ходе раскопок собрана представительная коллекция археологических находок. В основном это фрагменты монументальной живописи, архитектурные детали и предметы интерьера, дающие представление о внешнем облике храма и о его внутреннем убранстве. Полученные данные могут и должны быть использованы при воссоздании церкви. Имеющиеся материалы позволяют в значительной степени реконструировать характер живописного оформления различных частей храма, рисунки и цветовую палитру полов, конструкцию оконных и дверных заполнений, форму и размеры конкретных архитектурных деталей. Интересной находкой является, в частности, жестяная луковичная главка, располагавшаяся, вероятно, над одним из угловых шатров нижнего четверика. Большой интерес для воссоздания интерьера представляют найденные осветительные приборы. Собранная коллекция архитектурных деталей позволяет сделать точные формы для отливки и шаблоны практически всех декоративных элементов храма.

К находкам, не связанным с архитектурой церкви и ее убранством, относятся фрагменты фарфоровой, глиняной и стеклянной посуды, фрагменты лампад и подсвечников, аптечные и парфюмерные флаконы и банки, флакончики для лампадного масла, монеты, разнообразные изделия из металла. Одной из интересных находок является латунная стенка ящика для пожертвований с выгравированной надписью: «На лечебницу при церкви Божіей Матери всѣхъ Скорбящихъ радости на Стеклянномъ» (рис. 15).

Рис. 13. Скорбящая церковь (2013 г.). Шурф у северо-западного угла основного объема храма. Кладка фундаментов западной стены и крыльца. Участок шпунтовой стенки. Вид с северо-запада

Рис. 14. Скорбящая церковь (2013 г.). Северная стена храма. Характер кладки. Вид с северо-запада

Рис. 15. Скорбящая церковь (2013 г.). Стенка ящика для пожертвований (латунь)

Источники и литература

Антонов В. В., Кобак А. В., 1994. Историко-церковная энциклопедия. СПб. Т. 1 : Святыни Санкт-Петербурга.

Живописное обозрение. М., 1898. № 33.

О постройке церкви Скорбящей Божией Матери Александро-Невской части по Шлиссельбургскому проспекту // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 142. Д. 318.

Прибавления к Церковным Ведомостям. СПб., 1898. № 3.

Русский паломник. СПб., 1892. № 17.

Стеценко Н. К. 2006. Церковь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости (С.-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 24). СПб. Раздел I: КНИ. Т. 1: Историческая справка (Архив ОАО «НИИ Спецпроектреставрация». Арх. № 8491).

Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В., 1999. Православные храмы Санкт-Петербурга. 1917–1945 гг. Справочник. СПб.

Шульц С. С., 1994. Храмы Санкт-Петербурга. СПб.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной). Исследования 2013 г.

С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева, Ст. А. Васильев, А. Г. Фурасьев

Восемьдесят лет назад, 15 июля 1933 г., Ленсовет издал постановление о прекращении колокольного звона в Ленинграде и области, а также обязал снять колокола с храмов и реализовать их на нужды промышленности. С этого дня началось беспрепятственное разграбление церквей и звонниц. В 30-е гг. уничтожались целые храмы. Большинство их них были разорены и переданы для бытовых нужд, перестраивались под клубы, театры, бани и склады, а остальные и вовсе снесены (РИА Новости, 2013).

Церковь Успения Пресвятой Богородицы простояла на Сенной площади с 1765 по 1961 г. В момент своего расцвета храм обладал богатым внутренним убранством, а его колокольня была второй по высоте в городе, уступая лишь колокольне Петропавловского собора. Эта церковь служила особым приютом для сирот, при ней существовало Благотворительное общество для помощи бедным прихожанам и богадельня для старых женщин. Храм взорвали в 1961 г. (Длужневская, 2003. С. 86, 87).

Восстановление Спаса на Сенной обсуждается уже много лет, однако ряд проблем, связанных с жизнью мегаполиса, не позволял приступить к реализации идеи полного воссоздания храма. Например, предлагалось восстановить только колокольню, а существующую часовню расширить. Сейчас Сенную площадь вновь ожидает реконструкция. Уже введена в эксплуатацию новая станция метро, планируется строительство второй очереди торгового комплекса «Пик». В связи с предстоящей реконструкцией площади активизировалась и деятельность по воссозданию Успенской церкви. В 2012 г. была создана рабочая группа при правительстве города.

В 2012–2013 гг. в рамках мероприятий, направленных на реализацию идеи возвращения Сенной площади исторического облика и восстановления утраченного храма, Отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены масштабные архитектурно-археологические исследования выявленного объекта культурного наследия «Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной)» (фундамент).

Краткая историческая справка

Сенная площадь «против Саарской проспективы» (современный Московский проспект) возникла в результате планировочных работ 1737–1739 гг.[1] Она находилась у самой городской границы, проведенной по «Фантанной речке». В 1743 г. сенновские купцы обратились в Святейший Синод за разрешением на строительство храма на Сенной площади. Но разрешение было дано только через восемь лет указом императрицы Елизаветы Петровны от 8 декабря 1751 г.

По словам автора «Историко-статистического описания Спасосенновской церкви» протоиерея Успенской церкви И. Я. Образцова (1885), «сбор денег и материала на постройку церкви не обещал скорого ее построения». Поэтому купцы приобрели на Выборгской стороне подлежащую к разборке деревянную церковь Спаса Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Христова и поставили ее на период строительства каменной для зарабатывания средств. Освящение деревянной церкви на Сенной площади произведено 18 июля 1753 г. Два дня спустя, 20 июля 1753 г., рядом с

[1] Историческая справка подготовлена на материалах, предоставленных архитектурным бюро «Литейная часть-91», а также приведенных З. В. Юрковой (2011).

деревянной церковью была заложена ее каменная преемница. М. И. Пыляев (1889. С. 267) писал: «[Храм] сперва думали освятить во имя Сретенья Господня, но потом передумали, и освятили во имя Успения Божией Матери». Бытует мнение, что первоначальная закладка церкви была совершена во имя Спаса Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Христова. С тех пор наименование во имя Спаса прочно укоренилось в народной памяти, и каменную Успенскую церковь горожане называли «Спасом на Сенной».

Впервые Спас на Сенной нанесен на план И. Ф. Трускотта и М. И. Махаева, составленный в 1743–1749 гг., на котором изображен небольшой храм в один свет с одной главкой, фасадами в стиле петровского барокко и двухцветной раскраской. Является ли изображение условным или демонстрирует реальные размеры и формы деревянной церкви, неизвестно. Наименование церкви на плане – «Сретения Господня», площадь тогда называлась Конной. К 1758 г. была выстроена колокольня, каменная церковь подводилась под купола. Единого мнения об авторстве церкви Успения нет. Строительство осуществляли архитектор Андрей Квасов с помощниками, «заархитекторами» Михаилом Башмаковым, Андреем Мыльниковым, Семеном Волковым и «каменных дел мастерами» иностранного происхождения. Летом того же года произошла осадка фундаментов, вызвавшая трещины в конструкциях колокольни и стенах церкви. Была срочно создана специальная комиссия, освидетельствовавшая строение. Проверке подверглись даже кирпичи с невских кирпичных заводов. Последовавшие затем ремонтные работы надолго затормозили строительство.

Каменное здание пятиглавого храма с куполами в форме колокола с гранями было достроено к коронации Екатерины II в 1762 г. Чтобы увековечить это событие, по словам М. И. Пыляева, на крест главного купола водрузили корону. «Строитель храма, воздвигая корону на кресте, хотел сделать новой императрице приятное; Екатерина II, въезжая в столицу после коронации, первую церковь, в черте города от Московской заставы, увидела увенчанную короною» (Пыляев, 1889. С. 267). Отделочные работы внутри церкви велись до 1765 г. Освящение проводилось по мере завершения отделки ее частей: 20 июня 1761 г. – северного придела Трех Вселенских Святителей, 2 октября 1764 г. – южного придела Саввы Освященного, 5 декабря 1765 г. – главного престола Успения Божией Матери. Вход в храм устроен через паперть у нижнего яруса колокольни. Чтобы отапливать зимой только ближайшую к входу часть, смежную с колокольней, церковь разделили перегородкой с остекленными дверями на «трапезу», начинавшуюся от входа, и холодную, или «настоящую», в подкупольном пространстве с главным престолом, где службы проводились только летом.

Первое изображение каменной церкви Успения Божией Матери в соответствии со сторонами света под углом в 45 градусов к оси Садовой ул. запечатлено на аксонометрическом плане Санкт-Петербурга П. де Сент Илера, И. Соколова, А. Горихвостова 1765–1773 гг. (рис. 1). На картинах художников Б. Патерсена, (Сенная площадь, 1797 г.; 1800 г.) и И. А. Иванова, (Сенная площадь, 1814 г.) уже заметен ряд изменений архитектуры церкви (рис. 2). К колокольне пристроен портик с треугольным фронтоном на четырех попарно сдвинутых колоннах, справа и слева – притворы с балюстрадами на крыше. Увеличен диаметр центральной главы, всем куполам с чешуйчатым металлическим покрытием придана иная форма. К боковым входам добавлены портики с горизонтальным завершением на четырех колоннах.

Церковь имела пятнадцать колоколов. На самом большом из них были изображения престольных праздников, портрет императрицы Екатерины II и надпись «Ассесора Саввы Яковлева в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной, весу 542 п. 18 ф. 1786 г. Января 20 дня. Лит в Москве на заводе Ясона Струговщикова». Из старинных колоколов имелись богородичный 1780 г. весом 274 пуда 26 фунтов и колокол 1762 г. весом 52 пуда 25 фунтов.

В 1822 и 1835 гг. в здании церкви устраиваются два придела: южный по проекту архитектора А. И. Мельникова и северный во имя Архистратига Михаила по проекту архитектора П. Ф. Воцкого, созданный на средства коммерции советника М. И. Новикова. По словам И. Я. Образцова, это было сделано «без изменения архитектуры церкви»: к алтарной части, двум боковым апсидам добавлены две небольшие пристройки прямоугольной формы (Образцов, 1885). В 1863 г. проводится осушение подвалов церкви, прочистка существующих дренажных труб и укладка новых, увеличение продухов, устройство четырех колодцев и мощение площадки вокруг собора.

Коренная реконструкция церкви была проведена в 1867–1871 гг. Комиссия в составе архитекторов академика Г. Г. Гримма, И. Б. Слупского, Г. И. Карпова и представителей причта под председательством благочинного И. Я. Предтеченского освидетельствовала здание в 1864 г. В акте обсле-

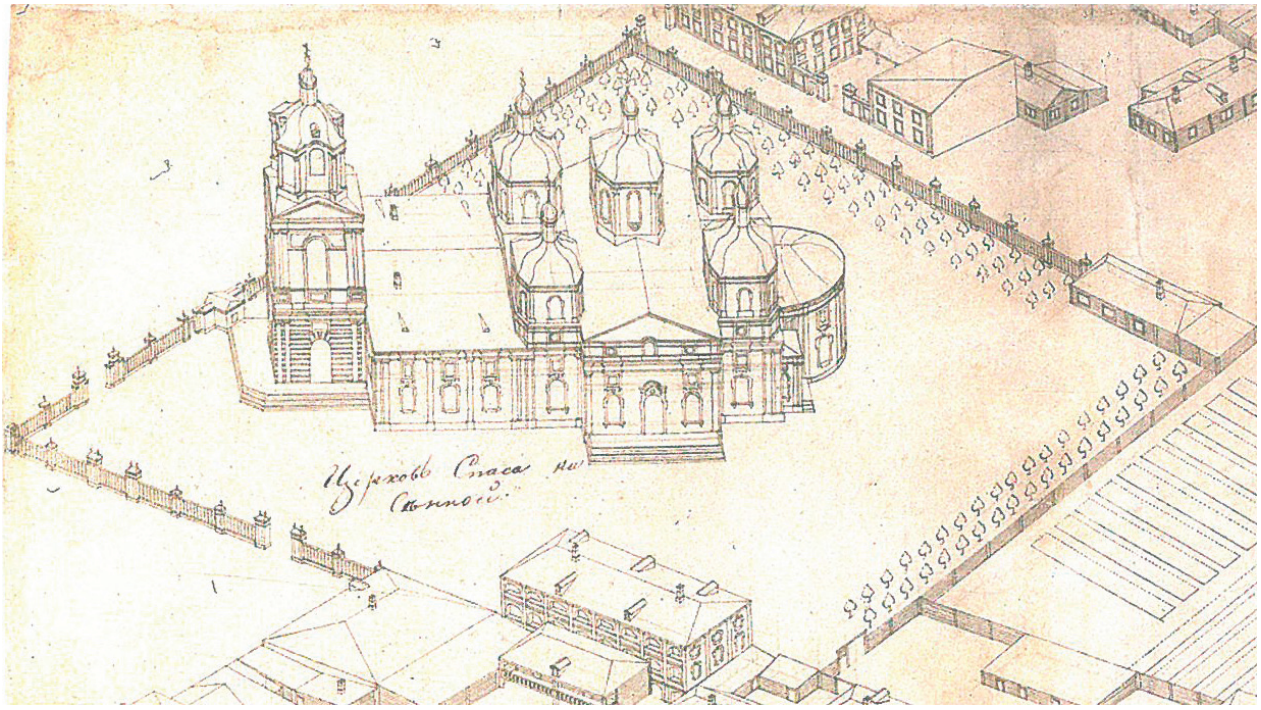

Рис. 1. Аксонометрический план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова. 1765–1773 гг. Фрагмент. Церковь Успения Божией матери (Спас на Сенной)

Рис. 2. И. А. Иванов. Вид Сенной площади в Санкт-Петербурге. 1814 г. Фрагмент

дования от 8 декабря 1865 г. отмечено, что стены колокольни, толщиной в 2 аршина, сложены из кирпича «старой формы <…> совершенно прочны и не обнаруживают никаких трещин и способны выдержать надстройку верхнего яруса». Фундаменты стояли на булыжном основании, имели глубину заложения от существующей дневной поверхности двора «более сажени». Сложены они были «первый ряд из бутового камня, а последующие ряды из отборной бутовой плиты уступами вышиной до 8 вершков, верхний ряд фундамента выступал от лица цоколя на 6 вершков <…> цоколь гранитный <…> в цоколе находятся окошки для освещения подвала, но они почти засыпаны существующим горизонтом двора». Подвалы, первоначальной высоты в 1 сажень, были углублены на 1 аршин. Из-за этого обнажившийся слой земли пропитался грунтовой водой, которая привела к повышенной влажности, усугублявшейся неудовлетворительным состоянием отопления и отсутствием вентиляции. Проект епархиального архитектора Г. И. Карпова, высочайше утвержденный 25 мая 1866 г., предполагал перестройку куполов, раскрытие центрального барабана и установку остекленного перекрытия в нем, а также увеличение высоты колокольни до 35 саженей. Подвал предстояло «поднять плитами», засыпать до первоначальной отметки крупным песком и сделать кирпичную выстилку. Кроме того, Г. И. Карпов предлагал заменить барочный декор фасадов на классический. В 1866 г. было объявлено «обновление» Спасо-Сенновской церкви в соответствии с проектом: предстояло, не изменяя вида церкви, заменить деревянные части здания каменными и провести общую реконструкцию. Во время работ по замене деревянной части колокольни кирпичной в кладку была вложена закладная доска, на которой записаны имена тех, кто работал над обновлением церкви. Доска обнаружена в 1961 г. среди обломков кирпичей после взрыва церкви и передана на хранение в Музей истории Ленинграда (Юркова, 2011). Кровля была покрыта «яковлевским» железом с заводов потомков С. Яковлева. Купола и главы удлинены, «сделаны гранями и вызолочены», прежде окрашенные «желтою краскою» кресты сделаны заново по рисунку старых и вызолочены на средства одного из старост купца Ф. Дурышкина, базы колонн отлиты из чугуна. По проекту архитектора Императорской публичной библиотеки В. И. Собольщикова устроена новая, простая в обращении, система отопления теплым воздухом: нагретый от печей в подвале воздух поступал в помещения по стенным каналам.

В 1900 г. возникла необходимость в расширении церкви, изменении системы отопления, устройства вентиляции, соединении теплой и холодной частей в единое пространство. Выбор в пользу пароводяного отопления был сделан Техническим строительным комитетом при Синоде. Однако Строительная комиссия по ремонту и реконструкции церкви по финансовым соображениям выступила за сохранение печного отопления. Но Владыка, призвав к себе протоиерея К. Никольского и старосту В. В. Воеводского, приказал им делать центральное пароводяное отопление, отметив: «что решено Техническим Строительным Комитетом при Святейшем Синоде, того и надо придерживаться». Вероятнее всего, инженеры Санкт-Петербургского металлического завода, производившего паровые котлы и приборы отопления, провели реконструкцию системы отопления и вентиляции церкви. В северном (и южном) приделе разместили оборудование для нового пароводяного отопления: пароводяной котел, калориферы (печи), фильтр, вентилятор и др., нагнетающие горячий воздух в храм по системе воздуховодов. Кочегарка была построена в 50 м к югу от церкви.

В период проведения работ Строительная комиссия самовольно увеличила ширину правого (южного) придела до 10 аршин вместо 9 по проекту. Фундаменты новых частей церкви выложили из бутовой путиловской плиты, (старые были из булыжника), цоколь – из гранита с наковкой. Подоконники заменили на гранитные, для стен новых приделов использовали красный кирпич, а для сводов – бетон. При реконструкции была разобрана стена, разделявшая «трапезу» и главную церковь. Старые кирпичные полы подвала «в елочку» были частично разобраны для укладки труб отопления и залиты бетоном с цементным покрытием (для придания большей прочности и удобства эксплуатации поверхность цементных полов тщательно шлифовали, делали «железнение»). Перестроена была и часовня, произведены работы по удлинению боковых приделов храма.

В 1926 г. систему отопления церкви вновь реконструировали: котлы из кочегарки перенесли в специально оборудованное подвальное помещение. Одновременно здание было визуально обследовано. В акте от 12 мая 1928 г. записано, что «указанное здание находится на учете Главнауки реставрационной Мастерской как имеющее ценность архитектурного значения». В 1936 г. церковь была закрыта для богослужения и 12 апреля 1938 г. исключена из числа памятников истории и культуры по решению Леноблисполкома.

4 июня 1959 г. Исполком Ленинградского городского совета депутатов трудящихся принял решение о строительстве метрополитена на пл. Мира.

Проектировщиками института «Ленметропроект» было предложено несколько вариантов строительства наземного вестибюля метрополитена: на месте церкви (станция метро «Площадь Мира», ныне – «Сенная площадь»), подземный (станция метро «Садовая») и внутри квартала при соединении Московского пр. и пл. Мира. Принят был первый вариант со сносом Успенской церкви. Архитектурная общественность организовала сбор подписей в защиту храма. Историк архитектуры В. И. Пилявский, сотрудник Госинспекции по охране памятников (ГИОП, входила в состав ГлавАПУ) и исполнявший обязанности декана архитектурного факультета ЛИСИ, успел организовать до сноса церкви ее обмеры и фотографирование. Работы выполняли аспиранты ЛИСИ Ю. М. Денисов и В. В. Смирнов и доцент кафедры геодезии института П. И. Поляков. Тогда в Ленинграде был впервые использован стереофотограмметрический способ обмера архитектурного памятника с помощью геодезических приборов. В ночь с 1 на 2 февраля 1961 г. Спас на Сенной был взорван. В 1963 г. построен наземный павильон станции метро «Площадь Мира». Под застройку попала часть фундамента снесенного храма.

В конце 1990-х гг. по решению Патриархата о приведении наименований церквей к единой канонической форме церковь Успения Божией Матери стала именоваться церковью Успения Пресвятой Богородицы. Приказом КГИОП № 15 от 20 февраля 2001 г. фундамент церкви Успения Пресвятой Богородицы был включен в реестр вновь выявленных объектов культурного наследия.

Археологические исследования

В 2012 г. на Сенной площади ИИМК РАН осуществлял археологический надзор за земляными работами, целью которых было уточнение границ вновь выявленного объекта культурного наследия «Фундамент церкви Успения Пресвятой Богородицы» в связи с идеей воссоздания храма. По завершении работ администрация Санкт-Петербурга приняла решение о необходимости полного археологического исследования обнаруженных остатков фундамента церкви.

В 2013 г. на месте нахождения фундамента церкви силами сотрудников ИИМК РАН с участием специалистов Государственного Эрмитажа и МАЭ им. Петра Великого проведены полномасштабные комплексные археологические раскопки на площади 1537 кв. м (рис. 3; 4). Для уточнения конструктивных деталей сохранившихся фрагментов архитектуры и стратиграфии в пределах раскопа было заложено 11 шурфов. В условиях плотной городской застройки исследования проводились в основном во внутренних границах храма. За пределами раскопа осталась половина северного придела начала XX в. и часовня, половина южного притвора и весь южный придел начала XX в., а также, вероятно, уничтоженная при строительстве

Рис. 3. Спас на Сенной (2013 г.). Раскоп после снятия слоя разрушения церкви. Сохранившиеся архитектурные конструкции. Вид с севера

Рис. 4. Спас на Сенной (2013 г.). План раскопа с выявленными остатками фундамента и архитектурных конструкций церкви

метро южная половина подкупольного пространства основного («среднего») храма с южным входом. В ходе работ удалось проследить внешние границы храма у колокольни, центральной и северной апсид, что позволило установить один из его параметров – длину храма по центральной оси запад–восток (от колокольни до внешней стенки центральной апсиды), составившую 72 м.

Стратиграфия

Мощность исследованных культурных слоев от древней погребенной почвы до современной дневной поверхности (без учета глубины траншей современных коммуникаций) достигает 1,80 м. Стратиграфия культурных напластований XVIII–XXI вв., связанных с хронологическими периодами и строительными горизонтами во внутреннем пространстве храма и за его границами, выглядела следующим образом: верхний уровень материка; слой погребенной почвы, с фрагментами серолощеной керамики, датирующейся не позднее первой половины XVIII в.; культурный слой первой половины XVIII в. до начала строительства храма; слои горизонта строительства церкви второй половины XVIII в.; участки культурного слоя конца XVIII–XIX вв.; слой разрушения храма 1961 г.; современный слой конца XX – XXI в.

Описание конструкций

После выборки современного мощения площади, слоев подсыпки и разборки слоя разрушения были обнаружены фундамент и конструкции подвальных помещений следующих частей храма: паперти, колокольни, северного и южного притворов, «трапезы», «среднего» храма (подкупольное пространство), алтарной части, северного придела постройки начала XX в., часовни (рис. 5). Выявленные конструкции подвальных помещений включают полы, стены, воздуховоды, дверные проемы, забутовки, своды, обратные арки, кирпичные выкладки (основания печей?), емкости (технические или инженерные сооружения). Также были обнаружены керамические трубы ливневого или канализационного водоотведения.

Фундаменты

Ленточный фундамент прослежен под всеми исследованными стенами, кроме колокольни с частью паперти, под которыми была устроена мощная крепида. Во всех постройках храма, кроме западной половины паперти, фундамент сложен следующим образом: внизу – из нескольких рядов валунов и булыжников на известково-песчанистом растворе серо-желтого цвета, вверху – из рядов бутовых плит на известковом растворе. Вдоль большинства стен прослежены фундаментные ровики шириной 0,60 м и одно- двухступенчатые выносы.

В пределах раскопа оказалась северная часть фундамента (крепиды) колокольни (рис. 6). На его поверхности видны вытянутые по линии север–юг и запад–восток и соединяющиеся под прямым углом кладки из четырехугольных плит, отмечающие границы колокольни. К западу от кладок находилась поверхность паперти, на которую опирались две пары колонн портика входа. Западный край фундамента имеет двухступенчатый выступ. На нижней ступени найдена медная монета – полушка времени Анны Иоанновны чеканки 1735 г., подтверждающая строительство фундамента храма в XVIII в.

В шурфе, заложенном у разрушенного траншеей северного края фундамента колокольни, обнаружена деревянная лежня длиной 4,13 м и диаметром 0,30 м, вытянутая по линии запад–восток (рис. 7). Западный конец бревна имеет прямоугольную врубку, размерами 0,33 × 0,14 м, для соединения с перпендикулярной лежней, конец которой был обломан, видимо, при прокладке траншеи.

Результаты исследований позволяют предположить, что под колокольней не было цокольного или подвального этажа, как под всеми остальными частями церкви. Как было установлено, верх бутовой кладки фундамента колокольни находился на уровне 2,73 м БС, тогда как полы подвальных помещений под остальными частями храма устроены на отметках 1,57–1,94 м БС, а полы подвальных воздуховодов – на отметках 1,81–2,34 м БС, отсюда реконструируемая высота сводов составляет около 1,40 м.

В ходе раскопок изучены конструкции фундаментов внешних и внутренних стен храма. К последним относилась стена, разделявшая холодную и теплую части храма, т. е. подкупольное пространство («средний» или «настоящий» храм) и «трапезу», а также стены алтарной части. Внутренние стены имели одноступенчатые выносы, шириной 0,25–0,30 м. Конструкция фундаментов внешних стен прослежена в центральной апсиде и алтарной части под северо-восточным куполом. Они также имели одноступенчатый вынос шириной 0,30 м и фундаментный ровик шириной 0,50 м. Кладки цоколя внешних стен сохранились на высоту четырех рядов, хорошо обработаны по фасаду, сложены из бутовых плит размерами 0,23–0,50 × 0,12–0,18 м. Фундаменты северного притвора и часовни выносов не имели. Глубина залегания фундамента церкви составила 2,08 м, что соответствует данным обмера храма в 1864 г., когда глубина залегания фундамента была определена в 1 сажень, т. е. 2,13 м.

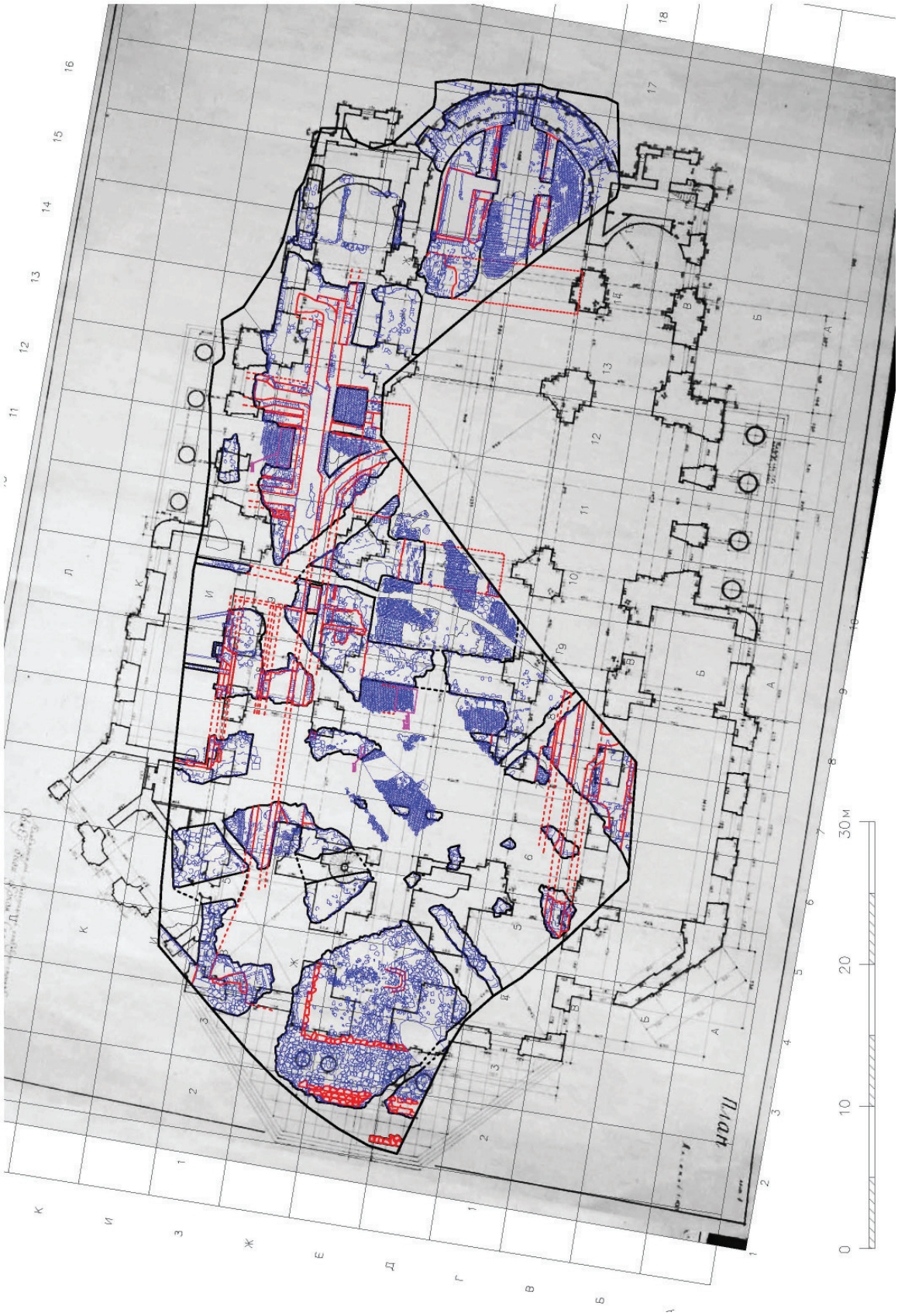

Рис. 5. Совмещение выявленных фрагментов архитектурных конструкций церкви Успения Пресвятой Богородицы с обмерным планом 1960 г.

Рис. 6. Спас на Сенной (2013 г.). Фундамент колокольни и паперти. Вид с севера

Рис. 7. Спас на Сенной (2013 г.). Конструкция фундамента колокольни, в основании которого видны деревянные лежни. Вид с северо-востока

Полы

Опираясь на данные археологических исследований и исторических документов, следует полагать, что все выявленные в раскопе полы подвальных помещений церкви сложены во время ее реконструкции в 1866–1871 гг. Всего зафиксирован 21 участок пола, 18 из которых сложены из кирпичей, два участка состояли из кирпичного покрытия с включением каменных плит, на одном участке кирпичная кладка перекрывала каменные плиты (пол 18 в центральной апсиде) (рис. 8). Полы из красного обожженного кирпича выложены разными рисунками и типами кладок: 18 полов – торцовой (тычковой) стороной в виде «елочки»; один пол выложен торцовой стороной в виде рамок (пол 9); еще один – торцовой стороной в виде параллельных рядов (пол 10) и один пол – ложковой стороной рядами (пол 21). Два пола «елочкой» (полы 13 и 14) имели окантовку края в виде кирпичной кладки из двух параллельных рядов. Все исследованные полы сложены на известково-песчанистом растворе из кирпичей с клеймами «Д. Л.» и «И. Б.» второй половины XIX в., размерами 0,245–0,270 × 0,120–0,130 × 0,060–0,070 м. Размеры каменных плит составили 0,52 × 0,53 × 0,09 м и 0,61 × 0,65 × 0,10 м. Участки двух полов покрыты поверх кирпичной кладки слоем цемента толщиной 0,01 м. Все полы устроены на отметках 1,57–1,94 м БС.

Стены и воздуховоды

Стены делятся на стены помещений и стены воздуховодов – узких, ограниченных стенками каналов для прохождения теплого или холодного воздуха системы обогрева и вентиляции церкви. Всего открыто 44 фрагмента стен и 19 участков воздуховодов, относящихся к разным строительным периодам. К строительному периоду XVIII в. относятся 19 стен помещений, сложенных из кирпичей без клейм, размерами 0,240–0,250–0,270 × 0,115–0,120–0,13 × 0,055–0,065 м, на известково-песчанистом растворе светло-серого (серо-желтого) цвета. У восьми стен сохранились остатки кирпичной кладки примыкавших к ним сводов. Кладка стен тычково-ложковая. Стены опираются на фундаменты из валунов или бутовых плит.

Сооружение воздуховодов связано с переходом к пароводяному отоплению церкви в начале XX в. Всего зафиксировано пять трасс воздуховодов: две трассы с ответвлениями в северной части церкви и три трассы с ответвлениями в южной. Стены сложены из кирпичей с клеймами «В. А. РУСАНОВЪ.» (1890 [1897?] – 1917 гг.) на цементном растворе, за исключением стены 5, которая сложена из кирпичей с клеймами «В. Г. З.» (1860–1900-е гг.). Кладка стен этого периода состоит из чередования тычкового и ложкового рядов. Пол и стены воздуховодов внутри покрыты слоем бетона толщиной 0,01 м с цементной шлифовкой по поверхности. Размеры кирпичей составили 0,255–0,265 × 0,120–0,130 × 0,075–0,08 м. Основанием стен и воздуховодов служила платформа, сложенная из двух рядов красных кирпичей с клеймами «В. А. РУСАНОВЪ.» на цементном растворе. Полы воздуховодов находились на отметках 1,81–2,34 м БС.

Сводчатые перекрытия подвальных помещений

Всего выявлено семь участков сводчатых перекрытий, примыкавших к восьми стенам подвальных помещений: пять из них находились в «среднем» храме (в том числе у стен склепа с погребением № 2) и два – в алтарной части (рис. 8). Своды относятся к строительному периоду XVIII в., сложены из кирпичей без клейм размерами 0,240–0,250–0,270 × 0,115–0,120–0,130 × 0,055–0,065 м на известково-песчанистом растворе светло-серого (серо-желтого) цвета. От сводов, толщиной в один кирпич, сохранились первые горизонтальные ряды, положенные на камни фундамента стен, и последующие один–три наклонных ряда. Учитывая угол наклона первых рядов кладки и расстояние между стенами, высота сводов могла составлять около 1,40 м.

Забутовки

Зафиксировано четыре забутовки – участки между стенами, забитые кирпичами и кирпичным боем, расположенные в подвале «среднего» храма. Они, вероятно, образовались в ходе реконструкции подвала в начале XX в. При прокладке стен и воздуховодов часть ранних стен XVIII в. была разобрана, а кирпичи из разобранных стен использованы для заполнения образовавшихся пустот.

Дверные проемы

Обнаружено два дверных проема с железными дверными петлями или железными деталями, указывающими на наличие дверей или решеток. Оба проема расположены в алтарной части.

Кирпичные выкладки (основания печей?)

В раскопе обнаружены пять однотипных кирпичных выкладок, возможно основания печей. Две выкладки (Пч. 1 и 2) расположены в подвале «среднего» храма и три (Пч. 3–5) – в подвале «трапезы». Они сохранились в высоту одного–шести рядов, имели прямоугольную форму плана, были сложены из красных кирпичей без клейм, размерами 0,24–0,26 × 0,11–0,13 × 0,05–0,06 м, на известково-песчанистом растворе светло-серого цвета. У Пч. 1 и Пч. 2 по краям выкладки отмечена окантовка в виде

Рис. 8. Спас на Сенной (2013 г.). Центральная апсида алтарной части. Вид с севера

двойной рамки. Основанием Пч. 1, 2, 4, 5 служила кладка, состоящая из одного ряда булыжников или бутовых плит. Кирпичная кладка Пч. 3 опиралась непосредственно на погребенную почву. Выкладки, по-видимому, относятся к раннему строительному периоду, до реконструкции 1866–1871 гг.

Обратные (опрокинутые) арки

Обнаружены фрагменты пят трех однотипных обратных (опрокинутых) арок: Две относятся к «среднему» храму, одна находилась на границе «среднего» храма и алтарной части. Для изучения их конструкции вдоль арки 1 был заложен шурф (рис. 9). Пяты сложены из красных кирпичей без клейм, размерами 0,25–0,27 × 0,11–0,12 × 0,05–0,06 м, на известково-песчанистом растворе светло-серого цвета. Замок арок находился ниже уровня пола, толщина подземной части арки составляет два поперечных кирпича. Арки были возведены в первом строительном периоде, в XVIII в. между основаниями подкупольных столбов и выполняли разгрузочные функции. Реконструируемая длина арок 1 и 3 составляла около 10 м, арки 2 – около 8 м.

Емкости (инженерные сооружения)

В раскопе обнаружены два инженерных сооружения Г-образной конфигурации в виде заглубленных ниже уровня полов подвала открытых емкостей (бассейнов?). Стенки сооружений сложены из кирпичейс клеймами («Г. С. Р.»?), размерами 0,26–0,27 × 0,13 × 0,08 м, на цементном растворе, покрыты нефтепродуктом (гудроном?) для гидроизоляции и толстым слоем бетона с внутренней стороны. Дно емкостей забетонировано. Первое сооружение, размерами 14,00 × 2,85 м и 6,09 × 1,60 м, расположено в подвальном этаже северного придела и частично «среднего» храма, высота его стен достигает 1,44 м. Второе сооружение, размерами 4,60 × 2,00 м и 1,67 × 0,90 м, найдено в подвале алтарной части, в границах центральной апсиды, высота его стен составила 0,66–0,84 м. В сооружения были подведены водопроводные трубы. При исследовании на дне емкостей прослежены остатки нефтепродукта (мазута?). Емкости 1 и 2, вероятнее всего, связаны с реконструкцией систем отопления храма в начале XX в. и в 1926 г.

Рис. 9. Спас на Сенной (2013 г.). Обратная арка 1. Вид с запада

Коммуникации ливневого или канализационного водоотведения

При исследовании внешней стены центральной апсиды обнаружены две трассы ливневого или канализационного водоотведения из покрытых коричневой поливой керамических труб. Каждый трубопровод состоял из звеньев длиной 0,77 м и диаметром 0,20 м. Каждое звено имело внешнюю резьбу на одном конце и раструб диаметром 0,25 м с внутренней резьбой на другом. На каждом звене есть круглое клеймо с надписью по кругу «ВАХТЕРЪ И К°», в центре горизонтально «БОРОВИЧИ». Трубы с такими клеймами выпускались на заводе, основанном петербургским купцом К. Л. Вахтером в 1880 г. в Боровичах. Завод просуществовал до 1919 г., затем был национализирован.

Исследование сохранившихся архитектурных деталей и инженерных конструкций храма позволяет выделить несколько строительных периодов. К начальному строительному периоду относятся фундаменты всех обследованных участков (кроме, возможно, фундамента часовни), обратные арки и стены подвальных помещений из кирпичей без клейм на известковом растворе. К раннему периоду, по крайней мере до реконструкции 1866–1871 гг., с некоторой долей вероятности могут быть отнесены и кирпичные выкладки (основания печей?). Со следующим строительным периодом – реконструкцией 1866–1871 гг. – связаны все кирпичные и кирпично-каменные полы, а также найденные фрагменты медных листов с остатками позолоты (с куполов?) и чугунная база колонны. К рубежу XIX–XX вв. относится прокладка двух линий керамических труб ливневого или канализационного водоотведения, обнаруженных к востоку от центральной апсиды. С этапом реконструкции отопления и вентиляции церкви начала XX в. связано появление забутовок, сооружение технических помещений (емкостей) 1 и 2, воздуховодов и образующих их стен.

Антропологические материалы

В процессе археологических раскопок найдено около 600 костных человеческих останков – неполные скелеты от полутора до двух десятков людей, среди которых присутствуют кости взрослых мужчин и женщин всех возрастов; не менее трех детей в возрасте от 3 до 6 лет и кости не менее 8–9 индивидуумов, пол и возраст которых не установлен[2]. Весь материал сконцентрирован на двух

[2] Экспертиза антропологического материала проведена сотрудником МАЭ РАН А. А. Казарницким.

участках: в центре подвальной части «трапезы» (кв. Е6–8 – Д7) и у северного входа в «средний» храм (кв. З10–12 – И11). Судя по данным археологии, для церковных захоронений использовалась, в основном подвальная часть «среднего» храма, где были обнаружены остатки гробов, гробовые ручки и неполные скелеты не менее 13 человек, хоронить могли и под южным приделом Саввы Освященного, о чем свидетельствует находка на кв. В6 трех фрагментов человеческого черепа.

Датировать погребения сложно, поскольку из-за частых ремонтов подвалов все найденные антропологические останки переотложены. Вероятно, часть из них относится к XIX в., скорее ко второй его половине, на что указывают найденные здесь железные ручки гробов, часто встречаемые в погребениях Петербурга и губернии этого времени. Среди остеологического материала могут присутствовать и останки погребений XVIII в. Например, известно, что в 1763 г. строитель церкви купец С. Я. Собакин, в то время уже носивший фамилию Яковлев, получил разрешение на перезахоронение праха своих родителей с Сампсониевского кладбища под придел Трех Святителей в храме Успения.

В процессе анализа антропологического материала удалось выявить останки нескольких захоронений, обозначенных как погребения № 1–3.

Погребение № 1 (кв. Е7) – в центральной части «трапезы» на остатках разрушенного северо-восточного края кирпичного пола 5, у бутовой кладки фундаментной стены. Скопление мелкого антропологического материала в виде небольшого овального пятна, размерами 0,63 × 0,41 м, на гумусированном слое (древесного тлена?) черного цвета, толщиной 0,02 м, на отметках 1,65–1,69 м БС. В погребении найдена железная ручка гроба (инв. № 114), пять коротких металлических (серебряных?) булавок (инв. № 81) и маленький нательный золотой крест (инв. № 82) (рис. 10). Часть находок обнаружена за пределами пятна, на расстоянии 1 м к юго-востоку от него: под кабелями телефонной сети найдены три фрагмента черепа взрослого человека. По данным антропологической экспертизы, в погребении № 1 представлены в основном кости ребенка 5–6 лет и фрагменты черепа, шейный позвонок и фрагмент берцовой кости как минимум одного взрослого неустановленного пола и возраста.

Погребение № 3 (кв. Е8) – в центральной части «трапезы», в 2,78 м к юго-востоку от погребения № 1, под кирпичным полом 3 в шурфе 9 (рис. 11). В южной части пола 3 на месте провала была разобрана кирпичная кладка, под которой на отметках 1,43–1,47 м БС обнаружена яма размерами 0,81 × 0,61 м, выкопанная в материке на глубину 0,30–0,34 м, заполненная костными останками человека. Кроме костей человека, в яме обнаружены кости животных, железная ручка гроба (инв. № 196), обломки двух красноглиняных плошечных светильников (инв. № 107, 200), поделка из метаподии животного (инв. № 199) и фарфоровая чашка (инв. № 201) (рис. 12). К югу от ямы под разобранным полом на поверхности известкового раствора, перекрывавшего погребенную почву, зафиксированы остатки древесного тлена (на отметках 1,51–1,64 м БС), еще одна железная ручка гроба (инв. № 195) и отдельные человеческие кости. К северу от ямы под кирпичной кладкой пола на поверхности пятна древесного тлена, размерами 0,52–0,87 х 1,85 м, толщиной 0,02 м, на уровне 1,57 м БС также найдены антропологические останки. По данным экспертизы, в погребении № 3 представлены неполные скелеты трех человек: женщины 25–35 лет (ростом 150–153 см), женщины 35–45 лет (ростом 160–164 см) и мужчины 35–45 лет (ростом 165–168 см). Оба женских черепа характеризуются чертами, свойственными русскому населению северо-запада России.

Прослеженный в погребениях № 1 и 3 древесный тлен мог быть как остатками раннего пола или деревянного настила, так и остатками гробов. По неясным причинам в ходе реконструкции подвальных помещений в 1866–1871 гг. одна часть истлевших погребений была перекрыта новым кирпичным полом, а другая «перезахоронена» в грунтовой яме под полом. Данные антропологической экспертизы подтверждают вторичность захоронения в погребении № 3. Датировать погребения № 1 и 3 можно не позднее 1866–1871 гг.

Погребение № 2 (кв. З–И11) обнаружено у северного входа в «средний» храм на кирпичном полу 17 сводчатого подвального помещения. Скопление перемещенных человеческих костей и черепа (рис. 13). В погребении найдены остатки деревянных досок гроба, ранее стоявшего по линии запад–восток, три гробовые железные ручки (инв. № 179–181) и несколько гвоздей. По данным антропологической экспертизы, в погребении № 2 есть костные останки не менее пяти человек: женщины старше 55 лет, мужчины зрелого возраста, еще не менее двух взрослых людей, пол и возраст которых не установлен, и кость ребенка 3–4 лет.

В непосредственной близости от погребения № 2 на кв. З10–12 в переотложенном состоянии найдены фрагменты скелетов не менее восьми человек:

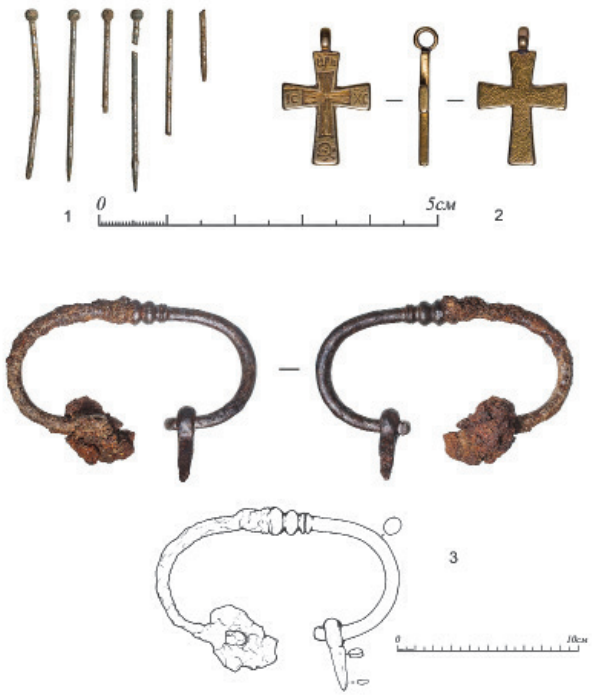

Рис. 10. Спас на Сенной (2013 г.). Погребение № 1. Находки: 1 – серебряные(?) булавки; 2 – золотой крестик; 3 – железная ручка гроба

Рис. 11. Спас на Сенной (2013 г.). Погребение № 3. Вид с севера

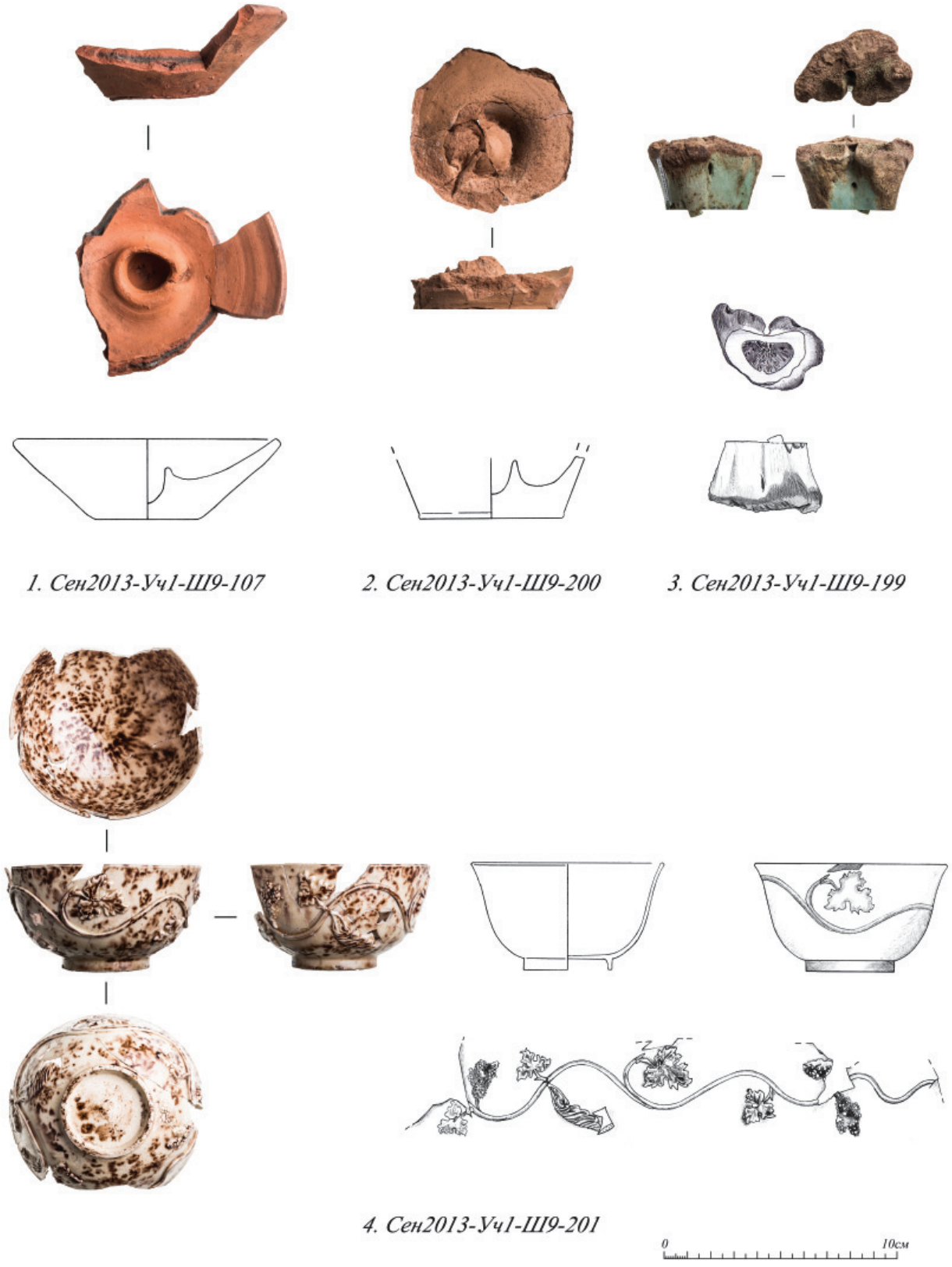

Рис. 12. Спас на Сенной (2013 г.). Погребение № 3. Находки: 1, 2 – керамические плошечные светильники; 3 – пиленый метаподий; 4 – фарфоровая чашка

Рис. 13. Спас на Сенной (2013 г.). Погребение № 2. Вид с севера

ребенка 3–6 лет, престарелого взрослого, двух мужчин зрелого возраста и еще не менее четырех взрослых, пол и возраст которых неизвестен. На кв. И10 и З10 найдены две железные ручки гробов (инв. № 178, 182).

Находки

В ходе раскопок на Сенной площади обнаружено 875 археологических находок, большую часть которых (788 единиц) составили кости человека и животных, остальные 87 представляют 15 категорий индивидуальных и массовых находок. Поскольку практически все находки залегали в слое одномоментного разрушения (взрыва) храма, большинство из них сильно фрагментированы и плохо поддаются типологическому определению. Особенно это относится к обломкам изразцов, глиняной, фарфоровой и стеклянной посуде. Лишь небольшая часть коллекции может быть, безусловно, связана с функционированием храма. Нахождение артефактов в основном в поздних перекопах, образовавшихся при прокладке коммуникаций второй половины XX в., позволяет сделать предположение о том, что для засыпки техногенных траншей использовался грунт с включениями культурного слоя XVIII–XIX вв., взятый за пределами храма. Часть находок первой половины XX в. может быть связана с использованием помещений уже недействующей церкви до ее разрушения.

Керамическая плитка

Облицовочная керамическая плитка, использовавшаяся для покрытия полов, изредка стен храма, делится на два типа: гладкая белая без орнамента, гладкая полихромная с растительным орнаментом.

Белая плитка (от молочно-белого до светло-серого цвета), квадратной формы, размерами 0,15 × 0,15 м, имеет на оборотной стороне рельефное клеймо «Villeroy & (A-) Boch Metlach *Merzig*». Найдено большое количество целых плиток (инв. № 42, 185). Фирма Villeroy & Boch – один из крупнейших европейских производителей керамики вплоть до наших дней – основана 1 января 1841 г. членами двух породнившихся семей Виллеруа и Бох, создавших товарищество с правлением в Метлахе в Германии. Плитка, производимая товариществом, настолько быстро стала популярна, что потребовалось открытие специального завода по ее изготовлению в Метлахе,

а выражение «метлахская плитка» (mettlach platten) стало нарицательным и распространилось на всю плитку подобного типа (неглазурованную). Количество заводов фирмы «Виллеруа и Бох» с каждым годом увеличивалось. В 1879 г. фирма приобретает фабрику в Мерциге («Merzig»), на которой и была изготовлена плитка для храма на Сенной площади. Со второй половины XIX в. «Виллеруа и Бох» тесно сотрудничает с Россией. Продукция фирмы была высоко оценена членами Императорского дома, давшего «Виллеруа и Бох» звание поставщика императорского двора. На Невском пр. в Петербурге в начале XX в. был открыт специализированный магазин под вывеской «Метлахская плитка. Виллеруа и Бохъ».

Сохранность плитки второго типа значительно хуже, целых экземпляров не найдено. Размеры плитки составили 0,16 × 0,16 м, на лицевой стороне помещен растительный орнамент: в центре на молочно-белом фоне восьмилепестковая розетка светло-терракотового цвета в обрамлении из голубых лепестков и золотистых завитков. На некоторых экземплярах по периметру есть узкий геометрический кант (инв. № 46, 47). На кирпичном фоне одного хорошо сохранившегося образца плитки, размерами 0,05 × 0,05 м, вероятно, использовавшейся в комплекте с описанными выше, изображен золотой косой крест с завершениями в виде трилистников (инв. № 148). Хотя клейм на фрагментах плитки второго типа не найдено, судя по составу керамической массы, цветовой гамме и орнаменту, она могла производиться на одном из предприятий фирмы «Виллеруа и Бох». Похожая метлахская плитка хорошо известна по отделке некоторых зданий центра Санкт-Петербурга второй половины XIX в.

Изразцы печные

Найдено около сотни фрагментов печных изразцов, половина из которых относится к одному типу – красноглиняные гладкие с белой поливой без рисунка. В коллекции есть лишь один целый изразец – боковой с рельефным профилем по одному краю и низкой грубо вылепленной румпой, размерами 0,21 × 0,12 м и толщиной 0,025–0,030 м (инв. № 155). На 24 фрагментах красноглиняных изразцов с белой поливой снаружи есть монохромный орнамент (подглазурная роспись), выполненный в сине-голубых тонах в «голландском» стиле. Из-за плохой сохранности фрагментов детали рисунка угадываются с большим трудом (инв. № 159).

Черепица

Найден один фрагмент плоской прямоугольной красноглиняной черепицы (инв. № 202), шириной 0,16 м, длиной 0,20 м, толщиной 0,015 м, с хорошо сохранившимся упором-пяткой с торцевой стороны. Находку можно отнести в разряд редких: в 1780–1790-х гг. черепичные покрытия крыш в Петербурге сменяются другими видами кровли.

Архитектурные детали

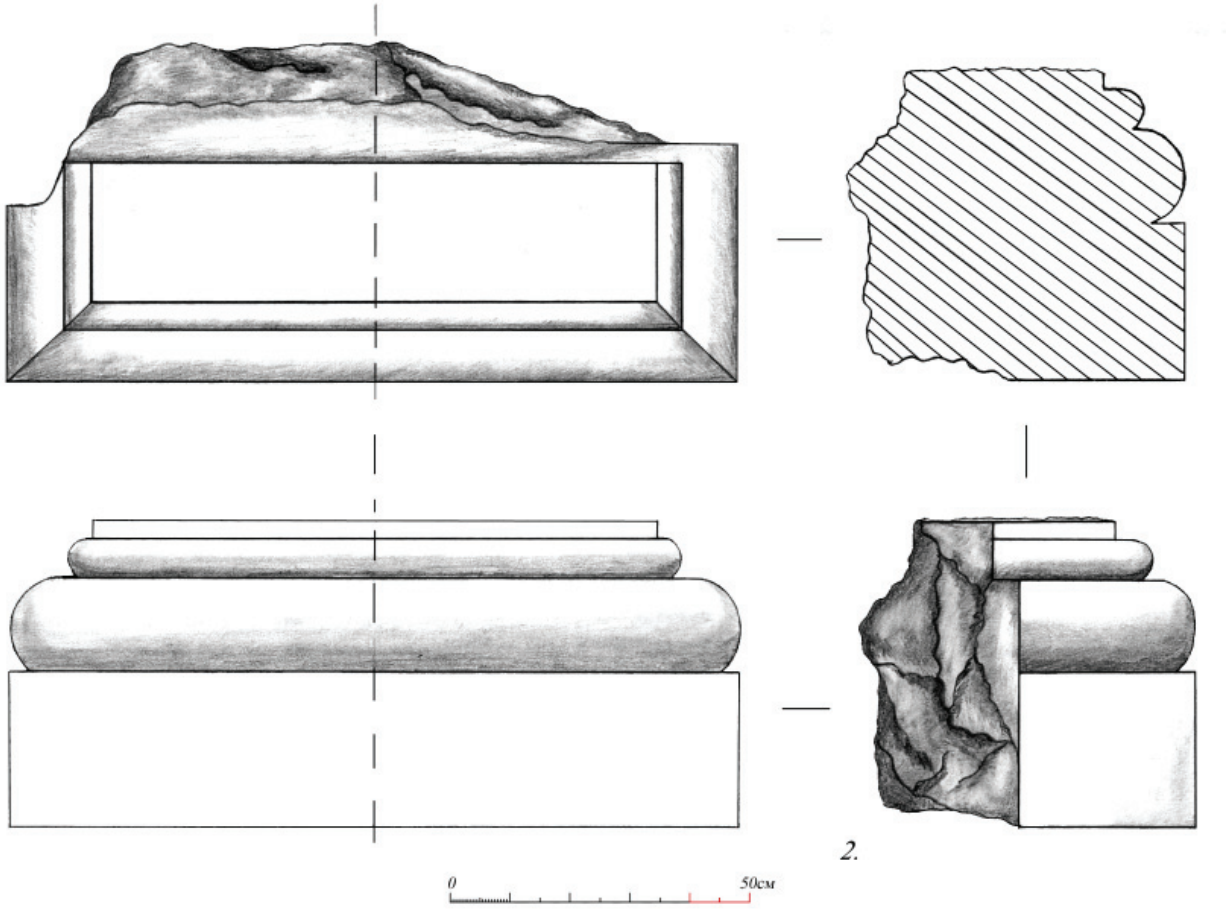
При раскопках найдены обломки мраморных и несколько целых экземпляров известняковых напольных плит почти правильной квадратной формы размерами от 0,51 × 0,52 м до 0,67 × 0,62 м, толщиной 0,09–0,11 м. Одна из поверхностей плит заполирована. Несколько таких плит сохранилось *in situ* на полах в алтарной части храма. База полуколонны (пилястры?), украшавшей внешнюю стену здания, найдена в слое разрушения у северной стены (рис. 14). Она представляла собой прямоугольный гранитный блок длиной 1,22 м, высотой 0,58 м и шириной 0,52 м, боковые и верхняя стороны которого обработаны. Нижняя плоскость базы прямоугольная гладкая, верхняя имитирует рельефное основание колонны ионического ордера, но подпрямоугольной в плане формы. Обнаружены декоративные покрытые серебристой краской базы небольших колонн, диаметром 0,25–0,30 м, из штукатурного или цементного раствора, которые были элементами интерьера храма. Базы оформлены в виде многолепестковой вертикальной розетки, концы лепестков которой плавно отогнуты снизу.

Трубы керамические (канализационные)

Две линии канализационных труб из восточной части раскопа состоят из керамических звеньев, длиной 0,77 м и диаметром 0,20 м, с наружной резьбой на одном конце и с широким цилиндрическим раструбом (диаметром 0,26 м) с внутренней резьбой на другом. Снаружи труба покрыта темно-коричневой поливой. На каждой секции имеется штампованное клеймо круглой формы: «Боровичи. К. Вахтер и К°» (инв. № 194). В Боровичах (Новгородская губерния) во второй половине XIX в. были построены крупные заводы для производства огнеупорных, кислотоупорных, канализационных изделий из местных глин: «Пирогранит» («Терракота»), завод К. Вахтера, завод ТОПГИ, «Новь». Безусловным лидером, «королем огнеупора», был основанный петербургским промышленником Константином Вахтером в 1880 г. Боровичский завод огнеупорных, кислотоупорных изделий и канализационных труб. Через 16 лет, объединив лучшие заводы Боровичей, завод в Воронежской губернии и несколько шахт, предприниматель создал акционерное общество К. Вахтера, ставшее крупнейшим предприятием отрасли (выпуск огнеупоров составлял 16,5 % от общероссийского). Высококачественная продукция поставлялась на ме-

1.

2.

Рис. 14. Спас на Сенной (2013 г.). База пилястры

таллургические заводы Петербурга, Нижнего Новгорода, Брянска, на железные дороги и морскому ведомству. Революция и гражданская война почти полностью остановили производство в Боровичах.

Красноглиняная и сероглиняная кухонная посуда

Подробная морфологическая характеристика керамической посуды невозможна из-за сильной фрагментированности; 80 % обломков красноглиняной посуды принадлежали керамике с поливой зеленого (реже красного) цвета на внутренней поверхности, 20 % обломков – без поливы. По форме красноглиняная кухонная посуда делится на миски с раструбообразным плавно изогнутым венчиком, горшки с раздутым туловом и коротким вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком и кувшины. Некоторые фрагменты мисок имеют короткий носик-слив (инв. № 27, 62). Один крупный фрагмент принадлежит миске-латке или подставке под горшок. Найден один археологически целый цветочный горшок без поливы, с отверстием в дне.

Среди фрагментов сероглиняной керамики поливных крайне мало (всего 3 из 37), большинство фрагментов имеют следы нагара. Представлены лишь горшки крупных размеров. Два фрагмента принадлежат небольшому сосуду открытой формы с рельефным валиком под отогнутым наружу венчиком. Несколько обломков сероглиняной керамики, вероятнее всего, принадлежали высоким чернолощеным кувшинам, характерным для Петербурга XVIII в. Лощение нанесено косыми полосами.

Из слоя погребенной почвы в шурфе 3 происходят около 20 мелких фрагментов стенок серолощеной керамики, датирующиеся временем не позднее первой половины XVIII в. (до строительства церкви).

Красноглиняные плошечные светильники

Светильники, конической формы, с чашечным углублением для свечи или масла на внутренней поверхности дна (инв. № 107, 200), найдены в погребении № 3 (рис. 12: 1, 2).

Бутылки из каменной массы

Найдено 11 фрагментов стенок и донце керамических бутылей из-под сельтерской воды. На одном обломке стенки, вероятно, второй половины XIX в. видна часть клейма немецкого поставщика («N[iederselters]» – название источника).

Фарфоровые и фаянсовые изделия

В ходе раскопок найдены несколько фрагментов тарелок, соусника и крышечки сахарницы или чайника из фарфора и фаянса. Наиболее интересны фрагменты с клеймами русских производителей фарфора, таких как «И. Е. Кузнецов», «Кузнецов на Волхове», «Кузнецов в Твери» (инв. № 3), на внешней поверхности донца сосудов. Фабрика И. Е. Кузнецова на Волхове (недалеко от Чудово) была создана в 1878 г. и принадлежала товариществу купца I гильдии Ивана Емельяновича Кузнецова, члена знаменитой семьи Кузнецовых, которая владела в России 19 заводами и фабриками по производству посуды. Клеймо, найденное на Сенной площади, ставилось на фабрике в пос. Бронница Новгородской области, работавшей до конца 1890-х гг. К началу XX в. Кузнецовы стали фактически монополистами на рынке фарфора в России. Товарищество имело собственные склады и магазины в Москве и Петербурге, но с 1914 г. производство на фабрике стало уменьшаться, а к 1918 г. резко сократилось.

Особый интерес представляет донце небольшого сосуда овальной формы, возможно, пепельницы или сахарницы, с достаточно редким клеймом «A. MARCEROU. St.PETERSBOURG» торгового дома П. П. Марсеру (инв. № 143) (рис. 15). Петербургский архитектор и художник Павел Петрович Марсеру (1860 – после 1917) в начале XX в. владел обширным магазином художественной майолики на Большой Конюшенной ул. в Петербурге. Он заказывал для своего торгового дома, в основном, лиможский фарфор из Франции и ставил на изделия свой фирменный логотип (обычная практика для того времени). Находка интересна еще и тем, что рядом с клеймом красной краской нанесен инвентарный номер, указывающий на принадлежность к описанному в советское время церковному имуществу или имуществу какого-либо казенного советского учреждения.

Полое внутри фаянсовое изделие яйцевидной формы с прикрепленными сверху и снизу элементами механизма перемещения (блок-колесико) является, вероятно, противовесом для люстры (инв. № 188) (рис. 16), которые использовались до середины XX в. как для керосиновых, так и для электрических подвесных потолочных светильников.

В погребении № 3 (инв. № 201) найдена разбитая небольшая чашечка-пиала из очень тонкого бежево-кремового китайского или японского фарфора конца XVIII – первой половины XIX в. с темными вкраплениями и изящным налепным рельефным декором на внешней поверхности в виде виноградной лозы (рис. 12: 4).

Белоглиняные курительные трубки

Трубки с длинным тонким стеблем и небольшой чашкой – один из характерных элементов евро-

Рис. 15. Спас на Сенной (2013 г.). Фарфоровое изделие с клеймом торгового дома Марсеру

Рис. 16. Спас на Сенной (2013 г.). Фаянсовый противовес для подвесных потолочных ламп

пейской материальной культуры XVII – начала XIX в. В России голландские белоглиняные трубки бытуют в основном до рубежа XVIII–XIX вв., постепенно сменяясь трубками другого типа (Пошернева, 2011. С. 285). Фрагменты стеблей таких трубок разной длины – самые массовые находки в культурном слое городов того времени. При раскопках на Сенной площади обнаружены один обломок чашки трубки воронкообразного типа (инв. № 71) и 18 фрагментов стеблей, длиной от 2,5–3,0 до 6,5 см. Большинство обломков стеблей имеют гладкую поверхность, один фрагмент (инв. № 29) украшен двумя поясками прокатанного орнамента и клеймом. Надпись нечеткая, вместо оригинального «IN GOUDA» читается «GOOD». Найденный образец, скорее всего, является подделкой, также весьма характерной для того времени (Пошернева, 2011. С. 252).

Изделия из стекла

Количество найденных в раскопе определимых стеклянных изделий невелико, несмотря на значительный объем обломков всевозможных бутылок, банок, стаканов, оконного стекла в основном позднего происхождения. В плоской баночке без крышки из молочно-белого непрозрачного стекла (инв. № 49) с клеймом на дне «A. Rallet & C. Moscou» хранили крем или пудру известной косметической фирмы, основанной в Москве французом Альфонсом Ралле в 1843 г. В XIX в. фирма стала первым эксклюзивным поставщиком парфюмерии для российского императорского двора и персидского шаха. Стеклянный парфюмерный флакон с клеймом товарищества парфюмерного производства «Брокаръ и К˚» и изображением двуглавого орла (инв. № 164) относится к концу XIX в. Товарищество учреждено в 1893 г. в Москве и являлось одной из крупнейших парфюмерных фирм в России в конце XIX – начале XX в. Ему принадлежала фабрика, построенная Г. Брокаром в 1869 г. на базе мастерской, которая существовала еще с 1864 г. Еще один миниатюрный флакон, вероятно, для духов имеет цилиндрическую форму с рельефной поверхностью.

Монеты

В раскопе найдено более 30 монет, из которых самые поздние датируются концом XX в., а 24 экземпляра относятся ко времени от основания Санкт-Петербурга до 1941 г. включительно (табл. 1).

Среди монет XVIII–XIX вв. преобладают медные монеты самых мелких номиналов: полушки и денги (полкопейки) (7 экз.). Следует отметить концентрацию этих находок в западной части раскопа – на паперти. Монеты в одну и две копейки (6 экз.) более редкие. Уникальной по условиям обнаружения стала находка серебряного рубля хорошей сохранности чеканки 1776 г. (инв. № 167) (рис. 17) в слое строительного раствора между

Таблица 1. Спас на Сенной (2013 г.). Монетные находки

Номинал, период	Количество монет
Монеты Российской империи:	14
Полушка, Анна Иоанновна (1731 г., 1735 г.)	2
Денга, Анна Иоанновна (1735 г., 1737 г., 1737 г.)	3
2 копейки, Елизавета Петровна (1757 г.)	1
2 копейки, Екатерина II (1763 г.)	1
Полушка, Екатерина II (1771 г.)	1
1 рубль 1776 г., Екатерина II	1
2 копейки, Александр I (1811 г.)	1
1/2 копейки, Николай I (1840 г.)	1
2 копейки, Александр II (1872 г.)	1
2 копейки, Александр III (1883 г.)	1
1 копейка, Николай II (1896 г.)	1
Монеты СССР:	10
1 копейка, 1924 г., 1928 г., 1928 г.	3
5 копеек, 1928 г.	1
3 копейки, 1930 г., 1930 г., 1941 г.	3
2 копейки, 1931 г., 1936 г.	2
10 копеек, 1940 г.	1

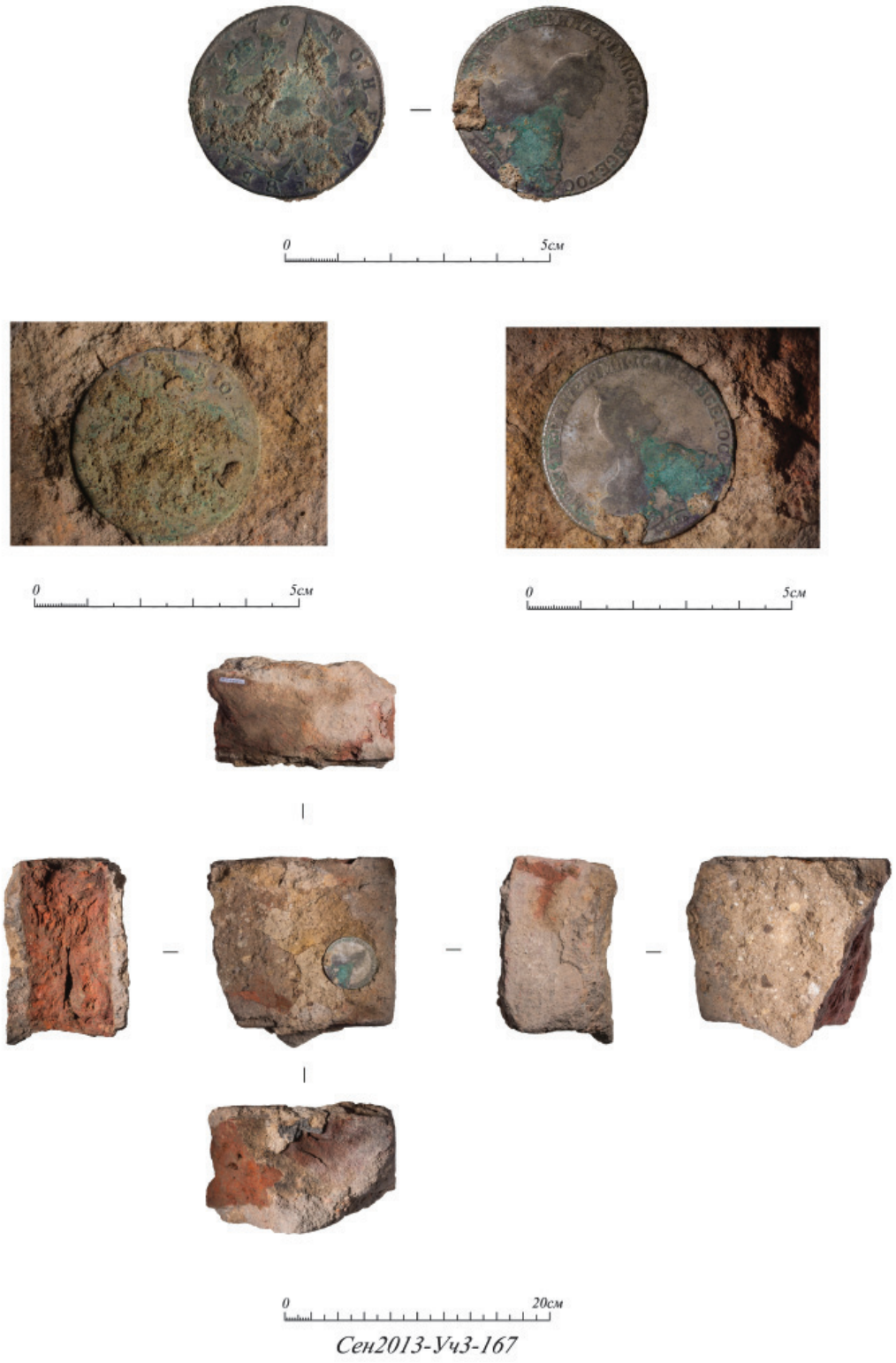

Рис. 17. Спас на Сенной (2013 г.). Закладной серебряный рубль 1776 г.

двумя кирпичами на участке между алтарной частью и подкупольным пространством. По всей вероятности, это закладной рубль, помещенный в стену в ходе одного из ремонтов церкви в 1770–1780 гг. Подобная практика в храмовом строительстве сохранялась до начала XX в.

Нахождение в храме мелких разменных монет советского периода из медно-никелевого сплава достоинством в основном 1, 2 и 3 копейки может быть связано со временем, когда после закрытия церкви в здании располагались советские хозяйственные учреждения.

Предметы из цветных металлов

К находкам, связанным непосредственно с функционированием храма, можно отнести всего несколько предметов из металла. В первую очередь это крест из медного сплава (инв. № 59) (рис. 18: 3), шириной 4 см и высотой 6,5 см (вместе с короткой ножкой), с густой позолотой на всей лицевой поверхности, выполненный в технике штамповки (или тиснения) из толстого листа, профиль в разрезе выпукло-вогнутый. Крест имеет равномерно расширяющиеся концы, рельефную звезду в средокрестии и косые расходящиеся «лучи» между лопастями («сияние»). В одном из косых «лучей» есть два небольших сквозных отверстия. Возможно, крест был фрагментом оклада иконы или Евангелия или накладкой на какой-то культовый предмет. Небольшой золотой нательный крестик, размерами 2,0 × 1,3 см (инв. № 82) (рис. 10: 2), обнаружен среди костей погребения № 1. Крестик литой с ушком, на лицевой стороне процарапано изображение распятия, Голгофы и надписи под титлами «ЦРЬ IC XC», на оборотной стороне нанесен точечный орнамент. Две целые, длиной 2,5 см, и пять фрагментов серебряных (?) булавок с миниатюрными круглыми головками из погребения № 1 (инв. № 81), возможно, служили для скрепления савана (рис. 10: 1). Тонкая золотая цепочка (инв. № 198) с пробирной отметкой «583°», длиной 44 см, относится к находкам советского периода.

В слое разрушения храма найдены два небольших окисленных фрагмента кровельного покрытия (куполов?) (инв. № 90, 91) из меди с остатками позолоты на одной из поверхностей. Листы сильно деформированы, по краю вдоль длинных сторон имеются сквозные отверстия для гвоздей. Возможно, листы кровли имели продольную гофрировку.

Обломки столовых ножей (инв. № 18, 22) и вилок (инв. № 21) из белого металла с рельефным орнаментом на ручках, вероятно, относятся к первой половине – середине XX в. На рукоятке одного ножа (инв. № 18) имеется клеймо «Артель им. Кирова 1947 г.». Найдены мелкие детали из меди или латуни от разных механизмов – часов, телефонных аппаратов и т. п.; горелка от керосиновой лампы (инв. № 175); ключи; ручка дверной (оконной?) заслонки (?) из латуни или медного сплава (инв. № 119) (рис. 18: 2). На колесике протяжки фитиля керосиновой лампы расположено клеймо – рельефными буквами «BAYONNET SCHLUSS BRENNER» («регулятор горения Байонета»), что может указывать на немецкого производителя лампы или только горелки, работавшего с конца XIX в. В коллекции находок имеется круглая пуговица с ушком из медного сплава (инв. № 58) (рис. 18: 1) и обломанная часть кронштейна кадила или лампадки в виде узкой изогнутой полоски медного сплава, длиной 11 см и шириной 7–8 мм, с отверстием на одном конце, в которое вставлена петелька из бронзовой проволоки.

Предметы из черного металла

В трех погребениях найдены восемь железных ручек от гробов: одна в погребении № 1 (инв. № 114), две в погребении № 3 (инв. № 195, 196), пять в погребении № 2 (инв. № 178–182) (рис. 10: 3). Все ручки стандартной овальной формы, размерами 22 × 10 см, выполнены из железного стержня с рельефными утолщениями-валиками посередине и крепежными обоймами на концах. Ручка (от детского гроба?) из погребения № 1 и одна из ручек (от крышки гроба?) из погребения № 2 имеют меньшие размеры: 16,0 × 6,5 см и 11 × 7 см. Найдена также железная ручка печной заслонки (?) с остатками дверцы, по форме и размерам несколько напоминающая вышеописанные предметы (инв. № 117).

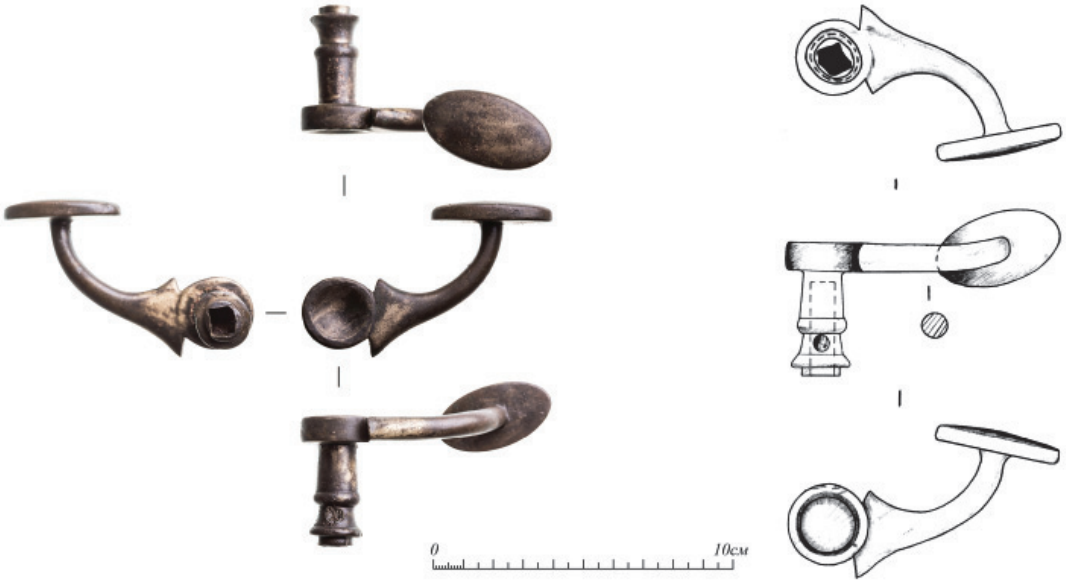
Фрагмент чугунной базы колонны, длиной 0,78 м и высотой 0,32 м, вероятно отлитой и установленной в период реконструкции 1866–1871 гг. Диаметр базы колонны мог достигать 1,60 м.

С реконструкцией системы обогрева церкви начала XX в. связаны находки нескольких секций чугунной батареи пароводяного отопления и дверца печи. Отдельную группу находок образуют железные инструменты и другие хозяйственно-бытовые вещи: шило (инв. № 163), слесарные клещи (инв. № 87), топоры (инв. № 116), подковы (инв. № 86), подвесной замок, элементы крепежа, ограды (инв. № 84). В алтарной части обнаружены две решетки, по-видимому, от подвальных окон. С одним из этапов реконструкции храма связан строительный подъемный блок в виде колеса диаметром 0,14 м, закрепленного на оси в муфте

1. Сен2013-Уч1-58

2. Сен2013-Уч2-119

3. Сен2013-Уч1-59

Рис. 18. Спас на Сенной (2013 г.). Находки из цветных металлов: 1 – пуговица; 2 – ручка; 3 – крест (фрагмент убранства иконы?)

с отверстиями для фиксации на основу. Также найдены предметы уличного убранства города, вероятно, советского периода – чугунное навершие диаметром 0,21 м и высотой 0,30 м, тумбы уличного ограждения или пожарного гидранта конической (куполообразной) формы с шаровидным завершением и прямоугольным вырезом сбоку (для цепи или рычага) шириной 0,06 м.

Поделки из кости

Фрагменты поделок неясного назначения из метаподий крупных парнокопытных с аккуратно спиленным одним или двумя концами найдены в слое разрушения храма и в заполнении ямы погребения № 3 (инв. № 199) (рис. 12: 3).

Особо следует упомянуть отщеп из черного кремня, возможно ружейный, и фрагмент восковой свечи, связанной с периодом функционирования храма. Длина свечи 4 см, ее диаметр 6 мм (инв. № 166). Воск белого цвета хорошо сохранился.

Кирпичи с клеймами

В раскопе собрана значительная коллекция кирпичей с заводскими клеймами середины XIX – середины XX в., большинство которых изготовлено на заводах Петербургской губернии. Клейма на петербургских кирпичах появляются в середине XIX в., что было связано с переходом кирпичного производства в частные руки: на смену десятку казенных заводов приходит более полусотни частных (62 завода в 1860 г.). Кирпичные заводы Санкт-Петербургской губернии располагались по берегам Невы и ее главных притоков, непосредственно, на месторождениях береговых глин. С 1850-х до 1920-х гг. все кирпичи этих заводов получали клеймо-отпечаток с матрицы, прикреплявшейся к дну формы или к формовочному столу. Вероятно, некоторые клейменые кирпичи можно датировать и более ранним временем. Для самых первых клейм характерно отсутствие рамки, небольшая глубина букв и всего одна или две буквы инициалов владельца. В 1860-х гг. появляются клейма, содержавшие фамилию, написанную полностью в родительном падеже («<завод> Тарасова»), а с 1870-х гг. до революции применяются трехбуквенные инициалы. В 1880-х гг. перестают использоваться двухбуквенные клейма, в них появляется номер «порядовщика» (рабочего-формовщика), размещаемый рядом с фамилией владельца или над/под специальной «арочкой» рамкой. Ниже приведены в хронологической последовательности найденные клейма на кирпичах.

А. П. – Алексей Правдин, с 1855 г. владелец одного из старейших кирпичных заводов в с. Большая Ижора, принадлежавших семье крестьян Правдиных. В 1887 г. завод в списках уже не числился.

Бр. Л. 97 – Братья Лядовы. Завод купцов братьев Ивана Васильевича и Владимира Васильевича Лядовых существовал с 1841 г. в дер. Усть-Славянка на правом берегу р. Славянки. Возможно, заводов было несколько, и братья разделили собственность, поскольку в 1860-х гг. появилось отдельное клеймо Ивана Лядова – «И. Л.». Однако, в 1881 г. один из заводов все еще принадлежал обоим братьям и лишь в 1887 г. его единоличным владельцем стал Владимир Лядов (позднее завод перешел к его жене Екатерине Васильевне).

Д. Л. – Дмитрий Липин. Завод в дер. Мурзинка, недалеко от впадения р. Славянки в р. Неву функционировал с 1860-х гг. В 1878 г. его владельцем стал Иван Дмитриевич Липин (использовал клеймо «И. Липина» и «И. Л.»). Последнее упоминание о заводе относится к 1899 г.

И. Б., И. Б. Н. – Иван Николаевич Балашов. Завод построен около 1824 г. отцом И. Н. Балашова купцом Николаем Балашовым. До 1860 г. И. Н. Балашов использовал клеймо «Балашовъ», позднее – «ИБалашовъ». Вполне вероятно, что ему же принадлежали клейма «ИБ», «ИБН». Клеймо «И.Б.» может указывать и на другого владельца – купца Ивана Баранова, кирпичный завод которого в 1870–1880-х гг. находился на р. Неве недалеко от Александро-Невской лавры. Кирпичами с клеймами двух последних разновидностей – «Д. Л.» и «И. Б.» – выложены все полы «елочкой» внутри подвальных помещений Спаса на Сенной.

Д. Б. – Дмитрий Васильевич Беляков. О заводе Беликова на берегу р. Славянки есть упоминания в исторических источниках. В 1867 г. владелец продал завод и с 1894 г. стал известным в Петербурге торговцем строительными материалами (плиткой и кирпичом).

Д. З. – Дмитрий Кузьмич Захаров. Младший сын основателя династии Кузьмы Захарова получил в наследство завод, построенный отцом в 1813 г. в Усть-Ижоре.

Г. С. Р. – Григорий Сергеевич Растеряев. Завод был открыт Сергеем Растеряевым в 1859 г., но через год хозяин скончался, и заводом завладела вдова Аграфена Растеряева. Затем фирму «Сергей Растеряев» возглавили трое их сыновей – Иван, Николай и Григорий. Вскоре последний стал единоличным владельцем (клеймо «Г. С. Р.»). В конце XIX в. более 250 рабочих завода производили

16 млн кирпичей в год. С 1890-х гг. до 1917 г., заводом «Г. Растеряев» владели дети Григория.

В. Г. З. – Владимир Гаврилович Зубинский. Завод находился в Ново-Саратовской колонии (Уткина заводь), в 1897–1914 гг. его владельцами были вначале В. Г. Зубинский, затем его наследники.

МАКСИМОВСКІЙ – Иван Петрович Максимовский. Завод И. П. Максимовского был построен в 1897 г. близ дер. Новой на правом берегу Невы и сначала принадлежал С. С. Сазонову.

Оттиск подковы с номером в шестиугольнике – завод вдовы генерал-майора от кавалерии Евгении Ивановны Спечинской построен в 1897 г. на правом берегу Невы около колонии Овцино в имении Марьино. Использование такого оригинального клейма объясняется родом занятий ее мужа Виктора Александровича Спечинского, владельца завода до 1902 г. Завод работал до 1917 г., в его клеймах использовались различные вариации изображения подковы в комбинации с номерами в овале и шестиугольнике.

В. А. РУСАНОВЪ – Владимир Андреевич Русанов. Завод располагался на Шлиссельбургском участке правого берега Невы и функционировал в 1902–1917 гг. Кирпичами с клеймом «В. А. РУСАНОВЪ» выложены все наиболее поздние достройки начала XX в. внутри подвальных помещений (воздуховоды).

БОГДАНОВИЧЪ – Анна Евстафьевна Богданович. Завод работал на р. Тосна близ с. Ивановского в 1908–1917 гг.

Бр. СТРЪЛИНЫ – Алексей Макарович и Василий Макарович Стрелины. Заводы братьев Стрелиных основаны их отцом крестьянином Макарием Тимофеевичем Стрелиным. Завод в с. Усть-Ижора на р. Славянке был построен в 1875 г., второй завод в колонии Овцино на правом берегу Невы – в 1897 г. Совместное клеймо «Бр. Стрълины» появилось, вероятно, около 1910 г.

Клейма И. В., П. А. Ж., прямоугольная рамка с круглыми углублениями не атрибутированы.

5 HÖGANÄS – шамотный кирпич. Огнеупорные силикатные кирпичи произведены на юге Швеции в дер. Хоганас провинции Скане в 20 км от Хельсингборга. Совместные залежи угля и глины позволили в 1832 г. открыть там производство кирпича и керамики, благодаря которому место получило известность. Производство кирпичей было закрыто после 1926 г.

BUTE – шамотный кирпич. Клеймо не атрибутировано.

Заключение

Спас на Сенной уничтожали трижды – взрывали в 1961 г., при строительстве метро и, наконец, при прокладке через остатки церкви многочисленных современных коммуникаций, значительно разрушивших оставшиеся после взрыва части храма, особенно в западной его половине. Тем не менее в процессе археологических исследований удалось проследить конструкцию сохранившихся участков фундамента, стен, полов, архитектурных и инженерных деталей, соотнести их с этапами строительства и реконструкций. Все выявленные объекты, кроме провала кирпичного пола 3, оставлены *in situ* и могут быть музеефицированы при воссоздании церкви.

Источники и литература

Длужневская Г. В., 2003. Утраченные храмы Петербурга. СПб.

Образцов И. Я., 1885. Историко-статистическое описание Спасо-Сенновской церкви в Петербурге. СПб.

Пошернева Т. Н., 2011. Белоглиняные курительные трубки из раскопок Охтинского мыса (по материалам работ 2010 г.) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 2.

Пыляев М. И., 1889. Старый Петербург. СПб.

РИА Новости, 2013. http://ria.ru/spb/20130715/949759028

Юркова З. В., 2011. Сенная площадь. Вчера, сегодня, завтра. М. Серия «Все о Санкт-Петербурге».

Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 3, лит. А

А. М. Смирнов, С. Л. Соловьев

В июле 2013 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы в Центральном районе Санкт-Петербурга по договору с СПб ГУП «Горэлектротранс». Исследуемый участок с севера ограничен Замковой ул., с востока – Кленовой ул., с юга – Инженерной ул. и с запада – наб. р. Фонтанки. Археологические работы проводились по адресу наб. р. Фонтанки д. 3, лит. А, к северу от здания Большого Санкт-Петербургского государственного цирка во дворе здания тяговой подстанции № 11 в двух разведочных шурфах (1 и 2) общей площадью 12 кв. м (рис. 1; 2), которые были заложены в удалении от действующих коммуникаций и с условием обеспечения беспрепятственного въезда на территорию аварийных служб трамвайных электросетей: в центральной части двора у северный стены здания подстанции (шурф 1) и у западной границы двора, параллельно ограде (шурф 2). На момент исследования двор был покрыт асфальтом. Современная дневная поверхность находилась на отметках 3,20–3,40 м БС в центральной части двора и на уровне 3,25 м БС в его западной части.

Участок, подлежавший натурному обследованию, представлял собой двор тяговой подстанции неправильной Г-образной формы. С севера двор ограничен стеной жилого дома, с юга и востока – собственно зданием подстанции, с запада – чугунной решеткой. Исследование проводилось в пределах внутреннего двора подстанции.

На шведском плане 1676 г. территория современного Санкт-Петербурга в границах рек Мойки, Фонтанки и канала Грибоедова именуется «Perykasaari» (остров Первушин). В верховьях Фонтанки располагались деревни Враловщина, Кандуя и Коносхоф на острове Перузина – на месте нынешнего Летнего дворца Петра I. Впоследствии, после соединения канала Грибоедова с Мойкой при создании Крюкова канала в 1719–1720 гг., остров получил современное название – остров Спасский, из-за того, что на острове был расположен Спаса-на-Сенной (Успенская церковь).

Начало освоения исследуемого участка связано с благоустройством набережной р. Фонтанки. Название реки возникло в связи с устройством фонтанов Летнего сада, когда через Фонтанку были переброшены трубы из бассейна Лиговского канала. До 1712–1714 гг. она называлась «Ериком» или «Безымянным Ериком» и представляла собой болотную речку, образующую в своем течении острова и заводи. Затем именовалось Фонтанной рекой (речкой), а с 1737 г. получила современное название. На момент строительства первого моста через Безымянный Ерик ширина водной преграды составляла около 200 м, но по мере освоения мелководий для строительства ее ширина существенно уменьшилась. В 1743–1752 гг. она была расчищена и укреплена деревянной набережной. Современные очертания русло Фонтанки приобрело с тех пор, как в 1780–1789 гг. ее вторично расчистили и углубили, а берега одели в гранит.

С 1730-х гг. до середины XVIII в. Фонтанка служила южной границей города. Берега застраивались усадьбами, первой из которых стал Летний дворец Петра I с Летним садом. Несмотря на то что в 1760-е гг. городской чертой стал Обводный канал, Фонтанка оставалась границей парадной застройки Петербурга.

Застройка исследуемого участка, ограниченного с севера Замковой ул., с востока Кленовой, с юга Инженерной ул. и с запада наб. р. Фонтанки,

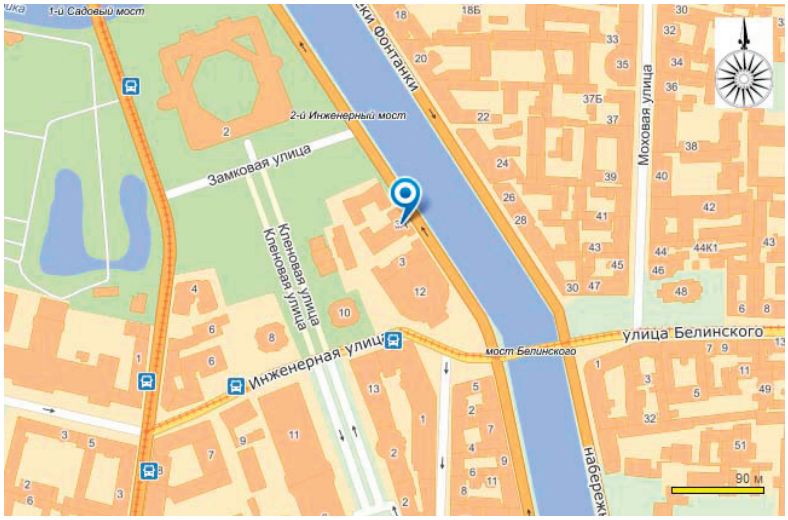

Рис. 1. Фонтанка (2013 г.). Участок исследования на карте Центрального района Санкт-Петербурга

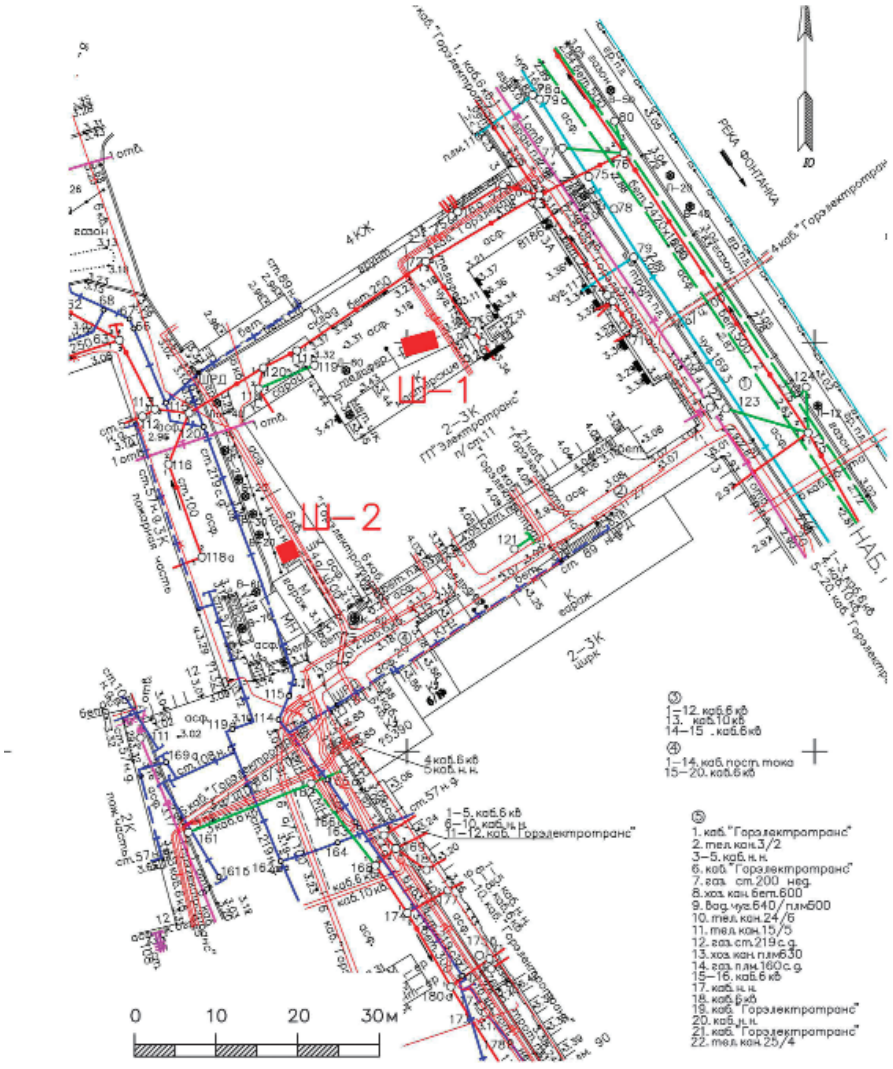

Рис. 2. Фонтанка (2013 г.). Общий план исследуемого участка с обозначением археологических шурфов

находящегося по адресу: наб. р. Фонтанки, д. 3, лит. А, связана с постройкой здания Большого Санкт-Петербургского государственного цирка. Первый цирк в России появился еще в петровские времена. Тогда в Санкт-Петербурге выступали в основном иностранные артисты, главным образом из Голландии и Франции. Для цирковых представлений в разных районах города строили деревянные временные арены. На том месте, где ныне находится здание цирка, такая арена была построена в 1827 г. для конной группы Жака Турниера. Это стало первым стационарным сооружением для выступлений артистов в Санкт-Петербурге. К 1842 г. здание пришло в ветхость и было сломано.

Проект нового цирка разработал Василий Александрович Кенель. Архитектор первым в России спланировал здание с учетом цирковой специфики. Зрительный зал построен без единой колонны. Цирк открылся 26 декабря 1877 г. (рис. 3). В 1881 г. по требованию пожарной комиссии в амфитеатре были сделаны боковые входы, а по сторонам от них – лестницы, ведущие вниз до самой арены. Такой вид зала сохранился до настоящего времени. Цирк вмещал 5000 зрителей. Для различных сословий в зрительном зале существовали свои места, в каждый сектор вел отдельный вход. Современный вид здание цирка приобрело в 1960-е гг. Внешняя одноэтажная галерея была надстроена на всю высоту здания. Здание приобрело дополнительный объем, здесь были устроены фойе и гардеробы. Деревянное покрытие купола заменили на железобетонное.

К западу от исследуемого участка в 1893–1894 гг. архитекторами Тейхманом и Загорянским было построено здание учебной электростанции Николаевской инженерной академии (рис. 4). Здание, построенное в стиле неоклассицизма, выделяется невысокой башенкой с остроконечным завершением и арочными окнами с полуциркульным верхом. Непосредственно на исследуемом участке, во дворе цирка, в 1920-е гг. по проекту архитектора Р. Н. Кохановой строится здание тяговой подстанции № 11 (рис. 5), также известное как «Блокадная подстанция». Здание выстроено по экспериментальному проекту, является ярким примером супрематической архитектуры Ленинграда. Оно представляет собой редкий в центральных районах Петербурга образец

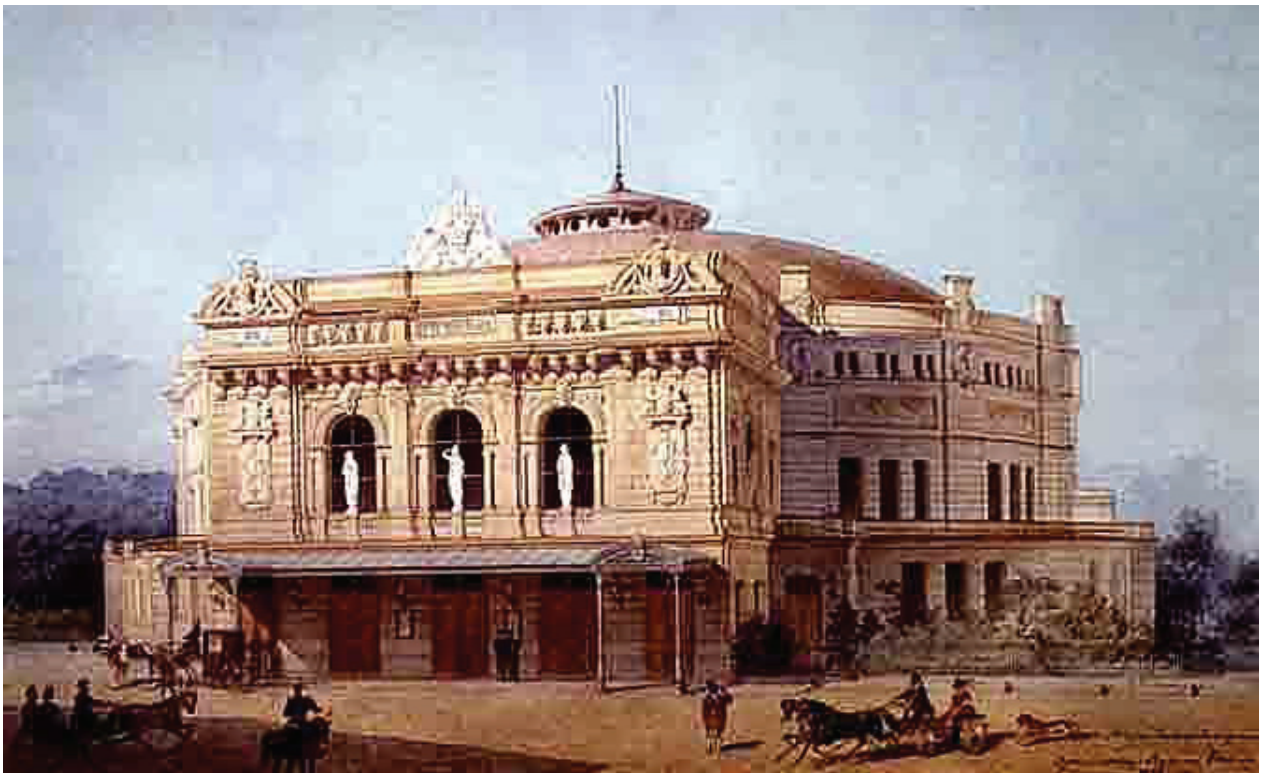

Рис. 3. Цирк на Фонтанке. Конец XIX в. Гравюра

Рис. 4. Здание учебной электростанции Николаевской инженерной академии

Рис. 5. Здание тяговой подстанции № 11 на наб. р. Фонтанки, д. 3, лит. А

производственного сооружения, решенного в приемах конструктивизма. Подобные проекты создавались в то время под влиянием ленинских планов электрификации страны и поставленной задачи обеспечения рабочих новым видом транспорта, который предстояло развивать. Здание является историческим памятником советскому плану ГОЭЛРО и произведением архитектуры, выполненным в духе идей и стилистики конструктивизма.

8 марта 1942 г. с ГЭС «Красный Октябрь» стало поступать напряжение. Подстанция дала ток в сеть и обеспечила тем самым возможность движения сначала грузового, а с 15 апреля 1942 г. регулярного пассажирского трамвая. На здании подстанции с 1995 г. висит мраморная мемориальная доска: «Подвигу трамвайщиков Ленинграда. После суровой зимы 1941–1942 года эта тяговая подстанция дала энергию в сеть и обеспечила движение возрожденного трамвая». К северу от исследуемого участка в 2005 г. было построено жилое здание.

Шурф 1

Шурф 1, размерами 2,00 × 4,00 м, был заложен в центральной части исследуемого участка, в непосредственной близости от северной стены здания тяговой подстанции (рис. 2; 6; 7). Современная дневная поверхность (бетонные плиты) лежит на отметках 3,11–3,18 м БС. Ниже залегал слой

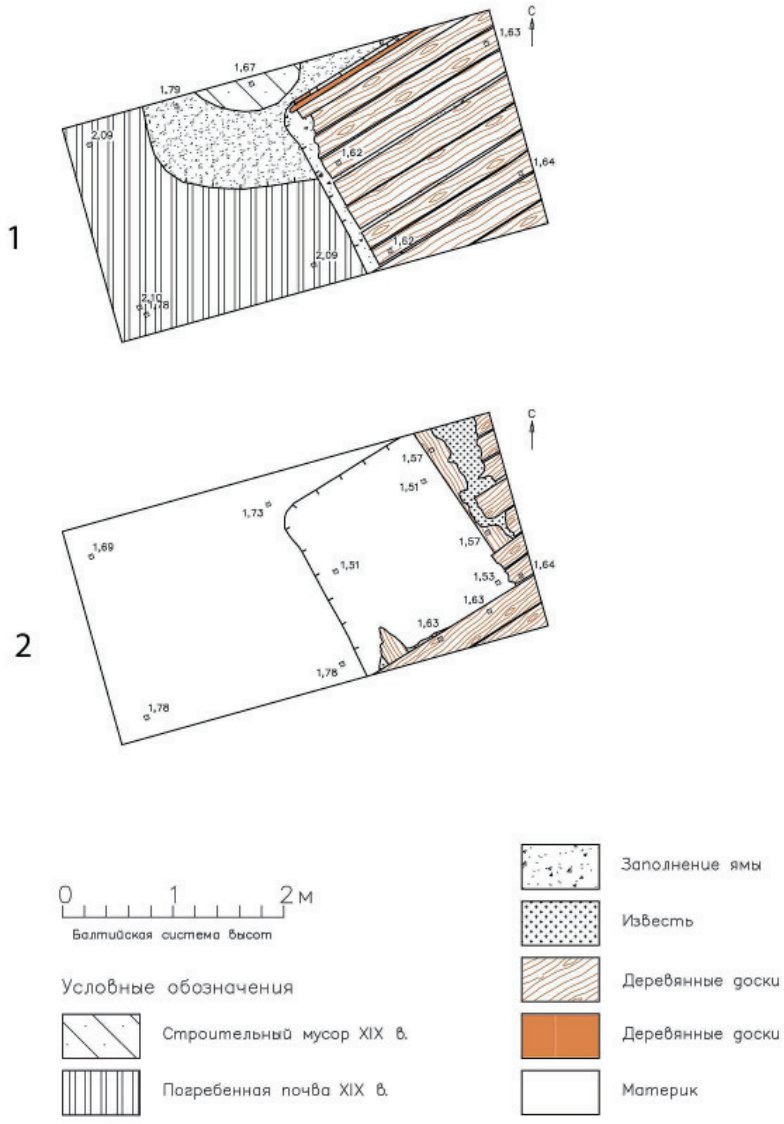

Рис. 6. Фонтанка (2013 г.). Шурф 1. План

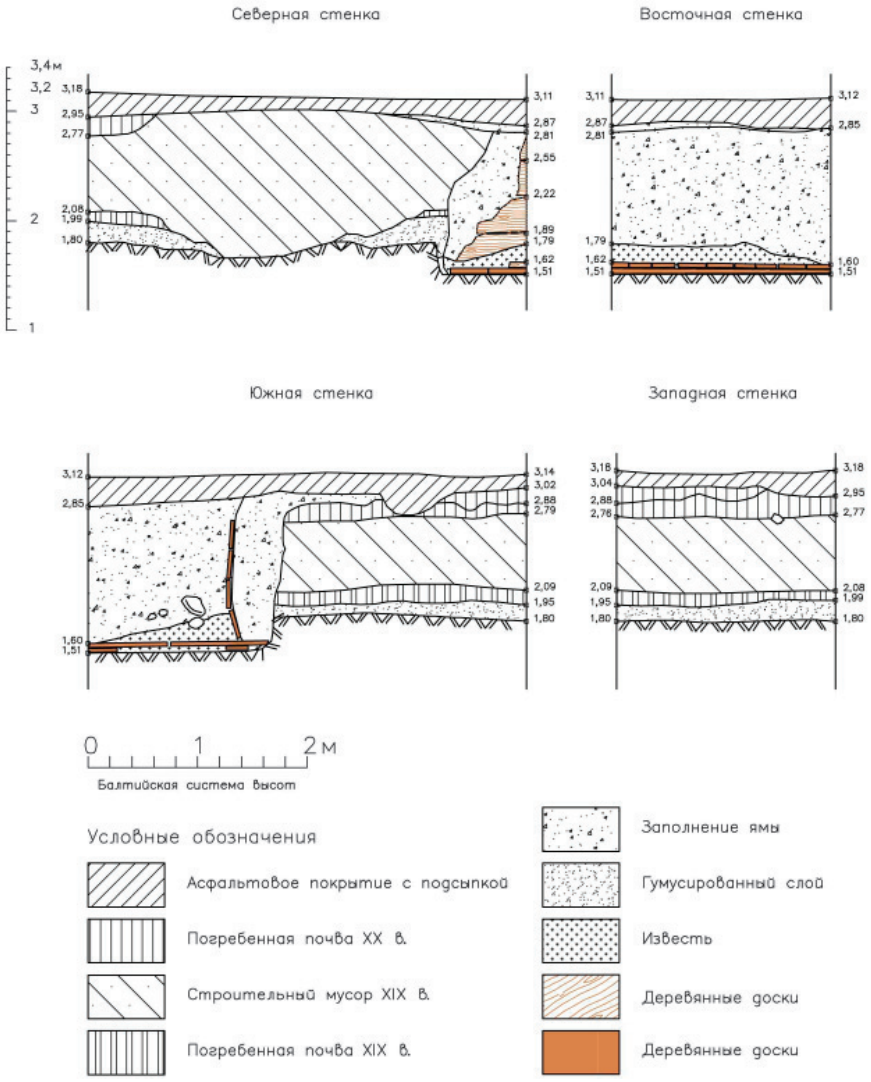

Рис. 7. Фонтанка (2013 г.). Шурф 1. Стратиграфия бортов

асфальтово-щебеночного покрытия толщиной 0,25 м, который перекрывал слой погребенной почвы и яму подпрямоугольной формы, заполненную сверху строительным мусором второй половины XX в. После выборки мусора была открыта яма глубиной 1,20 м от современной дневной поверхности, размерами 2,00 × 2,20 м, заполненная негашеной известью. В нижней части ямы обнаружены остатки деревянных бортов из досок, сбитых гвоздями. Пространство между деревянными бортами и стенками ямы заполнено переотложенным грунтом. Под известью был прослежен пол из деревянных досок, лежавших на материке. Таким образом, обнаруженный комплекс можно интерпретировать как творило – яму для гашения извести, относившуюся ко времени строительства здания подстанции в 1920-х гг. В западной части шурфа после снятия погребенной почвы был прослежен слой строительного мусора XIX в., толщиной 1,25 м, перекрывавший погребенную почву XVII–XIX вв. В северной части она была нарушена ямой размерами 1,00 × 1,20 м, заполненной битыми кирпичами и камнями, среди который найдены монета – денга 1730-х гг. (рис. 8) – и развал серолощеного сосуда. Шурф раскопан до уровня материка на отметках 1,78–1,53 м БС.

Рис. 8. Фонтанка (2013 г.). Монета медного сплава: денга 1730-х гг.

Шурф 2

Шурф 2, размерами 2,00 × 2,00 м, был заложен в западной части исследуемого участка, между западной стеной здания тяговой подстанции и оградой двора (рис. 2). В связи с большим количеством проходящих по двору инженерных сетей шурф не был ориентирован по сторонам света, а вырыт там, где это было возможно. Современная дневная поверхность (асфальтовое покрытие) лежит на отметках 3,18–3,14 м БС. Под слоем асфальтово-щебеночного покрытия, толщиной 0,10 м, была обнаружена мостовая из гранитных булыжников (рис. 9), пространство между которыми было заполнено землей и песком с известковой крошкой. Под слоем брусчатки прослежена поверхность темной гумированной почвы и контуры прорезавшей ее траншеи шириной 0,50–0,60 м, пересекавшей шурф по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток, заполненной песком с переотложенной почвой и строительным мусором. На глубине 1,20 м от современной поверхности на дне траншеи обнаружена чугунная водопроводная труба диаметром 0,17 м. Слой гумированной почвы перекрывал слой строительного мусора XIX в., толщиной 0,47 м, под которым залегал слой подсыпки из крупнозернистого речного песка, толщиной 1,07 м. Шурф раскопан до уровня материка на отметках 1,65–1,17 м БС (рис. 10). Археологический материал из шурфа представлен изделиями из стекла, фарфора, фаянса, бутылками из каменной массы, обломками красноглиняной и сероглиняной посуды (рис. 11–14). Все находки происходят из заполнения траншеи и слоя строительного мусора XIX в.

Рис. 9. Фонтанка (2013 г.). Шурф 2, мостовая. Вид с северо-востока

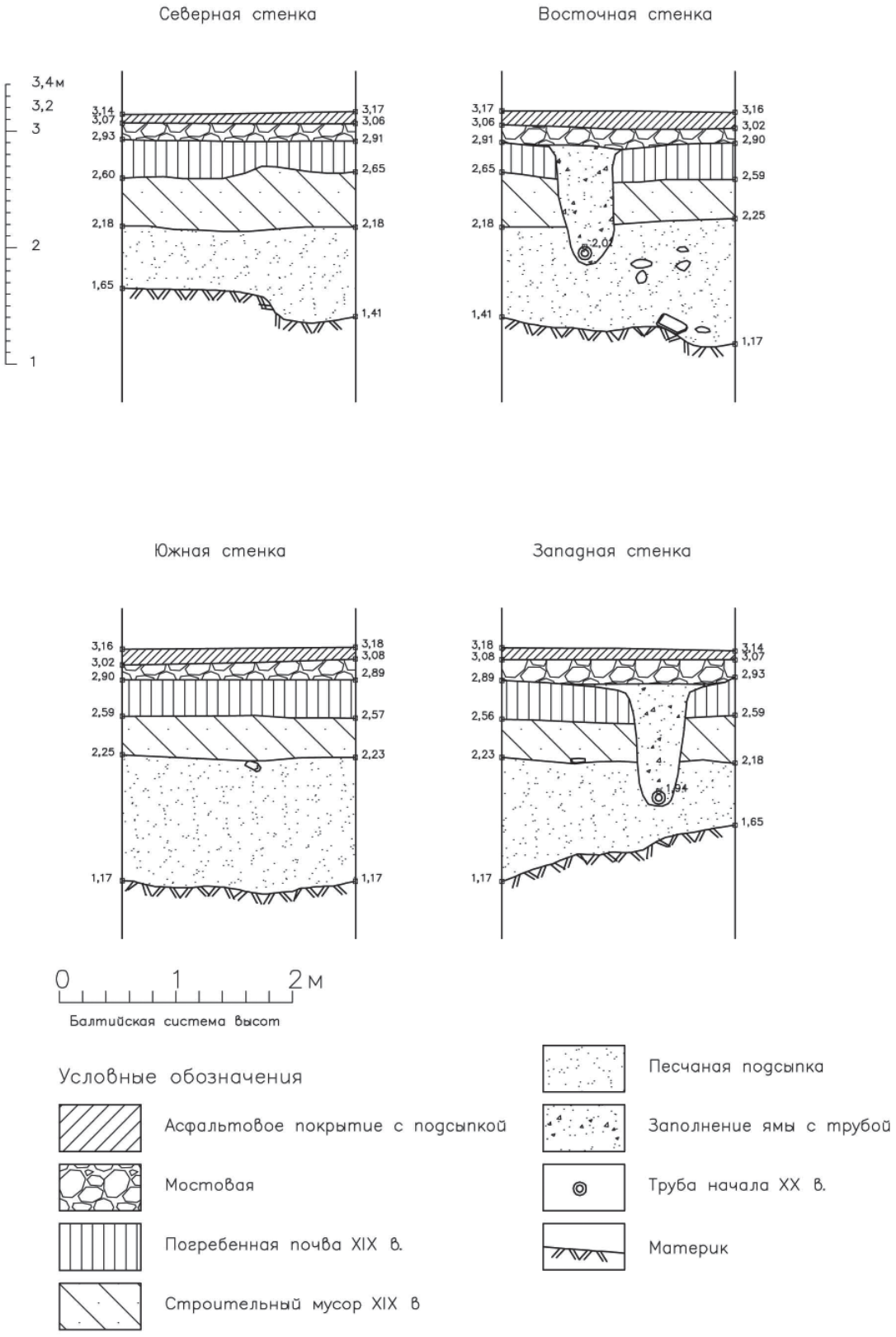

Рис. 10. Фонтанка (2013 г.). Шурф 2. Стратиграфия бортов

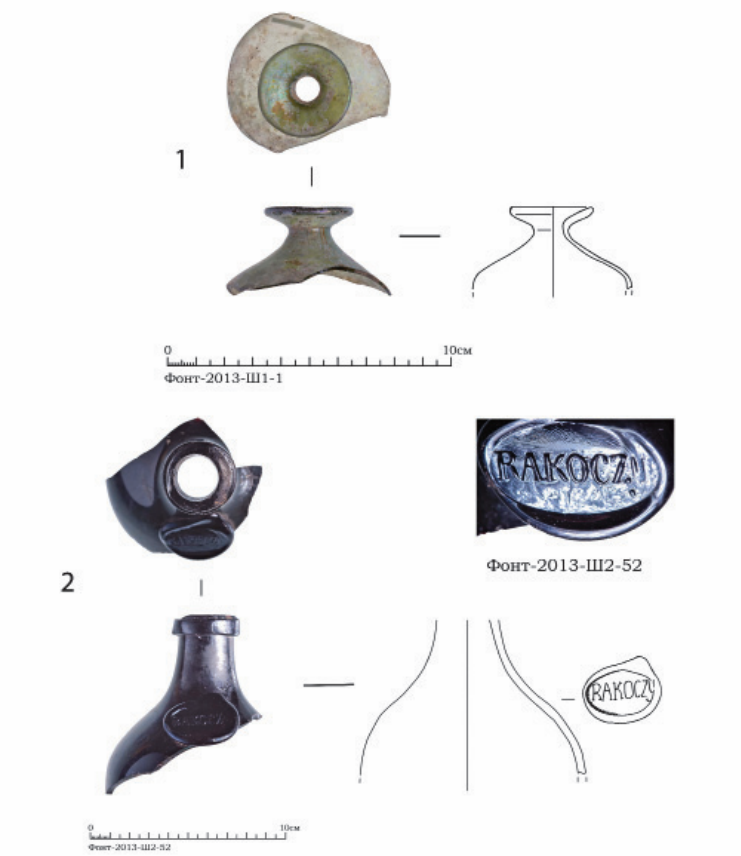

Рис. 11. Фонтанка (2013 г.). Находки: 1 – горлышко стеклянной бутылки; 2 – горлышко стеклянной бутылки

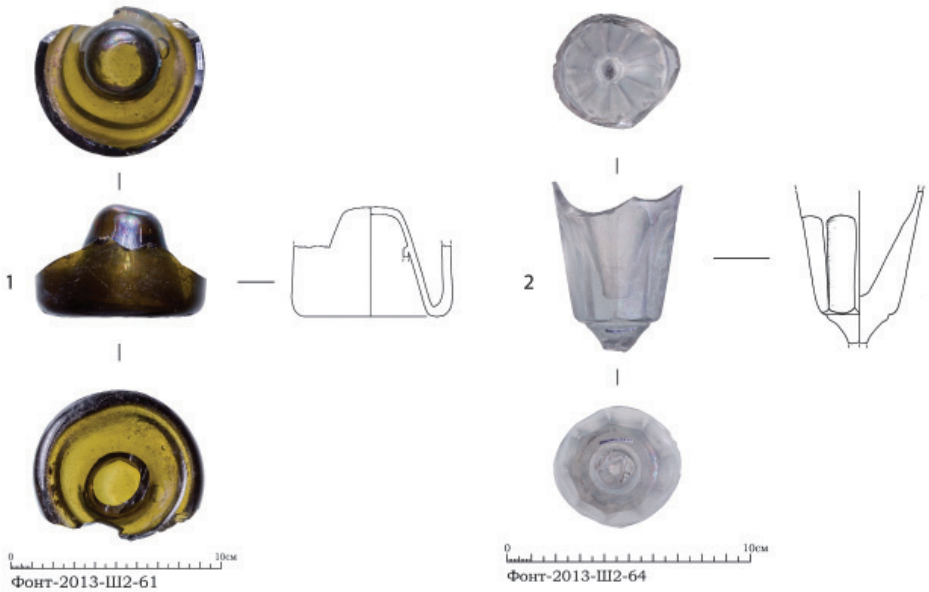

Рис. 12. Фонтанка (2013 г.). Находки: 1 – донце стеклянной бутылки; 2 – донце граненой стопки прозрачного стекла

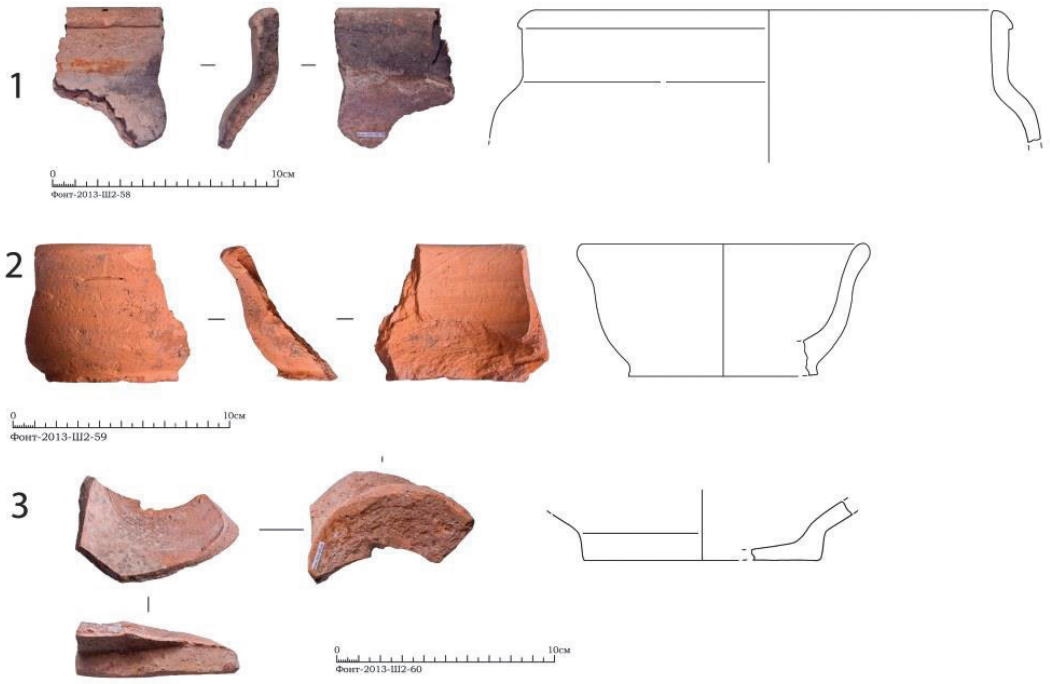

Рис. 13. Фонтанка (2013 г.). Находки: 1 – венчик сероглиняного сосуда; 2 – профиль красноглиняного сосуда; 3 – донце красноглиняного сосуда

Рис. 14. Фонтанка (2013 г.). Фаянсовая помадная банка

Археологические работы, проведенные по адресу: наб. р. Фонтанки, д. 3, лит. А, показали, что строительство окружающих зданий почти не затронуло городские исторические слои. Межу тем найденные немногочисленные археологические материалы, в свою очередь, указывают на формирование в этом месте культурного слоя XVIII – начала XX в.

Работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг.

И. А. Федоров, Д. Н. Мурзенков, В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев, Е. Р. Михайлова

Археологическое изучение Петербурга, начавшееся в середине прошлого века, в наши дни стало полноправной и самостоятельной темой научных исследований, которые ведут на территории города специалисты многих организаций. Одной из самых актуальных задач при этом становится оперативное введение в научный оборот результатов проведенных работ. Настоящая статья посвящена охранным археологическим раскопкам и наблюдениям за культурным слоем, производившимся археологами Санкт-Петербургского государственного университета в историческом центре города в 2012–2013 гг. Эти работы затронули несколько микрорайонов: территорию исторической Колтовской слободы на северо-западе Петроградского острова, южную окраину Покровского острова, несколько участков на Васильевском острове, на современном Лиговском пр. и близ Таврического сада.

Все археологические полевые работы производились по обычной для изучения исторических городов методике, с учетом особенностей петербургских культурных напластований и необходимости сопоставления результатов археологических исследований с инженерными изысканиями и градостроительной ситуацией. Основной топографической основой послужили материалы съемки территории города трестом ГРИИ, отметки высот и глубин производились в Балтийской системе высот (далее БС).

Работы в Колтовской слободе

История Колтовской слободы началась вместе с историей Санкт-Петербурга. В условиях постоянной военной опасности в годы Северной войны Петр I разместил на ближних подступах к Петербургу несколько гарнизонных полков. Один из них под командованием полковника Петра Колтовского был поселен в северо-западном углу Петербургского острова, близ берега Малой Невки. Первоначально полк назывался по фамилии командира «Колтовской», а с 1727 г. – «Невский». Колтовской стала называться и полковая слобода. Колтовской полк прикрывал с запада казенные пороховые («зелейные») заводы, располагавшиеся у впадения в Малую Невку р. Карповки. Однако на планах Санкт-Петербурга Колтовская слобода отмечается только с 1737 г. (Георги, 1794. § 36).

Слобода имела четкую планировочную структуру. В меридиональном направлении ее прорезали три улицы: Большая Колтовская, Средняя Колтовская и Малая Колтовская, из которых в настоящее время сохранилась трасса первой (вошедшей в современную Пионерскую ул.) и южная половина второй. Между ул. Большой Спасской (ныне – ул. Красного Курсанта) и Большой Колтовской (ныне – Пионерская) в широтном направлении были проложены несколько коротких улиц, которые первоначально носили номера рот Невского полка, позднее стали номерными Колтовскими, а в середине XIX в. получили наименования по названиям городов Санкт-Петербургской губернии (Кронштадтская, Гдовская, Шлиссельбургская, Новоладожская, Петергофская, Лугская, Ямбургская, Царскосельская) (Ефремов, 1972. С. 42). Центром слободы стала Спасо-Преображенская церковь, построенная в 1728 г. и с неоднократными перестройками просуществовавшая до 1936 г. (Сорокин и др., 2009. С. 96–102; Глезеров, 2010. С. 165, 166).

В 1801 г. пороховые заводы на Карповке были закрыты и переведены на Охту, а участок от устья Карповки до устья Ждановки постепенно приобрел характер дачной местности, преоб-

ладающим типом застройки стали небольшие деревянные дома, окруженные садами. В течение XIX в. исследованный участок был занят частновладельческой деревянной застройкой; на рубеже XIX–XX вв. здесь появляются строения постепенно расширяющегося чугунолитейного, медно-котельного и механического завода «Вулкан», а разросшаяся заводская территория поглотила северо-западный отрезок Средней Колтовской ул. На рубеже XIX–XX вв. территория Колтовской слободы стала стремительно превращаться в промышленную окраину столицы: здесь появились металлургические, машиностроительные, ткацкие и другие предприятия. Последний значительный этап застройки исследованного участка относится к 1930-м гг., когда в ходе реконструкции завода «Вулкан» было построено несколько новых производственных зданий (Завод «Вулкан», 1934. С. 36, 37). К северу и северо-востоку от заводской территории в XX в. еще сохранялись деревянные частные дома с садами.

Археологические работы на территории Колтовской слободы проводились и ранее. В 1998 г. археологические наблюдения и небольшая по объему шурфовка были выполнены сотрудниками нашей лаборатории, а в 2001 г. в рамках программы по историко-археологическому изучению утраченных старейших храмов Петербурга, осуществлявшейся под общим руководством П. Е. Сорокина, был обследован участок, где размещалась Колтовская Спасо-Преображенская церковь (Сорокин, Соболев, 2005; Сорокин и др., 2009, С. 102–115).

В 2013 г. под руководством И. А. Федорова были проведены спасательные археологические раскопки на территории строительства многофункционального общественно-делового комплекса по адресу: наб. Адмирала Лазарева, д. 22, на территории закрытого в 2008 г. завода «Вулкан». Этим раскопкам предшествовало разведочное археологическое обследование территории, проведенное тем же исследователем в 2011 г.

Раскоп общей площадью 185 кв. м был заложен в северо-западной части земельного участка, где ранее при разведочном обследовании был зафиксирован сохранившийся культурный слой. Раскоп был вписан в контуры дворового пространства бывшего завода, между фундаментными котлованами и перекопами под коммуникации и в плане представлял собой четырехугольник с разной длиной сторон, ориентированный углами по сторонам света (рис. 1). Современная дневная поверхность на исследованном участке, как и на всей бывшей заводской территории, сформирована слоем техногенного мусора, образовавшимся после сноса корпусов завода «Вулкан» (рис. 2).

В южной части раскопа под слоем строительного мусора расчищена булыжная мостовая площадью в пределах раскопа 70 кв. м. На поверхности мостовой зафиксированы два углубленных ливневых стока, ведущих к канализационному люку с чугунной крышкой конца XIX – начала XX в. Стоки расположены практически под прямым углом друг к другу и в целом соотносятся с планировкой внутреннего двора завода в XX в. Помимо ливневых стоков, на поверхности мостовой заметны небольшие выпуклые участки прямоугольной формы. В процессе раскопок выяснилось, что выпуклые участки соответствуют поверхности расположенных ниже фундаментных столбов. Непосредственно под мостовой прослежен обширный поздний перекоп, связанный с устройством водоотводной системы: здесь были расчищены фрагменты дощатых дренажных лотков и срубный колодец, крышка которого располагалась на уровне булыжной мостовой. Колодец в плане квадратный, размерами 1,20 × 1,20 м, собран из тесаных бревен на высоту четырех-пяти венцов; нижние венцы колодца заглублены в материк.

Под слоями техногенного мусора в северной части раскопа, не занятой булыжным мощением, зафиксирован слой садовой почвы – плотной гумусированной темно-серой супеси мощностью 0,25–0,30 м, в которой сохранились остатки двух пней. Слой садовой почвы выклинивается в южном направлении. В упомянутом слое собраны предметы преимущественно конца XIX – начала XX в. Из индивидуальных находок можно отметить пятикопеечную монету 1868 г., осколок разлинованной с двух сторон ученической грифельной доски, свинцовые пломбы, осколки глиняных игрушек (рис. 3: 1–3), а также попавшие сюда из нижележащих слоев фрагменты белоглиняных курительных трубок.

Под булыжным мощением и слоем садовой почвы залегала темно-серая гумусированная супесь со строительным мусором, мощностью в среднем 0,40–0,50 м. Именно с уровня этого слоя впущены основные объекты, зафиксированные в раскопе. Среди многочисленных массовых находок (белые гладкие изразцы от печей-голландок, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, кухонной керамики, стекла и т. п.) следует упомянуть осколки фарфоровых изоляторов, в том числе с подглазурными метками (синий двуглавый орел с надписью «Т-ва Мр», синяя буква «Е», зеленая крестообразная фигура и буквы «О» и «L» под

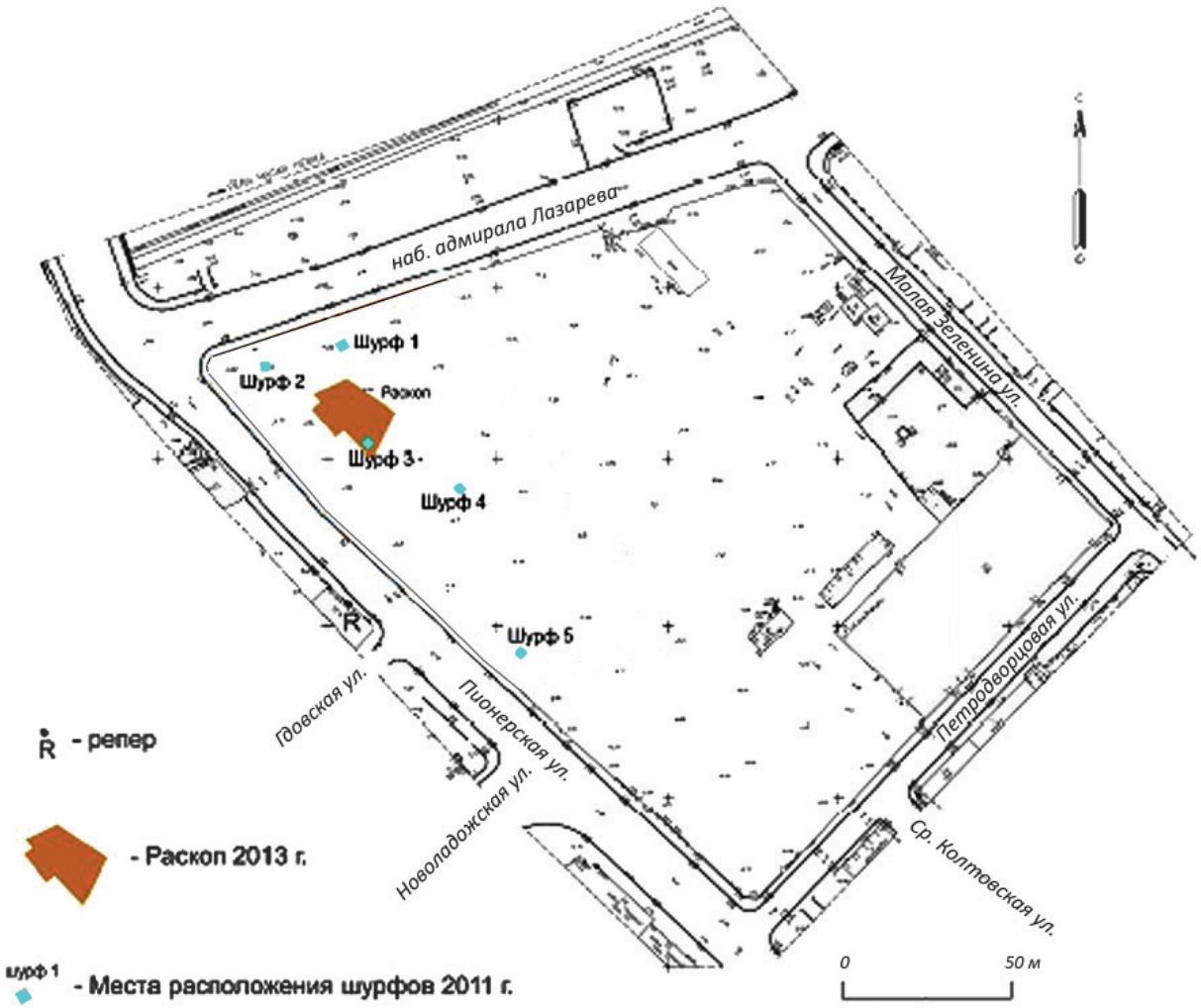

Рис. 1. Наб. Адмирала Лазарева. Ситуационный план обследованного участка с обозначением шурфов 2011 г. и раскопа 2013 г.

короной). Хорошо известно, что электрическое освещение в Петербурге начинает распространяться с 1870-х гг. В целом слой можно датировать последней четвертью XIX – началом XX в.

Постройка 1 открыта в восточной части раскопа непосредственно под булыжным мощением. Ее юго-западная сторона, длиной 9,20 м, вошла в пределы раскопа полностью; юго-восточная сторона прослежена на отрезке длиной 4,30 м; северо-западная сторона – на отрезке длиной 1,30 м (рис. 4). От постройки сохранился фундамент, разделенный на две части, из которых южная, служившая подвалом здания, была возведена несколько позже: ее кладка примыкает к кладке северной части. Прямоугольные в плане столбы фундамента, сложенные из известняковых плит на растворе, заглублены в материк на 0,10–0,20 м и опирались на деревянные плахи. Стены постройки между столбами стояли на подкладке из колотых плит (в южной части) и кирпичной кладке (в северной части). В кладке использовались кирпичи с клеймами конца XIX – начала XX в. Внутренние стены подвального помещения облицованы кирпичами на высоту 12–14 рядов. В подвал вела каменная лестница: зафиксированы три лещадные

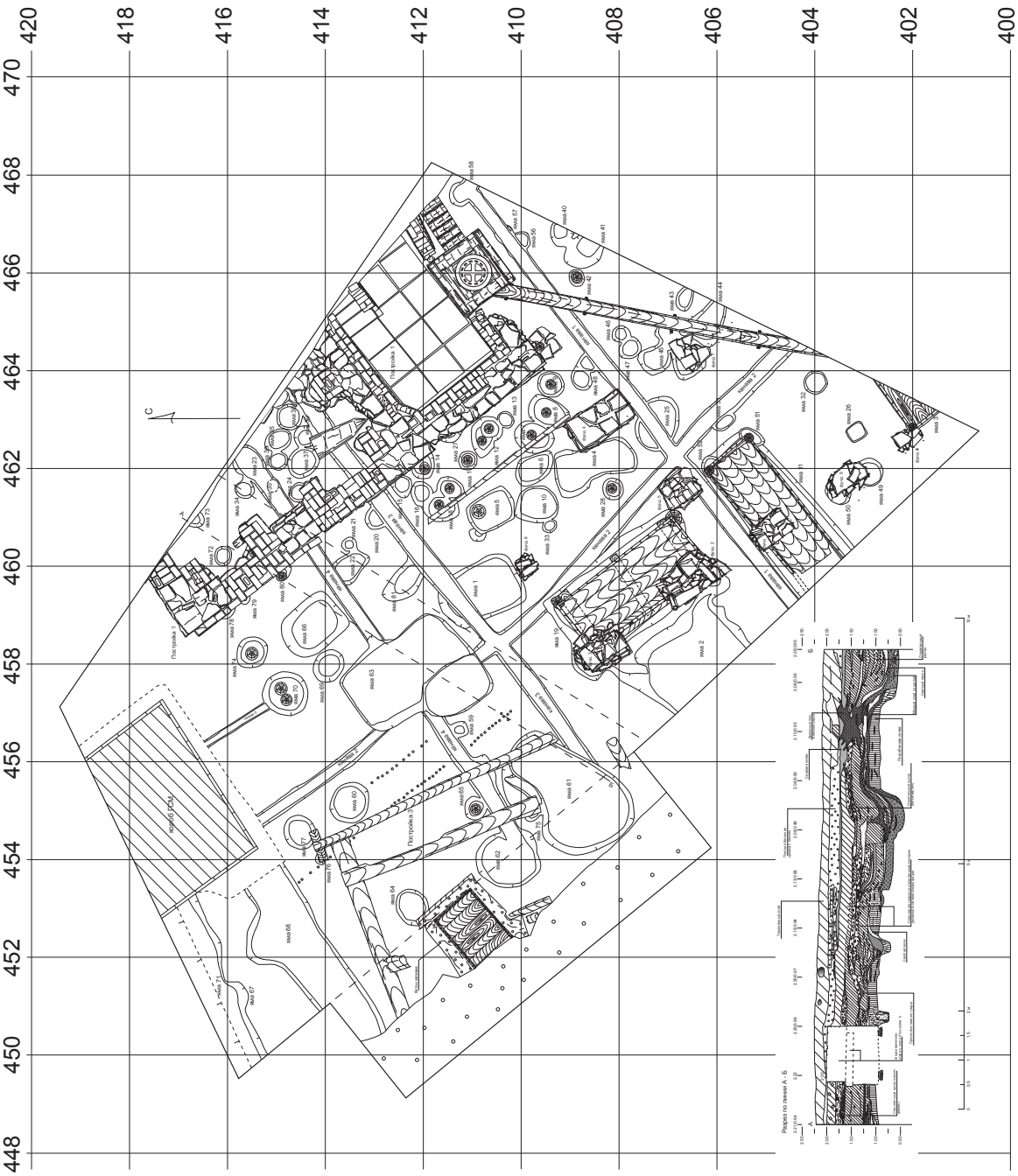

Рис. 2. Наб. Адмирала Лазарева. План раскопа 2013 г. на уровне «материка». Стратиграфический разрез культурных напластований

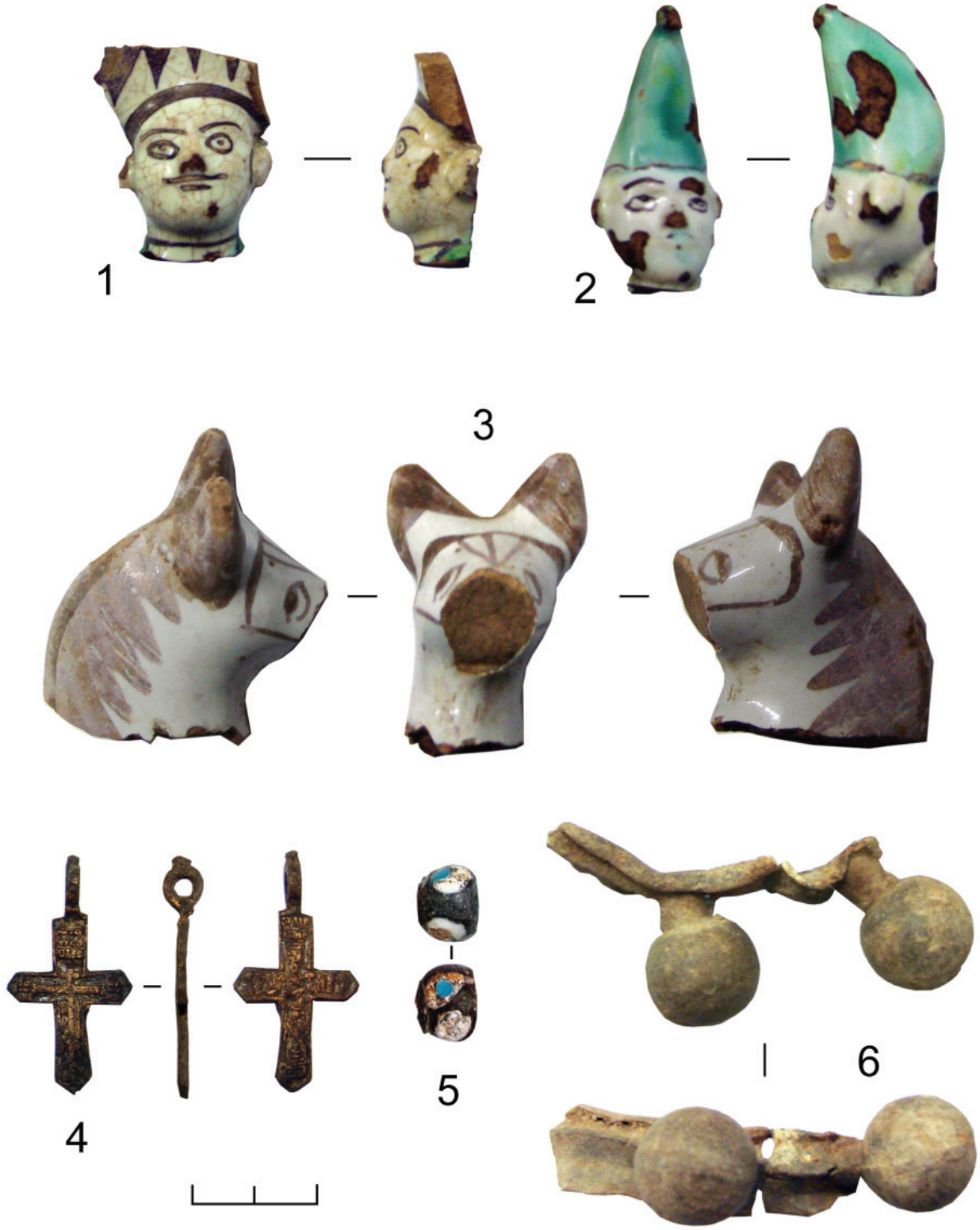

Рис. 3. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Находки: 1–3 – фрагменты расписных керамических игрушек из верхних слоев строительного мусора; 4 – медный нательный крестик из заполнения постройки 3; 5 – полихромная стеклянная бусина; 6 – свинцовые литые пули с необрезанным литником из заполнения постройки 2

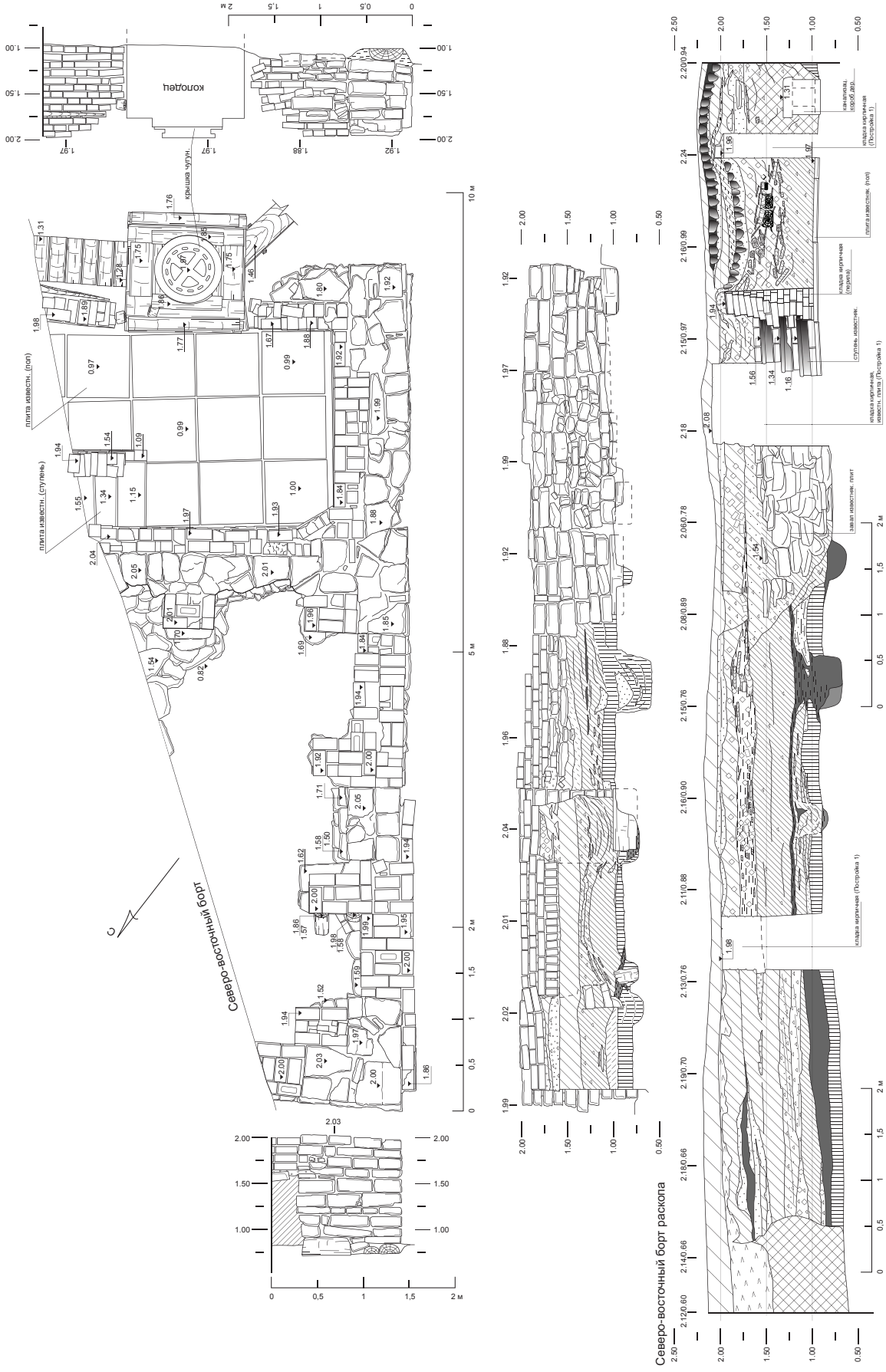

Рис. 4. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Постройка 1. План и фасы фундамента. Северо-восточный борт раскопа. Стратиграфия культурных напластований

ступени шириной 0,70 м, уложенные на кирпичное основание. Лестница спускалась вдоль северной стены подвала, с ее южной стороны сохранилась опора перил (рис. 5).

Заполнение постройки 1 образовалось в результате ее разрушения и последующей археологизации. Южное (подвальное) помещение было заполнено темной мешаной супесью с прослойками светлого песка и древесного тлена, перемешанного со строительным мусором, преимущественно деревянным (обломки досок пола, полок подвала, балясины, декоративные детали). Мощность этого слоя достигала 0,50 м. Особо следует отметить находку двух крупных лампадных стаканов с плавно отогнутыми краями из цветного стекла (розово-красного и темно-бирюзового), найденных при расчистке обломков досок в заполнении. Диаметр дна обоих стаканов составлял 0,07 м. Под развалом деревянных обломков залегал слой темно-серой плотной гумусированной супеси, перемешанной с кирпичным боем и строительным раствором, со значительным числом находок. Вместе со строительным мусором в слое содержались многочисленные обломки железных изделий, в том числе часть лопаты, муфта с резьбой, обломок Г-образной балки с отверстием, засов, кованые гвозди и т. п. Среди находок обращает на себя внимание большое количество фрагментов тарной стеклянной посуды, собранных в юго-западной части подвала. Можно различить фрагменты не менее трех ведерных толстостенных бутылей из бесцветного прозрачного стекла, винных и пивных бутылок из зеленого, оранжевого и тонкого красного стекла, разнотипных флаконов. Одна из пивных бутылок имела на дне рельефное клеймо «ВГК» и выпуклые надписи на стенках; еще одна бутылка из бесцветного стекла использовалась для хранения красной краски. Здесь же встречено накладное стеклянное клеймо «DD» от винной бутылки. Из индивидуальных находок отметим многочисленные фрагменты голландских курительных трубок, осколок стеклянного (сырьевого?) слитка, пуговицы из перламутра и медного сплава, свинцовую литую пулю, керамическое грузило для рыболовной сети, осколок поливной керамической игрушки (женщина в кокошнике), монеты чеканки 1812 г. и 1825–1855 гг., медаль «В память 200-летия основания Петербурга 1703–1903». Пол подвала выложен из плотно подогнанных друг к другу квадратных пиленых известняковых плит, размерами 0,70 × 0,70 м.

Заполнение северного помещения было примерно таким же. Его верхнюю часть (около 0,30 м) составлял слой строительного мусора со значительным количеством кирпичей и кирпичного боя (клейма на кирпичах относятся к концу XIX – началу XX в.). Деревянные изделия отсутствовали. Нижняя граница слоя строительного мусора соответствовала низу кирпичной кладки между фундаментных столбов. Ниже залегал слой темно-серой гумусированной супеси с незначительным содержанием строительного мусора. Здесь же, у южной стенки помещения, расчищены колотые известняковые плиты разного размера, сложенные в несколько ярусов. Под слоем супеси, заполнившей постройку, расчищена поверхность материка – серого пылеватого песка, в котором прослежено несколько столбовых ям глубиной 0,30 м. Здесь же найден лежащий деревянный столб длиной 1,25 м, расширяющийся к основанию. Столбовые ямы не связаны с конструкцией постройки 1, стратиграфически и хронологически они предшествовали постройке.

Постройка 2 была пристроена к постройке 1 под прямым углом. От нее сохранились девять столбов, сложенных из известняковых плит, в плане образующих прямоугольник. Точные габариты постройки выяснить не удалось, так как ее юго-восточная часть оказалась повреждена более поздним дренажем. Между фундаментными столбами в северо-западной части постройки обнаружен деревянный брус длиной 5,10 м, шириной 0,20 м и толщиной 0,15 м, вложенный в пазы в кладке столбов. Повсеместно в пределах постройки 2 фиксировались многочисленные деревянные столбы диаметром 0,12–0,20 м, на которые, по-видимому, опиралось половое покрытие. Юго-западнее постройки 2 располагалась конструкция из полуистлевших досок, лежавших перпендикулярно ряду фундаментных столбов. Возможно, это остатки дворового настила.

Постройка 2 заполнена темно-серой гумусированной супесью, включавшей завал из досок, крупной щепы, деревянных элементов архитектурного декора, деформированных кусков кровельного железа, кирпичного боя и целых кирпичей в перемешанном со строительным раствором светлом песке. В этом слое найдены роговая муфта с внутренней резьбой, бельевая перламутровая пуговица, осколки голландских курительных трубок и несколько круглых литых свинцовых пуль, в том числе с необрезанным литником (рис. 3: 6), фрагменты стекла, керамики и фаянса (рис. 6).

С уровня темно-серой гумусированной супеси со строительным мусором в нижележащие слои были впущены несколько ям и три объекта: прямоугольные дощатые короба в ямах, вырытых в материке, пол

Рис. 5. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Южная часть постройки 1. Лестница в подвал. Вид с юго-запада

Рис. 6. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Фарфоровая кружка с текстом и иллюстрацией к басне И. А. Крылова «Осел и соловей» из слоя строительного мусора в заполнении постройки 2

которых собран из плотно подогнанных друг к другу досок, а борта, достигающие в высоту 1,00 м, обшиты досками, крепившимися в пазах угловых деревянных столбов. Конструкции могли служить в качестве погребов.

Короб 1 открыт в яме 11, имел прямоугольную в плане форму, размерами 3,00 × 1,15 м, вытянутую по линии северо-восток–юго-запад. Пол составлен из четырех шпунтованных досок, размерами 2,80 × 0,30 м и толщиной 0,05 м, уложенных на дно ямы, устроенное в материковом песке. Борта короба, укрепленные в угловых столбах, стоят на досках пола и вплотную примыкают к стенкам ямы 11, глубиной 0,70 м. Внутри короб заполнен бурой, сильно гумусированной плотной влажной супесью со значительным количеством находок, в том числе хорошо сохранившимися фрагментами кожаных изделий и войлока. В заполнении найдены осколки голландских курительных трубок, медная монета, фрагменты изразцов (белых и с синим растительным орнаментом), кованые гвозди, керамика и стекло. В составе изделий из фарфора представлена белая аптечная баночка и чайная посуда, в том числе блюдца с синей росписью китайскими мотивами и коричневым покрытием снаружи. На фарфоровой посуде встречены метка завода Франца Гарднера – синее «G» (конец XVIII – первая четверть XIX в.) – и фрагмент неопределенного синего подглазурного клейма. Часть материала, собранная ниже дощатого пола короба, представлена немногочисленными осколками стекла, фарфора, фаянса, керамической плошкой с коричневой поливой и рельефными поясками. Среди фаянсовых изделий встречена плошка с меткой «G».

Короб 2 находился в яме 19, имел прямоугольную в плане форму, размерами 3,00 × 1,40 м, вытянутую по линии северо-запад–юго-восток. Его пол составлен из пяти досок (без следов шпунтового крепления), уложенных на трех поперечных лагах толщиной 0,06 м, лежавших на дне ямы 19. Борта конструкции стоят на досках пола. Стенки короба сохранились в высоту на 0,40–0,50 м от уровня пола. Западный и южный углы конструкции повреждены при возведении фундаментных столбов (рис. 7). Заполнение короба 2 – бурая сильно гумусированная плотная влажная супесь, верхняя часть которой содержала прослойки древесного тлена и фрагменты досок – обрушившиеся верхние части конструкции. В заполнении найдены: 2 копейки 1811 г., фрагменты кожаной обуви, осколки голландских курительных трубок, резная роговая рукоять, латунная мебельная ручка, а также осколки изразцов с синей росписью по белому фону, кованые гвозди, корковые пробки, синяя помадница, осколки оконного и бутылочного стекла, более поздний восьмигранный флакон с выпуклыми буквами «Л. З. …» и штампованная вазочка из бесцветного прозрачного стекла. При разборке деревянных конструкций короба обнаружены фрагменты массивной железной круглой (?) пластины, кованые гвозди; фрагменты стекла, керамики, фарфора и фаянса, кувшинчик с отбитой ручкой, покрытый белым ангобом снаружи и прозрачной зеленой поливой внутри.

К западу от ямы 19 с коробом 2 открыта уходящая в юго-западный борт раскопа яма 2, впущенная с уровня темно-серой гумусированной супеси со строительным мусором и заглубленная в материк. Она имела пологие стенки и плоское дно, заполнена темно-серой сильно гумусированной плотной супесью, насыщенной древесным тленом и щепой. Сверху перекрыта слоем битых кирпичей. В яме 2 найдены фрагменты голландских курительных трубок, деревянное изделие, кованые гвозди, многочисленные осколки стеклянных изделий (в основном бутылок и питейной посуды), бытовая керамика, изразцы и т. п. Особо следует упомянуть донце фаянсового сосуда с двухстрочным английским клеймом.

Короб 3 обнаружен в яме 3. Его конструкция и заполнение аналогичны вышеописанным сооружениям (рис. 8). В заполнении найдены фрагменты кожаной обуви, роговая пуговица, железная скоба, а также многочисленные обломки посуды. Клейма и метки на изделиях из стекла, фарфора и фаянса позволяют датировать комплекс концом XIX в. или рубежом XIX–XX вв. К ним относятся фрагмент флакона с протравленным клеймом («основано в 1872 году» в круге под гербом), фаянсовое донце с зеленым надглазурным клеймом фабрики Лёфстрёма в Суотниеми Выборгской губернии (1842–1893 гг.), фарфоровая супница с серым надглазурным клеймом («Заводъ братьевъ Корниловыхъ въ С Петербургѣ»), фарфоровая чашка с цветочной полихромной с золотом росписью по голубому покрытию и серым надглазурным клеймом («И. Е. Кузнецова на Волховѣ», 1878–1918 гг.), фарфоровое блюдце с золотой отводкой и росписью серым, голубым и золотом, клеймо голубое надглазурное («фабрика М. С. Кузнецова…» в Дулеве) и др. Интересна находка фрагмента оранжевого керамического голосника со следами строительного раствора, аналогичного встреченным в шурфах на месте Колтовской Преображенской церкви (Сорокин, Соболев, 2005. С. 222).

Стратиграфический слой, прослеженный практически на всей площади раскопа, – слой темно-серой

Рис. 7. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Короб 2 в яме 19, зачищенный по дощатому дну (1), и в процессе разборки (2). Вид с северо-запада

Рис. 8. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Короб 3 в яме 3. Вид с запада

гумусированной супеси со светлым материковым песком, толщиной 0,40 м. В его верхней части найдена шарообразная бусина из темного стекла с полихромными глазками, датируемая в пределах XIX в. (рис. 3: 5). Многочисленный массовый материал позволяет датировать слой темно-серой супеси с песком в пределах XIX в. Обращает на себя внимание большое количество разнообразных цветочных горшков из оранжевой глины. Среди прочих находок упомянем донце лампадки из фиолетового стекла, фрагменты тонкостенной чашечки из молочно-белого стекла с полихромной росписью. Найдены несколько фрагментов бутылки из каменной массы с почти белой соляной глазурью и врезным круглым клеймом в синем ободке, что позволяет датировать сосуд концом XVIII в. (Heege, 2009. S. 62). Со слоем темно-серой гумусированной супеси со светлым материковым песком связаны остатки деревянной постройки 3, наиболее ранней из построек в раскопе.

Постройка 3 срубная двухкамерная, прямоугольная в плане, по всей видимости, хозяйственного назначения. В пределы раскопа попал только ее угол, однако общая площадь постройки составляла около 20 кв. м. Внутри постройки обнаружена внутренняя перегородка. Сооружение сильно повреждено позднейшими перекопами. Постройке 3 сопутствовал слой, образовавшийся за время ее возведения и функционирования, представленный темно-серой плотной супесью, насыщенной щепой (особенно в нижней части) и древесным тленом. В слое найдены фрагменты голландских курительных трубок, железные скобы, железная обувная подковка, сланцевый оселок, фрагмент керамической статуэтки, металлические пуговицы, пряжка, посеребренная медная ложка и трезубая металлическая вилка с деревянной рукоятью, нательный крестик, топор (рис. 3: 4; 9: 1). Массовый материал из этого слоя, невыразительный и немногочисленный, относился в основном к началу–первой половине XIX в. На фарфоровой посуде отмечено клеймо – скрещенные мечи – фабрики Франца Гарднера последней четверти XVIII – начала XIX в.

В пределах раскопа прослежена погребенная почва – слой серой гумусированной супеси с редкими прослойками древесного тлена и светлого песка толщиной 0,20 м. Лучше всего этот слой сохранился в северной части раскопа. В нем найдены: медная пуговица с гербом Санкт-Петербурга, стебли голландских курительных трубок, скоба, черепица, сельтерская бутылка с клеймом в синем ободке, помадница с белой поливой рубежа XVIII–XIX вв. На уровне погребенной

Рис. 9. Наб. Адмирала Лазарева. Раскоп 2013 г. Постройка 3. Находки: 1 – железный топор; 2 – берестяной лапоть

почвы прослежены канавы шириной 0,25–0,30 м, вырытые в материке на глубину 0,50 м, делившие территорию на прямоугольные участки. Канавы отмечены под всеми конструкциями и постройками и предшествовали им. В них прослежены равноудаленные друг от друга округлые пятна древесного тлена, диаметром не более 0,06 м, очевидно, оставшиеся от колов изгородей, установленных в канавах. Расположение и направление канав совпадает с границами участков, отмеченных на планах второй половины XVIII – начала XIX в.

Материк – серый и светло-серый влажный пылевидный песок. При зачистке на его уровне прослежены два параллельных ряда ямок диаметром 0,06 м и глубиной 0,10–0,15 м, расположенных на расстоянии 0,07–0,09 м друг от друга и, вероятно, оставшихся от деревянных колов легкой изгороди, протянувшейся с северо-запада на юго-восток.

На раскопе открыта 81 яма. Их большая часть использовалась в качестве столбовых. Особый интерес представляет яма 61. В ее заполнении найдены две монеты (денга 1730-х гг. и копейка

1799 г.), обломки голландских курительных трубок, металлическая выпуклая бляшка, железная бритва, фрагменты кожаной обуви и берестяной лапоть (рис. 9: 2), фрагменты «каменных» сельтерских бутылей середины–второй половины XVIII в. и осколок фарфоровой чашки с синей подглазурной цветочной росписью того же времени. Остальные находки (кованые гвозди, осколки стекла, белого фаянса и керамики) имеют более широкую датировку.

Основные итоги археологического исследования

В пределах исследованного участка были изучены культурные напластования, фрагменты конструкций и объекты, наиболее ранние из которых могут быть датированы не раньше второй половины XVIII в., а наиболее поздние – рубежом XIX–XX вв. или первой третью XX в. Собрана коллекция массового материала и индивидуальных находок этого времени. Среди раскопанных объектов наибольший интерес представляют остатки деревянной постройки и ямы, относящиеся к начальному периоду освоения этой части Петербургского острова (XVIII в.), погреба в виде дощатых коробов и кладочные фундаментные столбы XIX в.

Работы на наб. р. Фонтанки

Археологический надзор и охранные раскопки проводились на южной окраине нынешнего Покровского острова, на наб. р. Фонтанки, юго-западнее д. 9, лит. А, по Климову пер., в связи с проектируемой застройкой. Участок работ расположен в квартале, ограниченном наб. Фонтанки, Прядильным пер., ул. Лабутина и Климовым пер.; застройка этого квартала сформировалась в течение второй половины XVIII – начала XX в. (рис. 10). Характеристика освоения и застройки этой части города приведена в исторической справке, составленной Санкт-Петербургским научно-исследовательским и проектным институтом «Спецпроектреставрация» (Историко-культурные исследования, 2012), использованной нами при проведении работ и подготовке настоящей статьи. Кроме исторической справки, были также использованы работы Н. В. Лаврентьева (2012), подробно изучившего историю указанного земельного участка.

На планах Петербурга первых лет существования города описываемая территория обозначалась как сильно заболоченная, незастроенная местность с намеченными просеками и улицами. Освоение участков в нижнем течении Фонтанки начинается после пожаров 1736–1737 гг. в Морской слободе, что отразилось в названиях улиц, заселенных погорельцами: прядильщиками (Прядильная ул., ныне – Лабутина), лоцманами (Лоцманская), канонирами (Канонерская) и др. К 1737 г. относится начало работ по планированию района, осуществлявшемуся Комиссией о строении Санкт-Петербурга. К концу 1740-х гг. на прилегающей территории сформировалась деревянная застройка, каменные дома появляются здесь с начала XIX в.

На исследованном участке располагался небольшой каменный дом фасадом на набережную, с деревянными службами по внутреннему периметру участка. К середине XIX в. дом принадлежал отставному инженер-капитану Н. Ф. Мусину-Пушкину. К 1857–1861 гг. относится строительство здесь каменного дома с двухэтажными лицевым и дворовыми флигелями по проекту И. А. Козлянинова. Периметр участка был полностью застроен, дворовые флигели образовали замкнутый прямоугольник с внутренним двором, а к соседним строениям выходили брандмауэрные стены. Такая планировка сохранялась до начала XX в. Все корпуса дома имели подвальные помещения, три флигеля (лицевой и боковые) были жилыми, а северный занимали службы. Через несколько лет после окончания строительства дом перешел к генерал-лейтенанту Бегеру, а после его смерти к его вдове. В 60–70-е гг. XIX в. здание подвергалось несущественным перестройкам: на торцевом (северном) флигеле была надстроена мансарда, на фасаде устроена лоджия, перепланирован дворовый флигель.

К началу XX в. застройка берегов Фонтанки полностью сформировалась и в целом сохранила свой вид до наших дней. В 1917 г. дом (к тому времени купленный Д. Н. Шаховским) был перестроен, хотя периметральная композиция в основном сохранилась. В дворовом флигеле был построен третий этаж, перестроен лицевой флигель, произведено переустройство фасада и сооружена каменная пристройка на столбах ко второму этажу (рис. 11). К 1932 г. по неизвестным причинам здание было полностью разобрано, его участок засажен деревьями и превращен в сквер. В начале 1990-х гг. территория отведена под так и не состоявшееся строительство, результатом чего стал котлован, вырытый в южной, примыкающей к набережной, части участка. Несколько месяцев котлован заполнялся бытовым мусором, вывозившимся сюда жильцами ближайших домов, а затем был засыпан.

Археологические исследования, проводившиеся в 2013 г., включали в себя охранные раскопки и наблюдения за земляными работами. В ходе предшествовавших разведочных работ было установлено, что вся южная часть участка, отведенного под строительство, представляет собой котлован

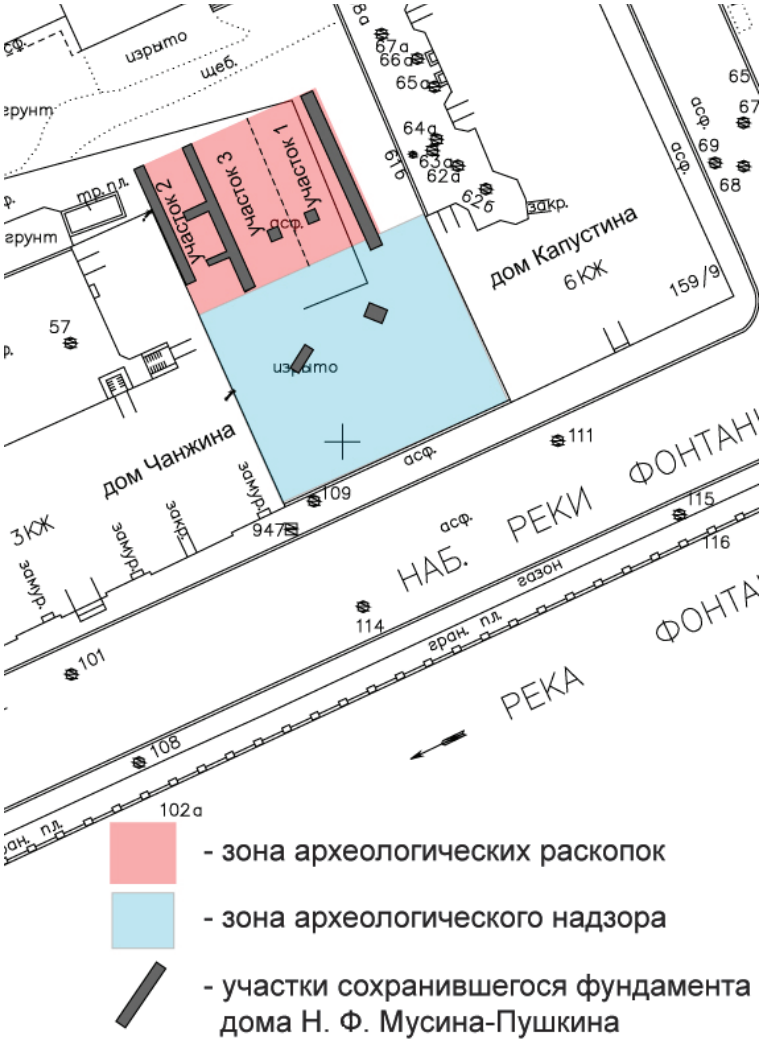

Рис 10. Наб. р. Фонтанки. План участка с обозначением раскопа 2013 г.

1990-х гг., культурный слой уничтожен (Михайлова, Тарасов, 2010). Разведочная шурфовка в северной части участка установила, что на глубину 1,50 м от уровня современной дневной поверхности залегают слои строительного и бытового мусора, накопленные во второй половине XX в. и перекрывшие асфальтовое покрытие двора. В связи с этим грунт в северной части участка на глубину 1,20–1,50 м вынимался техникой под надзором археологов, а нижележащие напластования были изучены в ходе раскопок. Раскоп был размечен в соответствии с общим направлением исторической застройки квартала и пришелся на дворовое пространство и участок западного флигеля дома Н. Ф. Мусина-Пушкина. В первую очередь разбирались слои в северо-восточной части раскопа, вдоль фундамента восточного дворового флигеля дома Н. Ф. Мусина-Пушкина (участок 1). Участок 2 включал три подвальных помещения (отсека) западного дворового флигеля дома Н. Ф. Мусина-Пушкина, вплотную примыкавшего к д. № 12 по Прядильному пер. (дом Чанжина). В последнюю очередь был вскрыт участок 3 (центральная часть раскопа) (рис. 10). Между первым и третьим участками оставлена контрольная стратиграфическая бровка.

Раскопки велись с уровня второго (нижнего) дворового асфальтового покрытия. Перекрытый асфальтом слой строительного мусора, мощностью 0,60 м, состоял из битых кирпичей и строительного раствора, который можно связать с существованием и перестройками дома Н. Ф. Мусина-

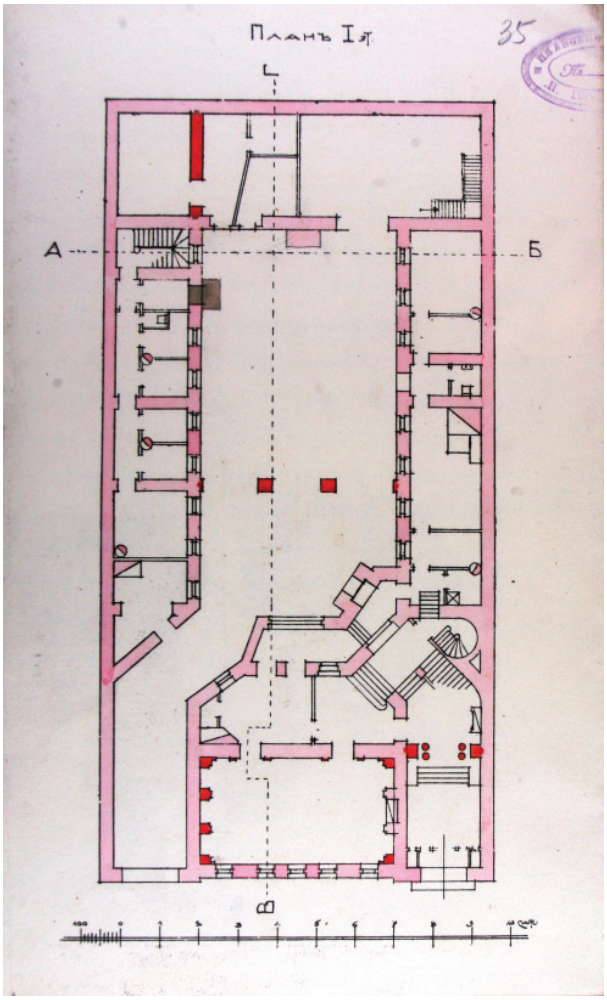

Рис. 11. План первого этажа дома Д. Н. Шаховского с указанием перестройки. 1917 г. (рис. из отчета НИИ «Спецпроектреставрация»)

Пушкина. Находки из слоя строительного мусора многочисленны и относятся к широкому хронологическому диапазону, значительная их часть представлена обломками керамических курительных трубок, мебельной и дверной металлической фурнитурой, металлическими пуговицами, фрагментами мелкой фарфоровой пластики (рис. 12: 3, 5), обломки костяных зубных щеток. Следует отметить находку граненой стеклянной вставки, корродированной мельхиоровой ложки, железной скобы. Время формирования слоя – вторая половина XIX – начало XX в. – определяется такими находками, как перламутровая заколка для волос, алюминиевая бирка от мотка пряжи и т. п. Этой датировке не противоречат даты чеканки найденных монет: копейка 1854 г., 3 копейки 192(5) г., 2 копейки 1912 г., денга 1738 г., 2 копейки 1801–1825 гг., полушка 1768 г. (рис. 12: 13), 2 копейки 1812 г.

С этим слоем можно соотнести несколько дворовых конструкций, указанных на плане участка, составленном в 1869 г. (План, 1869). Двухчастный короб, обозначенный как выгребная и навозная яма и расположенный вплотную к западному дворовому флигелю, соотносится с деревянной конструкцией 10. Конструкция со временем была частично разобрана: при раскопках расчищены только фрагменты стенок и прямоугольное дно из массивных досок. Конструкция 10 перекрыла более раннюю яму, заполненную сильно увлажненным темным гумусом с бытовым мусором.

Вплотную к восточному дворовому флигелю на плане изображена еще одна выгребная яма – деревянная конструкция 2. От нее сохранились остатки стенок и поврежденное перекопом истлевшее дощатое дно. В заполнении найдены два целых стеклянных флакона и несколько мелких вещиц: осколки мундштуков голландских трубок и фарфоровых фигурок, полихромная пуговица из непрозрачного стекла, деревянная катушка с металлическим сердечником, каменный оселок, корродированный железный нож, медная монета (2 копейки 1814 г.), деталь горелки керосиновой лампы. Последняя находка позволяет датировать комплекс не ранее 1850-х гг.

В границы раскопа попала часть фундамента дома Н. Ф. Мусина-Пушкина. Северо-восточный борт раскопа – внешний фас фундамента восточного дворового флигеля (рис. 13), прослеженный на протяжении 14,50 м, сложенный из 14–15 рядов известняковых плит на известковом растворе. Основная часть кладки, расширяющаяся книзу и достигающая ширины 1,10 м, имеет высоту 2,05 м и выполнена из колотых необработанных известняковых плит шириной 0,15 м и длиной 0,50 м. Верхний цокольный ряд сложен из пиленых, обработанных с фасадной части плит, внутренняя часть выложена кирпичами. Юго-восточная часть кладки сильно повреждена земляными работами разных лет. В кладке фундамента имеется проем размерами 1,00 × 0,60 м, оформленный сверху кирпичным сводом, а также несколько позднейших технологических отверстий под коммуникации. Плиты фундамента уложены на четыре лежни – бревна диаметром 0,20 м, которые, в свою очередь, лежали на подушке из битых кирпичей и раствора на дне фундаментного рва. Пространство между лежнями заполнено битыми кирпичами и залито строительным раствором. Фундаментный ров уз-

Рис. 12. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Находки: 1 – ложка (кость); 2 – крест нательный (олово); 3, 5 – фигурки декоративные (фарфор); 4 – 10 копеек 1825 г. (серебро); 6 – перстень (серебро); 7 – 5 копеек 1727 г. (медный сплав); 8 – маскарон (медный сплав); 9 – крышка сосуда (черная базальтовая масса); 10 – фигурный налеп (фаянс); 11 – фрагмент голландской курительной трубки (керамика); 12 – пуговица мундирная (медный сплав); 13 – полушка 1768 г. (медный сплав); 14 – денга 1737 г. (медный сплав)

Рис. 13. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Восточный флигель дома Н. Ф. Мусина-Пушкина. Вид с юго-запада

кий, известняковые плиты во многих местах уложены практически вплотную к его стенкам.

К элементам дома, возникшим на последнем этапе его существования, можно отнести два фундаментных столба, обозначенных на проекте перестройки дома 1917 г. как опоры пристройки (террасы) ко второму этажу лицевого флигеля с дворовой стороны на каменных столбах (План, 1917). Квадратные в плане (длина стороны 1,10 м), расширяющиеся книзу столбы сложены из пиленых, плотно подогнанных друг к другу известняковых плит на растворе, а также вторично использованных деталей, таких как каменные ступени (рис. 14; 15). При совмещении проектного плана реконструкции дома с чертежом раскопа выявленные в раскопе столбы точно совпали с обозначенными на плане (рис. 16). Насколько нам известно, на сегодняшний день это единственное подтверждение того, что реконструкция была осуществлена или по крайней мере начата.

В процессе раскопок также были обнаружены остатки фундамента западного дворового флигеля. Конструктивно он аналогичен фундаменту восточного флигеля и сложен из колотых известняковых плит на продольных деревянных лежнях. Исследовано заполнение и конструкция трех подвальных помещений, разделенных перегородками из известняковых плит и кирпичей (рис. 15). Помещение в северном углу раскопа (отсек 1) было облицовано внутри кирпичами, в его заполнении преобладал строительный мусор. На отметках 2,30–2,80 м БС в помещении раскрыт растрескавшийся и провалившийся бетонный пол подвального или первого этажа толщиной около 0,10 м, под которым лежал слой серой супеси со строительным мусором мощностью 0,25 м. Ниже серой супеси залегал слой битого кирпича в строительном растворе мощностью 0,60 м, под которым открыты параллельные лежни – бревна толщиной 0,20 м и длиной 1,20–1,60 м, уложенные в неглубокие материковые канавки (рис. 17). При

Рис. 14. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Фундаментный столб (1) пристройки ко второму этажу лицевого флигеля со стороны двора. Вид с севера

Рис. 15. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Фундаментный столб (2) пристройки ко второму этажу лицевого флигеля со стороны двора и западный флигель дома Н. Ф. Мусина-Пушкина. Вид с юго-востока

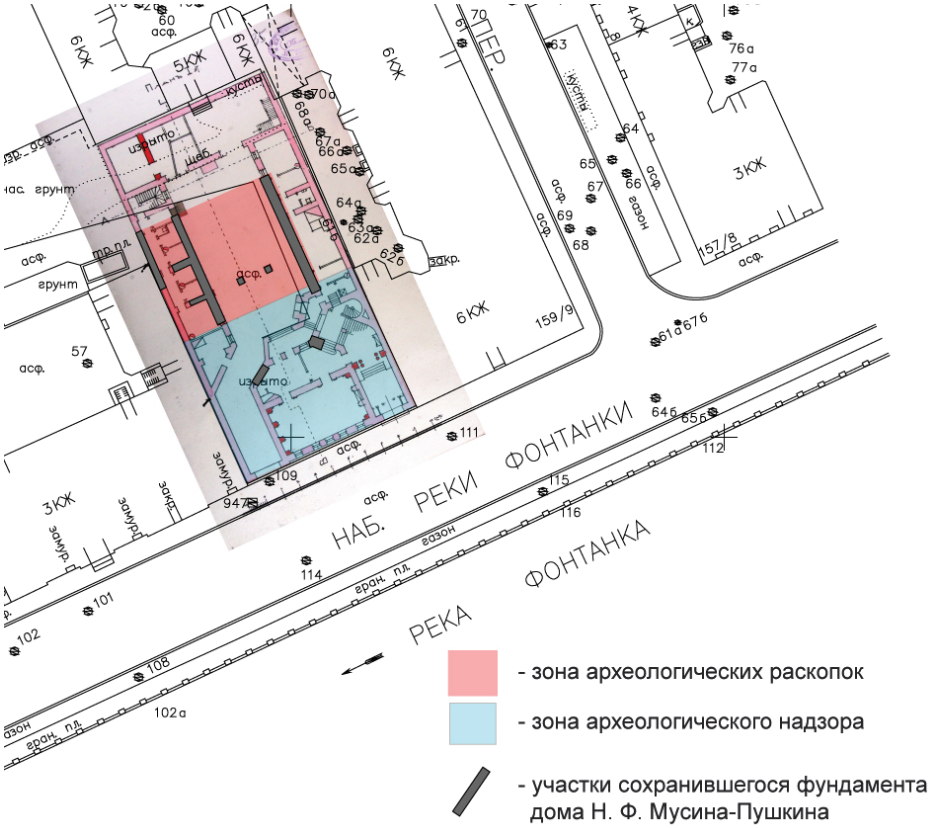

Рис. 16. Наб. р. Фонтанки. Схема обследуемого участка, совмещенная с планом первого этажа дома Д. Н. Шаховского (1917 г.)

Рис. 17. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Участок 2. Подвал западного флигеля дома Н. Ф. Мусина-Пушкина на уровне «материка». Вид с северо-запада

сопоставлении проекта перестройки первого этажа 1917 г. с чертежом раскопа описанные лежни точно соотносятся с перегородками первого этажа, обозначенными на плане. Помещения (отсеки) 2 и 3 заполнены строительным мусором (крупные фрагменты кирпича, белые печные изразцы, раствор). В слое строительного мусора в заполнении подвала собраны преимущественно переотложенные разновременные предметы, что связано с обширным перекопом под коммуникации XX в. вдоль восточной стены соседнего дома Чанжина. К ним относятся фрагменты металлической посуды, металлические пуговицы, осколки мундштуков голландских трубок, обломок свинцовой фигурки, небольшая бирка с выпуклой литерой «L», осколок кремня, керамическая игрушка-свистулька, копейка 1901 г. По-видимому, наиболее поздней из находок является штампованная стеклянная крышка масленки с фигуркой коровы – такая посуда была широко распространена в послевоенный период. В слое гумусированной супеси в заполнении подвала найдены осколки голландских курительных трубок (в том числе чашки с клеймами), свинцовый предмет, граненая вставка или подвеска из бесцветного прозрачного стекла, сережка из низкопробного серебра, крупная перламутровая пуговица и две медные монеты (денга 1789 г. и копейка 1830-х гг.). Интересной находкой является деформированный латунный котелок.

Под слоем строительного мусора в пределах раскопа прослежены участки двух уровней булыжного мощения. В укладке булыжников угадывается обычный рисунок дворового замощения: квадраты из крупных булыжников, разделенные по диагонали линиями из таких же крупных камней на четыре треугольника, заполненные более мелкими камнями. Местами заметны участки мостовой из беспорядочно уложенных мелких булыжников. Нижний уровень мощения, по всей видимости частично разобранный при устройстве нового, сохранился на небольших участках (рис. 18). Горизонты мощения разделены слоем серой супеси толщиной 0,20 м, из которого происходят фрагменты фарфоровой фигурки (девушка в русском сарафане), обломок луженой медной ложки с клеймом изготовителя, красноглиняные турецкие курительные трубки (рис. 19), поливная майоликовая птичка-свистулька, фрагмент конской подковы и монета 1812 г. Слой формировался в течение первой половины XIX в. (вплоть до строительства 1857 г.).

Еще один участок сохранившегося булыжного мощения обнаружен в северной части участка 1 и занимал площадь не более 3 кв. м (рис. 20). Мощение выполнено на отметках 2,00–2,15 м БС из беспорядочно уложенных камней разного размера. Булыжники уложены вокруг массивной, почти квадратной, гранитной плиты размерами 0,28 × 0,30 м и толщиной 0,20 м, с тремя сквозными воронкообразными отверстиями. Подобные плиты с тремя и более отверстиями для стока воды можно встретить по сей день в конструкциях мостовых исторического центра Санкт-Петербурга. Они являются своеобразными сливными крышками ливневой канализации. На восточный угол плиты был уложен гранитный жернов диаметром 0,46 м и толщиной 0,08 м. Скорее всего, жернов был вторично использован при мощении двора, а наличие отверстия в жернове побудило положить его над сливом (рис. 21).

Вся вышеописанная конструкция просела внутрь колодца, расчищенного ниже. Колодец представлял собой квадратный в плане сруб со стороной 1,40 м, из четырех-пяти венцов с дощатым дном и крышкой из массивных досок (почти бруса) с пропиленными округлыми отверстиями. Гранитная плита с отверстиями была уложена в продольные пропилы крышки колодца так, что отверстия в деревянной крышке и каменной плите совпали (рис. 21). Колодец был до крышки заполнен темно-серой сильно гумусированной плотной влажной супесью, перемежающейся линзами чистого светлого песка, с большим количеством бытового мусора (кухонная и столовая керамика, фарфор, стеклянная тарная посуда, в том числе целые бутылки), пищевыми отходами (кости животных и птицы, яичная скорлупа). Находки позволяют датировать заполнение колодца первой половиной XIX в. В их составе представлены красноглиняные турецкие и белоглиняные голландские курительные трубки, роговые и металлические пуговицы[1], свинцовая пломба, обломок металлической ложки, осколок поливной керамической игрушки-«барыни», обломок оловянного солдатика – голова в кивере немецкого образца первой половины XIX в. (рис. 22), часть черепахового гребня, восьмигранный металлический жетон или бирка с выпуклой надписью «1051 Z», петля от мебельной дверцы или крышки сундучка, обойные гвоздики с выпуклыми шляпками, «дутая» бусина из темно-розового стекла, обломок деревянного токарного изделия и кожаная подошва. Здесь же найдены две корродированные медные монеты, дата чеканки которых определяется только приблизительно (1810-е и 1830-е гг.).

[1] Среди пуговиц есть латунная с цифрой «19», атрибутированная как мундирная пуговица 19-го полка линейной пехоты Великой армии Наполеона, сталкивавшегося в 1812 г. с петербургским ополчением, в частности, в бою под Клястицами (рис. 12: 12).

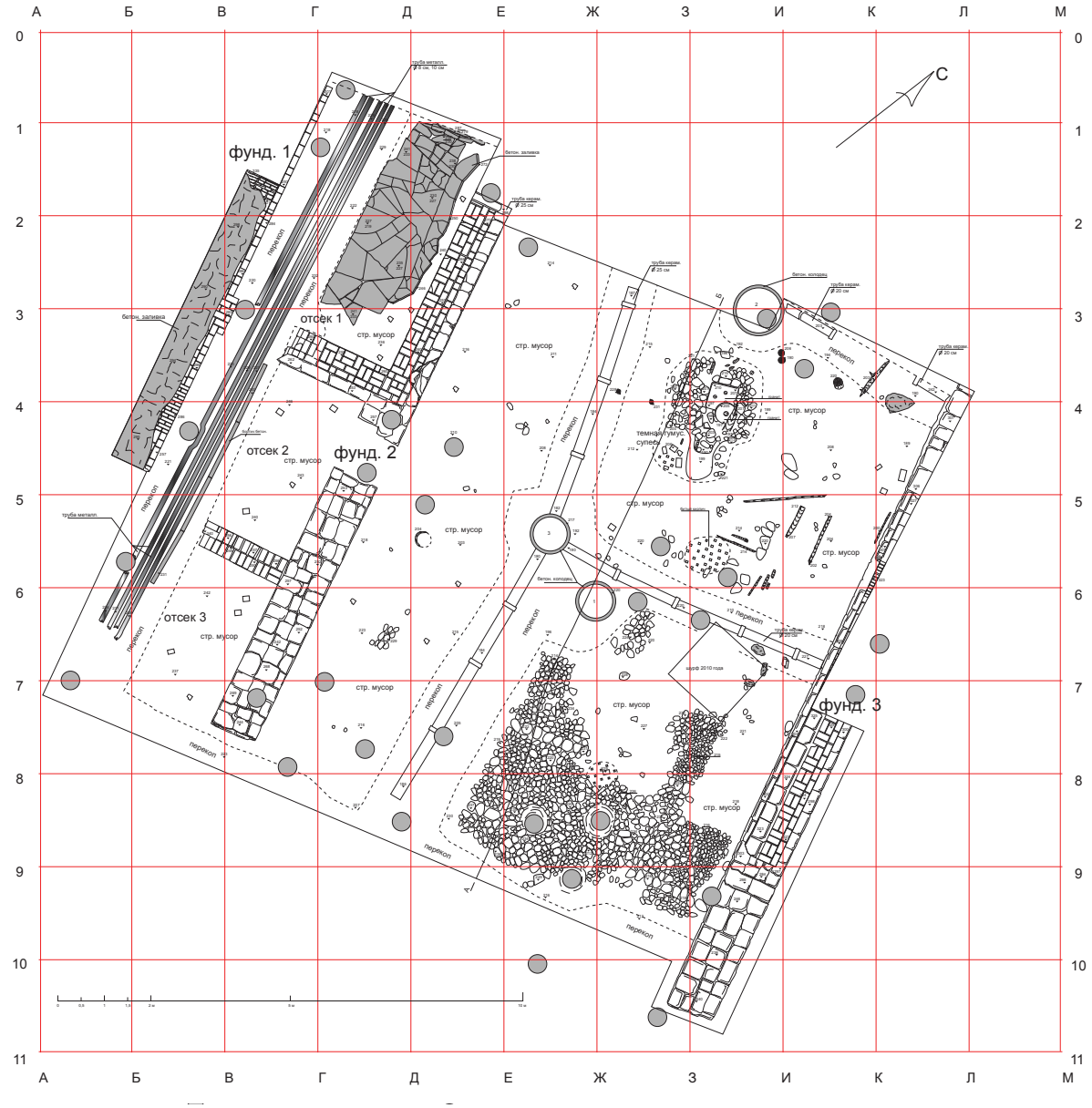

Рис. 18. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. План на уровне булыжного мощения и второго слоя строительного мусора

Рис. 19. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Красноглиняные турецкие трубки

Стенки колодца достигали высоты 0,85 м от уровня дна и были собраны из вторично использованных подтесанных бревен: на это указывают многочисленные отверстия от судовых нагелей, предназначавшиеся для крепления обшивки к бортам. Дно колодца устроено на уровне 0,90 м БС (рис. 23). После разбора колодца и осмотра бревен одно из них (с крепежными пропилами) было определено как крепление лестницы трапа. Различные крепежные пропилы, связанные с использованием в конструкциях плоскодонных речных судов, зафиксированы и на других бревнах из колодца. Широкое вторичное применение в петербургском хозяйстве так называемого барочного леса (от разобранных барок) многократно описано (Павлов, 2007. С. 80).

К юго-восточной стенке колодца примыкал деревянный дренажный желоб, пересекавший весь раскоп по линии северо-запад–юго-восток (рис. 24). Сохранившаяся часть дощатого, квадратного в сече-

Рис. 20. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Участок булыжного мощения с гранитной крышкой сливного люка. Вид с северо-запада

Рис. 21. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Деревянная конструкция 1. Гранитная крышка сливного люка на деревянном колодце. Вид с юго-востока

Рис. 22. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Обломок оловянного солдатика

нии желоба, имеет длину 11,00 м и ширину 0,60 м. Доски крышки желоба крепились поперечными распорками, со временем провалившимися внутрь конструкции. Крышка из двух досок также провалилась на дно желоба. Стенки желоба укреплены подпорными колышками. Его внутреннее пространство заполнено темно-серой сильно гумусированной супесью, насыщенной находками, суммарно датирующимися первой половиной XIX в. (осколки кремня, обломки голландских и турецких курительных трубок, орнаментированная латунная оковка, костяная зубная щетка, пуговица, небольшая ложка из цветного металла). После разбора заполнения было расчищено дощатое дно желоба, уложенное в материковую траншею, прорытую в юго-восточном направлении, в сторону Фонтанки. Дно составлено из двух массивных досок, скрепленных между собой с внешней стороны поперечными планками в пазах. С колодцем желоб был соединен через выпиленное в стенке колодца на уровне третьего венца отверстие (рис. 23). Доски желоба плотно приставлены к стенке ко-

Рис. 23. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Дренажный колодец и желоб. Вид с северо-запада

лодца, дополнительных элементов крепежа не зафиксировано.

Такая конструкция дренажной системы типична для Петербурга, однако в исследованных ранее дренажных системах не встречалось столь обильного заполнения гумусированным слоем и такого большого числа находок. По-видимому, старый дренажный колодец в какой-то момент использовался в качестве мусорной ямы, а затем, уже в период укладки булыжного мощения и гранитной сливной плиты вновь стал применяться для дренажа участка на низком речном берегу. Описанная выше конструкция из колодца и водоотводного короба – лишь наиболее сохранившаяся часть дренажной системы, выявленной в границах раскопа (рис. 25). Ряд элементов внутридворового водоотвода фиксируется на разных стратиграфических уровнях, которые датируются в пределах XIX в. Практически все они сильно повреждены поздними перекопами под бетонные колодцы и керамические трубы, выполнявшие те же функции, что и деревянный дренаж. Заслуживает внимания срубный колодец в центральной части раскопа, поврежденный сразу двумя бетонными колодцами: колодец в этой части двора обозначен на плане 1869 г.

Помимо дренажных конструкций, выявлено четыре дощатых ящика разной степени сохранности, служивших для приготовления известкового строительного раствора (деревянные конструкции 4, 4а, 5, 11 согласно полевой документации) (рис. 25; 26). Все они имеют одинаковую конструкцию в виде дощатых коробов со стенками, укрепленными кольями. В заполнении преобладает крошка строительного раствора, находки представлены в основном фрагментами мундштуков и чашек белоглиняных курительных трубок. В конструкциях 4 и 5 концентрация трубок чрезвычайно велика: до нескольких сотен фрагментов. В ящике 4 найдена корродированная денга 1736 г. На дне ящика 4а, размерами 2,50 × 1,50 м и высотой 0,40 м, сохранился монолит затвердевшего раствора, занимавший все его пространство. Следует связывать открытые сооружения с возведением в 1801 г. дома И. К. Чанжина или с другим каменным строительством на близлежащей территории.

К последней четверти XVIII – началу XIX в. относится выгребная яма каркасно-столбовой конструкции с дощатым дном (деревянная конструкция 6), расположенная вплотную к дренажному колодцу (рис. 26). Заполнение ямы – темный гумус с большим количеством бытового мусора, в котором обнаружены костяная рукоять ножа или вилки, осколки побывавшего в огне толстостенного предмета из глухого полихромного стекла, осколки кремня, красноглиняная курительная трубка, плоская пуговица из медного сплава и крупный грубо обработанный кусок камня со сколами. Еще одна находка – керамическая крышка сосуда, увенчанная скульптурной фигуркой сидящей женщины с кувшином, изготовленная из так называемого черного базальта (производство английской фирмы «Веджвуд» или подражание ее продукции, после 1768 г.) (рис. 12: 9).

Начало освоения исследованного участка связано с формированием на материке так называемого «мокрого» слоя, сильно увлажненного, хорошо сохранившего многочисленные органические остатки, в том числе навоз. В границах раскопа «мокрый» слой, поврежденный более поздними перекопами и объектами, залегал на отметках 1,49–1,85 м БС, несколько понижаясь в сторону реки (рис. 24; 26). В слое найдено значительное количество обрывков кожаной обуви, а также отдельные индивидуальные находки: обломки белоглиняных курительных трубок, сланцевый грифель, массивный железный крюк, медный нательный

Рис. 24. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Участок 1 на уровне «мокрого» слоя. Вид с северо-запада

крест (рис. 12: 3), кусок кремня. В составе монетных находок представлен фрагмент денги 1710-х гг. и 5 копеек 1727 г. (рис. 12: 7). «Мокрый» слой можно датировать первой половиной–серединой XVIII в.

С начальной застройкой участка связаны остатки двух неотапливаемых построек (конструкции 3а и 15), расчищенные на уровне «мокрого» слоя (рис. 26).

Деревянная конструкция 3а находилась в юго-восточной части раскопа и представляла собой часть нижнего венца срубной постройки: два параллельных бревна диаметром около 0,18 м, с врубками на концах, уложенные на расстоянии 2,10 м друг от друга. Два других бревна не сохранились, но их следы четко видны в темном слое по отпечаткам, заполненным светлым песком. Вся конструкция имела размеры 2,50 × 2,10 м. С внешних сторон трех углов постройки (кроме юго-западного) в грунт вбиты колы диаметром около 0,12 м. В центре постройки, на заполняющем ее слое (темная плотная супесь), обнаружен столб, опиравшийся спиленным торцом на обломок доски. Возможно, это несущий элемент конструкции, а возможно, столб относится к более поздним слоям и был вкопан до уровня лежащей ниже доски случайно. В заполнении постройки найдены обломки грубой, темно-серого цвета кухонной керамики, чашка голландской курительной трубки с буквенным клеймом и сильно корродированная медная монета (денга первой половины XVIII в.).

Деревянная конструкция 15 находилась в центральной части участка 3 и представляла собой остатки сильно поврежденного перекопами срубного строения размерами 2,50 × 3,80 м. Фрагментарно сохранились четыре бревна нижнего венца с врубками на концах. Судя по нумизматическим находкам в пределах сруба (5 копеек 1727 г., денга 1731 г. и полушка 1772 г.), мы имеем дело с одной из наиболее ранних построек на участке.

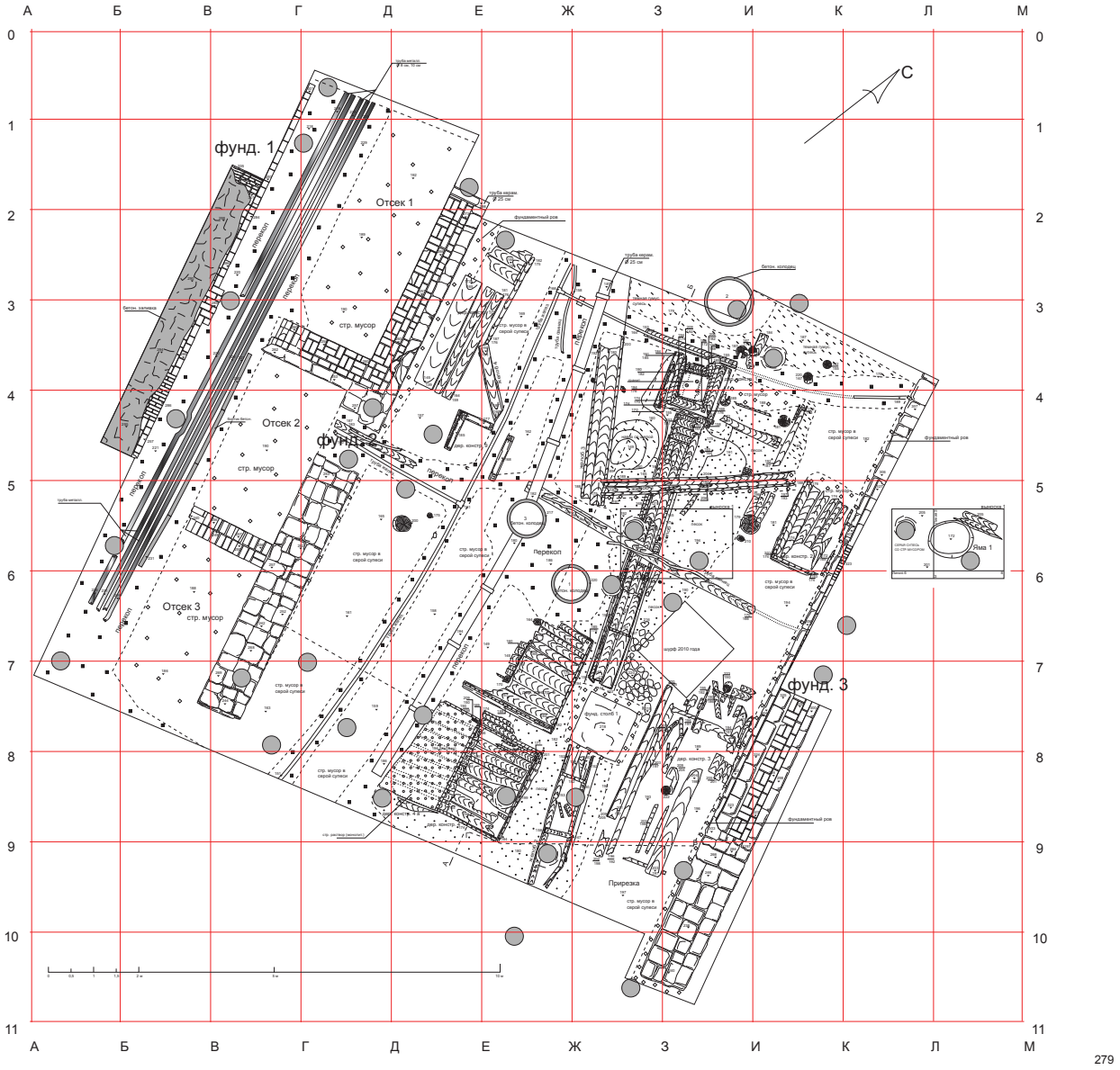

Рис. 25. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. План на уровне верха деревянных конструкций и слоя серой супеси со строительным мусором

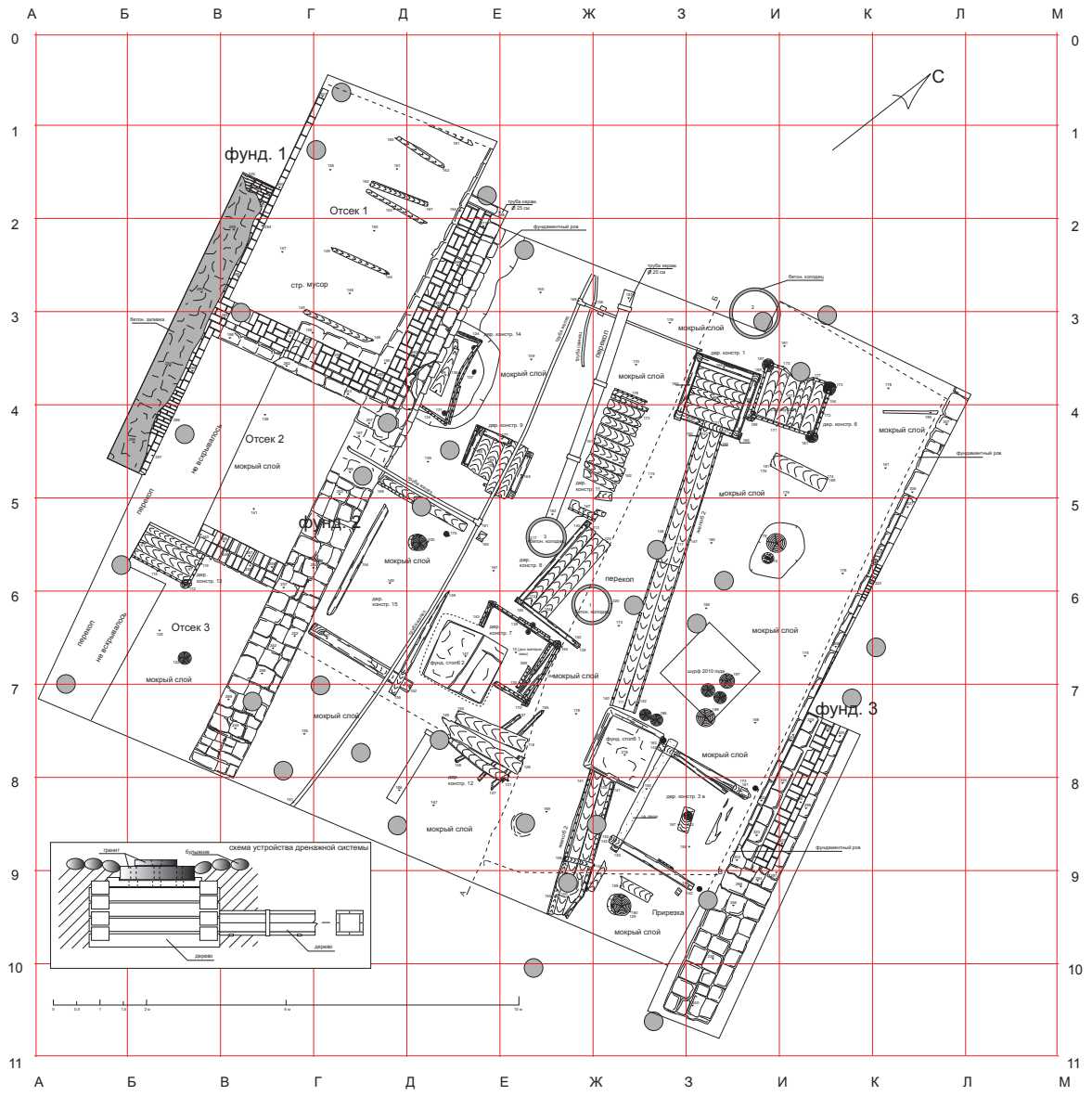

Рис. 26. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. План на уровне основания деревянных конструкций и «мокрого» слоя

Помимо описанных хозяйственных построек, к раннему периоду относятся деревянные короба выгребных ям, заполненные темным гумусом с бытовым мусором (конструкции 7, 13, 14) (рис. 27), и навозные ямы, в заполнении которых найдены хорошо сохранившиеся фрагменты кожаной обуви, деревянные изделия и заготовки (яма 2, 12). Яма 2 была перекрыта провалившимся дощатым настилом на лагах из жердей.

Материк на всей площади раскопа представлен светло-серым пылеватым песком, местами влажным, залегавшим на отметках 1,63–1,36 м БС в северной части раскопа и 1,34–1,19 м БС в южной. Под подвальными помещениями флигеля дома Н. Ф. Мусина-Пушкина верхняя часть материковых отложений выбрана в процессе строительства до уровня светлого зеленоватого суглинка, залегавшего на отметках 1,45–1,07 м БС с понижением в южном направлении.

Рис. 27. Наб. р. Фонтанки. Раскоп 2013 г. Короб выгребной ямы (деревянная конструкция 14). Вид с юго-востока

Основные итоги археологического исследования

Наиболее ранний этап деревянной застройки на данной территории можно отнести к середине или даже второй четверти XVIII в. С ним связано формирование «мокрого» слоя и функционирование двух срубных неотапливаемых построек (деревянные конструкции 3а и 15). К этому же времени, вероятно, относятся навозные ямы, одна из которых перекрыта легким настилом. Рубежом XVIII–XIX вв. датируется серия ящиков для замешивания строительного раствора, которые связаны с возведением на прилегающей территории в 1801 г. дома И. К. Чанжина или другим каменным строительством. С начала XIX в. появляется и продолжает функционировать разветвленная и, скорее всего, разновременная (как минимум два периода) дренажная система, представленная срубными сливными колодцами и дощатыми дренажными желобами. Один из колодцев в 10–40-е гг. XIX в. был превращен в выгребную яму. Этому же периоду соответствует нижний уровень булыжного мощения с люком из гранитной плиты. Деревянные трубы канализации функционировали вплоть до постройки дома Н. Ф. Мусина-Пушкина и были заменены в конце XIX в. на керамические.

В 1857–1861 гг. по проекту архитектора И. А. Козлянинова построен двухэтажный каменный дом с дворовыми флигелями. В границы раскопа попали фрагменты фундаментов западного и восточного дворовых флигелей, а также верхний уровень дворового булыжного мощения. Известная лишь по проектным документам 1917 г. реконструкция дома нашла свое отражение в исследованных объектах. Зафиксированы два фундаментных столба пристройки ко второму этажу лицевого флигеля со стороны двора. С существованием дома и несколькими этапами его реконструкции, вероятно, связан мощный слой битых кирпичей со строительным раствором, перекрывший верхнюю булыжную мостовую (второй слой строительного мусора). Разрушение дома в 30-е гг. XX в. можно связать с верхним слоем строительного мусора.

Археологические исследования на Васильевском острове
Малый пр. В. О., д. 9

Участок д. 9 по Малому проспекту до последней четверти XIX в. занимали деревянные строения. Судя по имеющимся архивным и картографическим материалам, участок был застроен не постоянно, можно проследить неоднократное появление и исчезновение на нем зданий. Впервые постройки на юго-востоке участка отмечены на плане 1776 г., однако на планах более позднего времени, включая план 1821 г.,

застройка на участке отсутствует. План Шуберта фиксирует тут два небольших строения на «красной линии» Малого проспекта и здание в северной части владения. Атлас Цылова 1849 г. приводит лишь фамилию владельца участка – Копылов, застройка на соответствующей территории не показана; однако на хранящемся в ЦГИА СПб плане застройки участка, также датируемом серединой XIX в., в восточной части указаны дворницкая, кладовая и навес. Планы застройки 1876 и 1884 гг. показывают застройку узкими полосами по восточной и западной сторонам участка, центральная его часть остается незастроенной. В 1884 г. гражданский инженер Н. Г. Кудрявцев построил в этом месте каменный одноэтажный флигель, выходящий узким, всего в четыре оси, фасадом на проспект. Вдоль Малого пр. была сооружена каменная ограда, на восточной и западной границах участка располагались служебные постройки. Одноэтажный каменный дом и общая планировка участка сохранялись до недавнего времени, когда постройки были снесены в ходе подготовки участка к строительству жилого дома с подземной автостоянкой. К моменту начала работ это была частично заасфальтированная площадка; в ее южной части располагался заваленный кирпичами котлован подвала снесенного здания, в нескольких местах сохранялись участки разровненного строительного мусора, оставшегося после сноса.

Разведочные археологические шурфы на участке были заложены за пределами снесенного одноэтажного каменного дома, в южной части участка. В ходе работ обнаружена кладка фундамента снесенного д. 9, вплотную примыкавшая к фундаменту д. 11 по Малому пр. В. О. Фундамент сложен из крупных и средних пиленых известняковых плит на растворе, на высоту 0,70 м, его подошву расчистить не удалось. Плиты имели разную толщину, швы между ними тоже различны и заполнены известково-песчаным раствором, затертым по поверхности кладки. По верху каменного фундамента выполнена выравнивающая кладка толщиной в три кирпича. Выше начиналась кирпичная стена здания. Примыкающая вплотную стена д. 57/11 по 4-й линии В. О. оштукатурена и покрашена в несколько слоев, сквозь штукатурку заметен заложенный проем с лучковой перемычкой. В стене здания пробит прямоугольный вертикально вытянутый проем, частично разрушивший перемычку изначального проема; в настоящее время более поздний проем заложен кладкой из силикатного кирпича (рис. 28). На участке найдены кирпичи с клеймами заводов П. Беляева (1860–1918 гг.), В. А. Ранненкампфа (с 1850-х гг.) и, вероятно, О. Ф. Голубинского (1870–1880-е гг.).

Шурф 1, размерами 2 × 2 м, заложен в юго-восточной части участка, вплотную к внутренней линии фундамента снесенного здания. В шурфе зафиксирована следующая стратиграфическая последовательность: начинающийся от современной дневной поверхности слой строительного мусора, сформировавшийся в результате сноса здания, мощностью не более 0,20 м; прослойка рыхлого полуразрушенного асфальтового покрытия неравномерной толщины (0,05–0,22 м); потрескавшаяся, сильно просевшая от краев шурфа к центру бетонная заливка пола толщиной 0,03–0,04 м; вдоль северо-восточного и северо-западного бортов шурфа под бетонной прослойкой располагалась полуразрушенная кирпичная кладка, под прямым углом примыкавшая к кирпичной стенке снесенного здания.

При дальнейшем разборе культурных напластований были открыты остатки сооружения из кирпичей и известняковых плит, поэтому продолжение шурфа 1 в юго-восточном направлении на прирезке размерами 2 × 2 м, обозначено как шурф 2 (см. ниже). Под слоем строительного мусора открыта нижняя часть (цоколь на фундаменте) снесенного здания. Кладка шириной 0,60 м сложена из семи-восьми рядов колотых известняковых плит. Верх кладки лежит на отметках 2,72–2,75 м БС, а ее основание – на отметках 0,85–1,02 м БС. Нижний ряд состоит из наиболее крупных плит, уложенных на дно фундаментного рва, заглубленного в материк на 0,20 м. Длина открытой части кладки 1,80 м, она ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Еще два параллельных участка, длиной 1,60 м и 1,20 м, вытянуты по линии северо-запад–юго-восток на расстоянии 1,80 м друг от друга. Внутренняя часть верхней половины кладки выложена кирпичом. Под вторым бетонным полом, зафиксированном на уровне 2,06 м БС, по внутреннему периметру открытой кладки прослежено 7–10 рядов кирпичей на растворе. Кирпичная кладка внутри оштукатурена. Стена хуже всего сохранилась на своем северо-западном отрезке. В северном углу шурфа 1 она переходила в сплошной завал кирпичей и отдельных известняковых плит, видимо съехавших со своих мест при сносе здания.

Стратиграфия заполнения помещения, открытого в шурфе 1, выглядела следующим образом (рис. 29). Основной объем занимал мощный (до 0,70 м) мешаный слой темно-серого гумусированного песка, насыщенного строительным мусором, пропитанным большим количеством синей краски. Этот слой залегал между двумя уровнями бетонного пола. Верхний уровень представлен почти раскрошившимся рыхлым бетоном, в то время

Рис. 28. Малый пр. В. О. Расчистка плитового фундамента снесенного дома и нижняя часть заложенного проема в стене существующего здания. Вид с юго-запада

как нижний уровень образован бетонной заливкой (толщиной 0,04 м), потрескавшейся и просевшей по направлению к центру помещения и также испачканной синей краской. Нижний уровень бетона соответствует полу цокольного этажа, располагаясь на стыке известняковой кладки фундамента и кирпичной стены. Под полом в северо-восточной части шурфа отмечены уложенные в грунт половинки кирпичей, по всей видимости служившие подготовкой для чистового пола или черновым полом. В слое песка между бетонными полами найдены зеленая стеклянная бутылка с клеймом Кисловодского завода Кавказских минеральных вод на дне и бесцветный стеклянный пузырек с пластиковой пробкой, что позволяет датировать слой второй половиной–концом XX в. Под нижним уровнем бетона залегал слой темно-серого песка со строительным мусором мощностью до 0,35 м, схожий по структуре и окраске со слоем над полом, насыщенный находками. В нем найдены фрагменты кухонной и поливной керамики, помадниц (белой и светло-зеленой), чайной посуды из фарфора и фаянса, осколки сельтерских бутылей, изразцы, волнистая черепица, фрагмент деревянного гребня. В целом материал датируется поздним XIX–XX вв. Под слоем со строительным мусором залегал слой темного песка (погребенная почва), практически лишенный находок, плотный, однородный, сильно гумусированный. Из погребенной почвы происходит осколок темно-коричневого кремня и фрагмент белоглиняной курительной трубки (рис. 30: 1). Материк представлен светлым пылевидным песком на уровне 1,15 м БС.

По периметру фундамента из известняковых плит прослежен узкий фундаментный ров, заглубленный в материк на 0,20 м и заполненный перемешанным песком. В заполнении рва найдены фрагменты разнотипной керамики и изразцов, крупный осколок кремневого желвака с известковой коркой и обломок стебля белоглиняной курительной трубки (рис. 30: 2).

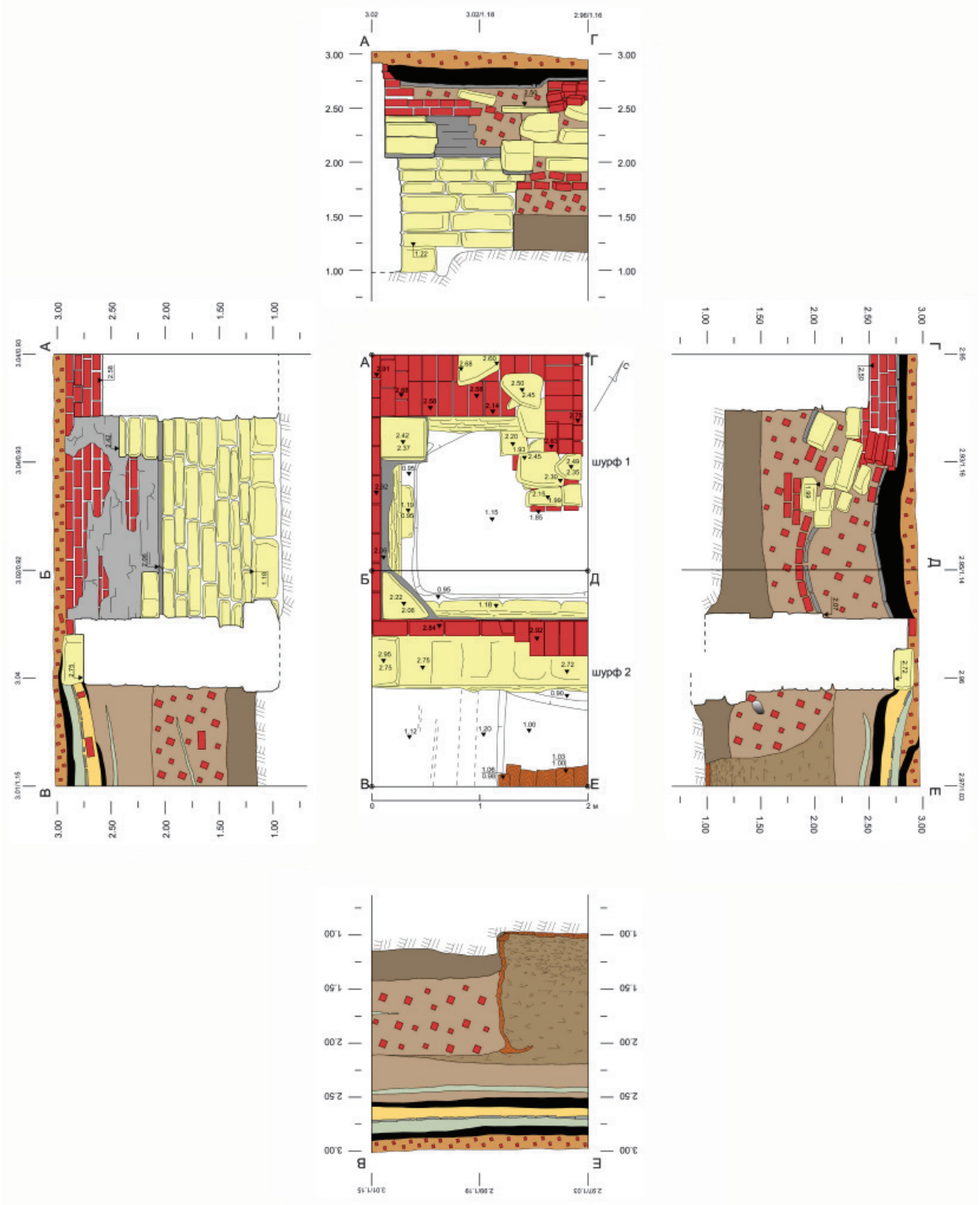

Рис. 29. Малый пр. В. О. Шурфы 1, 2. План и разрезы

Рис. 30. Находки из археологических шурфов на Васильевском острове и Лиговском пр.:
1–5 – Малый пр., В. О., д. 9; 6, 7 – 11-я линия, В. О., д. 26; 8–12 – наб. Лейтенанта Шмидта, д. 21;
13 – Лиговский пр., д. 6 (1, 2, 4, 6–9 – керамика; 3 – стекло; 5 – кожа, железо; 10–12 – железо; 13 – серебро)

Шурф 2, размерами 2 × 2 м, был прирезан с юго-востока к шурфу 1. Верхний слой (0,25 м), как и в шурфе 1, образован строительным мусором, оставшимся после сноса здания. Под строительным мусором залегала прослойка рыхлого полуразрушенного асфальтового покрытия мощностью 0,05–0,22 м, ниже – плотная прослойка светлого мелкозернистого песка мощностью 0,06–0,10 м, уложенная на слой расколотой бетонной заливки толщиной 0,03 м. Бетонную заливку подстилала прослойка светлого крупнозернистого песка мощностью 0,10–0,15 м, перекрывавшая нижний уровень асфальтового покрытия. Материал из верхних слоев немногочислен: встречены единичные мелкие обломки кухонной керамики, фарфора, фаянса, посуды из каменной массы, изразцов, найдена декоративная керамическая плитка с фрагментом клейма изготовителя («…ѣева»).

Под асфальтом залегал слой темного серо-коричневого песка толщиной 0,30–0,40 м с тонкой линзой светлого песка. В слое найдены обломки металлического ключа. Ниже залегал слой темно-коричневого песка, насыщенного строительным мусором с многочисленными находками, толщиной до 1 м. В их составе представлена кухонная белостенная керамика, разнообразная поливная керамическая посуда, цветочные горшки, придонная часть мореного кувшина с лощеными полосами, фрагмент синей помадницы, обломки стекла, фаянса и сельтерских бутылей из каменной массы с желто-коричневой поверхностью. Найдены также раковины устриц. Архитектурная керамика из слоя представлена черепицей и изразцами. Черепица волнистая и плоская с шипом, на некоторых ее фрагментах заметны следы известкового раствора, возможно, вторичного использования. Среди изразцов встречены белые гладкие, белый с синей росписью, сероватый с рельефным узором и белые с кракелюрами на поверхности. Обнаружен также осколок декоративной керамической плитки с клеймом, аналогичным найденному в верхнем слое. Формирование этого слоя происходило в пределах XIX в.

С уровня слоя темно-коричневого песка со строительным мусором вырыта яма 1, прорезавшая материк на 0,20 м и уходившая за пределы шурфа. На дне ямы обнаружена конструкция из уложенных плашмя пяти досок, толщиной 0,03 м и шириной 0,15–0,2 м, и куска горбыля. В заполнении ямы встречено большое количество бытового мусора, особенно битой тарной стеклянной посуды, а также многочисленные осколки бутылок, флаконов, стаканов. Найдены две целые небольшие бутылки с сильно вогнутым дном, изготовленные гутным способом. Особый интерес представляет крупный фрагмент остродонного баллона из зеленого стекла с частично сохранившейся выпуклой надписью по тулову «...ин.водъ» (рис. 30: 3). Комплекс сформировался в XIX в. и может быть интерпретирован как мусорная яма.

Непосредственно на материке залегал слой погребенной почвы – темный, плотный, однородный гумусированный песок толщиной 0,25 м без находок. Им заполнены неглубокие параллельные канавки в материке – следы распашки под огород.

В шурфах 1 и 2 найдены кирпичи с клеймами последней четверти–конца XIX в. и начала XX в. Обращает на себя внимание наличие огнеупорных кирпичей, произведенных на заводах Англии и Швеции.

Шурф 3, размерами 2 × 2 м, заложен вплотную к внутренней части фундамента снесенного здания, параллельно фундаменту и стене д. 57/11 по 4-й линии В. О. В шурфе зафиксирована следующая стратиграфия. От современной дневной поверхности на глубину до 0,80 м лежали слои бетона разной степени сохранности, с армированием и без, разделенные кафельным полом, прослойками песка и строительного мусора. Отсюда происходят разнообразные железные обломки, пять конских подков и трехкопеечная монета 1931 г. В целом эти слои и заливки пола могут быть датированы второй половиной XX в. Ниже залегал мешаный слой темно-серого песка со строительным мусором, мощностью 1 м, разделенный примерно пополам растрескавшейся бетонной заливкой толщиной 0,03 м. Слой прорезала траншея, выкопанная для прокладки канализационной керамической трубы диаметром 0,25 м, уложенной на уровне 1,84 м БС по линии восток-северо-восток–запад-юго-запад.

В мешаном темно-сером песке найдены многочисленные обломки белостенной керамики: преимущественно округлобокие горшки с сильно утонченным и отогнутым венчиком. В меньшем количестве представлена кухонная посуда из красной глины, поливная керамика, мореная с лощеными полосами и др. Также найдены обломок коричневого кремня с известковой коркой и металлическая оковка кошелька. Комплекс находок в целом имеет смешанный характер и содержит материалы позднего XVIII – конца XIX в.

С уровня строительного мусора вырыта яма, разобранная в юго-западной части шурфа 3 и прорезавшая материк на 0,35 м. Заполнение ямы – темно-бурый сильно гумусированный мешаный песок, насыщенный бытовым мусором. В нем обнаружена

металлическая обувная подковка и разнообразный массовый материал, относящийся к концу XVIII – началу XIX в. На одном из фрагментов бутылей из каменной массы отмечено клеймо в ободке из синей поливы: монограмма «SL» под короной, окруженная надписью «SAMBA» (рис. 30: 4), которое датируется не позднее начала XIX в.

Слой погребенной почвы – темный, плотный, однородный гумусированный песок, толщиной 0,25 м, на уровне 1,25 м БС перекрывал материк – светлый пылеватый песок. Вдоль борта шурфа в материке прослежено заполнение узкого фундаментного рва, заполненного мешаным материковым песком и заглубленного в материк на 0,10 м (рис. 31). В ров установлен фундамент, сложенный из 14 рядов колотых известняковых плит, на который опиралась кирпичная стена. В восточном углу шурфа в частично разобранную фундаментную кладку вмонтирована керамическая труба.

Основные итоги археологического исследования

Полученные материалы позволяют утверждать, что застройка обследованного участка сформировалась не ранее последней четверти XIX в. Несмотря на отдельные находки XVIII – первой половины XIX в., непотревоженные культурные напластования более раннего времени не обнаружены.

11-я линия, В. О., д. 26, лит. А

Работы по археологическому надзору по адресу 11-я линия В. О., д. 26, лит. А проводились в связи с планируемым здесь строительством. Участок проведения работ находится в квартале, ограниченном Средним и Большим пр. В. О. и 11-й и 12-й линиями. Застройка квартала сформировалась в течение первой половины XVIII – середины XIX в. Участок размерами 67 × 30 м, вытянутый по линии северо-восток–юго-запад, представ-

Рис. 31. Малый пр. В. О. Шурф 3. Юго-восточная стенка. Вид с востока-северо-востока

лял собой частично заасфальтированную дворовую территорию, отделенную от 11-й линии В. О. оштукатуренным кирпичным забором, установленным по «красной линии». Ранее здесь располагалось здание котельной, построенное в 1950-х гг. и разобранное при выемке котлована до начала проведения работ. Расположение участка внутри квартала плотной городской застройки, необходимость разборки здания котельной и предотвращения разрушения соседних зданий обусловили ряд специфических условий, повлиявших на проведение археологических работ. Археологические наблюдения следовали порядку проведения земляных работ, производившихся технологическими захватками, и так же по захваткам фиксировался археологический материал. В местах выявления архитектурных объектов и участков мало потревоженных культурных напластований производились зачистки, графическая, описательная и фотофиксация.

Стратиграфия культурных напластований выглядит следующим образом. Под частично сохранившимся асфальтовым покрытием (и подсыпкой под него) залегала верхняя пачка слоев толщиной 1,40–1,50 м, образованная многочисленными прослойками и подсыпками гумусированной супеси с включениями строительного мусора, битых кирпичей и т. п., в которой прослежено несколько котлованов различной формы и размеров, заполненных перемешанным грунтом с многочисленными современными включениями. Ниже залегал гумусированный слой темно-коричневого, почти черного, цвета толщиной 0,15–0,35 м, отложившийся на ранних этапах хозяйственного освоения участка, позднее нарушенный сваями и перекопами. Местами в основании этого слоя прослеживалась погребенная почва, иногда перекрытая тонкой прослойкой щепы. Материк залегал на отметках 0,75–1,30 м БС и представлял собой пылевидный светло-серый влажный песок с включениями гумусированных прослоек естественного происхождения (следы наводнений). В нем прослежены контуры двух ям. В заполнении одной из них (яма 2) открыта полуразрушенная деревянная конструкция в виде сруба из подтесанных бревен, нижняя часть которого заглублена в материк ниже уровня грунтовых вод (0,50 м БС). Сруб заполнен сильно гумусированным слоем темного цвета.

В ходе археологических наблюдений также были обнаружены фундаменты построек XIX – начала XX в., сложенные из известняковых плит на валунном основании, поврежденных позднейшими перекопами. Коллекция вещественных находок в целом датируется серединой XIX – XX вв. (рис. 30: 6, 7; 32).

Основные итоги археологического исследования

Результаты проведенных работ позволяют утверждать, что формирование культурных напластований на этом участке произошло не ранее середины–второй половины XIX в. В слое встречены лишь редкие предметы, датируемые ранее середины XIX в. Основная масса находок приходится на вторую половину XIX – XX вв. Фундаменты построек и остатки срубной конструкции также были сооружены не ранее второй половины XIX в. Культурный слой на участке работ значительно поврежден еще до начала строительных работ, а также в ходе сноса построек и проведения противоаварийных мероприятий.

Наб. Лейтенанта Шмидта, дом 21, лит. А

На территории дома 21, лит. А, по наб. Лейтенанта Шмидта для уточнения характеристики и степени сохранности культурных напластований было заложено четыре разведочных шурфа. Исследованный участок находился в квартале, ограниченном наб. Лейтенанта Шмидта, 13-й и 14-й линиями В. О. и Иностранным пер.

Застройка квартала начала формироваться в первой половине XVIII в. Первые сведения об освоении этой территории относятся к первой трети XVIII в., когда в прибрежной зоне Васильевского острова были нарезаны владельческие участки (Семенцов и др., 2004. С. 273 сл.; Историко-культурная экспертиза, 2004. С. 4). На «Плане Императорского столичного города Санкт-Петербурга» 1737–1741 гг. (план Г. И. Унферцахта) застройка в этом месте отсутствует. На плане И. Ф. Трускотта 1748 г. территория между современными 13-й и 14-й линиями В. О. показана поделенной на пять участков, обозначены дома вдоль набережной (за исключением среднего участка), а также хозяйственные постройки вдоль современного Иностранного пер. Дальнейшее развитие застройки зафиксировано на плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г., где между 13-й и 14-й линиями показаны четыре участка с каменными домами и хозяйственными постройками. Участок современного д. 21 (№ 600 на плане) в те годы принадлежал генерал-лейтенанту Ф. Клингеру, известному в то время поэту и драматургу (рис. 33). На протяжении XIX – первой половины XX в. картина застройки существенно не менялась, лишь во второй половине последнего столетия здания XVIII–XIX вв. неоднократно перестраивались и перепланировывались и в результате дошли до наших дней со значительными изменениями.

Шурф 1, размерами 2 × 2 м, заложен в западной части участка, в углу между южной стеной двухэтаж-

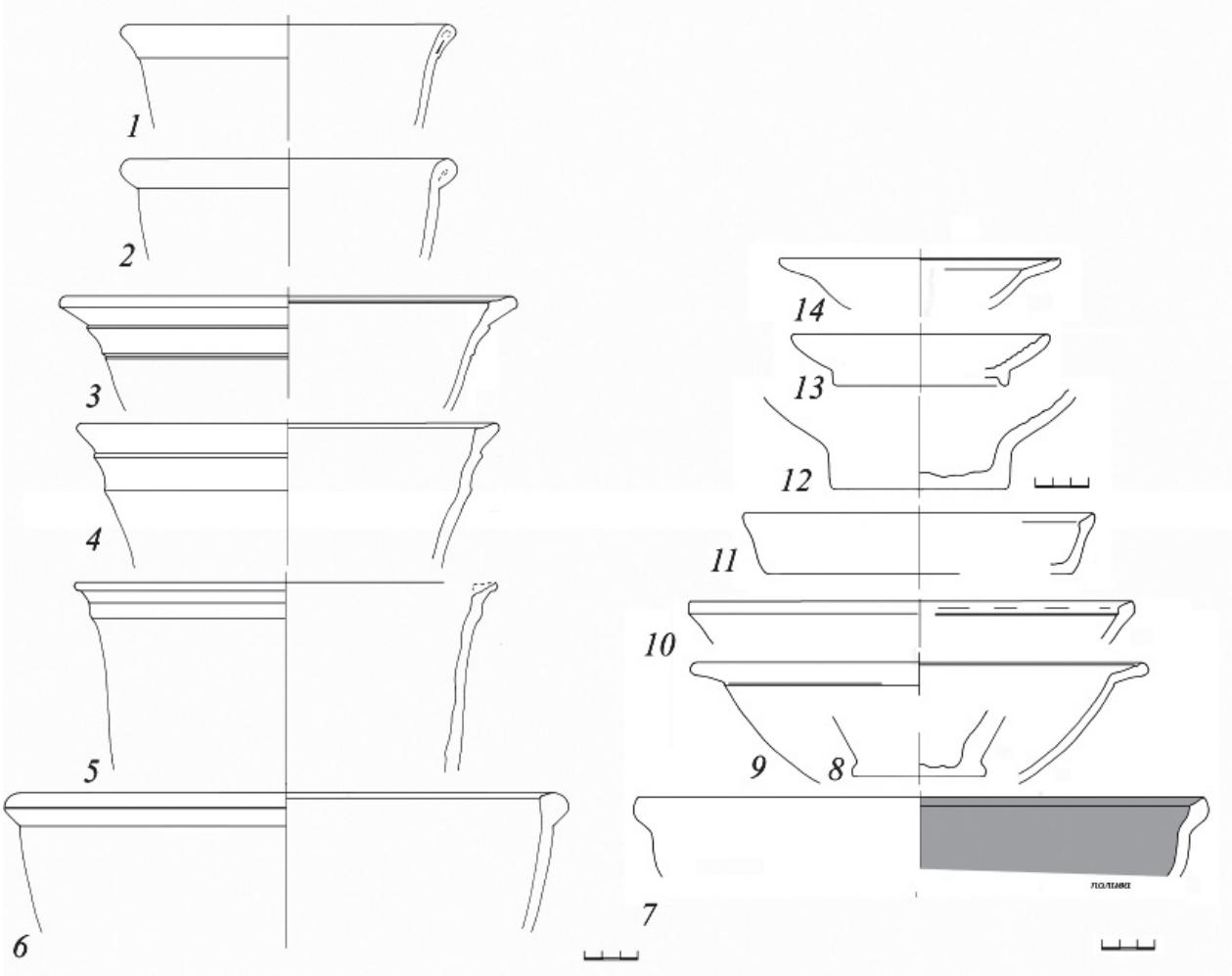

Рис. 32. 11-я линия В. О. Фрагменты керамики, собранные в ходе археологических наблюдений

Рис. 33. План Санкт-Петербурга Ф. Ф. Шуберта. 1828 г. Фрагмент.
Участок исследований на наб. Лейтенанта Шмидта, д. 21.

ного основного корпуса бывшего завода «Прибор» (Иностранный пер., д. 6) и трехэтажным бывшим административным зданием. В шурфе прослежена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 34). Асфальт на участке шурфа 1 отсутствовал, современная дневная поверхность представляла собой лишенный растительности слой темно-серого песка со строительным мусором. Вдоль северо-восточного борта и практически до середины шурфа на отметках 3,16–3,24 м БС проходила булыжная отмостка здания. При ее разборке найдено кольцо из медного сплава. Всю северо-западную часть шурфа занимала поздняя траншея глубиной 0,80 м, заполненная темно-серым песком со строительным мусором. В западной части шурфа ниже дна траншеи прослежена угольная прослойка, перекрывавшая слой строительного мусора. Здесь же обнаружен фрагмент истлевшего деревянного столба, забитого до уровня 2,20 м БС.

В ненарушенной траншеей части шурфа ниже булыжного мощения залегал слой темно-серого гумусированного песка, перемешанного со строительным мусором, разделенный прослойкой светлого песка, смешанного с кирпичной крошкой и строительным раствором. В верхней части слоя, толщиной 0,55 м, найдены археологические материалы XVIII–XX вв., в том числе костяшка домино из темного пластика, накладная бляшка из медного сплава, осколки кремня, накладка замочной скважины, фрагмент точильного круга, обломок деревянной щетки, стеклянный предохранитель от электроприбора. Особого упоминания заслуживает выточенное из рога полое яйцо, половинки которого соединялись между собой с помощью резьбы, с четырьмя монетами внутри (15-копечные монеты чеканки 1765, 1770, 1771 и 1783 гг.) – вероятно, пасхальный подарок «с сюрпризом» (рис. 35). В большом количестве представлены предметы железного крепежа: кованые гвозди и костыли, также найдены гладкие белые, рельефные белые, белые с синей росписью изразцы. Стеклянные изделия представлены тарной посудой (винные и пивные бутылки темно-зеленого стекла, различные флаконы), а также посудой для питья (стаканы). При изготовлении стеклянной посуды, характеризующейся различной степенью ирризации, применялась разная техника (гутная техника, прессовыдувание), что свидетельствует о разновременности этих находок. Фаянсовая и фарфоровая посуда представлена столовыми и чайными сосудами. На донцах фаянсовых тарелок сохранились клейма: часть двухстрочного клейма с рисунком в середине «NOR... CLEN…», а также клеймо «…ABIA» в прямоугольной рамке («ARABIA», Хельсинки с 1874 г.). В составе керамики отмечена мореная, грубая кухонная, поливная и цветочная посуда.

Слой темно-серого песка толщиной 0,20–0,30 м, лежавший ниже светлой прослойки, содержал материалы XVIII–XIX вв.: изразцы (в основном с геометризованной синей росписью по белому фону), кованые гвозди, керамику (каменную, мореную, поливную, кухонную и цветочную), осколки стеклянной посуды. На многих обломках поливной посуды заметны следы пребывания в сильном огне. Найдена медная денга, предположительно 1810-х гг. чеканки.

В южной половине шурфа под слоем строительного мусора прослежена линза светло-серой супеси толщиной 0,10 м. На отметках 2,27–2,43 м БС в ней обнаружены фрагменты конструкции из досок толщиной 0,02–0,04 м и шириной 0,20–0,40 м, залегавших перпендикулярно друг другу по линии северо-запад–юго-восток и северо-восток–юго-запад. Судя по находкам ластильных скоб (рис. 30: 10–12), применявшихся для лощения конопаченных и смоленых пазов на судах типа парома, можно сделать вывод о вторичном использовании судостроительного материала для повседневных городских нужд (возможно, для дворового настила). Здесь также были обнаружены: кованый четырехгранный гвоздь, комок расплавленных стеклянных нитей светло-зеленого цвета, фрагменты фарфоровой чашки с подглазурной синей росписью, обломки поливной керамики (в том числе остеклованной от пребывания в сильном огне) и кухонной белостенной, покрытой нагаром, принадлежавшие горшкам большого размера. Все эти находки могут быть датированы в пределах первой половины XIX в.

Ниже залегал слой темного гумуса со щепой, толщиной 0,15 м, в котором найден массивный железный костыль, два обломка поливной керамики со следами сильного обжига, обломок изразцовой румпы и два осколка прозрачного светло-зеленого стекла. В этот слой была впущена яма 1 размерами 0,50 × 1,00 м, заполненная слоем темно-серого песка со строительным мусором. Дно ямы устроено на уровне 1,90 м БС. На дне ямы 1 прослежена еще одна яма (яма 1а) диаметром 0,25 м, заполненная темным и светлым песком с битыми кирпичами. Вероятно, это столбовая яма, заглубленная в материк до уровня 1,32 м БС. В заполнении ямы 1а найдены кованый железный гвоздь и фрагмент белостенной керамики.

Ниже слоя со щепой лежала прослойка светлого песка толщиной 0,02–0,10 м, а под ней – линза угольного слоя толщиной 0,05 м. Глубже залегал темный гумусированный слой с отдельными прослойками светлого песка, толщиной 0,20–0,30 м. В слое найдены обломки белоглиняных голландских

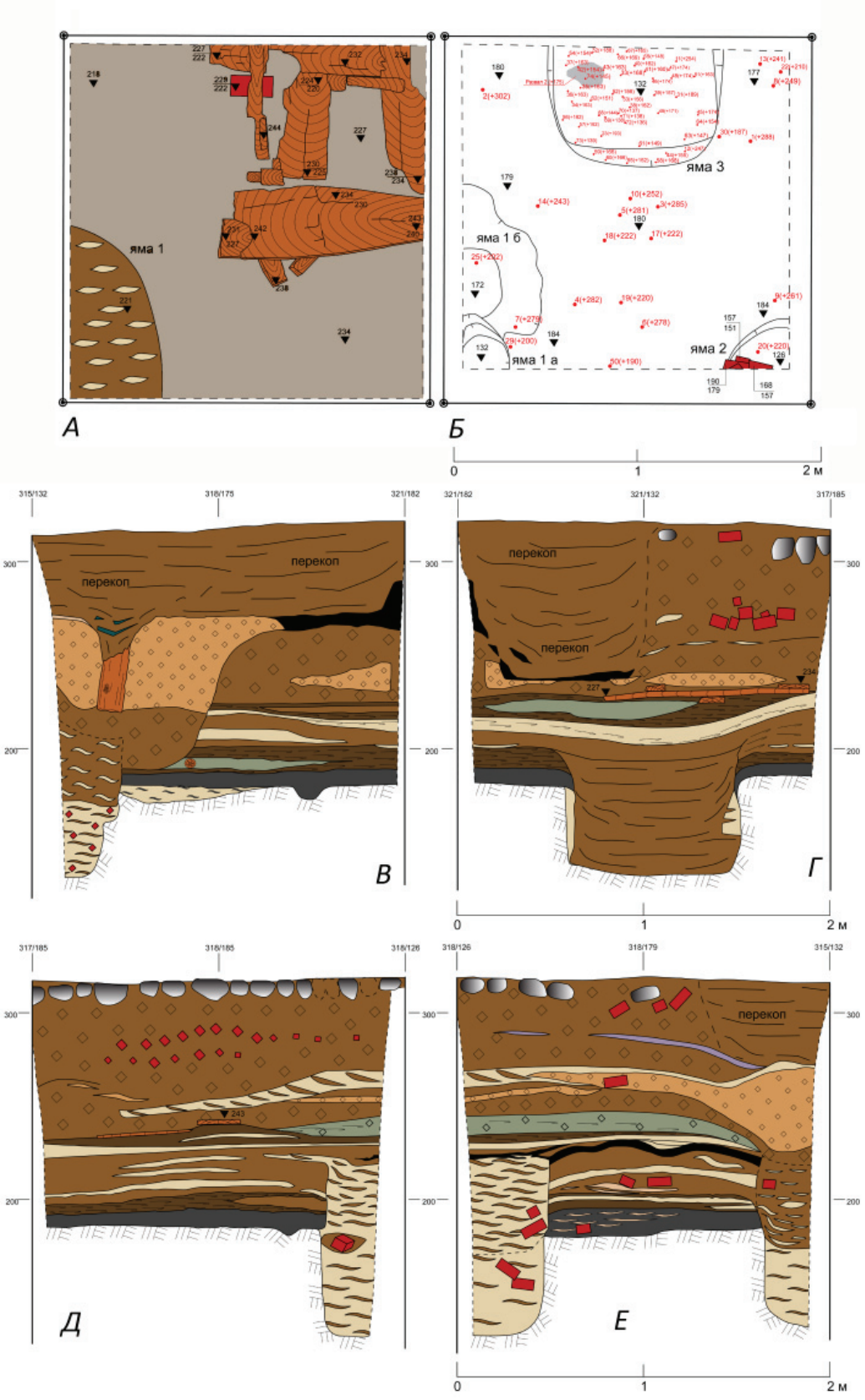

Рис. 34. Наб. Лейтенанта Шмидта. Шурф 1: А – план на уровне конструкции на слое щепы; Б – план на уровне материка со схемой залегания находок; В – юго-западная стенка шурфа; Г – северо-западная стенка шурфа; Д – северо-восточная стенка шурфа; Е – юго-восточная стенка шурфа

Рис. 35. Наб. Лейтенанта Шмидта. Шурф 1. Роговое пасхальное яйцо «с сюрпризом»

курительных трубок, медная пуговица, мелкие фрагменты керамики и стекла. Стеклянные изделия представлены в основном мелкими фрагментами бутылочного стекла (часть фрагментов сильно оплавлена). Особо следует отметить обломки стакана из бесцветного прозрачного стекла с гравированным изображением двуглавого орла. В целом слой датируется второй половиной XVIII в.

С уровня этого слоя были вырыты ямы 2 и 3. Яма 2, диаметром 0,40 м, столбовая. Дно ямы открыто на уровне 1,26 м БС. Она заполнена мешаным светлым песком с прослойками гумуса и кусками кирпичей. В заполнении найден фрагмент мундштука голландской курительной трубки и малочисленные обломки керамической посуды XVIII в. Яма 3, овальная в плане, с почти отвесными стенками, глубиной 0,50 м (дно на уровне 1,32 м БС), заполнена темно-серым сильно гумусированным песком с тонкими прослойками светлого песка. В заполнении ямы 3 найдены: бусина из голубого стекла, обломки голландских курительных трубок (рис. 30: 9), куски кремня, кожаная подошва, корковые пробки, кованые железные гвозди, фрагменты изразцов с белой поливой, устричные раковины, осколки оконного стекла, фрагменты штофных бутылей из бесцветного прозрачного стекла и гутных винных бутылей из зеленого стекла, донца флаконов, фрагменты питейной посуды (бесцветного прозрачного стакана с прошлифованным узором и тонкостенных из молочно-белого стекла с полихромной росписью). Найдено значительное количество фрагментов фарфоровой, фаянсовой и майоликовой посуды. Грубая керамика представлена обломками белостенных кухонных сосудов (рис. 36). В составе обломков поливной керамики можно выделить фрагменты разнотипных тарелок, декорированных полихромным ангобом под бесцветной глазурью, двух-трех больших глубоких мисок со сливами, покрытых изнутри желто-зеленой поливой. Археологические материалы из заполнения ямы 3 следует датировать XVIII в.

Ниже залегал темный гумусированный слой со щепой, мощностью до 0,15 м, в котором прослежена линза светло-серой супеси толщиной 0,08 м. В слое найдены обломки голландских курительных трубок, фрагмент сланцевой доски для письма со следами разлиновки, два кованых массивных гвоздя, фрагмент плоской черепицы, осколок изразцовой румпы, сильно ирризованные осколки стеклянной посуды, фрагменты каменной, поливной, мореной и кухонной белостенной керамики. Слой датируется серединой–второй половиной XVIII в.

Слой со щепой лежал на погребенной почве, представленной плотной темной сильно гумусированной супесью серого цвета, ниже которой на отметках 1,77–1,84 м БС залегал материк – светло-серый пылевидный песок. На уровне материка прослежены две взаимно перпендикулярные канавки, заполненные гумусированным песком.

Таким образом, в шурфе 1 были обнаружены культурные напластования XVIII–XX вв., а также остатки конструкций: настил из вторично использованных судостроительных материалов, столбовые ямы. По завершении работ шурф 1 был законсервирован для продолжения полевых археологических исследований.

Шурф 2, размерами 2 × 2 м, заложен в центральной части исследуемого участка, на территории заасфальтированного двора, у южной стены двухэтажного основного корпуса бывшего завода «Прибор» (Иностранный пер., д. 6). Под слоями асфальта мощностью 0,15 м открыто мощение из крупных булыжников, уложенных по линии север–юг на слой темно-серого гумусированного песка со строительным мусором толщиной 0,15–0,35 м. Ниже залегал слой металлического лома, включая отходы и брак металлообрабатывающего производства – декоративные элементы оград, перемешанного с темным песком, толщиной 0,10–0,30 м. Под этим слоем обнаружены остатки еще одного булыжного мощения. Булыжники уложены бессистемно, между ними найдены осколки кремня. Мощение нарушено двумя взаимно перпендикулярными траншеями, заполненными строительным мусором, на дне которых лежали металлические трубы диа-

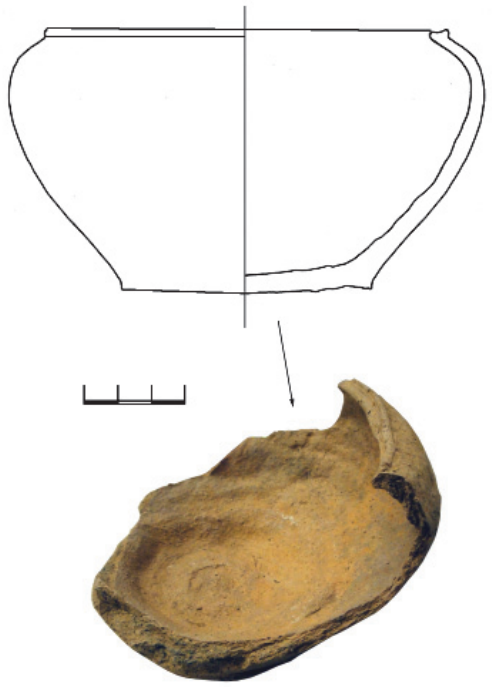

Рис. 36. Наб. Лейтенанта Шмидта. Шурф 1, яма 3. «Чугунок» из беложгущейся глины

метром 0,10 м. В южной части шурфа 2, не поврежденной перекопами, ниже уровня второго булыжного мощения залегал слой строительного мусора толщиной 0,50 м, с прослойками светлого песка толщиной 0,10 м. В слое найдены: 1 копейка серебром 1842 г., осколок кремня, кованые железные гвозди, фрагменты бутыли из каменной массы с белой глазурью, помадницы с синей поливой, фарфоровой и фаянсовой посуды, разнообразных стеклянных изделий, керамики. Также следует отметить развал почти цилиндрического сосуда средних размеров, украшенного полосами лощеного орнамента по черной мореной поверхности, а также отдельные фрагменты других мореных сосудов с лощением. В целом археологический материал из слоя строительного мусора следует датировать XVIII – началом XIX в., однако находка монеты 1842 г. вынуждает несколько расширить хронологические рамки формирования слоя.

Слой строительного мусора лежал на погребенной почве – темно-сером плотном слое мощностью 0,13–0,15 м, прослеженном на отметках 2,13–2,16 м БС, ниже которого, на уровне 2,02 м БС, начинался материк – светлый пылевидный песок.

Погребенную почву прорезала яма 1а, заглубленная в материк. Яма округлая в плане, размерами 1,60 × 1,30 м, заполненная мешаным слабо гумусированным песком, ее дно находилось ниже уровня грунтовых вод. В яме 1а открыта конструкция из трех вертикально вбитых в дно досок толщиной 0,06 м и шириной 0,50, 0,30 и 0,20 м и столбика диаметром 0,07 м (рис. 37), вероятно, подпиравших стенки деревянного хозяйственного сооружения XIX – начала XX в. Находки из ямы 1а немногочисленны: фрагменты винных бутылок зеленого стекла, два черепка поливной керамики, корродированный железный костыль, донце помадницы со следами сильного вторичного обжига и осколок гладкого белого изразца. Таким образом, в шурфе 2 непотревоженных ранних культурных слоев не зафиксировано. По завершении работ шурф был засыпан.

Шурф 3, размерами 2 × 2 м, заложен в южной части исследованного участка, на газоне во дворе дома 23, напротив двухэтажного дворового флигеля. Под дерном залегал слой садовой почвы, толщиной 0,40 м, насыщенный предметами новейшего времени, в котором также найдены массивные кованые гвозди и деталь садовой ограды. Ниже лежал слой темно-серого крупнозернистого песка с мелким щебнем и строительным мусором, толщиной 0,20 м, перекрывавший слой строительного мусора в светлом песке (толщиной 0,50 м), нарушенный траншеей с железной трубой диаметром 0,06 м. В этом слое найдены осколки кремневых желваков с известковой коркой, фрагмент керамической трубы, железные ластильные скобы (рис. 30: 11, 12), массивные кованые железные гвозди и костыль, фрагменты гладких белых изразцов, осколки стеклянной посуды, фарфора и фаянса, фрагменты поливной, кухонной и цветочной керамики. Ниже прослежена прослойка темно-серого гумусированного песка, толщиной 0,08 м, перекрывавшая слой светлого мелкозернистого песка с примесью мелкого щебня, толщина которого достигала 1,30 м. В нем найдены осколки голландских курительных трубок, железные ластильные скобы и кованые гвозди, единичные фрагменты стекла, изразцов, фарфора, фаянса и бытовой керамики (поливной, грубой кухонной и мореной с лощением). Ниже лежал слой темно-серого песка со строительным мусором, толщиной 0,70 м, с находками конца XVIII – XIX в. В северном углу шурфа под слоем светлого мелкозернистого песка отмечена линза темного гумусированного влажного слоя с древесным тленом, толщиной 0,30 м, сливающаяся с погребенной почвой, прослеженной на отметках 1,08–1,36 м БС. Материк – светло-серый песок – залегал на отметках 1,05–1,34 м БС.

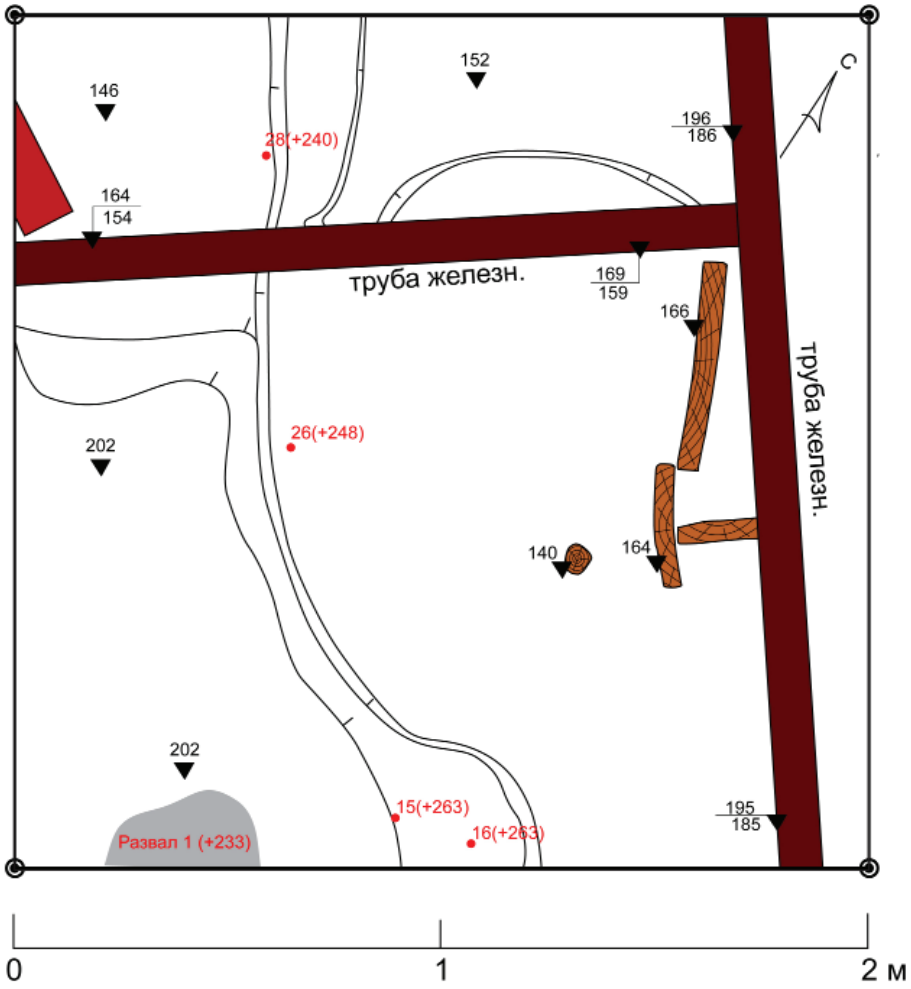

Рис. 37. Наб. Лейтенанта Шмидта. Шурф 2. План на уровне материка с указанием находок

На уровне погребенной почвы были открыты четыре ямы. Яма 1, размерами 1,15 × 0,50 м, имела пологие стенки и плоское дно, устроенное на уровне 0,90 м БС. Яма 2, размерами 0,40 × 0,40 м, имела отвесные стенки и плоское дно, устроенное на уровне 0,94 м БС. Яма 3, размерами 1,10 × 1,00 м, имела пологие стенки и плоское дно, устроенное на уровне 0,80 м БС. Яма 4 почти полностью уходила в борт шурфа, ее дно находилось на уровне 1,03 м БС. Заполнением ям служил темный гумусированный слой с прослойками светлого песка.

Таким образом, в шурфе 3 зафиксирован перемешанный культурный слой, датируемый не ранее конца XVIII – первой половины XIX в., поврежденный поздними перекопами.

Шурф 4, размерами 2 × 2 м, заложен в северной части исследованного участка, на территории заасфальтированного узкого двора между северным крылом основного корпуса завода «Прибор», южнее крыльца бывшей заводской столовой. Под слоями асфальта (толщиной 0,26 м) залегал слой темно-серого песка со строительным мусором, толщиной 0,60 м, вверху нарушенный поздними перекопами (рис. 38). В слое песка со строительным мусором найдены предметы XVIII–XIX вв.: обломки голландских курительных трубок, фрагменты керамической черепицы (волнообразной и плоской с шипом), кованые железные гвозди, изразцы с синей росписью по белому фону, ирризованные осколки бутылок зеленого стекла, обломки керамики. В южной части шурфа на отметках 3,02–3,00 м БС открыт верх кирпичной кладки. В восточном углу шурфа обнаружен небольшой фрагмент булыжного мощения. Под слоем строительного мусора залегал слой песка со строительным мусором, толщиной 0,15–0,30 м, в котором найдены кованые железные гвозди, донце винной бутылки, битое оконное стекло, изразцовая перемычка с синей росписью,

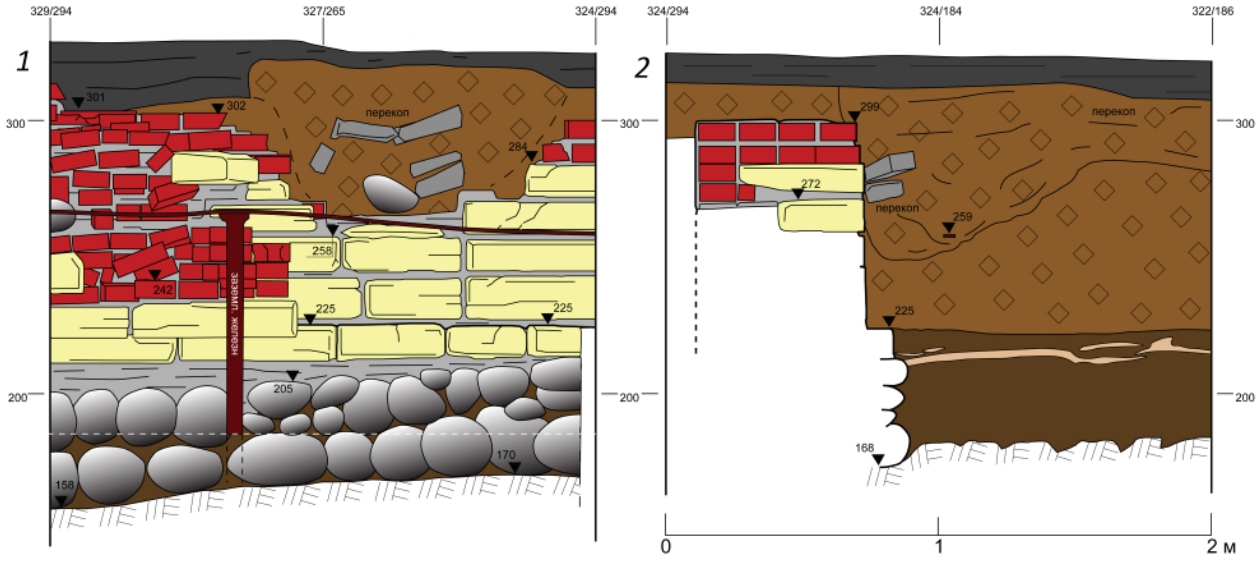

Рис. 38. Наб. л-та Шмидта, д. 21. Шурф 4. Разрезы юго-западной (1) и северо-западной (2) стенок

осколки фарфора и фаянса, кухонная и поливная керамика, фрагменты цветочных горшков. Ниже слоев строительного мусора лежал темный плотный гумусированный слой, толщиной 0,40 м, с прослойками светлого песка толщиной 0,10 м. На отметках 1,82–1,86 м БС прослежен материк – серо-рыжий ожелезненный песок (рис. 39).

У юго-восточного борта шурфа открыта яма овальной в плане формы, размерами 0,90 × 0,48 м, глубиной 0,50 м. В ее восточном углу обнаружена еще одна яма овальной в плане формы, глубиной 0,80 м. Заполнение ямы – темно-серый мешаный гумусированный песок с прослойками светлого песка и строительным мусором.

В шурфе открыт фундамент шириной 0,65 м, сложенный из гранитных валунов на высоту трех-четырех рядов. Фундаментный ров в виде небольшого углубления, глубиной 0,10 м (рис 38: 1), прослежен на уровне материка. Верхний ряд валунов пролит слоем строительного раствора, поверх которого уложены три ряда колотых известняковых плит с неровными краями толщиной 0,10–0,15 м, скрепленных известковым раствором. Поверх них уложены четыре ряда пиленых известняковых плит, внутреннее пространство заложено тремя рядами кирпичей на известковом растворе. На плитовое основание опиралась кирпичная кладка, от которой сохранилось два ряда кирпичей. Высота от основания валунного фундамента до сохранившейся части кирпичной кладки составила 1,30–1,45 м, современное асфальтовое покрытие уложено практически на верхний ряд кирпичной кладки. К фундаменту примыкали восемь рядов битых кирпичей, по всей видимости, вторичного использования, среди которых найден фрагмент кирпича с клеймом завода М. К. Стуккей, выпускавшего продукцию до 1890-х гг.

Основные итоги археологического исследования

В результате разведочного археологического обследования территории проектируемого строительства по адресу: Санкт-Петербург, В. О., наб. Лейтенанта Шмидта, д. 21, лит. А (рис. 40), было установлено, что застройка исследованной территории сформировалась в течение первой половины XVIII – второй половины XX в. В шурфе 1 обнаружен непотревоженный культурный слой, начало формирования которого произошло в первой трети XVIII в. В шурфе 4 открыт участок фундамента на валунном основании, датируемый не ранее второй половины XVIII в.

Лиговский пр.

В 2012–2013 гг. сотрудники Лаборатории проводили археологическую шурфовку по двум адресам.

Лиговский пр., д. 6, лит. Б

Участок д. 6 по Лиговскому пр. с 1967 по 2011 г. был занят зданием касс Большого концертного зала «Октябрьский». В связи с запланированным новым строительством было проведено разведочное археологическое обследование. Исследованный участок располагался на границе

Рис. 39. Наб. Лейтенанта Шмидта. Шурф 4. Зачистка на уровне материка

исторических Литейной и Рождественской частей Санкт-Петербурга. Эта территория, по-видимому, начала осваиваться в XII в., когда на проходящей здесь песчаной гряде был проложен тракт, которым пользовались новгородские купцы для провоза своих товаров к невским берегам. Точное местоположение тракта неизвестно, однако многими исследователями он отождествляется с дорогой XVI–XVII вв., шедшей от устья Невы (в первую очередь, из Ниена) к Нарве. Трасса этой дороги приблизительно совпадала с направлением современного Лиговского проспекта (Семенцов и др., 2004. С. 105). По сторонам пути рос сильно заболоченный лес, и находились редкие финские и русские поселения. В начале XVIII в. часть старинной дороги вошла в предместье новой российской столицы – Санкт-Петербурга.

В 1719–1725 гг. для питания фонтанов Летнего сада был сооружен Лиговский канал протяженностью более 20 км, который начинался на юго-западе города, у р. Лиги и заканчивался двумя прудами (большим и малым бассейнами-накопителями) на пересечении современной ул. Некрасова (бывшая Бассейная ул.) и Греческого пр. Прилегавшая к бассейнам местность получила название «Прудки». Уровень воды в бассейнах был на 8 м выше уровня Летнего сада, что давало возможность воде свободно поступать к водовзводным башням на берегу Фонтанки у Летнего сада, а оттуда по акведуку к фонтанам (Городилов и др., 2010. С. 107). Участок археологического исследования примыкал к юго-западной части большого бассейна и находился в непосредственной близости от Песочного моста через Лиговский канал (мост появился на планах в первой четверти XIX в.). Учитывая погрешность в совмещении исторических карт с современными планами, можно предположить, что изучавшийся нами участок мог располагаться на месте створа Лиговского канала, затрагивая его набережные.

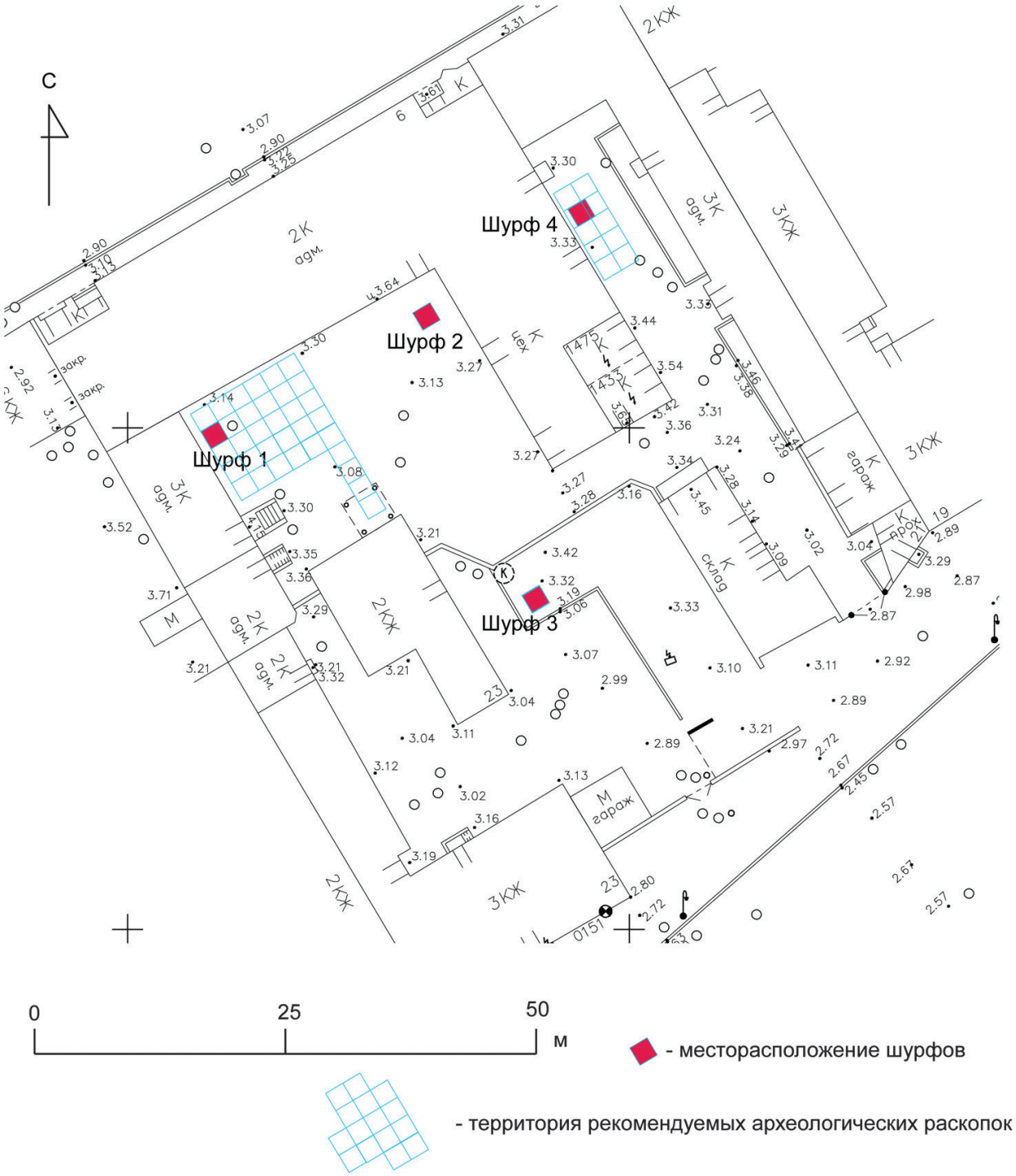

Рис. 40. Наб. Лейтенанта Шмидта. План исследованного участка с обозначением археологических шурфов и территории рекомендованных раскопок

Территория, примыкавшая к бассейнам Лиговского канала, стала застраиваться после осушения в 1734–1740 гг. болот, простиравшихся по обе стороны Лиговского канала вплоть до монастыря Александра Невского (Городские поселения, 1864. С. 36). На плане И. Ф. Трускотта 1748–1749 гг. интересующая нас территория рядом с бассейнами Лиговского канала все еще не застроена (Семенцов и др., 2004. С. 367). В 1737 г. Московская сторона была поделена на административные части – Литейную (к северу от Невского пр.) и Московскую (к югу от Невского пр.) (Семенцов и др., 2004. С. 364). Позднее, в 1782 г. из Литейной части была выделена Рождественская часть (Георги, 1794. С. 28). Граница между частями проходила по Лиговскому каналу. С конца XVIII в. Рождественская и Литейная части вдоль Лиговского канала начали активно застраиваться. На плане Петербурга Ф. Ф. Шуберта 1828 г. пространство к югу от бассейнов названо «Конной площадью». С 1830-х гг. появилось уточняющее наименование – Летняя Конная площадь, в отличие от Зимней Конной, находившейся также в Рождественской части, но на Мытнинской ул., у Мытного двора (современный сад им. Н. Г. Чернышевского). На обеих площадях в разное время года торговали лошадьми (Городилов и др., 2010. С. 107). На плане Ф. Ф. Шуберта в непосредственной близости от участка исследований обозначен мост через Лиговский канал. Этот же мост на плане 1849 г. подписан как «Песочный». Застройка на территории участка исследования на планах отсутствует, однако в непосредственной близости к участку (вдоль западного берега большого бассейна) были расположены деревянные казармы нижних чинов Ведомства путей сообщения. Территория Летней Конной площади начала застраиваться с 1860-х гг. В 1862–1865 гг. на месте современного здания БКЗ «Октябрьский» по проекту архитектора Р. И. Кузьмина возводится церковь Св. Великомученика Димитрия Солунского при Греческом посольстве (Греческая церковь) (Длужневская, 2003. С. 120, 121).

В 1891–1892 гг. северная часть Лиговского канала (до Обводного канала) и оба бассейна были засыпаны, в результате чего образовалась Лиговская ул. (ныне Лиговский пр.) и Греческая площадь, а на месте большого бассейна был разбит сад (современный Некрасовский). С 1869 г. по начало 1910-х гг. к северу от исследуемого участка был построен комплекс зданий Евангелической женской больницы (ныне – Санкт-Петербургский НИИ фтизиопульмонологии). Дома по Прудковскому пер. (существует с 1887 г.), восточнее и юго-восточнее территории участка исследования, построены в 1899 и 1912 гг. Застройка, непосредственно затрагивающая обследуемый участок, просматривается на планах Ленинграда только с 1930-х гг. В январе 1939 г. была закрыта и передана 2-му РЖУ Смольнинского района Греческая церковь. В 1961 г. ее снесли, а на ее месте в 1967 г. построен БКЗ «Октябрьский», тогда же построены здания касс БКЗ (снесены в 2011 г.).

Таким образом, анализ исторических планов и карт (с учетом погрешности в совмещении исторических планов с современными, достигающей 20–30 м) показывает, что, по всей вероятности, застройка XVIII–XIX вв. на исследованной территории отсутствовала. Исключение составляет лишь Атлас Цылова 1849 г., на котором показан комплекс из семи казарменных зданий, принадлежавших Ведомству путей сообщения и располагавшихся между Большим и Малым бассейнами. При всей условности отражения топографической ситуации на указанном плане необходимо обратить внимание на самое южное здание, южная стена которого показана практически на уровне северной границы Песочного моста. Учитывая непосредственную близость застраиваемых с начала XIX в. участков Литейной и Рождественской частей Петербурга, нельзя было исключать и наличия на территории исследования остатков каких-либо хозяйственных построек. К началу исследований в 2012 г. здесь находилась площадка, на юге замощенная тротуарной плиткой, на севере занятая остатками здания касс БКЗ. Для изучения культурных напластований было заложено три шурфа, ориентированных своими сторонами параллельно стенам снесенного здания касс.

Шурф 1, размерами 2 × 2 м, заложен в северо-западной части исследованного участка. В шурфе под плиточным мощением и песочной подсыпкой под него прослежен нивелирующий слой щебня, толщиной 0,70 м, ниже которого все культурные напластования оказались уничтожены поздним перекопом. Большая часть шурфа занята железобетонной плитой толщиной 0,60 м, залегавшей на уровне 6,35 м БС. Северный борт шурфа был образован стеной из бетонных блоков, по швам пролитых гудроном, высотой 2,60 м. Ниже стены, на уровне 5,53 м БС, залегал материк – желто-серый крупнозернистый песок.

В шурфе найдена медная монета с вензелем Павла I на аверсе, достоинством 2 копейки, чеканенная в 1797 г. на Екатеринбургском монетном дворе. Интересна также находка керамического голосника, которые широко применялись в церковном строительстве. К массовому материалу относятся многочисленные обломки керамики

(в том числе грубая кухонная, поливная, мореная, каменная), фаянса, фарфора и стекла. На донце фарфорового блюдца отмечено зеленое клеймо «НКМП» с серпом и молотом («Народный комиссариат местной промышленности РСФСР», 1932–1946 гг.), на дне фарфоровой чашки – синее клеймо «ГВ 2С», на одном из фрагментов сельтерской бутыли сохранилась метка гончара («45»), на другом – клеймо «SELTERS NW» в синем круге, ставившееся в 1802–1806 гг. Найдены кирпичи с клеймами заводов М. Т. Стрелина (с 1875 г.), В. А. Ранненкампфа (с 1850-х гг.), Г. С. Растеряева (конец XIX – начало XX в.). В целом археологический материал из шурфа 1 датируется концом XVIII – XX вв.

Шурф 2, размерами 2 × 2 м, заложен в юго-восточной части участка, на территории, вымощенной плиткой. В шурфе под тротуарной плиткой и подсыпкой из спрессованного серого песка и щебня, толщиной 0,35 м, лежал слой темно-серого песка со строительным мусором, толщиной 0,50–1,40 м. В юго-западном углу шурфа в этом слое на уровне 7,88 м БС обнаружен деревянный брус, размерами 0,12 × 0,10 м в поперечнике. Находки из слоя датируются XIX в. В северной половине шурфа ниже этого слоя прослежен слой светлого (переотложенного материкового) песка с многочисленными темными прослойками и со следами древесного тлена, узкой полосой пересекавшими шурф с запада на восток. На уровне 7,30 м БС в полосе тлена прослежен сильно истлевший верх столба размерами 0,05 × 0,15 м. Лучше сохранившийся столб расположен в 0,50 м к северо-западу от первого, также в полосе тлена на уровне 7,52 м БС. Еще один столб, высотой 0,62 м и диаметром 0,17 м, вбит в слой темно-серого песка со строительным мусором.

Следующий горизонт отмечен линзой древесного тлена в темном песке толщиной 0,05–0,15 м, в южной части шурфа, в заполнении ямы 1, поверх гранитных валунов диаметром около 0,50 м. Яма 1 перекрывает угол фундаментного рва, глубиной 0,15–0,20 м. В ней найдены бельевые пуговицы из молочно-белого стекла, железный нож с широким лезвием и коротким черенком, бронзовая мебельная ручка, несколько монет: серебряный рубль 1733 г. (рис. 30: 13), сильно корродированная медная полушка, по всей вероятности, времени Екатерины II, 2 копейки 1852 г., 2 копейки второй половины 1820-х гг. Керамика представлена обломками грубой кухонной и поливной посуды, осколками мореного кувшина с лощеными полосами. Найден фрагмент мраморной плитки с профилированным краем, возможно имевший отношение к церковному интерьеру. Предварительная датировка слоя в целом – конец XVIII – XIX вв.

Для получения более полных сведений о конструкций фундамента к шурфу 2 был прирезан шурф 3 (рис. 41). Стратиграфия культурных напластований в шурфе 3 аналогична наблюдавшейся в шурфе 2, что также характерно и для найденного в нем археологического материала. Особо следует отметить обломки поливного декоративного кашпо в виде низкой «кастрюльки» с рельефной орнаментацией на ручках, которые производились в начале XX в. В нижней части шурфа открыто продолжение деревянной конструкции, обнаруженной в шурфе 2. Находки в слое, связанном с конструкцией, представлены монетами: шесть медных сильно корродированных неопределимых, 2 копейки Николая I, 5 копеек 1830-х (?) гг., а также изделиями из рога и бронзы. Таким образом, в шурфах 2 и 3 был раскрыт угол фундаментного рва, забутованного валунами и глиной, и конструкция из ряда деревянных столбов (свай), вбитых в материк, и досок, очевидно относившихся к тому же строению.

Основные итоги археологического исследования

В шурфах 2 и 3, по всей вероятности, были обнаружены остатки казарм нижних чинов Ведомства путей сообщения, обозначенные на плане 1849 г., либо каких-либо хозяйственных построек первой половины XIX в. Культурные напластования XVIII в. не прослежены, однако отдельные находки (прежде всего нумизматический материал) позволяют отнести начало хозяйственного освоения этого участка к середине–второй половине XVIII в., что также подтверждается историческими и картографическими данными.

Лиговский пр., д. 78, лит. Б

В связи с реконструкцией нежилого здания по адресу: Лиговский пр., д. 78, лит. Б было проведено разведочное археологическое обследование территории, примыкавшей к этому зданию и относившейся к исторической Московской Ямской слободе в Каретной (Александро-Невской) части Петербурга, внутри квартала, ограниченного Лиговским пр., Транспортным пер., ул. Черняховского и Сангальским садом. В окрестностях современных Лиговского пр. и Разъезжей ул. с 1703 г. поселялись крестьяне, переведенные из разных губерний. Этот район получил название «Московская Ямская слобода» (Глезеров, 2010. С. 248). Название слободы отражает род занятий населявших ее жителей – ямщиков – и расположение на Московском

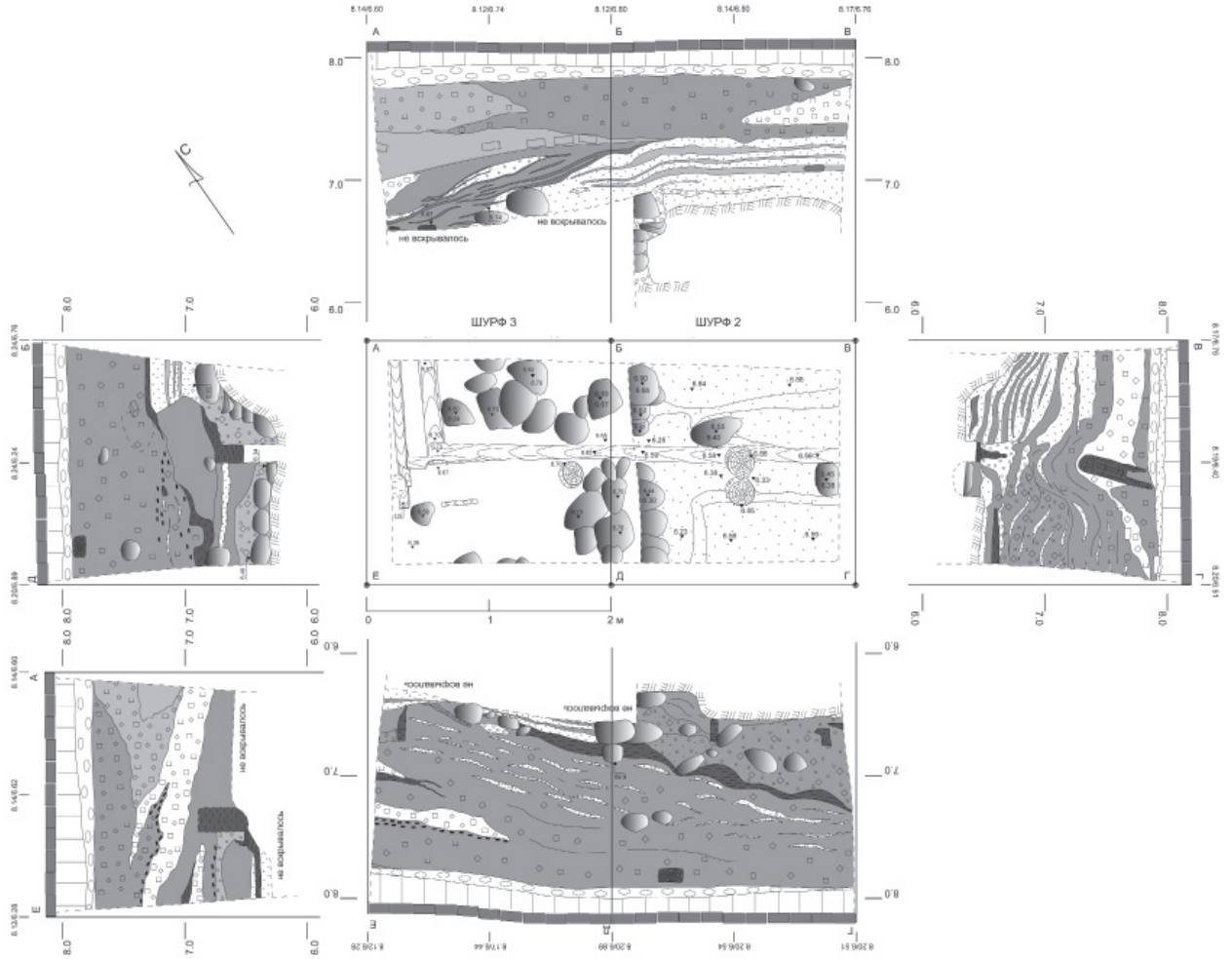

Рис. 41. Лиговский пр., д. 6. Шурфы 2 и 3. Планы и разрезы

тракте. С течением времени слобода разрасталась; царские указы 1712, 1723 и 1744 гг. несколько раз отводили ямщикам земли под дворы, огороды, пашни и выгоны. Участки в три-четыре десятины были застроены низкими деревянными домами с узкими, длинными, плохо мощеными дворами и деревянными сараями (Векслер, Крашенинникова, 2009. С. 6). На плане Г. И. Унферцахта 1737–1741 гг. интересующий нас участок находился за пределами первоначально застроенной части Ямской слободы, ограниченной Разъезжей дорогой. В 1773 г., после пожара в Ямской слободе, было выстроено 193 каменных дома (Городские поселения, 1864. С. 506, 507). На плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г. отчетливо видны каменные дома с деревянными дворовыми пристройками, примыкавшие к исследованному участку. В середине XIX в. участок современного д. 78 по Лиговскому пр. принадлежал ямщику И. Г. Киселеву. В 1868 г. участок уже находился во владении купца 2-й гильдии А. М. Германова, а с конца XIX в. им владел П. В. Брицын. Помимо квартир, сдававшихся различным жильцам, на участке в разное время находились питейное заведение, торговые лавки и мастерские (Векслер, Крашенинникова, 2009. С. 335). Архитектурный облик лицевых домов по Лиговском пр. (д. 76, 78, 80) в целом начал формироваться с 1880-х гг., дворовые же постройки неоднократно менялись и перестраивались.

Археологические работы на близлежащих участках проводились Группой охранной археологии ИИМК РАН в 2011 и 2012 гг. В 2011 г. на территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли (Лиговский пр., д. 60–62) обнаружены археологические материалы и культурный слой XVIII–XIX вв. (Лапшин и др., 2011. С. 99–134). В 2012 г. на территории проектируемого строительства по адресу: Лиговский пр., д. 123, лит. А, найдены археологические материалы и

культурный слой XVIII–XIX вв. (Отдел охранной археологии, 2012). Таким образом, данные предшествовавших археологических обследований на смежных территориях, совокупно с анализом исторических и картографических материалов, подтвердили наличие культурного слоя XVIII–XIX вв.

К началу работ территория обследования представляла участок вдоль северо-восточной стены д. 78, лит. Б, по Лиговскому пр., огороженный кирпичной оградой с двумя въездами, вымощенный тротуарной плиткой. Территория использовалась в качестве парковочной зоны. Шурф, размерами 2 × 2 м, заложен в центральной части участка. Современная дневная поверхность образована тротуарной плиткой, уложенной на утрамбованный светлый песок, под которым прослежено два слоя бетонной заливки, толщиной 0,05–0,10 м, с подушкой щебня, толщиной 0,15 м, под которым находился слой асфальтового покрытия толщиной 0,05 м. Под асфальтом в северо-восточной половине шурфа залегал слой темно-серой гумусированной супеси со строительным мусором, толщиной 0,20 м (рис. 42: 2), под которым открыт участок булыжного мощения, уложенного в плотный слой кирпичной крошки. Ниже булыжного мощения прослежен поздний перекоп, на дне которого обнаружена металлическая труба диаметром 0,13 м. Вещественные находки из перекопов характерны для городских слоев XIX–XX вв. Они представлены: тремя латунными деталями ременной гарнитуры, вероятно конской упряжи (наконечник ремня, круглая накладка с двумя штифтами и продолговатая накладка с двумя штифтами на концах), фрагментом литого свинцового изделия в виде геральдического щита со стилизованным изображением на лицевой стороне классического здания с колоннами, деформированным свинцовым диском, латунной гайкой, керамикой (фрагментами печных изразцов, грубой кухонной, фрагментом сельтерской бутыли, фрагментами мореных кувшинов с линейным орнаментом и кувшинов с желтой и зеленой поливой внутри).

Ниже уровня перекопа обнаружен слой строительного мусора, толщиной 0,35 м, под которым залегал слой рыхлой темно-серой супеси со строительным мусором толщиной 0,32–0,40 м. Находки из слоя представлены фрагментами гладких белых изразцов, кухонной керамикой и обломками фарфоровой и фаянсовой столовой посуды. Найдены фрагмент белой фаянсовой аптечной банки, фрагменты бутылей для сельтерской воды с клеймами: «SEL…» и «…RZOGTHU…» (1830–1866 гг.). Этот слой переходил в темно-бурую сильно гумусированную и насыщенную щепой прослойку влажной плотной супеси толщиной 0,07 м. В слое со щепой найдена доска, шириной 0,20 м и толщиной 0,04 м, и красноглиняный кувшин с зеленой поливой внутри, а также разрозненные фрагменты керамики и стекла. Ниже прослойки со щепой залегала погребенная почва – стерильная темно-серая гумусированная супесь толщиной 0,18 м, лежавшая на материке – сером крупнозернистом влажном песке.

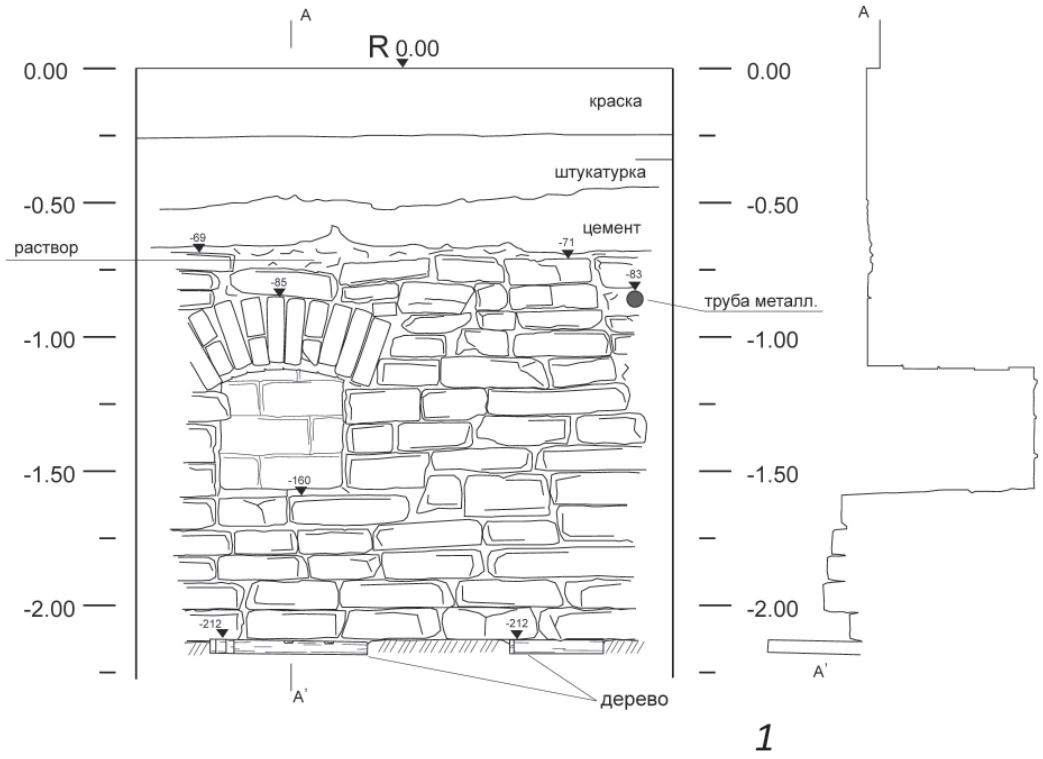
Конструкция фундамента стены д. 78, лит. Б, выглядела следующим образом (рис. 42: 1). Фундамент, высотой 1,50 м, сложен из 13 рядов колотых известняковых плит на растворе. Ширина плит колеблется от 0,06 до 0,16 м, их длина достигает 0,50 м. На открытом участке фундамента находилось квадратное подвальное окно с арочным перекрытием из уложенных на ребро кирпичей. Ширина окна составила 0,45 м, высота арки – 0,50 м. Окно заложено известняковыми плитами на растворе. Фундаментный ров не прослежен. Нижний ряд плит фундамента опирался на две деревянные доски, шириной 0,15 м и толщиной 0,06 м, заглубленные в материк (рис. 43). Вероятно, доски остались от предыдущих, разобранных к моменту возведения каменного здания деревянных построек первой половины–середины XIX в.

Основные итоги археологического исследования

В ходе археологических исследований было установлено, что на участке отсутствуют объекты, представляющие культурно-историческую ценность, а городской культурный слой, сформировавшийся на протяжении XIX–XX вв., перемешан. Культурные напластования более раннего времени на участке отсутствуют.

Казармы Преображенского полка

Летом 2012 г. были проведены разведочные археологические исследования на территории комплекса казарм Лейб-гвардии Преображенского полка близ Таврического сада, на участке по адресу: ул. Радищева, д. 39, лит. М. Этот архитектурный комплекс (архитекторы Ф. И. Волков, Ф. И. Демерцов, А. П. Иванов) сложился к 1802–1805 гг., некоторые постройки возводились и перестраивались на протяжении XIX – начала XX в. Изучение планов XIX–XX вв. показало, что до середины 2000-х гг. его центральная часть оставалась свободной от застройки. На планах XVIII в. здесь также видны большие незастроенные участки. Судя по имеющимся данным, гидрорежим территории в это время значительно отличался от современного. В пределах территории будущих казарм находились несколько естественных и искусственных прудов

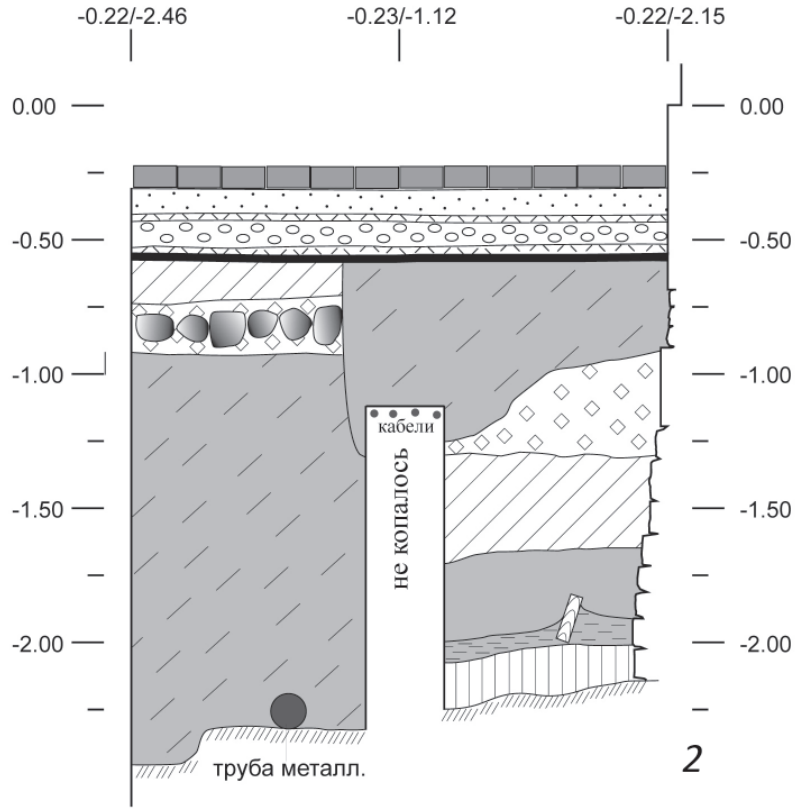

Рис. 42. Лиговский пр., д. 78, лит. Б. Шурф. Разрезы юго-западной (1) и юго-восточной (2) стенок

Рис. 43. Лиговский пр., д. 78, лит. Б. Доска с пазами и шипом на конце под кладкой фундамента

и каналов, связанных с Невой. Участок, вероятно, изначально был сильно заболочен, поэтому ряд каналов был сооружен в мелиоративных целях. После сооружения комплекса зданий в начале XIX в. его центральная часть была замощена булыжным камнем и использовалась в качестве плаца. К 2012 г. значительная часть территории была застроена высотными зданиями.

В ходе археологических работ заложено четыре шурфа, каждый площадью 2 × 2 м. Данные, полученные из шурфов 1 и 4, оказались мало информативными, так как на всю глубину оказались заполненными современным строительным мусором. Основные данные были получены в шурфах 2 и 3 (рис. 44; 45). Стратиграфия культурных напластований в обоих шурфах сходная. Под асфальтовым покрытием залегал перемешанный слой толщиной 0,40 м, перекрывший булыжное мощение плаца на подсыпке из строительного мусора толщиной 0,40–0,50 м. Ниже прослежен слой сильно гумусированной погребенной почвы толщиной 0,10–0,15 м, лежавшей на материке – желто-коричневом плотном песке.

На уровне материка было прослежено несколько ям, часть из которых столбовые, небольшого диаметра. Ямы заполнены переотложенной погребенной почвой, смешанной с древесной щепой, в которой найдены осколки стекла (как оконного, так и битой посуды) и фрагменты серой керамики. Особо следует отметить неолитическое орудие из кремня и два кремневых отщепа. Прослежены также неглубокие (0,30 м) канавки, возможно оставшиеся от более ранних дренажных систем. В одной из них прослежен деревянный короб ливневой канализации, в котором обнаружена корковая винная пробка и чугунная картечина диаметром около 30 мм.

Основные итоги археологического исследования

Предварительное археологическое обследование части территории Преображенских казарм показало частичную сохранность культурных напластований и конструкций, в том числе связанных с функционированием казарм (мощение плаца, элементы дренажной системы). Анализ геоморфологической ситуации позволяет предположить наличие здесь отложений эпохи каменного века

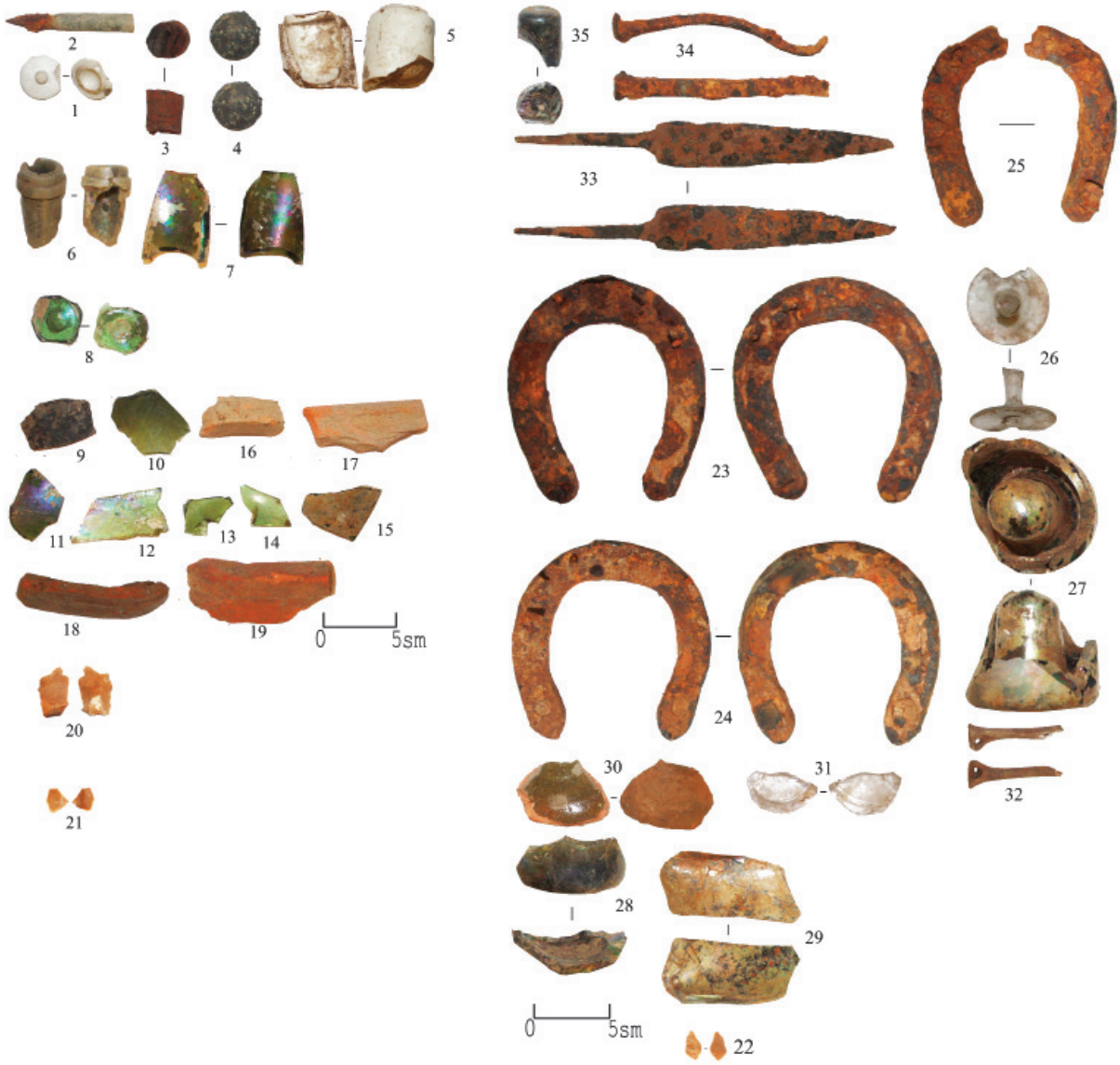

Рис. 44. Преображенские казармы. Находки из шурфов 2 (1–21) и 3 (22–35): 1 – крышка (фарфор); 2 – патрон 7,92 × 57 мм (латунь, железо, томпак); 3 – винная пробка (корка); 4 – картечь (чугун); 5, 31 – фрагменты помадных банок (фаянс); 6–14, 27–29 – фрагменты бутылок (стекло); 15, 30 – фрагменты керамических сосудов (глина); 16–19 – фрагменты изразцов (глина); 20 – орудие (кремень); 21–22 – отщепы (кремень); 23–25 – подковы (железо); 26 – ножка бокала (стекло); 32 – изделие (кость); 33 – нож (железо); 34 – костыль (железо); 35 – пробка (стекло)

или палеометалла. Дальнейшие строительные или земляные работы на этом участке должны проводиться под контролем специалистов-археологов.

Заключение

Охранные и разведочные археологические исследования, проведенные Лабораторией им. проф. Г. С. Лебедева на территории исторического центра Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг., позволили получить новую историко-культурную информацию как об отдельных объектах и земельных участках города, так и о развитии материальной культуры Петербурга в целом. К сожалению, специфика охранных археологических работ в мегаполисе накладывает свой отпечаток и на условия проведения исследований. Не всегда удается провести полный цикл работ одним исследовательским коллективом, часто нет юридической возможности

Рис. 45. Преображенские казармы. Шурф 2: 1 – зачистка на уровне материка, вид с запада; 2 – короб ливневой канализации, вид с востока; 3 – корковая пробка in situ в заполнении ливневого короба

обязать чиновников и застройщиков выполнить рекомендации специалистов. Тем большее значение приобретает анализ и оперативное введение в оборот полученных сведений, а также сотрудничество разных исследовательских коллективов.

Источники и литература

Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я., 2009. Такая удивительная Лиговка. М.

Глезеров С. Е., 2010. Исторические районы Петербурга от А до Я. М.

Георги И. Г., 1794. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб.

Городилов А. Ю., Поликарпова А. О., Грицик Е. А., Соловьева Н. Ф., 2010. Археологический надзор за реконструкцией сквера «Некрасовский сад» // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 1.

Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 7 : Столичный город Санкт-Петербург. Города С.-Петербургской губернии.

Длужневская Г. В., 2003. Утраченные храмы Петербурга. СПб.

Ефремов Г., 1972. Пионерская улица // Блокнот агитатора. № 13.

Завод «Вулкан» накануне реконструкции // На защиту урожая. Л. 1934. № 10.

Историко-культурная экспертиза территории, расположенной по адресу: г. Санкт-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, 21, 23, Иностранный переулок, 4, 6 / Архитектурная мастерская Т. А. Славиной. СПб. 2004.

Историко-культурные исследования земельного участка по адресу: Санкт-Петербург, Адмиралтейский район, наб. реки Фонтанки, участок 1 (юго-западнее д. 9, лит. А по Климову пер.) / НИИ «Спецпроектреставрация». СПб., 2012.

Лаврентьев Н. В., 2012. Дом Мусина-Пушкина на Фонтанке // Невский архив: историко-краеведческий сборник. СПб. Вып. 10.

Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Новоселова Н. Ю., 2011. Археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли на Лиговском проспекте // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 2.

Михайлова Е. Р., Тарасов И. И., 2010. Отчет о выполнении археологических работ на территории проектируемой застройки по адресу: Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, участок юго-западнее д. 9 по Климову пер. // Архив КГИОП СПб.

Отдел охранной археологии ИИМК РАН. 2012. Выполнение научно-исследовательских археологических работ, на территории, расположенной по адресу: г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 123, лит. А, http://www.rescuearcheo.ru/ligovskiy_123/ligovskiy_123_1.htm

Павлов С. Я., 2007. Бизнес на отходах. Утилизация отходов в Петербурге как опыт решения экологических проблем на рубеже XIX и XX вв. // История Петербурга. СПб. № 1 (35).

План 1-го этажа дома Д. Н. Шаховского с показанием перестройки. 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3900. Л. 35.

План двора жены генерал-лейтенанта Бегера. Архитектор Э. Г. Юргенс. 1869 г. // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3900. Л. 23 об.

Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А., 2004. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII в. СПб.

Сорокин П. Е., Берташ А. В., Андреева О. В., Бельский С. В., Михайлова Е. Р., Семенов С. А., Соболев В. Ю., 2009. Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.

Сорокин П. Е., Соболев В. Ю., 2005. Исследования в Колтовской слободе // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. (Тр. Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ). СПб.

Heege A., 2009. Steinzeug in der Schweiz (14.–20. Jh.). Ein Überblick über die Funde im Kanton Bern und den Stand der Forschung zu deutschem, französischem und englischem Steinzeug in der Schweiz. Bern.

Археологические исследования на Северо-Западе России

Никольский раскоп в северо-восточной части Рюрикова городища

И. И. Еремеев, Е. Н. Носов

1. Древние объекты в северо-восточной части Городища

Северо-восточная оконечность Городищенского холма является самой малоизученной частью археологического комплекса. Культурный слой средневекового времени распространяется на всю площадь Городища, выступающую над заливаемой поймой. Между тем характер этого слоя на удаленной от Волхова части всхолмления еще только предстоит изучать. Помимо следов поселения, можно указать на наличие здесь нескольких отдельных археологических объектов (рис. 1; 2).

Сопка или курганный могильник. И. С. Романцев в своем своде сообщает, что близ с. Городище располагается сопка (Романцев, 1911. С. 58). За полвека ранее академик Э. И. Эйхвальд записал в своем путевом дневнике: «... а в самом Городище замечаются большие курганы, заключающие, может быть, памятники тех времен, в которые там жил Рюрик» (Эйхвальд, 1854. С. 7). Возможно, речь идет об одном и том же могильнике. С наибольшей вероятностью его можно локализовать в 200–300 м к северо-востоку от храма Благовещения, где располагался холмик Никола, известный по многочисленным упоминаниям начала XX в.

Грунтовый могильник с ингумациями. В начале работ на Городище археологам неоднократно приходилось слышать о человеческих останках, выпахиваемых в этом месте. О существовании здесь в начале XX в. заброшенного кладбища рассказывали старожилы дер. Городище еще в 1970-е гг. (Носов, 1990. С. 14).

Фортификационные сооружения (?) великокняжеского времени. В архиве ИИМК РАН хранится план Городища, снятый Б. А. Рыбаковым в 1929 г. На этом плане показаны валы (в настоящее время они не прослеживаются), один из которых пересекает возвышенность близ холмика Никола. Тракторная распашка и война сильно изменили рельеф и почти совершенно уничтожили всякие внешние признаки объектов, зафиксированных Б. А. Рыбаковым. Поэтому сейчас трудно сказать были ли это рукотворные сооружения, результаты распашки эпохи позднего Средневековья – Нового времени (такие валы иногда возникают на склонах по краям пахотных полей), или природные объекты (например, древние прирусловые валы). Чтобы прояснить этот вопрос, нужны специальные широкомасштабные исследования. Какие-то неровности рельефа, пересекающие городищенскую гряду близ холмика Никола, заметны как на старых фотографиях, так и на современных снимках, сделанных со стороны храма Спаса на Нередице (рис. 3; 4).

Храм Св. Николая Чудотворца на Городище (XII в.). Храм был построен по заказу князя Святослава Ростиславича в 1165 г.: «Того же лета поставиша церковь святыя Троица щетиници, а другую на Городищи святого Николы князь Святослав» (ПСРЛ, 3. С. 219). В 1191 г. мы снова находим в Новгородской первой летописи известие о построении на Городище деревянной Никольской церкви: «... в то же лето срубиша церковь на Городищи святого Николы князь Ярослав» (ПСРЛ, 3. С. 230). Как предполагал еще митрополит Макарий в своей «Истории Русской церкви», причиной нового строительства послужил, вероятно, пожар, уничтоживший храм, построенный Святославом Ростиславичем. Однако новый храм также простоял недолго и в 1201 г. сгорел от удара молнии: «в то же лето месяца априля въ 15 сгоре от грома церкви святого Николы на Городищи» (ПСРЛ, 3. С. 239). Место, где стояла постройка, пока не найдено.

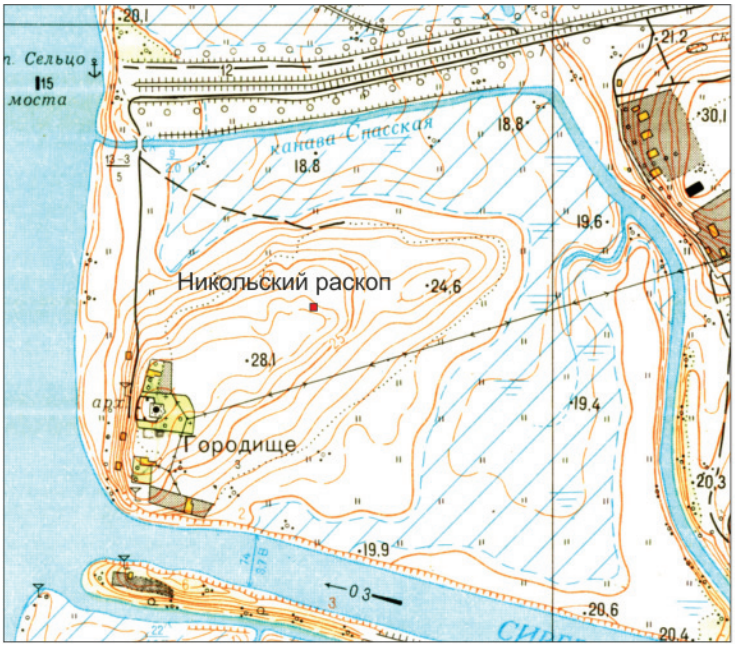

Рис. 1. Ситуационное расположение Никольского раскопа 2013 г. на плане Рюрикова городища

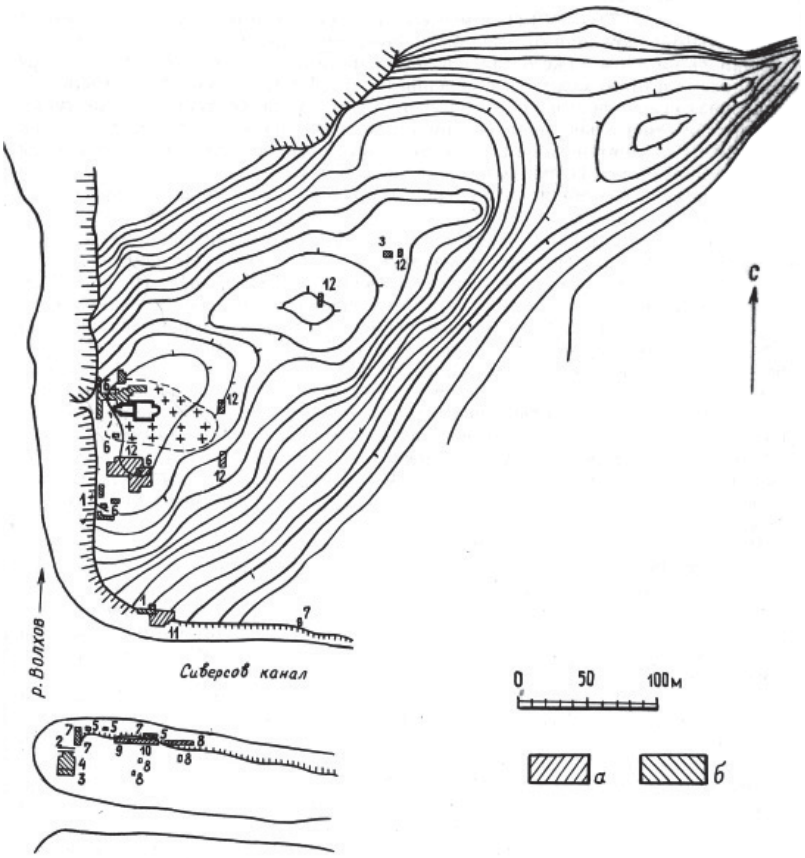

Рис. 2. Схема расположения раскопов на Рюриковом городище (Носов, 1990): 3 – раскопы М. К. Каргера 1934 г.; 12 – раскопы Е. Н. Носова 1980–1983 гг.

Рис. 3. Вид на Рюриково городище с колокольни церкви Спаса на Нередице. Сверху фотография начала XX в. из архива ИИМК РАН. Внизу фотография И. И. Еремеева 2013 г. Разница в перспективе объясняется разной высотой точки съемки (в настоящее время звонница, с которой был сделан дореволюционный снимок, разрушена). Человек с масштабной рейкой (стрелка 2) стоит на месте установки памятного креста по проекту ОАО «Институт Новгородгражданпроект», которое находится севернее исторического креста (стрелка 1)

Рис. 4. Храм Спаса на Нередице до разрушения колокольни. Фотография из архива ИИМК РАН. Стрелкой отмечены: 1 – предполагаемая точка съемки кадра на рис. 3; 2 – точка съемки, произведенной И. И. Еремеевым летом 2013 г.

Храм Св. Николая Чудотворца на Городище (XVI–XVIII вв.). Время постройки храма неизвестно. Древнейшее из письменных упоминаний – вкладная запись игумена Вяжищского монастыря Сильвестра на «Апостоле Ивана Федорова» из церкви Николы, хранящемся в библиотеке Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (инв. № ЭРБ-81) (Анкудинов, 2007. С. 72, 73). В той же книге имеются записи, датированные 1730-ми гг. и 1786 г.[1] Место храма и ведущая к нему дорога отмечены на плане земельных дач 1761 г. (Анкудинов, 2007) (рис. 5). Когда церковь перестала существовать, точно неизвестно. Как было установлено, к 1819 г., когда был снят первый подробный план Городища, постройка уже не существовала (Анкудинов, 2007. Рис. 61).

Топографическое соотношение этой церкви с предшествующим Никольским храмом до сих пор остается неясным. Место последнего храма Николая Чудотворца на Городище на местности обозначалось памятным деревянным крестом[2], который, видимо, неоднократно подновлялся и просуществовал до 1910-х гг. (рис. 3). Он упоминается в статье Н. К. Рериха и хорошо виден на фотографиях того времени. У местного населения еще в 1970-х гг. память о Никольской церкви сохранялась в виде микротопонима «Никола», обозначавшего всхолмление, на котором крест некогда был установлен.

Аргамаков монастырь, известный по источникам начала XVII в. Время его возникновения неясно (не позднее начала 1580-х гг.). Церковь Георгия на

[1] Благодарим сотрудника Научной библиотеки Государственного Эрмитажа Е. В. Платонова за возможность ознакомиться со сделанными им фотографиями эрмитажного «Апостола».

[2] И. Ю. Анкудинов считает, что в начале XIX в. на месте храма стояла деревянная часовня.

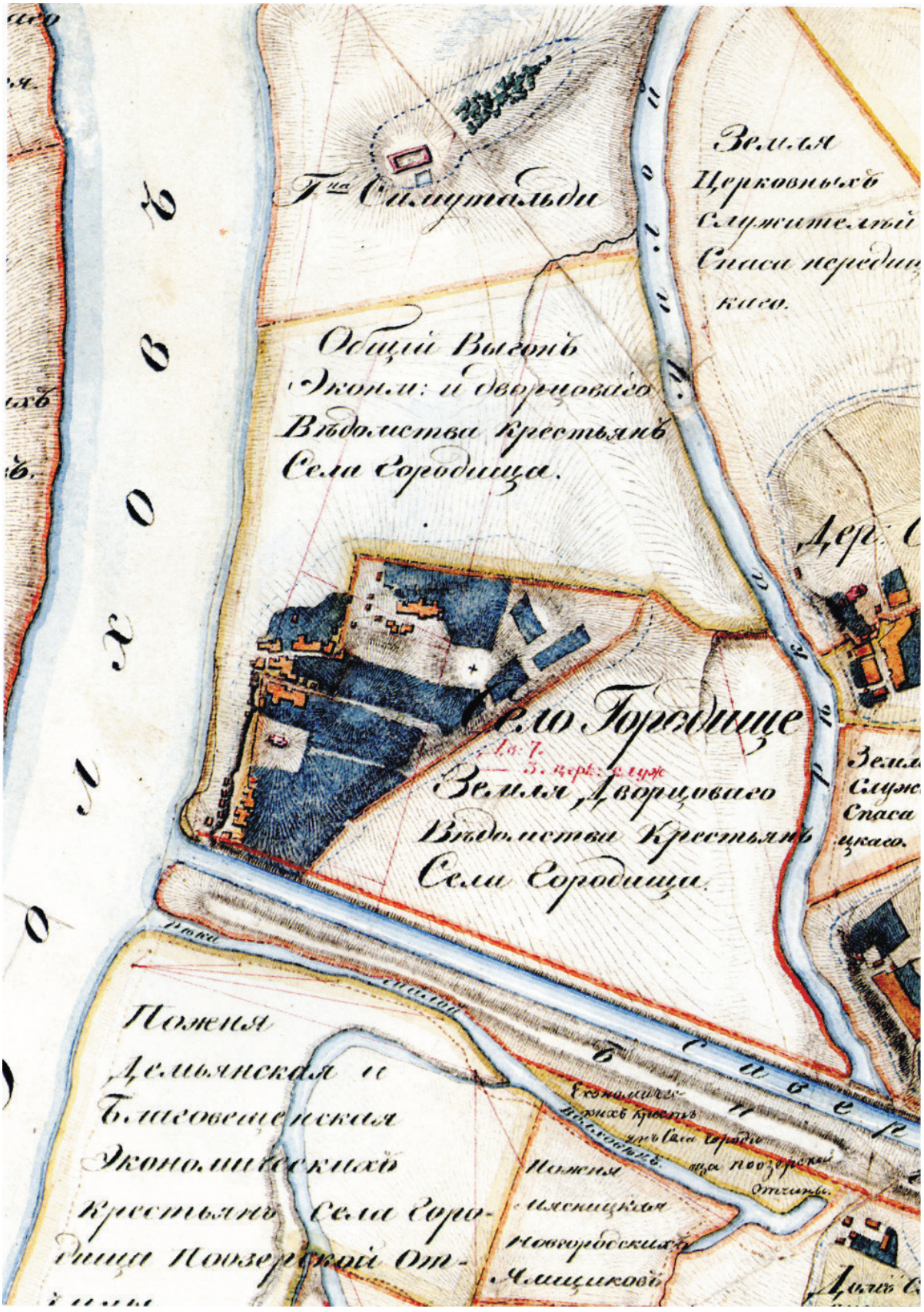

Рис. 5. План окрестностей Новгорода. 1819 г. (РГИА Ф. 380. Оп. 16. Д. 1523, л. 6). Фрагмент. Рюриково городище, по И. Ю. Анкудинову (2007)

Городище, стоявшая в этой обители, упоминается как монастырская в «записи о ружных церквах и монастырях» 1581–1583 гг. (Петрова и др., 2000. С. 140). Самое же раннее упоминание храма Георгия на Городище относится к 1386 г., когда он назван среди пригородных церквей, сожженных новгородцами при приближении к городу ратей Дмитрия Донского: «... на Городищі Коузмо и Дамьян да Георгеи святыи» (ПСРЛ, 4. С. 346). Предполагается, что храм Аргамакова монастыря, посвященный святому Георгию, поставлен по княжескому заказу (Секретарь, 2011. С. 489). Как храм, упомянутый в связи с событиями XIV в., соотносится с монастырской церковью XVI–XVII вв., неясно. Обитель запустела во время шведской оккупации Новгорода и после нее более не возобновлялась.

Л. И. Петрова, И. Ю. Анкудинов и их соавторы локализуют Аргамаков монастырь на надпойменном всхолмлении между холмом Никола и Нередицкой возвышенностью (Петрова и др., 2000. С. 141). Эта низменная площадка на левом берегу Спасовки имеет высотную отметку 24,60 м БС, т. е. пригодна для обитания, хотя и подтапливается периодически паводками. Постройка храма в низине, в излучине реки между двумя холмами (Городищенским и Нередицким), как будто не совсем вписывается в правила организации ландшафтного пространства православного храма, тем более созданного по княжескому заказу. Разумеется, вокруг Новгорода было немало храмов, стоящих в пойменных ландшафтах, но все они господствуют над местностью и ни один не находится в столь «стесненной» топографической ситуации.

На наш взгляд, данная локализация Аргамакова монастыря не является окончательной. Здесь возможны еще неожиданности. В качестве альтернативной гипотезы месторасположения обители можно предложить хорошо видную из Новгорода террасу главного Городищенского холма к северу от холмика Никола. Она имеет около 50 м в поперечнике и лежит на более высоких отметках, что гарантирует ее от затопления. Данное обстоятельство также необходимо иметь в виду, производя исследования в районе Николы.

Название «Аргамаков», происходящее от наименования породистых и дорогих степных лошадей, позволяет предположить, что монастырь возник возле того места, где находились княжеские конюшни (Секретарь, 2011. С. 489). Возможность их обнаружения также необходимо учитывать при проведении археологических исследований этой части Рюрикова городища.

2. История археологического изучения северо-восточной части Городища

Первые раскопки на холмике Никола были произведены в июле 1910 г. Н. К. Рерихом и Н. Е. Макаренко. Раскопки продолжались два или три дня. Полевой отчет и какая-либо документация отсутствуют (скорее всего, она и не составлялась). Точного места раскопок мы тоже не знаем, ориентиром Н. К. Рериху служил вышеупомянутый деревянный памятный крест. В статье «Подземная Русь» художник писал: «Озираемся с бугра, на котором стоит высокий крест. Зовется место Никола. Среди храмов Городища упоминается Никольская церковь, сгоревшая в 1201 году от грома. Исследуем бугор и действительно находим основание небольшой деревянной сгоревшей церкви, но существовала она, видимо, и в XVIII веке. Вещи сплавились. Осталась белая смазка пола, как в Нередице, и гончарные плиточки довольно тонкого обжига» (Петербургский Рериховский сборник, 1999. С. 573).

Судя по сохранившимся в архиве ИИМК РАН протоколам Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества 1908–1914 гг., содержащим обсуждение доклада исследователей, они раскопали здесь остатки сгоревшей церкви размерами 7,80 × 8,60 м с апсидой, выступавшей на 4,30 м. Был открыт частично сохранившийся известковый пол, лежавший прямо на песке (Носов, 1990. С. 22, 23).

Сам Н. К. Рерих полагал, что им раскопана церковь, известная по документам XVI в. По крайней мере, так он писал в личных письмах по свежим впечатлениям (Петербургский Рериховский сборник, 1999. С. 288). Впрочем, это не мешало художнику уже в начале сентября 1910 г. в официальном письме великой княгине Марии Павловне утверждать, что им «открыты основания древней Никольской Церкви, уничтоженной пожаром в 1201 году» (Петербургский Рериховский сборник, 1999. С. 322). Все это вместе взятое (непродолжительность и небрежность работ, отсутствие твердой позиции исследователя по поводу своих находок) подрывает доверие ко всем сообщениям Н. К. Рериха.

Более информативными оказались полевые исследования, произведенные в 1934 г. М. К. Каргером. Раскоп располагался в 200 м к северо-востоку от храма Благовещения и имел размеры 4 × 6 м (рис. 2). Под гумусным слоем толщиной 0,30–0,50 м (очевидно, огородно-пахотным) был обнаружен «песчанистый слой с большим количеством щебня» (Носов, 1990. С. 25). В этом слое был расчищен развал глинобитной печи, судя по находкам (гончарная керамика, стеклянные браслеты), домон-

гольского времени. В раскопках М. К. Каргера нас в первую очередь должен заинтересовать слой с щебнем, поскольку его описание весьма напоминает картину, открывшуюся перед нами в раскопе 2013 г.

Наибольший интерес для нашего обзора представляют раскопки близ холмика Никола, осуществленные в 1982 г. (Носов, 1982). Тогда было заложено два шурфа, служивших до настоящего времени основным источником знаний об интересующей нас части памятника (рис. 2; 6). Шурф 1 (размерами 2 × 6 м) заложен в 140 м к северо-востоку от храма Благовещения. Он выявил под пахотным слоем стратифицированные культурные напластования мощностью около 0,60 м. Находки оказались весьма представительны: три обломка стеклянных браслетов, четыре ножа, два сланцевых оселка, три ледоходных шипа, овальное кресало, фрагмент наконечника стрелы, кусочки янтаря, вислая свинцовая печать Новгородского совета господ XIV в. (определение В. Л. Янина). В материке выявлена часть ямы (не разбиралась, поскольку уходила в стенки шурфа), на поверхности которой найден железный наконечник стрелы и гончарная керамика, предположительно, XIV в.

Шурф 2 (размерами 2 × 4 м) располагался в 210 м к северо-востоку от храма Благовещения, т. е. примерно в 40 м к юго-западу от Никольского раскопа 2013 г. и где-то рядом с раскопом М. К. Каргера 1934 г. (рис. 2; 6). Культурный слой представлял собой однородный темно-серый гумус, в котором встречались осколки битого кирпича и отдельные камни («слой со щебнем» М. К. Каргера). В северной части шурфа у материка зафиксирована прослойка угля. В шурфе найдено большое количество гончарной керамики (не ранее XIII в.). Находки – 14 обломков стеклянных браслетов, два бронзовых витых браслета, часть каменной литейной формочки для отливки свинцовых грузиков, наконечник пояса из медного сплава с остатками кожи, шиферное и глиняное пряслица, железные нож и ключ и несколько неопределимых изделий из железа и цветного металла. Наиболее интересной находкой является вислая свинцовая печать Василька XIV в. (определение В. Л. Янина). Особо следует обратить внимание на происходящий из предматериковых напластований шурфа фрагмент венчика лепного сосуда.

Третий раз район холма Никола привлек внимание археологов в 1994 г. Тогда в месте предполагаемого расположения поклонного креста в 220 м к северо-востоку от северо-восточного угла церкви Благовещения (т. е. в 30 м к юго-западу от раскопа 2013 г.) была заложена траншея размерами 2 × 20 м, ориентированная с запада на восток (Носов, 1994). На всей площади траншеи залегал слой распашки (однородный серый гумус) мощностью 0,25–0,95 м. Под ним были зафиксированы слои мешаной супеси, происхождение которой осталось неясным. Еще ниже прослежена линза темно-серой супеси с включениями угольков, на нижней границе которой было встречено несколько фрагментов гончарной керамики XI–XIII вв. В пахотном слое найдены обломки стеклянных браслетов, железных ножей, овальное кресало, позднесредневековая керамика (Носов и др., 1995. С. 19). Все это говорит о том, что в домонгольское время на этот участок, по-видимому, распространялась периферия жилой зоны поселения, в какой-то момент подвергшаяся перестройке с довольно масштабными земляными работами.

3. Археологические исследования 2013 г.

Задача, поставленная перед нами в 2013 г. государственным контрактом с Министерством культуры РФ, заключала в себе много неясного. Нам предложено было исследовать участок площадью 24 кв. м, на котором стояла церковь Св. Николая Чудотворца, и вместе с тем место, на котором в рамках выполнения программы по музеефикации Рюрикова городища планировалось установить памятный крест. В качестве ориентира предполагалось использовать поклонный крест, известный по фотографиям начала XX в.

В то же время существующий план музеефикации территории Рюрикова городища, разработанный ОАО «Институт Новгородгражданпроект», отводит для вышеупомянутого знака конкретное место. Этот знак уже вписан в определенную ландшафтную концепцию, согласно проектной документации, имеющейся в Управлении охраны культурного наследия Департамента культуры и туризма Новгородской области. Между тем определение этой точки на местности, произведенное сотрудником ИИМК РАН С. А. Васильевым с помощью тахеометра, показало, что она не вполне совпадает с местом, на котором в начале XX в. стоял поклонный крест (рис. 3).

Таким образом, перед нами встала дилемма: попробовать отыскать и исследовать реальное место расположения креста или производить раскопки, согласно плану ОАО «Институт Новгородгражданпроект». Был выбран второй вариант действий. Никольский раскоп (назван по имени урочища – холмик Никола) был разбит на небольшой площадке в нескольких метрах к северу от оси песчаной возвышенности, идущей от храма Благовещения на северо-восток к церкви Спаса на Нередице (рис. 1).

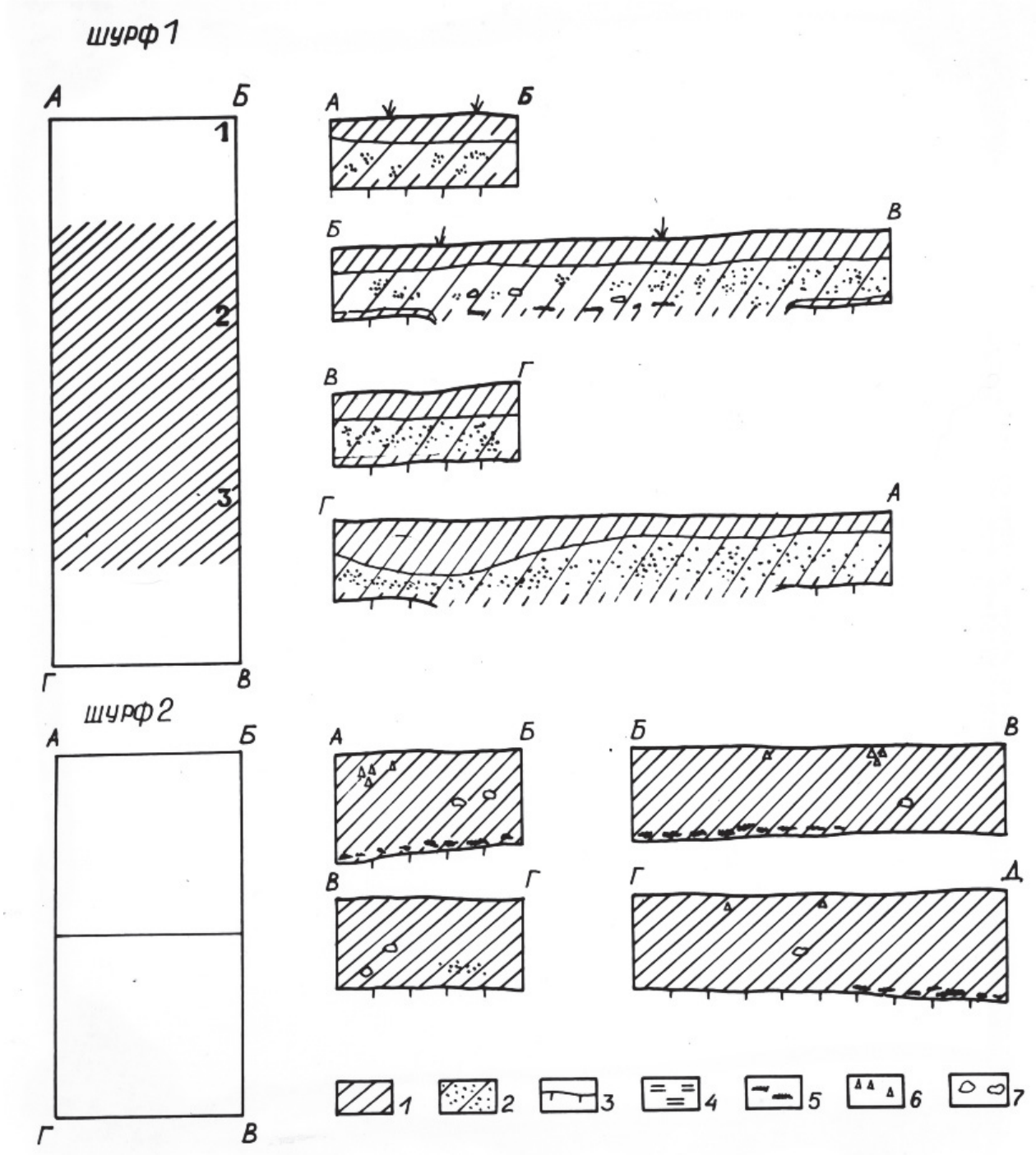

Рис. 6. Рюриково городище (1982 г.). Планы и разрезы шурфов (Носов, 1982): 1 – темно-серый гумус; 2 – светлый песчанистый гумус; 3 – материк; 4 – коричневая глина; 5 – уголь; 6 – битый кирпич; 7 – камни

Юго-западный угол раскопа находился в 250,90 м к северо-востоку от северо-восточного угла храма Благовещения. Раскоп, размерами 4 × 6 м, был ориентирован по сторонам света и разбит на квадраты размерами 2 × 2 м.

Под дерном по всей площади залегал слой тракторной распашки мощностью 0,40 м (рис. 7). Весь переотложенный культурный слой был просеян и промыт (рис. 8; 9). В пахотном слое попадались небольшие фрагменты известнякового плитняка и измельченные человеческие кости, имевшие очень плохую сохранность. Встречено также значительное количество гончарной керамики, большей частью древнерусского времени (XI–XIV вв.). Среди находок из пахотного слоя следует выделить монету из сплава меди или низкопробного серебра (?) (возможно, подражание пулу конца XV – начала XVI в., по определению П. Г. Гайдукова). Из массовых находок следует отметить большое количество железных гвоздей. Множество находок (осколки стекла, фарфоровой и фаянсовой посуды) относится к XIX–XX вв. Распределение находок по слоям и квадратам отражено в табл. 1.

Таблица 1. Распределение массовых находок в культурном слое Никольского раскопа 2013 г. (подсчеты выполнены О. Н. Клименко)

Пласт	Кв-т	Лепная керамика	Раннегонч. керамика	Керамика XI–XIV вв.	Белоглиняная керамика XV–XVI вв.	Керамика XVII–XIX вв.	Чернолощ. керамика XV–XVII вв.	Гвозди	Примечания
Пахота	А-1	---	---	355	144/1 – полив.	8	---	20	Патрон
	А-2	---		331	144	6	1	16	Стекло, патрон, пули
	А-3	---	---	334	205	8	---	20	Патрон
	Б-1	---	---	210	114	3	---	16	Стекло, фаянс, патрон
	Б-2	---	1 (?)	262	142	3	2	19	Патрон, пуля
	Б-3	---	---	268	104	---	1	28	Стекло, патрон
Пл. 1	А-1	---	---	212	141	4	---	7	Фаянс, патрон
	А-2	---	---	341	238	8	---	5	---
	А-3	---	---	385	140	---	---	10	Стекло, фаянс
	Б-1	1 (?)	---	263	150	---	5	---	Стекло
	Б-2	1	1 (?)	273	119	6	---	21	---
	Б-3	---	---	202	91	5	---	20	---

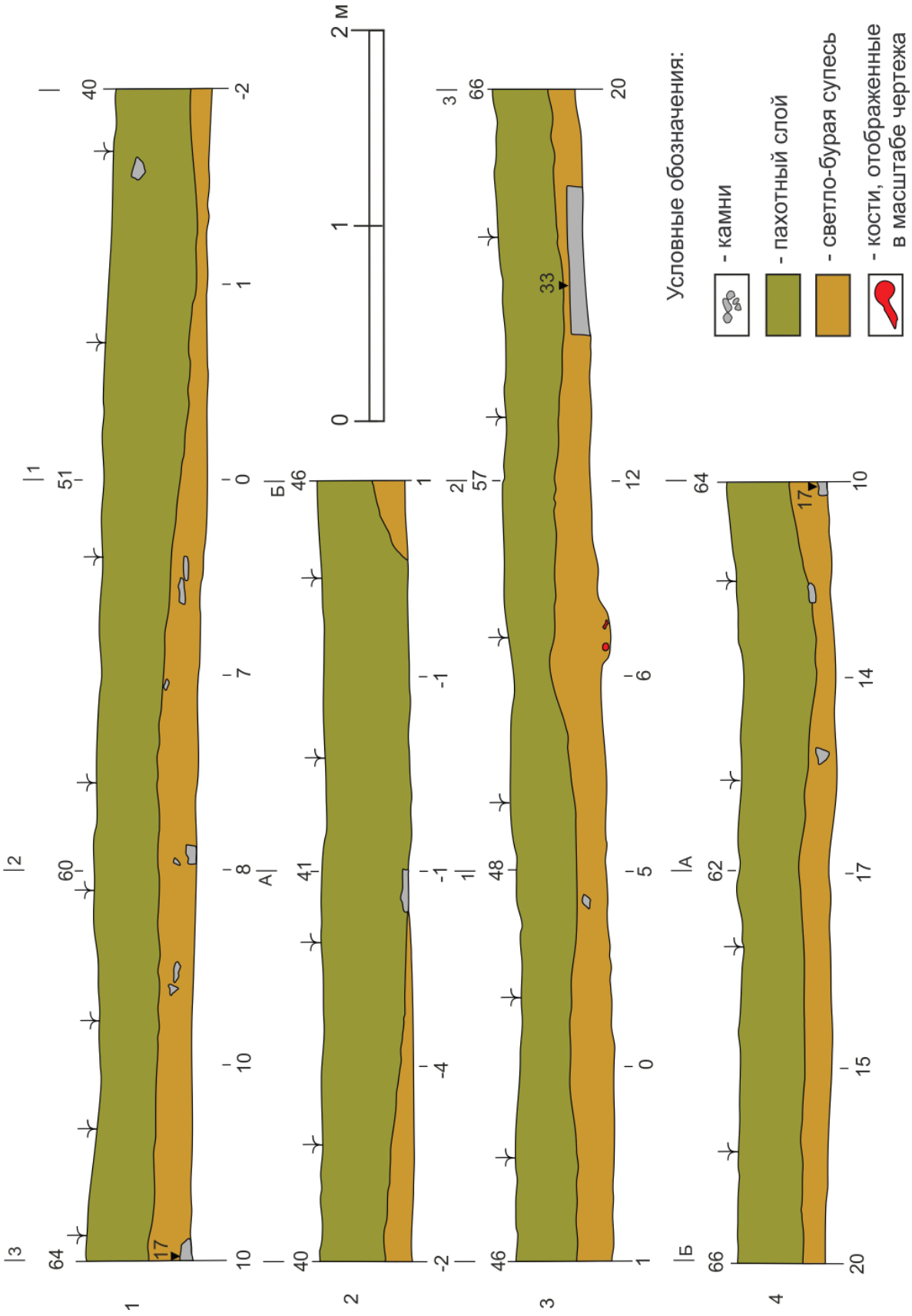

Рис. 7. Никольский раскоп (2013 г.). Разрезы стенок: 1 – западная; 2 – северная; 3 – восточная; 4 – южная

Рис. 8. Никольский раскоп (2013 г.). Рабочий момент

Рис. 9. Никольский раскоп (2013 г.). Промывка культурного слоя с помощью мотопомпы

Наиболее интересными являются вещи X–XI вв.: фрагмент стеклянной черной глазчатой бусины с «переплетом» и миниатюрная бронзовая позолоченная пряжка североевропейского типа (рис. 10). Последняя была двухчастная и состояла из трехсторонней уплощенной рамки с подтреугольной передней частью и штифта (утерян в древности), крепившегося в отверстиях на боковых сторонах рамки. Пряжка украшена предельно упрощенным плетеным орнаментом. Поскольку вещица слишком миниатюрна, чтобы обернуть ремень прямо вокруг штифта с язычком, нет никаких сомнений, что первоначально она имела еще тонкую металлическую обойму с заклепками для крепления ремня. Подобные пряжки в различных вариантах были популярны в Скандинавии в X в. (Arbman, 1940. Taf. 86, 87). В древнерусских материалах наиболее близкие аналогии можно указать в курганах Гнездова (Гнездовский могильник, 1999. Рис. 17).

Слой тракторной распашки подстилал слой более плотной светло-бурой супеси. На ее поверхности хорошо заметны темные борозды тракторной распашки XX в., ориентированные по линии север–юг (рис. 11). Слой светло-бурой супеси содержал большое количество известнякового щебня и кирпичную крошку. Выделялись фрагменты тщательно подтесанных известняковых плит и крупные обломки кирпичей (рис. 12; 13). Изредка встречались также небольшие булыжники (в том числе обожженные и колотые). Вся площадь раскопа была покрыта множеством человеческих костей, преимущественно сильно фрагментированных и лежавших без всякого порядка (рис. 13). Также следует отметить, что сохранность костей здесь лучше, чем в вышележащем горизонте. Например, попадаются целые, не расколотые черепа. Среди многочисленных обломков известняка в этом слое выделяются несколько крупных фрагментов тщательно обтесанных могильных (?) плит. В юго-восточном углу раскопа зафиксирован край конструкции из кусков известняка, несколько оплывшей вниз по склону гряды. Среди них выделяется прямоугольный тщательно обработанный блок. На поверхности этой конструкции, а также между ней и стенками раскопа зафиксированы разрозненные человеческие кости и обломки кирпичей (рис. 13; 14). Возможно, конструкция изначально представляла собой склеп или саркофаг. Не исключено и вторичное использование известняковых плит в основании какой-то кладбищенской постройки (например, часовни)[3].

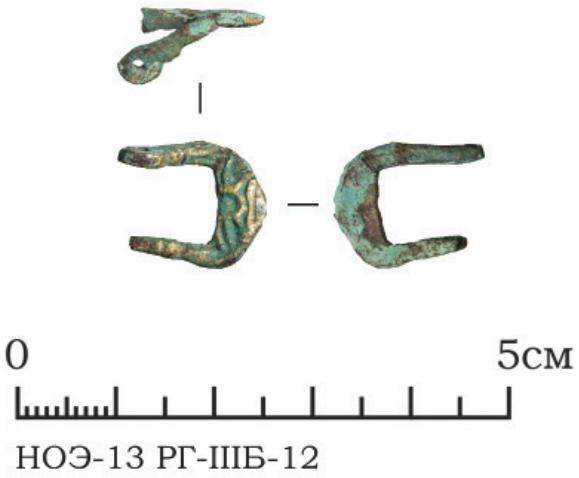

Рис. 10. Никольский раскоп (2013 г.). Пряжка из переотложенного слоя: сплав меди, позолота (фотография И. Г. Самоварова)

Основную массу находок из слоя по-прежнему составляет гончарная керамика, древнерусская и позднесредневековая. Из находок древнерусского времени обращает на себя внимание обломок стенки амфоры. Также много находок гвоздей (табл. 1). Датируют слой серебряная денга Ивана IV (1533–1547 гг.), чеканенная на московском денежном дворе, и серебряная новгородская копейка времени Ивана IV (1547–1584 гг.) (по определению П. Г. Гайдукова). Между тем следует отметить единичные находки лепной керамики в пределах раскопа, что указывает на присутствие на этом участке напластований X–XI вв.

Наибольший интерес представляют привески древнерусского времени, XII–XIV вв., обнаруженные на соседних квадратах: двухголовый полый конек с бубенчиками и декоративный ключик на железном кольце. Обе привески отлиты из сплава меди (рис. 15). Представляется весьма вероятным, что они происходят из раннего погребения, разрушенного могилами XVI–XVIII вв.

После снятия пласта 1 было обнаружено почти неповрежденное распашкой погребение, совершенное по обряду ингумации (рис. 16). Открыта левая часть костяка, слегка сдвинутого на правый бок, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища. Ноги погребенного уходили в восточную бровку раскопа. Череп находился несколько в сто-

[3] Вполне вероятно, что камни могли использоваться и для каких-либо более поздних хозяйственных сооружений. На немецкой аэрофотосъемке Городища июня 1941 г. на этом месте заметны некие постройки.

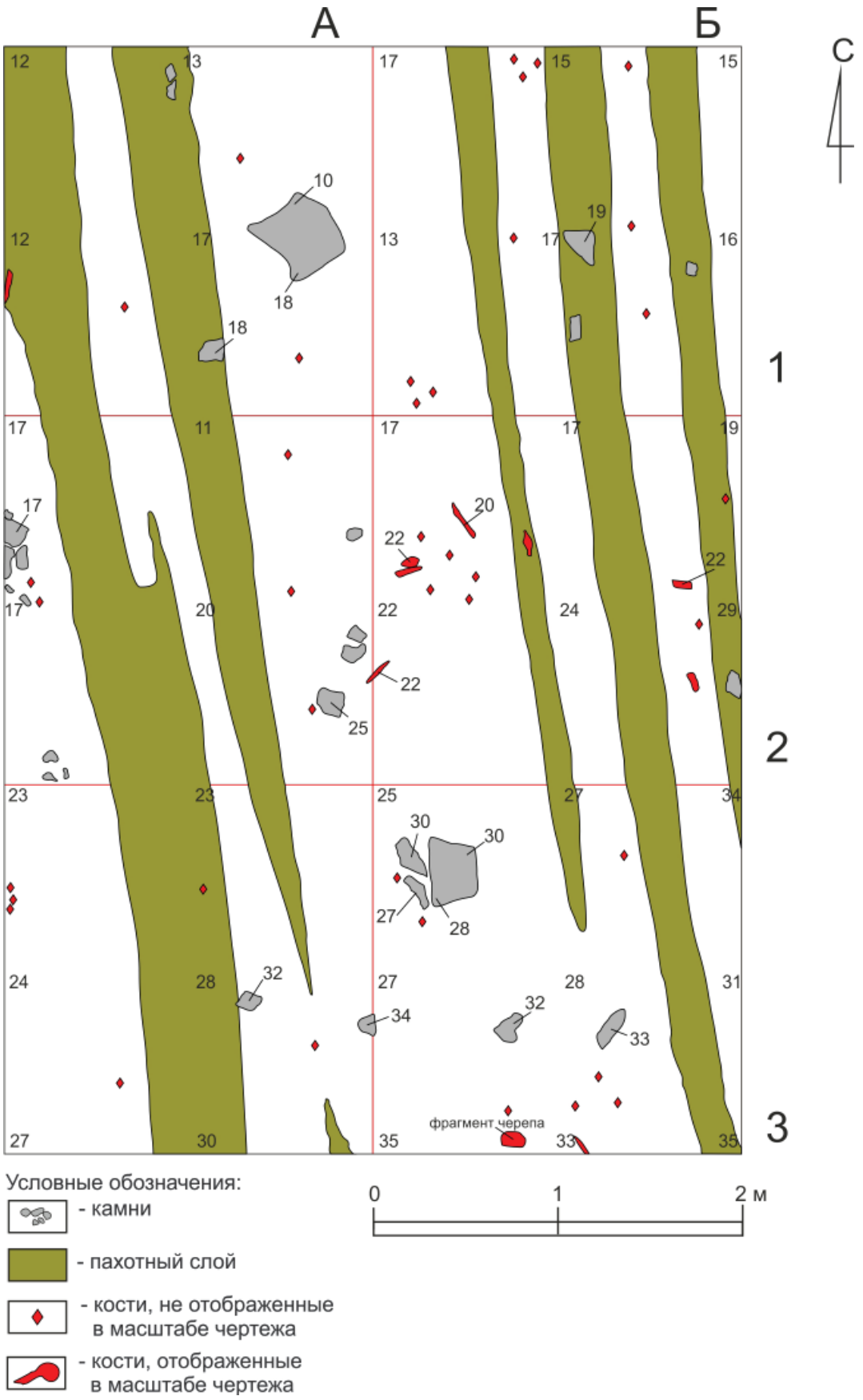

Рис. 11. Никольский раскоп (2013 г.). План поверхности напластований, частично потревоженных тракторной распашкой

Рис. 12. Никольский раскоп (2013 г.). Пласт 1. Разрушенные погребения. Вид с юго-запада

роне (в результате повреждения могилы распашкой или перекопом). Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребального инвентаря не обнаружено, за исключением двух кованых железных гвоздей от гроба. На этом этапе работы были остановлены, а поверхность раскопа законсервирована для последующих исследований.

В заключение отметим, что находка привесок-амулетов XII–XIV вв. среди переотложенных костяков позволяет предположить, что поздние захоронения могли разрушить более ранний грунтовый могильник. Кроме того, сравнивая результаты раскопок 1982, 1994 и 2013 гг., следует обратить внимание на следующие различия в топографии Городища великокняжеского периода. Так, например, шурф 2 1982 г. продемонстрировал наличие насыщенного культурного слоя XII–XIV вв., из которого также происходили 14 фрагментов браслетов, но не было найдено человеческих костей. Траншея 1994 г. также дала некоторое количество стеклянных браслетов и не содержала никаких следов кладбища. Между тем раскоп 2013 г. показал иную топографическую ситуацию. Здесь также встречалась древнерусская гончарная керамика, но не было найдено ни одного фрагмента стеклянного браслета. Можно предположить, что граница жилой зоны Городища в XII–XIV вв. проходила где-то между шурфом 2 1982 г., траншеей 1994 г. и Никольским раскопом 2013 г., за которой, вероятно, находилось кладбище при церкви Николая Чудотворца, воздвигнутой в 1165 г. Дальнейшие раскопки могут пролить свет на этот вопрос.

4. Заключение

Раскопки 2013 г., сопоставленные с данными раскопок предыдущих лет, позволили сделать ряд выводов, принципиально новых и важных для понимания микротопографии Рюрикова городища.

1. Культурные напластования на участке раскопа в 250,90 м к северо-западу от храма Благовещения составляют не менее 1,50 м. Они хорошо стратифицированы и насыщены находками. Никаких следов уничтожения культурного слоя бульдозером, о котором сообщали некогда местные жители (Носов, 1990. С. 14), выявлено не было. Либо эти данные жителей недостоверны, либо – что более вероятно – масштабы работы бульдозера на «Николиной Горке» сильно преувеличены информаторами.

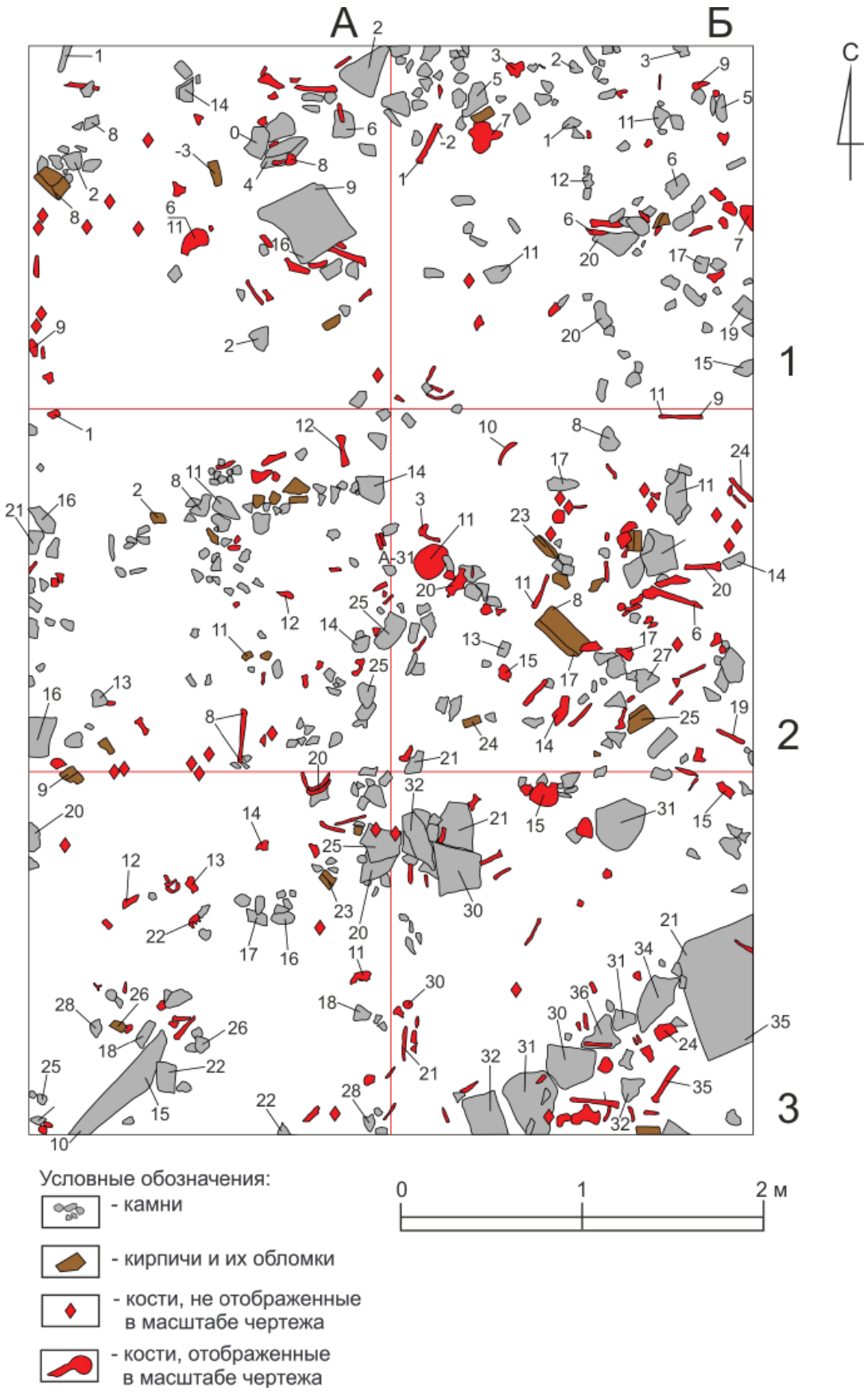

Рис. 13. Никольский раскоп (2013 г.). Пласт 1. План

Рис. 14. Никольский раскоп (2013 г.). Конструкция из известняковых плит. Вид с северо-запада

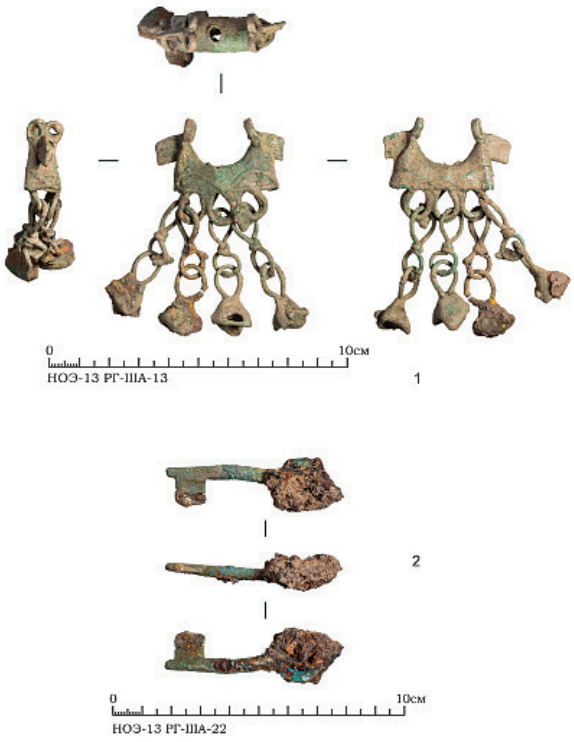

Рис. 15. Никольский раскоп (2013 г.). Пласт 1. Привески: 1 – сплав меди; 2 – сплав меди, железо (фотография И. Г. Самоварова)

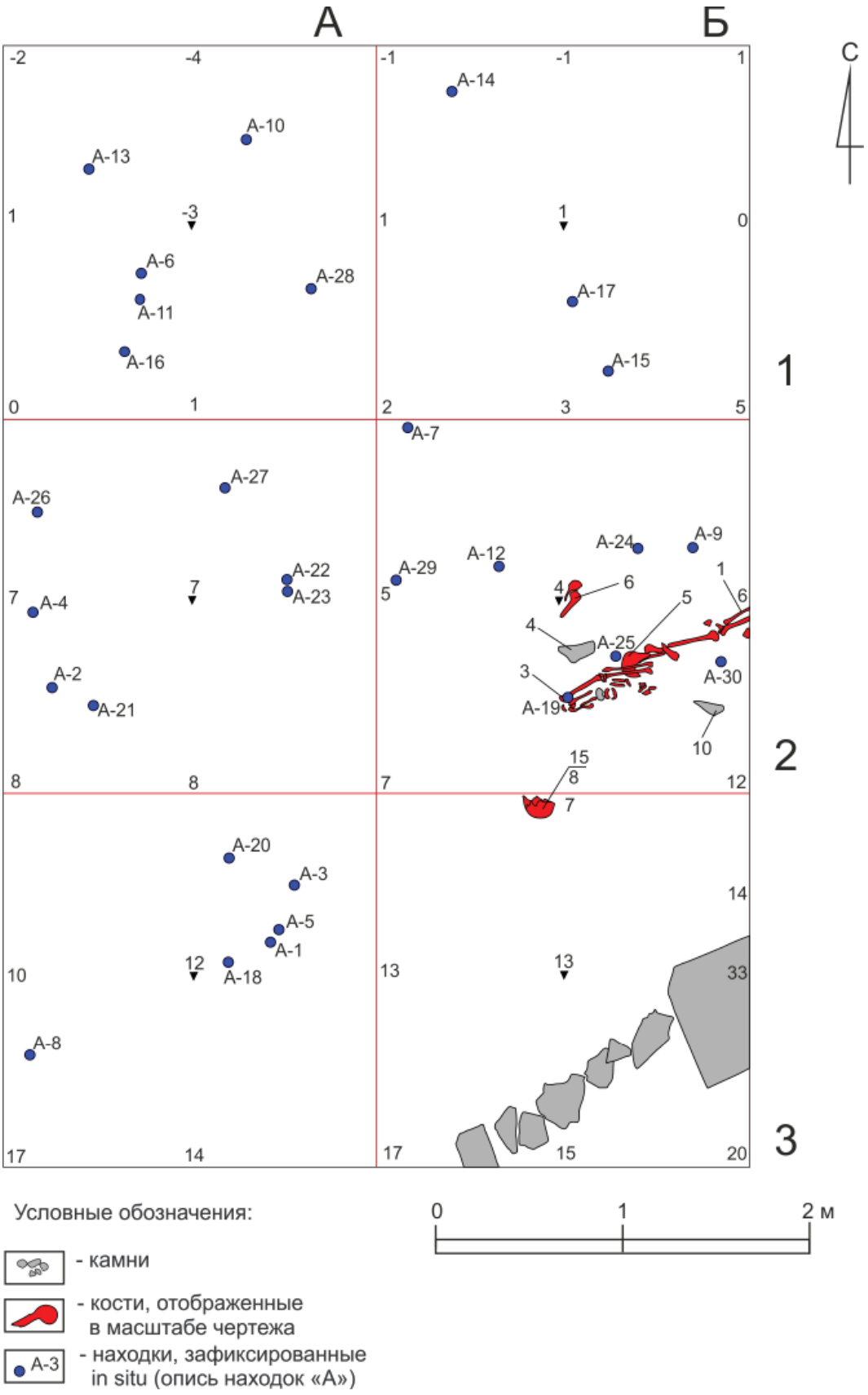

Рис. 16. Никольский раскоп (2013 г.). Пласт 2. Погребение, сохранившееся в анатомическом порядке. Распределение находок в культурном слое

2. Границу поселения X–XI вв., очевидно, необходимо проводить к востоку от нашего раскопа, как минимум, в 270–300 м к северо-востоку от храма Благовещения. Об этом говорят теперь не только находки лепной керамики (они известны были и в шурфе 1982 г.), но и находки украшений. Таким образом, поселение эпохи викингов на Рюриковом городище ныне представляется несколько более крупным по размерам, чем это казалось до сих пор.

3. Раскопками обнаружено позднесредневековое кладбище, располагавшееся близ храма Николая Чудотворца, XVI–XVIII вв. Очевидно, к этому времени следует относить разрушенные склепы или надгробия, сложенные из плитняка с использованием кирпичей, и какую-то часть костных человеческих останков.

4. «Песчанистый слой со щебнем» в раскопе М. К. Каргера и вскрытый нами «пласт 1», насыщенный обломками известняка, вероятно, являются одним горизонтом, занимающим в восточной части Городищенского холма очень большую площадь. Его происхождение неясно. Не исключено, что на данном участке в Средневековье могли располагаться какие-то сооружения или постройки, при сооружении которых использовался привозимый издалека плитняк. Напомним, что поблизости от Городища природные выходы плиты отсутствуют.

5. Находки среди переотложенных костяков привесок-амулетов XII–XIV вв., возможно, указывают на присутствие на участке погребений этого времени.

Характер культурного слоя, наличие погребений и каменных конструкций, попавших в раскоп лишь частично, сделали невозможным продолжение работ на площади (24 кв. м), указанной в контракте с Министерством культуры. Возобновление исследований на этом участке потребует увеличения размеров раскопа как минимум втрое. Только после этого можно будет получить полноценную научную информацию об участке. Следует также учитывать, что расширение раскопа, вполне возможно, приведет к обнаружению не только новых погребений, но и двух вышеупомянутых Никольских храмов, что в свою очередь потребует новых усилий по их изучению и сохранению. Руины неисследованного позднесредневекового храма и тем более летописного древнерусского храма XII в. – не место для непродуманно быстрого установления каких-либо памятных знаков, нарушающих культурный слой. Иными словами, планированию любых инженерных работ на этом участке должны предшествовать широкомасштабные археологические исследования.

Источники и литература

Анкудинов И. Ю., 2007. Новые письменные источники о Новгородском городище // У истоков древнерусской государственности. СПб.

Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. 1.

Носов Е. Н., 1982. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 году // Архив ИИМК РАН.

Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е. Н., 1994. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в 1994 году // Архив ИИМК РАН.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Плохов А. В., Хвощинская Н. В., Янссон И., 1995. Исследования Рюрикова Городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 9.

Петербургский Рериховский сборник, 1999. Самара. Вып. 2–3.

Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В., 2000. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 8(18).

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1 : Новгородская четвертая летопись.

Романцев И. С., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.

Секретарь Л. А., 2011. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.

Эйхвальд Э. И., 1854. Извлечение из замечаний Д.С.С. Заслуженного Академика Эйхвальда во время путешествия по Новгородской губернии. Новгород.

Arbman H., 1940. Birka. Die Gräber. Uppsala.

Ранние оборонительные сооружения Ивангородской крепости. Археологические исследования Крепости 1492 г. в 1980–2012 гг.

А. В. Курбатов

История изучения крепости

Начало научному изучению Ивангорода положил В. В. Косточкин, который установил, что крепостной ансамбль сформировался на протяжении определенного времени из следующих частей: 1) квадратная в плане крепость, сохранившаяся в руинах, которую летописи называли «четвероугольной»; 2) основная часть крепости, прямоугольная в плане, названная на планах 1728 и 1740 гг. «Большим Бояршим городом», а в Разрядных книгах XVI в. – «Большим городом»; 3) с северо-запада, т. е. со стороны Нарвского замка, к нему примыкала трапециевидная в плане часть – Замок, который в Разрядных книгах XVI в. назван «Вышгород»; 4) с северо-востока к Большому Бояршему городу (далее ББГ) примыкал Передний город, который в Разрядных книгах конца XVI в. отмечен как «Новой каменной город» и «Средний город»; 5) к северо-восточной стене Переднего города примыкала часть, которая на шведских чертежах XVII в. названа «Горнверк», что является переводом русского названия «Боярский вал» или же «Главный вал» (рис. 1). Русские названия башен не сохранились и приняты исследователями в переводе с экспликации к шведскому чертежу 1649 г. Названные части крепости В. В. Косточкин датировал следующим образом: «четвероугольная» крепость – 1492 г., ББГ – 1496 г., Замок – 1507 г., Передний город – 1610 г., Горнверк – 1610–1613 гг. (Косточкин, 1952. С. 224–317; 1961. С. 261–269; 1964. С. 111–131; Мильчик, 1987. С. 184–220).

В 1967 г. Научно-реставрационная мастерская (НРМ) Госстроя Эстонской ССР представила Архитектурно-планировочному управлению Леноблисполкома историческую справку, составленную Е. А. Кальюнди и бывшую результатом обобщения печатных источников, полевых и архивных исследований, а также публикаций материалов по Ивангородской крепости. В ней использованы некоторые архивные материалы о научно-исследовательской работе НРМ в 1965–1966 гг. По замечанию Е. А. Кальюнди, в целом обстоятельная и подробная история крепости, изложенная в работах В. В. Косточкина, имеет ряд недоработок. Так, в ней недостаточно внимания уделяется публикациям на иностранных языках, в частности таких историков Эстонии, как А. Соом, Х. Сеппа, А. Сювалеп (Кальюнди, 1967. Л. 2).

Строительная история крепости до начала XVI в.

Присоединение к Москве Великого Новгорода в 1475 г. и Тверского княжества в 1485 г. привело к образованию Русского централизованного государства. Уже летом 1485 г. великий князь Иван III стал именовать себя государем «всея Руси», провозглашая тем самым претензии на верховное господство над всеми русскими землями (Зимин, 1982. С. 64). Усилению мощи молодого государства способствовало окончательное освобождение от монголо-татарского ига в 1480 г., а через семь лет – взятие Казани.

В последнее десятилетие XV в. великий князь Иван III делает первые шаги по укреплению и расширению русских выходов к Балтийскому морю, без чего невозможно было установить прямые экономические связи России со странами Западной Европы. Необходимость укрепления границы с Ливонским орденом усиливалась военной активностью Ордена, который летом 1480 г. предпринял поход против Псковской земли. Перелом в войне произошел в начале следующего года, когда великий князь направил против Ливонии

крупные военные силы и овладел посадами трех ливонских городов.

После этого похода в Новгород прибыли ливонские послы с просьбой о мире, который и был заключен 1 сентября 1481 г. сроком на 10 лет. Статьи этого договора, определявшие условия торговли новгородцев в Ливонии, указывают на особую роль Нарвы в русской внешней торговле. Расположенная у границы, на судоходной реке, Нарва была для русских основным городом, где они встречались с купцами из Западной Европы. Очевидно, что Иван III оценил значение Нарвы и стремился создать благоприятные условия для русских купцов. Ряд статей договора подтверждали нерушимость прежней границы «с Чудского озера стержнем Норовы реки в Солоное море» (Финский залив), которая тянулась более чем на 500 км (Казакова, 1975. С. 159–170).

Знаменательно, что сразу же за подписанием договора псковские общины предприняли в 1482–1483 (или 1484) гг. грандиозные работы по укреплению города. Каменной стеной было обнесено все Полонище – новая часть города, выросшая в течение XV в. Вслед за Псковом в 1484 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича начаша здати в Великом Новгороде град камен детинец по старой основе». Постройка кремля, согласно Новгородской IV летописи, была закончена в 1492 г. (Псковские летописи, 1955. С. 63, 64; Хорошкевич, 1983. С. 50; ПСРЛ, 1853. С. 36; Монгайт, 1952. С. 57). Хотя, по другим сведениям, строительство кремля было закончено только в 1499 г. (Янин, 1978. С. 260, 261). Эти важные оборонительные мероприятия московского правительства на северо-западе России были предприняты в период относительного спокойствия в русско-ливонских отношениях, но в расчете на неизбежные новые столкновения с западными соседями – Великим Литовским княжеством и Ливонским орденом, которые могли начаться после десятилетнего перемирия, т. е. уже в 1491–1492 гг. Большую опасность для Московского государства в эти годы представляла и Швеция. В 1488 г. Свен Стуре вел переговоры с городским советом Ревеля и магистром Ливонского ордена о желательности союза против русских. В рамках этого 22 октября 1492 г. шведский риксдаг предложил Ливонии союз против русских «для сопротивления власти … московского князя». В целом на востоке Балтийского моря начала складываться коалиция старого объединения северо-немецких городов со Шведским королевством и Ливонским орденом (Хорошкевич, 1980. С. 134).

Таким образом, можно видеть, что внешнеполитическая обстановка на северо-западе России в последние десятилетия XV в. была чревата новыми военными столкновениями с соседями, а это определяло необходимость создания нового пункта обороны границ на Балтике, который стал бы и портом – опорой для расширения прямой торговли с западными городами и местом для создания своего флота. Такое понимание государственных задач привело русское правительство к решению противопоставить Нарве собственную крепость «на немецком рубеже на реце на Нарове против Ругодива (Нарвы) немецкого города» (ПСРЛ, 1949. С. 33). Время ее закладки определялось тем, что в феврале 1491 г. истекал срок мирного договора с Ливонией.

Место для крепости подсказали природные условия. Напротив Нарвской крепости лежал высокий и крутой берег «на Слуде» на Девичьей горе, бывший стратегически выгодным местом (Косточкин, 1952. С. 234–236). Подготовка к строительству, надо полагать, заняла весь 1491 г. и начало 1492 г. В письме магистра Ливонского ордена от 11 марта 1492 г., адресованного гроссмейстеру Ордена и основанного, видимо, на сообщениях своих послов, только что вернувшихся из Москвы и Новгорода, отмечено: «В эту зиму на берегу Наровы, напротив нашего орденского города и замка Нарвы [великий князь московский] приказал одно место вымерить и подготовить, намереваясь этим летом поставить там замок и город» (Мильчик, 1987. С. 188). К весне подготовка строительных материалов была закончена и в начале марта начато само строительство. Уже через пять месяцев, 12 августа, фогт (глава Городского совета) Нарвы писал магистру Ливонского ордена, что возведение крепости близко к окончанию: «Замок (Slott) и палисад (Stak) на русской стороне еще не завершен, четыре башни уже есть, стены с зубцами высотой в 7 саженей и башни в 9 саженей высотой… как я прежде писал вашей милости. Замок же… сделали они в 7 недель и каменщиков и весь свой народ снова увели, так что теперь там никого нет, кто бы его охранял, и он стоит пустой, но есть 4 четырехугольные стены, на каждом углу по башне. А еще, ваша милость, расстояние от палисада внутри вокруг замка 80 саженей. Теперь они хотят там брать пошлину досками весь этот год, туда их привезли к воротам и они покрыли башни и стены досками (тесом?). Далее, высокочтимый господин магистр, они не выстроили пока никакого укрепления или сруба, откуда могли бы стрелять пушки, что меня очень удивляет… Русские построили крепкие стены и башни и оставили их стоять без народа; ваша милость могла бы взять этот замок, разве что некоторое кровопролитие может быть с нашей стороны». Далее фогт отметил, что строительство

крепости будет продолжено: «Как встаем мы, почти каждый день [видим], что оставленные у них люди уже ломают камень и жгут известь, потому что хотят на другой год возводить прикрывающие стены. Пока они не выстроили никаких домов или клетей внутри крепости» (Мильчик, 1987. С. 188, 189). Идентификация «четвероугольных» укреплений 1492 г. с руинами, существующими ныне на территории Замка, не вызывает сомнений, тем более, что они представляют квадрат со сторонами около 41 м и башнями по углам.

Основываясь на упоминании в письме Якова Захарьевича Захарьина, происходившего из старомосковского нетитулованного рода Кошкиных-Кобылиных, М. И. Мильчик считает именно его руководителем строительства Ивангородской крепости, а не псковского наместника В. Ф. Шуйского, как предполагал В. В. Косточкин (1952. С. 233). Этот аргумент М. И. Мильчика не выглядит основательным по двум причинам: 1) из письма нарвского фогта не следует, что татары имели какое-либо отношение к строительству или охране прилегающей территории; 2) отмечая боярина Я. З. Захарьина как одного из самых приближенных к Ивану III государственных лиц, исследователь перечислил его известные деяния, в том числе сопровождение Ивана III в Новгород, наместничество в Новгороде, руководство репрессиями против новгородской знати, ведение переговоров с эмиссаром германского императора Поппелем. Будучи наместником в Новгороде, он полностью руководил судебно-административными делами, заключал договоры с иностранными державами, возглавлял новгородскую рать в общерусских походах. Но среди этих дел отсутствуют данные о руководстве каким-либо фундаментальным строительством или о внутренней хозяйственной деятельности, а именно эти качества и опыт были нужны для организации строительства такого масштаба. Ими в полной мере обладал В. Ф. Шуйский, будучи псковским наместником.

Следует отметить, что Е. А. Кальюнди называет конкретные даты начала и конца строительства, ссылаясь на архивные документы, сохранившиеся в шведских и других архивах. Он ссылается на одно сочинение начала XVI в., носящее характер политического памфлета, а не достоверной хроники. Из него следует, что работы были начаты 21 июня, а закончены 15 августа (Кальюнди, 1967. Л. 8). При описаниях архитектор допускает некоторые неточности, ставшие понятными позднее. Так, он называет Крепость 1492 г. правильным квадратом со стороной 36 м, по углам которого находились четырехугольные башни, только слегка выступающие за линию прясел. На юго-западном прясле позднее был построен Пороховой амбар.

В. В. Косточкин писал, что эта «четвероугольная» крепость была первым и самостоятельным этапом возведения оборонительных сооружений на Девичьей горе. Позднейшие натурные работы и архивные изыскания привели архитекторов-реставраторов И. А. Хаустову и О. Г. Гусеву к выводу о едином замысле строительства Крепости 1492 г. и ББГ и создании их одними и теми же мастерами. Об этом говорят и общность строительных приемов, и письменные источники. Так, 21 мая 1492 г. новый гроссмейстер Ордена Ганс фон Тиффен следующим образом излагал сообщение магистра о подготовке к строительству русской крепости: «Великий князь Московский делает приготовления в намерении построить на горе на своей границе напротив Нарвы замок и город». Данный текст является подтверждением раннего донесения ливонского магистра от 2 марта 1492 г. Кроме того, в приводимом письме фогта Нарвы от 12 августа отмечено, что русские хотят на следующий год возводить «прикрывающие стены». Имеется и более поздний документ – письмо магистра Ливонского ордена от 19 сентября 1496 г., в котором он отмечал: «... великий князь недавно за четыре года отстроил новый замок со стенами, башнями, эркером и крепким строением и заложил при нем город». Наконец, Холмогорская летопись в записи под 1492 г. о закладке Ивангорода имеет приписку: «А делаша его семь лет», т.е. до 1498–1499 г. (ПСРЛ, 1977. С. 130).

На основе этих аргументов М. И. Мильчик, вслед за И. А. Хаустовой и О. Г. Гусевой, сделал вывод, что и замок («четвероугольная» крепость) и город (ББГ) являются двумя частями единого замысла и в 1492 г. они были заложены одновременно, но строительство продолжилось только на малой части, которая и была возведена за один сезон. Затем, в 1493–1495 гг., продолжались строительные работы на большей части, а на меньшей были возведены деревянные покрытия стен и башен. Эти строительные работы велись на протяжении семи лет, будучи прерваны лишь в августе 1496 г., когда шведы на короткое время взяли Ивангород, нанеся ему существенные повреждения. Тогда, 19 августа, шведский десант под предводительством Свена (Свана) Стуре неожиданно подошел к крепости, а 26 августа после семичасового штурма шеститысячного войска крепость была захвачена. Неприятель «немилостиво пограбища живот и товар бесчисленно». Шведские источники называют среди трофеев золото, серебро и меха. А запасов воска в городе было так много, что, расплавившись во

время пожара, он превратился в реку, по которой можно было плыть на лодке. По взятии крепости тела убитых шведы перебросили через ее стены. Деревянные постройки были сожжены, а по некоторым данным, частично были разрушены и каменные стены. Уже 29 августа шведы ушли из Ивангорода, сделав неудачную попытку продать крепость Ливонскому ордену.

Летописи сообщают, что перед штурмом из крепости сбежал московский наместник, воевода Ивангорода князь Юрий Бабич. Это сказалось на организации обороны и на моральном духе защитников крепости. Собственно причиной сдачи крепости Е. А. Кальюнди называет междоусобные распри русских князей, поскольку во время штурма Ивангорода на расстоянии прямой видимости от него стояло двухтысячное войско во главе с князьями Иваном Брюхо и Иваном Гундором, не оказавшее поддержки осажденным. Недавно факт «измены» воеводы Юрия Бабича поставила под сомнение М. Б. Бессуднова (2012. С. 71). Она отметила, что в отечественной историографии эта «измена» никогда не подвергалась сомнению, хотя описания ее имеют расхождения в летописных статьях. Так, в Уваровской летописи Ю. Бабич назван «удалым воеводой», который «наполнився духа ратного и храбра» для отражения врага. Но затем описан факт непонятного малодушия, когда «удалой воевода» «нимало супротивясь супостатам, ни граждан окрепив, но вскоре устрашися и побеже из града» (ПСРЛ, 1963. С. 329). В Вологодско-Пермской летописи к этому добавлено, что «княгиню свою наперед выправил» (ПСРЛ, 1959. С. 290). Но Псковская летопись, которая на тот момент представляла пример независимого от Москвы историописания, о предательстве Бабича ничего не сообщает (ПСРЛ, 1925. С. 82). Сопоставляя эти записи с перепиской нарвского фогта и другими ливонскими источниками, М. Б. Бессуднова приходит к выводу, что воевода, вероятно, сам организовал оборону крепости и вместе с другими защитниками пал в бою. Обвинение же его в измене было своего рода политическим ходом, который объяснял быстрый захват крепости, которую русские называли мощной и неприступной, а великий князь, явно гордый своими делами по укреплению границ и престижа государства, даже дал ей свое имя.

Сразу после ухода шведов крепость была восстановлена – «посла великий князь во Иван град князя Ивана Гундора и Михаила Кляпина», которые «и люди собраша и град укрепиша» (ПСРЛ, 1913. С. 571). Работы были начаты 13 сентября. Об организованности и интенсивности работ, по оценке Е. А. Кальюнди, говорит тот факт, что к началу работ на место прибыли две-три тысячи воинов и подвозили строительные материалы, подготовленные заранее. А вскоре прибыло еще 150 лодок (ладей) со строителями из Новгорода, а также ладьи с псковичами, и уже к 6 декабря работы были закончены. Они также включали строительство самой крупной части крепости – Большого Бояршего города, площадью 25 200 кв. м. О том, что крепость была восстановлена быстро и в большем объеме, косвенно свидетельствует речь майнского архиепископа, произнесенная 6 мая 1497 г. на королевских днях в Вормсе: «Также прибыл корабль из Пруссии от магистра Немецкого Ордена, который пишет, что герцог Московский замок, который у него взяли и сожгли, вновь взял обратно и еще сильнее, чем раньше был, построил». В 1507 г. Ивангород укрепляют вновь, возводя вокруг четырехугольника укрепление большой площади (в 6 тыс. кв. м) – Замок, в котором были и две угловые башни – Колодезная и Пороховая. Высота стен крепости 1496 г. равнялась 10–12 м, т. е. чуть ниже высоты крепости, сооруженной в 1492 г., и завершалась зубцами с «ласточкиным хвостом». В настоящее время стена, отделяющая Замок от ББГ, возвышается на 22 м, видны три ряда заложенных зубцов разной формы, отражающие стадии надстройки стены (Кальюнди, 1967. Л. 9–11).

Отстаивая свою точку зрения, М. И. Мильчик утверждает, что строительство ББГ нельзя датировать одним 1496 г., когда он был возведен за 12 недель, как это считал В. В. Косточкин, который писал, что за 79 осенних дней 1496 г. была не только восстановлена «четвероугольная» крепость, но с востока к ней пристроено и новое укрепление, по площади превосходившее крепость 1492 г. в десять раз. Такое суждение строится на упоминании в переписной книге Шелонской пятины 1498 г. церкви Св. Николы «внутри города», т. е. на территории уже существовавшего ББГ (Косточкин, 1952. С. 255–256). Подобная скорость восстановления старого (меньшего) укрепления и одновременно строительства значительно большего сомнительна, памятуя о том, что даже за четыре года (1492–1496 гг.), если принять точку зрения М. И. Мильчика о закладке ББГ в 1492 г., эту часть не смогли завершить.

Постройка Ивангорода сопровождалась большими инженерными работами. В письме нарвского магистра в Ревель от 18 декабря 1495 г. сообщается, что по повелению великого князя до нового замка прорублена в лесу широкая дорога. Надо полагать, что свое начало дорога брала в Ямгороде. В письме этого же чиновника в Ревель от 23 ию-

ня 1497 г. говорилось, что «русские в новом замке… имеют заготовленные мосты, которые от звена к звену могут быть соединены при помощи крюков… Их они намерены навести через Нарову… и вторгнуться к нам в страну». Таким образом, соединяя кратчайшей дорогой Ивангород и Ямгород, стоявший на втором оборонительном рубеже – р. Луге, правительство превращало обе крепости в единую оборонительную систему.

Археологическое изучение крепости

Археологические наблюдения на территории Ивангородской крепости до 1980 г. были преимущественно связаны лишь с проводившимися архитектурными исследованиями. Такими прежде всего были раскопки эстонских реставраторов в 1953–1954 гг. в связи с восстановлением Никольской церкви. Можно также упомянуть раскопки К. Штрауса в 1942 г., носившие разведочный характер. Работы по натурному изучению и восстановлению крепости с 1964 г. по 1974 г. проводило Эстонское республиканское реставрационное управление (руководитель – архитектор Х. Потти). Локальные раскопки и зачистки возле западного фасада Успенской церкви в 1978 г. провел О. М. Иоаннисян.

С 1980 г. археологические раскопки в крепости проводила Ивангородская экспедиция ИИМК РАН (до 1991 г. ЛОИА АН СССР). Вскрыто 2,3 тыс. кв. м культурного слоя (рис. 1) на территории Замка, ББГ и Переднего города (Петренко, 1991. С. 61–71). Кроме того, в 1987–1993 гг. проводились исследования на посаде (в пойме, на склонах и у края коренного берега р. Наровы) с целью создания историко-архитектурного и градостроительного опорного плана Ивангорода. Эти данные дополнили и уточнили исторические реконструкции посада, которые сделали В. В. Косточкин, Е. А. Кальюнди и А. Соом лишь на основе письменных и графических источников. Зона исследований вышла за границы опорного плана, включая и нижнее течение р. Наровы вплоть до Финского залива. В результате были обнаружены: неолитический слой у дер. Венкуль и средневековый железоделательный комплекс у дер. Вердье Кингисеппского района. Между тем основным объектом раскопок экспедиции была крепость, что отвечало задачам ее реставрации и благоустройства. В Крепости 1492 г. в 1980–1984, 1987 и 1991 гг. раскопами и шурфами, частично или полностью, открыты основания всех башен и стен по наружным и внутренним фасадам. Уточнены размеры и геометрия башен, отмечена выраженная асимметрия северной и западной башен, сильно выдвинутых наружу, а также вытянутость их углов в сторону Нарвского замка, открыты щелевидные фланкирующие подошвенные бойницы, сектора обстрела которых включают все три стены со стороны реки и участок вдоль Ширмы. Раскопы IV и IX дали сведения о сохранности культурного слоя в ранней крепости, выявили остатки лестницы и каменной подземной печи у западного угла восточной башни, относящиеся, вероятно, к XVI–XVII вв., а также части водозаборной системы XIX–XX вв.

Раскопки Крепости 1492 г.

Все обмеры и графическая фиксация объектов и находок, а также уровня современной поверхности, стратиграфических слоев, прослоек и материка проводились от единого репера, находящегося на отметке 24,23 м БС. В 1981 г. работы на территории Крепости 1492 г. велись для уточнения стратиграфии в ее центральной части (Петренко, 1982. Л. 2, 13–14). Раскоп IV, по общей нумерации раскопов в Ивангородской крепости, выполненных экспедицией ЛОИА под руководством В. П. Петренко, площадью 24 кв. м, был ориентирован в соответствии с направлением северо-западной стены ББГ и располагался в восточном секторе Крепости 1492 г. (рис. 2; 3).

Стратиграфия участка раскопа выглядела следующим образом: под дерном мощностью 0,10–0,20 м залегала темно-серая гумусная прослойка толщиной 0,08–0,24 м, в свою очередь перекрывавшая слой камней и плит, лежавших в серовато-желтом суглинке. Мощность последнего достигала 0,45 м. Ниже выявлена еще одна гумусная прослойка толщиной 0,10–0,30 м, перекрывшая слой камней и плит в серовато-желтом суглинке толщиной до 0,35 м, который подстилала темно-серая с коричневым оттенком гумусная прослойка мощностью 0,06–0,16 м, ниже которой на отметках -2,22 – -2,31 м БС выступала материковая скала.

На кв. А1 открыто прямоугольное сооружение из плит и мелких камней (предполагаемый колодец) с внутренними размерами 0,64 х 0,66 м. Его нижнюю часть доследовать не удалось (рис. 3). Еще одно сооружение из кирпичей, связанное функционально с первым и служившее «чехлом» для трубы, обнаружено на кв. А2 на отметках -1,27 – -1,30 м БС. Его стенки сложены из кирпичей, поставленных параллельно друг другу на расстоянии 0,06 м. Сверху устройство было перекрыто плитами и кирпичами. Оба сооружения являлись частями водозаборной системы, сооруженной не ранее XIX в. Кроме того, на кв. А2 и В2 обнаружены следы траншеи шириной около 1 м и глубиной 0,80 м, на дне которой, на отметках -1,97 – -2.01 м БС лежала керамическая труба диаметром 0,20 м. Конструкция, видимо, сооружена в первой четверти XX в.

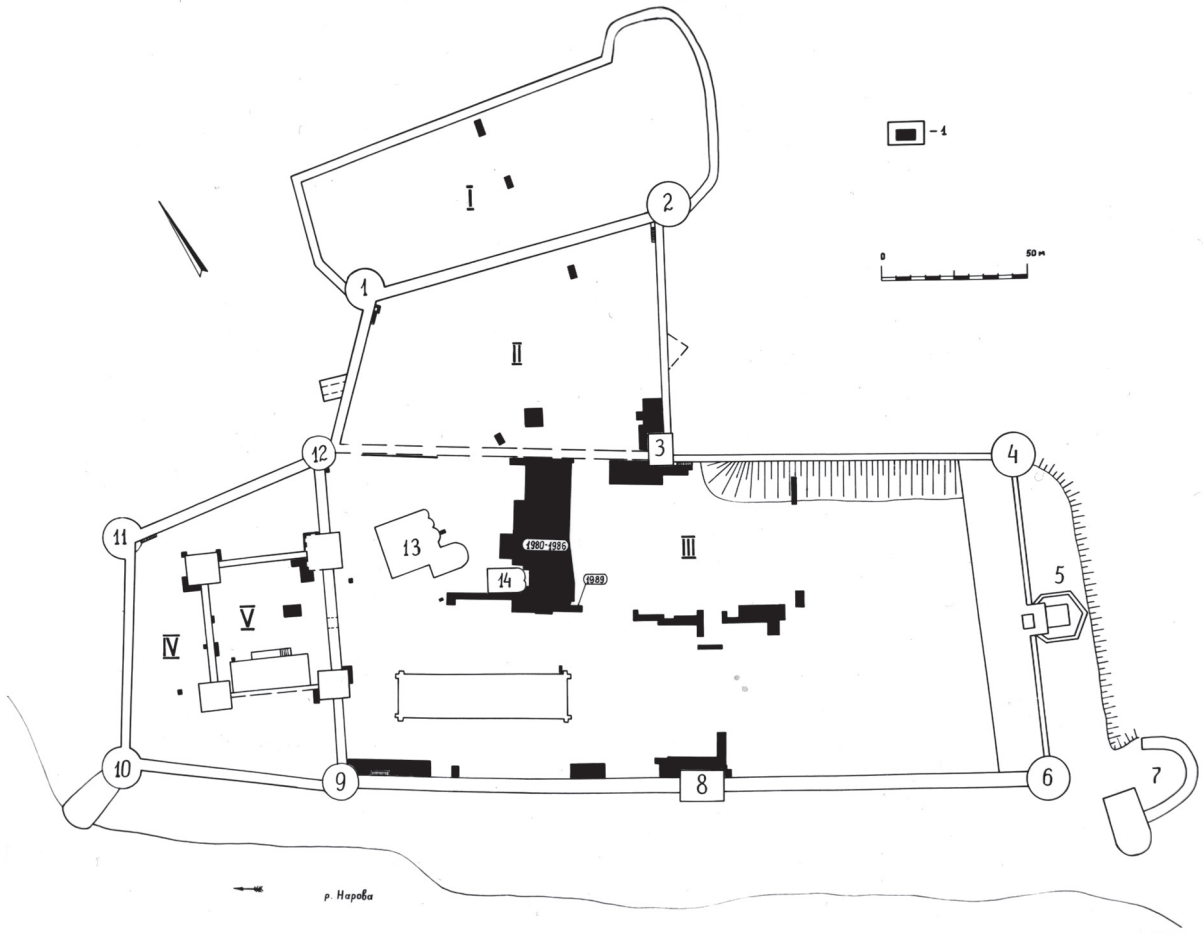

Рис. 1. Ивангород. Размещение участков раскопов, шурфов и зачисток, выполненных на территории крепости Ивангородской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН). План. Части крепости: I – Горнверк; II – Передний город; III – Большой Боярский город; IV – Замок; V – Крепость 1492 г. Условные обозначения: 1 – места раскопок

Раскопки В. П. Петренко не обнаружили слоя, объектов или даже отдельных находок, которые можно было бы датировать XVI–XVII вв., не говоря уже о XV в.

В 1982 г. в Замке был заложен шурф 3 размерами 2,30 х 2,90 м, примыкавший к фасаду южной башни Крепости 1492 г. (Петренко, 1983. Л. 19–20). Мощность культурных напластований достигала здесь 2 м, при этом верхние отложения были сняты при планировке территории (рис. 4). Отложения состояли из слоев строительного мусора, строительного раствора и гумуса разной интенсивности окраски. Материковая скала залегала на уровне 22,10 м БС. На глубине 0,70–0,80 м от поверхности, в слое серого гумуса, расчищена стена шириной 0,80 м, примыкавшая к фасаду башни. Стена сложена из плит толщиной 0,05–0,10 м на известковом растворе темно-желтого цвета с добавлением крупного песка и сохранилась на высоту 0,60–0,70 м (отметки 23,11–23,25 м БС). В кладке встречаются обломки кирпичей. К стенке на отметках 22,22–22,98 м БС примыкал развал плит, лежавший на материковой скале.

Стена башни Крепости 1492 г. сложена из известковых плит разных размеров на прочном известковом растворе желто-розового цвета с добавлением небольшого количества мелкого песка и толченого известняка. На разрушенных участках поверхности башни встречены остатки иного строительного раствора – белого цвета, со значительными примесями крупного песка и негашеной извести. Раствор, видимо, связан с выемками фасадов башни. Нижняя часть башни (с высоты около 2,60 м) идет на откос. Основание башни лежит на материковой скале. Низ заложенного проема, открытого в ходе раскопок, находился на уровне 22,48 м БС.

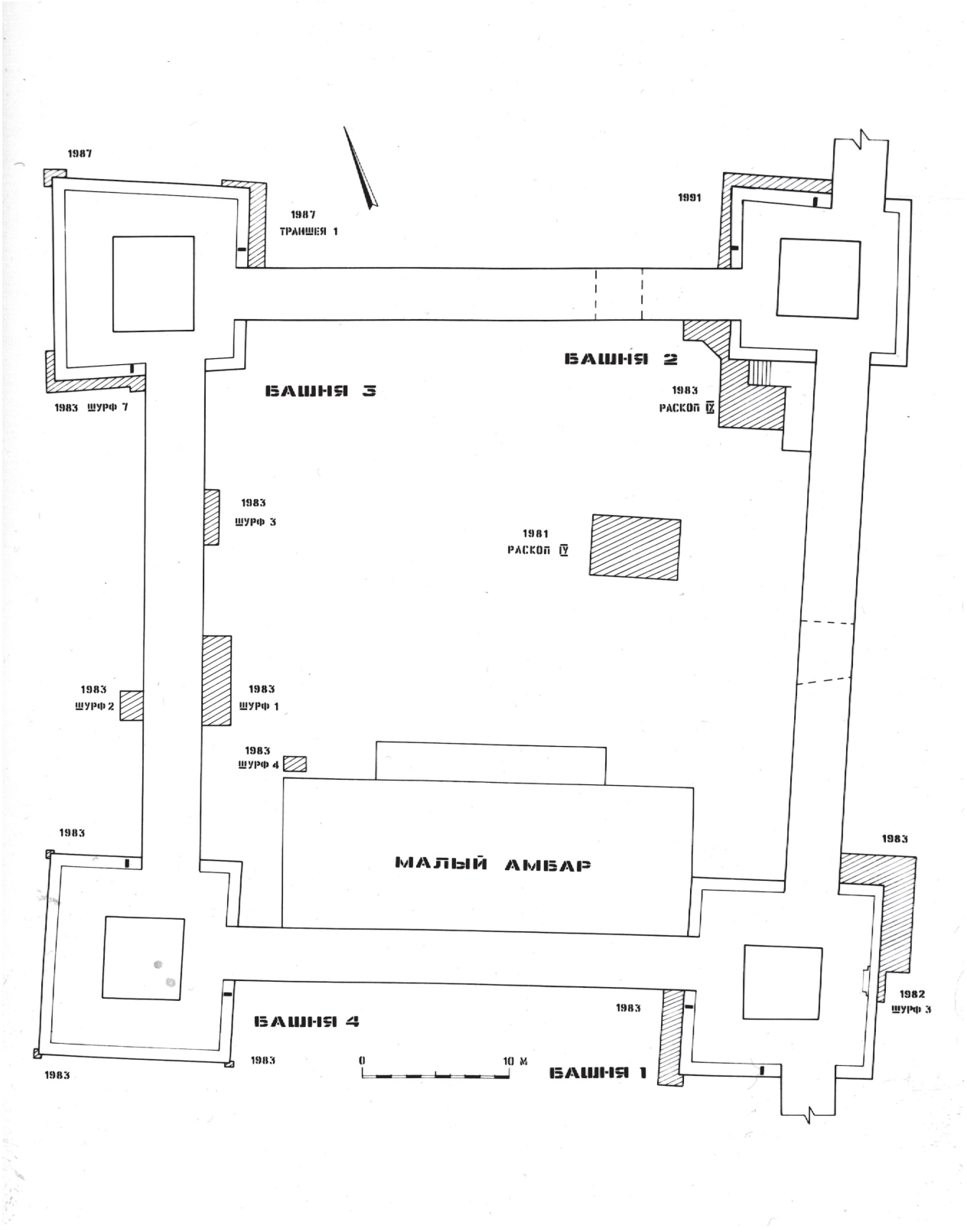

Рис. 2. Ивангород. Размещение раскопов, шурфов и зачисток внутри и снаружи Крепости 1492 г. План

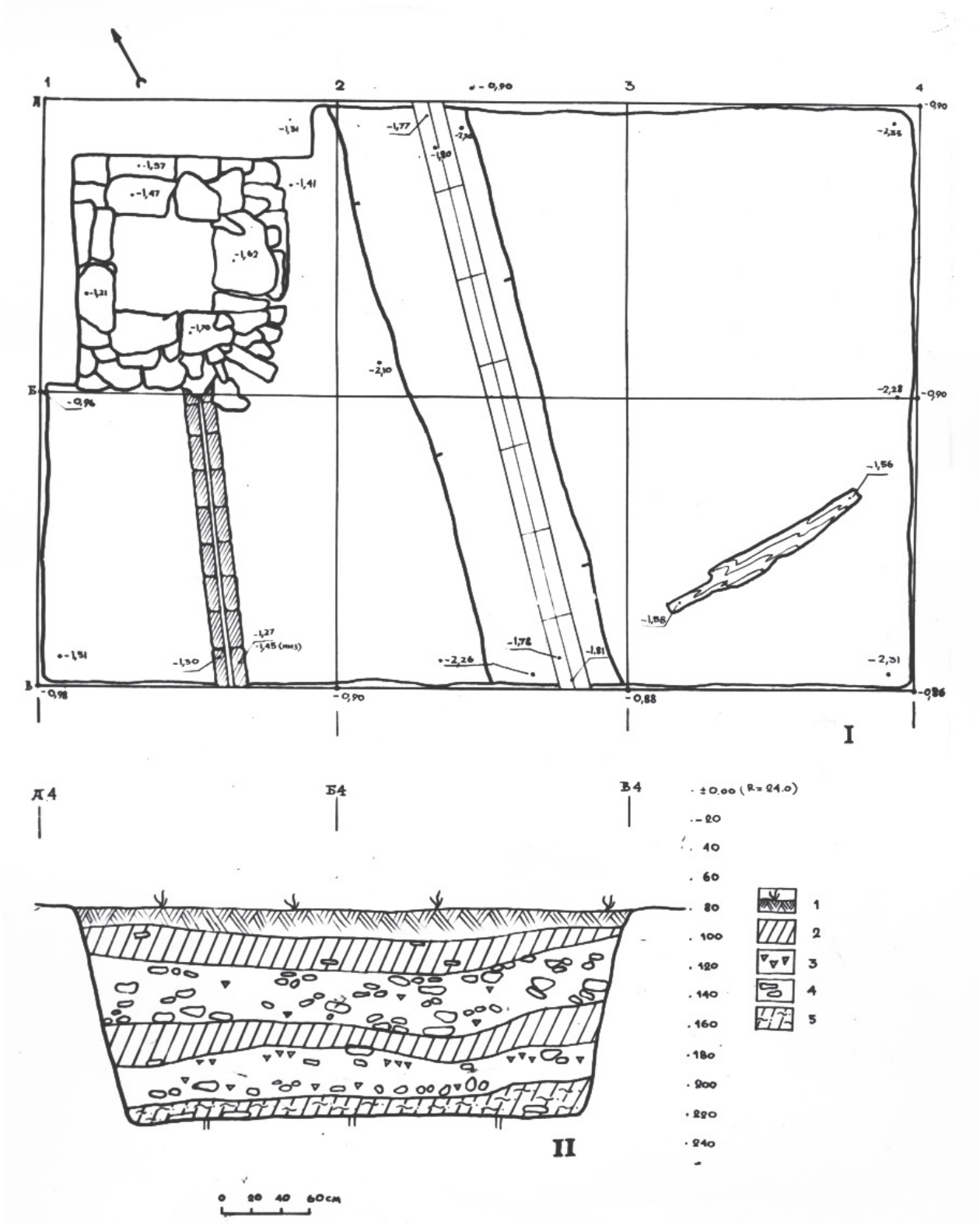

Рис. 3. Ивангород. Раскоп IV (1981 г.): I – общий план; II – разрез по линии А4–В4. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – гумус; 3 – суглинок; 4 – камни; 5 – погребенная почва

Для изучения Крепости 1492 г. интересен еще один шурф, заложенный в 1982 г. на территории ББГ. Это шурф 4, размерами 1,50–2,00 × 4,40 м, занимавший участок между стеной Крепости 1492 г. и Успенской церковью, где мощность культурных отложений достигала 3,30–3,40 м. Ниже дернового слоя здесь залегал строительный мусор толщиной 0,80–2,00 м, который подстилали чередующиеся прослойки угля, строительного раствора и гумуса. В основании прослежен слой глины. Материковая скала выступила на уровне 21,60 м БС. На отметках 24,84–25,18 м БС открыт фрагмент стены постройки, примыкавшей к фасаду Крепости 1492 г., шириной 1,60 м, сложенной из мощных блоков известняка (размерами 0,30 × 1,00 м) на известковом растворе, сохранившейся на высоту около 2,00 м. Она стоит на фундаменте высотой 1,05 м, сложенном из камня на растворе. Основание фундамента отделено от материковой скалы углистой прослойкой толщиной 0,05 м. На уровне 25,18 м БС зафиксированы плиты пяты разрушенного свода.

Работы 1983 г. на территории Крепости 1492 г. велись с целью проверки состояния каменных сооружений (рис. 4) и уточнения характеристики культурных напластований этой части памятника в связи с планируемым на 1985–1987 гг. полным раскрытием древнейших укреплений Ивангорода для их реставрации (Петренко, 1984. Л. 9–14).

Шурф 1, размерами 6 × 2 м, заложен вдоль внутреннего фасада северо-западного прясла крепости (рис. 2). Мощность слоя здесь достигала 2,90 м, однако большую его часть составляли отложения строительного мусора толщиной 1,80–1,90 м, вследствие разрушения оборонительных сооружений и нивелировки крепостного двора. Строительный мусор подстилал светло-серый гумус толщиной 0,15 м, перекрывавший тонкую прослойку раствора, насыщенную каменной крошкой. Ниже залегали два пласта серо-коричневого (с вкраплениями каменной крошки и раствора) и светло-коричневого гумуса общей мощностью 0,35–0,50 м. Они перекрыли слой гумуса, насыщенного углем, толщиной 0,05–0,10 м, который подстилал тонкие прослойки раствора и угля. Ниже прослежены два пласта раствора (один с вкраплением угля, другой – чистый, светло-серого цвета) общей мощностью 0,35 м. Скала выступила на уровне 22,14 м БС.

После разборки строительного мусора, светло-серого гумуса и прослойки раствора в серо-коричневом гумусе на отметках -1,36 – -1,48 м БС прослежены остатки истлевшего дерева диаметром 0,20 м, образовавшие угол постройки, ориентированной параллельно фасаду крепостной стены. Остатки дерева подстилал и перекрывал развал плит, камней, кирпичей. Еще один развал из плит и кирпичей прослежен на отметках -1,54 – -1,81 м БС, а на кв. А0 – скопление угля толщиной 0,05 м. Лицевая кладка стены, поставленной на скалу, пролитую раствором, сохранилась до уровня 23,10 м БС, сложена по постелистой системе из длинных плит на растворе, размерами 0,40–0,70 × 0,20–0,30 м. Местами сохранились следы затирки швов. Среди находок из шурфа можно отметить железную пластинчатую шпору, нож, ядра, а также не менее 20 раздавленных сосудов разных типов.

Шурф 2, размерами 1,60 х 2,00 м, заложен на территории Замка на участке, примыкающем к наружному фасаду северо-западного прясла Крепости 1492 г., напротив шурфа 1. Отложения, мощность которых достигала 0,90–0,95 м, состояли из слоев раствора, глины и строительного мусора. Скала находилась на уровне 22,40 м БС. Характер лицевой кладки, сохранившейся до уровня 23,13 м БС, соответствует описанию внутренней лицевой кладки, составленному по материалам шурфа 1. Следует отметить, что ширина стены в районе шурфов 1 и 2 доходила до 4 м, что не соответствует заключению В. В. Косточкина, что стены крепости «достигают ширины 3 м» (Косточкин, 1952. С. 249).

Шурф 3, размерами 3,70 × 1,00 м, также расположен вдоль внутреннего фасада северо-западного прясла Крепости 1492 г., в 6,50 м от шурфа 1. Особенности напластований, характер и размеры раскрытого здесь фундамента стены повторяют те же, что и в шурфе 1. Отметим лишь, что большая мощность отложений на этом участке объясняется подсыпкой грунта в северном углу Крепости 1492 г. не ранее XVIII в. (Косточкин, 1952. Рис. 9; Кальюнди, 1967. Рис. 9, 10). В шурфе 3 мощность указанной подсыпки достигает чуть более 1,00 м. Следует отметить две параллельные стенки, длиной 1,00 м и шириной 0,50 м, поставленные на скалу перпендикулярно пряслу на расстоянии 0,60 м друг от друга. Стены сложены из плит на растворе и сохранились на высоту 0,55–0,60 м.

Шурф 4, размерами 1,50 × 0,90 м, заложен близ северного угла Порохового амбара, построенного в последней четверти XVII в. (Кальюнди, 1967. Л. 37). Мощность культурных напластований составила около 2,00 м, из которых 1,60 м приходится на строительный мусор, который подстилала гумусная прослойка толщиной 0,10 м, перекрывавшая пласт раствора такой же мощности. Ниже залегала еще одна гумусная прослойка толщиной 0,05–0,10 м, перекрывавшая слой раствора толщиной 0,20–0,25 м. Скала прослежена на отметках -2,32 –

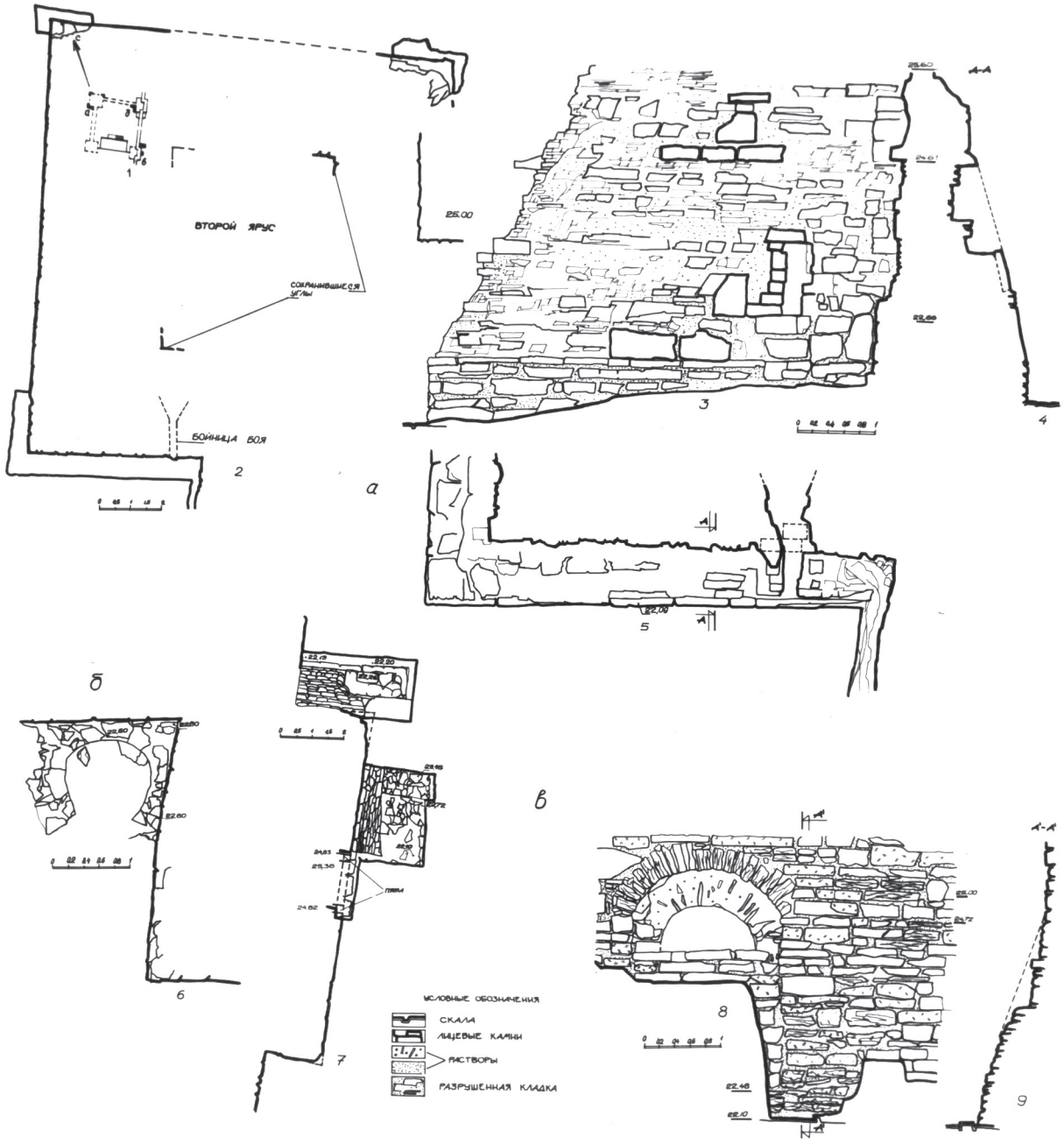

Рис. 4. Ивангород (1982–1983 гг.). Зачистки и шурфы

-2,51 м БС. Сложенный на ней нижний ряд плит фундамента выступал за линию фасада на 0,30 м.

Расчистка 7, шириной 0,60 м, выполнена вдоль юго-западного и северо-западного фасадов северной башни Крепости 1492 г. Культурный слой, перекрытый мощным скоплением строительного мусора, состоял из прослоек гумуса и раствора общей мощностью 0,40 м. В слое найдена преимущественно керамика. Основание башни выступало за линию прясла на 5,75–5,80 м. Следует упомянуть, что В. В. Косточкин определял выступание башни в 4,50 м (Косточкин, 1952. С. 242. Рис. 4). В плане основание башни слегка расширяется к северо-западу, поэтому угол между прясло м и башней острый. В основании башня имеет выравнивающий цоколь высотой 0,30–0,80 м, образующий горизонтальную площадку на уровне 22,09 м БС. Выравнивание связано с перепадом уровня материковой скалы по линии юго-восток – северо-запад, достигавшим 0,60 м в раскопе у северной башни. Башня в основании заметно расширялась. На ее фасаде удалось обнаружить ранее неизвестную щелевидную бойницу шириной 0,17 м, стенки которой сложены из прямоугольных блоков известняка. Верх бойницы перекрыт широкой плитой. В районе башни скала залегала на отметках 21,22–21,82 м БС (рис. 4: а).

Раскоп IX развернут вдоль западного, обращенного внутрь двора, угла восточной башни Крепости 1492 г. Площадь раскопа составила около 24 кв. м. Мощность культурных напластований достигла почти 3,00 м, но их большая часть является балластом (до 2,20 м). Нижние отложения мощностью 0,40–0,80 м состояли из слоев гумуса и раствора с включением угля, плит и глины. Материковая скала, перекрытая слоем коричневой глины, залегала на отметках 21,69–21,75 м БС.

После разборки слоев строительного мусора в восточной части раскопа раскрыт западный угол башни. За линию внутреннего фасада прясла стена выступает на 3,32 м. Облик башни напоминает описанный выше фасад северного сооружения. В основании также находился сложенный из узких длинных плит выравнивающий цоколь, а выше него стена возведена под наклоном, расширяясь книзу.

К юго-западу от башни открыта лестница, нижние ступени которой, шириной 0,27–0,28 м и высотой 0,22–0,23 м, примыкали к стене башни. Нижняя ступень лежала на выравнивающем слое раствора и плит. Лестница относилась к одному из этапов модернизации крепости в XVI в. и вела на верхний ярус башни и к винтовой лестнице, служившей для подъема на северо-западное прясло ББГ (Косточкин, 1952. Рис. 40: 2). Рядом с лестницей устроены два помещения, в которые ведут два прохода шириной 1,00 м, высотой 1,55 м и 1,76 м.

В углу между пряслом и стеной башни выявлена нижняя часть подземной подковообразной печи размерами 1,40 × 1,60 м, стенки которой сложены из тщательно подогнанных плит на растворе и сохранились на высоту 0,25 м (до уровня 22,60 м БС). Под печи – хорошо прокаленная глина. Перед ступенями лестницы и проходами в помещения на отметках 22,67–22,70 м БС расчищена вымостка из крупных плит. В слое над вымосткой найдено много изразцов с коричневато-черной поверхностью и керамики, в том числе миниатюрные сосуды с блестящей поверхностью коричневого цвета, по характеру теста напоминавшие сосуды из каменной массы. Среди находок в нижних напластованиях следует отметить две черешковые стрелы архаичного облика.

В 1987 г. на территории Замка, с напольной стороны основания юго-восточной стены и фасада северной башни Крепости 1492 г., была заложена «разведочная траншея № 1» (Петренко, 1988. Л. 3, 23–25), шириной около 1 м, длиной 6 м. Основание расширяющейся книзу башни стояло на материке, на отметках -1,38 – -1,14 м БС. Основание стены, образующей острый угол с фасадом примыкающего прясла, открыто на длину 5,30 м. Нижняя часть стены башни сложена преимущественно из узких постелистых плит (рис. 5–8). В стене обнаружена фланкирующая бойница шириной 0,17–0,18 м и высотой 0,95 м, устроенная на высоте 1,44 м от скалы и на расстоянии 0,85 м от стыка с пряслом. Ее «щеки» сложены из прямоугольных брусков известняка. Эта щелевидная бойница аналогична боевому проему, открытому в 1983 г. в юго-западной стене этой же башни (Петренко, 1985. С. 25, 26), но в отличие от последнего в древности она подвергалась ремонту.

Таким образом, раскопки в Крепости 1492 г. обнаружили сохранившиеся культурные отложения и продемонстрировали размеры оборонительных сооружений. Наиболее ранние находки немногочисленны и представлены всего лишь двумя черешковыми наконечниками стрел и отдельными фрагментами керамики. При раскопках также были открыты сохранившиеся основания стен и башен, прослежена конфигурация объектов. В основе Крепости 1492 г., по мнению ряда исследователей, лежит правильная геометрическая фигура – квадрат с квадратными башнями по углам (Косточкин, 1952. С. 241, 242). Последующие обмеры показали, что

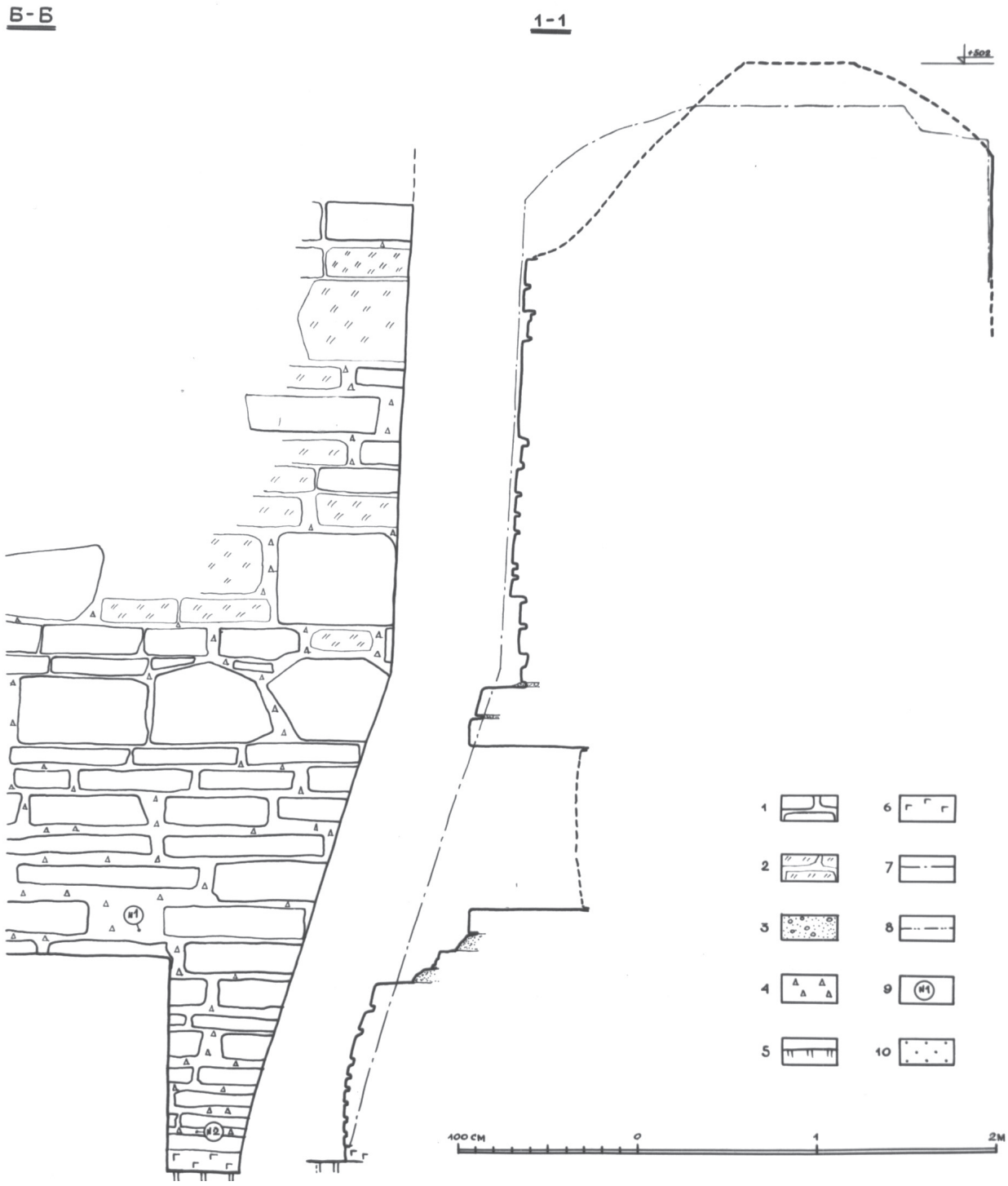

Рис. 5. Ивангород. Зачистка 1987 г. Башня № 3. Восточный фасад, бойница. Разрез (номера в кружках показывают места взятия образцов строительных растворов). Условные обозначения: 1 – камни кладки с сохранившейся лицевой поверхностью; 2 – камни кладки с утраченной лицевой поверхностью; 3 – песок со щебнем; 4 – строительный раствор; 5 – материковая скала; 6 – предматериковая глина; 7 – проекция угла башни на линию разреза 1–1 на рис. 6; 8 – реконструируемый профиль северо-восточного угла башни; 9 – места изъятия и номера строительных растворов; 10 – переотложенный слой, последняя четверть XX в.

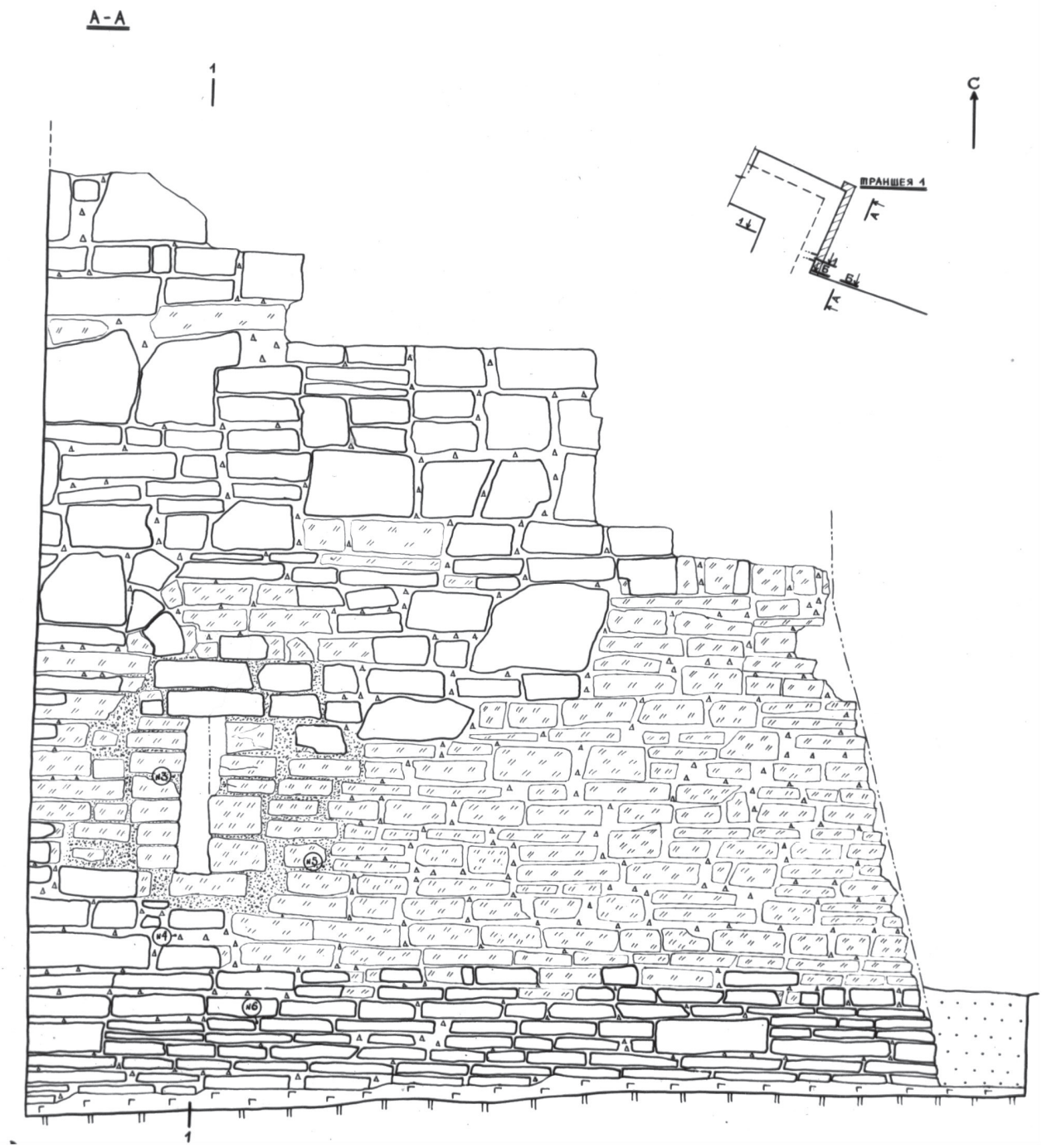

Рис. 6. Ивангород. Зачистка 1987 г. Башня № 3. Восточный фасад, бойница (номера в кружках показывают места взятия образцов строительных растворов). Условные обозначения: 1 – камни кладки с сохранившейся лицевой поверхностью; 2 – камни кладки с утраченной лицевой поверхностью; 3 – песок со щебнем; 4 – строительный раствор; 5 – материковая скала; 6 – предматериковая глина; 7 – проекция угла башни на линию разреза 1–1; 8 – реконструируемый профиль северо-восточного угла башни; 9 – места изъятия и номера строительных растворов; 10 – переотложенный слой, последняя четверть XX в.

Рис. 7. Ивангород (1987 г.). Башня № 3. Зачистка стены и бойницы. Вид с востока

Рис. 8. Ивангород (1987 г.). Башня № 3. Зачистка стены и бойницы. Вид с востока

цитадель не была правильным квадратом, а башни, не имевшие правильной формы, в разной степени вынесены наружу (Петренко, 1991. С. 61, 64. Рис. 1: а). Углы между фронтальными фасами башен составляют 87 градусов, показывая вытянутость башен в сторону вероятного размещения огневых средств противника на противоположном берегу р. Наровы, в чем убеждает размещение батарей и траектория стрельбы по объектам обороны на изображении штурма Ивангорода шведами в 1612 г. (Мильчик, 1997. Рис. 20). Реставраторы видят в вытянутых пропорциях башен лишь «стремление к усилению несущей способности внешних далеко выдвинутых углов цокольной части башен» (Чернова, Чернов, 1997. С. 73). Такая интерпретация фортификации не вызывает сомнений, но не объясняет появление остроугольных башен. Для этого следует обратиться к сравнению элементов конструкции Ивангорода с рядом итальянских крепостей, что убеждает в привлечении «фряжских» мастеров для его строительства изначально, на что ранее обращал внимание В. А. Булкин (Булкин, 1975. С. 8–10; Мильчик, 1997).

При кажущемся единстве мнений исследователей архитектуры о привлечении «фряжских» мастеров к постройке Ивангородской крепости, их взгляды имеют одно существенное различие. Если В. А. Булкин писал о работе итальянских мастеров над начальным проектом крепости, то М. И. Мильчик считает возможным говорить об их приглашении только на втором этапе строительства – с 1507 г. Именно в этих работах участвовали итальянские мастера Володимер Торгкан и Маркус Грек, названные строителями Ивангородской крепости в письме бургомистра Нарвы к бургомистру Ревеля от 19 марта 1507 г. В этой связи М. И. Мильчик приводит и памфлет Бомовера 1508 г., в котором сказано, что русскую крепость строили валы (или валлеи) – итальянцы. Другим подтверждением он считает запись Даниила Принца из Бухова, доверенного посланника императоров Максимилиана II и Рудольфа II в Москву в 1576 и 1578 гг.: «Потом, в 1492 г., он при пособии Греческих и Итальянских мастеров, с величайшей быстротой выстроил у реки Нарвы весьма крепкий замок, который назвал по своему имени Иваньгородом, так сказать, крепость Ивана» (Даниил Принц из Бухова, 1876. С. 9).

Раскопками 1980-х гг. были определены некоторые существенные элементы каменных оборонительных конструкций и внутренней организации пространства крепости в ранний период ее существования. Как выяснилось, длина северо-восточного и северо-западного фасов северной башни Крепости 1492 г. составляет 13,20 м и 13,80 м соответственно, а ширина прясел в основании – около 4,00 м. Интересно отметить, что южная и восточная башни выступают за линию фасада в сторону ББГ на 3,30 м, тогда как северная и западная башни выдвинуты наружу на 5,70–5,85 м. Внутрь крепостного двора восточная башня выдвинута на 3,30 м. Заметное смещение южной и восточной башен Крепости 1492 г. связано с особенностью комплекса, в частности с размещением бойниц, организацией всходов на верхние ярусы башни, устройством прохода в южной башне.

В литературе высказано мнение о принадлежности укреплений 1492 г. «кастельному типу» (Мильчик, Хаустова, 1985. С. 24, 25) и о позднем появлении щелевидных амбразур. Последнее было поставлено под сомнение раскопками В. П. Петренко, когда при зачистках во всех башнях древнейшей крепости открыты фланкирующие бойницы подошвенных ярусов, в том числе и щелевидные, где следов перестройки стен не обнаружено (Петренко, 1984. С. 13. Рис. 24–27). Фланкирующие бойницы в Крепости 1492 г. отсутствуют только с юго-восточной стороны. Указанные особенности первоначальных оборонительных конструкций свидетельствуют о том, что постройка четырехугольной крепости и Большого Бояршего города (площадью 25 тыс. кв. м) являлась последовательной реализацией разных этапов единого плана создания укреплений на Девичьей горе: объемы связаны единым принципом построения в плане, использованием близкой по структуре облицовки, включающей тычковые блоки, одинаковые зубцы башен и другие элементы (Косточкин, 1952. С. 249, 268, 284, 285; Мильчик, Хаустова, 1985. С. 24).

Острые углы подквадратных башен – не редкость для укреплений XV–XVI вв. в Европе. Эта особенность присутствует в замке Братиславы, согласно реконструкции его плана конца XVI в. (Fiala et all., 1995. Rys. 25), прослеживается в традиции вынесения острых углов башен в наиболее уязвимых местах и сооружение пятиугольных башен в Италии (Salamagne, 1992. P. 61–62. Figs. 1, 2, 18. Pl. V). В этом надо видеть один из признаков развития крепостей бастионного типа, реализовавших теоретические работы Леонардо да Винчи, повлиявшие на развитие фортификации, изменяемой при широком использовании артиллерии. Во второй половине XV в. Леонардо да Винчи создает теорию взаимодействия физических тел, в частности теорию удара. С учетом траектории движения тела наиболее сильный удар подвижного тела по неподвижному возникал при наибольшем угле падения (удара). Это прямо относилось к созданию оборонительных сооружений, выдерживающих направленные удары огнестрельных орудий (Гуковский, 1947. С. 538 сл.). Практическое применение остроугольных оснований башен можно видеть в технике защиты крепостных стен от ударов, предложенной Л.-Б. Альберти: «Мы считаем, что стены от угрозы снарядов великолепно могут быть ограждены так: мы расставим вдоль по стене на расстоянии десяти локтей друг от друга контрфорсы с треугольным основанием, причем один из углов обратим к врагам...»; и далее: «В тех же частях, откуда могут грозить снаряды, должны выступать закругления или лучше углы стен, заостренные наподобие корабельных носов» (Альберти, 1935. С. 120, 141). Таким образом, можно предположить, что к моменту закладки Ивангородской крепости в теории и практике итальянских мастеров уже закрепился указанный элемент фортификации.

Следует прояснить и время сооружения щелевидных бойниц. Сегодня можно согласиться с мнением архитекторов-реставраторов, в отличие от В. П. Петренко (1991. С. 64), относивших появление щелевидных подошвенных бойниц только к третьему этапу перестроек (Чернова, Чернов, 1997. С. 74. Рис. 7, 8; Мильчик, Хаустова, 1985. С. 24, 25). Серии конструктивных признаков кладки и раствора даже на наружной поверхности хорошо сохранившихся стен указывают на перестройку. В 1987 г. изучались западный и восточный фасы башни № 3. Щелевидная бойница восточного фаса имеет хорошую сохранность лица кладки (рис. 7; 8). Формы и размеры каменных блоков в устье бойницы, а также состав и цвет раствора выделяются на фоне этой стены. С этим согласуется заключению Е. Ю. Медниковой о составе строительных растворов, основанное на ранее разработанной методике (Медникова и др., 1989. С. 18, 19; Курбатов, 1991. Прил. 1).

Археологические исследования 2012 г.

Новый этап археологических исследований ИИМК РАН в Крепости 1492 г. связан с начатыми в 2012 г. работами по восстановлению и музеефикации первоначальных укреплений крепости и здания Малого амбара. Этот проект был поддержан Европейским фондом реконструкции и развития. При выполнении археологических исследований был заложен раскоп 1 площадью 44 кв. м. Он ограничен с востока стеной Ширмы, с запада восточной торцевой стеной Малого амбара, с юга основанием двух фасов южной башни Крепости 1492 г. и

участком южного прясла Крепости 1492 г. (рис. 9). На отметках -0,80 – -0,90 м БС открыт слой гумуса со следами тотального пожара, толщиной 0,03–0,10 м, насыщенный углем и мелкими камнями, обгоревшими кусками дерева, а также древесным тленом (рис. 9–11). В этом слое найдено большое количество фрагментов сероглиняной и белоглиняной керамики конца XV – начала XVII в., в составе которых имеется фрагмент стенки сероглиняного сосуда из плотной однородной глины, без видимых примесей, покрытый с обеих сторон поливой ярко-зеленого цвета, сопоставимый с псковской керамикой второй половины XVI в.

В ходе работ расчищены нижние части лицевой кладки южной башни и Ширмы. Северный фас башни полностью сохранился на высоту 0,60–0,70 м. Откос стены башни начинался на высоте 2,10 м от уровня горелого слоя, ширина откоса 1,10 м. Стена имела цоколь высотой 0,40 м, поставленный на слой строительного раствора толщиной 0,05–0,07 м, уложенный непосредственно на скалу. Плиты цоколя имеют толщину 0,12–0,13 м и длину 0,60–0,70 м. Заметно наличие выравнивающих слоев раствора разной толщины, а также плит, утончавшихся в одну сторону. Толщина плит в кладке стен башни колеблется в пределах 0,07–0,16 м. Слои толстых и тонких плит перемежаются.

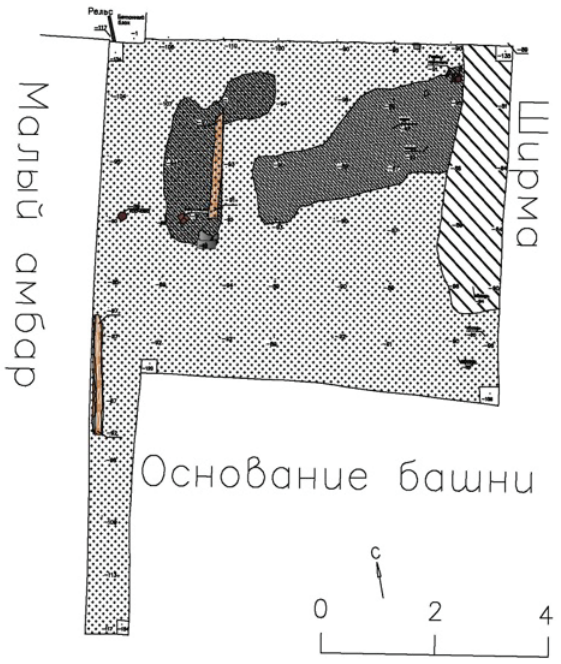

Рис 9. Ивангород (2012 г.). Раскоп 1. Объекты, открытые в слое пожара. План

Длина плит по фасаду колеблется в пределах 0,40–0,60 м, но преобладают плиты длиной 0,55–0,60 м, что можно считать своеобразным стандартом. Все плиты серого цвета. Фасад сложен более плотно, по сравнению с внутренними слоями кладки, состоявшими из отдельных плит с забутовкой из их обломков и строительного раствора. Лицевая кладка южного прясла стены Крепости 1492 г. сохранилась на высоту 2,50 м и состоит из плит толщиной 0,18–0,22 м, длиной 0,60–0,70 м. Кладка в основании Ширмы сложена из камней разной толщины (0,06–0,14 м) и длиной 0,40–0,60 м. Ложковая кладка начиналась с высоты 1,70 м от уровня скалы. В ряде узловых точек строительный раствор был прокопан до скалы, уровень которой постепенно понижался к западу и югу, начиная с отметки -1,06 м БС в месте стыка южной башни и Ширмы до отметок -1,34 – -1,35 м БС у северной границы раскопа и -1,54 м БС в его южном углу, у основания южного прясла Крепости 1492 г.

В процессе работ проведены дополнительные обмеры. Установлено, что длина Малого амбара составляет 27,70 м, а расстояние между башнями Ширмы – 33,50 м.

Раскоп 2, площадью 31 кв. м, ограничен с запада западным пряслом Крепости 1492 г. и основанием юго-западной башни крепости, с востока западной торцевой стеной Малого амбара, с юга участком южного прясла крепости (рис. 12; 13). Обнаружено каменное основание лестницы(?) шириной 3,00 м, примыкавшей с западной стороны к Малому амбару. В 3,75 м от северо-западного угла Малого амбара открыт край входного проема шириной 1,25 м и высотой 2,10 м. Возле каменного основания лестницы наиболее отчетливо прослеживалась стратиграфия ранних отложений (рис. 12). На уровне -0,71 м БС отмечен верх слоя строительного раствора толщиной 0,08–0,11 м, под которым лежал плотный слой темно-коричневого гумуса, насыщенный углем, толщиной 0,10 м. Ниже открыт мешаный слой гумусированного суглинка с камнями и углем, мощностью до 0,16 м, под ним залегал слой углей и горелого дерева толщиной 0,08–0,10 м. Его подстилал слой строительного раствора толщиной 0,06–0,10 м, лежавший на предматериковом плотном коричневом суглинке мощностью 0,14–0,16 м. Материковая скала показалась на уровне -1,39 м БС.

Конструктивные особенности основания кладки юго-западной башни и южной башни, открытой на раскопе 1, идентичны (рис. 13). В месте примыкания южного прясла Крепости 1492 г. к юго-западной башне открыт входной арочный проем, шириной 1,25 м и

Рис. 10. Ивангород (2012 г.). Раскоп 1. Уровень горелого слоя. Вид с севера

Рис. 11. Ивангород (2012 г.). Раскоп 1. Участок примыкания Ширмы к юго-восточной башне Крепости 1492 г. Вид с запада

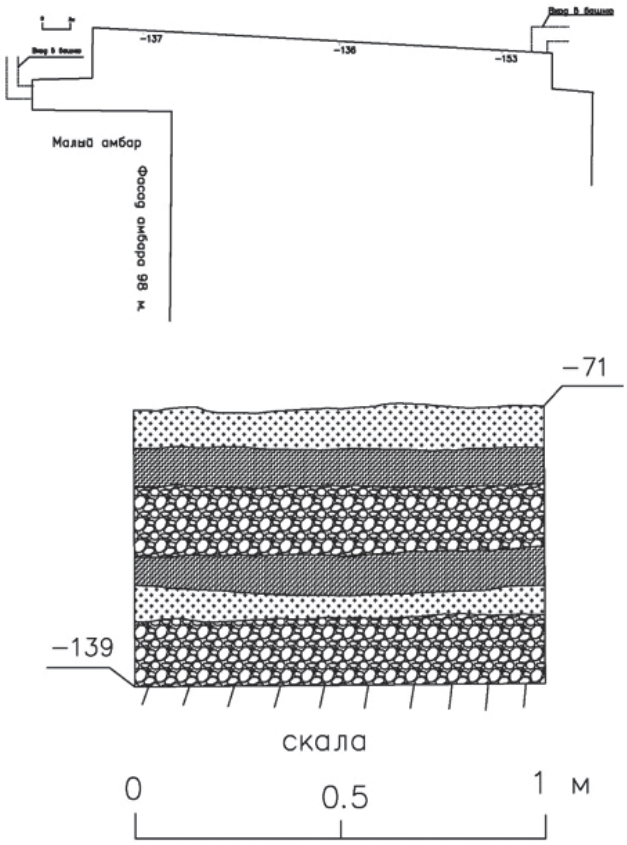

Рис. 12. Ивангород (2012 г.). Раскоп 2 и траншея. План. Стратиграфический разрез на участке раскопа 2

Рис. 13 Ивангород (2012 г.). Раскоп 2. Юго-западная башня после расчистки основания и лицевой кладки. Вид с севера

высотой 2,10 м. Внутри проем заполнен строительным мусором. При разборке подножия башни найдены обломки кирпичей, размерами 0,25 × 0,13 × 0,05 м.

Траншея длиной 34 м и шириной 1,00–1,50 м была заложена вдоль западного прясла Крепости 1492 г. Как выяснилось, все плиты в основании западного прясла были серого цвета, имели толщину 0,12–0,13 м и длину 0,60–0,70 м. Заметно наличие выравнивающих слоев раствора разной толщины и плит, утончавшихся в одну сторону. В целом преобладают плиты длиной 0,55–0,60 м и толщиной 0,07–0,16 м, слои толстых и тонких плит перемежались. Фасад сложен более плотно, по сравнению с внутренними слоями кладки, состоявшими из отдельных плит с забутовкой из их обломков и строительного раствора. Лицевой слой камней более плотно сложен, внутренние слои состоят из более редких положенных плит и забутовки из обломков плит и строительного раствора. Ложковая кладка встречается лишь на высоте 1,50 м от скалы.

В месте примыкания западного прясла Крепости 1492 г. к северо-западной башне открыт входной арочный проем, шириной 1,25 м и высотой более 2,00 м. Внутри проем заполнен строительным мусором и металлическими коробками, которые удалось определить по сохранившимся ярлыкам. В коробках, по всей видимости, хранился порох, который производился в такой расфасовке в период Первой мировой войны и даже позднее.

При производстве археологических работ 2012 г. найдены предметы из черного металла (24 ед.), в том числе дверной крюк (рис. 14), ядро, наконечник стрелы, перовидное сверло (рис. 15), дверной подстав, гвозди, строительные скобы, винтовочные гильзы первой половины XX в., обломки красно- и сероглиных гончарных сосудов конца XV – XVII вв. (260 ед.) (рис. 16).

Рис. 14. Ивангород (2012 г.). Железный дверной крюк

Рис. 15. Ивангород (2012 г.). Железное перовидное сверло

Рис. 16. Ивангород (2012 г.). Сероглиняный миниатюрный сосуд

Заключение

Археологические исследования на территории Ивангородской крепости в 2012 г., на площади Крепости 1492 г., открыли: 1) слой первоначального строительства Крепости 1492 г. и слой пожара и разрушения 1496 г., что подтвердило наличие этих культурных слоев на большей части первоначальной территории Ивангородской крепости; 2) слой пожара и разрушений последней четверти XVI в. (1581 или 1590 г.), что в дальнейшем позволит более конкретно говорить о разрушениях оборонительных сооружений при штурмах крепости в 1496 г., а также о последствиях боевых действий в 1581 и 1590 гг.; 3) основания юго-западной и северо-западной башен, а также западного прясла Крепости 1492 г., характеризовавшихся хорошей сохранностью лицевых частей кладок, что указывает на необходимость их скорейшей консервации; 4) входные проемы в вышеуказанные башни, которые также требуют незамедлительной консервации; 5) основание каменной лестницы у западной торцовой стены Малого амбара.

Источники и литература

Альберти Л.-Б., 1935. Десять книг о зодчестве. М. Т. 1.

Булкин В. А., 1975. Итальянизмы в древнерусском зодчестве XVI в. Л.

Бессуднова М. Б., 2012. Ложь и правда воеводы Бабича. Трудная судьба Ивангорода // Родина. № 8.

Гуковский М. А., 1947. Механика Леонардо да Винчи. М.; Л.

Даниил Принц из Бухова, 1876. Начало и возвышение Московии (комментарии И. А. Тихомирова). СПб.

Зимин А. А., 1982. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М.

Казакова Н. А., 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л.

Кальюнди Е. А., 1967. Крепость Ивангород. Историческая справка. Таллин // Архив ГИОП. Д. 26-5.

Косточкин В. В., 1952. Крепость Ивангород // Крепостные сооружения древней Руси. М. (МИА. № 31).

Косточкин В. В., 1961. Топография Ивангорода в XVI в. // СА. № 3.

Косточкин В. В., 1964. Древние русские крепости. М.

Курбатов А. В., 1991. Отчет о работе Ивангородской экспедиции в 1991 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1991. Д. 24.

Медникова Е. Ю., Стеценко Н. К., Загрянская М. Ф., 1989. Изучение строительных растворов крепости Ивангород // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология. Нарва.

Мильчик М. И., 1987. Строительная биография Ивангорода и русско-ливонские отношения конца XV–XVI вв. // Russia Medievalis. München. Bd. 6. № 1.

Мильчик М. И., 1997. История Ивангорода в конце XV–XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.

Мильчик М. И., Хаустова И. А., 1985. Крепость на берегу Наровы // Ленинградская панорама. № 9.

Монгайт А. Л., 1952. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Крепостные сооружения древней Руси. М. (МИА. № 31).

Петренко В. П., 1982. Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1981 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1981. Д. 28.

Петренко В. П., 1983. Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1982 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1982. Д. 36, 173, 174.

Петренко В. П., 1984. Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1983 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1983. Д. 35.

Петренко В. П., 1985. Работы Ивангородской экспедиции // АО 1983 г. М.

Петренко В. П., 1988. Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1987 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1987.

Петренко В. П., 1991. Исследование Ивангорода // КСИА. № 205.

Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6 : Новгородские летописи.

ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2 : Книга Степенная царского родословия.

ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. Вып. 1: Псковская 1-я летопись (Погодинский список).

ПСРЛ. М., 1949. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV в.

ПСРЛ. М.–Л., 1959. Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись.

ПСРЛ. М., 1963. Т. 28 : Уваровская летопись.

ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33 : Холмогорская летопись.

Хорошкевич А. Л., 1980. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М.

Хорошкевич А. Л., 1983. «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-х годах XV в. // Русский город. М. Вып. 6.

Чернова О. В., Чернов С. М., 1997. Крепость 1492 г.: итоги натурных исследований // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.

Янин В. Л., 1978. О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. // СА. № 1.

Fiala A., Sulcova J., Krutky P., 1995. Die Bratislavaer Burg. Bratislava.

Salamagne A., 1992. Aux origines de la fortification bastionner: le boulevard d'Antoing et la famille monumentale des boulevards de plan polygonal // Revue des archéologies et historiens d'art de Louvain. Louvain-la-Neuve. Vol. 25.

Обследование погребений семейства Демидовых в церкви Св. Александра Невского в дер. Александровка

С. Г. Попов, З. Р. Румянцева, С. А. Семенов,
А. Г. Боровиков, Л. С. Вершинина

В ноябре 2011 г. сотрудниками ИИМК РАН было проведено обследование останков представителей рода Демидовых (четыре погребения XIX в.), извлеченных ранее из мест захоронения при предварительных работах по восстановлению церкви Св. Александра Невского в дер. Александровка (Гатчинский район, Ленинградская область). Представлено официальное заключение об археологической значимости и сохранности погребений генерал-лейтенанта П. Г. Демидова (генерал-адъютанта императора Александра II) и членов его семьи. Обследование было проведено согласно официальным прошениям и договоренности между представителем Санкт-Петербургской епархии РПЦ иереем Михаилом Владимировым – настоятелем храма Св. Александра Невского, главой администрации Таицкого городского поселения Н. И. Окуневой и директором Института истории материальной культуры РАН, член-корреспондентом РАН Е. Н Носовым.

Археологическим наблюдениям (на момент 19 ноября 2011 г.) предстали два погребения во внутренней свинцовой оболочке гробов, ранее извлеченных из мест захоронения, а также кости и некоторый инвентарь двух разобранных погребений. Имеются фотографические материалы, частично отражающие процесс работ, связанных с извлечением погребений волонтерами и искателями в октябре 2011 г. Их работы выполнены с определенной тщательностью, но без рекомендуемой наукой методики, отработанной при раскопках трупоположений разных времен: без пунктуальной графической, инвентарной, нивелировочной и ситуационной фиксации. Тем не менее ряд архивных, исторических и биографических свидетельств, а также других объективных доказательств достаточно ярко характеризуют историю ветви рода Демидовых.

Архивно-исторические сведения

Церковь Св. Александра Невского находится в дер. Александровка (пос. Тайцы) (рис. 1; 2), Гатчинского района Ленинградской области. Церковь является частью усадьбы Большие Тайцы (рис. 3), выдающегося памятника архитектуры и садово-паркового искусства последней четверти XVIII в., включенного в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Церковь расположена близ восточной стороны дороги, связывающей усадьбу и Александровку, в створе одной из парковых аллей, радиально расходящихся от усадебного дома. Она являлась основной архитектурной доминантой дер. Александровка.

История Таицкого поселения восходит к первой четверти XVIII в. Именно тогда, после Северной войны, Петр I подарил государево имение Таицкую мызу «отцу русского флота» – адмиралу И. М. Головину, герою войны со Швецией. Наследники адмирала в 1750-х гг. распродали имение. Очередными владельцами были А. П. Ганнибал (прадед А. С. Пушкина) и Е. Т. Аничкова. Главную часть имения с дер. Тайцы (будущее с. Александровское) в 1761 г. приобрел один из богатейших уральских горнозаводчиков А. Г. Демидов (1737–1803), правнук знаменитого Никиты Демидовича Демидова (Антуфеева), основателя известных заводов на Урале. На приобретенных землях в 70–80-х гг. XVIII в. закладывается усадьба и разбивается ландшафтный парк по проекту И. Е. Старова.

Иван Егорович Старов (1745–1808) – известный архитектор Екатерининской эпохи, основоположник русского классицизма, ученик А. Ф. Кокоринова и Ж. Б. Вален-Деламота. С семьей Демидовых, как и его друга и учителя Александра Федоровича Кокоринова, архитектора связывали родственные отношения. А. Ф. Кокоринов был женат на

Рис. 1. Местоположение дер. Александровка на карте Ленинградской области

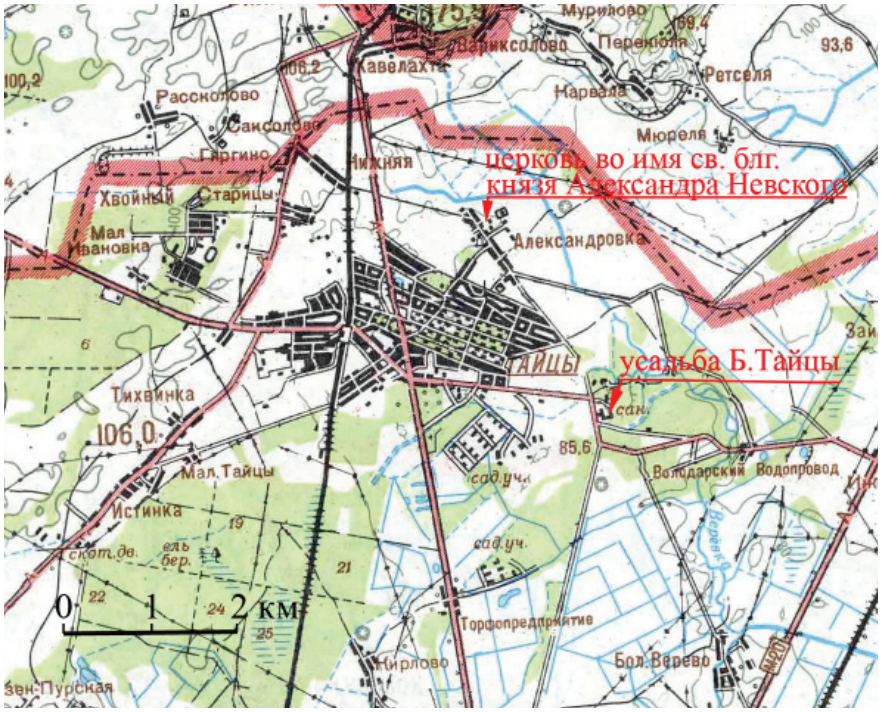

Рис. 2. Местоположение церкви Св. Александра Невского и усадьбы Большие Тайцы

Рис. 3. Вид усадьбы А. Г. Демидова Большие Тайцы. Фотография 2011 г.

старшей сестре Александра Григорьевича Демидова Пульхерии, а И. Е. Старов – на младшей сестре Наталье. Еще до постройки усадьбы в Тайцах, в начале 1770-х гг. он проектирует для своего шурина А. Г. Демидова дачу на Петергофской дороге (она не сохранилась) и усадьбу в Сиворицах для его брата П. Г. Демидова. После смерти А. Г. Демидова земли в Тайцах унаследовал его сын Григорий, а впоследствии внук Петр Григорьевич Демидов.

Здание церкви во имя святого благоверного Великого князя Александра Невского, входящей в ансамбль усадьбы, также проектировалось И. Е. Старовым. По определенным причинам церковь была построена гораздо позже, лишь к 1794 г., хотя к ее строительству готовились заранее, о чем свидетельствует клеймо с датой «1788 годъ» на оконных решетках. С момента постройки церкви дер. Тайцы стала называться с. Александровским. Почти до начала XX в. церковь оставалась единственным православным храмом для жителей Таицкой мызы. К сожалению, сведения о том, каков был первоначальный облик церкви, не сохранились. В 1901–1906 гг. храм был перестроен архитектором А. А. Степановым.

Сохранился акварельный рисунок церкви, выполненный в 1941 г. немецким офицером Юргеном Бертельсманном, на котором видно, что колокольня, увенчанная шатровым куполом на шестерике, имела высокие и узкие стрельчатые окна, а четыре главки располагались фронтально по отношению к колокольне[1] (рис. 4). Церковь оставалась действующей до 30-х гг. XX в. Сохранившиеся иконы и церковная утварь во время войны были перенесены в храм Святителя Алексия в пос. Тайцы. Белый деревянный иконостас сохранился и находится в ныне отреставрированной церкви Александра Невского в Красном Селе.

Небольшое по своим размерам, компактное в плане здание церкви сочетает в себе приемы классицизма и элементы декора русской архитектуры XVII в. В качестве строительного материала использован местный известняк, составляющий силурийские напластования на всем протяжении Ижорского плато. Церковь Св. Александра Невского ориентирована длинной осью по линии северо-восток–юго-запад, имеет трехчастную структуру, состоящую из колокольни, небольшого притвора и трехнефной базилики. Базилика квадратная в

[1] Воинская часть Юргена Бертельсманна была расквартирована в Тайцах, сам он погиб в 1942 г. Акварель с изображением церкви хранится в частной коллекции его дочери, проживающей в Брюсселе (Сайт МО «Таицкое поселение»).

Рис. 4. Ю. Бертельсманн. Церковь Св. Александра Невского. 1941 г. Акварель. Частное собрание

плане, со срезанными углами и полуциркульной в плане апсидой, перекрыта крестовыми сводами и в центральной части пологим куполом на парусах. Подкупольные пилоны поставлены диагонально, отвечают срезанным углам здания и образуют крестовые своды дополнительной диагональной трапециевидной плоскостью. В декоре церкви Александра Невского прослеживаются мотивы русской архитектуры XVII в.: подкарнизный пояс, состоящий из двух рядов бегунца различной высоты, фронтоны на северном и южном фасадах здания, напоминающие кокошники московских храмов XVII в., фронтоны стрельчатого очертания – акротерии, расположенные над срезанными углами основного объема.

После войны в церкви была устроена зерносушилка, в колокольне – склад горюче-смазочных материалов. В 60-х гг. XX в. здание церкви было в значительной степени разрушено, снесены ее главы и купол колокольни. В 1990 г. члены краеведческого общества провели субботники, разбирая завалы мусора, к храму было привлечено внимание специалистов из Инспекции по охране памятников. На выделенные бюджетные средства в сезон 1991 г. трестом «Леноблпроектреставрация» были выполнены противоаварийные работы. Составлены историческая справка и паспорт памятника. Осенью 2007 г. силами вновь образованного православного прихода была восстановлена временная кровля, в 2009 г. произведены работы по усилению фундаментов (рис. 5).

У храма сохранился погост, где похоронены священники, служившие в церкви Александра Невского. Дмитрий Иванович Шишов прослужил в храме 55 лет. В 1889 г. его сменил Иоанн Белавский, который основал церковно-приходскую школу в селе и прослужил до 1927 г. Храм является родовой усыпальницей семьи Демидовых. По предварительным данным, захоронения, обнаруженные в храме при проведении строительных работ, принадлежат П. Г. Демидову, захороненному в 1862 г., его жене Е. Н. Демидовой (1876 г.) и его сыну Григорию (?). Еще одно женское погребение принадлежит, вероятно, одной из родственниц П. Г. Демидова. Из многочисленных архивных сведений, связанных с родом Демидовых, следует привести фрагменты нескольких документов, непосредственно относящихся к нашим исследованиям.

В метрической книге церкви Вознесения Господня при Адмиралтейских слободах Санкт-Петербурга имеется свидетельство: «…флигель-адъютанта Его

Рис. 5. Современное состояние церкви Св. Александра Невского. Фотография 2011 г. Вид с юга

Императорского Величества, гвардии ротмистра и кавалера Петра Григорьевича Демидова и законной жены его Елизаветы Николаевны… сын Григорий, родился 29 ноября и крещен 31 декабря 1840 года… Выдано 18 февраля 1842 года, подписано священником Евфимием Ярославским и дьячком Федором Наумовым» (РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. 509. 1849–1950 гг.). В исповедных росписях церкви Вознесения Господня в Адмиралтейских слободах за 1852 г. значатся: «Генерал-майор Петр Григорьевич Демидов, 44 лет, Елизавета Николаевна Демидова, 35 лет, Николай, 15 лет, Екатерина, 15 лет» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Ед. хр. 1237). В метрической книге Таицкой Александро-Невской церкви за 1862 г. записано: «Умер в 14 апреля, погребен 29 апреля, генерал-адъютант Петр Григорьевич Демидов, 55 лет, причина смерти – чахоткою. Погребен на приходском кладбище» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Ед. хр. 1237). В той же метрической книге сохранилась запись 1876 г.: «Умерла 22 мая, похоронена 24 мая, вдова генерал-адъютанта Елизавета Николаевна Демидова, 58 лет, причина смерти – водянкою. Исповедовал и приобщал Киево-Печерского Никольского монастыря иеромонах Парфений. Совершал погребение – Киево-Печерской Спасской церкви священник Климент Фоменко с диаконом Феодотом Левицким и пономарем Иваном Великовском. Погребена в Таицкой Александро-Невской церкви по Высочайшему повелению» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Ед. хр. 478). Существенна еще телеграмма от 24 мая 1876 г. Высочайшим повелением указано «похоронить тело умершей госпожи Демидовой внутри Таицкой церкви, рядом с могилою ея супруга» (РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Ед. хр. 860). В ЦГИА сохранилась записка Лопухина-Демидова от 20 сентября 1898 г. (пишет из Корсуни) с просьбой его сестры, Екатерины Петровны, «испросить разрешение для нея и для мужа ея… шталмейстера Высочайшего Двора князя Николая Сергеевича Кудашева, быть погребенными внутри ограды, окружающей церковь…» (ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 29. Ед. хр. 1766). Ряд работ Е. И. Красновой посвящен роду Демидовых (Краснова, 2007). Насыщенная событиями биография генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Петра Григорьевича Демидова кратко обозначена в статье «Большой биографической энциклопедии» (Приложение 1).

Археологические наблюдения

Церковь Св. Александра Невского ориентирована нестандартным образом – алтарем на северо-восток. Вероятно, это было обусловлено направлением проходящей мимо него в конце XVIII в. дороги,

рельефом местности, ориентацией на Дудергофские возвышенности (рис. 5), замыслами архитектора и другими, возможно, техническими причинами. При археологической инспекции были зафиксированы останки двух погребенных, покоящихся в свинцовых гробах, ранее поднятых из мест захоронений. Атрибутированы фрагменты инвентаря еще двух погребений, разрытых ранее «поисковиками». Последовательность погребений в тексте соответствует порядку их археологического обследования (рис. 6).

Погребение № 4, обнаруженное в свинцовой внутренней оболочке деревянного гроба, было поставлено в восточном нефе храма (рис. 7). Ранее оно было изъято из центральной, предалтарной, части храма. Судя по имеющимся фотографическим материалам, оно извлечено из мокрого грунта при постоянной откачке грунтовых вод. Тем не менее нижняя часть деревянной «обшивки» свинцового гроба сохранилась под водой. Погребение было осуществлено в склепе, стены которого были облицованы кирпичом. В дальнейшем, при укреплении фундамента церкви, стены склепа были залиты бетоном.

Нижняя часть свинцового гроба – без крышки – имела размеры: длина 1,70 м, ширина вверху в ногах 0,45 м, ширина вверху в головах 0,60 м, ширина внизу в ногах 0,28 м, высота 0,22 м, ширина внизу в головах 0,35 м, высота 0,29 м. Внутри свинцового основания гроба в мокром глинистом грунте зафиксирован крайне трансформированный, вероятно, при его осадке и поздних вмешательствах костяк погребенной длиной 1,56 м. Череп расколот, завалился на левую сторону. С правой его стороны сохранились остатки волос (косы). По краям гроба выявлены фрагменты савана и ткани, а сверху над ними – остатки стружки. В ногах найдены две кожаные подошвы с прошивкой по краям. Останки (по предварительным данным) принадлежали женщине. Найдены железные ручки от деревянной части гроба (рис. 8). При разборке погребения судмедэкспертами найден зубной протез с клеймом «Фаберже» (рис. 9).

Над погребением в переотложенном слое волонтеры собрали гильзы от немецкого автоматического оружия Второй мировой войны[2] (вероятно, в церкви во время осады Ленинграда располагалась огневая точка), а также найдена каска с пятиконечной звездой[3].

Погребение № 3, выставленное в апсиде алтаря, было извлечено из пространства между колоннами у северо-западного нефа в предалтарной части храма. Оно находилось в свинцовом гробу, крышка которого была сильно продавлена (рис. 10). Его деревянная оболочка не сохранилась. Найдены две бронзовых фигурных ручки от гроба с изображением женской головы (Медуза Горгона?) (рис. 11).

Свинцовый гроб, длиной 2,14 м, шириной в головах 0,86 м, в ногах 0,42 м, сильно деформирован. В нем, на внутренней части крышки, местами над костяком и по его бокам сохранились остатки савана. Костяк лежал в анатомическом порядке, на спине. Череп завалился влево, в его теменной части отмечено отверстие. Несколько небольших отверстий отмечено и в свинцовой крышке гроба. Справа от черепа сохранились волосы, заплетенные в косу, в которой найдены части двух простых черепаховых гребней без дополнительных украшений (рис. 12). Похожий гребень найден во время археологических работ ИИМК РАН в женском погребении конца XIX – начала XX в. на кладбище в Череменецком Иоанно-Богословском мужском монастыре в 2003 г. (Семенов, Липатов, 2011. С. 233–240). Длина костяка 1,71 м. Правая рука была согнута в локте и лежала на груди, левая рука согнута в локте под углом в 90 градусов. Половина нижней челюсти лежала на костях правого предплечья. Под черепом отмечены остатки подушки, набитой, вероятно, соломой. Открытое женское погребение, вероятно, принадлежало жене Петра Григорьевича Демидова. Тело ее, возможно, было привезено из Киева.

Погребение № 2 расчищено «поисковиками» в юго-восточном нефе храма. Судя по фотографиям, костяк лежал в деревянном гробу, который ранее вскрывался, так как череп лежал справа от таза (рис. 13). При погребении найдены деревянные основы кистей гроба (рис. 14) и железная ручка от гроба, деревянные четки (рис. 15), а также остатки мундира с окислившимися латунными пуговицами диаметром 0,023 м (рис. 16), на лицевой стороне которых изображен двуглавый орел, держащий в лапах молнии и колчан (?). На обратной стороне читается клеймо «М: КАПЕЙ. КІНЪ» и «Ст. ПЕТЕРБУРГ». Фабрика, основанная И. И. Копейкиным, выпускала пуговицы для мундиров с 1840 г. до начала XX вв. На предприятии также изготавливались гербы, знаки отличия для гвардии, флотских и армейских частей, полиции, учащихся и студентов, разных гражданских учреждений. Найденная пуговица выпущена после 1858 г. на фабрике М. Копейкина, младшего брата И. И. Копейкина.

[2] Унитарные патроны 7,92 × 57,00 мм фирмы Mauser являлись самыми распространенными немецкими патронами во Второй мировой войне.

[3] Французские каски Адриана типа М1916 использовались при некоторой модернизации в войсках Красной Армии в 20-х гг. XX в.

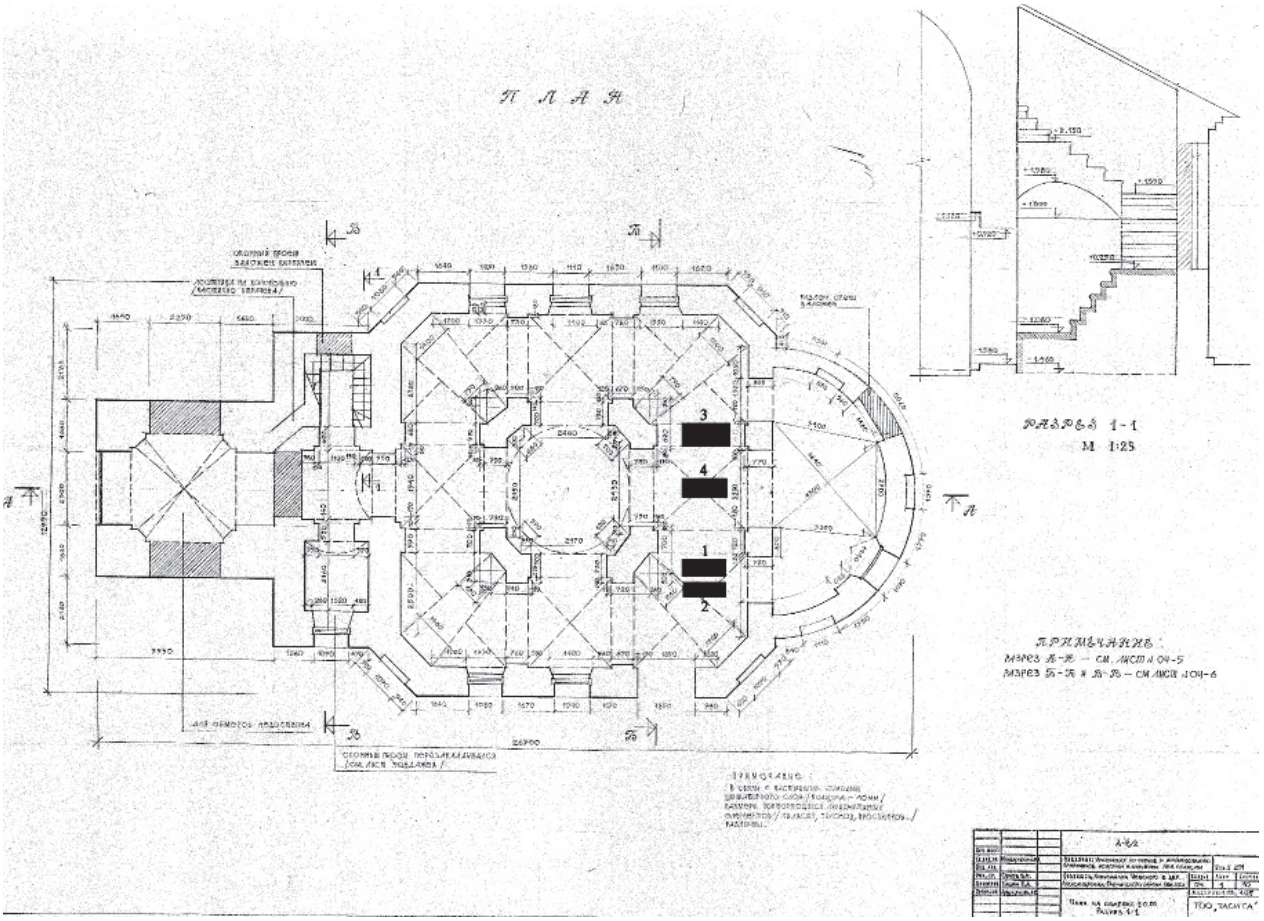

Рис. 6. Архитектурный план церкви Св. Александра Невского с нанесенными на него местами пронумерованных погребений

Рис. 7. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 4

Рис. 8. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 4. Железные ручки от деревянной части гроба

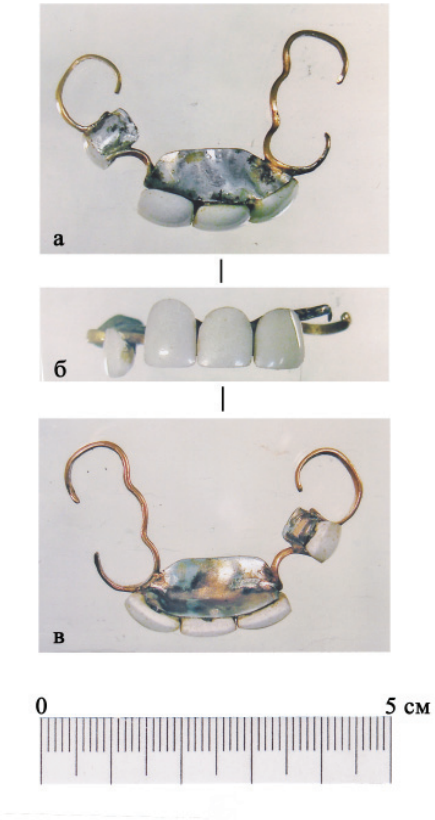

Рис. 9. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 4. Протез нижней челюсти. Вид сверху (а), спереди (б), снизу (в)

Деревянные основы для кистей гроба представляли собой три каркаса высотой 0,11 м и диаметром 0,06 м (рис. 14). Аналогичные каркасы найдены во время археологических работ ИИМК РАН в женском погребении конца XIX – начала XX в. на кладбище в Череменецком Иоанно-Богословском мужском монастыре в 2003 г., а также при раскопках погребений XVIII–XIX вв. в Санкт-Петербурге у церкви Покрова Богородицы в Рыбацком в 2001 и 2009 гг. (Сорокин и др., 2009. С. 124; Плоткин и др., 2010. С. 141, 144) и церкви Благовещения на Васильевском острове в 2009 г. По предварительным данным, погребение принадлежало Григорию Петровичу Демидову – сыну Петра Григорьевича.

Погребение № 1, которое, вероятно, принадлежало П. Г. Демидову, выявлено «поисковиками» рядом с погребением № 2, ближе к центру храма. Погребение было помещено в свинцовый гроб в деревянной обшивке, от которой в лучшей степени сохранилось дно. Гроб поставлен в яму в кирпичном склепе. Ранее он вскрывался (очевидно, с грабительскими целями), поэтому кости сильно потревожены. С погребением связаны сохранившиеся фрагменты мундира: части эполета, воротника, аксельбантов с бронзовыми окончаниями, фрагмент борта мундира с пуговицами, фрагменты брюк с лампасами (рис. 17).

Обследование извлеченных из мест захоронения останков представителей семейства Демидовых указывают на значительные повреждения мужского погребения № 1, соотносимого с П. Г. Демидовым. Погребение № 2, скорее всего, его сына Григория Петровича также было осквернено грабительским вмешательством в советские времена.

Судебно-медицинские исследования

Одной из важнейших составляющих результатов исследований является персонификация отдельных погребений семейства Демидовых. Она проведена с учетом архивных данных и целого комплекса судебно-медицинских экспертиз. Осуществлены пунктуальные профессиональные исследования по определению степени родства и возраста погребенных. Эту часть работы взяли на себя сотрудники Государственного казенного учреждения здравоохранения Ленинградской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы». Работы проводились на основании запроса Благочинного храмов Гатчинского округа, настоятеля Павловского собора Гатчины, протоиерея Владимира (Феер) от 25 января 2011 г. Молекулярно-генетические исследования отобранных костных образцов были проведены А. Г. Смоляницким. Судебно-медицинский анализ останков погребенных (в частности, черепов и ряда отобранных костей): рентгенографические, анатомо-морфологические исследования, позволившие определить половозрастные и расовые характеристики, составить словесные портреты погребенных, – был проведен С. В. Романовым. Рентгено-спектральное исследование элементного состава металлических частей съемного зубного протеза верхней челюсти из женского погребения № 4 проведено В. Н. Олейник. Сам протез обследован стоматологом В. С. Емгаховым

Рис. 10. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 3. Вид с юго-запада

Рис. 11. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 3. Бронзовая ручка от деревянной части гроба

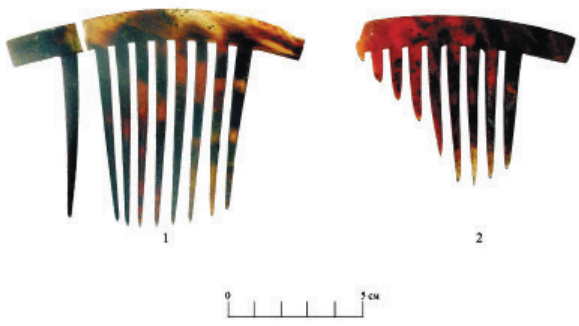

Рис. 12. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 3. Фрагменты черепаховых гребней

Рис. 13. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Расчистка погребения № 2, проведенная «поисковиками». Вид с северо-востока

Рис. 14. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 2. Деревянные каркасы для кистей гроба

Рис. 15. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 2. Деревянные четки

Рис. 16. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 2. Пуговица

Рис. 17. Церковь Св. Александра Невского (2011 г.). Погребение № 1. Фрагменты мундира

(СПб Государственный медицинский университет им. И. П. Павлова). Экспертную комиссию возглавлял Е. И. Молин. Все заключения подтверждены рядом официальных судебно-медицинских актов.

По пятнадцати системам идентификации установлен мужской генетический пол лиц в погребениях № 1 и 2, женский генетический пол лиц в погребениях № 3 и 4. Генотипы мужчины (погребение № 1) и женщины (погребение № 3) в составе родительской пары комплементарно соответствуют генотипу мужчины (погребение № 2), но не проявляют в составе родительской пары комплементарного соответствия генотипу женского погребения № 4, т. е. в генотипе женщины из погребения № 4 не наблюдается признаков, свойственных генотипу предполагаемой матери (женщина из погребения № 3). Таким образом, биологическое отцовство мужчины (погребение № 1), как и биологическое материнство женщины (погребение № 3), по отношению к женскому погребению № 4 исключается. Оценка статистической значимости проведенных анализов ДНК указывает на то, что кровнородственные связи биологических родителей (мужское погребение № 1 и женское погребение № 4) по отношению к погребению мальчика (№ 2), как их ребенка, составляют вероятность (PI) не ниже 99,999999998 %.

Морфологический анализ нижних челюстей (краниометрия) позволил выявить детализацию формы лица каждого из погребенных (в этой публикации мы не приводим эти данные). Особенности состояния зубо-челюстного аппарата характеризуют совокупность частных признаков, индивидуализирующих конкретную личность. По степени стирания зубов можно говорить с определенной статистической погрешностью о биологическом («зубном») возрасте погребенных.

Погребение № 1. Проведенное морфометрическое исследование нижней челюсти, позволяет говорить, что она принадлежала мужчине с овальной формой лица с приостренным подбородком. Анализ III–XI грудных позвонков позволяет заключить, что при жизни мужчина страдал выраженным распространенным остеохондрозом. По признакам окостенения анатомических отделов левых длинных трубчатых костей возраст индивида составляет свыше 50 лет (результат корреляционного среднения – 56,1 лет).

Погребение № 2 (акт № 231). «Зубной» возраст определяется в диапазоне 9–13 лет, по заращению швов черепа возраст определяется как «менее 14 лет». Диагностика останков фрагментированного черепа и анатомо-морфологические признаки строения таза позволяет достоверно отнести данное погребение к мужскому полу. Вероятное значение биологического возраста по анатомо-морфологическим признакам плечевых костей, бедренной кости, тазовых костей, бедренной кости мальчика находится в диапазоне 7–15 лет. Он относился к европеоидной (евразийской) большой расе, рост его колебался в диапазоне 111–143 см.

Погребение № 3. Череп принадлежал скелету женского соматического пола европеоидной (евразийской) большой расы с единичными признаками монголоидной. Женщина страдала черепной гипертензией. «Зубной» биологический возраст женщины, рассчитанный по степени истирания зубов по трем методикам: 57,3±9,5 лет, 47,6±7,9 лет, 50,4±8,4 лет. Биологический возраст по степени заращения швов черепа составляет 57,1±8 лет. Корреляционное среднение «костного» и «зубного» возраста составляет 54,8±7 лет. «Словесный портрет» по черепу с нижней челюстью имеет достаточно индивидуальных признаков для идентификации конкретной личности. По признакам костного сращивания анатомических отделов левой и правой плечевых костей возраст определяется как «свыше 50 лет». Рост женщины при анализе трубчатых длинных костей при сопоставлении нескольких методик составлял 158–163 см. По совокупности всех данных ее возраст колеблется в диапазоне 50–59 лет.

Погребение №4. Фрагментированный череп с нижней челюстью достоверно принадлежал скелету человека женского соматического пола европеоидной (евразийской) большой расы с единичными признаками монголоидной. При снятии черепа судмедэкспертами был найден зубной протез с клеймом «Фаберже» (рис. 9). При среднеарифметическом корреляционном среднении «зубной» (биологический) возраст женщины составляет 53,9±7 лет. Проанализированы таз, крестец, левая плечевая и левая бедренная кости. «Костный» возраст определен как «свыше 50 лет». Возрастные изменения верхних концов трубчатых костей соответствует возрастному интервалу 55–65 лет. Рост женщины составлял около 164–166 см. При жизни она страдала пародонтитом и амфодонтозом (пародонтозом).

Специалистом-стоматологом, доцентом В. С. Емгаховым высказано мнение, что протез из погребения № 4 «является высококачественным продуктом производства, изготовленным при зубопротезной мастерской торгового дома Фаберже (на базе стоматологического отделения Обуховской больницы)». Многослойные коронки изготовлены из фарфора в Германии. Подобные им поставлялись в Россию с середины XIX в. до начала Первой мировой войны. При изготовлении протеза использовались сплавы благородных металлов: в пластине присутствовала платина высокой пробы с добавлением серебра и меди, в фиксаторах протеза (кламмерах) – золото высокой пробы с добавлением платины и меди. Этот состав «крепежа» протеза соответствует образцам подобных изделий конца XIX – начала XX в. До 1891 г. в России для изготовления подобных изделий широко применялся сплав золота с иридием. Последние заключения не составляли основной цели всех комплексных исследований, но косвенно дополняют картину социальной принадлежности погребенных.

Таким образом, судебно-медицинские исследования, проведенные по сложившимся к настоящему времени методикам, с применением современного оборудования и реактивов, позволяют судить о степени родства погребенных в Александровской церкви представителей рода Демидовых, об их половозрастной и расовой принадлежности. Официальный обобщающий анализ всех данных экспертиз приводится в приложениях (Приложения 2 и 3).

Заключение

Анализ всех доступных нам источников, связанных с родовой усыпальницей семейства Демидовых – церковью св. Александра Невского, их усадьбой в дер. Александровка: архивно-исторические свидетельства, археологическое обследование извлеченных из мест захоронения останков, детальные лабораторные исследования судмедэкспертов, позволяет по-новому судить об истории дер. Александровка. Проведенные исследования имеют весомое значение для воссоздания истории рода Демидовых, истории самого храма, привносят новые сведения о владельцах усадьбы Большие Тайцы. При поддержке заинтересованных лиц предполагается восстановление всего комплекса исторических сооружений, включающих самую раннюю церковь этого региона – родовую усыпальницу рода Демидовых, их уникальную родовую усадьбу с сохранившимся комплексом построек и парком. Летом 2013 г. было проведено перезахоронение останков Демидовых в храме в Александровке, при котором присутствовали потомки их рода, проживающие ныне в Финляндии.

Авторы статьи выражают глубокую благодарность всем, кто приложил свои профессиональные навыки и силы на восстановление памяти рода Демидовых.

Источники и литература

Большая биографическая энциклопедия http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/19420

Дело канцелярии по управлению придворным духовенством // РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. 509. 1849–1850 гг.

Исповедные росписи церкви Вознесения Господня в Адмиралтейских слободах за 1852 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 112. Ед. хр. 1237.

Краснова Е. И., 2007. Такие разные Демидовы. СПб.

Метрическая книга Таицкой Александро-Невской церкви за 1862 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Ед. хр. 441.

Метрическая книга Таицкой Александро-Невской церкви за 1876 год. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Ед. хр. 478.

Плоткин К. М., Городилов А. Ю., Мурашкин А. И., Грицик Е. А., Поликарпова А. О., Садыков Т. Р., Соловьева Н. Ф., 2010. Археологическое обследование территории, отведенной под строительство яхт-клуба в границах земельного участка церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 1.

РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Ед. хр. 860. 1986 г.

Сайт МО «Таицкое поселение» http: //www.taici.ru

Семенов С. А., Липатов А. А., 2011. Археологические исследования на кладбище Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря в 2003 г. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 2.

Сорокин П. Е., Берташ А. В., Андреева О. В., Бельский С. В., Михайлова Е. Р., Семенов С. А., Соболев В. Ю., 2009. Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.

Приложение 1
Демидов, Петр Григорьевич (генерал-адъютант). Биографическая справка из Большой биографической энциклопедии

Генерал-адъютант, генерал-лейтенант, из дворян Петербургской губернии, род. в 1807 г., ум. в 1862 г. В 1825 г. вступив унтер-офицером в Кавалергардский полк, 14 июля следующего года он произведен в корнеты. В чине поручика он принимал участие в Польской войне 1831 г.: 9 марта в сражении под Жолтками, затем при преследовании мятежников к Остроленке, 13 мая при стычке под Старым Якацом, 25 и 26 августа во взятии приступом Варшавы, за что получил орден св. Анны 3 степени с бантом и, наконец, в преследовании остатков польской армии до Прусской границы. В 1833 г. П. Г. был назначен флигель-адъютантом, с оставлением в должности полкового адъютанта; с производством же в ротмистры он сдал эту должность, отчислен от фронта и назначен состоять при особе Государя (1835 г.). Произведенный затем в полковники (1842 г.) и в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Величества (1849 г.), Демидов ежегодно был командируем по Высочайшему повелению для наблюдения за рекрутскими наборами в разных местах России и выбора людей в гвардию и гренадеры. В период времени до 1853 г. он исполнял и другие Высочайшие поручения, как, например, по приведению в повиновение крестьян помещика Дружинина в Вышневолоцком уезде (Тверской губ.), по производству секретного следствия по делу генерал-майора Фролова, по осмотру в разных губерниях военных госпиталей и др.

Самым блестящим периодом служебной деятельности П. Г. было его участие в Венгерской кампании в 1849 г. По Высочайшему повелению, лично ему объявленному, он был послан из Варшавы в войска 5 пехотного корпуса. Прибыв в главную квартиру корпуса в конце июня, он через несколько дней был командирован с шестью ротами Пражского пехотного полка при двух орудиях по направлению к м. Репшу для обнаружения неприятеля и соединения с отрядом генерал-майора Есаулова. При движении главных сил корпуса от сел. Серкери с 7 июля он командовал всею кавалериею авангарда, с которою на следующий же день участвовал во взятии укрепленной позиции при Ротентурском ущелье и затем преследовал неприятеля в ущелье на протяжении 8 верст вплоть до карантина и до сдачи его турецкому отряду на границе Валахии. После занятия Германштадта Демидов особенно отличился 19 июля в упорном сражении под Шегешваром: командуя конницей, он получил приказание атаковать правый фланг

Бема и тогда не только кавалерия последнего, но и венгерская пехота были сняты благодаря этому удачному фланговому движению Демидова, который преследовал бежавшего противника безостановочно до наступления темноты на протяжении 10 верст. За это сражение, бывшее первым решительным ударом талантливому и энергичному Бему, поражению которого много способствовала решительная атака Демидова, П. Г. был удостоен ордена св. Георгия 4 степени. С 21 по 24 июля он принимал участие в усиленном движении через Керестур и Потергальфы к м. Марк-Шелкан, а в ночь на 25 – в движении с Одесским уланским и № 1 казачьим полками и дивизионом 9 легкоконной батарей через Штольценберг для занятия Грос-Шееренских высот перед г. Германштадтом. Это был замечательный «Суворовский» марш, когда кавалерия Демидова в четыре дня сделала до 160 верст, причем в последние 36 часов – до 85 верст и вслед за тем в течение нескольких часов принимала участие в сражении под Германштадтом с далеко превосходившим по числу неприятелем. Демидов командовал всею кавалериею, блистательные действия которой решили исход этого сражения, в коем венгры потеряли около 2 тыс. убитых и раненых и 15 орудий. Лихая кавалерия и конная артиллерия Демидова без отдыха преследовала отступавших венгров, заняла Германштадт и прогнала венгров к Рейсмарку, чем был достигнут весьма важный стратегический результат боя. За это блестящее дело Демидов был награжден орденом св. Станислава 1 степ. Затем он участвовал в занятии авангардом позиции между м. Рейсмарком и Мюленбахом, 30 июля в стычке передовой цепи казаков с мятежниками, 31 в сражении под Мюленбахом, где его кавалерия снова отличилась энергичными действиями и преследованием противника, 1 августа – в преследовании неприятеля к м. Шас-Варошу и, наконец, 6 августа – в обезоружении отряда мятежников под начальством Беккера. П. Г., кроме указанных выше наград, получивший от Императора Австрийского орден Железной Короны 1 степени, достойно оценен военною историею, которая сохранила его имя в числе других славных имен, связанных с Венгерскою войною 1849 г.

Во время восточной войны 1853–1856 г. Демидов был сначала начальником отрядов между Петербургом и Выборгом, затем командующим войсками, составлявшими гарнизон Кронштадта, при Высочайших посещениях которого несколько раз удостаивался благодарности Государя, и, наконец, временно заведовал петербургским и новгородским подвижными ополчениями. В 1855 г. он был назначен генерал-адъютантом и в этом звании сопровождал Императора Александра II в Москву на коронацию, в день празднования которой награжден орденом св. Владимира 2 степени. Произведенный затем в генерал-лейтенанты (1857 г.), Демидов вскоре получил последнюю награду – орден Белого Орла и до конца службы состоял при Особе Государя Императора.

П. Г. был женат на Е. Н. Безобразовой и имел довольно крупное состояние: в Царскосельском уезде им. Таицы с 350 душ. крестьян и лесную дачу в 2500 десятин, к которой присоединен был участок земли, Всемилостивейше пожалованный ему в 1848 г.; кроме того, в Пермской губернии он владел, вместе с братом, шестью железоделательными и двумя медными заводами с 11 тыс. душ крестьян.

В. Жерве

Приложение 2

Сравнительные документальные, антропологические и генетические данные по захоронениям в храме во имя св.Благоверного князя Александра Невского

№ погребения (по данным СМЭ)		**№ 1**	**№ 2**	**№ 3**	**№ 4**
Ф.И.О, возраст		**Демидов П.Г., 55 лет**	**Демидов Г.П.(?), 10-12 лет**	**Демидова (Безобразова Е.Н.), 58 лет**	**?**
антропологические данные	раса	—	европеоид	европеоид	европеоид
	пол	мужской	мужской	женский	женский
	возраст	находится в интервале **55,0-57,5 лет** (при среднеарифметическом корреляционном среднении составляет **56,1±7 лет**)	находится в интервале **7-15 лет**	находится в интервале **50-59 лет**	находится в интервале **51,6-55,8 лет** (при среднеарифметическом корреляционном среднении составляет **53,9±7 лет**). Возрастные изменения верхних концов данных длинных трубчатых костей соответствуют возрастному периоду **55-65 лет**
	рост	около **170-176 см**	около **127 см**	около **158-163 см**	около **164-166 см**
	окружность головы	—	—	—	около **559±11 мм**
Индивидуальные особенности		выраженный дегенеративно-дистрофический процесс в виде распространенного остеохондроза грудного отдела позвоночника и деформирующего артроза левого плечевого и левого тазобедренного суставов. Выявлены консолидированные компрессионные переломы III, IV и V грудных позвонков	своеобразная картина смены молочных зубов на постоянные, отображенная как визуально, так и на рентгеновских снимках, выполненных в медико-криминалистическом отделении БСМЭ	внутричерепная гипертензия	пародонтит и амфодонтоз (пародонтоз). Частичный съемный протез на верхней челюсти – состоит из пластины (сплав из платины высокой пробы с добавлением серебра, меди), комбинированных искусственных 1-2 и 4 правых и 1 левого зубов (фарфор) и кламмеров (сплав на основе золота высокой пробы с добавлением платины, меди) для фиксации протеза. Данный протез является продуктом ювелирного производства, изготовленным при ювелирной зубопротезной мастерской дома «Фаберже» на базе стоматологического отделения Обуховской больницы во второй половине 19 века
Генетическая характеристика		Установлена (отец по отношению к № 2)	Сын № 1 (П.Г.Демидова) сын № 3 (Е.Н.Безобразовой)	Установлена (мать по отношению к № 2)	Установлена (прямого кровного родства с №№ 1-3 нет), не исключается тетка, племянница, кузина и т.д.

Приложение 3
Заключение комиссии

На основании комплекса выполненных экспертных исследований, с учетом результатов архивных изысканий и анализа отчета об археологическом осмотре останков, комиссия экспертов приходит к следующему заключению:

1. В представленных для исследования четырех скелетах установлены:

1.1. Принадлежность европеоидной расе, что подтверждается характерными признаками исследования черепов.

1.2. Принадлежность скелетов № 1, 2 мужчинам, скелетов № 3, 4 женщинам.

1.3. Однотипные посмертные изменения костей: полное скелетирование, серо-коричневый цвет, очаги отслоения компактного слоя и выветривания (поверхностной утраты) костной ткани, легкость и повышенная ломкость костей, полное отсутствие какого-либо биологического запаха от них, что свидетельствует о давности наступления смерти, исчисляемой многими десятками лет. Эти результаты не противоречат архивной версии о давности смерти погребенных от середины XIX до начала XX вв.

1.4. Характеристики роста составляют: по останкам № 1 – около 170–176 см; по останкам № 2 – около 127 см; по останкам № 3 – около 158–163 см; по останкам № 4 – около 164–166 см;

1.5. Характеристики возраста составляют: по останкам № 1 – в интервале 55–57,5 лет; по останкам № 2 – в интервале 7–15 лет; по останкам № 3 – в интервале 50–59 лет; по останкам № 4 – в интервале 51–55,8 (до 65) лет.

2. Согласно данным молекулярно-генетического исследования, из всех скелетов получена геномная ДНК и установлен их генетический профиль. Мальчик (погребение № 2) является сыном мужчины из захоронения № 1 и женщины из захоронения № 3. Вероятность родства составляет не менее 99,999999998 % (т.е. является установленной в категорической форме). Таким образом, результаты молекулярно-генетического исследования полностью подтвердили версию о принадлежности захоронений:

№ 1 – Петру Григорьевичу Демидову (отец);

№ 2 – Григорию Петровичу Демидову (сын);

№ 3 – Елизавете Николаевне Безобразовой (мать).

В то же время биологическое отцовство мужчины из погребения № 1, как и биологическое материнство женщины из погребения № 3, в отношении женщины из погребения № 4 исключается.

3. Из индивидуальных особенностей погребенных комиссия отмечает:

3.1. Наличие давних сращенных переломов тел III, IV, V грудных позвонков у П. Г. Демидова. Компрессионный их характер, анатомическая локализация, формирование единого очага травмы свидетельствуют о возможности их возникновения при падении с высоты. С учетом военной специальности П. Г. Демидова (кавалерист, участник многих войн), следует считать указанную травму боевой, полученной, например, при падении с высоты вставшей на дыбы лошади.

3.2. Уникальный характер съемного протеза верхней челюсти женщины из погребения № 4, который является произведением ювелирного искусства, исполненным из драгоценных металлов на высочайшем для конца XIX в. техническом уровне, что указывает на очень высокий социальный статус погребенной.

Заключение подписано сотрудниками Государственного казенного учреждения здравоохранения Ленинградской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы»: председателем комиссии Ю. А. Молиным, членами комиссии А. Н. Горшковым, А. Г. Смоляницким, О. В. Романовым, А. В. Аверкиным, А. А. Рубиным.

30.03.2012 г.

Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка

А. И. Сакса

Находящиеся на территории Российской Федерации острова Гогланд, Соммерс, Сейскар и Мощный являются составной частью географического, природного и историко-культурного пространства Финского залива. Они, в зависимости от расположения и высоты над уровнем моря, имеют свою историю происхождения, которая определила особенности их геологического строения и природного ландшафта. Эти природные факторы стали определяющими при их заселении и выборе форм дальнейшего хозяйственного освоения, а также роли и значения в формирующемся историческом и культурном пространстве всего Восточно-Балтийского региона. С началом судоходства на Балтикев VI в., получившего развитие в Средние века благодаря торговой деятельности новгородцев и купцов Ганзы, острова служили местами кратковременных стоянок судов.

Известный к настоящему времени археологический материал островов, а также ожидаемые будущие находки имеют исключительное значение для всей истории заселения человеком берегов и островов Финского залива. Они охватывают период от формирования археологических культур эпохи каменного века до позднего железного века, Средневековья и Нового времени. Особый интерес представляет процесс сложения своеобразных островных культур с их экономическими и культурными связями с населением обоих берегов залива, включая Карельский перешеек, определение их истоков и исходного места первых переселенцев. В более крупном плане этот материал нельзя рассматривать как отдельные находки. Они вписываются в общий культурно-исторический контекст, дают новые возможности в раскрытии картины развития населения и его культуры не только на южном и северном берегах Финского залива, но и во всем регионе Балтийского моря.

Наибольший интерес из островов в плане междисциплинарных исследований в целом и археологического изучения в частности представляет Гогланд, как наиболее крупный и древний по своему геологическому возрасту.

Гогланд является самым высоким скалистым островом в Финском заливе (наибольшая высота 176,5 м – возвышенность Лоунаткоркиа в южной его части) (рис. 1). Его длина с юга на север составляет 11 км, ширина – около 3 км. Уже в эпоху существования Балтийского ледникового озера около 11 800 лет назад он представлял собой цепочку скальных островков. Ко времени максимума трансгрессии Литоринового моря – очередного этапа в истории Балтики – очертания острова уже были близки современным (Saarnisto, 2003. S. 51–63). Это означает, что в эпоху каменного века на острове могли появиться первые люди, тем более что подходящие для временного лагеря места с высотами от 20 и более метров, которые соответствуют древним береговым линиям, на острове имеются.

В финское время целенаправленных археологических исследований на острове не проводилось; археологи из Музейного ведомства Финляндии выезжали лишь по факту обнаружения археологических находок или объектов (Miettinen, 1996. S. 52–67; Uino, 1997. S. 269, 270, 337–339). В 2005 и 2008 гг. на острове проводили разведки экспедиция СПбГУ из Санкт-Петербурга и в 1988 г. эстонские подводные археологи из Морского музея (судоходства) в Таллинне. В 2013 г. на острове провела масштабные работы совместная экспедиция РГО и ИИМК РАН. Была обследована большая часть острова, выявлены перспективные, с точки зрения археологии, места и проведены раскопки финской дер. Киискинкюля XIX–XX вв.

Рис. 1. Карта острова Гогланд (Суурсаари)

Как известно, наиболее крупное переселение доисторического времени – это миграция носителей культуры боевых топоров в конце каменного века, более 4000 лет назад через залив из Эстонии в Финляндию. О масштабах этого переселения свидетельствуют многочисленные археологические памятники южного побережья Финляндии. Рассматриваемые острова, несомненно, служили промежуточным этапом, местом отдыха этих переселенцев. Прямым свидетельством этого служит находка заготовки каменного боевого топора из дер. Сууркюля на острове Суурсаари (Мощный) (Miettinen, 1996. S. 51–52). Однако предпосылки для совершения отдаленных морских переходов и активной морской промысловой деятельности были созданы еще раньше, во времена неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики, около 6000 лет назад. Эта культура занимала обширные пространства от Волги и Северной Двины до Эстонии и Финляндии. Именно к этому времени относятся первые изображения больших лодок среди петроглифов Карелии и Скандинавии. Зачастую их носовые части украшены головами лося, что наводит на предположение, что они были изготовлены из шкур этих животных.

Промысловая охота на тюленей активно продолжалась в эпоху бронзы (XV–V вв. до н.э.) и в эпоху железа (V в. до н.э. – IV в.). Свидетельствами пребывания людей на острове Гогланд в то время служат каменные насыпи на вершинах высоких скал Лоунаткоркиа и Кумпелкаллио (Miettinen, 1996. S. 52–54; Uino, 1997. S. 337, 338). На острове также имеются сооружения из крупных валунов моренного происхождения, стоящих на небольших камнях, подобные эпическим сейдам – культовым памятникам населения Севера. О поклонении им местного древнего населения сведений не сохранилось, однако следует признать факт наличия таковых на острове.

Археологических памятников боле поздних доисторических периодов на Гогланде не выявлено. Однако их присутствие на соседнем острове Большой Тютерс (находки эпинеолитической текстильной керамики, «могила мореплавателя VI в.») позволяет надеяться, что при проведении археологической разведки заполнится и эта временная лакуна в цепочке памятников разных эпох (Miettinen, 1996. S. 62–65; Uino, 1997. S. 340). Еще одним основанием для серьезных разведочных работ на острове можно считать результаты проведенных археологами губернского музея Кюменлааксо в 1990-е гг. на северном побережье восточной части Финского залива исследований каменных насыпей (Миеттинен, 1997. С. 62–70).

Как выяснилось, на этой территории на протяжении железного века почти беспрерывно происходило развитие культуры и, очевидно, существовала преемственность в населении. Таким образом, существовавший до этого времени перерыв в археологии и развитии культуры в более чем 15000 лет от конца бронзового века до эпохи раннего Средневековья был заполнен вновь открытыми памятниками. Это подтверждается и палеоботаническими исследованиями на ближайшей к острову Гогланд территории, согласно которым выращивание ячменя началось здесь уже в железном веке (V в. до н.э. – рубеж н.э.), а постоянное занятие земледелием – в эпоху викингов (IX–XI вв.) (Миеттинен, 1997. С. 62–70). Подобная картина наблюдается и на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье (Сакса, 2010. С. 44, 45, 299–300). Отличительной чертой материала изученных могил под каменными насыпями является многообразие культурных влияний, характерное в целом для зоны побережья Финского залива (Прибалтика, Южная Скандинавия).

Иная картина развития культуры населения в рассматриваемое время открывается на материале археологических памятников южного побережья Финского залива. В Эстонии в эпоху мезолита (середина VIII–IV тыс. до н.э.) значительная часть территории страны, включая побережье залива, была занята населением культуры Кунда, в то время как в Финляндии развивалась собственная культура Суомусярви (Eesti esiajalugu, 1982. S. 27–55. Tahv. III; Huurre, 1979. S. 13–23). Однако уже в эту раннюю эпоху на северном побережье залива отмечены следы влияния культуры Кунда, что можно связать с прямым переселением носителей этой культуры в Финляндию морским путем.

В последующие времена неолитических культур ямочно-гребенчатой керамики и боевых топоров оба берега залива входят в единый культурный ареал с той лишь разницей, что памятники Эстонии количественно превышают финские и значительно богаче по своему содержанию (Eesti esiajalugu, 1982. S. 56–127. Tahv. V; Huurre, 1979. S. 24–84). Появляются могильники, в погребениях которых находят украшения из янтаря. Это же относится и к эпохе бронзы (середина II – середина I тыс. до н.э.). На эстонском побережье исследованы как поселения, так и могильники с богатым и разнообразным инвентарем. Последние представлены каменными насыпями, зачастую крупными, с венцами-кольцами из более крупных, одинаковых по размерам камней и захоронениями в каменных плитняковых камерах-ящиках. Находимые в них каменные ладьевидные топоры пред-

ставлены различными типами (Eesti esiajalugu, 1982. S. 128–158. Tahv. VI). Отметим, что и на островах Саарема, Хиума и Муху обнаружено значительное количество таких находок (Eesti esiajalugu, 1982. S. 134, joon. 91).

Аналогичные погребения под каменной насыпью, так называемые хииденкиуас – «печь великана», известны и в Финляндии. Однако они распространены большей частью на побережье в Юго-Западной Финляндии, достигая узкой полосой исследуемой нами части южного побережья страны. Судя по погребальному инвентарю, в них хорошо заметны признаки скандинавской культуры бронзового века (Huurre, 1979. S. 95–109). Вблизи острова Гогланд, на участке побережья Кюменлааксо, известны десятки каменных насыпей, которые по форме можно отнести ко времени от эпохи бронзы до железного века, но лишь единицы из них исследованы. Согласно полученным данным, могильники в этой части финского побережья значительно отличались от погребальных памятников Западной Финляндии. Традиция возведения каменных насыпей на побережье Кюменлааксо продолжалась от эпохи бронзы до конца доисторического периода (эпохи викингов) (Миеттинен, 1997. С. 62–70). Похожая картина складывается на материале последних исследований на Карельском перешейке (Сакса, 2010. С. 41–44).

С наступлением железного века развитие культуры населения на обоих берегах Финского залива все более разнится, обретая разные формы погребальной обрядности и особенности погребального инвентаря – наиболее чутких индикаторов происходящих в развитии материальной и духовной культуры изменений. На этапе раннего железного века (VI в. до н.э. – I в.) в Эстонии и на ее северном побережье продолжается традиция погребения в каменных камерах-ящиках с каменными кольцами в основании насыпей. При сооружении насыпи и погребальной камеры зачастую используется местный материал – известковые плиты, меняется лишь погребальный инвентарь (Eesti esiajalugu, 1982. S. 165–203. Tahv. X, XII). В Финляндии археологические памятники этого времени (доримский железный век по финской хронологии – около V в. до н.э. – 50 г. н.э.) известны в очень малом количестве (Huurre, 1979. S. 117–128).

С наступлением следующего этапа – старшего железного века (I–V вв.) – господствующей формой погребения в Эстонии становятся так называемые таранды – могильники с каменными прямоугольными оградками. Они со временем вырастали в довольно крупные могильники, бытовавшие сотни лет. В Северной Эстонии оградки строились в основном из известняка, а в Южной Эстонии из камней. В северо-западной и западной частях страны, а также на островах погребения в этих могильниках отмечали каменными кольцами или четырехугольными каменными оградками (Eesti esiajalugu, 1982. S. 204–221. Tahv. XII; Selirand, 1989. S. 87–89). В последние годы подобные сооружения открыты также на западе Ленинградской области (раскопки Марии Юшковой). Появляются такие и на южном побережье Финляндии, что, наряду с практическим отсутствием памятников предшествующего времени, послужило основанием теории о заселении Финляндии из Эстонии (Huurre, 1979. S. 125–128). Существовали они недолго и продолжения не имели. Основной формой погребального сооружения в то время в Финляндии стали погребения под каменной или каменно-земляной насыпью. Они концентрировались большей частью в Юго-Западной Финляндии и Южной Похьянмаа, на побережье Ботнического залива. Внутренние территории и восточная часть страны заняты продолжавшими традицию предшествующего времени так называемыми лопарскими грудами – крупными каменными насыпями с невыразительным инвентарем. Такая же форма погребального сооружения была распространена и на ближайшей к нашим островам территории финского побережья, и на самих островах (Гогланд и Мощный) (Huurre, 1979. S. 128–130; Miettinen, 1996. S. 52–54, 57–62; Миеттинен, 1997. С. 62–70).

В эпоху среднего железного века (вторая половина V – IX вв.) в Эстонии могильники с каменными оградками сменились могильниками, в которых вещи и кальцинированные кости находились в каменной вымостке или невысокой каменной или каменно-земляной насыпи (Selirand, 1989. S. 89–93). Эти могильники, как правило, находились вблизи полей и деревень. Среди них наблюдаются локальные различия. Так, для эстонских островов были типичны невысокие каменные насыпи, составляющие целые группы. В Финляндии основной формой погребальной обрядности было захоронение на каменной вымостке (так называемое полттокенттякалмисто – могильная площадка с сожжениями), сложенной на древней дневной поверхности. Погребальный инвентарь, как и в погребениях Эстонии, не составлял отдельных комплексов. Эти изменения коснулись густонаселенных областей Западной и Юго-Западной Финляндии. Во внутренних районах страны, а также на побережье Кюменлааксо вплоть до эпохи викингов сохранялся обряд погребения в каменной насыпи.

На основании рассмотрения погребальных памятников северного и южного берегов Финского

залива можно сделать предварительный вывод о том, что остров Гогланд, как и ближайшие к нему острова, на протяжении многих тысячелетий служил частью промысловой территории населения восточной части Финского залива. Природные условия островов не позволяли сформироваться до эпохи Средневековья постоянному населению с земледельческой культурой. Охота на тюленя и рыбная ловля долгое время были основными промыслами. Это, однако, не исключает вероятности существования на островах поселений каменного, бронзового и железного веков, что подтверждается длительным существованием могильника на острове Мощный в старшем железном веке.

С появлением парусных судов на Балтике и в ее восточной части в середине I тыс. н.э., судоходство становится постоянным явлением. К этому времени относится «могила скандинавского мореплавателя» на острове Большой Тютерс (фин. Тютярсаари) (Miettinen, 1966. S. 62–65; Uino, 1997. S. 340), широко известная по находке большой серебряной скандинавской фибулы. С наступлением эпохи викингов (IX–XI вв.) развивается торговля по Великому Волжскому пути между Скандинавией, Древней Русью и странами арабского халифата. Уже в предшествующую эпоху, начиная с VI в., в Южной Скандинавии и на южном берегу Балтийского моря возникли первые торговые города, получившие дальнейшее развитие в эпоху викингов. На узловых участках пути по Волхову возникают Ладожское поселение (VIII в.) и древний Новгород (Рюриково городище IX в.). Согласно одному датскому описанию морского пути XIII в. из Скандинавии на восток, а также более поздним известиям, он проходил вдоль побережья Финляндии, где в самом узком месте Финского залива поворачивал в сторону современного Таллина, основанного в начале XIII в. Далее путь проходил через острова Тютерс и Сейскар на восток, минуя мели побережья Эстонии. В данной связи следует упомянуть о морском пиратстве, широко распространенном в Средние века на Балтийском море. Первое известие о пиратах относится к 1435 г., и связано оно с островами, которые могли служить пиратской базой и в более раннее время.

Ситуация кардинально изменилась с началом борьбы между Швецией и Новгородом за гегемонию на Балтике и прилегающие к Неве и Ладожскому озеру земли Великого Новгорода в XIII в. Результатом этой напряженной борьбы стало заключение Ореховского мира 1323 г., согласно которому острова Гогланд, Мощный, Тютерс, Сейскар и Соммерс перешли к Швеции. Положение также усложнялось экспансией Дании и немецкого Рыцарского ордена в Прибалтике, попытками последнего захватить западные новгородские земли на побережье Чудского озера. Острова приобрели стратегическое значение как пункты, контролирующие морской путь из Балтийского моря в Финский залив, и были заселены шведским населением. Сведений о более раннем населении островов нет, что не исключает наличия на самых крупных из них постоянного населения в эпоху Средневековья. Деревни этого времени могли располагаться и на Гогланде, где найден жертвенный камень с неглубокими выемками на поверхности, характерный для средневековых деревень Карельского перешейка и Эстонии. О наличии «русского» (вероятно, православного ижорского) населения свидетельствует первое письменное известие об островах 1395 г., согласно которому, таллинские купцы по пути к острову Ретусаари (современный Кронштадт) сбились с пути и оказались на острове Сейскар, где занялись торговлей с местными «русскими» жителями (Korhonen, 1966. S. 69). С 1540-х гг. население островов уже упоминается в шведских налоговых списках (Korhonen, 1966. S. 74–97).

Таким образом, имеющиеся археологические материалы и данные исторических письменных источников убедительно свидетельствуют в пользу необходимости широкомасштабных археологических исследований на островах Финского залива. В первую очередь это касается Гогланда, как наиболее перспективного и в то же время наименее изученного острова. На нем имеются следы пребывания человека в каменном веке (находка заготовки топора культуры боевых топоров около 3500 лет назад), бронзовом и железном веках (погребения под каменными насыпями, жертвенный камень и, возможно, сейды), а также в Средние века (письменные источники, территории более поздних деревень). На основании имеющихся знаний о геологической истории острова, его ландшафте, промысловой и переселенческой деятельности населения с доисторических времен до Нового времени можно уверенно предположить, что полноценные археологические исследования принесут новые материалы по истории этого острова. Важно также сопоставить островные археологические памятники с памятниками различных исторических эпох на южном и северном берегах Финского залива и тем самым получить недостающие данные об историко-культурном развитии всего Восточно-Балтийского региона. Следует также отметить, что и более поздняя история островов связана с крупными историческими событиями в регионе, непосредственное участие в которых принимало Российское государство.

Источники и литература

Миеттинен Т., 1997. Изменение картины железного века на северном побережье восточной части Финского залива // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб.

Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.

Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

Huurre M., 1979. 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Helsinki.

Miettinen T., 1996. Suomenlahden ulkosaarten esihistoria // Suomenlahden ulkosaaret – Lavansari, Seiskari, Suursaari, Tytärsaari. Helsinki.

Korhonen M. 1996. Suomenlahden ulkosaarten historiaa keskiajalta 1800-luvun alkupuoliskolle // Suomenlahden ulkosaaret – Lavansari, Seiskari, Suursaari, Tytärsaari. Helsinki.

Saarnisto M., 2003. Karjala veden peitossa. Itämeren vaiheet // Karjalan synty. Viipurin läänin historia I. Jyväskylä.

Selirand J., 1989. Viron rautakausi. Rovaniemi.

Uino P., 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia. Helsinki.

Памятники Бокситогорского района. Грунтовый (?) могильник в дер. Осиновка

С. А. Семенов, К. А. Михайлов, Ст. А. Васильев

Бокситогорский район, наряду с Тихвинским, Подпорожским, Лодейнопольским, Волховским, Киришским, Тосненским и Кировским районами, составляет восток Ленинградской области, выделяющийся в отдельную географическую и историко-культурную зону бассейнов рек, впадающих в Ладожское озеро, – Свири, Паши, Ояти, Сяси и Волхова. Эти реки относятся к Балтийскому бассейну и образуют территорию юго-восточного Приладожья. Человеком пространства Приладожья начали осваиваться около 10 тыс. лет назад после отступления ледника. Здесь представлены археологические памятники всех эпох, начиная с мезолита до позднего Средневековья. Эта территория исследовалась эпизодично и неравномерно, что связано с целым рядом причин: труднодоступностью в связи с ее слабой заселенностью, спецификой освоения, современными хозяйственно-демографическими процессами. При этом именно в восточных районах расположены археологические памятники, наиболее важные для понимания ранних этапов истории Руси: сопки, курганные могильники, Старая Ладога и ее округа (Лапшин, 1995. С. 4).

Первые раскопки в юго-восточном Приладожье были проведены в 1708–1709 гг. петербургским пастором Вильгельмом Толле, исследовавшим несколько курганов у Старой Ладоги (Гюссен, 1860. С. 60, 61). В 1820–1821 гг. польский археолог Адам Чарноцкий, более известный под именем Зориана Доленга-Ходаковского, чтобы «обозреть Северную Русь», исследует берега р. Невы, знакомится с крепостью Орешек, Новой Ладогой, раскапывает сопки в Старой Ладоге, вдоль р. Волхова осматривает сопки, городища и жальники. Несколько позднее, направляясь в земли Веси (Весь-Колбскую), возможно, посещает памятники и Бокситогорского района (Ходаковский, 1838. С. 3–6; 1844. С. 5). В 1878–1884 гг. Н. Е. Бранденбург провел раскопки в Старой Ладоге и курганов Приладожья (Бранденбург, 1895; 1896). В Старой Ладоге также работали В. В. Суслов (1893 г.), Н. И. Репников (1909–1913 гг.), В. И. Равдоникас (1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.), Г. Ф. Корзухина (1968 г.), В. П. Петренко (1972–1980 гг.), Е. А. Рябинин (1973–1975, 1981–1984 гг.), А. Н. Кирпичников (1972–1975, 1984 гг. – по настоящее время) (Лапшин, 1995. С. 4).

Исследованию доисторического времени края положил начало геолог А. А. Иностранцев, собравший коллекцию предметов каменного века при прорытии Нового Сясьского канала в 1870-х гг. (Иностранцев, 1882). В 1899–1901 гг. был произведен сбор данных для первой археологической карты Петербургской губернии, в котором принимали участие слушатели Петербургского археологического института. Ответственным за координацию и сбор поступающих сведений являлся член РАО художник Н. К. Рерих. Из восточных районов для карты были собраны материалы о памятниках Ладожского и Шлиссельбургского уездов (Сведения. Д. 5, 10). Составление карты завершено не было. Позднее сведения об археологических памятниках юго-восточной части современной Ленинградской области (бывший Тихвинский уезд Новгородской губернии) были собраны в связи с подготовкой к XV Археологическому съезду, состоявшемуся в Новгороде в 1911 г. Результатом стала работа, подготовленная И. С. Романцевым «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии» (Романцев, 1911). Сведения о памятниках были также включены в справочник «Списки населенных мест Новгородской губернии» (Подобедов, 1911). В начале XX в. курганы и жальники Тихвинского уезда изучал А. И. Колмогоров (1914). В 1910 г. И. В. Аничков в том же уезде провел разведку и раскопки у Пердомльского погоста (Аничков, 1910; 1914).

После перерыва, связанного с революцией, в 1927–1931 гг. Палеоэтнологической экспедицией

ГАИМК на Северо-Западе РСФСР было обследовано более тысячи археологических памятников, в том числе 214 в пределах современных границ Ленинградской области, и составлен каталог на 630 сохранившихся памятников. В целом собранные материалы остались неопубликованными, за исключением включенных в свод данных по длинным курганам и сопкам Н. Н. Чернягина (1941) и свод жальничных могильников Н. И. Репникова (1931). Были продолжены и раскопки памятников. Курганы Приладожья исследовали В. И. Равдоникас (1915, 1919, 1924, 1928 гг.), А. М. Линевский (1947–1949 гг.), И. П. Крупейченко (1962–1984 гг.) и др. В изучении эпохи камня следует выделить работы Свирской экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса (1934 г.) и Северо-Западной экспедиции под руководством Н. Н. Гуриной (1950–1952 гг.) (Лапшин, 1995. С.4). С конца 1960-х гг. исследования восточных районов области развернулись с новой силой. В этих работах принимали участие С. И. Кочкуркина (1965, 1971–1975 гг.), В. А. Назаренко (1973–1989 гг.), Г. С. Лебедев, В. А. Кольчатов, В. П. Петренко, Ю. Н. Урбан, Е. М. Колпаков, О. И. Богуславский.

В 1987–1991 гг. разведочным отрядом Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН под руководством В. А. Лапшина проводилось сплошное обследование восточных районов для создания археологической карты области. Эта третья (после 1899–1901 гг. и 1927–1931 гг.) попытка впервые завершилась публикацией в 1995 г., в которой учтены сведения о более чем 500 археологических памятников Восточного Приладожья (Лапшин, 1995). В археологической карте В. А. Лапшина по Бокситогорскому району учтено 205 памятников, относящихся к периоду от эпохи мезолита до позднего Средневековья и Нового времени (рис. 1; 2):

• стоянки каменного века (№ 834, 836, 837, 842–845, 855, 867, 869, 879–883, 885, 887, 893, 907–909, 912–914) – 24;

• поселения (многослойные или нескольких эпох) (№ 835, 866, 886, 888, 910) – 5;

• сопки (в том числе одна с жальником; № 884, 892, 918, 929, 934, 942) – 6;

• городище (№ 928) – 1;

• курганные группы и одиночные курганы (в том числе одна группа с каменными крестами; № 833, 840, 853, 857, 859, 865, 870, 871, 876, 877, 890, 891, 905, 915, 935, 940, 948–950, 955, 959, 968, 1002, 1004–1014, 1016–1018, 1020, 1035, 947) – 40;

• курганно-жальничные (курганно-грунтовые) могильники (№ 849, 850, 927, 937, 1019) – 5;

• жальничные могильники (№ 838, 839, 841, 847, 848, 860, 861, 863, 864, 872–875, 896, 901, 902, 904, 906, 919, 920, 922, 923, 925, 926, 930, 932, 933, 938, 943, 946, 951, 952, 953, 955, 957, 958, 960–963, 965–967, 969, 970, 972, 973, 975, 976, 977, 979–991, 994, 995, 997, 1000, 1001, 1021, 1023, 1026, 1028–1034, 1036, 1037) и жальничные могильники с каменными крестами (№ 895, 898, 903, 916, 917, 924, 939, 941, 944, 964, 992, 996, 998, 1003, 1022, 1024, 1025, 1027) – 99;

• грунтовые могильники (№ 851, 858, 889, 894, 897, 899, 931, 945, 956, 971, 974, 978, 993, 999, 1015) – 15;

• погост (№ 900) – 1;

• селища (№ 852, 854, 856, 868, 878, 911, 921, 936) – 8;

• местонахождение (№ 862) – 1.

Продолжались исследования восточных районов Ленинградской области и в конце XX – начале XXI в. С 1980-х гг. в Бокситогорском районе проводили свою работу отряды Северорусской археологической экспедиции Вологодского государственного педагогического университета и Музея археологии Череповецкого музейного объединения под руководством А. Н. Башенькина и Н. В. Косоруковой (Кондаковой). Основным направлением их деятельности было обследование бассейна р. Колпь и Волочна, где были открыты десятки новых памятников эпохи камня (в основном мезолита), средневековых селищ и курганных групп, таких как Лиственка I–XIV, Перун и др. (Косорукова, 1996; 2002) (рис. 2). Ряд памятников (стоянки Лиственка III и VIII, курганная группа Лиственка XIII и др.) были раскопаны (Косорукова, 1997; 2002; Башенькин, Васенина, 2004).

С 1993 г. начала свою полевую деятельность этноархеологическая экспедиция РЭМ под руководством Л. В. Корольковой. В 1997 г. во время разведки в Бокситогорском районе экспедицией были открыты две новые позднемезолитические стоянки на берегу Шидрозера – Шидрозеро I и Шидрозеро II, а в 2000 г. выявлены 13 новых средневековых селищ в округе Климентовского погоста в Колбеках по р. Воложба: Веселец, Новое, Межуречье, Селище (Носово), Колбеки, Большое Болото (ст. Чудской Конец), Малое Болото, Максимова Гора 1, Максимова Гора 2, Золотово,

Рис. 1. Карта восточных районов Ленинградской области с указанием местоположения дер. Осиновки

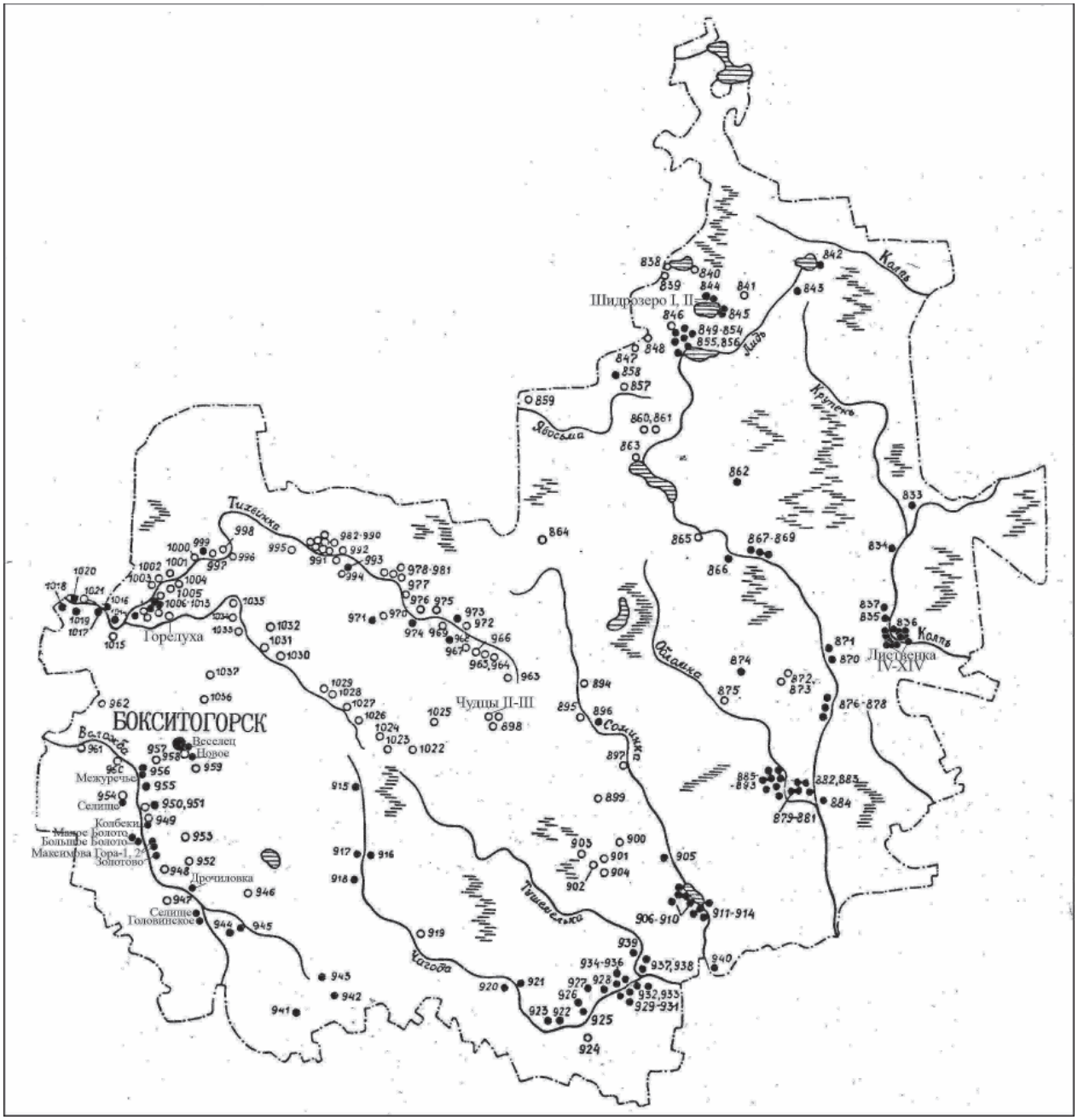

Рис. 2. Археологическая карта Бокситогорского района 1995 г. по В. А. Лапшину (1995. № 833–1037) с дополнением новых памятников

Дрочиловка (Мозолево II), Селище (Мозолево), Головинское (Мозолево) (Королькова, 1999; 2001) (рис. 2).

В 2005 г. Вторым отрядом Северо-Западной археологической экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия НИИКСИ СПбГУ под руководством В. Ю. Соболева при обследовании трассы Северо-Европейского газопровода (СЕГ) на территории Бокситогорского района была выявлена неизвестная ранее группа из трех курганов у дер. Горелуха, а при обследовании земельного участка, отводимого под строительство лесопильного производства, – два неизвестных ранее одиночных кургана у дер. Чудцы – Чудцы II и Чудцы III (Соболев, 2005) (рис. 2). В том же году курганная группа у дер. Горелуха была исследована раскопками (Михайлова и др., 2007; Сайт СЗАЭ-71). В следующем 2006 г. в зоне строительстства СЕГ Северо-Западной археологической экспедицией НИИКСИ СПбГУ был раскопан одиночный курган Житомирский шлюз II, расположенный на р. Тихвинке в 2 км от дер. Горелуха, а также одиночные курганы у дер. Чудцы (Соболев, 2010а. С. 136–144; 2010б. С. 145–165).

Осенью 2012 г. Пикалевским отрядом ИИМК РАН было проведено разведывательное археологическое обследование грунтового (?) могильника, расположенного в дер. Осиновка Бокситогорского района Ленинградской области (рис. 1; 2). Основная задача проведения работ заключалась в локализации, определении состояния, границ и координат грунтового могильника в связи с проектированием у дер. Осиновка карьера Восточный.

Первые сведения о могильнике в дер. Осиновка содержатся в своде И. С. Романцева 1911 г., где указано: «…в деревне – жальник» (Романцев, 1911. С. 87). Памятник также учтен в своде Н. И. Репникова 1931 г., однако сам автор, вероятно, на могильнике не был, а источником информации послужил свод И. С. Романцева (Репников, 1931. С. 21, № 592). В 1988 г. могильник был осмотрен разведочным отрядом Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством В. А. Лапшина (Лапшин, 1988. Д. 47. Л. 9). По данным обследования могильник расположен в западной части дер. Осиновка, на небольшой песчаной возвышенности размерами 40 × 25 м и высотой около 1 м, на краю склона к ручью. На могильнике росло несколько старых елей. Края всхолмления были разрушены картофельными ямами, не затронувшими центральную часть и восточный склон. Камней на поверхности могильника, которые должны были являться обкладками жальничных погребений, не зафиксировано. По данным экспедиции, в южной части всхолмления стояла несохранившаяся деревянная часовня, сведения о которой содержатся в «Списке населенных мест Новгородской губернии» по Тихвинскому уезду 1911 г. (Подобедов, 1911. С. 42. № 60). Отрядом был снят глазомерный план памятника и проведена его фотофиксация (Лапшин, 1988. Д. 48: Альбом. Л. 26–27. Табл. 35, 36) (рис. 3; 4). В. А. Лапшиным было сделано предположение, что могильник является грунтовым. Описание памятника вошло во второй выпуск археологической карты Ленинградской области (Лапшин, 1995. С. 36. № 971).

В результате натурного обследования в 2012 г. могильник, зафиксированный в 1988 г. разведочным отрядом Ленинградской областной экспедиции ЛОИА, был обнаружен на южной окраине центральной части дер. Осиновка (рис. 5–7). Могильник располагался на небольшой песчаной возвышенности, размерами 30 × 30 м и высотой до 1 м, на склоне между второй и третьей (снизу) береговыми террасами ручья. Направление склона – север–юг, в сторону долины ручья. На могильнике растут четыре старые крупные ели (в южной части), а также молодые хвойные и лиственные деревья. Края всхолмления в восточной, юго-восточной и юго-западной частях разрушены тремя большими старыми заплывшими и заваленными мусором ямами (картофельными?), размерами 7,00 × 5,00, 4,00 × 3,70, 2,20 × 2,10 м. В южной и юго-западной частях могильник поврежден четырьмя новыми ямами (грабительскими?), размерами 1,00 × 0,90, 0,55 × 0,50 м. При осмотре новых ям было установлено, что естественное всхолмление состоит из красного материкового песка, покрытого небольшим слоем дерна. Следов погребений в них зафиксировано не было. У грабительской (?) ямы, расположенной в южной части всхолмления, отмечено несколько небольших камней, являющихся, вероятно выбросом из ямы. В верхней северной части, на горизонтальной площадке, обнаружены отдельные камни средних размеров и два (?) крупных валуна, вросших в землю. Возможно, это место расположения несохранившейся деревянной часовни, упоминаемой в отчете 1988 г. На верхней террасе, с северо-западной и северо-восточной сторон от могильника, в 3–5 м расположены участки с постройками, в 12 м с юго-восточной стороны – баня, с южной стороны у подошвы всхолмления на второй (снизу) надпойменной террасе по линии северо-запад–юго-восток проходит грунтовая дорожка, шириной до 1,50 м. Была произведена фотографическая фиксация памятника, его повреждений и отдельных деталей, получены географические координаты (WGS-84), снят инструментальный план (рис. 6).

Рис. 3. Грунтовый (?) могильник в дер. Осиновка. Вид с севера. Фотография 1988 г. (Лапшин, 1988. Д. 48. Табл. 36)

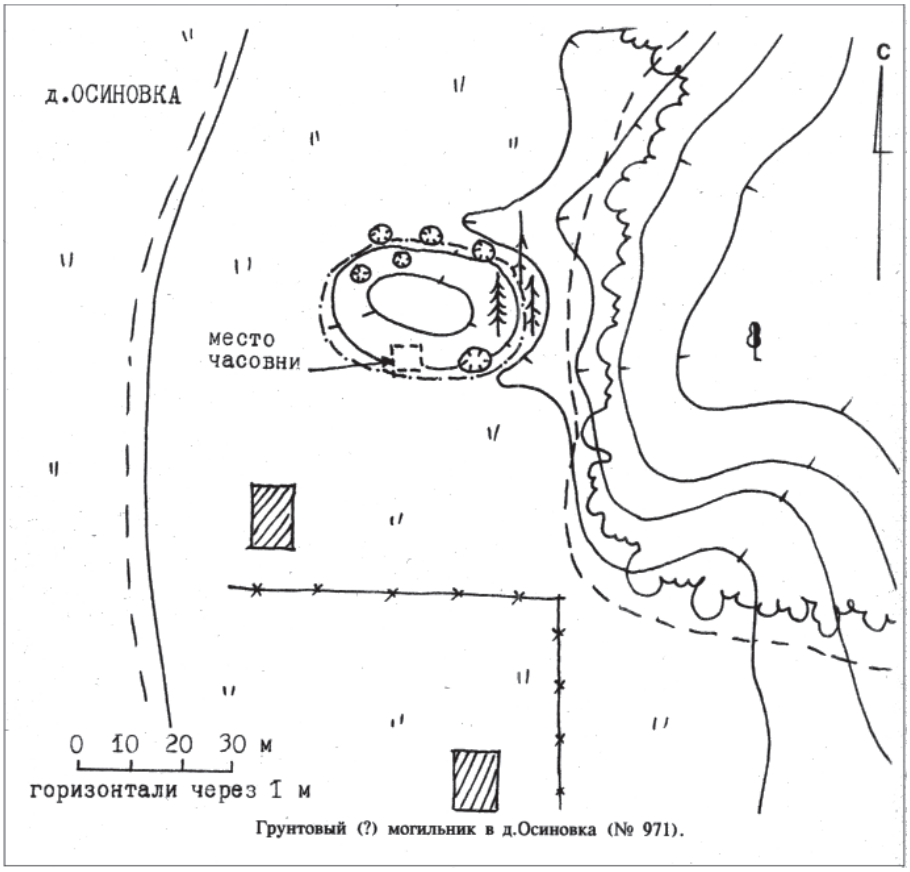

Рис. 4. Глазомерный план могильника в дер. Осиновка. 1988 г. (Лапшин, 1995. С. 36, № 971)

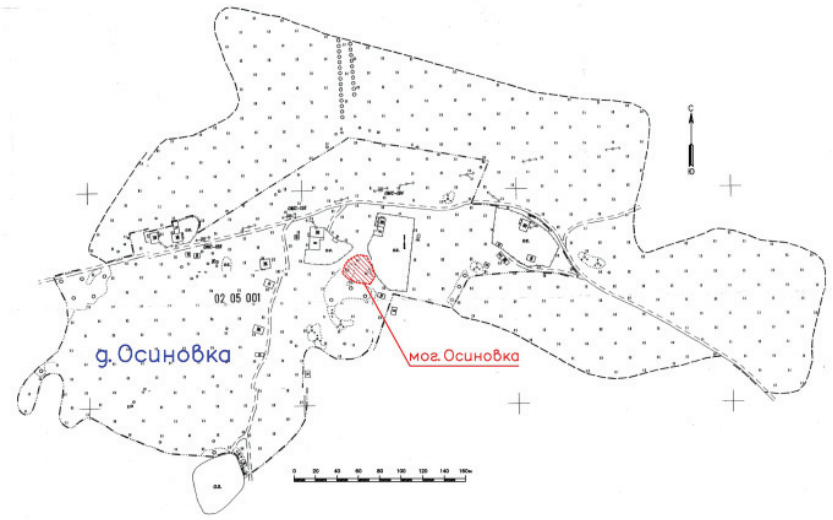

Рис. 5. Грунтовый (?) могильник на кадастровом плане дер. Осиновка. 2002 г.

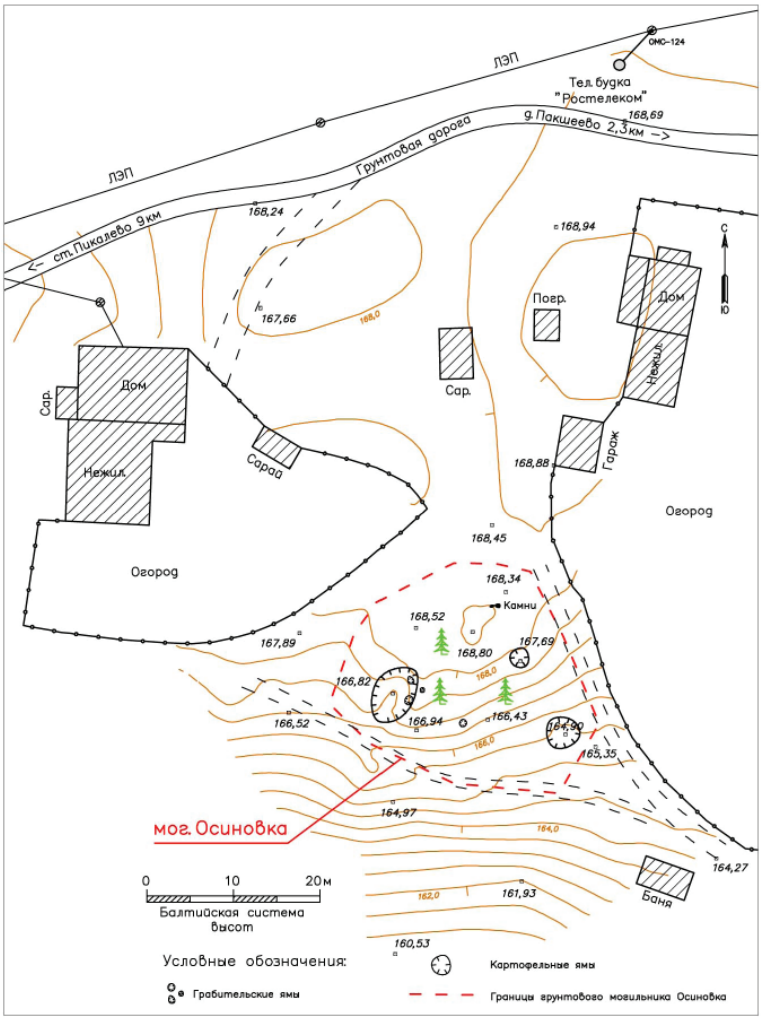

Рис. 6. Грунтовый (?) могильник в дер. Осиновка. Топографический план

Рис. 7. Грунтовый (?) могильник в дер. Осиновка. Вид с юго-востока. Фотография 2012 г.

Шурфовка могильников, согласно «Положению о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок)», запрещена, поэтому граница могильника была определена визуально, по подошве естественного всхолмления. Погребения такого типа могильников, как правило, совершались в пределах возвышения, не распространяясь за его границы. Рекомендуемые охранные зоны для могильников составляют 50 м, однако охранная зона в Осиновке может быть определена на расстояние 20 м от границ памятника, так как могильник находится в пределах деревни и при большем размере охранная зона захватит расположенные рядом жилые строения. В 20-метровую зону попадают огороды и гараж приусадебных хозяйств, поэтому она может являться зоной регулируемой хозяйственной деятельности и застройки.

При осмотре хозяйственной ямы у бани, расположенной в 12 м к юго-востоку от могильника, найден один небольшой фрагмент придонной части кругового керамического сосуда. Черепок изготовлен из светлой каолиновой глины с примесью песка и мелкой дресвы. Обжиг трехслойный, с серой полосой посередине. Предварительная датировка сосуда – от XII в. (?) до позднего Средневековья. Найденная керамика может быть связана как с погребальным инвентарем или погребальными обрядами, проводившимися на могильнике, так и со средневековым селищем, возможно существовавшим на территории дер. Осиновка.

Анализ источников и результатов полевых исследований позволяет предположить, что могильник в дер. Осиновка может относиться к жальничным (на котором не сохранились каменные обкладки погребений) или грунтовым могильникам средневекового – позднесредневекового времени. Границы таких памятников определяются особенностями рельефа, в данном случае подошвой естественного возвышения, и границами растительной зоны. Иногда информация о древних могильниках сохраняется в исторической памяти мест-

ных жителей как об особенных (сакральных?) местах, поэтому в пределах таких могильников хозяйственная деятельность не ведется, сохраняются старые деревья и другая растительность, обозначавшая территорию памятника, как это можно заметить и в дер. Осиновка.

Источники и литература

Аничков И. В., 1910. Карельские жальники // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород. Вып. 3.

Аничков И. В., 1914. Жальники в Тихвинском уезде // Тр. XV Археологического съезда. М. Т. 1.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2004. Исследования Северорусской экспедиции в Вологодской и Ленинградской областях // Археологические открытия 2003 г. М.

Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы южного Приладожья // МАР. № 18.

Бранденбург Н. Е., 1896. Старая Ладога. СПб.

(Гюссен) H. G., 1860. Описание Санктпетербурга и Кронштлота в 1710-м и 1711-м годах. Неполный перевод с немецкого языка книги «Exaste relation von Festung und Stadt St.-Petersburg». Лейпциг, 1713. Издание Императорской публичной библиотеки. СПб.

Иностранцев А. А., 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.

Колмогоров А. И., 1914. Тихвинские курганы // Тр. XV Археологического съезда. М. Т. 1.

Королькова Л. В., 1999. Разведки в Ленинградской области // Археологические открытия 1997 г. М.

Королькова Л. В., 2001. Новые средневековые селища, обнаруженные на территории бывшего Климентовского погоста в Колбеках (Бокситогорский район Ленинградской области) // Новгород и новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 23–25 января 2001 г.). Великий Новгород. Вып. 15.

Косорукова Н. В., 1996. Исследования в Молого-Шекснинском междуречье // Археологические открытия 1995 г. М.

Косорукова Н. В., 1997. Исследования в Молого-Шекснинском междуречье // Археологические открытия 1996 г. М.

Косорукова Н. В., 2002. Исследования в Моголо-Шекснинском междуречье // Археологические открытия 2001 г. М.

Лапшин В. А., 1988. Разведка в Бокситогорском и Тихвинском районах Ленинградской области. Ленинградская областная экспедиция ЛОИА АН СССР // Архив Института археологии РАН. № 12726; Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1988 г. Д. 47; Д. 48: Альбом).

Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 2 : Восточные и северные районы.

Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л., Бехтер А. В., 2007. Раскопки курганной группы близ деревни Горелуха в Юго-Восточном Приладожье // Археологические открытия 2005 г. М.

Подобедов В. А., 1911. Списки населенных мест Новгородской губернии. Новгород. Вып. 7 : Тихвинский уезд.

Репников Н. И., 1931. Жальники Новгородской земли // ИГАИМК. Т. 9. Вып. 5.

Романцев И. С., 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних. Новгород.

Сайт СЗАЭ http://nwae.spbu.ru/?0-71

Сведения о памятниках Ладожского у. Петербургской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 37 (Н. К. Рерих). Д. 5.

Сведения об археологических памятниках Шлиссельбургского у. для составления археологической карты Петербургской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 37 (Н. К. Рерих). Д. 10.

Соболев В. Ю., 2005. Отчет о работе Второго отряда Северо-Западной Археологической экспедиции Научно-исследовательского института Комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского Государственного Университета в 2005 году (Архив Института археологии РАН и Архив Государственного Комитета по охране и использованию памятников истории и культуры Ленинградской области).

Соболев В. Ю., 2010а. Исследование кургана у Житомирского шлюза на р. Тихвинка // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб.

Соболев В. Ю., 2010б. Охранные работы у дер. Чудцы // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб.

Ходаковский З. Д., 1838. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М. Т. 1. Кн. 3.

Ходаковский З. Д., 1844. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского // Русский исторический сборник. М. Т. 7.

Чернягин Н. Н., 1941. Длинные курганы и сопки // МИА. № 6.

Археологические исследования в регионах России

Краткий обзор охранных работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2013 г.

С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков

В 2013 г. Саянская экспедиция ИИМК РАН под руководством А. В. Полякова продолжила охранные спасательные раскопки археологических памятников, попадающих в зону проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино. Основные работы проводились в долине р. Иджим в Ермаковском районе Красноярского края, где была зафиксирована наивысшая концентрация памятников археологии. На участке, протяженностью около 30 км, от Куртушебинского перевала вдоль правого берега р. Иджим до места ее впадения в р. Ус уже известно свыше 35 объектов, и продолжают появляться новые. Исследования проводились преимущественно в среднем и нижнем течении р. Иджим, где представлены в основном памятники поселенческого типа. Масштабные исследования на этом участке были начаты в 2012 г. (Александров и др., 2013), а в 2013 г. были продолжены и значительно расширены. В результате таких работ предполагается создание достоверной картины пребывания населения различных эпох на этой территории. В дальнейшем мы планируем перейти к изучению большой группы погребальных памятников, расположенных в верхнем течении реки, что завершит комплексное исследование территории.

В составе экспедиции было сформировано четыре полевых отряда (руководители С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков), и вдоль р. Иджим установлено четыре полевых лагеря. В течение полевого сезона каждый отряд проводил исследования на двух памятниках археологии. Как и прежде, активную помощь и поддержку в их проведении оказало Русское географическое общество (РГО). На берегу р. Ус был установлен летний полевой лагерь РГО «Ермак», из которого в течение всего полевого сезона ежедневно приезжало до 80 волонтеров, оказавших значительную помощь в раскопках археологических памятников.

Первый отряд Саянской экспедиции под руководством А. В. Полякова вел раскопки двух объектов археологического наследия на территории Ермаковского района Красноярского края: поселений Маральское 1 и Сухорослово 5. Поселение Маральское 1, выявленное в 2009 г. в ходе разведок, проведенных Н. А. Боковенко и С. А. Александровым по маршруту будущей трассы железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино, расположено на пологом склоне первой надпойменной террасы долины р. Иджим, в 29 км к востоку от с. Верхнеусинское и в 1,5 км к северо-западу от пос. Маральский. По краю террасы р. Иджим проведена асфальтовая дорога и сделан глубокий придорожный карьер, которые, судя по топографии ландшафта, уничтожили большую часть древнего поселения (рис. 1). Сохранилась только северная периферийная часть памятника. На стадии разведок было заложено шесть шурфов, в двух из которых найдены фрагменты орнаментированной керамики и колотые кости животных. В 2013 г. памятник исследован полностью до глубины 0,45 м, уточнены границы распространения культурного слоя на площади 853 кв. м. Площадь раскопа составила 1082 кв. м.

В ходе раскопок найден археологический материал (512 ед.) преимущественно эпохи ранней бронзы (возможно, окуневской культуры) (рис. 2), а также единичные предметы эпохи раннего железа и раннего Средневековья. Наиболее массовой категорией находок на памятнике были фрагменты керамических сосудов, среди которых можно выделить несколько типов, отличавшихся декором, формой и составом теста. Наиболее многочисленными были обломки посуды, орнаментированной штампами с мелкими зубцами подквадратной формы или изредка с зуб-

Рис. 1. Поселение Маральское 1 перед началом работ (2013 г.). Вид с востока

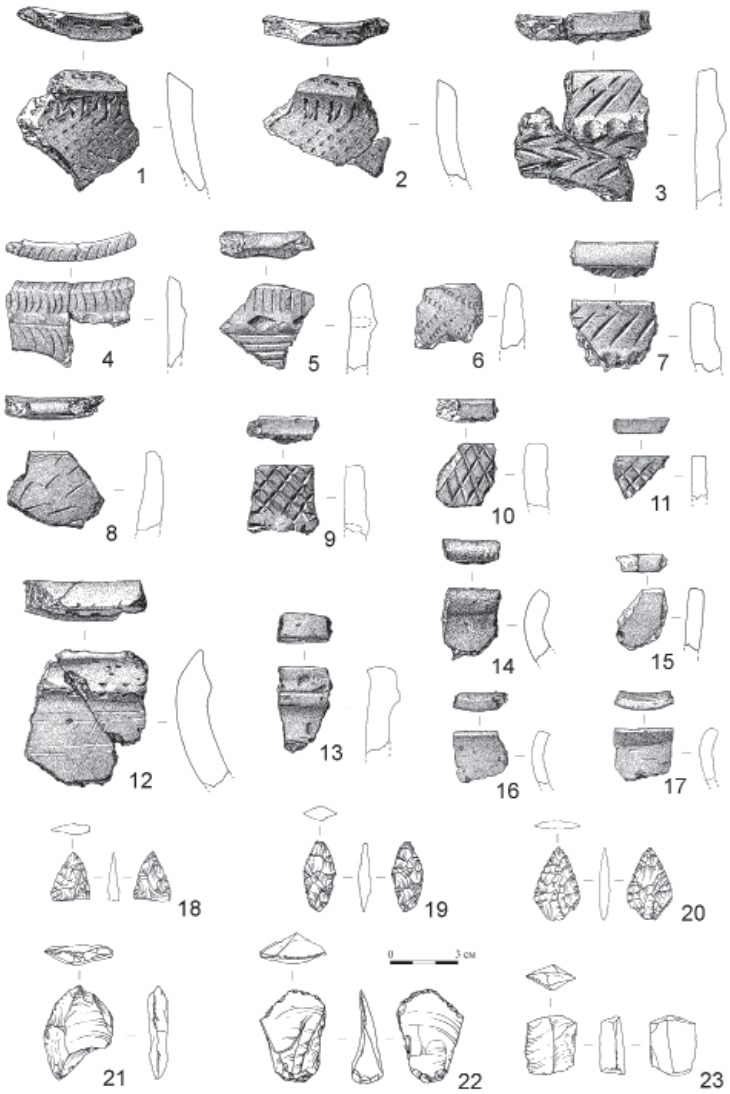

Рис. 2. Поселение Маральское 1 (2013 г.). Находки: 1–17 – керамика; 18–23 – камень

цами среднего размера. Орнамент, как правило, покрывавший всю поверхность сосуда, образовывал параллельные наклонные ряды, елочный орнамент и радиальные расходящиеся линии. Орнаментация другого типа сосудов состояла из различных комбинаций оттисков гладкого штампа в виде параллельных опоясывающих желобчатых линей, а также сплошного елочного декора, образованного оттисками короткого прямого гладкого штампа с заостренным концом, покрывающих все тулово сосуда. К другому типу орнаментированной керамики относятся обломки сосудов, украшенных рядами серповидных оттисков гладкого штампа, опоясывающими тулово сосуда. Отдельную группу составляет неорнаментированная керамика, вероятно, скифского времени.

В составе каменного инвентаря, найденного в процессе раскопок, следует выделить вогнутый скребок на отщепе с ретушью по одному краю (рис. 2: 22), а также несколько наконечников стрел и их заготовок (рис. 2: 18–20). В слоях памятника обнаружено значительное количество отходов каменной индустрии, представленных мелкими отщепами кремневых пород и пород окремненного сланца. К современности и эпохе раннего Средневековья относятся находки подковы и пластинчатого железного ножа.

Второй памятник – поселение Сухорослово 5 выявлен в 2010 г. в ходе археологических разведок, проведенных Н. А. Боковенко и С. В. Александровым по трассе проектируемой железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино. Он находится на правом берегу р. Иджим в 18,7 км к северо-востоку от с. Верхнеусинское Ермаковского района Красноярского края (рис. 3). В ходе разведки были заложены четыре шурфа, в двух из которых обнаружен археологический материал. В 2013 г. была исследована значительная часть площади поселения, уточнены его границы. Площадь раскопа составила 2126 кв. м, площадь распространения культурного слоя – 1591 кв. м.

В ходе раскопок сделано 780 археологических находок, относящихся к разным эпохам. Этнографический период (XVIII–XIX вв.) представлен массовым остеологическим материалом, а также фрагментами гончарной поливной керамической посуды и изделий из железа. Эпоха раннего железа (VIII–I вв. до н.э.) представлена обломками

Рис. 3. Поселение Сухорослово 5 (2013 г.). Вид перед началом работ с северо-востока

лощеных неорнаментированных фрагментов керамических сосудов. Эпоха ранней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.) представлена обломками орнаментированных керамических сосудов, а также изделиями каменной индустрии и ее отходами (стрелами, скребками, нуклеусами, отщепами и т. п.).

Найденные керамические фрагменты принадлежали не менее 30 сосудам, среди которых можно выделить несколько типов, отличавшихся декором, формой и составом теста. Наибольшим числом обломков представлены сосуды, которые могут быть датированы периодом окуневской археологической культуры. К ним относятся сосуды баночной формы с плоским дном, украшенным орнаментами солярного типа (рис. 4: 17). Выделяется группа толстостенных керамических сосудов, орнаментированных гладким штампом в виде креста, нанесенного в шахматном порядке (рис. 4: 11–15). Часть сосудов имеет орнаментацию в виде оттиска, нанесенного концом палочки ромбовидного сечения по всему тулову (рис. 4: 17, 18). Также найден венчик сосуда, орнаментированный кольцевыми оттисками, нанесенными, предположительно, срезом трубчатой кости птицы (рис. 4: 10). Аналогии этому фрагменту известны в памятниках эпохи ранней бронзы на территории Верхнего Енисея. Другая группа сосудов украшена валиками, обрамленными двумя рядами наклонных оттисков зубчатого штампа (рис. 4: 4, 5, 8). Неорнаментированная керамика представлена несколькими прямыми и слегка отогнутыми наружу венчиками и стенками сосудов (10 ед.) (рис. 4: 19–24).

В составе каменного инвентаря следует выделить ножевидную пластину с ретушью утилизации с двух сторон, а также несколько скребков на нуклевидных отщепах и пару фрагментарно сохранившихся наконечников стрел (рис. 4: 25–30). Все артефакты изготовлены из полупрозрачных кремневых и окремненных сланцевых пород разной плотности.

В ходе раскопок также найдены единичные обломки керамических сосудов эпохи поздней бронзы (X–IX вв. до н.э.) и Средневековья (VI–XIV вв.), которые могут быть причислены к разряду случайных находок. Наряду с этим, на памятнике найдены фрагмент железного пластинчатого ножа и гарпун в виде трезубца, которые, скорее всего, относятся уже к периоду этнографической современности. Этим же временем можно датировать еще несколько железных артефактов и обломки поливных керамических сосудов.

Второй отряд Саянской экспедиции под руководством Н. А. Боковенко в 2013 г. продолжал исследования на поселении Черноусово 3 на раскопе площадью 1600 кв. м (рис. 5). В результате работ открыты следующие комплексы: несколько кострищ; 30 хозяйственных ям; скопления камней и наковальня, вокруг которых обнаружено большое количество остатков кремневой индустрии; скопления фрагментов орнаментированной и неорнаментированной глиняной посуды разных периодов. Хозяйственные ямы двух видов: от столбовых конструкций и хозяйственного назначения (рис. 6; 7). Всего на поселении в 2013 г. обнаружено 4499 артефактов (3975 ед. описи): девять каменных орудий, 1202 кремневых орудия (нуклеусы, скребки, наконечники стрел, пластинчатые ножи, пластины; рис. 8; 9) и отщепов, 3255 различных (орнаментированных и не орнаментированных) фрагментов глиняной посуды (рис. 10; 11), три бронзовых предмета, четыре костяных и керамических пряслица (рис. 12; 13), пять монет советского времени (20–30-е гг. XX в.), китайская монета эпохи Тан (845–846 гг.) (рис. 14) и железные изделия Нового времени (подковы, гвозди и т. п.). Типы кремневых орудий и орнаментальные сюжеты на посуде в большинстве случаев схожи с теми, которые были обнаружены в 2012 г. Поселение Черноусово 3 функционировало в разные исторические периоды: в эпоху ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.), возможно, и раньше; в эпоху поздней бронзы – раннего железа (конец II – начало I тыс. до н.э.), раннего Средневековья (I тыс.) и в XIX–XX вв.

Второй отряд также исследовал курган Маральское 6. Как было установлено, на уровне древнего горизонта по кругу диаметром 10,50–11,00 м, примерно через равные промежутки поставлены восемь камней размерами 1,30 × 0,80 м. В юго-восточном секторе обнаружен развал керамического сосуда. В северо-восточном и северо-западном секторах сооружения прослежены скопления мелких камней в виде полос, ориентированных по линии юго-запад–северо-восток, залегавших ниже уровня стоявших камней и, вероятно, являвшихся более ранними остатками ливневых смывов с горы. Исходя из полученных данных и по аналогии с памятниками Тувы (могильники Кундустуг и Саускен 3), Алтая и Казахстана (могильник Майэмир и др.), курган Маральское 6 относится к типу ритуальных памятников скифской эпохи (I тыс. до н.э.), обнаруженных в бассейне р. Иджим впервые.

Третий отряд Саянской экспедиции под руководством С. В. Александрова проводил исследования в среднем течении р. Иджим (Ермаковский район Красноярского края) на поселении Черноусово 4. Общая площадь раскопа составила 1934 кв. м (рис. 15; 16). В ходе раскопок выяснилось, что территория поселения подверглась сильному антропо-

Рис. 4. Поселение Сухорослово 5 (2013 г.). Находки: 1–24 – керамика; 25–30 – камень

Рис. 5. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Вид с севера

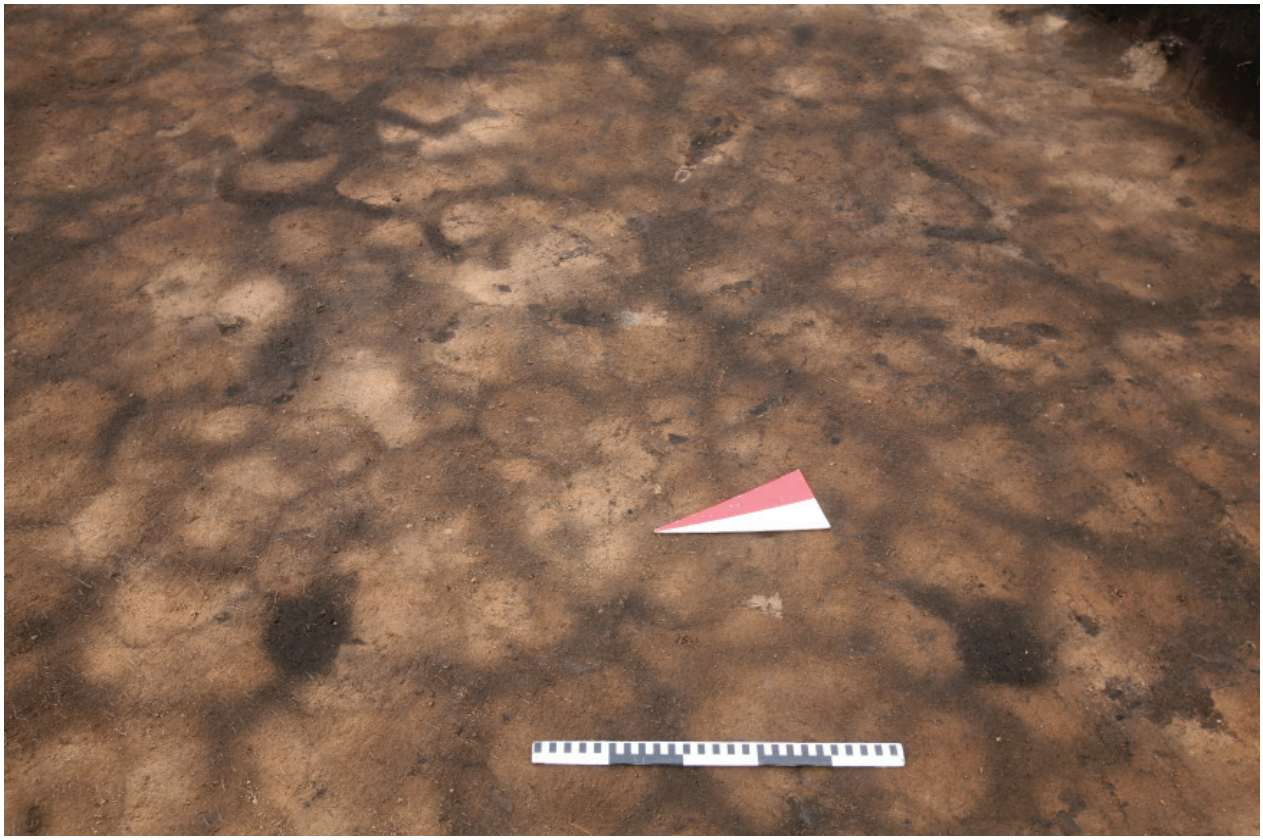

Рис. 6. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Ямы от хозяйственных построек

Рис. 7. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Хозяйственная яма 26

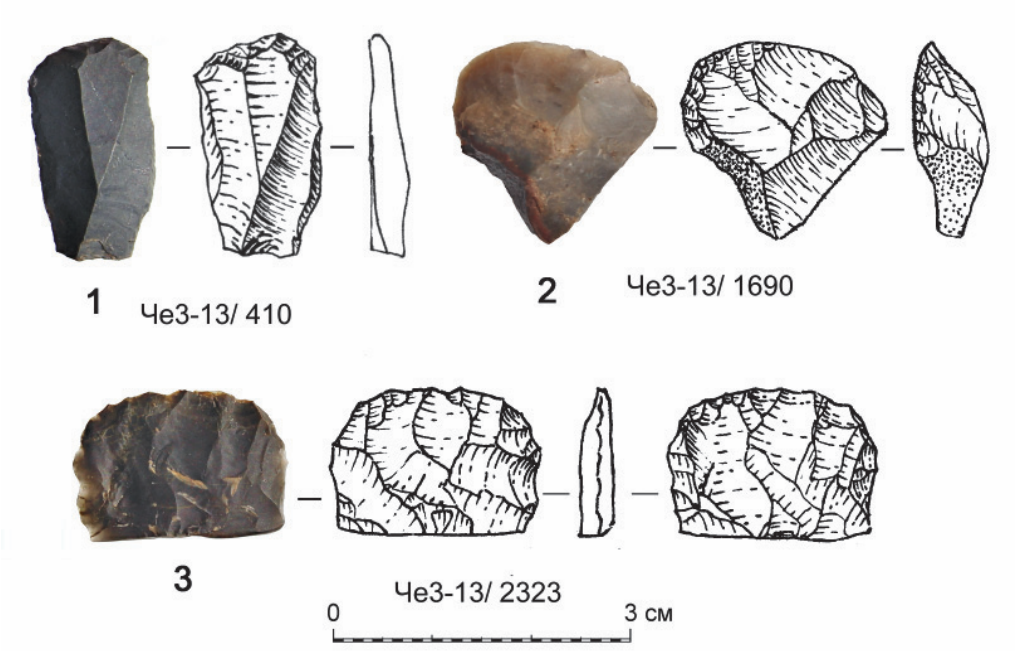

Рис. 8. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Каменные скребки

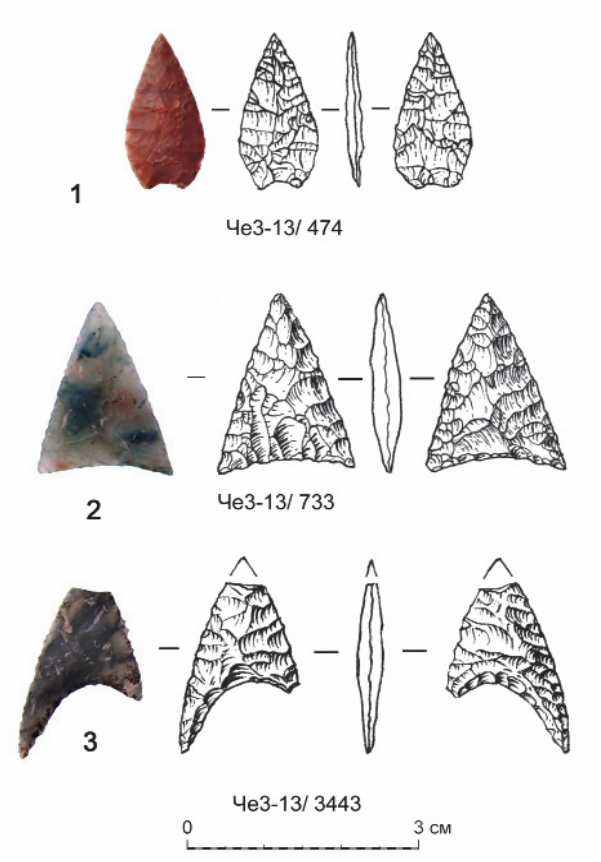

Рис. 9. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Кремневые наконечники стрел

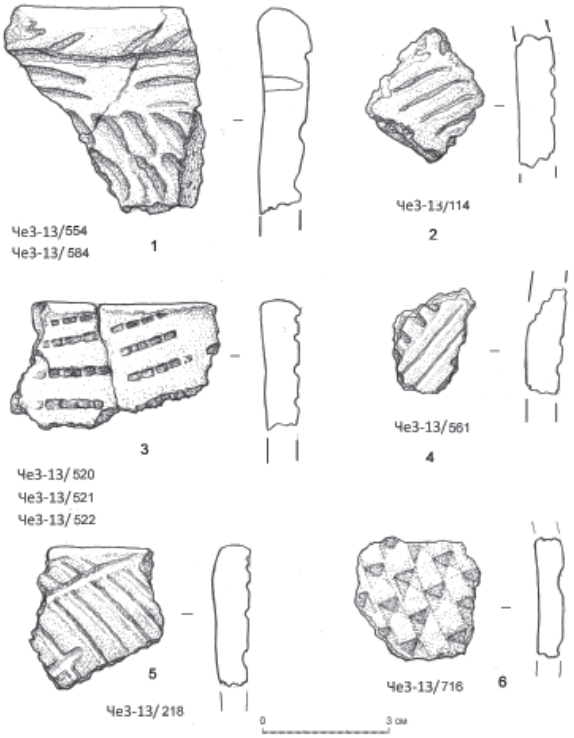

Рис. 11. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Фрагменты орнаментированной посуды

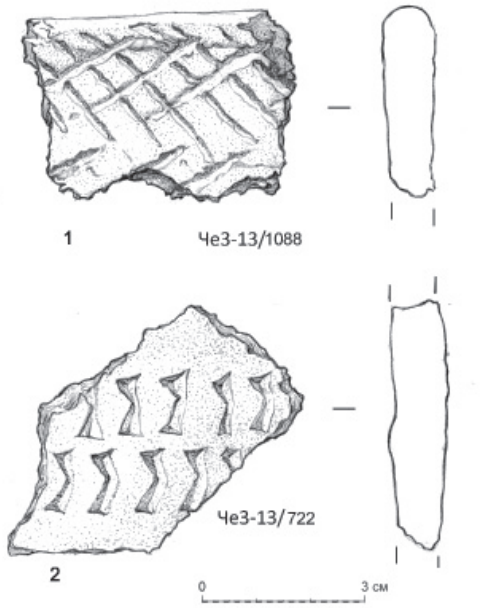

Рис. 10. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Фрагменты орнаментированной посуды

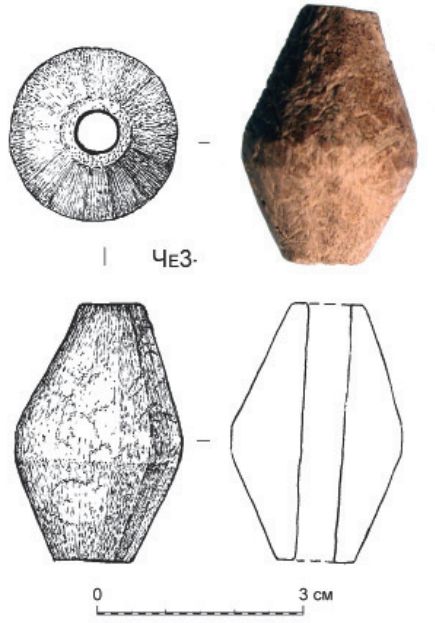

Рис. 12. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Костяное пряслице

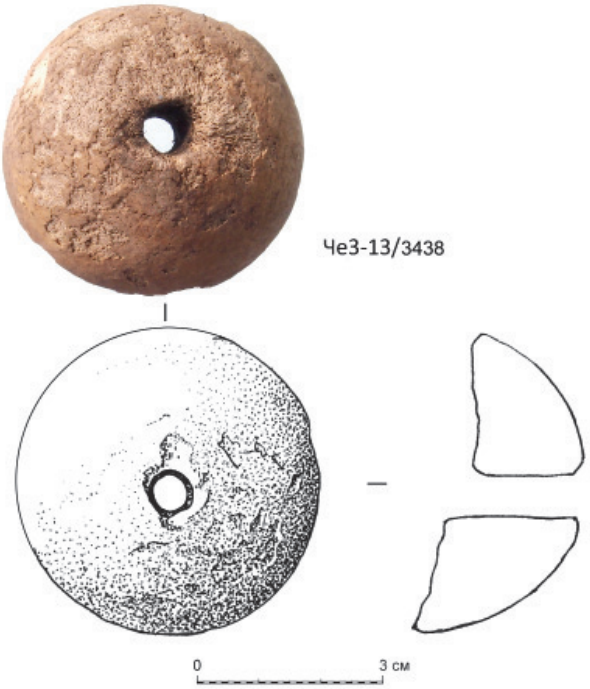

Рис. 13. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Костяное пряслице

Рис. 14. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Китайская монета эпохи Тан (845–846 гг.)

генному воздействию. Его северный край полностью уничтожен при строительстве грунтовой дороги и придорожной канавой. Зачистка на уровне материка выявила следы распашки в виде параллельных борозд, оставленных плугом, вследствие которых слои поселения оказались нарушены и перемещены.

На поселении Черноусово 4 собрана большая палеозоологическая коллекция – 1140 костей животных, на многих из которых видны следы разделки туш, пропилы и следы, оставленные рубящими орудиями. Вещественные находки представлены единичными экземплярами и связаны с промысловой деятельностью: найдены костяные наконечники стрел, челнок для плетения сетей (рис. 17), костяная рукоять ножа и бронзовая рукоять кинжала скифского времени (рис. 18), обломки кремневых скребков, песчаниковые оселки и терочники. На этом фоне интересно отметить практически полное отсутствие отходов от производства каменных орудий (отщепов, сколов и т. п.). Особый интерес представляют находки двух бронзовых слитков округлой формы и двух стенок бронзовых котлов, которые могли служить средствами расчета (рис. 19). Всего на поселении Черноусово 4 найден 71 предмет. Судя по находкам, археологический памятник может быть интерпретирован как площадка по первичной переработке добытого зверя, существовавшая в широком хронологическом диапазоне: от эпохи бронзы до позднего Средневековья (II тыс. до н.э.– начало II тыс.). Она использовалась людьми, обитавшими в долине р. Иджим, в качестве одного из постоянных мест охотничье-промысловой деятельности.

Третий отряд также раскопал еще один курган на вновь выявленном памятнике археологии – курганном могильнике Черноусово 7, который состоял из двух курганов. Один из курганов был раскопан и представлял собой каменную выкладку высотой 0,40 м, округлой формы диаметром 6 м, сооруженную из крупных скальных блоков (рис. 20; 21). В кургане обнаружена одна могила, составленная из крупных плитообразных блоков, установленных на древней дневной поверхности (рис. 22). Погребальная камера в плане имела подквадратную форму размерами 1,10 × 1,20 м. Могила потревожена, в ее заполнении найдены разрозненные кости взрослого человека, бронзовая ременная застежка, мелкая бусина синего цвета, фрагменты керамического сосуда. Курган может быть датирован скифским временим – VII–V вв. до н.э.

Четвертый отряд Саянской экспедиции под руководством И. П. Лазаретова продолжил раскопки поселений Усть-Иджим 1 и Сухорослово 2 в Ермаковском районе Красноярского края, начатые в 2012 г. Поселение Усть-Иджим-1, расположенное в 20 км к северо-востоку от с. Верхнеусинское, занимает часть ровной площадки надпойменной террасы правого берега р. Иджим, в нижнем ее течении, вблизи от места впадения в р. Ус. Памятник находится непосредственно на древней тропе, связывавшей современную Туву и Хакасско-Минусинскую котловину. Этот участок представляет собой последний степной островок на южном склоне Саян перед входом на труднопроходимый таежный отрезок пути через горные перевалы.

В 2012 г. на поселении Усть-Иджим 1 было исследовано 544 кв. м. Как было установлено,

Рис. 15. Поселение Черноусово 4 (2013 г.). Вид с юго-востока

Рис. 16. Поселение Черноусово 4 (2013 г.). Участки 1–4. Вид с севера

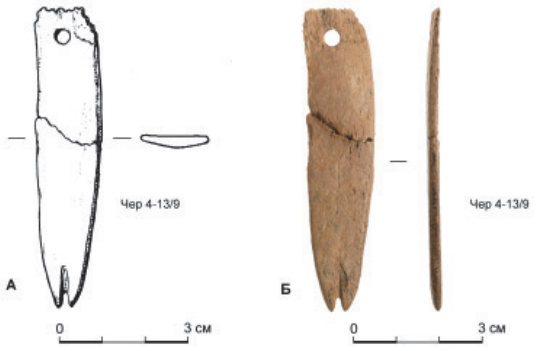

Рис. 17. Поселение Черноусово 4 (2013 г.). Участок 5. Костяной челнок для плетения сетей

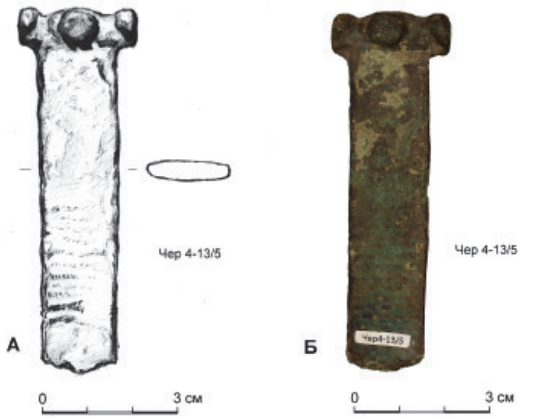

Рис. 18. Поселение Черноусово 4 (2013 г.). Участок 6. Обломок рукоятки бронзового кинжала

Рис. 19. Поселение Черноусово 4 (2013 г.). Участок 3. Находки: 1 – бронзовый слиток; 2 – стенка бронзового котла

северная часть памятника почти полностью уничтожена современной распашкой. Здесь в верхнем слое гумуса и пахоте встречались каменные орудия, кремневые отщепы и пластины, фрагменты орнаментированной керамики эпохи ранней бронзы, которые залегали вперемешку с неорнаментированной посудой скифского времени, средневековыми железными наконечниками стрел и разнообразным мусором второй половины XX в. Древний культурный слой, толщиной 0,15–0,25 м, сохранившийся только в южной части раскопа, на склоне речной террасы р. Иджим, представлял собой супесь темно-коричневого цвета.

В 2013 г. работы на поселении были продолжены на участке площадью 1010 кв. м, прилегающем к краю речной террасы, к востоку и западу от ранее изученного участка. Глиняная посуда на поселении представлена баночными или слабо профилированными горшковидными сосудами, поверхность которых зачастую декорирована налепными и оттянутыми валиками, защипами, резными линиями, различными вариациями отпечатков штампов или фигурными оттисками палочки. Иногда украшенными оказывались дно и верхний срез венчика сосудов. Большинство сосудов найдено фрагментированными и разбросанными на большой площади. Определить их первоначальную форму, схему орнаментации и хронологическую принадлежность крайне сложно. Лишь у края берегового откоса обнаружено несколько развалов сосудов разных исторических периодов: эпохи ранней (рис. 23: 3) и поздней бронзы (рис. 23: 9, 10), средневекового времени (рис. 23: 11). Там же найдено скопление из восьми обработанных речных галек, служивших грузилами для сети (рис. 23: 6, 7). Изделия из бронзы представлены четырехгранным шилом и серьгой с конусовидным расширением (рис. 23: 1, 2). К эпохе Средневековья относятся железный однолезвийный черешковый нож и массивный трехгранный наконечник стрелы с черешковым насадом (рис. 23: 4, 5).

На поселении Сухорослово 2, расположенном в 1 км к юго-востоку от Усть-Иджима 1, в 2013 г. исследовано 1248 кв. м площади памятника. Поселение также устроено на древней тропе, связывавшей Туву с Хакасско-Минусинской котловиной, и содержит разновременные находки. Эпоха ранней бронзы представлена отходами производства каменных орудий: найдено большое количество нуклеусов, кремневых отщепов и пластин, образовавшихся при изготовлении скребков и кремневых наконечников стрел. Сами орудия выглядят несколько более грубыми, чем на поселении Усть-Иджим 1, а для их

Рис. 20. Могильник Черноусово 7 (2013 г.). Курган 1. Каменная выкладка с бровкой. Вид с запада

Рис. 21. Могильник Черноусово 7 (2013 г.). Курган 1. Ограда кургана и погребальная камера. Вид с юга

Рис. 22. Могильник Черноусово 7 (2013 г.). Курган 1. Могила 1. Каменный ящик. Вид с севера

производства зачастую использовался не только кремень, но и различные окремненные породы камня, кварциты и даже песчаник. Керамика на обоих поселениях похожа, лишь на поселении Сухорослово 2 чаще использовался штамп с укрупненными зубцами, а сами оттиски выглядят более акцентированными. В составе предметов скифского времени особо следует отметить бронзовое шило четырехгранное в сечении и с округлым, слегка утолщенным навершием (рис. 24: 6). Под навершием расположено круглое отверстие. Такое изделие могло использоваться и как шило, и как игла для работы с кожей или другими прочными материалами. К эпохе Средневековья, вероятно, относится серия предметов из железа: детали конской сбруи (рис. 24: 2), черешковый обоюдоострый кинжал (рис. 24: 3), трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 24: 4) и массивный кованый крючок для ловли крупной рыбы (рис. 24: 1). Орудия рыбной ловли также представлены слегка обработанными гальками-грузами для сетей (рис. 24: 7, 8).

В ходе работ на прибрежных участках береговых террас поселений Усть-Иджим 1 и Сухорослово 2 открыто несколько ям с костями животных, следы костров и простейшие очаги, выглядевшие как скопления обожженной речной гальки. Рядом с ними отмечены места повышенной концентрации археологических находок: каменные отбойники, нуклеусы, скопления кремневых отщепов и пластин, каменные и костяные наконечники стрел различной степени готовности, скребки. Эти места, по-видимому, служили производственными площадками для изготовления орудий. Каких-либо следов хозяйственных или жилых помещений на территории двух памятников не обнаружено. Вероятно, берег речной террасы, расположенный рядом с древней тропой, использовался только для кратковременных сезонных (летних) остановок.

Таким образом, в 2013 г. в долине р. Иджим Саянская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила работы на восьми разных памятниках, два из которых относятся к категории погребальных: Маральское 6 и Черноусово 7, а остальные шесть – к категории поселений: Усть-Иджим 1, Сухорословот 2, Сухорослово 5, Черноусово 3, Черноусово 4, Маральское 1. Всего исследовано два кургана и свыше 8200 кв. м площади поселений. В результате были уточнены границы памятников, собраны новые коллекции археологических материалов. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что на р. Иджим отсутствовали круп-

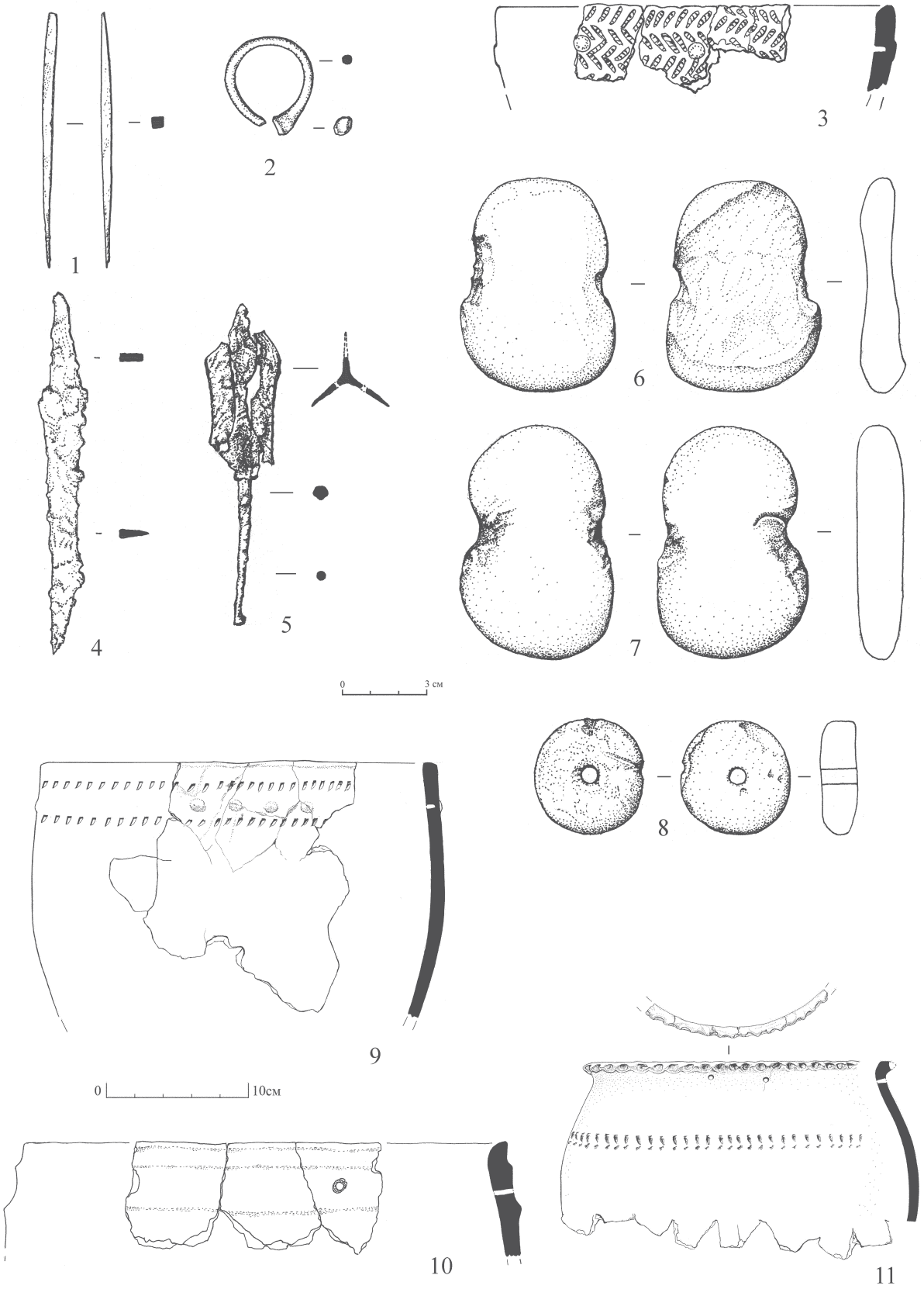

Рис. 23. Поселение Усть-Иджим 1 (2013 г.). Находки: 1 – бронзовое шило; 2 – бронзовая серьга; 3, 9–11 – керамические сосуды; 4 – железный нож; 5 – железная стрела; 6, 7 – каменные грузила для сетей; 8 – каменное пряслице

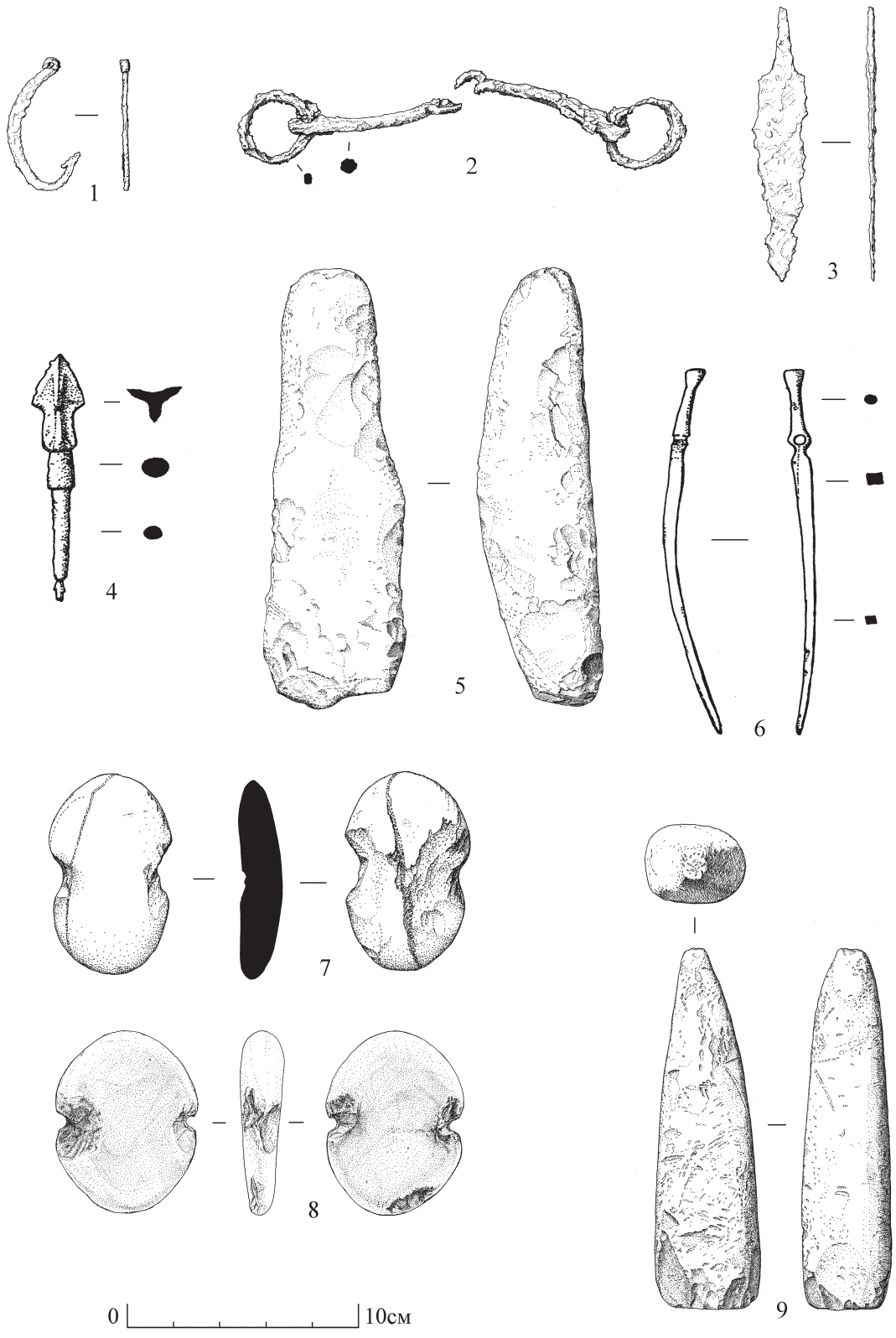

Рис. 24. Поселение Сухорослово 2 (2013 г.). Находки: 1 – железный рыболовный крючок; 2 – железные удила; 3 – железный кинжал; 4 – железный наконечник стрелы; 5, 9 – каменные орудия; 6 – бронзовое шило; 7, 8 – каменные грузила для сетей

ные долгосрочные поселения. Все исследованные памятники характеризуются как стоянки на пути по Усинскому тракту, связывавшем территории Верхнего и Среднего Енисея. Наибольшее количество находок относится к периоду ранней бронзы (окуневская культура), менее многочисленны, но все же весьма представительны материалы скифского времени. Другие археологические эпохи оставили сравнительно меньше следов на этих памятниках.

Источники и литература

Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2013. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 3.

Исследование поселения Черноусово 3 в Ермаковском районе Красноярского края

Н. А. Боковенко, А. А. Городилов

В 2013 г. продолжались комплексные археологические исследования памятников культурного наследия в полосе строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино. Второй отряд Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН проводил археологические раскопки на поселении Черноусово 3 в Ермаковском районе Красноярского края. Раскоп общей площадью 1600 кв. м в форме квадрата со стороной в 40 м был заложен к западу от раскопа 2012 г. с целью исследовать центральную часть поселения (рис. 1), расположенного на первой надпойменной террасе р. Иджим, в 80 м от уреза воды, на высоте около 5 м над урезом воды. Поле, занимаемое поселением, относительно ровное, с небольшим уклоном в сторону реки. Общий перепад высот около 4 м: от 797 м БС около края террасы до 801 м БС на северном краю поселения.

Поселение многослойное. Верхняя часть культурных напластований, толщиной 0,30 м, сосредоточена в слое серой слабогумусированной супеси, расположенной под дерном, в которой обнаружены находки скифского времени, Средневековья и Нового времени, представленные в основном осколками костей животных и фрагментами керамических сосудов. Остатков каких-либо сооружений в слое не выявлено. Под слоем серой супеси залегал слой коричневого суглинка, мощностью 0,15 м, который не потревожен распашкой и содержит артефакты эпохи первобытности (позднего неолита – ранней бронзы, т. е. IV–III тыс. до н.э.).

На уровне слоя коричневого суглинка обнаружено более 5 тыс. камней, расположенных как в виде скоплений (около 20 ед. в разных частях раскопа), так и россыпью, в составе которых преобладают гальки размерами 0,05–0,20 м, многие из которых имеют следы пребывания в огне. Скопления камней имеют округлую форму, диаметром 0,50–1,00 м, сложены из одного-двух слоев гальки. Возможно, скопления камней служили для укрепления столбовых конструкций или использовались для обогрева или приготовления пищи. Встречены более крупные гальки – наковальни, вокруг которых сконцентрированы многочисленные остатки кремневой индустрии.

Из других объектов, связанных со слоем коричневого суглинка, следует отметить 30 ям. Ямы, имевшие разную форму и назначение, можно поделить на две категории:

1. Столбовые ямы (19 ед.), круглой формы, диаметром 0,10–0,30 м, глубиной около 0,15 м, принадлежали столбовым конструкциям типа забора, загородки, укрытия и т. п. (рис. 2).

2. Хозяйственные ямы (11 ед.), округлой или овальной формы, диаметром 1,40 м и глубиной 0,50–0,80 м, находились в основном в восточной и центральной частях раскопа. В них найдены древесные кора и угли, камни, многочисленные фрагменты битой посуды. Ямы служили в хозяйственных целях, в них сбрасывали остатки пищи, угли кострищ, обломки посуды (рис. 3).

Завершая описание объектов, связанных со слоем коричневого суглинка, следует упомянуть очаг и четыре пятна прокаленной почвы, прослеженные на уровне материка. Очаг представляет собой пятно прокаленной почвы, размерами 1,30 × 0,30 м, с большим количеством углей. Пятна прокаленной почвы, имевшие округлую форму, диаметром 0,30–0,40 м, расположены в центральной части раскопа.

Находки, полученные в результате раскопок, весьма разнообразны. Прежде всего встречено большое количество отходов кремневой индуст-

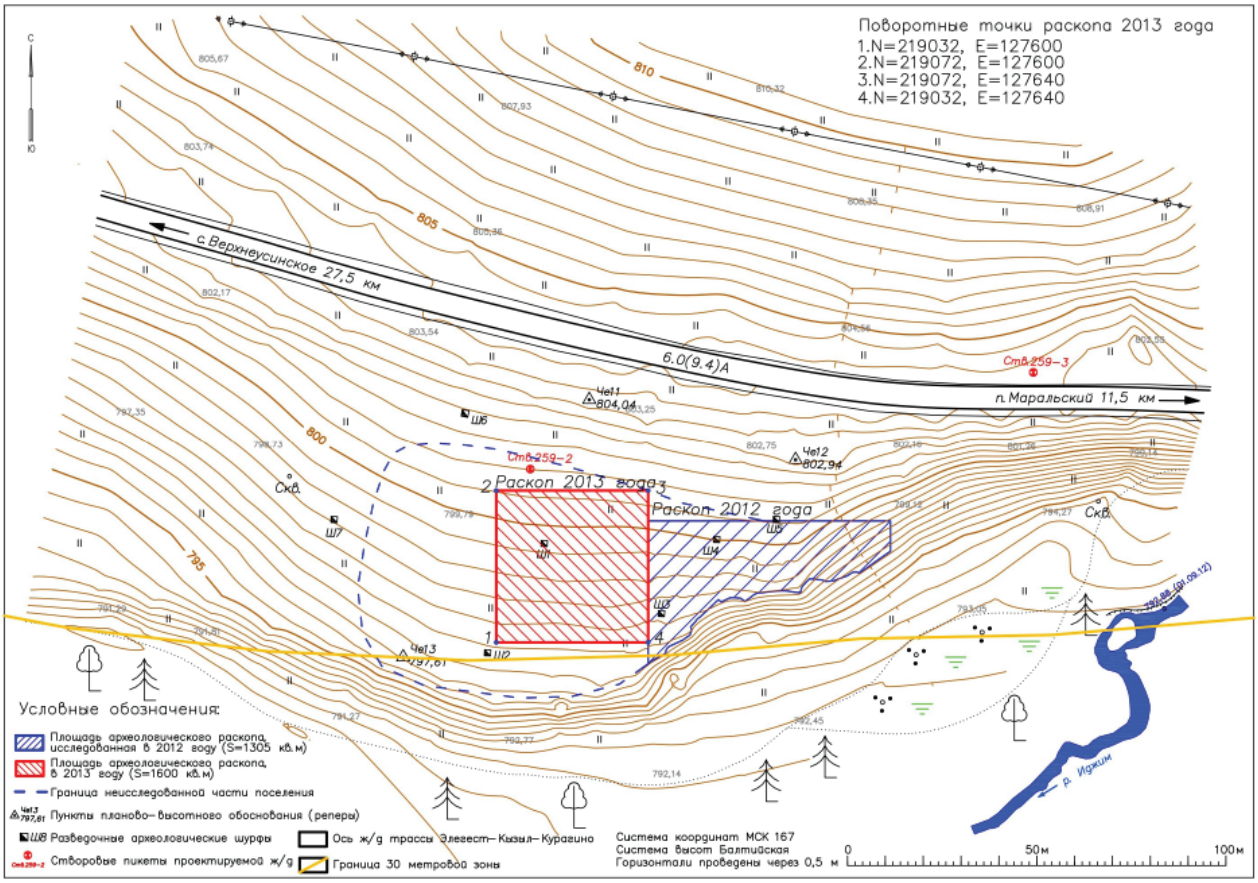

Рис. 1. План поселения Черноусово 3 (Ермаковский район, Красноярский край)

Рис. 2. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Столбовая яма

Рис. 3. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Яма 32

рии, фрагменты каменных орудий, обломки орнаментированной и неорнаментированной керамики, кости разных животных. Всего найдено 4499 артефактов: двять каменных орудий, 1202 кремневых орудий (нуклеусы, скребки, наконечники стрел, пластинчатые ножи, пластины) (рис. 4–7) и отщепов, 3255 орнаментированных и неорнаментированных обломков глиняной посуды (рис. 8–11), три бронзовых предмета, четыре костяных и керамических пряслица (рис. 12), пять монет советского времени (20–30-е гг. XX в.), китайская монета эпохи Тан (845–846 гг.) и разнообразные железные изделия Нового времени (подковы, гвозди и т. п.). Каменные орудия малочисленны и представлены в основном фрагментами точил, оселков или отбойников. Кремневая индустрия представлена следующими категориями: орудия и нуклеусы, пластины и микропластины, ножи и ножевидные пластины, скребла, скребки и отщепы с подработкой, различные наконечники стрел. Материал, из которого сделаны орудия труда и оружие, – кремень разных расцветок (от черного до светло-серого), кварцит, яшмовидные породы, полевой шпат, силицид, микроклин, аргиллит, полосчатый крупнозернистый красноцветный песчаник, слюдистый сланец[1].

Керамическая посуда представлена баночными плоскодонными и слабопрофилированными формами. В некоторых случаях удалось реконструировать диаметр сосудов, который колебался в пределах 0,15–0,40 м. Поверхность некоторых сосудов полностью орнаментирована разными вариациями отпечатков зубчатых штампов или фигурными оттисками палочки, иногда украшались дно и верхний срез венчика сосудов, встречен налепной валиковый орнамент с защипами. Основные орнаментальные мотивы весьма разнообразны: «елочка», выполненная глубокими прорезанными линиями; глубокие прорезанные линии; «елочка», выполненная продавленными линиями; параллельные продавленные линии; непараллельные продавленные линии; тычковый орнамент «елочка»; элементы в виде овсяных зерен; гребенчатый орнамент – редкий пунктир; гребенчатый орнамент – частый пунктир; тычковый серповидный орнамент; трубочный орнамент – жемчужинки; мелкий зигзаг; ромбовидная сетка; ромбовидные вдавления; пунктирные линии; тонкая штриховка; серповидный орнамент.

Кроме многочисленных обломков керамической посуды, также обнаружены пряслица из разных материалов. Половинка круглого керамического пряслица орнаментирована круглыми вдавлениями по всей поверхности. Другое керамическое пряслице без орнамента. Аналогичное функциональное назначение, видимо, было у костяного изделия бочонковидной формы с отверстием. Возможно, также использовалось костяное изделие с отверстием в центре, сделанное из половинки головки бедренной кости животного.

Также найдены проволочная бронзовая серьга или подвеска, бронзовая пронизка, железное кресало, роговая заготовка ручки со следами обработки. Особо следует отметить китайскую монету (Kai-Yuan-Tong-Bao) эпохи Тан (845–846 гг.)[2], которая позволяет датировать культурный слой, в котором она найдена, серединой IX в.

Анализ костей животных, в составе которых хорошо представлены кости крупных (марала, косули, коровы, лошади, лося) и мелких (овцы, козы, кабарги, свиньи), кости птиц (вид глухариных), свидетельствует о богатом пищевом рационе обитателей поселения.

Стратиграфия культурных напластований и вещественный археологический материал указывают на то, что поселение Черноусово 3 функционировало в разные исторические периоды: в эпоху ранней бронзы (III–II тыс. до н.э., а, возможно, и раньше), в эпоху поздней бронзы – раннего железа (конец II – начало I тыс. до н.э.) и в XIX–XX вв. Впервые в этом районе обнаружено поселение, существовавшее столь продолжительное время, что позволяет проследить этапы адаптации местного населения к природным

[1] Определения доцента географического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена М. А. Кульковой.

[2] Определения С. Легран.

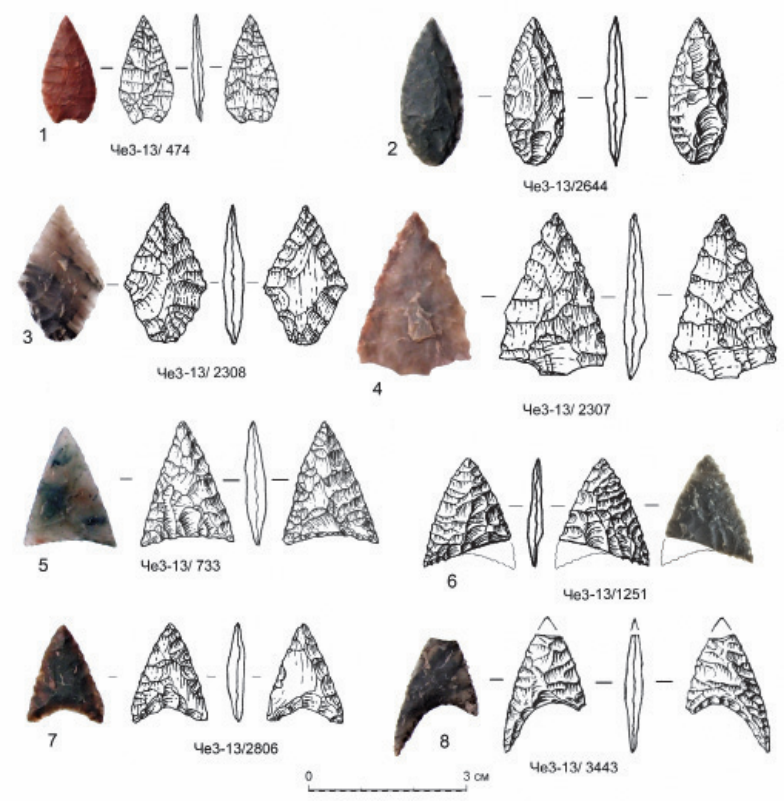

Рис. 4. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Кремневые наконечники стрел

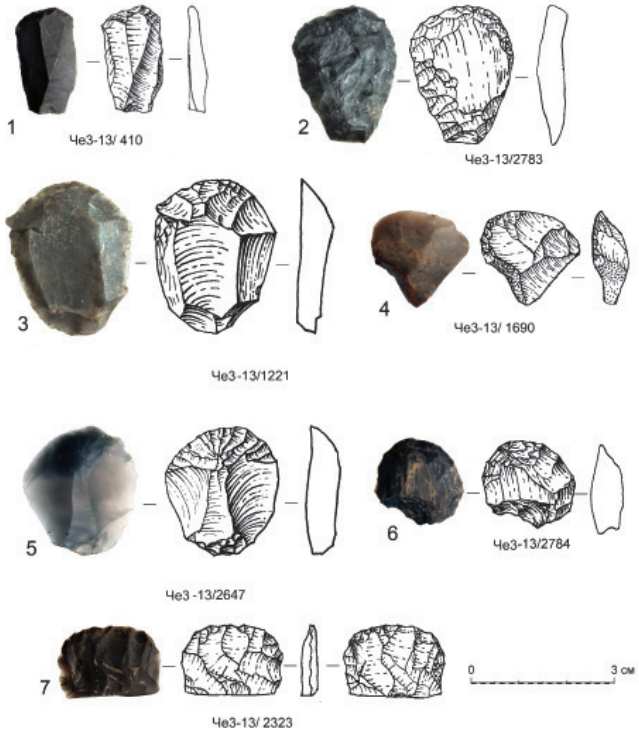

Рис. 5. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Кремневые скребки

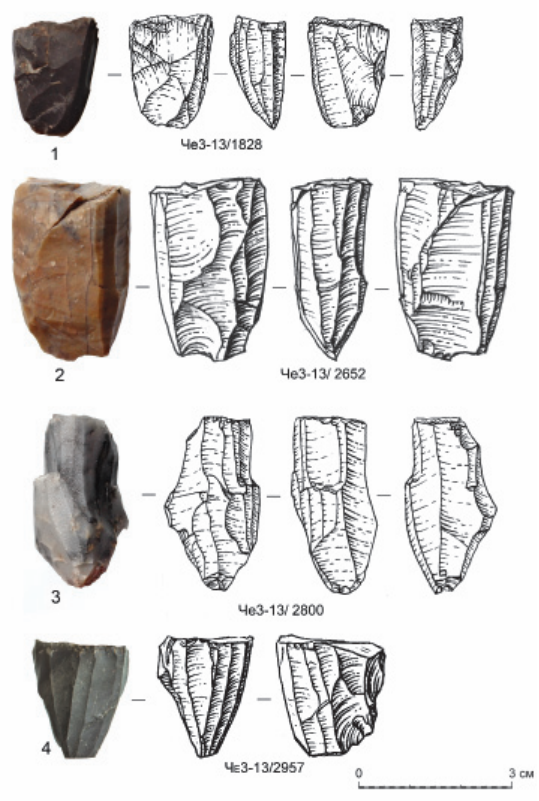

Рис. 6. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Кремневые нуклеусы

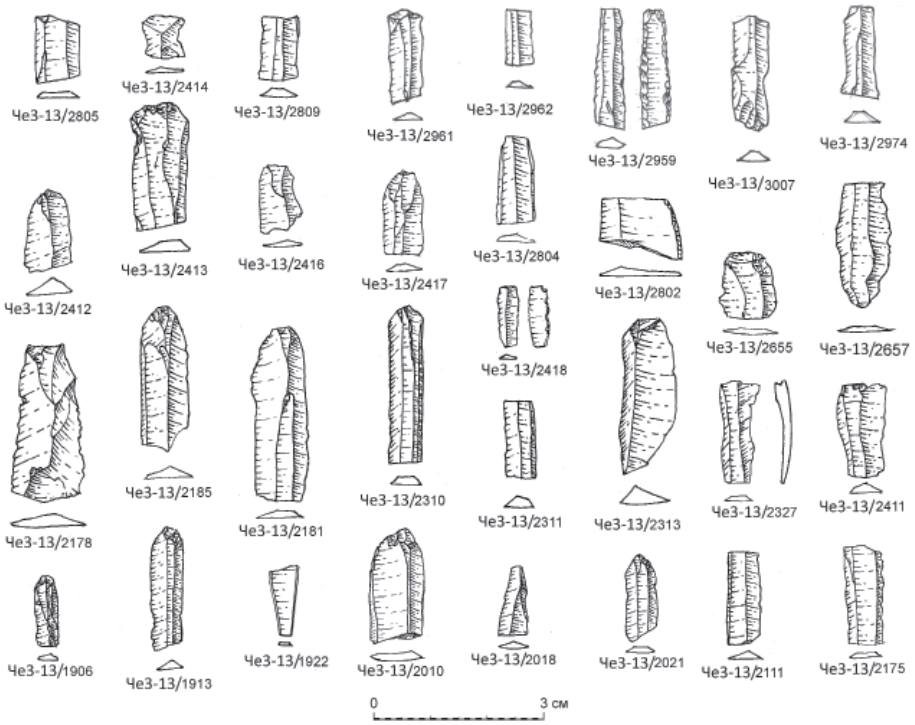

Рис. 7. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Кремневые пластины

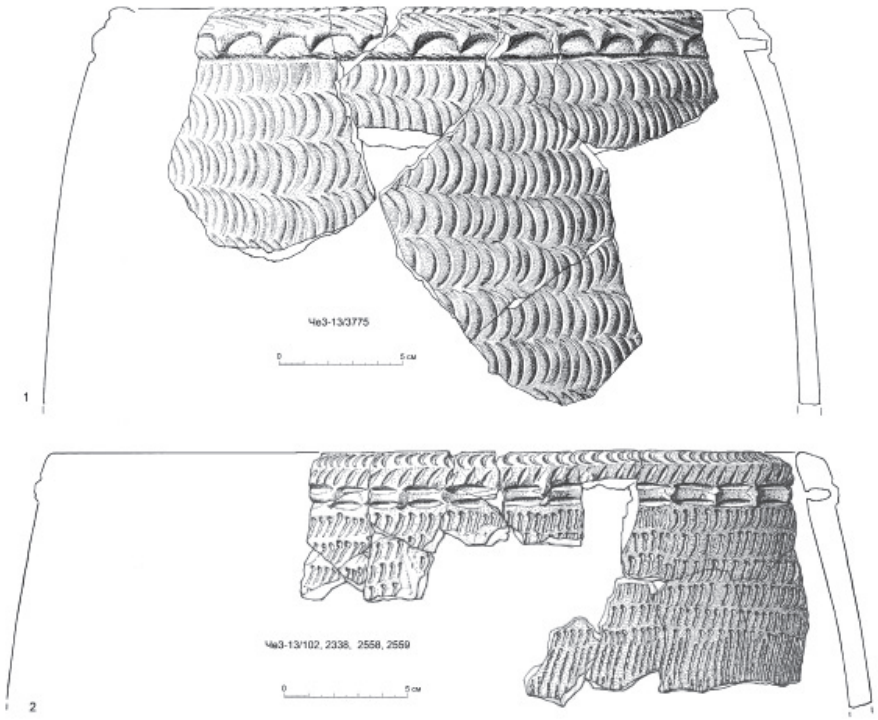

Рис. 8. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Фрагменты орнаментированной посуды эпохи ранней бронзы

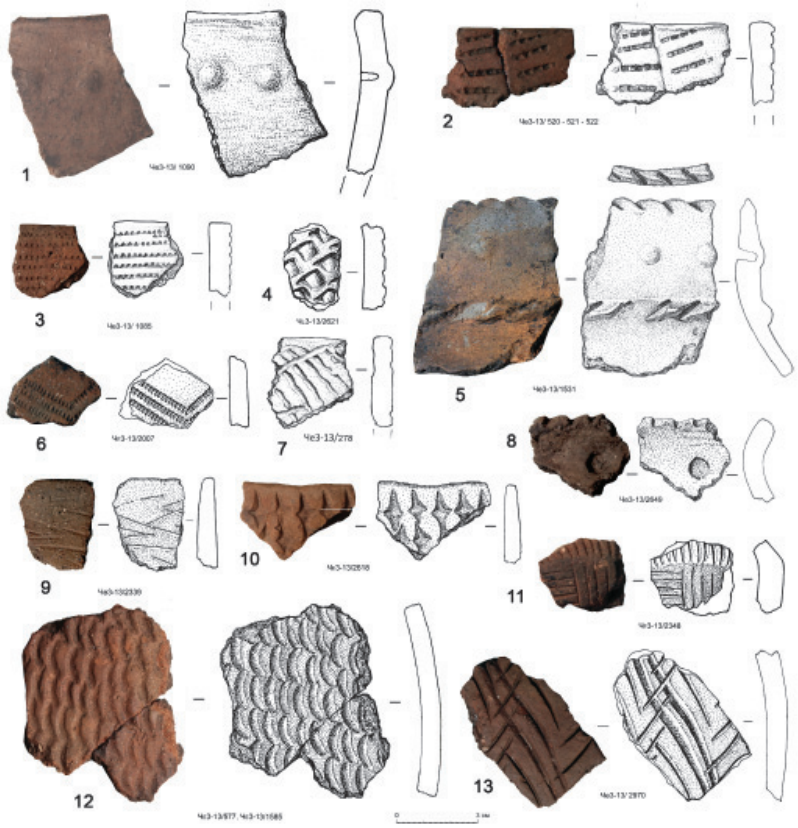

Рис. 9. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Фрагменты орнаментированной посуды эпохи ранней бронзы

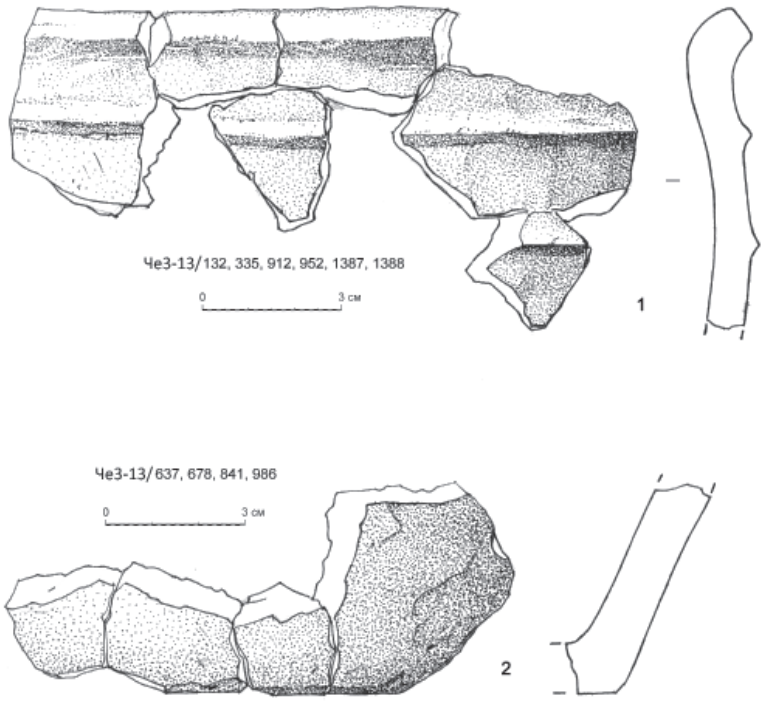

Рис. 10. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Фрагменты посуды скифской эпохи

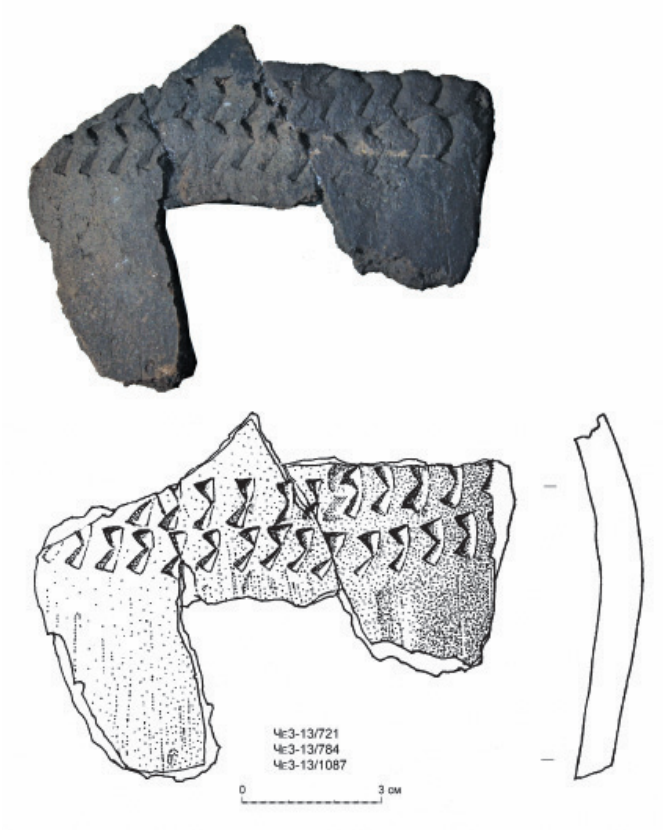

Рис. 11. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Фрагменты посуды раннего Средневековья

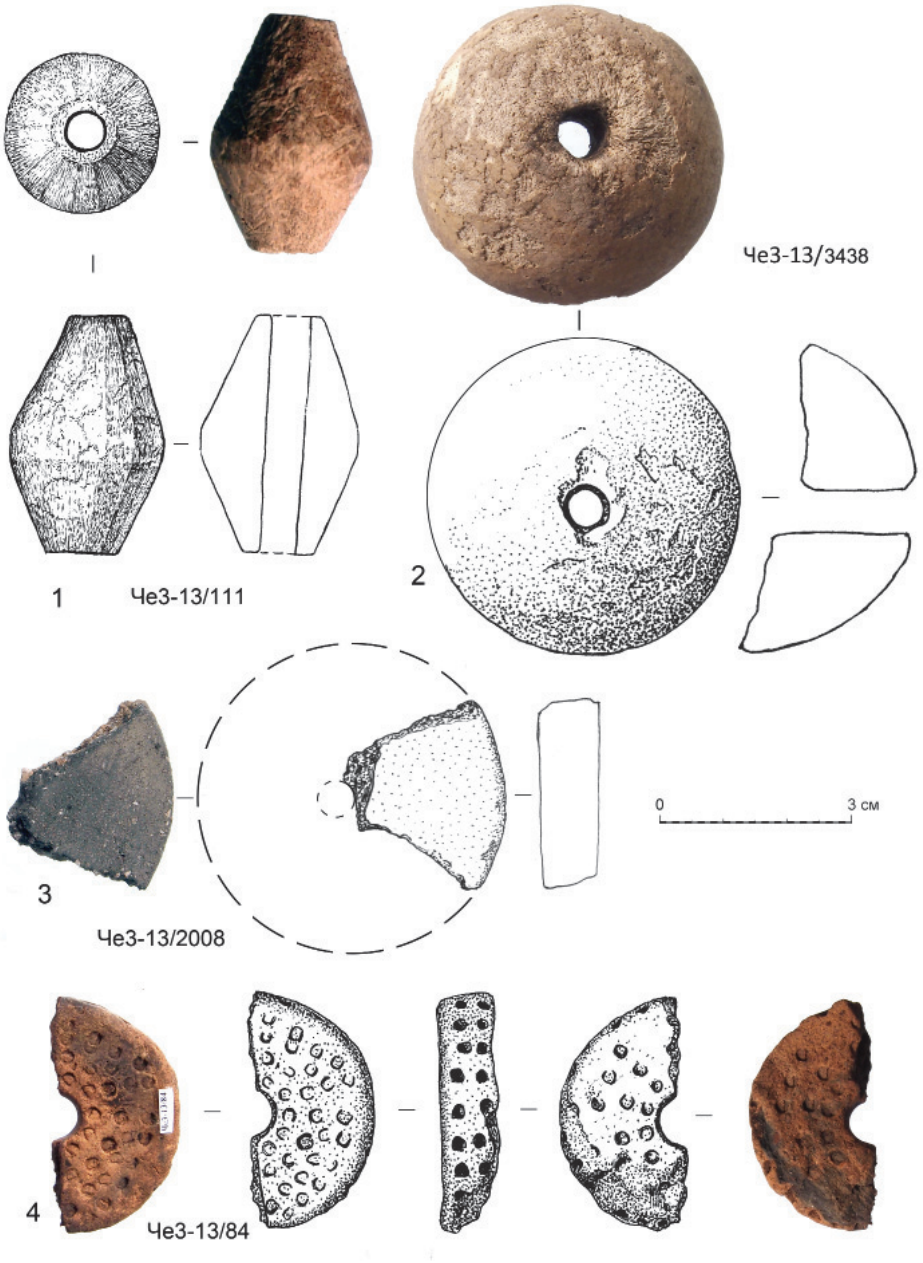

Рис. 12. Поселение Черноусово 3 (2013 г.). Пряслица

условиям в разные исторические периоды. Уже сейчас можно предположить, что поселение Черноусово 3, скорее всего, служило сезонной стоянкой древних охотников. Судя по характеру и составу вещественных находок (орнаментированной керамике, кремневой индустрии), памятник входил в круг центральноазиатских культур, сохраняя при этом локальные особенности, анализ которых будет осуществлен после завершения раскопок на поселении.

Площадь поселения Черноусово 3 ориентировочно составляет 5805 кв. м, из которых в 2013 г. исследовано 1600 кв. м. В полосу отвода проектируемой железной дороги попадает все еще значительная часть памятника, которую необходимо доследовать, а также осуществлять постоянный мониторинг при производстве строительных земляных работ в непосредственной близости от поселения.

Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г.

Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская, В. О. Глухов,
В. А. Завьялов, Т. Р. Садыков, Н. Ю. Смирнов

Третий сезон археологических раскопок по трассе железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино в Туве в основном проходил в Долине царей – в Турано-Уюкской котловине. Здесь на берегу Белого озера находился лагерь Комплексной археолого-географической экспедиции Русского географического общества и на р. Уюк полевой лагерь Тувинской археологической экспедиции (ТАЭ) ИИМК РАН под руководством Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской. Археологические исследования осуществлялись на могильниках Белое Озеро 3 и 4 и Оргу-Хову 2 (рис. 1). На могильнике Белое Озеро 4 работал Кош-Пейский отряд под руководством В. А. Завьялова. В 2013 г. продолжались работы и за пределами Уюкского хребта на р. Ээрбек: на могильниках Бай-Даг 7 отряд ТАЭ под руководством О. Б. Варламова и на могильнике Ээрбек 10 отряд Тувинского института гуманитарных исследований под руководством Д. К. Тулуша (рис. 1). Кроме того, были раскопаны одиночные курганы, попадающие в зону строительства железной дороги, – Ээрбек 10а, Кундустуг 6 и 9, курган 3 могильника Бай-Даг 9, которые представляли собой ритуально-поминальные выкладки, не содержащие погребального инвентаря.

На могильнике Белое Озеро 3 раскопками руководили В. О. Глухов (ответственный исполнитель), В. Н. Тамба (курган 1, участок 1), А. В. Семенов (курган 2, участок 2), А. В. Глебова (курган 3, участок 3), Н. Ю. Смирнов (курган 4, участок 4), О. В. Андреева (участки 5 и 6), Д. А. Малютин (участок 7, объект 5). На могильнике Оргу-Хову 2 работами руководил Е. Л. Кириллов, а также Н. А. Лазаревская и Т. А. Ершова. Тахеометрическую съемку и изготовление чертежей осуществлял отряд под руководством Т. Р. Садыкова, фотофиксацию производили С. Б. Шапиро и Т. А. Ершова. За камеральную обработку материалов отвечали В. С. Бусова и Н. С. Курганов, антропологические определения провели А. В. Семенов и Е. Л. Учанева.

На всех этапах работ огромную помощь оказывали волонтеры РГО – более 300 человек в течение трех летних месяцев. Для них была организована полевая археологическая школа: волонтеры работали на всех раскопах и на всех стадиях исследования памятников, участвовали в камеральной обработке полученных материалов; в процессе раскопок опытные археологи обучали их навыкам раскопок, читали лекции как по древней истории, этнографии и древнему искусству Тувы, так и по методике археологических исследований. В результате в 2013 г. удалось осуществить крупномасштабные полевые работы: впервые за историю археологических раскопок в Туве в столь короткое время был всесторонне изучен довольно значительный могильник скифского времени Белое Озеро 3. Полностью раскопаны не только курганы, составляющие основу памятника, но и межкурганное пространство, на котором были обнаружены многочисленные поминально-ритуальные каменные выкладки. Такие исследования, безусловно, откроют новую страницу в комплексном изучении погребальных обрядов скифского времени Саяно-Алтайского района.

Могильник Белое Озеро 3

Могильник Белое Озеро 3 находится в 18,1 км к западу от пос. Туран у подножия южного склона хребта Кара-Орга, на возвышенной террасе около 1 км к юго-востоку от Белого озера, и состоял из четырех больших каменно-земляных курганов (1–4), трех объектов меньших размеров (5–7) и цепочки каменных поминальных сооружений (п. 1–38) (рис. 2). Обнаруженные Тувинской экспедицией ИИМК РАН в 2009 г. курганы 1–4 образовывали цепочку, вытянувшуюся по линии юго-запад–северо-восток, на всхолмлении, на поверхности которого

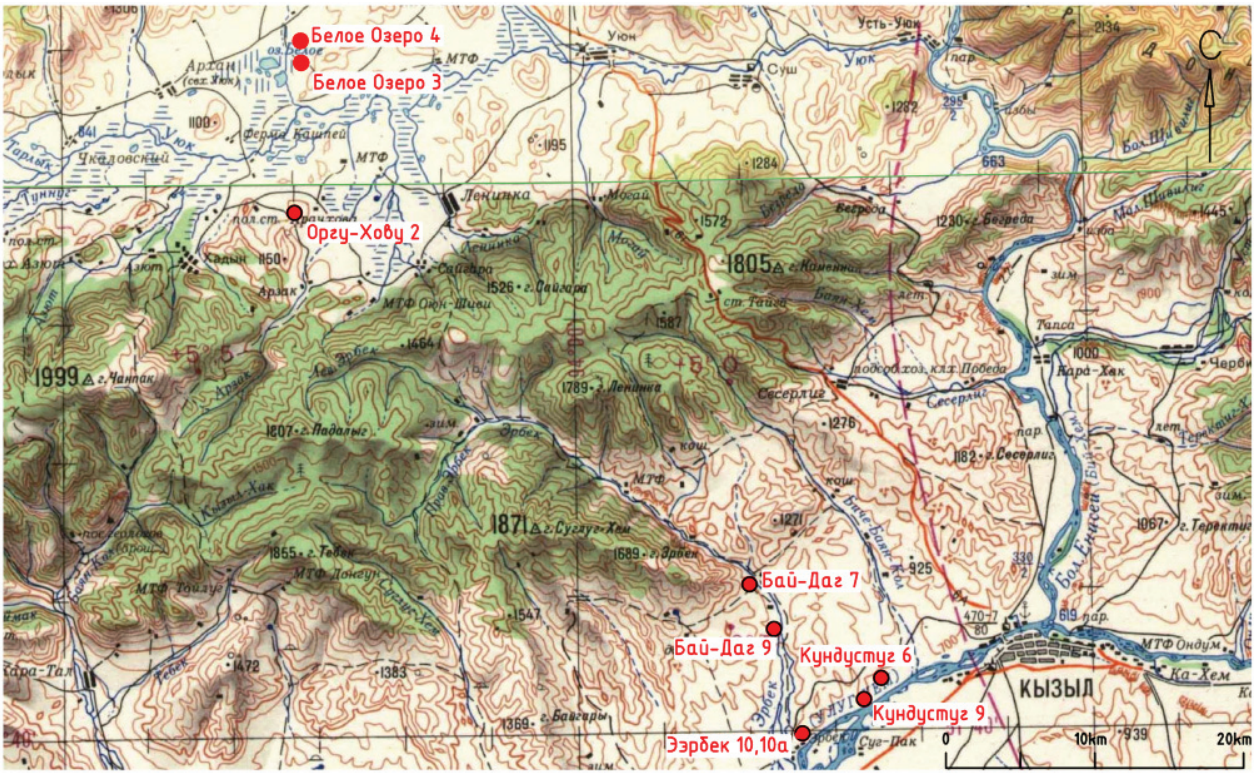

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников, исследованных в 2013 г. в Туве, по трассе железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино

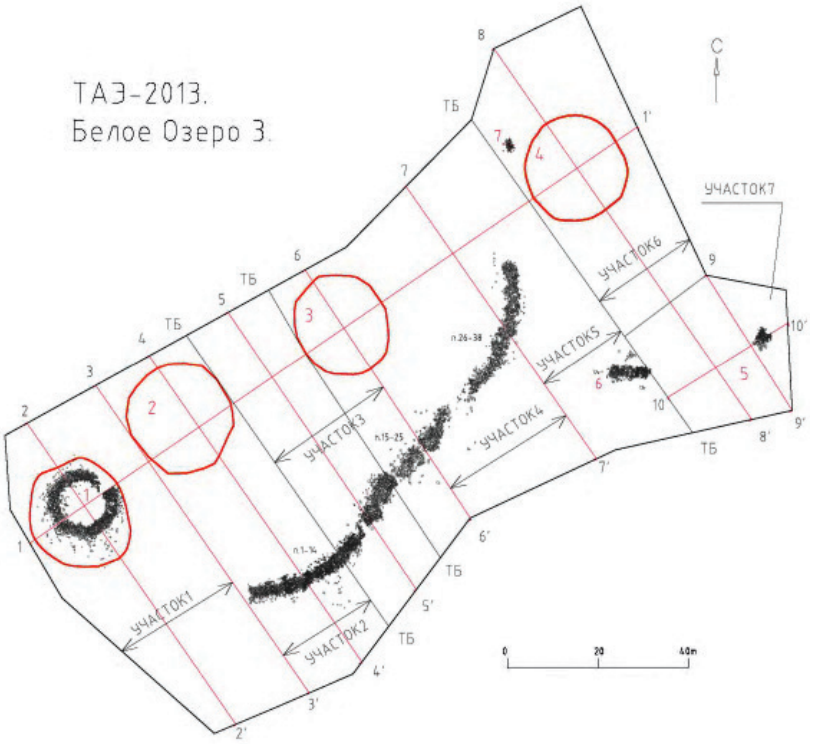

Рис. 2. Могильник Белое Озеро 3. План

прослеживались остатки каменных конструкций и изменения травяного покрова в виде пятен, что свидетельствовало о наличии здесь объектов, уничтоженных при распашке, проводившейся на берегу Белого озера и склонах Кара-Орга особенно интенсивно в 1970-х гг. В 2012 г. заказчиком работ был предоставлен спутниковый снимок, на котором отчетливо видны каменные выкладки между курганами и повышение почвенного слоя вокруг курганов, которое свидетельствовало о наличии здесь ритуальных площадок. Поэтому было решено территорию могильника рассматривать как единый культурный комплекс с визуально выделяемыми объектами – курганными насыпями и межкурганным пространством с ритуально-поминальными выкладками. Наблюдается сходство наземных сооружений в виде уплощенного высокого холма, облицованного камнями, и сопроводительных ритуальных выкладок с раскопанным в начале 2000-х гг. всемирно известным царским курганом Аржан 2, который находится в 3 км к северо-западу (Чугунов, 2004). В сезоне 2013 г. было вскрыто 12 744 кв. м могильника, исследованы и зафиксированы поминальные каменные конструкции на межкурганном пространстве, объекты 5 и 6 также поминального характера, объект 7 – захоронение эпохи раннего Средневековья в грунтовой яме с подбоем (катакомбой) – и четыре каменно-земляных кургана 1–4. Вся обозначенная территория исследовалась на семи участках, разделенных бровками (рис. 2; 3).

Курганы 1–4 по конструкции и погребальному обряду отличаются друг от друга (рис. 4). Однако у них имеются и сходные черты, которые позволяют отнести все эти погребальные комплексы к скифскому времени, а конкретнее – к уюкской культуре VI–V вв. до н.э. Курган 1 – диаметром 22 м и высотой 1,15 м, курган 2 – диаметром 24 м и высотой 0,80 м, курган 3 – диаметром 23 м и высотой 1,28 м, курган 4 – диаметром 23 м и высотой 1,60 м; они имели уплощенные вершины с неглубокими западинами диаметром около 3 м и глубиной около 0,10 м (рис. 5–8). В основании наземных сооружений курганов прослежен валик выброса из могильной ямы – гравийно-супесчаный слой красноватого цвета с частичными вкраплениями суглинка с включением мелкой дресвы и угольков. Диаметры валиков выброса составили 12,20 м в кургане 1, 13,80 м в курганах 2 и 3, 3,00 м в кургане 4; их высота колебалась в пределах 0,50–0,80 м. Валик выброса покоится на подсыпке из темно-серой гумусированной супеси, своеобразной платформе, которая окружала центральную могилу. Также на платформе лежит кольцо-крепида, выложенное из крупных камней по краю наземного сооружения.

В кургане 1 кольцо-крепида состояло из двух дуг (рис. 4: 1; 9). Южная дуга сложена из одного ряда камней, северная – из двух рядов камней с забутовкой посередине мелкими камнями. Обнаружены два «входа» во внутрикурганное пространство с юго-запада и востока. Ширина разрывов-«входов» между дугами составила 2,50 м. Юго-западный «вход», длиной 2,00 м, оформлен установленными вертикально камнями.

В кургане 2 земляная насыпь кургана первоначально была окружена кольцом-оградой диаметром 17,00 м, сложенной из крупных камней в один-два ряда (рис. 4: 2; 10). В юго-западной части ограды устроен так называемый вход в курган – две плиты размерами 0,55 × 0,40 × 0,20 м, поставленные вертикально на удалении 1,00 м друг от друга. Впоследствии «вход» был заложен камнями средних размеров. В основании кургана также был сооружен каменный вал шириной 2,20–3,00 м и высотой 0,50 м, сложенный из камней средних и крупных размеров. Диаметр каменной насыпи с каменным валом составил 20,80 м. Юго-восточная часть каменной конструкции почти полностью разобрана грабителями.

В кургане 3 наземное сооружение опоясывал неглубокий ров шириной 1,00 м и глубиной 0,20–0,25 м, диаметром 19,80 м (рис. 4: 3; 11), заполненный коричневой гумусированной супесью. На северо-западе и юго-востоке ров был разделен двумя перемычками шириной 1,30 и 2,80 м. В заполнении рва прослежены зольные пятна со скоплениями мелких кальцинированных костей и фрагментов керамики, найден каменный «треугольник». Край валика выброса был укреплен большими плитами и скальными обломками.

В кургане 4 кольцо-крепида, составленное из крупных камней, имело диаметр 19 м (рис. 4: 4; 12). За пределами кольца с юго-западной и юго-восточной его сторон обнаружены два каменных «треугольника». Похожие каменные «треугольники» открыты за пределами оград всех четырех курганов. Интересно отметить тот факт, что в кургане 1 найдено три каменных «треугольника», перекрытых обработанными камнями (рис. 13). Каменные выкладки треугольной формы, сложенные из поставленных на ребро плиток или плоских камней, по данным этнографии тувинцев и хакасов, могли быть ритуальными захоронениями последа.

Валик выброса на всех курганах был покрыт камнями, уложенными в один-два слоя. Для сооружения использовались обломки скал разных размеров, ближе к краю укладывались более круп-

Рис. 3. Могильник Белое Озеро 3. Вид с параплана

ные камни. Над центральными погребениями каменной выкладки не обнаружено.

В валике выброса также устраивались сопроводительные захоронения, в основном детские, в небольших деревянных срубах-коробах и в каменных ящиках. В кургане 1 обнаружено захоронение ребенка 6–8 лет в каменном ящике. Погребенный лежал скорченно на левом боку головой на юг. В кургане 2 найдено впускное захоронение двух человек в северо-западной части центральной могильной ямы (рис. 14). Один скелет принадлежал взрослому мужчине (40–45 лет). Умерший был похоронен в скорченном положении, на левом боку, и ориентирован головой на северо-запад. В районе грудного отдела позвоночника найден фрагмент железного предмета (наконечник стрелы?). Второе захоронение принадлежало ребенку (9–12 месяцев), который лежал под деревянной обработанной плашкой возле ног мужчины. В кургане 3 в валике выброса обнаружено пять захоронений (рис. 4: 3): погребение 1 – скелет ребенка (5–6 лет) на левом боку, с согнутыми ногами, головой на северо-запад, в деревянном срубе, сложенном в лапу и перекрытом берестой (рис. 15); погребение 2 – циста овальной формы (размерами 1,20 × 0,60 м), длинной осью ориентированная по линии север–юг, сложенная из девяти камней, с фрагментами детских костей (возраст 0–0,5 года); погребение 3 – каменный ящик (размерами 1,20 × 0,55 м) в яме овальной формы, перекрытой закладом из небольших камней, с фрагментами детского скелета (возраст 9–12 месяцев) головой на восток; погребение 4 – сложенная из камней циста (размерами 2,00 × 0,75 м) в яме овальной формы, ориентированной по линии северо-запад–юго-восток, с фрагментами детского скелета (возраст 0–0,5 года) головой на восток; погребение 5 – скелет ребенка (возраст около года) на левом боку, с согнутыми ногами, головой на юго-запад, уложенный между тремя камнями, поставленными вертикально в углубление диаметром 0,20 м. Все погребения располагались внутри кольца-ограды. Детские захоронения, возможно, были совершены после завершения строительства кургана. В кургане 4 обнаружены два сопроводительных за-

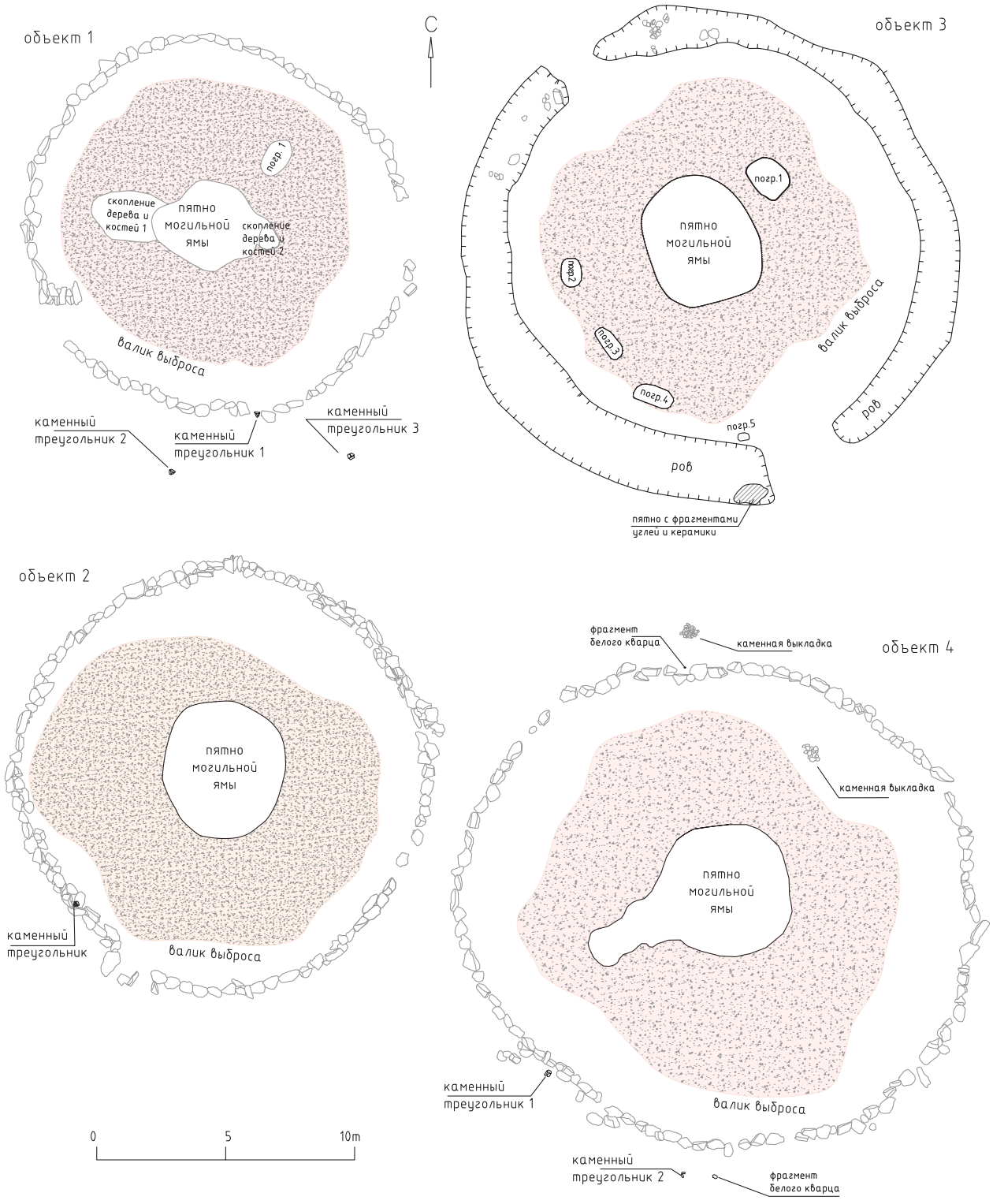

Рис. 4. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курганы 1–4. План

Рис. 5. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 1. Вид с юго-запада

Рис. 6. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 2. Вид с северо-северо-запада

Рис. 7. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 3. Вид с северо-запада

Рис. 8. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 4. Вид с севера

Рис. 9. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 1 после разборки развала наземного сооружения. Вид с востока

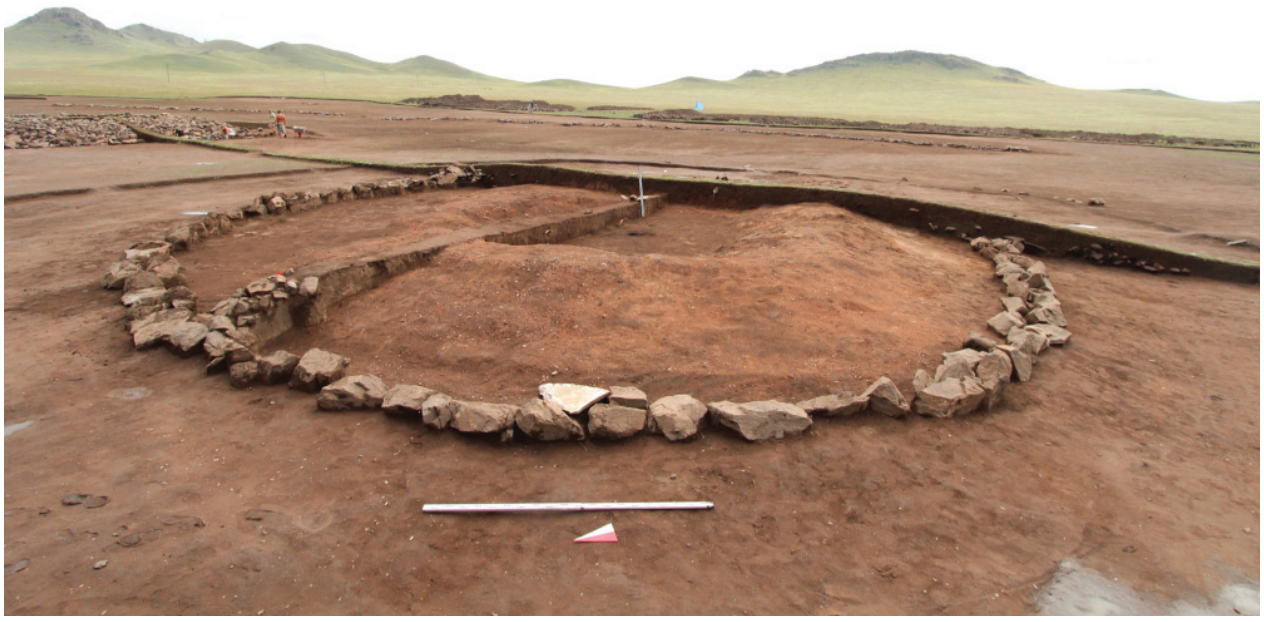

Рис. 10. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 2. Вид с запада

Рис. 11. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 3. Вид с востока

Рис. 12. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 4. Вид с юго-запада

Рис. 13. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 1. Каменные «треугольники» 2 (вид с юго-запада) и 3 (вид с северо-запада)

Рис. 14. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 2. Впускное погребение. Вид с востока

Рис. 15. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 3. Погребение 1. Вид с севера

хоронения-кенотафа (?), возможно имитировавших детские захоронения, в виде выкладок из мелких рваных камней: выкладка 1 располагалась в 0,80 м к северо-востоку от кольца-ограды; выкладка 2, размерами 0,50 × 0,40 м, устроена внутри кольца-ограды.

В курганах 3 и 4 прослежены прорезавшие валик выброса «дромосы», шириной более 1,00 м, которые могли быть вырыты для последующих захоронений или же с целью ограбления.

Грунт, заполнявший ямы центральных погребений, отличался от остальных почв в курганах и, очевидно, был специально доставлен к местам погребений с берегов соседнего Белого озера.

Погребальные ямы имели прямоугольную форму и были ориентированы углами по странам света (рис. 16–19). Их глубина достигала 3,80 м в кургане 1, 4,10 м в курганах 2 и 3, 4,30 м в кургане 4. В ямы помещались срубы, перекрытые горбылем или лагами в несколько слоев (рис. 20–23), с полом из деревянных досок. В курганах 2 и 3 между верхним и нижним слоями перекрытия была проложена береста (рис. 21; 22). Срубы сложены в четыре венца, в обло, на высоту около 1,00 м, ориентированы углами по странам света. Внешние и внутренние размеры срубов следующие: 2,40 × 2,40 м и 1,75 × 1,75 м (курган 1), 2,40 × 2,30 м и 2,00 × 2,10 м (курган 2), 2,50 × 2,50 м и 2,05 × 2,00 м (курган 3), 2,50 × 2,50 м и 2,05 × 2,00 м (курган 4). В нижнем венце срубов сделаны продольные вырубы для фиксации досок пола, под которыми местами прослежена выравнивающая подсыпка. Количество погребенных в срубах и их позы не установлены, так как все захоронения ограблены, по-видимому, еще в древности.

Вещественные находки из погребений в основном представлены остатками золотых нашивок на одежду (в виде грифонов, фигурок горного козла, льва, лепестковых розеток), характерных для уюкской культуры (рис. 24), но наборный пояс на кожаной основе с бронзовыми обоймами из кургана 1 характерен для алды-бельской культуры (рис. 25). Наконечники стрел из кости и бронзы с укороченным бойком и длинным черешком относятся к ранним этапам скифского времени в Туве. Керамика скифского облика из заполнения

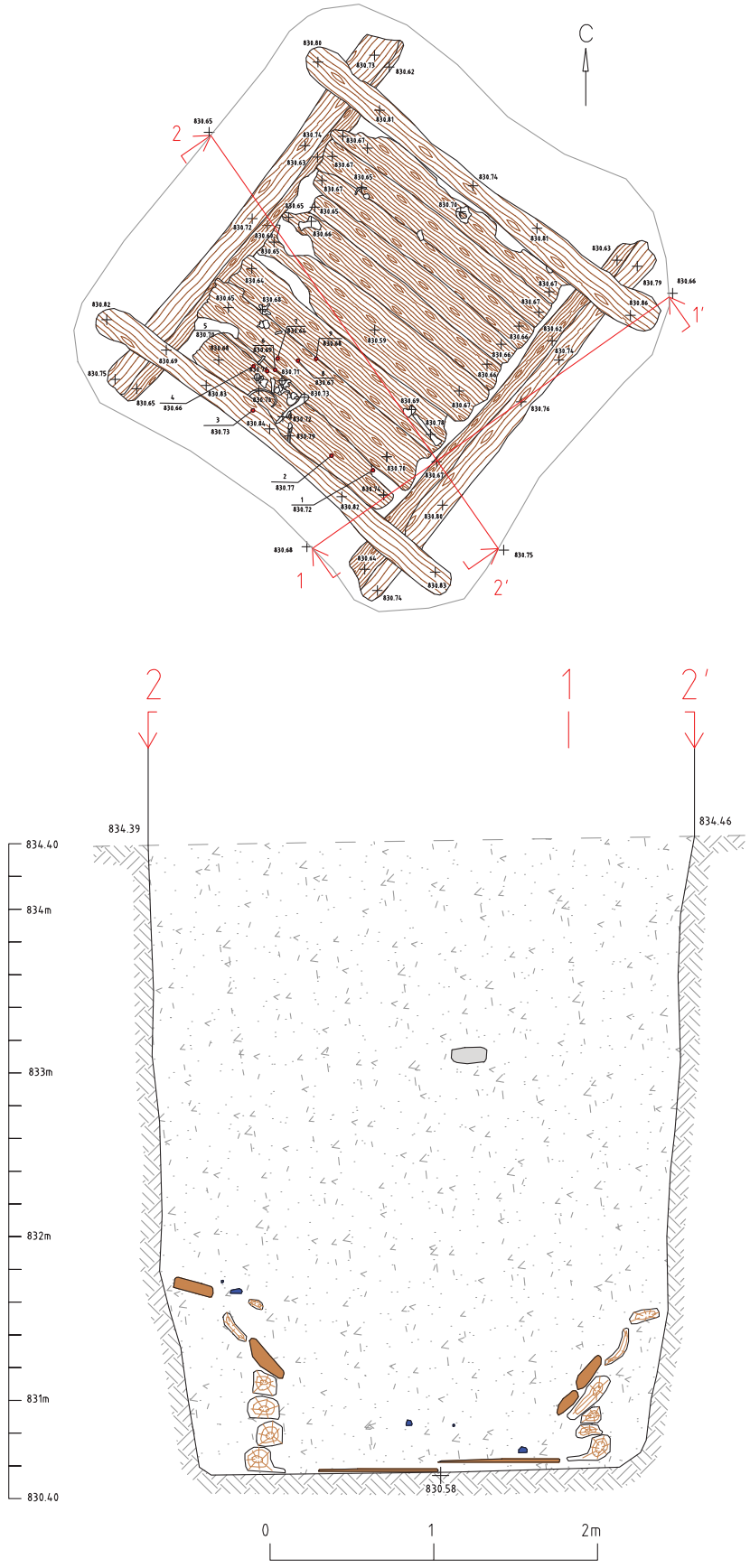

Рис. 16. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 1. План перекрытия сруба и разрез

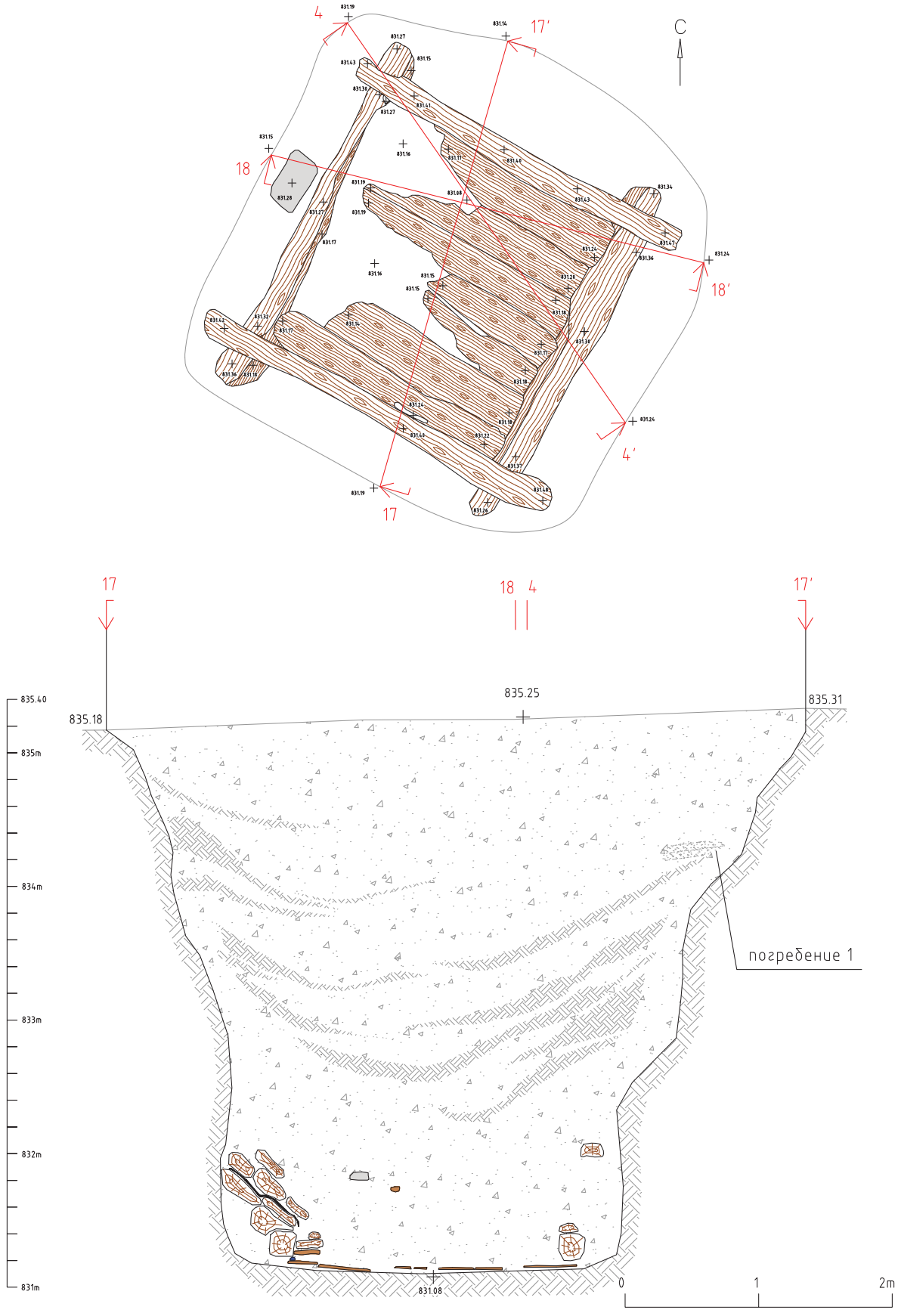

Рис. 17. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 2. План пола и разрез центрального погребения

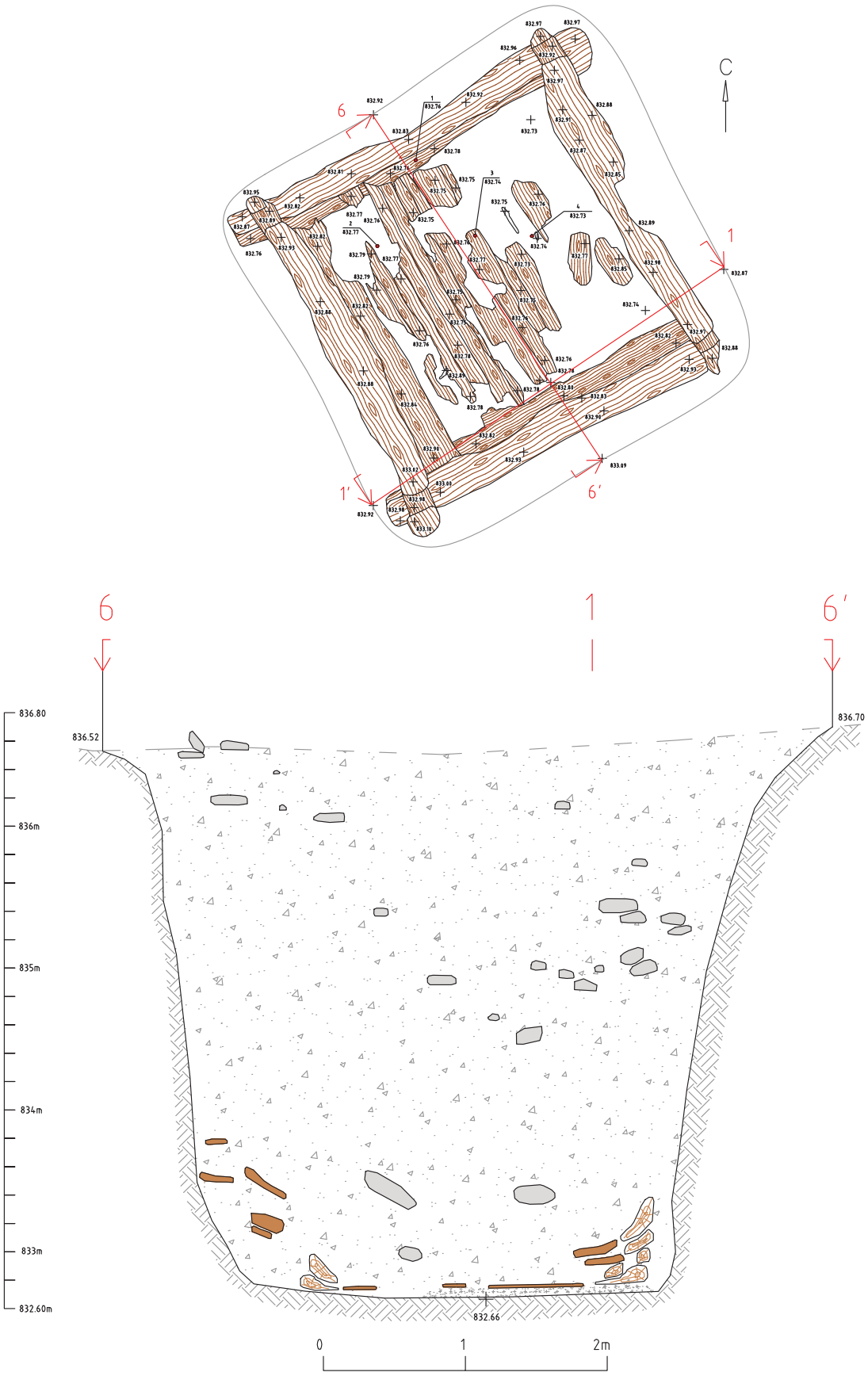

Рис. 18. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 3. План пола и разрез

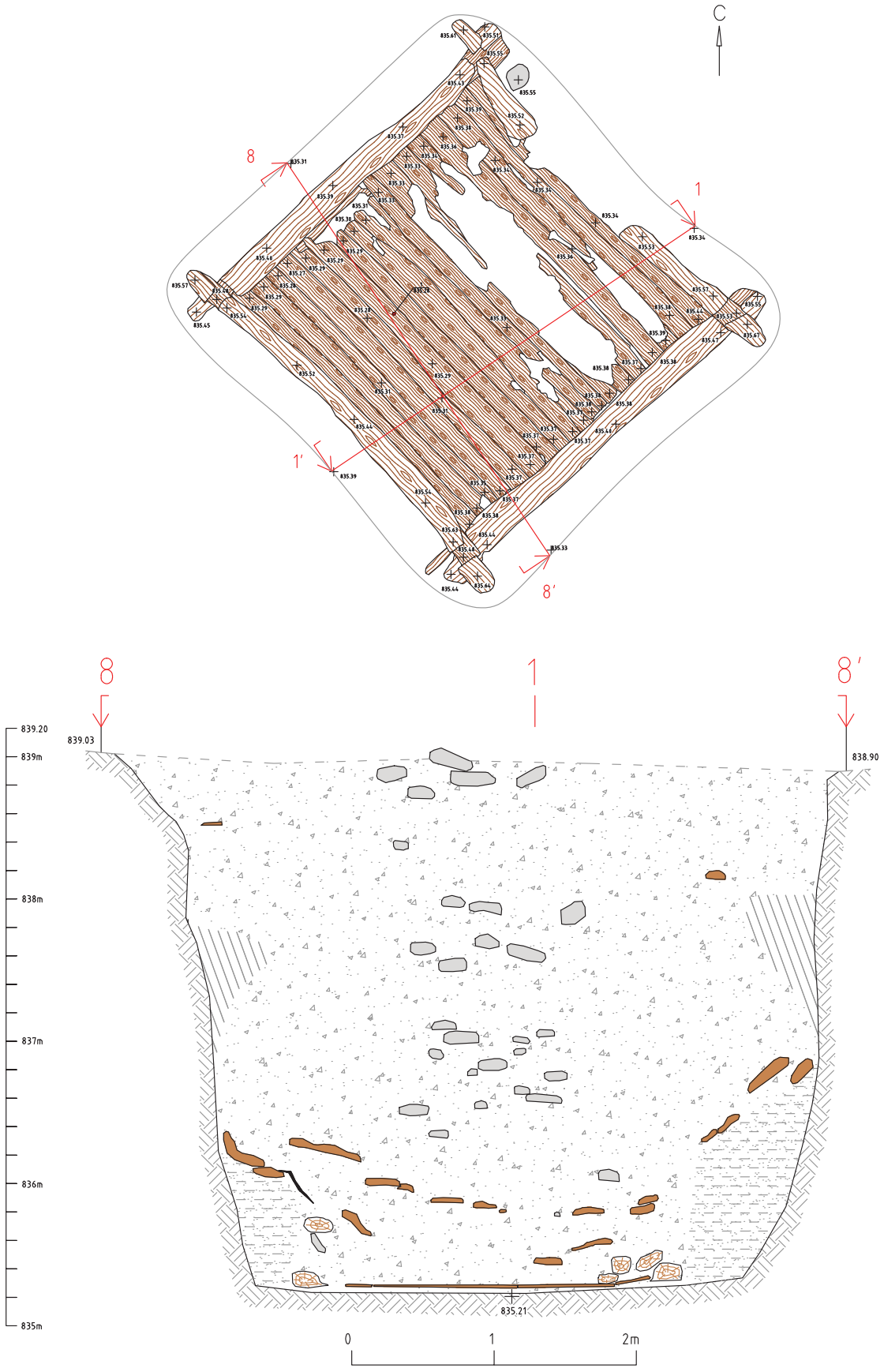

Рис. 19. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 3. План пола и разрез

Рис. 20. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 1. Остатки перекрытия сруба. Вид с юго-запада

Рис. 21. Могильник Белое Озеро 3. Курган 2 (2013 г.). Береста поверх перекрытия сруба. Вид с запада

Рис. 22. Могильник Белое Озеро 3. Курган 3 (2013 г.). Перекрытие сруба со слоем бересты. Вид с северо-востока

Рис. 23. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Курган 4. Сруб. Вид с северо-запада

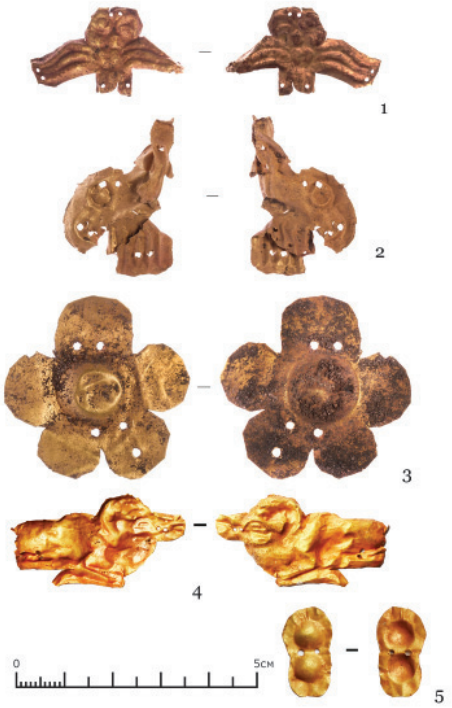

Рис. 24. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Украшения из золотой фольги: 1, 2 – курган 1; 3 – курган 2; 4 – курган 3; 5 – курган 4

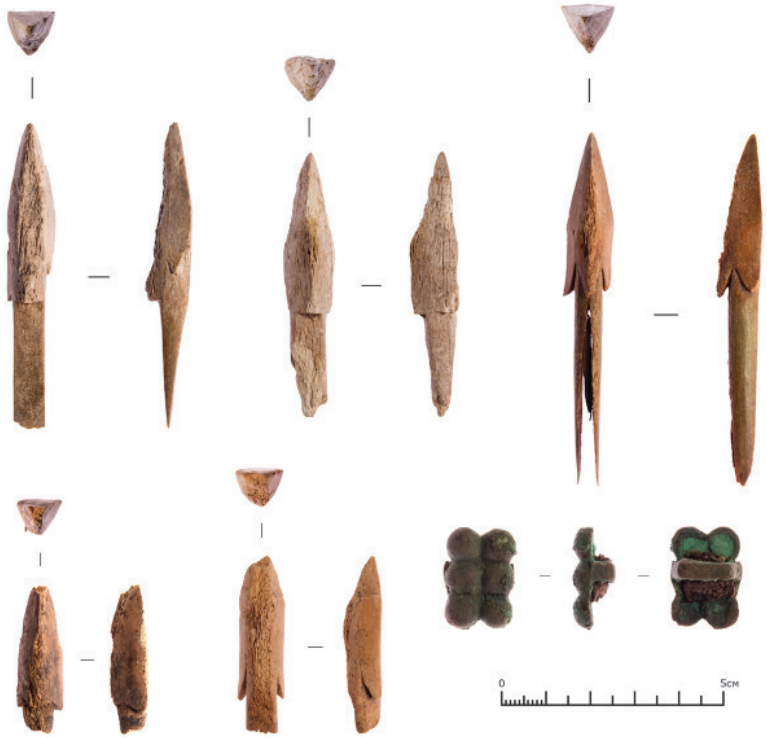

Рис. 25. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Находки из кургана 1

центрального погребения кургана 4 представлена обломками красноглиняных и сероглиняных сосудов (баночной формы, с выделенными венчиками, с налепными валиками с насечками, жемчужинами под валиками), которые типичны для алды-бельской культуры (рис. 26).

Исследование межкурганного пространства на могильнике Белое Озеро 3

На могильнике Белое Озеро 3 вскрыто 12 744 кв. м межкурганного пространства, на котором было обнаружено несколько типов ритуальных сооружений, к одному из которых относятся каменные кольца-вымостки. В центральной части раскопа открыт развал 38 поминальных сооружений в виде округлых или овальных скоплений крупных и средних камней, шириной 3,20–4,60 м, длиной около 100 м, вытянутых по линии северо-восток–юго-запад и север–юг (рис. 27), расположенных тремя дугообразными цепочками на удалении 0,20–1,00 м друг от друга.

Первая цепочка, длиной 32 м, состояла из 18 поминальных колец, диаметром 1,40–2,20 м. В большинстве случаев конструкции снаружи выложены крупными обломками скал розовых оттенков, а внутри заполнены мелкими камнями серого цвета. Между камнями найдены мелкие кости, рога и зубы домашних животных. За пределами каменной конструкции обнаружен развал сероглиняного сосуда небольших размеров, а также отдельные кости барана и лошади.

Вторая цепочка, длиной 20 м, состояла из шести поминальников, сложенных из крупных плит и рваных необработанных камней, среди которых найдены кости домашних животных, а также два фрагмента сероглиняного сосуда. В центре одного из колец найден фрагмент столба диаметром 0,10 м и длиной 0,20 м, вкопанного в древнюю погребенную почву, возможно служившего коновязью или жертвенным столбом, которые хорошо известны среди поминальных конструкций культур раннескифского времени на территории Тувы, Монголии и Алтая (Шелепова, 2009).

Третья цепочка, длиной 34,70 м, состояла из 12 поминальных выкладок диаметром 1,20–1,90 м, которые, как и поминальные кольца первой цепочки, снаружи сложены из необработанных рваных камней средних размеров, а внутри заполнены мелкими камнями. Между камнями найдены мелкие кости и зубы домашних животных и фрагмент красноглиняной керамики.

В юго-восточной части раскопа на уровне древней дневной поверхности были открыты две цепочки поминальных колец, расположенные на удалении 24,20 м друг от друга, обозначенные как объекты 5 и 6, внутри которых найдены кости животных и галька округлой формы.

Аналогии исследованным поминальным конструкциям следует искать в комплексе сооружений раннескифского кургана Аржан (IX–VIII вв. до н.э), которые включали 120–130 выкладок, дугообразно расположенных двумя-тремя рядами на расстоянии 15–30 м от кургана (Грязнов, 1980). В кургане Аржан 2 таких колец было не менее 150, в большинстве которых найдены угли, кости животных, оплавленные предметы (Чугунов, 2004). Подобные сооружения, объединенные в две дуги, также обнаружены в кургане Аржан IV (Марсадолов, 2004).

Вторую группу поминальных сооружений составляют девять каменных треугольников, сложенные из поставленных на ребро плоских плит, размерами 0,20 × 0,10 × 0,04 м. В большинстве случаев они были закрыты крупными камнями. Вероятнее всего, эти камни имели ритуальное значение.

В северной части раскопа, в 0,80 м за кольцом-оградой кургана 4, обнаружена выкладка ромбовидной формы, размерами 0,50 × 0,40 м, сложенная из мелких рваных камней на краю насыпной платформы. Между этой выкладкой и кольцом ограды обнаружен небольшой фрагмент белого кварца. Такой же фрагмент белого кварца был обнаружен на противоположной, южной, стороне за пределами кольца-ограды (аналогичная находка сделана в 2013 г. К. В. Чугуновым при раскопках кургана Чингетей в 30 км ниже по течению р. Уюк).

При разборке дернового слоя во всех секторах раскопа встречались разломанные или раздробленные кости животных: лошади, кулана, коровы, барана, овцы, также обнаружены единичные обломки костей птицы, собаки или волка, косули и благородного оленя. Остатки этих приношений располагались как среди камней «панциря», так и на уровне древней дневной поверхности. Более всего таких остатков встречено в южном и восточном секторах. Всего в межкурганном пространстве найдено 150 костей животных, в основном лошади. Коллекция керамики представлена двумя развалами сероглиняных сосудов и 20 стенками красноглиняных и сероглиняных сосудов.

Памятники эпохи раннего Средневековья на могильнике Белое Озеро 3

В процессе археологических исследований могильника Белое Озеро 3 обнаружено средневековое

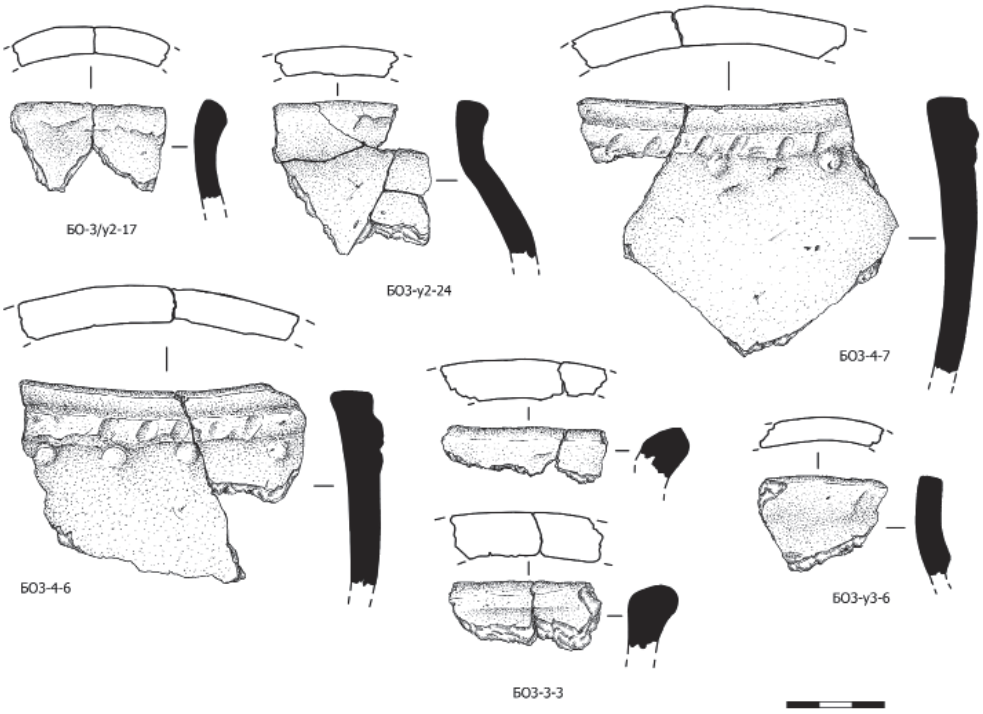

Рис. 26. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Фрагменты керамических сосудов

Рис. 27. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Третья цепочка каменных поминальных выкладок. Вид с севера

захоронение в катакомбе и «клад»-приношение – доспех бригандного типа.

«Клад»-приношение, содержавший свернутый средневековый доспех, был найден в небольшом углублении, вырытом между камнями обкладки земляной насыпи кургана 4 (рис. 28), и, очевидно, заваленном сверху камнями. Доспех, по всей видимости, представлял собой пластинчатый панцирь типа бригандины, появившийся на территории Саяно-Алтая в XIV в. и применявшийся кыргызскими племенами Минусинской котловины и Причулымья вплоть до XVII–XVIII вв. (Горелик, 1983. С. 251; Худяков, Соловьев, 1987. С. 159). Скрепляющей основой такого панциря служила ткань или кожа, являвшаяся одновременно и его покрытием, к которой пластины крепились с помощью нескольких заклепок (Худяков, Соловьев, 1987. С. 155). Сами пластины представляют собой железные изделия, большей частью прямоугольной формы (есть и иные формы, позволяющие говорить о том, что перед нами сложный полный доспех), с железными заклепками и коваными линейными профилями. Следует отметить редкость этой находки, поскольку в большинстве случаев защитное вооружение такого типа представлено фрагментарно (отдельные пластины или части доспеха). На территории Тувы были обнаружены лишь два набора панцирных пластин от бригандины (клад в Ийи-Кулак). Отдельные пластины этого типа, но с усложненной орнаментацией, встречены в комплексах XVII–XVIII вв. на территории Минусинских котловин и Причулымья (Худяков, Соловьев, 1987. С. 155). Можно предположить, что наш доспех, по сравнению с кыргызскими бригандинами XVII–XVIII вв., состоявшими в основном из нагрудников и предплечий (Худяков, Соловьев, 1987. С. 159), относится к более раннему времени, о чем свидетельствует многообразие форм пластин, связанных с разными частями доспеха (возможно, оплечьем, воротником, подолом и пр.). Вновь найденный доспех является прекрасным образцом средневекового защитного вооружения и дает представление об облике степных воинов Центральной Азии в конце I – середине II тыс. н.э.

Объект 7 – погребение мужчины 30–35 лет, лежавшего на спине, головой на северо-восток, в могиле с подбоем, обнаруженной в 3,00 м к северо-западу от кургана 4 на глубине 0,80 м от уровня древней дневной поверхности (рис. 29). Скелет погребенного имел патологические особенности: деформация носовой полости, сросшиеся с грудиной верхние ребра и др. В погребении также обнаружены части скелета овцы – остатки обильной сопроводительной пищи. Погребальный инвентарь представлен железными бытовыми изделиями и деталями костюма. У головы погребенного обнаружена железная лировидная подвеска (рис. 30) и фрагментированный нож с остатками деревянных ножен с металлической обкладкой. Ближе к входной шахте найдены железные двукольчатые (?) удила с фрагментом костяного псалия (?). На правой руке умершего обнаружена вторая лировидная подвеска. В области таза и поясничного отдела позвоночника обнаружены фрагменты боевого пояса (Добжанский, 1990. С. 37–39): железные пряжки, концевые накладки, бляшки-накладки и истлевшая кожа ремня (рис. 30). Исходя из анализа погребального обряда и сопроводительного инвентаря, можно предположить, что объект 7 относится к кругу памятников уйгурского типа IX в., мало известных и слабо изученных в Туве.

Могильник Белое Озеро 4

Первые масштабные охранно-спасательные раскопки могильника Белое Озеро 4, частично расположенного в полосе землеотвода планируемой железнодорожной трассы Элегест–Кызыл–Курагино, проводились Кошпейским отрядом ТАЭ ИИМК РАН в июле–сентябре 2012 г., когда были исследованы курганы 1, 2 и 8, уточнен план могильника и обнаружен курган 9 (рис. 31).

Курган 9

На поверхности кургана заложен раскоп размерами 11 × 9 м. На уровне древней погребенной почвы обнаружена крупная плита, под которой найдены мелкие камни и стенка сосуда (комплекс 1). Под развалом камней открыта ямка диаметром 0,60 м и глубиной 0,40 м (комплекс 2). К северо-востоку от нее найдено углубление, заполненное мелкими камнями (комплекс 3). Курган 9, скорее всего, служил поминальником, сооруженным позднее в непосредственной близости от кургана 2.

Курган 3

В кургане 3, диаметром 20 м, открыта глиняная платформа, на которой лежали камни мелких и средних размеров. Их наибольшая концентрация отмечена в центральной части кургана, где впоследствии обнаружен грабительский вход. Камни располагались преимущественно внутри кольцевой ограды из крупных плит и камней, сооруженной по диаметру кургана. Как было установлено в ходе раскопок, ограда сооружена поверх глиняной платформы. Выкид в виде валика материкового грунта прослежен по периметру могильной ямы. В четырех местах выкид был прорезан детскими захоронениями.

Погребение 1 обнаружено на уровне древней погребенной почвы внутри ограды (рис. 32),

Рис. 28. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Объект 4. Железный пластинчатый доспех. Вид с запада

Рис. 29. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Объект 7. Вид с юго-востока

Рис. 30. Могильник Белое Озеро 3 (2013 г.). Объект 7. Железные поясные украшения

устроено в могильной яме подквадратной формы, глубиной 3,70 м, располагавшейся в центре кургана (рис. 33). Заполнение ямы состояло из слоев глины с тонкими прослойками коричневатого песчанистого грунта и обрушенного материкового грунта. В нем на глубине 1,68 м обнаружено впускное погребение мужчины лет 30–35, лежавшего на спине, со слегка согнутыми ногами, головой на северо-запад (рис. 34). При погребенном найдены исключительно железные предметы: кольцевая пряжка с язычком, возможно, от портупеи; фрагмент рамочной пряжки или крюка (?); фрагмент кольца; железный нож с прямой спинкой, плохо сохранившимся черешком и слегка согнутым лезвием с приостренным концом (рис. 35: 3, 4).

В заполнении также обнаружены обгоревшие бревна наката (?) над перекрытием сруба, прорубленным грабителями. Сам сруб имел подквадратную форму размерами 2,40 × 2,50 м и был заполнен перемешанной глиной с включениями древесной щепы и коры. В этом заполнении найдены разрозненные кости скелетов и частично сохранившийся череп человека. Согласно определению антрополога Е. Н. Учаневой, в срубе были захоронены два человека: женщина 45–50 лет и мужчина 35–50 лет. Несмотря на ограбление, на дощатом полу погребения сохранились мелкие предметы погребального инвентаря, в числе которых следует упомянуть четыре костяные круглые бусины и одну стеклянную биконическую, две золотые круглые нашивки на одежду (?), серповидную золотую нашивку, квадратную золотую фольгу и овальную бронзовую обойму, лежавшие сравнительно компактно возле северо-западной стенки сруба. Здесь же обнаружено бронзовое зеркало с петлевидным ушком для подвешивания и два фрагмента ремешка (?), сплетенного из светлых и темных полосок березовой коры (рис. 35: 1, 2).

Погребение 2 (комплекс 2), обнаруженное в северо-западном секторе кургана, внутри ограды, – захоронение младенца в возрасте до полугода в ямке между вертикально поставленными камнями. На дне ямки лежал фрагмент плоской плиты. Погребение безынвентарное.

Погребение 3 (комплекс 3), обнаруженное в юго-восточном секторе кургана, – захоронение ребенка в ямке между камнями, перекрытой камнем. Погребение безынвентарное.

Погребение 4 (комплекс 4), обнаруженное в юго-западном секторе кургана, в ограде из вертикально поставленных плит, – захоронение ребенка 3–4 лет, уложенного на левом боку, скорченно, головой на северо-запад, в деревянную лиственничную колоду, перекрытую и заполненную глиной, установленную на уровне древней погребенной почвы. Для устойчивости под нее были подложены два камня небольшого размера. В районе пояса погребенного найдены два клыка кабарги и клык кабана с отверстиями для подвешивания, подвеска из атрофированного клыка марала, литая бронзовая пряжка (?) или подвеска с изображением горного козла, с петлевидным ушком на оборотной стороне и миниатюрный каменный оселок со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 35: 5, 6). Кроме того, возле черепа обнаружена каменная бусина. Погребальный инвентарь и поза погребенного позволяют отнести это захоронение к числу скифских, характерных для позднего этапа алды-бельской культуры. Это подтверждается устройством погребения в выкиде из могильной ямы основного захоронения. Следует также отметить, что среди костных останков из погребения 4 оказались три кости младенца, возраст которого не превышал полугода. Они могли быть связаны с комплексом 5, от которого сохранились каменные плиты облицовки могильной ямы, обнаруженной рядом с погребением 4.

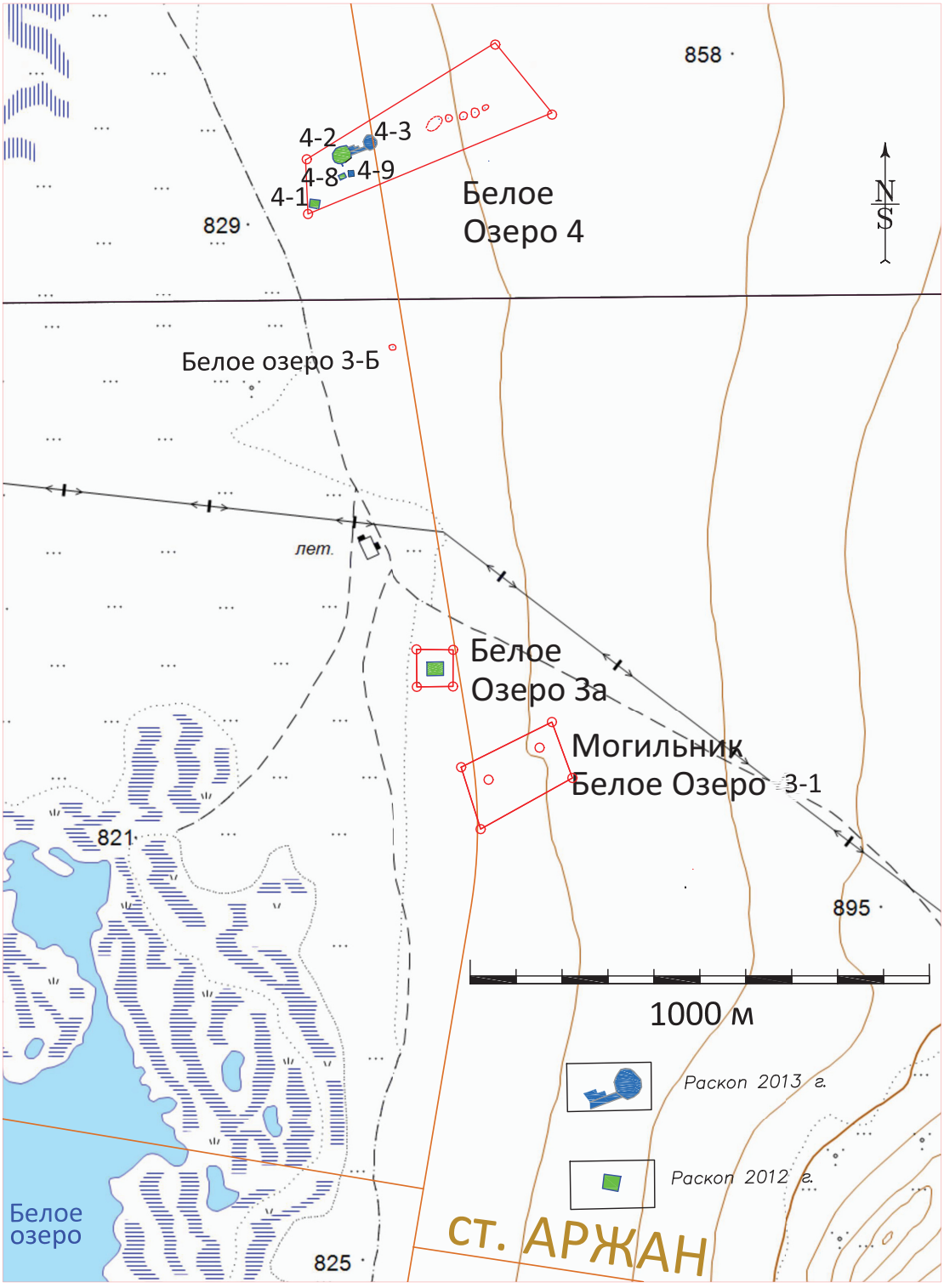

Рис. 31. Могильник Белое Озеро 4. План

Рис. 32. Могильник Белое Озеро 4 (2013 г.). Курган 3. Вид с параплана

Рис. 33. Могильник Белое Озеро 4. Курган 3 (2013 г.). Остатки перекрытия сруба. Вид с юго-юго-запада

Рис. 34. Могильник Белое Озеро 4 (2013 г.). Курган 3. Впускное захоронение в погребении 1. Вид с севера

Курган 3, вероятно, можно датировать концом VI–V вв. до н.э., о чем свидетельствует погребальный инвентарь погребения 4. Следует подчеркнуть, что расположение детских погребений в выкиде из могильной ямы основного погребения кургана является характерным признаком финального этапа алды-бельской культуры. Не противоречит этому выводу и погребальный инвентарь основного погребения 1, также укладывающийся в пределы конца VI–V вв. до н.э. Оба этих захоронения, скорее всего, относятся к поздней фазе развития алды-бельской культуры или началу уюкско-саглынской культуры.

Ограбление и последующее восстановление внешнего облика кургана 3 могло произойти уже в гунно-сарматский период, т. е. через значительный временной промежуток после его сооружения. На это указывают железные предметы из впускного погребения в могиле 1, в особенности кольцевидная пластинчатая пряжка с язычком и фрагмент ножа, датируемые не ранее II в. до н.э. Отсюда можно предположить существование в древнем обществе обрядов, связанных с восстановлением внешнего облика погребальных сооружений.

О культурной принадлежности и датировке кургана 9 судить крайне сложно. Можно лишь предположить, что курган 9 был сооружен позднее кургана 2, учитывая возможное вторичное использование плиты, перекрывавшей комплекс 1 и, скорее всего, заимствованной из плиточной обкладки кургана 2.

Могильник Оргу-Хову 2

Могильник Оргу-Хову 2 расположен в урочище Арзак на правом берегу р. Уюк, в 9,10 км на восток от пос. Хадын. В этом же урочище находится еще три большие группы курганов – могильники Оргу-Хову 1, 3 и 4. На могильнике Оргу-Хову 2 выявлены шесть земляных курганов с небольшим количеством камней в насыпи, диаметром 10–20 м, и два каменных кольца (рис. 36). Могильник был значительно поврежден плуговой распашкой. В 2013 г. раскопано два кургана – 1 и 8, общей площадью 1818 кв. м.

Рис. 35. Могильник Белое Озеро 4 (2013 г.). Курган 3. Находки: 1, 5 – бронза; 3, 4 – железо; 2 – кожа; 6 – камень

Курган 1 находился в южной части могильника и представлял собой округлую в плане возвышенность диаметром 23 м и высотой 0,60 м. В центре насыпи видна воронка, глубиной 0,50 м и диаметром 8 м, с камнями. Валик выброса из центральной могильной ямы покрыт панцирем из обломков скал, крупных валунов и плит песчаника. По краю наземного сооружения прослеживалось кольцо-крепида из уложенных плашмя в два–четыре слоя плит и валунов, имевшее овальную в плане форму размерами 14,50 × 14 м, высотой 0,40 м (рис. 37; 38).

В наземном сооружении найдены кости домашних животных (в основном лошади, крупного рогатого скота и овцы или козы) и скопления красноглиняной керамики с лощением, характерной для саглынской культуры позднескифского времени, а также сероглиняной посуды без лощения, которая могла использоваться в поминальных тризнах. С ними может быть связано зольное пятно, размерами 2,20 × 0,90 м, с мелкими костями животных, прослеженное к югу от ограды. В центре кургана на уровне древней дневной поверхности обнаружено пятно могильной ямы размерами 8,50 × 8,50 м, заполненной перемешанным грунтом с камнями, кусками истлевшего дерева в сочетании с вещественными находками и костями людей и животных как следствие ограбления могилы. В заполнении могильной ямы найдены фрагменты керамики, обломки костяного изделия, вероятно накладки, с просверленным отверстием, большое количество раковин каури, а также изделия из золотой фольги: миниатюрные полусферические бляшки с изображением головы грифона, служившие, по-видимому, нашивными украшениями одежды погребенных.

Могильная яма оказалась подквадратной в плане формы со стороной 6,60–6,80 м и глубиной 3 м, ориентированной углами по странам света с незначительным отклонением. В яме стоял сруб, размерами 4,50 × 4,50 м и высотой 0,73 м, сложенный из бревен в четыре венца в обло (сохранилась только северо-восточная стенка) (рис. 39; 40). Верх перекрытия, сложенного из досок и горбыля в 4–5 слоев в 34–36 рядов, обнаружен на глубине 1,60 м. Местами сохранилась береста. Пол сделан

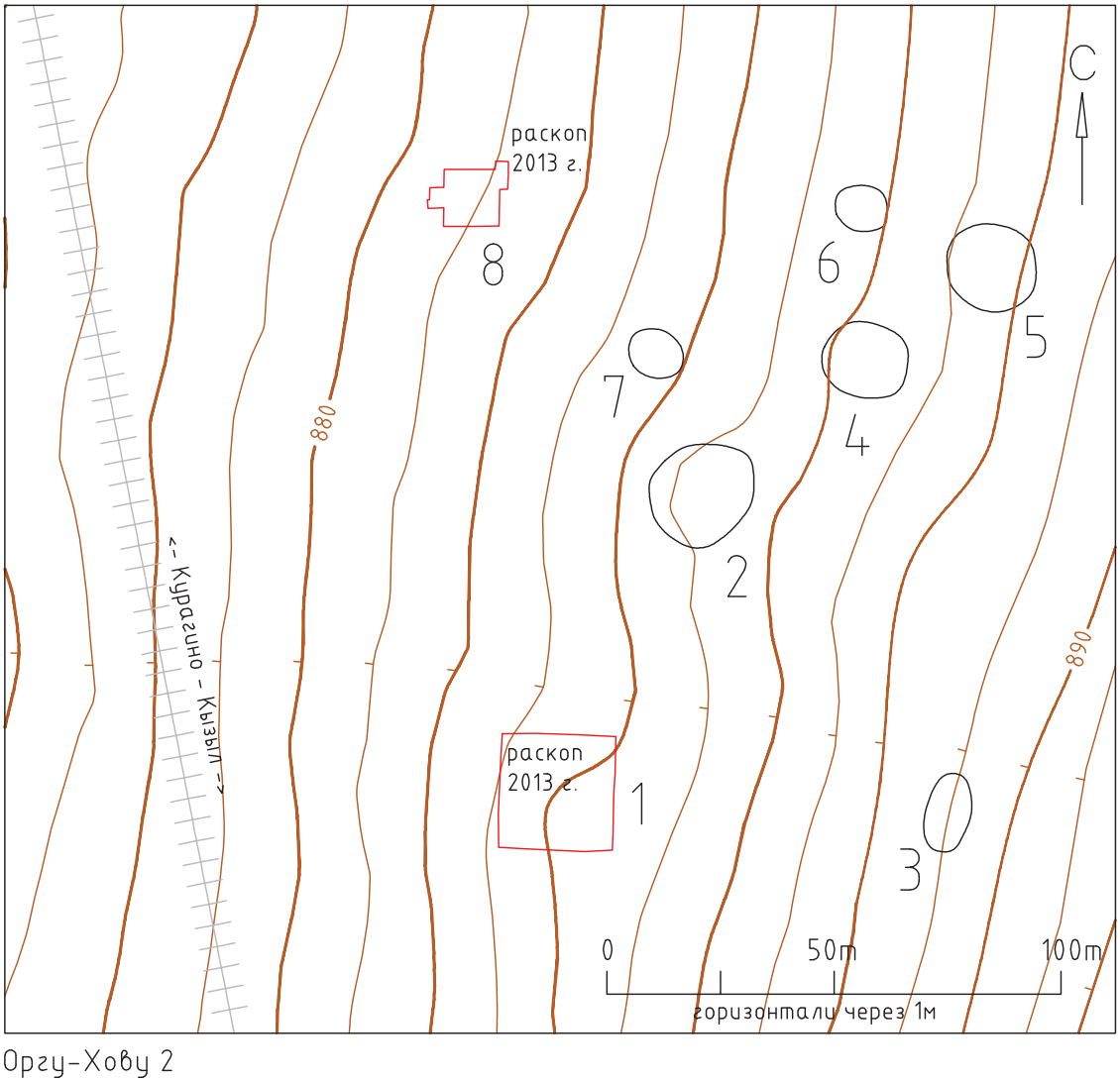

Рис. 36. Могильник Оргу-Хову 2. План

из 25 тонких досок. В срубе найдены останки трех мужчин в возрасте 30–50 лет, две нашивные бляшки из золотой фольги с тиснеными изображениями кошачьего хищника, фигурка стоящего оленя или лося (?) и пронизки, также изготовленные из золотой фольги, обломок костяной накладки с отверстиями и фрагмент железного изделия неясного назначения (рис. 41). Всего в кургане найдено 76 предметов и 239 фрагментов керамики.

По совокупности признаков курган 1 на могильнике Оргу-Хову 2 может датироваться позднескифским временем и относится к саглынской культуре IV–II вв. до н.э. Похожие погребальные памятники исследовались ТАЭ ИИМК РАН на могильнике Суглуг-Хем 1 и 2 на правобережье Улуг-Хема и на могильнике Саускен 3 в долине р. Ээрбек (Семенов, 2003). Известны такие курганы и на могильнике Догээ-Баары (Чугунов, 2007. С. 123–145).

В северной части могильника раскопан курган 8, представлявший собой каменное кольцо диаметром около 10 м. В центре кольца открыта яма, размерами 2,20 × 0,30 м и глубиной 0,25 м, вытянутая по линии северо-запад–юго-восток, заполненная пережженными костями и углями. В заполнении найдены: три фрагмента бронзового кольца, возможно, детали конской упряжи; пережженные кости, в том числе подвески из просверленных клыков кабана (не менее трех); три спекшихся фрагмента металлических (серебряных?) изделий; бронзовая под-

Рис. 37. Могильник Оргу-Хову 2 (2013 г.). Курган 1. Общий вид с параплана

пружная пряжка. В центральной части раскопа, рядом с ямой, под дерном прослежено несколько скоплений кальцинированных костей. Можно предположить, что в этом месте совершались какие-то ритуально-поминальные действия. Также под дерном обнаружены окатанный кремневый скребок и многочисленные фрагменты керамики, среди которых следует отметить обломки двух сосудов: красноглиняного с зигзагообразным орнаментом над валиком под венчиком и сероглиняного с елочным орнаментом по тулову и венчику (рис. 42). Судя по вещественным находкам, курган 8 связан с памятниками скифского времени VII–II вв. до н.э.

Могильник Бай-Даг 7

Могильник Бай-Даг 7, площадью 596 кв. м, находится на правом берегу р. Ээрбек, в 15,70 км к северу от пос. Ээрбек Кызылского кожууна Республики Тыва. Он состоит из шести объектов: четырех каменных курганов диаметром 6–10 м (1, 2, 4, 5) и двух земляных возвышений, покрытых мелкой каменной плиткой (курганы 3 и 6) (рис. 43). Все курганные насыпи были сильно заилены и нарушены плуговой распашкой.

Основу кургана 1 (рис. 44), высотой 0,55 м, составляло каменное кольцо-крепида, диаметром 7,50 м, сложенное из вертикально установленных и наклоненных к центру кургана под углом 30–70 градусов плит скальных пород, образующих кладку «чешуйчатого» типа. Всего зафиксировано до семи рядов плит. Внутренний диаметр кольца (4,50 м) сложен из горизонтально уложенных больших плит длиной до 1,00 м. Пространство кургана внутри крепиды покрыто беспорядочно набросанными мелкими и средними обломками скал, в центре наблюдается западина с камнями на месте могильной ямы овальной формы, длиной 2,20 м и шириной до 0,90 м, глубиной 0,40 м, вытянутой по линии восток–запад, в которой установлена вертикальная

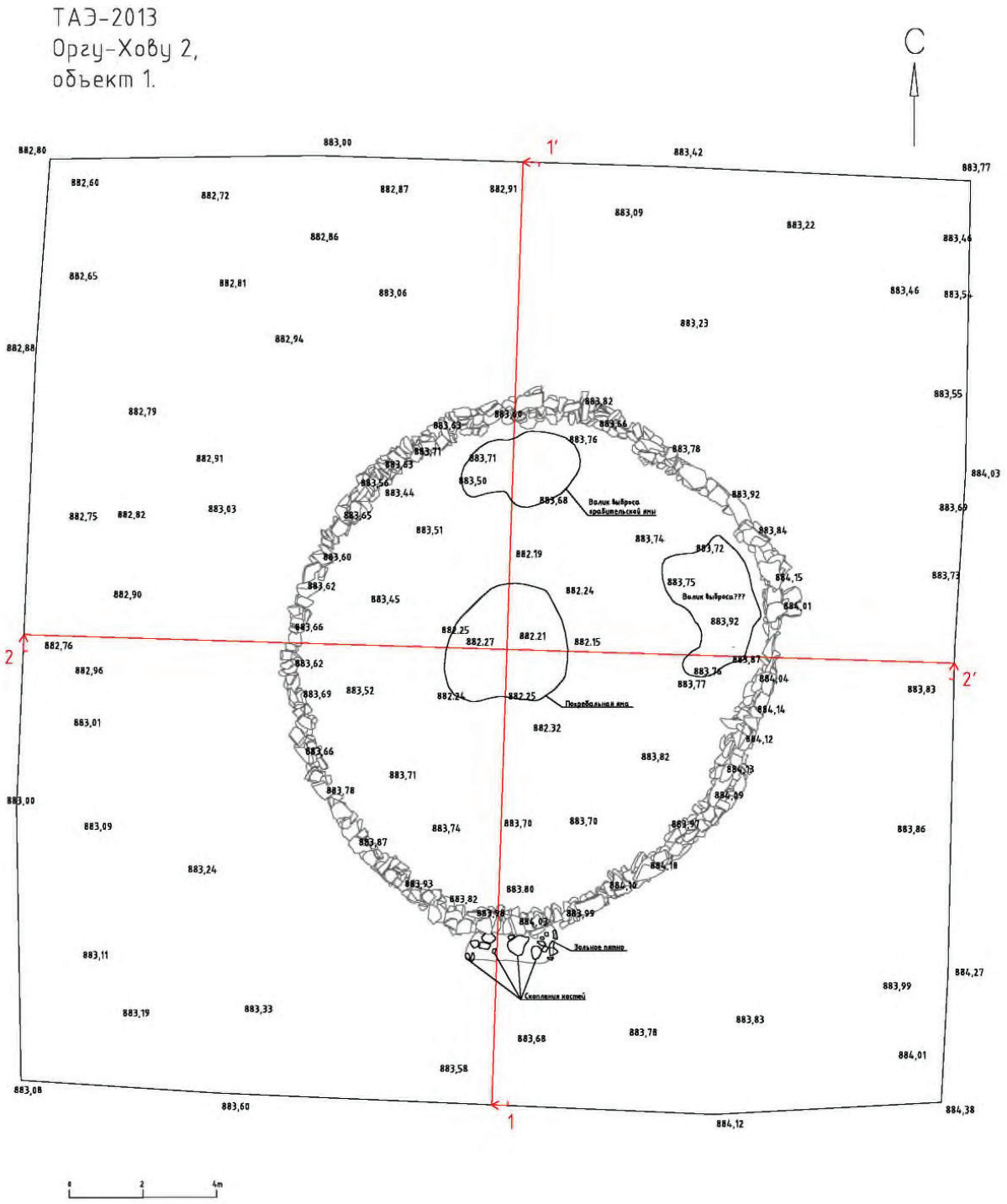

Рис. 38. Могильник Оргу-Хову 2 (2013 г.). Курган 1. План

Рис. 39. Могильник Оргу-Хову 2 (2013 г.). Курган 1. Остатки перекрытия сруба. Вид с северо-востока

стела, у основания которой обнаружены кости ягненка. Могильная яма заполнена темно-серой супесью, на ее дне открыто погребение взрослого человека, лежащего на спине, со слегка согнутыми ногами, головой на запад (рис. 45). За черепом у стенки ямы обнаружена кость животного (лопатка барана). Рядом с левой плечевой костью лежали четыре сильно корродированных железных наконечника стрел, еще один наконечник был найден у южной стенки ямы. В области тазовых костей обнаружены фрагменты железных изделий от ременной гарнитуры – обломки пряжки, накладки, бронзовая позолоченная серьга овальной формы размерами 0,02 × 0,02 м.

Курган 2. Наземное сооружение было окружено каменным кольцом-крепидой диаметром 8,50 м, построенным из девяти рядов горизонтально уложенных крупных и средних плит скальных пород. Внутри кургана устроено кольцо из вертикально поставленных плит размерами 0,40 × 0,90 м. Пространство между кольцами было заполнено плитами среднего и мелкого размера. В центре кургана находилась могильная яма овальной формы, размерами 1,30 × 0,80 м и глубиной 0,40 м, вытянутой по линии восток–запад. Заполнение ямы – темно-коричневая супесь, в которой обнаружены фрагменты плохо сохранившегося деревянного перекрытия, состоящего из семи-восьми тонких жердей длиной 1,20 м и шириной 0,05–0,07 м, уложенных по линии запад–восток (рис. 46). У края могильной ямы и в ее заполнении прослежены следы прокала и мелкие фрагменты кальцинированных костей. По южному краю погребения на уровне древней погребенной почвы обнаружены шесть ямок, обложенных небольшими плитками, которые, возможно, служили для установки жердей, удерживавших некую конструкцию. Остатков погребения в яме не обнаружено.

Курган 3 представлял собой сильно размытую водой и заиленную возвышенность природного происхождения, диаметром около 5,00 м и высотой 0,20 м, на поверхности которой лежали мелкие разрозненные каменные плитки.

Курган 4. Наземное сооружение окружала крепида диаметром 7 м, сложенная из двух–семи

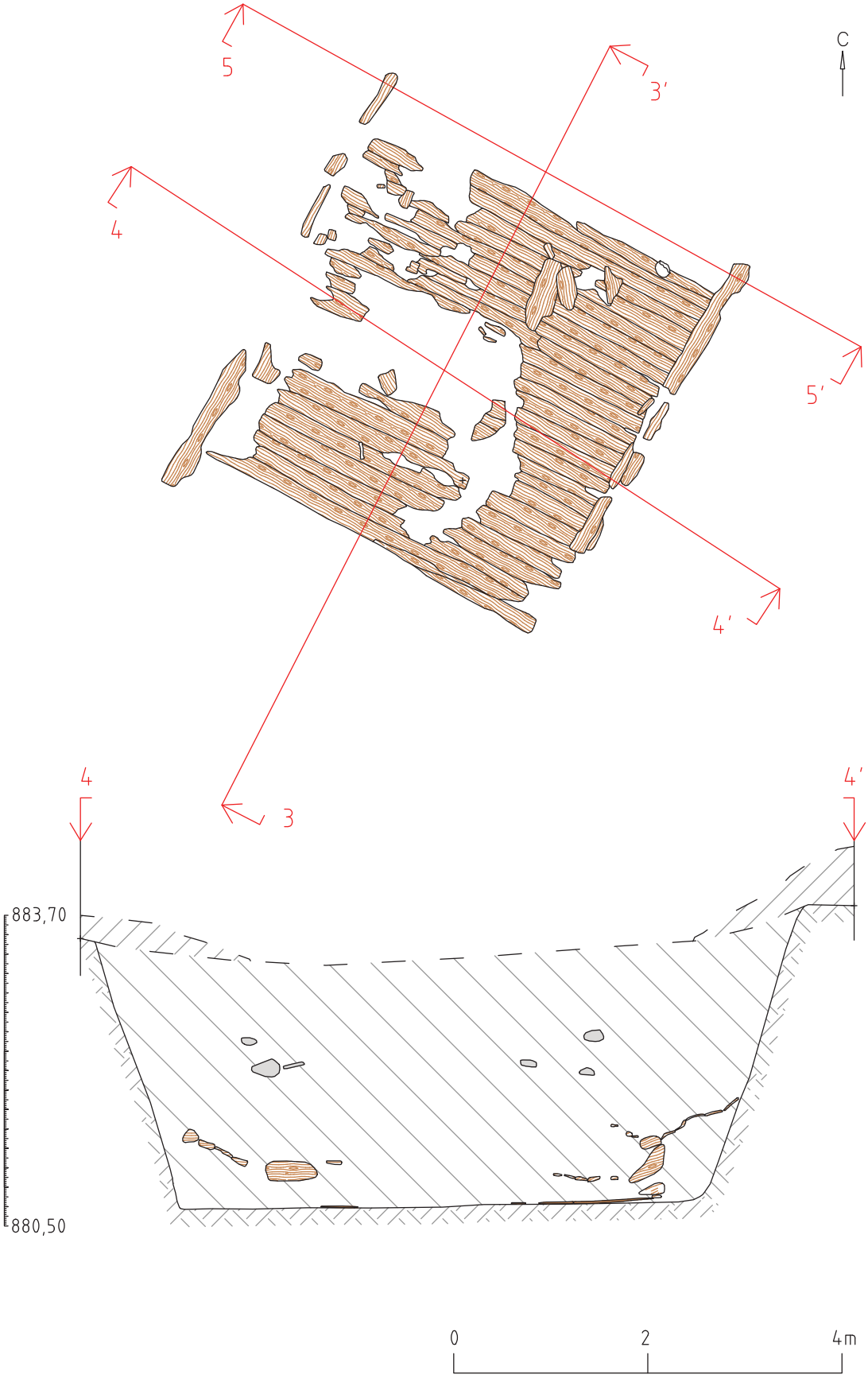

Рис. 40. Могильник Оргу-Хову 2 (2013 г.). Курган 1. План пола сруба

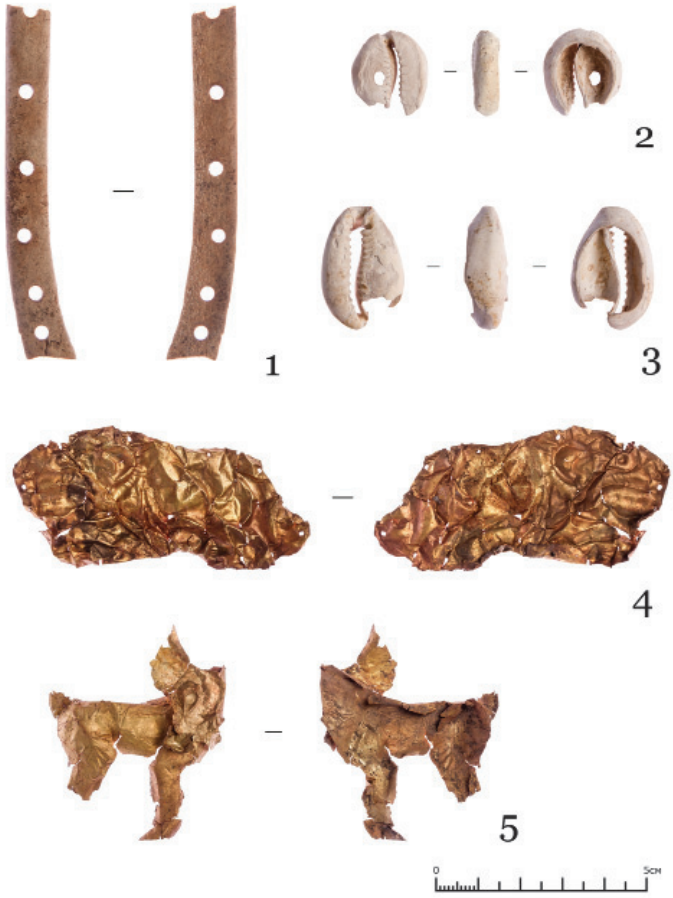

Рис. 41. Могильник Оргу-Хову 2 (2013 г.). Курган 1. Находки: 1 – кость; 2, 3 – раковины каури; 4, 5 – золото

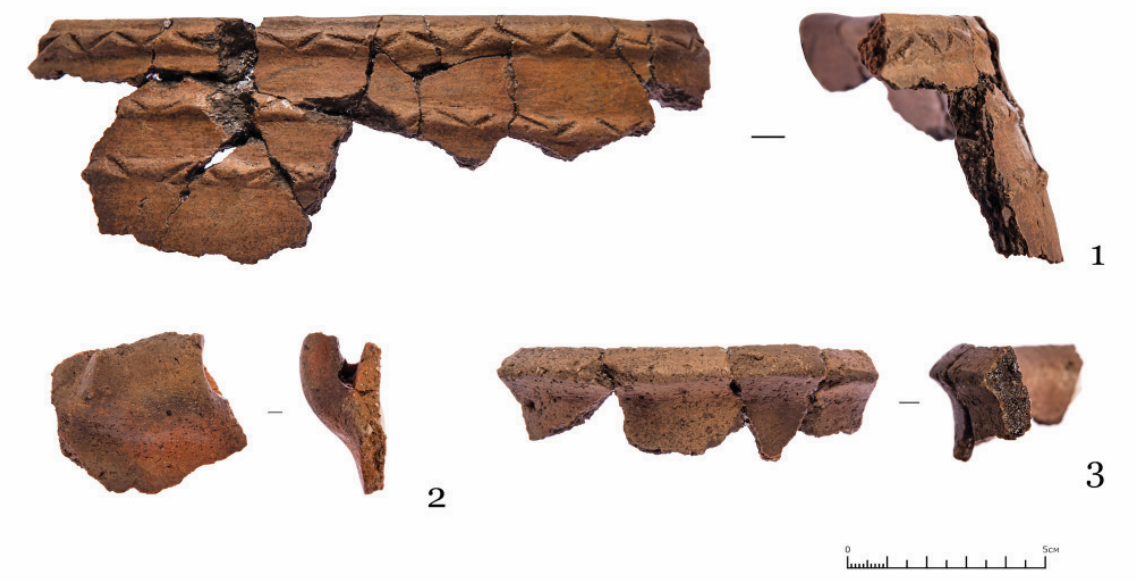

Рис. 42. Могильник Оргу-Хову 2 (2013 г.). Курганы 1 и 8. Фрагменты керамических сосудов

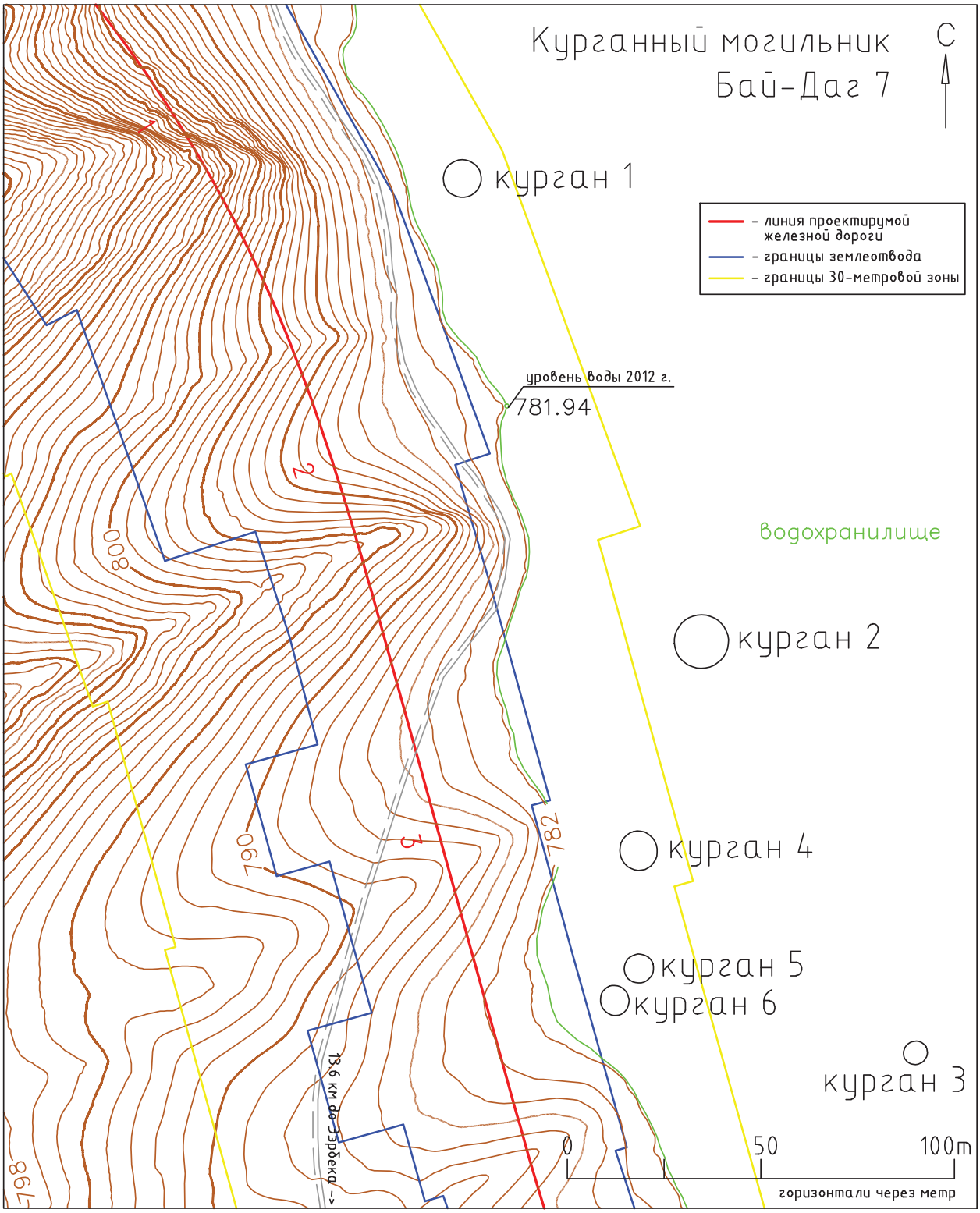

Рис. 43. Могильник Бай-Даг 7. План

Рис. 44. Могильник Бай-Даг 7 (2013 г.). Курган 1. Вид с севера

Рис. 45. Могильник Бай-Даг 7 (2013 г.). Курган 1. Погребение. Вид с юго-востока

Рис. 46. Могильник Бай-Даг 7 (2013 г.). Курган 2. Деревянное перекрытие ямы. Вид с запада

наклонных рядов плит. Само наземное сооружение состояло из обломков скал мелких и средних размеров, уложенных хаотично. В центре кургана на месте могильной ямы находилась западина с камнями и с остатками плохо сохранившегося деревянного перекрытия. Могильная яма, вытянутая по линии восток–запад, имела овальную форму размерами 1,80 × 1,40 м. На дне лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку и головой на запад (рис. 47). Рядом с ним найдены кости барана. Возле черепа лежал язычок железной пряжки и бронзовая проволочная серьга, вторая серьга найдена под черепом. В районе таза обнаружена сильно корродированная железная пряжка (?) размерами 0,02 × 0,02 м.

Курган 5 – сдвоенный комплекс (рис. 48). С юга к круглому кургану с крепидой из вертикально поставленных плит длиной 1,20 м было пристроено подковообразное сооружение диаметром 5 м, также с крепидой из вертикальных или слегка наклонных плит длиной 0,70 м. Обнаружено три погребения в могильных ямах, ориентированных длинной осью по линии восток–запад. Погребение 1, обнаруженное в яме размерами 1,50 × 0,80 м и глубиной 0,40 м, – захоронение мужчины, на правом боку, в скорченном положении, головой на запад, сверху перекрытое материалом органического происхождения, темно-коричневого цвета. На дне могильной ямы под костями также заметны следы органического материала красноватого оттенка. Рядом лежали крупные кости барана. Погребение 2, обнаруженное в яме овальной формы размерами 1,20 × 0,70 м и глубиной 0,30 м, имело деревянное перекрытие из семи деревянных жердей, уложенных по линии запад–восток. В яме найдено захоронение женщины на правом боку, в скорченном положении, головой на запад, сверху перекрытое материалом органического происхождения, темно-коричневого цвета. На дне ямы также прослежены следы органики. Рядом с погребенной лежали крупные кости барана. Погребение 3, обнаруженное в яме овальной формы размерами 1,20 × 0,70 м, перекрыто жердями по линии запад–восток. На дне ямы найдено захоронение подростка 10–12 лет, положенного скорченно, на правом боку, головой на запад. На скелете и под ним прослежены остатки материала органического происхождения, темно-коричневого цвета. Рядом лежали кости барана. Возле черепа найдены мелкие обломки железного изделия, предположительно наконечника стрелы.

Курган 6. Насыпь сложена из переотложенной светло-серой супеси с беспорядочно наваленными камнями и щебнем. В его центральной части прослежены остатки кострищ с большим содержанием

Рис. 47. Могильник Бай-Даг 7 (2013 г.). Курган 4. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 48. Могильник Бай-Даг 7 (2013 г.). Курган 5. Погребения. Вид с востока

угля и золы современного происхождения. Сама насыпь сформировалась отчасти под воздействием природных факторов, отчасти при возведении дамбы водохранилища с использованием тяжелой строительной техники.

В результате раскопок на могильнике Бай-Даг 7 обнаружены пять погребений и найдены 26 артефактов: обломки керамики, железные наконечники стрел, железные пряжки и распределители ремней, две бронзовые серьги и одна бронзовая серьга с позолотой, украшенная каплевидной подвеской и боковым ушком (рис. 49).

Культурно-историческая атрибуция исследованных объектов затруднена, так как подобные захоронения в Туве нам пока неизвестны. По конструкции наземных сооружений, окруженных каменным кольцом-крепидой, форме ям, ориентации по линии запад–восток, скорченному положению погребенных на боку головой на запад они могут быть соотнесены с памятниками скифского времени. Все погребения совершены в грунтовых ямах без внутренних конструкций, с перекрытиями из жердей, с жертвенной пищей в виде частей барана, с погребальным инвентарем. Все эти признаки позволяют относить вышеописанные погребения к переходной эпохе от гунно-сарматского времени к раннему Средневековью, которая до сих пор слабо изучена в Туве.

Разведки по трассе железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино в 2013 г.

В 2013 г. ТАЭ ИИМК РАН проводила археологические разведки в зоне строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино на территории Республики Тыва от планируемой станции Ээрбек на правом берегу р. Ээрбек с переходом на левый берег и далее вверх по высокой террасе правого берега Улуг-Хема до источника Кундустуг, где планируется строительство железнодорожной станции Кызыл (396–411 км трассы) (рис. 50).

Рис. 49. Могильник Бай-Даг 7 (2013 г.). Кургана 1. Находки: 1, 2, 4–8 – железо; 3 – бронза с позолотой

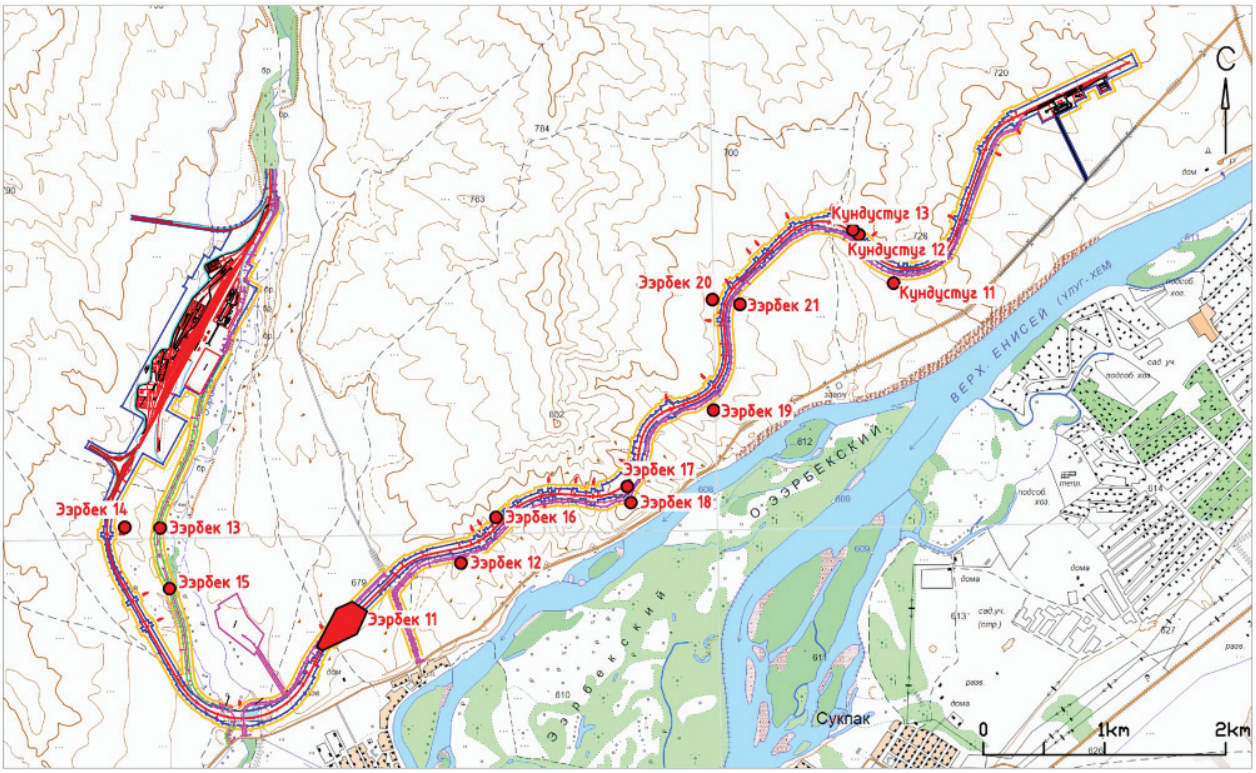

Рис. 50. Карта-схема расположения памятников по линии железной дороги, обнаруженных в ходе разведок 2013 г.

Разведка велась по новому проекту, который отличался от предыдущего варианта: из всех обнаруженных в 2009–2010 гг. памятников в новый проект землеотвода попадали только четыре. В непосредственной близости от новой линии зафиксированы 14 курганных могильников, все они нанесены на карту и названы по тому же принципу, что и при разведках 2009–2010 гг. – Кундустуг 11–13 и Ээрбек 11–21. Восемь из них попадали в зону землеотвода полностью или частично (всего 31 курган). Самый крупный могильник – Ээрбек 11 (25 курганов) – находится в непосредственной близости от памятника Ээрбек 10, который изучался в течение последних трех лет. Все могильники, зафиксированные в 2013 г., включали курганы эпохи Средневековья и, возможно, поздней бронзы.

Заключение

Полевые исследования, проведенные Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН по трассе планируемой железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино, оказались весьма результативными, они обогатили отечественную археологическую науку новыми фактами развития дописьменных обществ в этой части Центральной Азии. Так, на могильнике Белое Озеро 3 был раскопан комплекс элитных погребений: четыре кургана и сопровождавшие их поминальные выкладки. Размеры курганных сооружений, десятки поминальников, а также обнаруженные в погребениях изделия из драгоценных металлов, безусловно, свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных в раннескифское время, сменивших вождей алды-бельской культуры. Между тем наследие алды-бельской культуры все более отчетливо прослеживается на ранних стадиях формирования уюкской культуры, появление которой в целом связано с эгалитаризацией кочевых племен степной Евразии, начиная с конца VI – начала V в. до н.э. Взаимодействие различных групп ранних кочевников на Саяно-Алтайском нагорье приводит к аккультурации различных племенных объединений и их постепенному слиянию. Исследования 2013 г. в Долине царей указывают на присутствие носителей саглынской и уюкской культур практически по соседству. Дальнейшая история Центральной Азии связана со сравнительно недолгим господством сюнну, распространившими свою власть от Ордоса до окраин Восточного Туркестана. После их рассеяния происходят события, слабо отраженные в памятниках археологии первых веков нашей эры, которые можно назвать «темными веками».

Источники и литература

Горелик М. В., 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.

Грязнов М. П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.

Добжанский В. Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.

Марсадолов Л. С., 2004. Памятник Аржан IV в Туве // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ.

Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.

Худяков Ю. С., Соловьев А. И., 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Чугунов К. В., 2004. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.

Чугунов К. В., 2007. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.

Шелепова Е. В., 2009. Сакральное пространство и погребально-поминальные обряды в культурах кочевников Центральной Азии раннескифского времени. Барнаул.

Подводные археологические исследования древнегреческого города Акра в 2011–2013 гг.

С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев

Локализация и история исследований

Древнегреческий город Акра расположен вблизи современного села Заветное (Ленинский район, АР Крым) в 30 км к югу от Керчи (рис. 1; 2). Споры о его локализации длятся уже давно, что объясняется разночтениями в античных письменных источниках, упоминавших Акру на берегу Боспора Киммерийского между Нимфеем и Китеем (Strabo XI. 2. 8: 132; Pliny IV. 86: 183; Arr. 513–522; Ps. Arr. 282). Начиная с XVIII в., и почти весь XX в. Акру помещали в разных местах между мысами Малый и Такиль (Taitbout de Marigny, 1856. P. 158; Dubois de Montpereux, 1843. P. 252; Дю Брюкс, 1858. С. 67–69; Бларамберг, 1848. С. 8, 9; Ашик, 1848; Паллас, 1881. С. 90, 91; Латышев, 1892. С. 2; Ростовцев, 1925. С. 257, 258; Марти, 1927. С. 54; Гайдукевич, 1949. С. 179, 212; Блаватский, 1954. С. 22; Кругликова, 1975. С. 16; Масленников, 1979. С. 36, 37). Лишь в 80-е гг. XX в. после многочисленных находок древних монет на песчаной перемычке между озером Яныш и Черным морем и обнаружения в непосредственной близости от нее под водой остатков каменных стен стало возможным более уверенно высказываться в пользу нахождения в этом месте древней Акры. Летом 1982 г. В. Н. Холодков (Керченский музей-заповедник) провел первые археологические раскопки, как на песчаной пересыпи, так и на холме к югу от озера Яныш, в ходе которых были найдены античные культурные напластования и строительные остатки. В 1983–1985 гг. К. К. Шилик (ЛОИА АН СССР) начал подводные исследования в этом районе и обнаружил древний город, лежавший на глубине до 4,50 м, к востоку от которого до глубины 7,50 м располагалась его гавань. В ходе подводных исследований были прослежены оборонительные стены, две башни и колодец, в заполнении которого найдены семь гераклейских амфор, обломки чернолаковой посуды, фрагмент свинцового штока якоря, деревянные детали мебели (?), выточенные на токарном станке, датированные IV в. до н.э. (Шилик, 1984. С. 19; 1991. С. 427–434; 2013. С. 45–47, 52–55). В 1994–1997, 2001 гг. археологические исследования Акры были продолжены как на суше, так и под водой А. В. Куликовым (Керченский музей-заповедник) (Грабовецкий, Куликов, 1998. С. 80–83).

Как выяснилось в результате этих исследований, древний город занимал северо-восточную оконечность мыса, образованного устьем древней безымянной реки и Боспором Киммерийским (рис. 3). Занимаемая им территория, вероятно, имела трапециевидную форму площадью около 3,5 га, которая в настоящее время почти полностью скрыта морем, за исключением небольшого западного участка на песчаной косе, отделившей устье древней реки, превратившейся в современное озеро Яныш, от Керченского пролива. Акра, по-видимому, была основана выходцами из Нимфея или Пантикапея в конце VI в. до н.э. и оставалась городом в составе Боспорского царства до начала IV в. В ходе Нимфейской трансгрессии Черного моря, начавшейся в конце I тыс. до н.э., древний город постепенно оказался на глубине 4,50 м. Особенности тектонических и волновых процессов в этой части Керченского пролива (Куликов, 1995. С. 97–107; Никонов, 1998. С. 88–92) привели к тому, что древние культурные напластования в основном не были размыты, а строительные остатки не были разрушены полностью, они лишь отчасти оказались скрытыми песчаными наносами.

Основные результаты подводных археологических исследований в 2011–2013 гг.

Подводные археологические исследования Акры были возобновлены в 2011 г. совместными усилиями Государственного Эрмитажа, Черноморского центра подводных исследований (Крым) и ИИМК РАН

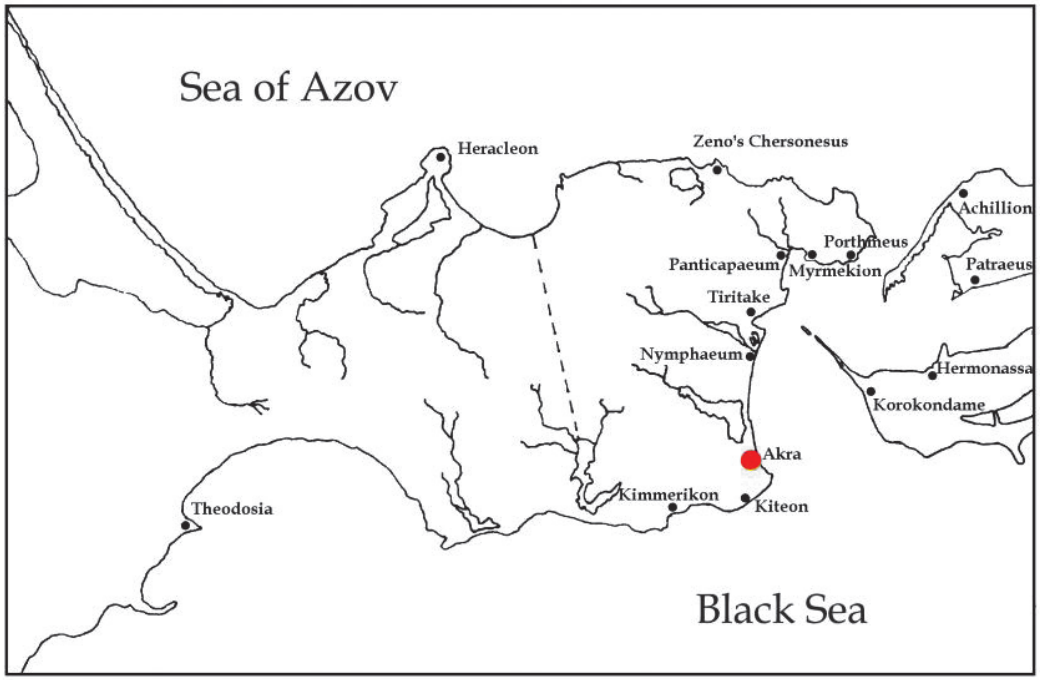

Рис. 1. Карта Восточного Крыма и Керченского пролива с указанием древнегреческих городов

Рис. 2. Древний город Акра у современного села Заветное. Вид с юга

Рис. 3. План местоположения остатков древней Акры

(Вахонеев и др., 2012; Вахонеев, 2013; Вахонеев, Соловьев, 2013). В ходе визуального осмотра подводной части городища, которая исследовалась до глубин 7 м, были отмечены следующие особенности. На пляже и в зоне прибоя найдено большое количество керамики, вымытой морем и выброшенной на берег уже в сильно окатанном виде. До глубины 1,00–1,50 м вся территория памятника оказалась занесена песком, кроме северной части городища. До глубин 2,50 м практически по всей его площади были отмечены развалы крупных и средних камней, возможно оставшиеся от размытых кладок. На глубине 4–5 м заметны отдельные мелкие фрагменты керамики и нагромождения крупных камней без следов обработки, переходящие в естественные гряды.

Археологические раскопки велись с помощью гидроэжекторов (рис. 4), присоединенных к мотопомпам посредством рукавов, выводивших извлекаемый грунт в боксы с мелкоячеистой сетью для сбора мелких находок (рис. 5). Графическая и фотофиксация велась с использованием обычных измерительных приспособлений (рис. 6), а также жестких металлических рамок размерами 2 × 2 м (рис. 7). Инструментальная фиксация археологических объектов и их картографирование проведены с помощью тахеометра.

Основное внимание было уделено юго-западной и северной оборонительным стенам. Юго-западная стена прослежена на протяжении 150 м по линии северо-запад–юго-восток до глубины 2,50 м. Ширина стены колебалась в пределах 1,75–2,00 м (рис. 8). Кладка двухлицевая трехслойная, состоит из двух панцирей, выложенных по постелистой системе из слабо обработанных камней средних размеров, отесанных по фасаду, с забутовкой среднего слоя камнями мелких и средних размеров. Стена возвышается над грунтом на один-два ряда камней.

Для детальной графической фиксации стены на одном из ее участков, площадью 40 кв. м, была разбита сетка квадратов размерами 1 × 1 м, а для проверки мощности культурных напластований заложен шурф размерами 2,00 × 1,50 м. Глубина шурфа за два года исследований достигла отметки 1,80 м (рис. 9). Восточный фас оборонительной стены был открыт на высоту семь–девять рядов камней, в основании к нему примыкали большие каменные плиты, возможно, вымостки. Археологический материал из культурного слоя – плотного серого суглинка – может быть датирован не ранее середины IV в. до н.э. В его состав вошли разнообразные вещественные находки: медные пантикапейские монеты, бронзовые и свинцовые предметы, обломки и целые формы красноглиняной посуды, фрагменты амфор с клеймами, в том числе горло гераклейской амфоры с клеймом «ΕΠΙΚΑΛΛΙΑ ΑΓΑΘΩΝ» (рис. 10–12).

К северо-востоку от шурфа под наносами песка, на глубине 1,60 м, обнаружены остатки каменных конструкций. После их расчистки выяснилось, что

Рис. 4. Акра (2013 г.). Расчистка стен с помощью гидроэжектора

Рис. 5. Акра (2011 г.). Промывка грунта с целью сбора вещественных находок

Рис. 6. Акра (2012 г.). Графическая фиксация Юго-западной оборонительной стены

они принадлежали помещению площадью 25 кв. м, образованному каменными стенами (рис. 13), сохранившимися на высоту до 0,80 м, на три ряда камней. У северо-восточного угла на полу найден развал гераклейской амфоры (рис. 14). Археологический материал из помещения датируется серединой IV в. до н.э. (рис. 15). К северо-западу от помещения на глубине 1 м, на площади 20 кв. м открыта каменная вымостка, сложенная из плит (рис. 16). Особенности расположения вымостки, а также археологический материал, обнаруженный на ее поверхности, позволяют связать ее с открытым ранее помещением и датировать тем же временем – IV в. до н.э.

В 2012 г. проводилось исследование развала северной оборонительной стены (рис. 17), ориентированной по линии запад–восток, расположенной неподалеку от остатков причала 1930–1940-х гг. на глубине 0,50–1,35 м. После очистки стены от водорослей выяснилось, что кладка возвышается

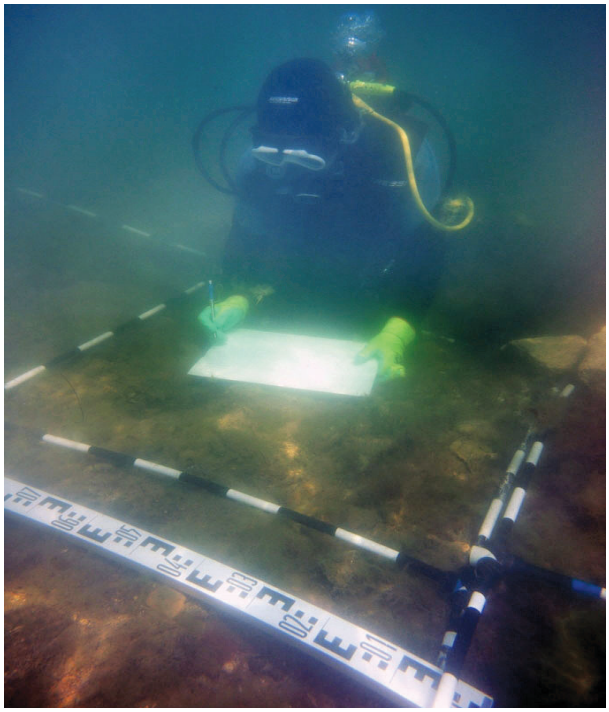

Рис. 7. Акра (2012 г.). Графическая фиксация каменной вымостки

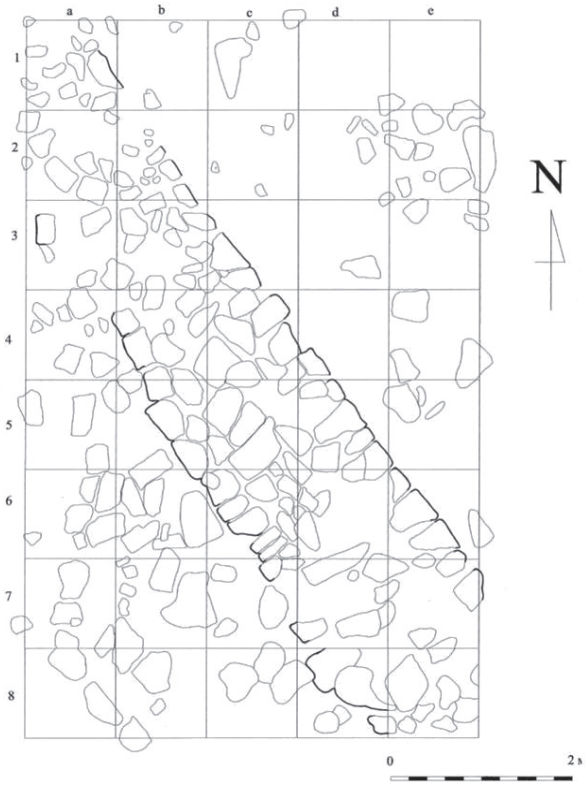

Рис. 8. Акра (2012 г.). План участка юго-западной оборонительной стены

над дном на один-два ряда камней и имеет ширину 2 м. Северный фас стены скрыт завалами камней, в свою очередь, южный фас хорошо сохранился и отчетливо виден. Кладка стены трехслойная двухлицевая, ее фасы сложены из грубо отесанных камней средних и крупных размеров, средний слой – забутовка из камней средних размеров. По ориентации и характеру кладки северная стена несколько отличается от юго-западной оборонительной стены, поэтому ее строительство следует относить к более позднему времени.

Основными результатами работ 2013 г. стало составление археологической карты памятника в его затопленной морем части с учетом современной береговой линии, а также раскопки оборонительной башни площадью 48 кв. м, пристроенной к внешнему фасу юго-западной оборонительной стены (рис. 18; 19). Стены башни сложены из больших каменных рустованных плит, длиной до 1,50 м и шириной 1,00 м (рис. 20). Как показали раскопки внутри башни, ее стены опирались на деревянную конструкцию, составленную из массивных продольных и поперечных балок с пазами в местах их стыковки (рис. 21; 22). В ходе этих работ найдены многочисленные керамические материалы, в том числе обломки аттической чернолаковой керамики и фрагменты амфорной тары Синопы, Гераклеи, Фасоса и Хиоса с клеймами, относящиеся к середине IV – началу III в. до н.э. (рис. 23), а также орнаментированный деревянный гребень (рис. 24). Таким образом, строительство башни у юго-западной оборонительной стены, очевидно, произошло вскоре после середины IV в. до н.э.

Акра в контексте подводных исследований в Северном Причерноморье

В классической археологии бытует мнение, что широкое и повсеместное нарушение культурных слоев и строительных остатков как результата исторического естественного повышения уровня Черного моря в процессе Нимфейской трансгрессии характерно для античных колоний в прибрежной зоне Северного Причерноморья (Shilik, 1997; Никонов, 1998). Отсюда следует, что подводная археология призвана играть второстепенную, прикладную роль, главным образом заключающуюся в собирании переотложенных археологических материалов. Примерами такого положения дел служат подводные исследования в Ольвии (Kryzhitskii, 1997; Назаров, 2003. С. 58–69; Вахонеев, 2013. С. 83–92), Фанагории (Кузнецов, 2008. С. 40–49) и Херсонесе (Shilik, 1997. P. 122, 123), где культурный слой оказывался не только размытым, но порой почти полностью изъятым при дноуглубительных работах. Между тем в

Рис. 9. Акра (2012 г.). Археологические раскопки в шурфе с помощью гидроэжектора

Рис. 10. Акра (2012 г.). Шурф. Горло гераклейской амфоры с клеймом

Рис. 11. Акра (2011 г.). Шурф. Красноглиняная чаша

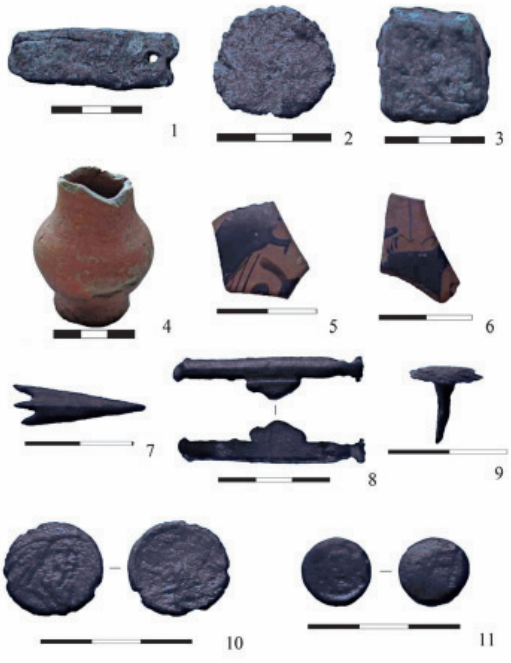

Рис. 12. Акра (2011 г.). Находки из шурфа: 1 – свинцовое рыболовное грузило; 2, 3 – свинцовые гирьки; 4 – красноглиняный кувшинчик; 5, 6 – обломки краснофигурной керамики; 7 – бронзовый наконечник стрелы; 8 – бронзовая накладка; 9 – медный гвоздь; 10, 11 – пантикапейские медные монеты

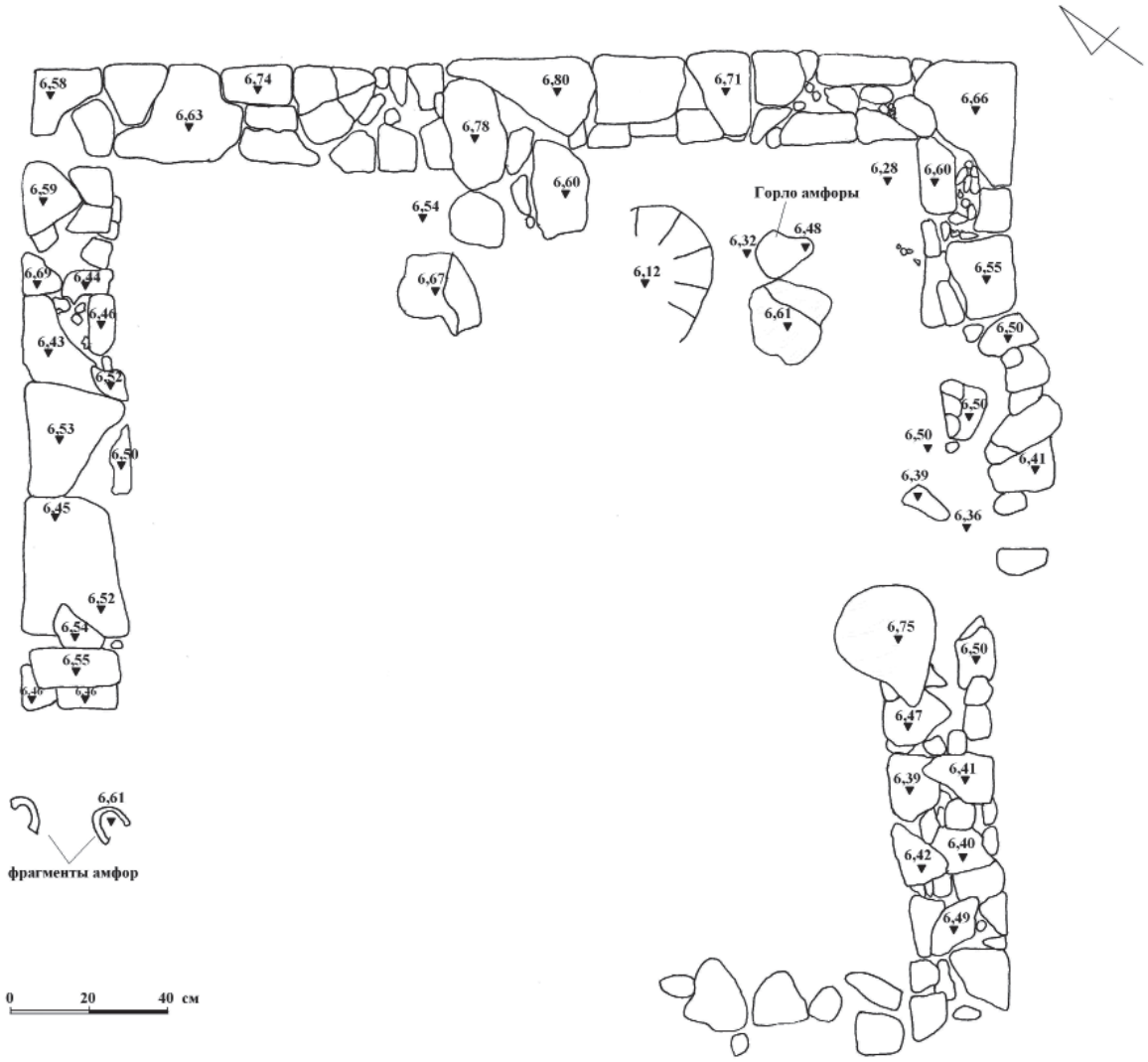

Рис. 13. Акра (2012 г.). Помещение 1. План

Рис. 14. Акра (2012 г.). Помещение 1. Гераклейская амфора

Рис. 15. Акра (2012 г.). Помещение 1. Чернолаковое рыбное блюдо с граффито

Рис. 16. Акра (2012 г.). Каменная вымостка. План

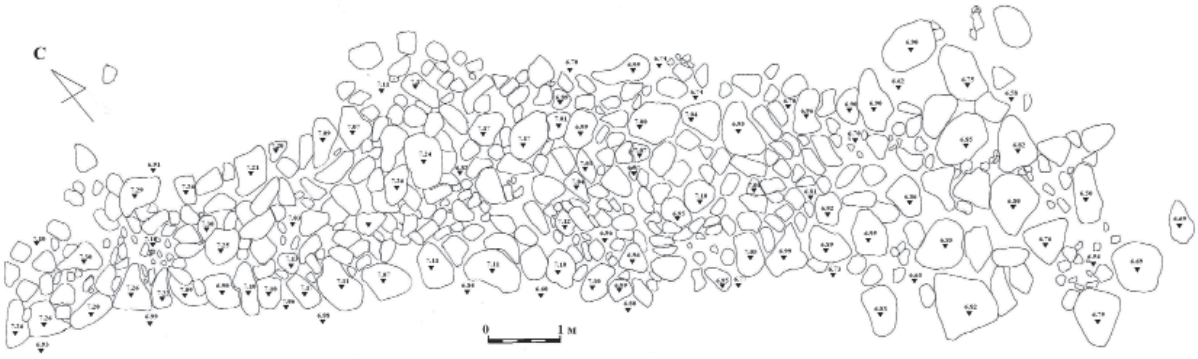

Рис. 17. Акра (2012 г.). Северная оборонительная стена. План

Рис. 18. Акра (2013 г.). Башня 1. Раскопки с помощью гидроэжектора

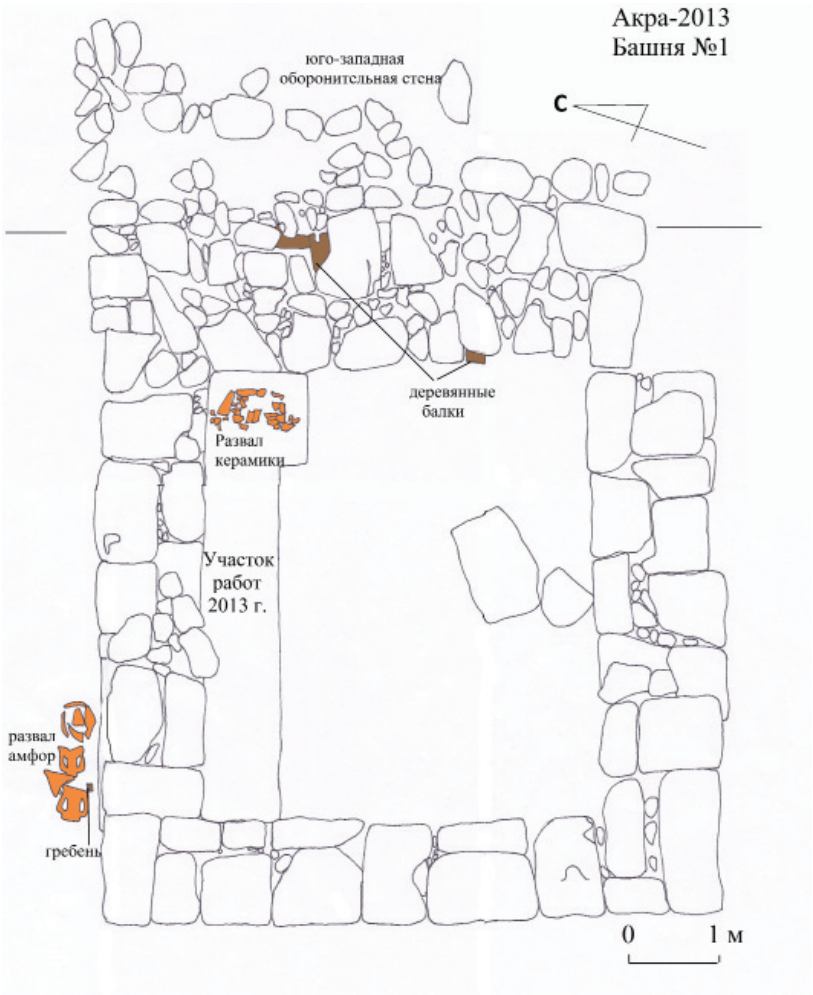

Рис. 19. Акра (2013 г.). Башня 1. План

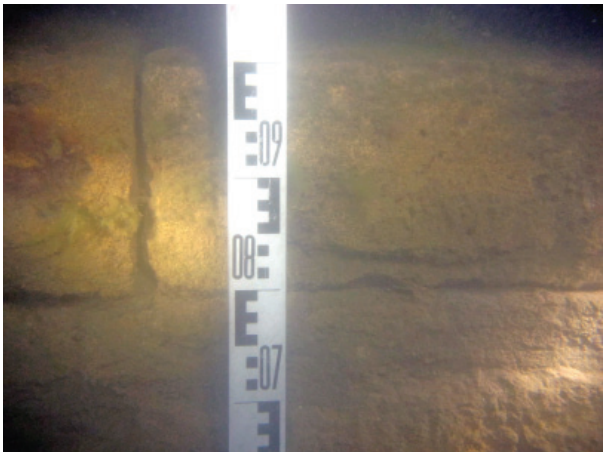

Рис. 20. Акра (2013 г.). Башня 1. Известняковые рустованные блоки в кладке стен

случае с Акрой уже первые результаты проведенных археологических исследований показали, что в отличие от других античных причерноморских памятников подводной археологии здесь сложилась уникальная для Черного моря ситуация, когда почти весь город оказался под водой, при этом в значительной мере не утратив своей целостности. Оценка этого феномена украинскими средствами массовой информации как Крымской Атлантиды, разумеется, сильно преувеличена, однако указанные археологические факты выводят Акру на одно из первых мест в бассейне Черного моря по степени ее значимости для подводной археологии, а исследования этого древнего города приобретают первостепенное значение не только для изучения античной истории и культуры Причерноморья, но и не в последнюю очередь для совершенствования методов подводной археологии

Рис. 21. Акра (2013 г.). Башня 1. Деревянная поперечная балка в основании стены

Рис. 23. Акра (2013 г.). Башня 1. Скопление амфор на дне шурфа

Рис. 22. Акра (2013 г.). Башня 1. Деревянная продольная балка в основании стены

Рис. 24. Акра (2013 г.). Башня 1. Орнаментированный деревянный гребень

как специфической и еще весьма молодой отрасли археологической науки. Хорошая сохранность подводных археологических объектов Акры делает ее уникальным памятником подводной археологии во всем Черноморском бассейне.

Источники и литература

Ашик А. Б., 1848. Боспорское царство. Одесса. Ч. 1.

Бларамберг И. П., 1848. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. № 2.

Блаватский В. Д., 1954. Архаический Боспор. М. (МИА. № 33).

Вахонеев В. В., 2013. Новейшие подводные археологические исследования в Ольвии и Акре // Изучение памятников морской археологии. СПб. № 7.

Вахонеев В. В., Соловьев С. Л., 2013. Подводные археологические исследования Акры (2011–2012 гг.) // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб.

Вахонеев В. В., Соловьев С. Л., Стэнсэл П., 2012. Подводные археологические исследования на Акре // Археологічні дослідження в Україне в 2011 р. Кїев.

Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.–Л.

Грабовецкий С. В., Куликов А. В., 1998. Обследование античного поселения в районе озера Яныш (Восточный Крым) // Изучение памятников морской археологии. СПб. № 3.

Дю Брюкс П., 1858. Описание развалин и следов городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. № 4.

Кругликова И. Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Кузнецов В. Д., 2008. Фанагория / отв. ред. В. Д. Кузнецов. М.

Куликов А. В., 1995. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск. № 2.

Латышев В. В., 1892. Краткий очерк истории Боспорского царства // ИТУАК. № 17.

Марти Ю. Ю., 1927. О результатах работ экспедиции Керченского музея по обследованию городищ Киммерика, Китея и Акры на Керченском полуострове летом 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь.

Масленников А. А., 1979. О локализации некоторых городов европейского Боспора первых веков н.э. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М.

Назаров В. В., 2003. Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох). Киев.

Никонов А. А., 1998. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // Изучение памятников морской археологии. СПб. № 3.

Паллас П. С., 1881. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. № 12.

Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор (критическое обозрение памятников литературных и археологических). Л.

Шилик К. К., 1984. О локализации Акры // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь.

Шилик К. К., 1991. Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Quatriemee symposium international. Sofia. (Thracia Pontica. Vol. 4).

Шилик К. К., 2013. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. СПб. № 7.

Dubois de Montpereux F., 1843. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris. Vol. 6.

Kryzhitskii S. D., 1997. The Landscape of the North Pontic City-States – a Case Study from Olbia // Landscape in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. Oxford (Colloquia Pontica. Vol. 3).

Shilik K. K., 1997. Oscillation of the Black Sea and Ancient Landscape // Landscape in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. Oxford. (Colloquia Pontica. Vol. 3).

Taitbout de Marign E. 1856. Hydrographie de la Mer Noire et de la Mer d'Azov. Déscription topographique et archéologique de leurs côtes depuis les temps ancient jusqu'a nos jours. Trieste.

Междисциплинарные исследования

Монетные находки в контексте раскопок по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12

А. Ю. Городилов, В. Н. Седых

В июле–сентябре 2011 г. Группой охранной археологии Института истории материальной культуры РАН были проведены археологические исследования на Большой Посадской ул., д. 12 (Лапшин, Городилов, 2013. С. 25–34). В ходе работ были заложены 12 разведочных шурфов и раскоп площадью 650 кв. м. В результате проведенных работ исследованы погребения начала XVIII в., культурные напластования XVIII–XIX вв., а также архитектурные остатки дома Риппаса. В процессе работ собрано более 7000 археологических находок.

Описание культурных напластований

Мощность культурных отложений в раскопе составила около 2 м и включала все периоды строительства Санкт-Петербурга, начиная от его основания до XX в. В процессе раскопок толщу культурных отложений удалось разделить на пять горизонтов, каждому из которых соответствовал свой характер использования территории на определенном отрезке времени.

Горизонт 1. 1830–1940-е гг. В начале этого периода на участке построен деревянный дом с каменным подвалом, принадлежавший инженер-капитану А. Риппасу, а более ранние деревянные постройки снесены. Дом просуществовал с незначительными перестройками до 1940-х гг., когда во время войны его деревянная часть была разобрана на дрова. В послевоенное время дом был окончательно разрушен, а территория заасфальтирована.

Горизонт 2. Начало XIX в. В этот период на участке возведена каркасно-столбовая конструкция с дощатым полом (постройка 1).

Горизонт 3. Середина – вторая половина XVIII в. В этот период большая часть исследуемой территории была отведена под сельскохозяйственные нужды, здесь формируется мощный пахотный слой темно-коричневого суглинка. В северном углу раскопа открыт угол деревянной срубной постройки, которую можно отнести к тому же времени.

Горизонты 4, 4а, 4б, 4в. 1720–1730-е гг. В этот период на участке проводится первоначальное благоустройство дороги, а именно: укладка булыжной мостовой, остатки которой обнаружены в южной части раскопа. Возможно, в этот же период была выкопана сточная канава вдоль дороги. Внутри домовладения также произошли значительные изменения. Здесь построен деревянный настил с целью благоустройства двора, в котором обнаружено большое количество хозяйственных ям.

Горизонт 5. 1710-е гг. В это время проведено первоначальное межевание участка, вдоль его южной границы проложена дорога, проходившая примерно на том же месте, что и современная Большая Посадская ул. Участок к северу от дороги вошел в состав домовладения сельскохозяйственного назначения.

Горизонт 6. 1700-е гг. В первые годы строительства Петербурга исследованный участок был занят кладбищем, к которому относились не менее 37 погребений, 16 из которых сопровождались находками бронзовых крестов-тельников (Лапшин, Городилов, 2013. С. 27–34). Погребальный обряд характерен для населения северо-запада России в целом, однако найденные костные останки принадлежат населению, близкому тому, которое проживало на Ижорском плато и в Южной Карелии.

Описание нумизматического материала

Монеты, найденные в ходе раскопок 2011 г., происходят из раскопа и пяти шурфов (шурфы 1, 4–6, 8), которые были заложены с целью определения границ распространения культурного слоя. В об-

щей сложности анализу подверглась выборка предметов в количестве 127 ед., часть из которых в ходе атрибуции были исключены из настоящего анализа. К ним относятся два предмета из медного сплава, принадлежавшие вырубкам, связанным с производственным процессом (БП11-Р01-55 и БП11-Р01-349) (рис. 1). Таким образом, нумизматическая выборка составила 125 монет разных номиналов.

Значительная часть монет имеет безусловные следы пребывания в обращении. Их состояние в целом может быть оценено как хорошее, за исключением нескольких экземпляров копеек чекана Петра I (БП11-Р01-5092, БП11-Р01-6004, БП11-Р01-6006). Другие монеты имеют отчетливые следы износа вследствие длительного пребывания в обращении или условий археологизации. Отдельные экземпляры несут на себе царапины, сплющены (денга 1770 г. – БП11-Р01-2729), изогнуты (1 копейка 1852 г. – БП11-Р01-4193), имеют слом (1 копейка 1704–1711 гг. – БП11-Р01-2174), использовались в качестве биты (5 копеек 1930 г. – БП11-Р01-40) или выгнуты битой, очевидно, при игре в «пристенок» (5 копеек 1872 г. – БП11-Р01-4202) (рис. 2). Шведская монета 1779 г. (БП11-Р01-13) имеет пропил и

Рис. 2. Монета, использованная при игре в «пристенок»

шлифовку гурта, возможно, в целях определения качества металла (серебра) (рис. 3). В коллекции отсутствуют монеты со следами вторичного использования (отверстия, ушки и пр.).

У большинства монет оси лицевой и оборотной сторон совпадают, т. е. они отчеканены сопряженными штемпелями. Однако у части монет оси сторон обращены в противоположные стороны (БП11-Ш01-23) или под различными углами (БП11-Р01-350, БП11-Р01-4195, БП11-Р01-4200, БП11-Р01-6117), что свидетельствует об их чеканке несопряженными штемпелями. Кроме того, некоторые монеты имеют незначительное смещение чекана (БП11-Р01-5510) или сдвиг и двойной удар (БП11-Р01-6005) (рис. 4).

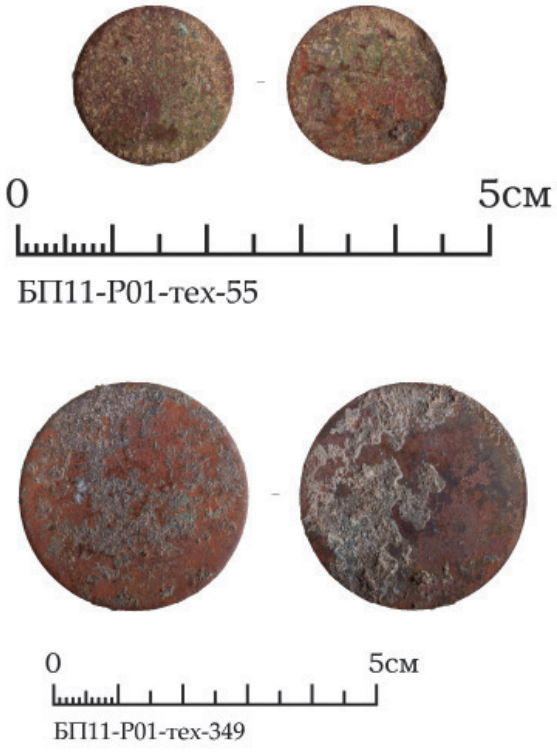

Рис. 1. Предметы из медного сплава, связанные с производственным процессом

Рис. 3. Шведская серебряная монета достоинством в 2/3 риксдалера (2 далера)

Рис. 4. Монета со сдвигом и двойным ударом

В некоторых случаях типологически однородные монеты плохой сохранности могут быть датированы в достаточно широких рамках, например российские монеты достоинством 2 копейки 1810–1830 гг. или шведские монеты достоинством 1/4 эре 1633–1660 гг. В выборке также представлены не вполне обычные монеты (см. ниже). Аналогии российским монетам императорского периода приведены по каталогу В. В. Узденикова (1985), монеты советского периода атрибутированы по каталогу И. И. Рылова и В. И. Соболина (1994). При определении иностранных монет был использован каталог шведских монет (Tingström, 1969) и другая справочная литература.

Обнаруженные в процессе раскопок монеты разделены на три группы: российские монеты 1700–1917 гг., монеты советского периода и монеты иностранных государств (табл. 1).

1. Российские монеты 1700–1917 гг.

Монеты этой группы представлены чеканами почти всех правителей России XVIII – начала XX в., за исключением монет Екатерины I, Петра II, Елизаветы Петровны и Петра III (табл. 2). Встречены в основном монеты малого достоинства: от 1/4 копейки (полушки) до 10 копеек, чеканенные исключительно из меди. До 1730 г. регулярная чеканка монеты производилась на 40 рублей из пуда меди.

По 10-рублевой монетной стопе были чеканены полушки и денги 1730–1754 гг., на аверсе которых изображен государственный герб, на реверсе в картуше – обозначение номинала и года чеканки. Таковых в коллекции 10 ед. Особый интерес представляет монета достоинством 1/4 копейки (полушка) 1731 г. (БП11-Р01-5497), перечеканенная из копейки чекана 1728–1729 гг. (Узденников, 1985. № 2426) (рис. 5).

С 1757 г. до начала XIX в. монеты чеканятся из расчета 16-рублевой стопы и отличаются устойчивым типом всех номиналов более развитой серии монет достоинством в 5, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки. В коллекции представлены монеты, в основном изготовленные на Екатеринбургском Медном монетном дворе.

В рамках XIX в. распределение монет вполне равномерное: представлены монеты всех номиналов (табл. 2), чеканенные на Петербургском, Колпинском (Ижорском) и Екатеринбургском монетных дворах. Разменные серебряные монеты, как и крупное серебро, в коллекции не представлены.

Таблица 1. Распределение групп монет в раскопах и шурфах

Объект	Монеты России	Монеты СССР	Иностранные монеты	Всего
Раскоп 1	55	56	5	116
Шурф 1	1	2	1	4
Шурф 4	1			1
Шурф 5	1			1
Шурф 6	2			2
Шурф 8			1	1
Всего	60	58	7	125

Таблица 2. Российские монеты 1700–1917 гг. из раскопа 1

Даты	1/4 коп.	1/2 коп.	1 коп.	2 коп.	3 коп.	5 коп.	10 коп.	15 коп.	20 коп.	Всего
Петр I (1689–1725)	2	4	10			1				17
Екатерина I (1725–1727)										
Петр II (1727–1730)										
Анна Иоанновна (1730–1740)	5	3								8
Елизавета Петровна (1741–1761)										
Екатерина II (1762–1796)	1	1				1				3
Павел I (1797–1800)			2							2
Александр I (1801–1825)				6						6
Николай I (1825-1855)		1	2	1		1	1			6
Александр II (1855–1881)						2				2
Александр III (1881–1894)				1						1
Николай II (1896–1917)		2	5	2	1					10
Всего	8	11	19	10	1	5	1			55

Рис. 5. Монета достоинством 1/4 копейки (полушка) 1731 г., перечеканенная из копейки 1728–1729 гг.

2. Монеты советского периода

Представленные в коллекции монеты советского периода принадлежат чекану 1924–1946 гг. (табл. 3). Особо следует отметить присутствие в коллекции медных советских монет первых лет чеканки, в том числе 1/2 копейки чекана 1927 г. (БП11-Р01-19). Монеты последующих лет достоинством 1, 2, 3 и 5 копеек изготовлены из алюминиевой бронзы, достоинством 10, 15, 20 копеек – из никелевого сплава. Большой интерес представляет монета достоинством 3 копейки 1931 г. (БП11-Р01-734), аверс которой отчеканен с использованием герба монеты достоинством 20 копеек 1924 г. Монеты из серебра в выборке отсутствуют. Распределение по номиналам и годам довольно равномерное. В составе находок из раскопа – из техногенного слоя и заполнения коллектора здания – представлены мо-

Таблица 3. Советские монеты из раскопа 1. Распределение по годам и номиналам

Год	1/2 копейки	1 копейка	2 копейки	3 копейки	5 копеек	10 копеек	15 копеек	20 копеек	Всего
1924		2		1					3
1925									
1926									
1927	1								1
1928									
1929		1							1
1930			1		5				6
1931				3	1			1	5
1932								3	3
1933		2				1		1	4
1934									
1935			1	1				1	3
1936			5				2	1	8
1937		1	3	1		1			6
1938		5	3						8
1939		2		1					3
1940		1	2		1				4
1941		1							1
Всего	1	15	15	7	7	2	2	7	56

неты исключительно довоенной чеканки, что свидетельствует о сносе дома в послевоенное время. Единственная монета чекана после 1945 г. – 10 копеек 1946 г. (БП11-Ш01-24) – происходит из шурфа 1. В связи с этим следует отметить отсутствие среди находок монет, чеканенных после войны и в постсоветский период.

3. Монеты иностранных государств

Нумизматические находки этой группы представлены семью монетами шести стран (табл. 4), среди которых старшей является плохо сохранившаяся медная монета достоинством в 1/4 эре (БП11-Р01-3827), выпущенная при королеве Кристине в 1633–1654 гг. Также в Швеции была отчеканена серебряная монета 1779 г. (БП11-Р01-13) достоинством 2/3 риксдалера (2 далера). К монетным находкам этой группы также относятся: монета Италии 1921 г. достоинством 5 чентезимо (БП11-Р01-20), Эстонии 1931 г. достоинством 5 сентов (БП11-Р01-21), Австро-Венгрии 1897 г. достоинством 2 геллера (БП11-Р01-4197), Франции 1856 г. достоинством 5 сантимов (БП11-Ш01-23), Финляндии 1914 г. достоинством 10 пенни (БП11-Ш08-325) (Узденников, 1985. № 4760).

Стратиграфическое распределение нумизматического материала

Нумизматические находки из горизонтов 1–3 происходили в значительной степени из переотложенных или нарушенных слоев, свидетельствующих об активной хозяйственной и строительной деятельности в пределах исследованного объекта в XIX в. В качестве датирующего источника монеты наиболее показательны при анализе объектов 4 и 5 горизонтов.

В 4 горизонте найдено 10 монет, одна из которых (БП11-Р01-Г04В-6006) скорее связана с 5 горизонтом. Остальные находки относятся ко времени функционирования деревянного настила, сооруженного в 1730-е гг. Непосредственно под деревянным настилом найдены две монеты: медная монета номиналом 1/4 копейки (полушка) 1713 г. (БП11-Р01-Г04Б-6005) и медная монета номиналом 1 копейка 1713–1716 гг. (БП11-Р01-Г04Б-6004). Обе обнаружены на кв. П/5, где настил сохранился лучше всего, непосредственно под досками, в слое щепы, формирование которого связано со строительством настила. Кроме них, в слое щепы на дне ямы 26 найдена медная монета номиналом 1 копейка 1713 г. (БП11-Р01-Г04-5416). Со временем функционирования деревянного настила связаны три медные монеты, обнаруженные в яме 43: номиналом 1/2 копейки (денга) 1731 г. (БП11-Р01-Г04-3643), 1736 г. (БП11-Р01-Г04-3644) и номиналом 1/4 копейки (полушка) 1736 г. (БП11-Р01-Г04-3826). На деревянном настиле найдена шведская медная монета номиналом 1/4 эре 1633–1654 гг. (БП11-Р01-Г04-3827). Такие монеты часто ввозились в Россию с середины XVII в., в том числе для последующей их перечеканки (Потин, 1974. С. 188–216). Две медные монеты, позволяющие датировать начало формирования слоя темно-коричневого гумусированного суглинка с кирпичной крошкой и, следовательно, конец использования деревянного настила, найденные на кв. М10 и Л10, представлены номиналом 1/2 копейки (денга) 1738 г. (БП11-Р01-Г04А-5511) и номиналом 1/4 копейки (полушка) 1735 г. (БП11-Р01-Г03-6117).

Таблица 4. Иностранные монеты из раскопок 2011 г.

Объект	Страна	Номинал	Год чеканки	горизонт
Раскоп 1	Швеция	1/4 эре	1633–1654	горизонт 4
Раскоп 1	Австро-Венгрия	2 геллера	1897	горизонт 1Д
Раскоп 1	Швеция	2/3 риксдалера	1779	техноген
Раскоп 1	Италия	5 чентезимо	1921	техноген
Раскоп 1	Эстония	5 сентов	1931	техноген
Шурф № 1	Франция	5 сантимов	1856	горизонт 1
Шурф № 8	Финляндия	10 пенни	1914	техноген

Обе монеты синхронны тем, что были найдены в яме 43. Из хозяйственных ям, связанных с настилом, происходит всего одна монета, найденная в яме 55 в слое темно-коричневого гумусированного суглинка со щепой, номиналом 1/4 копейки (полушка) 1720 г. (БП11-Р01-Г04-4427).

В целом монеты, найденные в слоях 4 горизонта, позволяют примерно определить хронологические рамки функционирования деревянного настила от его сооружения не ранее середины второго десятилетия XVIII в. до конца его использования не ранее 1738 г. Учитывая тот факт, что монеты 1730-х гг., найденные на деревянном настиле, имели достаточно длительное время обращения, верхняя хронологическая граница функционирования деревянного настила может быть отодвинута вплоть до середины XVIII в. Предложенные даты хорошо согласуются с датировками, полученными на основании анализа находок белоглиняных курительных трубок.

В материалах 5 горизонта было найдено семь медных монет: две медные денги 1704 и 1705 гг. (БП11-Р01-Г05-2173 и БП11-Р01-Г05-2730) и пять медных копеек 1710, 1712, 1713 (2 экз.) и 1714 гг. (БП11-Р01-Г05-2728, БП11-Р01-Г05-6008, БП11-Р01-Г05-5510, БП11-Р01-Г04В-6006, БП11-Р01-Г05-6007). Совместное нахождение всех этих монет позволяет отнести время первоначального хозяйственного освоения исследуемой территории к 1700–1710-м гг. (табл. 5).

Таблица 5. Датировка объектов раскопа 1 на основе нумизматического материала

Объект	Дата монеты
Горизонт 1, постройка 1	1766
Горизонт 1, яма 1	1936, 1938, 1940
Горизонт 1, яма 3	1876
Горизонт 1, яма 4	1768
Горизонт 1Д, пол	1810–1818, 1812, 1833, 1840, 1841, 1851, 1852, 1872, 1897, 1931, 1932
Горизонт 2, яма 3	1704–1711
Горизонт 2, яма 14	1700–1725, 1810–1830
Горизонт 4, яма 43	1731, 1736
Горизонт 4, яма 55	1720
Горизонт 5	1704, 1705, 1710, 1712, 1713, 1714

Источники и литература

Лапшин В. А., Городилов А. Ю., 2013. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН. № 3. СПб.

Потин В. М., 1974. Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. Таллин. Т. 19.

Рылов И. И., Соболин В. И., 1994. Монеты России и СССР. М.

Узденников В. В., 1985. Монеты России. 1700–1917. М.

Tingström B. 1969. Swedish Coins 1521–1968. Stockholm.

Результаты антропологического исследования скелетных останков из материалов раскопок кладбища начала XVIII в. на Большой Посадской ул.

А. А. Казарницкий, И. Г. Широбоков

В ходе археологических работ на Большой Посадской ул. Петроградского района Санкт-Петербурга в июле–октябре 2011 г. под фундаментом дома XIX в. были обнаружены захоронения, относящиеся к кладбищу начала XVIII в. (Лапшин, Городилов, 2013. С.25). В общей сложности было вскрыто более 30 индивидуальных и коллективных могил, костные останки из которых были переданы для дальнейшего изучения в Отдел антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

В большинстве своем скелеты имели плохую или очень плохую сохранность, что ограничило возможности классических методов палеоантропологического исследования. Определение пола и возраста погребенных, описание индивидуальных и средних кранио- и остеологических особенностей, фиксация травм и патологий производились по стандартным криминалистическим и антропологическим методикам (Добряк, 1960; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Мамонова и др., 1989; Бужилова, 1998).

В результате раскопок извлечены останки 35 индивидов: 24 скелета мужского пола (68,6 % от общего числа), восемь скелетов женского пола (22,9 %) и три скелета, определение половой принадлежности которых оказалось невозможным по причине плохой сохранности костей (8,5 %). Средний возраст умерших мужчин составляет 34 года, у женщин – 26 лет. Не встречено ни одного погребения с индивидами из возрастных категорий до 15 лет и старше 50 лет (рис. 1). В мужской части выборки средний возраст смерти и отсутствие среди погребенных стариков соответствуют демографическим показателям западноевропейского городского населения Нового времени (Френкель, 1964; Федосова, 1994). Однако, в отличие от последних, в исследуемой серии крайне незначительно число женских погребений, не достигающее четверти общей численности, и полностью отсутствуют детские скелеты. Наблюдаемая половозрастная асимметрия несвойственна долговременной популяционной группе, имеющей достаточную для самовоспроизведения численность. Следовательно, если в результате археологических работ на Большой Посадской ул. была вскрыта бóльшая часть кладбища, то полученные демографические показатели могут свидетельствовать о том, что оно было оставлено относительно краткосрочным, преимущественно мужским коллективом.

Из прижизненных повреждений на мужских скелетах отмечены три случая травмирования: свода черепа со следами заживления (погребения № 4, 6, 15Б), одна травма костей дистальной части правого предплечья (погребение № 22) и одна травма дистальной части дорсальной стороны левой большой берцовой кости (погребение № 18) с облитерацией и образованием костных мозолей, а также один случай прижизненной потери стоп обеих ног без следов заживления (погребение № 24).

В мужской серии длина плечевых костей большая, наименьшая окружность диафиза и массивность средние, по указателю сечения – эврибрахия. Лучевые кости массивные, диафиз по указателю сечения уплощенный; предплечье относительно короткое (по луче-плечевому индексу – брахикеркия). Ключицы средней длины, правые длиннее левых. Бедренные кости средней длины и толщины, индекс пилястрии невысок. Продольные и поперечные размеры больших берцовых костей находятся в категории средних значений, по указателю сечения – эурикнемия. Массивность бедренных и больших берцовых костей также средняя. Статистически значимые различия между поперечными размерами костей правой и левой сторон

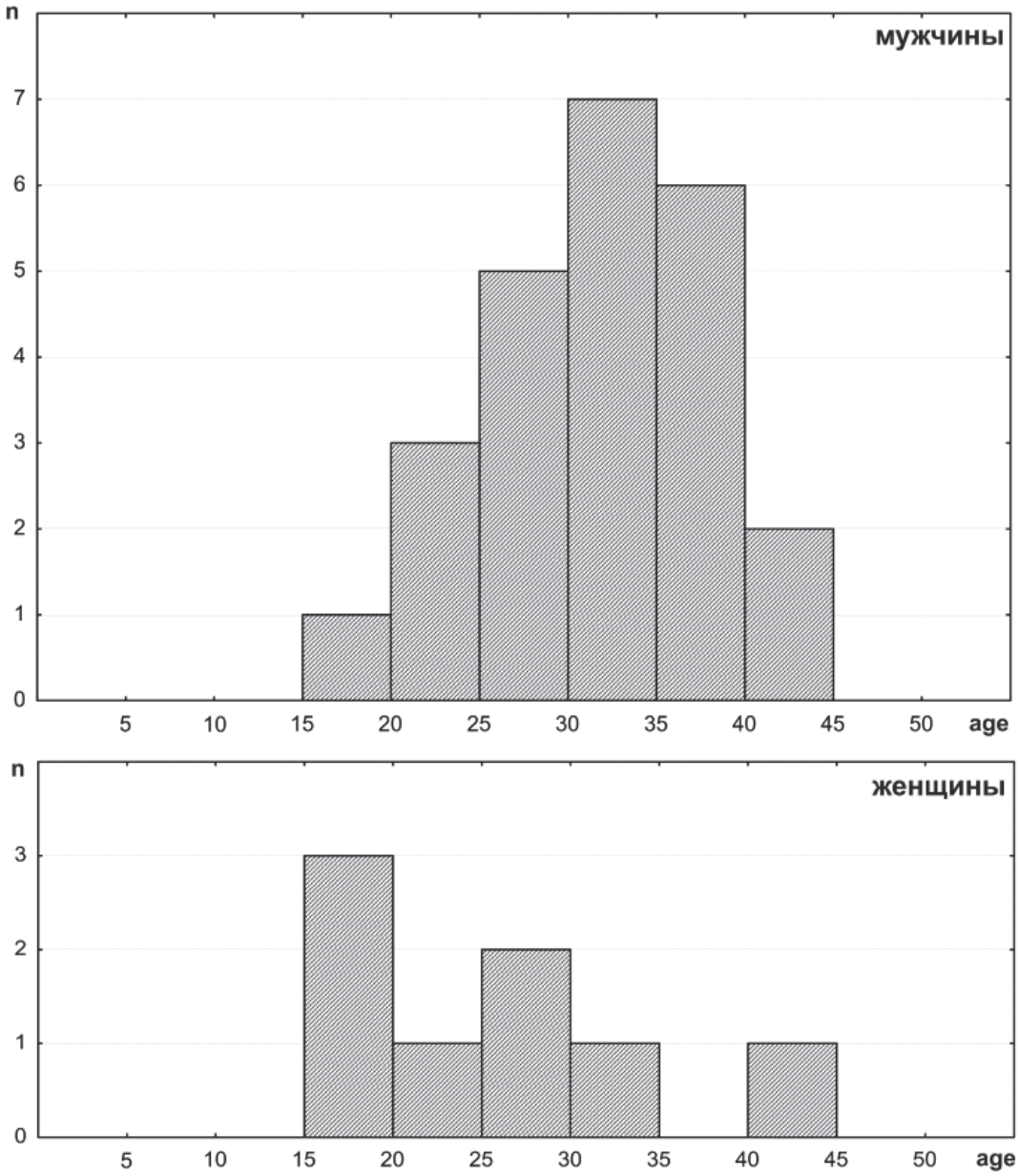

Рис. 1. Большая Посадская ул. (2011 г.). Возрастные группы погребенных

не прослеживаются. Плече-бедренный указатель средний, по интермембральному указателю комплекция скорее брахиморфная. Небольшая женская выборка отличается от мужской в среднем меньшей толщиной диафиза плечевой кости, которая попадает в категорию малых значений, и большими продольными и поперечными размерами бедренных костей.

Длина и масса тела, высчитанные на основе продольных размеров бедренных и больших берцовых костей по формулам В. В. Бунака (Бунак, 1961; Мамонова, 1986) в среднем составили 165 см и 64 кг для мужчин и 160 см и 58 кг для женщин.

Анализ внутригрупповой структуры мужской выборки[1], составленной из 15 наиболее хорошо сохранившихся скелетов, был проведен по 11 остеометрическим признакам плечевых и бедренных костей (наибольшая длина плечевой кости, наибольший диаметр середины диафиза плечевой кости, наименьший диаметр середины диафиза плечевой кости, наименьшая окружность диафиза плечевой кости, окружность середины диафиза плечевой кости, длина бедренной кости в естественном положении, сагиттальный диаметр середины диафиза бедренной кости, поперечный диаметр середины диафиза бедренной кости, окружность середины диафиза бедренной кости, верхняя ширина диафиза бедренной кости, верхний сагиттальный диаметр диафиза бедренной кости). Анализ проводился при помощи метода главных компонент (ГК) из пакета программ универсальной интегрированной системы для статистического анализа Statistica 8.0. Максимальные нагрузки в первой ГК (62 % изменчивости) легли на поперечные размеры диафизов плечевой и бедренной костей, во второй ГК (14 % изменчивости) – на диаметры середины и верхней части диафиза бедренной кости и длину плечевой кости.

В пространстве первых двух главных компонент (рис. 2) индивиды разделились на две подгруппы по координатам в ГК II. В верхней части графика находятся скелеты с менее широким и менее уплощенным в вентрально-дорсальном направлении диафизом бедренной кости и чуть боле длинным проксимальным сегментом верхней конечности. При малой численности исследуемой остеологической серии трудно определенно сказать, являются ли наблюдаемые различия свидетельством семейного родства индивидов или перед нами две подгруппы разного популяционного происхождения. Между разделением индивидов по остеометрическим показателям, с одной стороны, и относительным расположением могильных ям, с другой, какие-либо закономерности выявить не удалось. Также отсутствуют связи между остеометрическими показателями и типами нательных крестов в погребениях. Тем не менее, учитывая, что в силу случайных обстоятельств для измерений и дальнейшего анализа оказались пригодны черепа только скелетов из верхней подгруппы, выводы, основанные на анализе краниометрических особенностей, имеет смысл связывать лишь с частью населения, оставившего кладбище на Большой Посадской ул.

После реставрации удалось измерить по сокращенной краниометрической программе 8 мужских черепов, причем на одном из них зафиксирован лишь один параметр, на большинстве остальных – меньше половины из 18 возможных признаков (табл. 1). Это обстоятельство, безусловно, следует учитывать при оценке надежности приведенных ниже результатов сравнительного анализа, однако, как представляется, оно все же не делает проведение такого исследования абсолютно бессмысленным.

Мужская серия в среднем характеризуется широкой черепной коробкой средней длины, брахикранной по указателю и с высоким сводом. Лоб широкий, лобно-поперечный указатель средний. Скуловой диаметр имеет большую величину, как по абсолютному размеру, так и по фацио-церебральному указателю. Лицевой скелет низкий, несколько уплощенный на уровне орбит и клиногнатный на уровне альвеолярного отростка. Орбиты средней высоты и низкие по абсолютным размерам, хамеконхные по указателю. Грушевидное отверстие узкое и низкое, по указателю – на границе средних и высоких значений. Носовые кости широкие и высокие, нос к линии профиля выступает сильно.

Сопоставление краниологической выборки Большой Посадской ул. со сборными краниологическими сериями русских XVIII – начала XX в. показывает наличие общего вектора изменчивости признаков, определяющих различия между первой и любой из русских групп. Во всех случаях рассматриваемая серия отличается более широкой и высокой черепной коробкой, широким и низким, уплощенным на верхнем уровне лицевым скелетом с низкими орбитами. Описанные морфологические особенности вряд ли могут быть отнесены на счет эпохальной изменчивости популяций.

Приведенная выше краниологическая характеристика хорошо известна по средневековым и

[1] Численность и сохранность женских скелетов оказалась недостаточной как для внутри-, так и для межгруппового анализа.

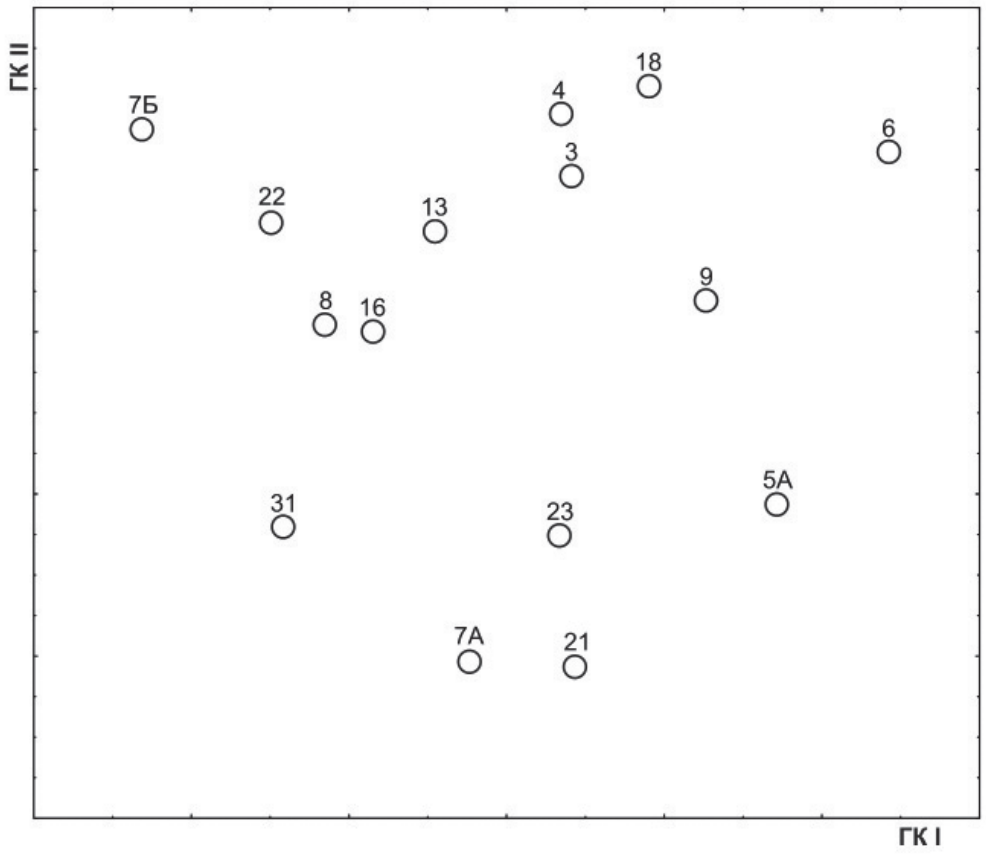

Рис. 2. Мужские посткраниальные скелеты в пространстве первых двух главных компонент (ГК)

близким к современности материалам Северо-Западного региона России и в значительной степени сближает выборку с Большой Посадской ул. с гипсикранным краниологическим комплексом, представленным в сериях ижоры, карел и комизырян. Формирование последнего, по всей вероятности, связано с древнейшим на данной территории североевропейским антропологическим типом, который фиксируется по европейским материалам с эпохи мезолита – неолита и сохранился преимущественно в отдельных прибалтийских и пермских финноязычных популяциях (Хартанович, 2005; Хартанович, Широбоков, 2010).

С целью установления более объективной оценки положения рассматриваемой краниологической серии на фоне антропологической карты севера Европы, был выполнен многомерный дискриминантный статистический анализ методом канонических корреляций (Дерябин, 1983) с привлечением широкого круга сравнительных материалов с территории Восточной Европы и Финляндии. Межгрупповое сопоставление проводилось по таким наиболее таксономически ценным краниометрическим признакам как продольный, поперечный и высотный диаметры мозговой коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота грушевидного отверстия, ширина и высота левой глазницы, назомалярный и зигомаксиллярный лицевые углы, симотический указатель и угол выступания носа относительно вертикального лицевого профиля. Для осуществления данной процедуры применен пакет статистических программ Б. А. Козинцева.

Таблица 1. Большая Посадская ул. Индивидуальные и средние размеры мужских черепов с кладбища

№ по Мартину	Признак	Погребение								*n*	*X*
		9	8	7Б	16	3	5А	4	19А		
1	Продольный диаметр	-	-	177.0	184.0	-	-	-	174.0	3	178.3
8	Поперечный диаметр	-	-	145.0	153.0	-	-	-	147.0	3	148.3
17	Высотный диаметр	-	-	142.0	141.0	-	-	-	130.0	3	137.7
9	Наименьшая ширина лба	-	-	96.0	103.0	-	-	-	96.0	3	98.3
45	Скуловая ширина	-	-	-	135.0	-	-	140.0	-	2	137.5
48	Верхняя высота лица	69.0	-	-	-	62.0	-	65.0	69.0	4	66.3
55	Высота носа	51.0	-	-	-	47.0	-	44.0	44.0	4	46.5
54	Ширина носа	25.0	22.3	25.0	27.0	21.0	23.3	22.0	25.0	8	23.8
51	Ширина орбиты	40.0	-	-	45.0	-	-	39.0	41.5	4	41.4
52	Высота орбиты	30.0	-	-	30.0	-	-	-	29.0	3	29.7
77	Назомалярный угол	-	-	134.2	145.2	136.9	138.5	-	146.2	5	140.2
zm	Зигомаксиллярный угол	-	-	-	-	-	-	-	128.5	1	128.5
SS	Симотическая высота	3.1	-	-	5.6	4.8	-	-	3.4	4	4.2
SC	Симотическая ширина	10.0	-	-	8.6	11.8	-	-	9.5	4	10.0
SS:SC	Симотический указатель	31.0	-	-	65.1	40.7	-	-	35.8	4	43.1
75(1)	Угол выступания носа	22.0	-	-	35.0	33.0	-	-	40.0	4	32.5
43	Верхняя ширина лица	-	-	110.7	107.0	107.0	99.0	105.0	104.0	6	105.5
46	Средняя ширина лица	-	-	-	90.0	90.0	92.0	100.0	98.0	5	94.0

К анализу были привлечены краниологические материалы XVII – начала XX в. по русским различных областей России, карелам, ижоре, финнам Финляндии и Ленинградской области, латышам, эстонцам и шведам (табл. 2; рис. 3).

Первые два канонических вектора (КВ) суммарно отражают более половины общей доли изменчивости признаков в рассматриваемых группах. Дифференциация групп по первому вектору определяется прежде всего величиной продольного и высотного диаметров, шириной орбит и величиной назомалярного угла (табл. 3).

Группы с относительно низким и длинным черепом, резко профилированным лицевым скелетом с широкими орбитами занимают отрицательную область значений и представлены выборками шведов, латышей и финнов. Контрастная по отношению к описанной выше краниологическая характеристика выделяет карельские серии, занимающие область положительных значений первого вектора. Серия с Большой Посадской ул. отчетливо сближается с последними, тогда как большая часть групп русских располагается в промежуточной зоне между западно- и восточнобалтийскими выборками.

Для разграничения групп по второму вектору наибольшее значение имеют величины скулового и высотного диаметров, а также зигомаксиллярного угла. Группы, отличающиеся более широким и уплощенным лицевым скелетом, в то же время имеют более высокий свод черепа. В целом данный вектор достаточно отчетливо разграничивает выборки русских, с одной стороны, и балто- и финноязычные группы северных районов Европы, с другой. Примечательно, что серия с Большой Посадской занимает по второму вектору противоположную по отношению к сериям русских область значений, оказываясь одной из наиболее широколицых выборок в регионе.

Рассматривая общие результатов канонического анализа, следует отметить, что тот специфический краниологический комплекс, который является определяющим для близких к современности серий черепов карел и ижоры, с полным основанием может быть отнесен и к серии черепов с Большой Посадской ул. Остальные группы прибалтийских финнов, в том числе и финнов-ингерманландцев, занимают столь же отдаленное положение относительно изучаемой выборки, как и большая часть русских северных и центральных областей России. Наиболее ранние серии русских Северо-Западного региона, синхронные с материалами из раскопок на Большой Посадской ул., обнаруживают тяготение к карельским группам. Однако морфологически они все же оказываются менее сходными с рассматриваемой выборкой, нежели группы карел и ижоры.

Таблица 2. Информация о привлеченных к сравнительному анализу краниологических выборках

№№	Краниологическая серия	Время (вв.)	Источник
1	С.-Петербург, Большая Посадская	н. XVIII	Неопубл.
2	Ленобласть, Лезье (разруш. погр.)	XVII–XIX (?)	Неопубл.
3	Русские, Н.Новгород	XVII–XVIII	Неопубл.
4	Русские, Новгород, Троицкая серия	XVI–XVII	Пежемский, 2000
5	Русские, Петербургская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
6	Русские, Новгородская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
7	Русские, Ярославская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
8	Русские, Тверская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
9	Русские, Костромская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
10	Русские, Архангельская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
11	Русские, Московская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
12	Русские, Псковская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
13	Русские, Вологодская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
14	Русские, Вятская губерния	XVII–н. XX	Алексеев, 1969
15	Русские, Казань	к. XVII–XVIII	Алексеев, 1969
16	Русские, Себеж	XVIII	Алексеев, 1969
17	Русские, Старая Ладога	XVII–XVIII	Алексеев, 1969
18	Эстонцы, Варбола	XVI–XVII	Марк, 1956
19	Эстонцы, Ярве	XVII–XVIII	Марк, 1956
20	Латыши западные, Дурбе	XVII–XVIII	Алексеев, 1969
21	Латыши восточные, Лудза	XVIII	Алексеев, 1969
22	Латыши, Пургайли	XVIII	Денисова, 1977
23	Латыши, Леймани	XVII–XVIII	Денисова, 1977
24	Ижора, Липпово	XVII–XVIII	Хартанович, 2004
25	Финны, Иматярви	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
26	Карелы, Турха	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
27	Карелы, Кондиевуара	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
28	Карелы, Пеккавуара	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
29	Карелы, Боконвуара	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
30	Карелы, Чикша	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
31	Карелы, Регярви	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
32	Карелы, Суйстамо I	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
33	Финны, Суйстамо II	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
34	Карелы, Компаково	XVIII – н. XX	Хартанович, 1986
35	Финны ингерманландцы	XVIII–XIX	Алексеев, 1969
36	Финны, Саво	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
37	Финны, Хяме	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
38	Финны, Уусиа	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
39	Финны, Хельсинки	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
40	Финны, Варсинайс-Суоми	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
41	Финны, Педерсере	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
42	Финны, Южная Похъянмаа	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
43	Финны, Северная Похъянмаа	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
44	Финны, Сатакунта	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
45	Финны, Муониониска	XVIII–XIX	Хартанович, 1995
46	Шведы, Рухну	XVII–XIX	Алексеев, 1974
47	Шведы, Финляндия	XVII–XIX	Алексеев, 1974

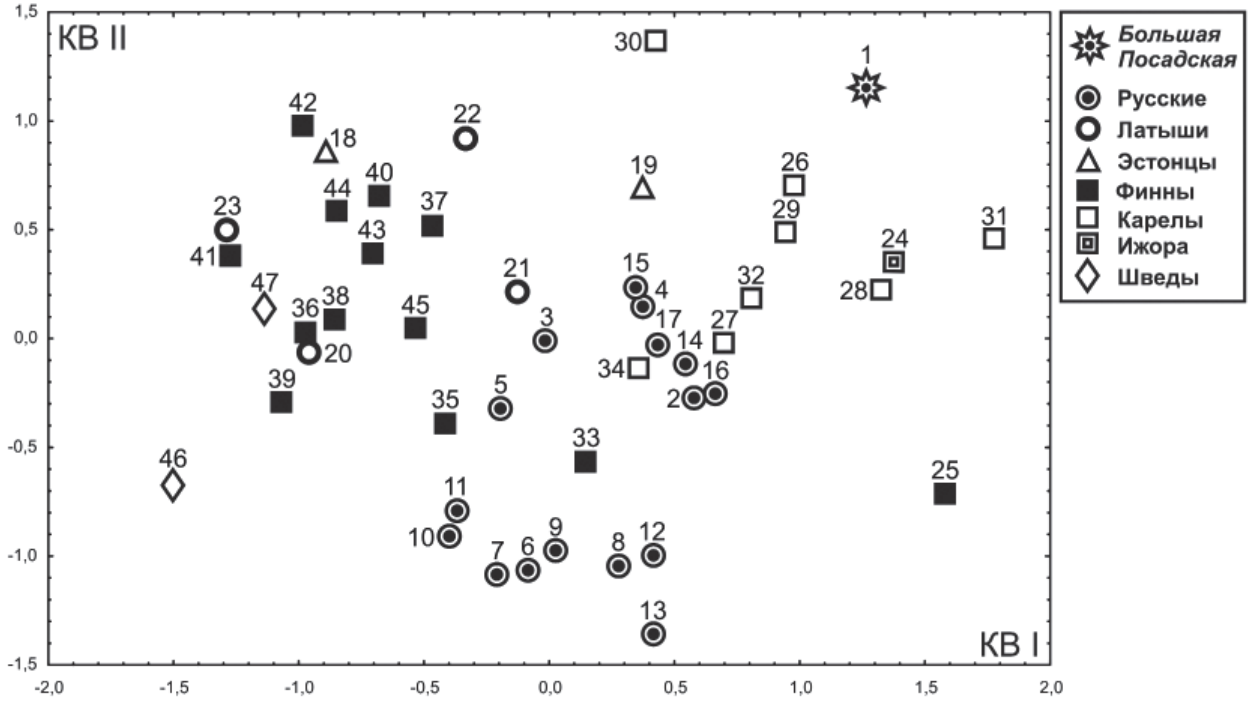

Рис. 3. Положение 47 краниологических серий XVIII – начала XX в. с территории Восточной Европы в пространстве I и II канонических векторов (КВ). Нумерация групп соответствует принятой в табл. 3

Таблица 3. Корреляции между каноническими векторами и исходными признаками

Признак		КВ I	КВ II
1.	Продольный диаметр	-0,65	0,39
8.	Поперечный диаметр	0,58	-0,03
17.	Высотный диаметр	0,64	0,61
9.	Наименьшая ширина лба	-0,08	0,18
45.	Скуловая ширина	0,20	0,77
48.	Верхняя высота лица	0,20	-0,20
55.	Высота носа	-0,31	-0,08
54.	Ширина носа	0,35	-0,38
51.	Ширина орбиты	-0,65	0,18
52.	Высота орбиты	-0,32	-0,19
77.	Назомалярный угол	0,65	0,36
zm.	Зигомаксиллярный угол	-0,19	0,75
SS:SC	Симотический указатель	-0,08	-0,39
75(1).	Угол выступания носа	-0,07	0,05
Собственное число		6.835	4.259
Охват общей изменчивости (%)		31.7	19.8

Сопоставление групп, характеризующихся специфическим гипсикранным краниологическим комплексом, показывает, что выборка с Большой Посадской ул. в большей степени сходна с группами Южной Карелии и единственной синхронной ижорской выборкой, нежели с северокарельскими сериями. Последние отличаются наиболее «архаичным» вариантом комплекса – выраженной массивностью и наиболее высоким сводом черепа, максимально их сближающим с антропологическим типом средневековой «корелы» (Хартанович, Широбоков, 2010). С ижорской серией изучаемую выборку сближает более низкий лицевой скелет с хамеконхными орбитами и умеренно высокий свод, причем петербургская серия демонстрирует наиболее низкие величины указанных признаков в кругу выборок, условно относимых к древнейшему североевропейскому типу.

Результаты анализа не являются свидетельством принадлежности петербургской серии к ижоре. Кроме того, они, безусловно, не отвечают на вопрос о языковой принадлежности погребенных. Полученные результаты показывают, однако, что население, оставившее кладбище, по всей вероятности, не следует связывать ни с недавними (на период начала XVIII в.) выходцами из южных или центральных областей России, ни с потомками переселенцев с территории Швеции или Финляндии. Представленный в серии морфологический комплекс может рассматриваться как свидетельство местных истоков населения, формирование отличительных антропологических особенностей которого протекало на территории северо-запада европейской части России.

Для более раннего времени сходный краниологический комплекс известен по антропологическим сериям XIV–XVI вв. с территории Новгородской земли (табл. 4).

В частности, близкие аналогии фиксируются по материалам раскопок могильника с каменными ящиками в Раглицах (Раглицы А). В обоих случаях краниологические серии характеризуются менее выраженной массивностью, умеренно высоким сводом и менее сильно выступающими носовыми костями, по сравнению с единственной к настоящему времени средневековой выборкой из Северо-Западного Приладожья. Вместе с тем серия с Большой Посадской ул. морфологически отличается и от городского населения территориально близких Пскова и Новгорода, в некоторой степени сближаясь с выборкой из скудельницы Софийского собора Вологды. В целом краниологический комплекс петербургской и вологодской выборок может быть отнесен к одному из локальных вариантов древнего североевропейского антропологического типа, территориально охватывающих южные ареалы его распространения, начиная по меньшей мере с XIV в.

На протяжении столетий территория современного Петербурга была зоной интересов и военных столкновений различных государств и неоднократно подвергалась массовым переселениям. Местное население уже в допетровский период истории было неоднородным по своему этническому составу: здесь проживали водь, ижора, финны, русские, шведы, немцы (Анисимов, 2010. С. 10). При этом в территориальных границах современного города, по меньшей мере с середины XV в., постоянно находилось около 1000 поселений, не менее 55 из которых вошли в состав площади Петербурга начала XVIII в. (Семенцов, 2006).

Как правило, в разные эпохи группы переселенцев разной этнической принадлежности прибывали в эти места и селились не на неосвоенных еще землях, а на территории поселений, оставленных их предшественниками. Москвичи после присоединения края к Москве в XV в. преимущественно селились в оставленных новгородцами селениях. Финны-ингерманландцы, шведы и немцы поселялись в брошенных православными селениях или возводили свои города, мызы, села, хутора чаще всего на месте существовавших ранее населенных пунктов. Благодаря специальным исследованиям историков известны названия и расположение деревень, а также имена «жителей Петербурга» в эпоху, предшествующую времени основания города. Как известно, южный и восточный берега Петроградского острова (остров Койвусаари) также были заселены ко времени строительства Петербурга (Кепсу, 2000. С. 38–41). Имеющиеся к настоящему времени сведения, к сожалению, не позволяют соотнести кладбище Большой Посадской ул. с конкретными поселениями острова, а учитывая высокую вероятность того, что кладбище функционировало в течение короткого периода в начале XVIII в. и оставлено первыми строителями города (Лапшин, Городилов, 2013), у нас нет твердых оснований связывать кладбище с поселениями Петроградской стороны.

Определение этнической принадлежности каких-либо групп населения лежит за пределами круга задач, решаемых методами антропологических исследований. Однако анализ полученной в ходе раскопок кладбища на Большой Посадской ул. краниологической серии, несмотря на ее малую численность, позволяет выдвинуть предположение об ее антропологических и территориальных истоках. Морфологическая характеристика населения,

Таблица 4. Краниометрические характеристики некоторых серий с территории Северо-Запада России (XIV–XVI вв.)

№ признака по Мартину	Признак	**Большая Посадская**	**Софийский собор Вологды** *(Хартанович и др., 2012)*	**Раглицы А** *(Санкина, 2000)*	**Кюлялахти Калмистомяки** *(Хартанович, Широбоков, 2010)*	**Псков** *(Санкина, 2000)*	**Новгород, Славенский Холм** *(Пежемский, 2004)*
		нач. XVIII в.	XIV–XVI вв.	XIV–XVI вв.	XIV–XVI вв.	XIV–XVI вв.	2-я п. XV – н. XVI вв.
1	Продольный диаметр	178.3	182.4	179.5	185.8	178.8	179.2
8	Поперечный диаметр	148.3	144.9	145.8	145.4	141.2	140.9
17	Высотный диаметр	137.7	139.0	140.6	143.5	133.7	132.8
9	Наименьшая ширина лба	98.3	98.7	99.5	101.2	96.9	96.3
45	Скуловая ширина	137.5	137.2	135.1	135.0	130.6	134.1
48	Верхняя высота лица	66.3	70.8	70.8	71.7	69.0	68.5
55	Высота носа	46.5	50.7	51.1	49.7	50.0	48.5
54	Ширина носа	23.8	26.7	24.8	24.8	24.6	23.5
51	Ширина орбиты	41.4	43.0	40.7	41.9	41.2	41.0
52	Высота орбиты	29.7	31.7	32.3	31.3	31.7	30.9
77	Назомалярный угол	140.2	143.1	141.2	140.8	137.9	138.5
zm	Зигомаксиллярный угол	128.5	130.9	126.8	126.8	127.8	125.4
SS:SC	Симотический указатель	43.1	51.0	45.1	48.6	50.1	45.2
75 (1)	Угол выступания носа	32.5	31.7	30.0	29.0	29.2	32.0

захороненного на кладбище Большой Посадской ул., сближает его с группами населения Ижорского плато и Южной Карелии, прежде всего, с ижорой XVII–XVIII вв. Результаты антропологического анализа позволяют утверждать, что эти люди являлись потомками местного (в рамках европейского северо-запада России) населения. При этом следует подчеркнуть, что эти выводы относятся исключительно к серии изученных костяков и не могут быть перенесены ни на население Петербурга начала XVIII в., имевшего пестрый этнический и антропологический состав уже на первых этапах формирования города, ни даже на население Петроградского острова (Койвусаари) допетровской эпохи.

Источники и литература

Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В. П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М.

Алексеев В. П., 1974. Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии (по материалам Г. Ф. Дебеца и автора) // Расогенетические процессы в этнической истории. М.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Анисимов Е. В., 2010. Петербург времен Петра Великого. М.

Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.

Бунак В. В., 1961. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах (сравнительная характеристика двух групп) // Вопросы антропологии. № 7.

Денисова Р. Я., 1977. Этногенез латышей (по данным краниологии). Рига.

Дерябин В. Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М.

Добряк В. И., 1960. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев.

Кепсу С., 2000. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб.

Лапшин В. А., Городилов А. Ю., 2013. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень Института истории материальной культуры (охранная археология). СПб. № 3.

Мамонова Н. Н., 1986. Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.

Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М., 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. М.

Марк К. Ю., 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин.

Пашкова В. И., 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.

Пежемский Д. В., 2000. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России. От прошлого к настоящему. М. Ч. 2: Антропология.

Пежемский Д. В., 2004. Краниологические материалы из раскопок А. В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения – 2. (Материалы научной конференции, 21–24 сентября 2002 г.). Великий Новгород.

Санкина С. Л., 2000. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.

Семенцов С. В., 2006. Развитие Приневья и Приладожья в VIII–XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации // Елагинские чтения. СПб. № 2.

Федосова В. Н., 1994. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) // РА. № 1.

Френкель З. Г., 1964. Основная закономерность демографических процессов современной эпохи // Процессы естественного и патологического старения. Л.

Хартанович В. И., 1986. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.

Хартанович В. И., 1995. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. СПб. Вып. 1.

Хартанович В. И., 2004. Краниология ижор // Расы и народы. М. Вып. 30.

Хартанович В. И., 2005. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск.

Хартанович В. И., Широбоков И. Г., 2010. Новые краниологические данные к происхождению карел (Могильник Кюлялахти Калмистомяки) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1.

Хартанович В. И., Моисеев В. Г., Широбоков И. Г., 2012. Базы данных Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН как источник изучения антропологического состава народов России (антропологические материалы из средневековой Вологды) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М.

Изучение нумизматического материала в процессе реставрации

Н. С. Курганов, К. В. Горлов

Введение

Нумизматический материал является одним из значимых исторических источников. Именно монеты в ряде случаев являются датирующими в процессе археологических раскопок, но не всегда их сохранность позволяет прочитать дату и другие особенности монетной легенды.

Сохранность монет, обнаруженных при археологических раскопках, различна. Сплавы, используемые для чеканки монет, в разной степени подвержены коррозионным процессам. Во многом характер их протекания зависит от агрессивности окружающей среды и от электрохимического потенциала металлов, входящих в сплав. Чем больше в сплаве, из которого отчеканена монета, содержится благородных металлов (серебро, золото), тем менее она подвержена коррозии. Монеты из сплавов меди отличают наиболее интенсивные коррозионные наслоения. Различие сохранности монет из разных сплавов требует дифференцированного подхода к их реставрации.

Отношение к реставрации нумизматического материала менялось на протяжении времени, и дискуссия о необходимости сохранения коррозионных слоев на монете остается актуальной и на сегодняшний день. В большинстве случаев при реставрации нумизматического материала декларируется сохранение «благородной патины» как аттестата древности, усиливающего эстетическую значимость монеты. Большинством коллекционеров монет по-прежнему не принимается в расчет необходимость их изучения как важнейших исторических источников безотрывно от археологического слоя. Это видно по количеству нумизматического материала, проходящего через интернет-сайты современных любителей древностей. Зачастую монеты, обсуждаемые или продающиеся на этих сайтах, имеют археологическое происхождение, но изъяты из контекста, не представляют более ценности как датирующий материал для археологов. Коррозионные слои, особенно когда они перемешаны с включениями из почвы, могут скрывать мелкие особенности монеты, но следует отметить, что в случае, когда монета является не просто нумизматической редкостью, а археологическим артефактом, безотрывно связанным с археологическим слоем, выявление монетной легенды может помочь в датировке памятника.

Реставрационный процесс

В ходе охранных археологических раскопок, проводимых сотрудниками ИИМК РАН в Санкт-Петербурге и Ленинградской области был получен интересный нумизматический материал, который прошел реставрационную обработку в Лаборатории консервации и реставрации ИИМК РАН в 2013 г. Денежные знаки Российской империи были представлены в основном низкими номиналами, отчеканенными из медных сплавов, самые ранние из которых датировались 1710-ми гг., а наиболее поздние – XX в. Наиболее поздняя из найденных монет, поступивших в реставрацию, – это 2 марки, отчеканенные в Федеративной Республике Германия в 1982 г. Случались находки монет крупного номинала: например, серебряный рубль, отчеканенный в царствование Екатерины II.

Значительная часть монетных находок отчеканены из медных сплавов, также встречались и серебряные монеты. Монеты имеют различный характер коррозионных наслоений, и в ходе работ их можно разделить на три группы, согласно состоянию сохранности, и подобрать методику, наи-

более подходящую для реставрации каждой группы монет, как было предложено ранее (Курганов, Горлов, 2013).

В случае наихудшей сохранности монет, отнесенных к третьей группе, реставрационная расчистка дает наиболее заметные результаты для выявления рельефа, хотя и является наиболее агрессивной, по сравнению с другими методиками. Для третьей группы монет, когда сильные коррозионные наслоения, сцементированные с вкраплениями почвы и песка, практически полностью скрывают рельеф, применялось размягчение их в кислых растворах. Обработка монет проводилась в 10 %-м растворе сульфаминовой кислоты. Эта кислота не растравливает металлическую медь, что исключает возможность повреждения рельефа монеты, сохранившегося на металле.

После обработки поверхность монеты представляет обнаженный металл без каких-либо коррозионных наслоений. После раскрытия все монеты подвергались промывке от хлоридов и стабилизации поверхности металла и продуктов коррозии с помощью растворов бензотриазола. С целью лучшего выявления рельефа монеты на ее поверхность наносился патинирующий состав. Применение искусственной патины дает возможность выявления рисунка монеты за счет изменения оттенков на выступающих частях рельефа по отношению к фону. На завершающем этапе на все монеты были нанесены защитные пленки микрокристаллического воска.

Результаты наблюдений

Раскрытие информации на монетах, сильно скрытых коррозионными наслоениями, бывает очень информативным. До реставрации не всегда можно отличить покрытую массивными слоями коррозии монету от монетовидного кружка или другого предмета. Металл также не всегда определим, в особенности если нет зеленых окислов основных карбонатов меди, являющихся одним из характерных признаков, по которому определяют предметы, изготовленные из медных сплавов. Такие особенности монеты, как дата чеканки, монетный двор, минцмейстер, особенности гурта, практически не читаются на монетах плохой сохранности. Результаты наблюдений и информация, которая была получена на некоторых монетах, обобщены в таблице (табл. 1).

Одной из ранних среди исследуемых монет является полушка 1721 г., обнаруженная в ходе археологических раскопок в Выборге. До проведения реставрационных работ она представляла собой монетовидный кружок, аверс, реверс и гурт которого были полностью скрыты под плотным наслоением окислов (рис. 1: 2). Расчистка поверхности монеты сделала возможным прочтение легенды и выявление контуров рельефных изображений. На аверсе заметен герб России в виде двуглавого орла и обозначение монетного двора, на реверсе – буквенное обозначение номинала и буквенное обозначение даты чеканки. На краях реверса расположен рельефный выступ. Диаметр монеты составил 13,86 мм, вес – 1,03 г.

Такая относительно легковесная монета стала чеканиться в России в 1718 г. по монетной стопе 40 рублей из пуда меди (в 1712 г. из пуда меди чеканили 12 рублей 80 копеек) (Узеников, 1994). Тенденция к неоднократному увеличению монетной стопы в первые десятилетия XVIII в. была вызвана многолетней войной со Швецией, повлекшей значительные финансовые затраты со стороны государства. Столь выгодное соотношение цены на медь и номинала самой монеты, а также несложное оформление полушки и ее малые размеры превратили ее в одну из самых подделываемых монет в истории Российского государства (Узеников, 1994). Выпуск полушек образца 1718 г. был прекращен в 1722 г. В 1723 г. вместо них был начат выпуск монет номиналом 5 копеек (Узеников, 1994).

Обнаружение полушки 1721 г. в культурном слое Выборга связано с включением города в состав России после Северной войны, в ходе которой в 1710 г. Выборг был взят русскими войсками. Следует отметить, что рассматриваемая монета является хорошим источником для датировки горизонта, в котором она была обнаружена, поскольку подобные полушки имели относительно непродолжительный период обращения.

Следующая монета, как и предыдущая, относится к денежному выпуску эпохи Петра I. До реставрационного вмешательства на поверхности монеты просматривались незначительные участки рельефов, относящихся к оформлению аверса и реверса (рис. 1: 1), но на основании этой информации определение монеты не представлялось возможным. Полное удаление окислов позволило произвести атрибуцию монеты. Ею оказалась 1 копейка 1713 г. На аверсе денежного знака был отчеканен всадник на коне с копьем, поражающий дракона. Под ногами коня заметен знак Московского монетного двора. Ниже располагался фрагмент круговой надписи, опоясывающей всю вышеописанную композицию: «ЦРЬ И ВЕЛИКІЙ КНЗЬ ПЕТРЪ АЛЕЗІЕВИЧЬ». Полное ее прочтение невозможно из-за смещенного

Таблица 1. Информативность монет до и после реставрации

№	Читаемость монеты до реставрации / после реставрации							
		Металл	Номинал	Дата чеканки	Монетный двор	Минцмейстер	Гурт	Рис.
1	До реставрации	?	?	?	?	?	?	1: 2а
	После реставрации	Медный сплав	Полушка	1721 (указан буквами)	Не читается	Не указан	Гладкий	1: 2б
2	До реставрации	Медный сплав (?)	Частично читаются рельефы аверса и реверса	?	?	?	?	1: 1а
	После реставрации	Медный сплав	1 копейка	1713 (?)	Московский	Не указан	Гладкий (?)	1: 1б
3	До реставрации	?	?	?	?	?	?	1: 4а
	После реставрации	Медный сплав	Денга	1737 г.	Не указан	Не указан	Сетчатый	1: 4б
4	До реставрации	?	?	?	?	?	?	1: 7а
	После реставрации	Медный сплав	Денга	1737 г.	Не указан	Не указан	Сетчатый	1: 7б
5	До реставрации	?	?	?	?	?	?	1: 6а
	После реставрации	Медный сплав	Денга	1760 г.	Не указан	Не указан	Рубчатый	1: 6б
6	До реставрации	?	Частично читаются рельефы аверса и реверса	?	?	?	?	1: 8а
	После реставрации	Медный сплав	Денга	1760 г.	Екатеринбург-ский	Не указан	Сетчатый	1: 8б

№	Читаемость монеты до реставрации / после реставрации							
		Металл	Номинал	Дата чеканки	Монетный двор	Минцмейстер	Гурт	Рис.
7	До реставрации	Медный сплав (?)	Частично читаются рельефы аверса и реверса	?	?	?	?	1: 9а
	После реставрации	Медный сплав	1 копейка	1800 г.	Екатеринбургский	Не указан	Рубчатый	1: 9б
8	До реставрации	?	?	?	?	?	?	1: 10а
	После реставрации	Медный сплав	5 копеек	1834 г.	Екатеринбургский	Не указан	Гладкий	1: 10б
9	До реставрации	?	?	?	?	?	?	1: 5а
	После реставрации	Медный сплав	1 копейка	1885 г.	Санкт-петербургский	Не указан	Рубчатый	1: 5б
10	До реставрации	Белый металл (?)	?	?	?	?	?	1: 3
	После реставрации	Медно-никелевый сплав	2 марки (ФРГ)	1982 г.	Гамбург	Не указан	Гладкое поле с углубленной надписью	1: 3б

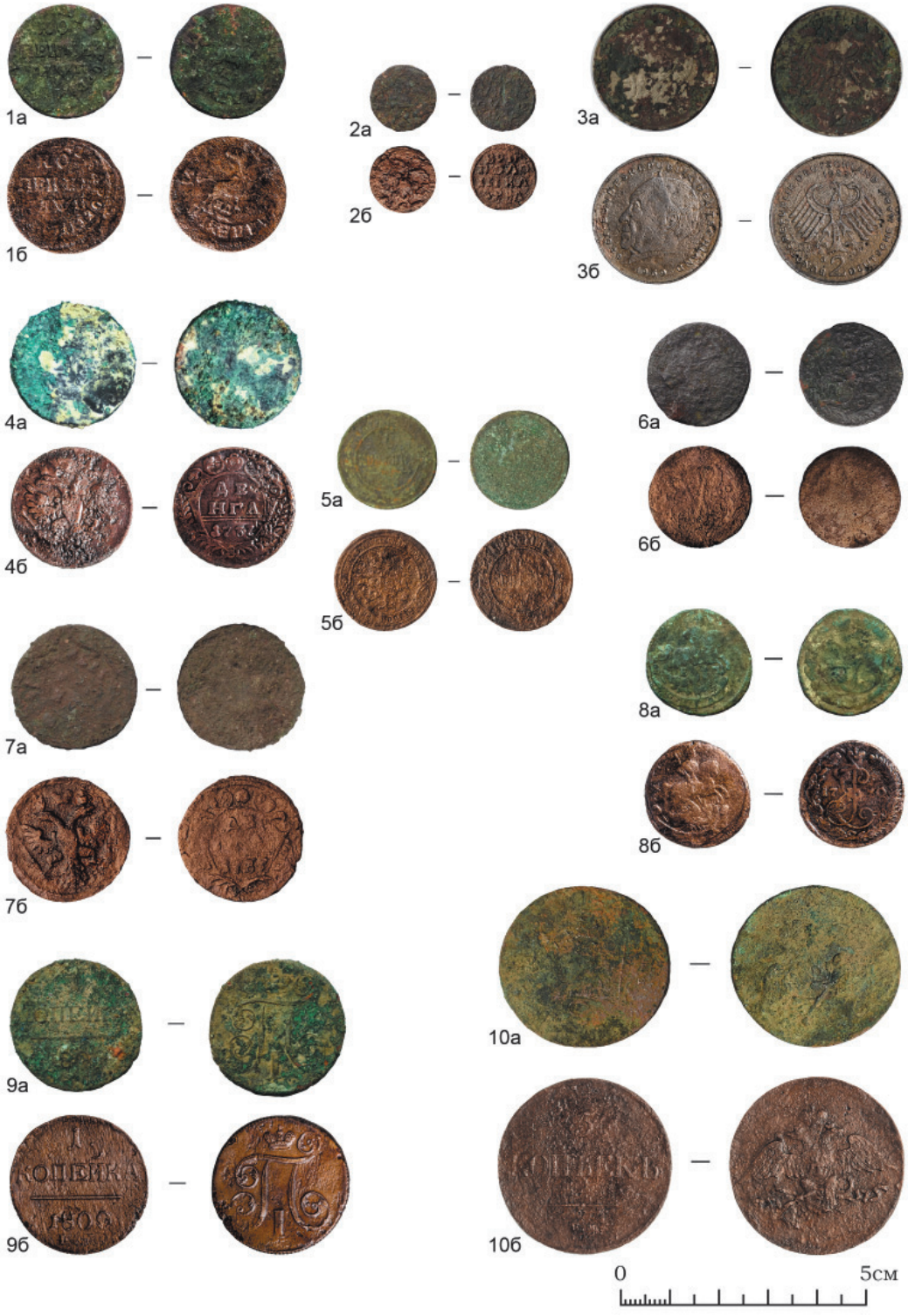

Рис. 1. Монеты до (а) и после (б) реставрации: 1 – 1 копейка 1713 г. (ВыбСПС-2013-Ш1-6); 2 – полушка 1721 г. (ВЫБ-2003, Южный вал, Р2); 3 – 2 марки 1982 г. (ШП-2013-108); 4 – денга 1737 г. (Сен-2013-Уч2-176); 5 – 1 копейка 1885 г. (Мохт-2013-Ш10-0004); 6 – денга 1760 г. (ВЫБ-1999, Ш2); 7 – денга 1737 г. (ВЫБ-2003, Южный вал, Р2); 8 – денга 1760 г. (ВыбСПС-2013-Ш1-7); 9 – 1 копейка 1800 г. (МР-2013-раскоп1-уч2 строит. мусор 310713); 10 – 5 копеек 1834 г. (Мохт-2013-Ш15-0002)

чекана (удар штемпеля пришелся не по центру монетного кружка) и повреждения поверхности монеты в результате коррозионных процессов. На реверсе был раскрыт номинал денежного знака, написанный буквами, и год чеканки, также указанный буквами славянского алфавита. Как и в случае с аверсом, круговая легенда реверса в результате указанных причин полностью не читается. Гурт копейки гладкий.

Эмиссия копеек образца 1704 г. (с небольшими изменениями в оформлении) продолжалась до 1718 г. В оформлении таких монет (также и для денег) хорошо просматриваются черты, свойственные монетам, выпускаемым предшественниками Петра Алексеевича на престоле. Например, это касается обозначения даты чеканки буквами славянского алфавита, а не цифрами. Возможно, такая архаичность отчасти была связана с нежеланием вызвать недоверие простого народа к медным монетам.

Две монеты были обнаружены в культурном слое Санкт-Петербурга при проведении раскопок на Сенной площади и в Выборге. До реставрационного вмешательства аверс, реверс и гурт петербургской и выборгской находок не читались. Их рельефы были скрыты под плотными слоями окислов (рис. 1: 4, 7). После удаления коррозионных наслоений рельефы обеих монет стали хорошо видны и позволили уверенно определить их как две денги (денга = 1/2 копейки) 1737 г. чеканки. Обе стороны монет имеют идентичное оформление, но внимательное рассмотрение позволило выделить несколько отличий, свойственных петербургской и выборгской денгам. Аверс традиционно для монет таких номиналов нес изображение герба Российской империи, но на каждой из монет орел имел индивидуальные черты (например, форма головок геральдической птицы и скипетр). Денга из Выборга имела по самому краю монетного кружка рельефный поясок, на втором «полукопеечнике» он отсутствовал. Отличиям в оформлении однотипных монет, чеканенных в один год, посвящено исследование Г. С. Евдокимова, который основную причину различий видит в разных монетных дворах и большом числе штемпелей и, к примеру, отмечает, что для денег 1731 г. использовалось около 1000 пар штемпелей (Евдокимов, 2001). Исходя из анализа отличий, для денег и полушек первой половины XVIII в. можно определить монетный двор, на котором они были отчеканены. Реверс обеих рассматриваемых монет также имел свои особенности, например, в изображении цветка, который венчает верхнюю часть композиции. На денге с Сенной площади он более детально проработан. Хорошо читается кружок в середине, а также лепестки с углубленными центральными частями. На второй монете цветок проработан более схематично, без выделения мелких деталей. Другие различия между монетами заметны в деталях: в форме букв монетной легенды номинала монеты, в форме арабских цифр даты чеканки, а также в общем композиционном оформлении декоративных деталей (форма картушей, количество листьев в ветвях пальмы и др.). Гурт на обеих монетах относится к группе сетчатых.

При раскопках в Выборге был обнаружен монетовидный кружок, покрытый коркой темных окислов, перемешанных с почвой (рис. 1: 6). При внимательном рассмотрении были прослежены слабые рельефы, свойственные некоторым русским монетам середины XVIII в. Удаление коррозии подтвердило предположение о том, что монета является денгой, отчеканенной в эпоху российской императрицы Елизаветы Петровны в 1760 г. В 1757 г. в Российской империи была проведена денежная реформа, установившая 16-и рублевую стопу из пуда меди. Чеканились монеты в 5, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки. Общим признаком для монет всех достоинств было помещение на одной стороне, внутри венка, вензеля императрицы Елизаветы и даты чеканки. Только у пятака другую сторону занимает государственный герб, под которым на бандероли обозначено достоинство. На всех остальных номиналах помещается изображение всадника, поражающего дракона. Номинал также обозначается на бандероли на всех монетах, кроме одной разновидности гроша (2 копейки) Елизаветы, где он обозначен над изображением (Спасский, 1962). Аверс изучаемой монеты сохранился плохо. После нанесения на его поверхность слоев искусственного патинирующего покрытия стали заметны слабые контуры всадника на коне и обозначения номинала под копытами. Реверс монеты сохранился лучше. На нем в центре хорошо виден вензель дочери Петра I, составленный из литеры «Е» (Elisabetha), соединенной с литерой «Р» (Petrovna). Над вензелем императорская корона. По сторонам вензеля нанесена дата чеканки монеты. Изображение окружено венком из лавровой и пальмовой ветвей, связанных внизу лентой.

Аналогичная монета была найдена в Выборге в 2013 г. (рис. 1: 8). До реставрационной расчистки рельеф практически не был виден, что кардинально изменилось после реставрации. Следует отметить, что при использовании таких монет в качестве датирующего источника, необходимо учитывать длительность их обращения после смерти Елизаветы Петровны. Они соответствовали монетной стопе, введенной Екатериной II, и из обращения не изымались.

В ходе раскопок в Санкт-Петербурге на Марсовом поле была найдена монета, отчеканенная во

время правления императора Павла I. До реставрации на одной из сторон монетовидного кружка под слоем окислов при внимательном рассмотрении читались слабые контуры буквы «П», которая занимала практически всю поверхность плоскости (рис. 1: 9). Удаление коррозии позволило произвести уверенное определение денежного знака, которым оказалась 1 копейка образца 1797 г. Аверс этой монеты украшал вензель Павла I, состоящий из первой буквы его имени и римской цифры «I». Эту композицию венчала большая императорская корона. На реверсе монеты видно обозначение номинала, ниже которого находилась горизонтальная линия. Под линией стояли дата чеканки монеты (1800 г.) и обозначение монетного двора в виде двух букв «ЕМ» – Екатеринбургский монетный двор. Поле аверса и реверса монеты, не занятое рельефами, было гладким. Эта особенность значительно затрудняла подделку таких монет с помощью литья, при котором были бы хорошо различимы неизбежные раковины на гладкой плоскости. Гурт на монете рубчатый.

На Малоохтинском пр. обнаружена монета, отчеканенная во второй четверти XIX в. До проведения реставрационных работ денежный знак из-за окислов значительной толщины уверенно не читался (рис. 1: 10). Удаление коррозии позволило произвести определение монеты. На ее аверсе был выбит герб в виде двуглавого орла так называемого александровского типа – с широко раскинутыми крыльями, с 1817 г. известный лишь на золотых монетах, а после 1831 г. – уже и на медных (Спасский, 1962). В отличие от вышеописанных монет, этот орел в лапах держал не скипетр и державу, а пучок из молний и венок, перевитые лентами. Под гербом помещался год чеканки монеты и инициалы минцмейстера, которые из-за плохой сохранности денежного знака прочитать не удалось. На реверсе были видны обозначения номинала монеты и монетного двора в виде двух букв «ЕМ» – Екатеринбургский монетный двор. Как и в случае с копейкой Павла I, монетный кружок имел относительно большие, не занятые рельефами, гладкие участки на аверсе и реверсе. Гурт гладкий.

Впервые такие монеты были отчеканены в 1830 г. (их эмиссия продолжалась до 1839 г.). Медная монета нового вида выпускалась достоинством в 10, 5, 2 и 1 копейку и чеканилась на 36 рублей из пуда меди. Денга и полушка не выпускались вовсе из-за убыточности этой чеканки, так как медь все еще сохраняла низкий курс, определявшийся курсом ассигнаций. По мнению И. Г. Спасского (1962), «этим объясняется и выпуск медных гривен – монеты в 10 копеек».

В ходе раскопок на Малоохтинском пр. также была найдена монета, которая до реставрации не могла быть определена. После расчистки поверхностей от коррозии стало возможно прочтение монетной легенды (рис. 1: 5). Как оказалось, это была копейка образца 1867 г. По мнению И. Г. Спасского (1962), «в этом году был введен последний тип монеты, сохранившийся до 1917 г. Она чеканилась при том же составе серии на 50 рублей из пуда при цене пуда меди около 10 рублей. На последних двух номиналах достоинство обозначалось уже не словами, а цифрами и только на них был сохранен заменявший герб вензель императора (Александра II, Александра III и Николая II). На монетах старших достоинств впервые в русской медной чеканке было применено частичное тиснение надписей вглубь». На аверсе этой монеты помещено изображение герба Российской империи, а также надпись «Медная российская монета» и номинал «одна копейка», на реверсе в центральном круге – обозначение номинала, ниже которого стояли три буквы «СПБ», указывающие на Санкт-Петербургский монетный двор. В верхней части кружка читается дата чеканки – 1885 г. Гурт рубчатый. Следует отметить обилие декоративных деталей, украшавших поверхность денежных знаков этого выпуска. Углубленная надпись, указывающая номинал и год чеканки, затрудняла подделку монеты.

В ходе реставрации часто приходится работать с нумизматическими материалами разного времени и различных государств. Так, в ходе раскопок на территории Государственного Эрмитажа найдена монета Федеративной Республики Германии, которая до удаления коррозии не могла быть уверенно определена (рис. 1: 3). После чистки денежный знак был определен как монета номиналом 2 марки 1982 г. чеканки. Монета является юбилейной и была выпущена к двадцатилетию образования ФРГ. На ее аверс помещен портрет Конрада Аденауэра – первого федерального канцлера Федеративной Республики Германия (1949–1963). На реверсе изображен государственный герб, вокруг которого помещена надпись, указывающая на номинал, государственную принадлежность и обозначение Гамбургского монетного двора в виде латинской буквы «G». Гурт гладкий с надписью «единство, справедливость и свобода».

Заключение

Случается, что ценность информации, отчеканенной на монете, превышает ценность патины, ее скрывающей. Особенно часто это имеет место в случае археологического происхождения монет. Монеты, найденные при раскопках в Санкт-Петербурге и его окрестностях, зачастую имеют очень

плохую сохранность из-за значительной засоленности прибрежных грунтов. Полученная в процессе реставрации информация может быть очень важной как для общего исследования и датирования памятника археологии, так и для нумизматического изучения отдельной монеты.

Источники и литература

Евдокимов Г. С., 2001. Денги и полушки 1730–1754 гг. выпуска. Распределение денег и полушек по монетным дворам // Нумизматика на рубеже веков. М. (Нумизматический сборник ГИМ. Т. 15; Труды ГИМ. Вып. 125).

Курганов Н. С., Горлов К. В., 2013. Изучение монет как археологического материала в процессе реставрации (на примере материала раскопок по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17) // Археологические вести. СПб. Вып. 19.

Спасский И. Г., 1962. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л.

Узденников В. В., 1994. Монеты России XVIII – начала XX века (Очерки по нумизматике). М.

Соотношение дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения на материалах раскопа в квартале между Тульской ул. и Смольным пр. (2012 г.)

В. А. Лапшин, О. А. Тарабардина

В 2012 г. на углу Смольного пр. и Синопской наб. экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН были проведены масштабные археологические раскопки. На площади 2000 кв. м были выявлены остатки четырех каменных и пяти деревянных построек XVIII–XIX вв., относящиеся к двум строительным горизонтам. Нижний этап застройки участка представлен хорошо сохранившимися нижними венцами и настилами из досок от деревянных построек 6–9, которые были обнаружены под фундаментами четырех каменных построек XVIII–XIX вв. Этот строительный горизонт был предварительно датирован 1740–1750-ми гг. (не позднее 1770-х гг.) на основании находок белоглиняных голландских трубок с клеймами и монет 1730–1750-х гг., преобладающих в заполнении. Второй, основной период строительства представлен кирпичными постройками 1–4. Как было установлено, самая ранняя постройка 2 с подвалом («казенный питейный дом»), по-видимому, возникла в 1760–1770-е гг., наиболее поздняя постройка 3 была сооружена, вероятно, в первой четверти XIX в. Квартал с постройками 1–4 просуществовал, не претерпевая существенных перестроек, очевидно, до начала XX в. (Лапшин и др., 2013).

Ко времени первой публикации дендроанализ спилов из построек не был завершен. Сейчас получены даты для четырех деревянных построек нижнего горизонта, что позволяет скорректировать хронологию строительных горизонтов раскопа. Кроме того, раскоп выделяется обилием нумизматического материала – более 1600 монетных находок, относящихся к XVIII – началу XX в. (Седых, 2013). Сопоставление дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения позволяет лучше представить датирующие возможности нумизматического материала.

Дендрохронологическое исследование десяти образцов из раскопа на Тульской ул. проведено в лаборатории дендрохронологии археологического центра Новгородского музея-заповедника. Спилы сделаны с деталей пяти сооружений (постройки 5–9). Сохранность всех бревен хорошая, за исключением образца 10, у которого утрачена часть заболони и отсутствуют внешние кольца. В выборке представлены образцы хвойных древесных пород: сосны (Pinus silvestris – 7 экз.) и ели (Picea abies – 3 экз.). В ходе дендрохронологического исследования проводилась перекрестная датировка образцов (как визуальное сопоставление кривых, так и математическая оценка их сходства с использованием индексов, применяемых в специализированных программах DENDRO и CATRAS). Анализ осуществлялся с привлечением в качестве эталонов датированных образцов из раскопок на территории Санкт-Петербурга, дерева архитектурных памятников XVIII–XIX вв. и современного дерева Северо-Западного региона РФ, а также дендрохронологической шкалы Новгорода NOVPIN.

В результате дендрохронологического исследования удалось определить дендродаты шести спилов; другие образцы при сравнении с эталонными выборками демонстрируют низкие коэффициенты корреляции и не могут быть датированы. Данные об образцах с указанием полученных датировок приведены в табл. 1 (номера образцов в таблице соответствуют описи спилов). Образцы 2 и 3 представляют собой части одного бревна (сосна, 68 л.). То же самое можно сказать об образцах 6 и 7а (ель, образец 7 взят с нижней части ствола, где

Таблица 1. Результаты датирования образцов древесины из раскопа в квартале между Тульской ул. и Смольным пр. (2012 г.)

№ п/п	Наименование детали конструкции	Кв.	Порода древесины	К-во годич. колец	Внеш. к-цо	Дендродата
1	Р-2. Постройка 9. Спил 3 – основание сруба	Б–В/7–8	Ель (Picea abies)	113	?	Н. д.
2	Р-2. Постройка 9. Спил 3а – основание сруба	Б–В/7–8	Сосна (Pinus silvestris)	68	+	Н. д.
3	Р-2. Постройка 9. Спил 3а – основание сруба	Б–В/7–8	Сосна (P. s.)	68	+	Н. д.
4	Р-1. Постройка 5. Спил 1 – пол постройки		Сосна (P. s.)	67	?	Н. д.
5	Р-1. Постройка 5. Спил 2 – основание фундамента (восточный участок)	Ж/5–6	Сосна (P. s.)	89	+	1783 г.
6	Р-4. Постройка 7а. Спил 1		Ель (P. a.)	88	+	1767 г.
7	Р-4. Постройка 7а. Спил 2		Ель (P. a.)	92	+	1767 г.
8	Р-4. Постройка 6. Спил 1		Сосна (P. s.)	124	+	1750 г.
9	Р-4. Постройка 8. Спил 1		Сосна (P. s.)	154	?	Не ранее 1778 г.
10	Р-4. Постройка 8. Спил 2		Сосна (P. s.)	137	нет	Не ранее 1778 г.

дерево имеет на четыре годичных кольца больше), а также об образцах 9 и 10 (сосна, у образца 10 часть внешних колец утрачена).

Датированные сооружения относятся к XVIII в., полученные дендродаты позволяют определить последовательность их возведения. Самой ранней, предположительно, является постройка 6 (1750 г.), постройка 7а сооружена около 1767 г., постройка 8 – не ранее 1778 г., постройка 5 – около 1783 г.

Таким образом, постройки нижнего горизонта возведены из бревен, срубленных в 1750–1783 гг. Для сопоставления этих дат с годами чеканки монет из их заполнения отобраны монеты из слоев функционирования комплексов (табл. 2). Сравнение дат показывает, что монеты первой половины – середины XVIII в. находились в обращении длительное время и не могут датировать постройки. Наиболее поздние монеты из построек нижнего горизонта дают дату terminus post quem

Таблица 2. Соотношение дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения

Горизонт каменных построек				
Постройка 2	Постройка 3	Постройка 1		
		Помещение 1		Помещение 3
		Погреб 1	Погреб 2	Погреб 1
1915 – 2			1878 – 1	1911 – 1
1911 – 1			1855 – 1	1895 – 1
1904 – 1			1814 – 1	1888 – 1
1903 – 1			1812 – 1	1886 – 1
1899 – 1			1811 – 4	1885 – 1
1898 – 2			1795 – 1	1882 – 1
1889 – 1				1879 – 1
1863 – 1				1862 – 1
1835 – 1				1857 – 1
1834 – 1				1855 – 3
1820 – 2				1852 – 2
1819 – 2				1822 – 1
1815 – 3				1819 – 1
1814 – 3				1814 – 1
1813 – 5				1813 – 1
1812 – 22	1929 – 1			1812 – 3
1811 – 22	1896 – 1			1811 – 2
1810 – 3	1883 – 1	1813 – 1		1810 – 2
1801 – 1	1856 – 1	1797 – 2		1805 – 1
1799 – 4	1841 – 1	1794 – 1		1799 – 1
terminus post quem	***terminus post quem***	***terminus post quem***	***terminus post quem***	1794 – 1
1798 – 4	1765 – 1	1766 – 1	1761 – 1	***terminus post quem***
1797 – 4			1738 – 1	1788 – 1
1794 – 2			1733 – 1	1771 – 1
1792 – 1			1718 – 1	1757 – 1
1789 – 1				1756 – 1
1788 – 3				1751 – 1
1785 – 1				1746 – 1
1780 – 1				1735 – 1
1770 – 1				1731 – 2
1768 – 1				
1767 – 1				
1766 – 1				
1765 – 1				
1763 – 1				
1761 – 1				
1759 – 1				
1758 – 1				
1749 – 1				
1747 – 1				
1745 – 1				
1738 – 1				
1737 – 2				
1735 – 2				
1731 – 1				
1730 – 1				

Горизонт деревянных построек				
Постройка 6 (1750 г.)	Постройка 7а (1767 г.)	Постройка 8 (после 1778 г.)	Постройка 5 (1783 г.)	Постройка 9(?)
1798 – 1	1770 – 1	***дендродата 1778***	1786 (1789) – 1	1750 – 1
1791 – 1	***дендродата 1767***	1754 – 1	***дендродата 1783***	1749 – 1
1788 – 2	1764 – 1	1727 – 1	1766 (1796?) – 1	1738 – 1
1785 – 1	1735 – 1		1750-1754 – 1	1737 – 3
1777 – 1			1748 – 3	1732 – 1
1772 – 1				
1771 – 1				
1770 – 3				
1765 – 1				
1760 – 1				
1757 – 1				
1753 – 1				
1751 – 1				
дендродата 1750				
1747 – 2				
1744 – 1				
1738 – 1				
1735 – 3				
1734 – 1				
1731 – 2				

для построек верхнего горизонта. Отсюда каменная постройка 2, перекрывающая деревянную постройку 6 (1750 г.), могла быть возведена не ранее 1798 г. По-видимому, к рубежу XVIII–XIX вв. относится и возведение каменных построек 1 и 3, перекрывающих деревянные постройки 5, 7а, 8 и 9. Отметим, что в заполнении всех каменных построек, функционировавших в XIX – начале XX в., также найдены монеты XVIII в., что заставляет с осторожностью относиться к датирующим возможностям монет этого периода.

Источники и литература

Лапшин В. А., Михайлов К. А., Гарбуз И. А., Новоселова Н. Ю., Фурасьев А. Г., 2013. Археологические работы в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 3.

Седых В. Н., 2013. Обзор нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН в Санкт-Петербурге в 2010–2012 гг. // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 3.

Список сокращений

АО – Археологические открытия

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МАР – Материалы по археологии России. СПб.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

СА – Советская археология

Список авторов

С. В. Александров – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Е. К. Блохин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Н. А. Боковенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. Г. Боровиков – Межрегиональная социальная культурно-просветительская общественная организация «Александровское собрание»

Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

В. В. Вахонеев – Черноморский центр подводных исследований Крыма

Л. С. Вершинина – краевед, член приходского совета храма Св. Александра Невского

И. А. Гарбуз – Санкт-Петербургский государственный университет

В. О. Глухов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. Ю. Городилов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

И. И. Еремеев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

В. А. Завьялов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. А. Казарницкий – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук

М. Ю. Каргапольцев – ООО «ТЕХНОСТИЛЬ»

С. Ю. Каргапольцев – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

М. Е. Килуновская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. В. Курбатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Н. С. Курганов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. А. Лазарев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

И. П. Лазаретов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

В. А. Лапшин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

М. А. Медведева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

К. А. Михайлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Е. Р. Михайлова – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета

Д. Н. Мурзенков – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета

Н. В. Новоселов – Государственный Русский музей

Е. Н. Носов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. В. Поляков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

С. Г. Попов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

З. Р. Румянцева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Т. Р. Садыков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. И. Сакса – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

В. Н. Седых – Санкт-Петербургский государственный университет

Вл. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. М. Смирнов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

Н. Ю. Смирнов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

В. Ю. Соболев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета

С. Л. Соловьев – Государственный Эрмитаж

Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

О. А. Тарабардина – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

И. А. Федоров – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета

Р. В. Филиппенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

А. Г. Фурасьев – Государственный Эрмитаж

К. С. Хребтикова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

И. Г. Широбоков – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук

К. В. Шмелев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета

М. А. Юшкова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук